зала III 37.
шкафъ 8,
полка 3.
№ 1 13.

Проверено 1950

37. 8. 3. 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. Подольская 34.
1905.

Гос. Публичная Библиотека

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Пантелѣева. Подольская, 34.
1905.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО

И

ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

Часть первая.

I.

Вступленіе.

Дядя мой, полковникъ Егоръ Ильичъ Ростаневъ, выйдя въ отставку, переселился въ перешедшее къ нему по наслѣдству село Степанчиково и зажилъ въ немъ такъ, какъ будто всю жизнь свою былъ кореннымъ, невыѣзжавшимъ изъ своихъ владѣній помѣщикомъ. Есть натуры рѣшительно всѣмъ довольныя и ко всему привыкающія; такова была именно натура отставнаго полковника. Трудно было себѣ представить человѣка смирнѣе и на все согласнѣе. Если-бъ его вздумали попросить посерьезнѣе довезти кого-нибудь версты двѣ на своихъ плечахъ, то онъ-бы, можетъ быть, и довезъ: онъ былъ такъ добръ, что въ иной разъ готовъ былъ рѣшительно все отдать по первому спросу и подѣлиться чуть не послѣдней рубашкой съ первымъ желающимъ. Наружности онъ былъ богатырской: высокій и стройный, съ румяными щеками, съ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, съ длиннымъ темно-русымъ усомъ, съ голосомъ громкимъ, звонкимъ и съ откровеннымъ, раскатистымъ смѣхомъ; говорилъ отрывисто и скороговоркою. Отъ роду ему было въ то время лѣтъ сорокъ, и всю жизнь свою, чуть не съ шестнадцати лѣтъ, онъ пробылъ въ гусарахъ. Женился въ очень молодыхъ годахъ, любилъ свою жену безъ памяти; но она умерла, оставивъ въ его сердцѣ неизгладимое, благородное воспоминаніе. Наконецъ, получивъ въ наслѣдство село Степанчиково, что̀ увеличило его состояніе до шестисотъ душъ, онъ оставилъ службу и, какъ уже сказано было, поселился въ деревнѣ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми: восьмилѣтнимъ Илюшей (рожденіе котораго стоило жизни его матери) и старшей дочерью, Сашенькой, дѣвочкой лѣтъ пятнадцати,

воспитывавшейся, по смерти матери, въ одномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Но вскорѣ домъ дяди сталъ похожъ на Ноевъ ковчегъ. Вотъ какъ это случилось:

Въ то время когда онъ получилъ свое наслѣдство и вышелъ въ отставку, овдовѣла его маменька, генеральша Крахоткина, вышедшая въ другой разъ замужъ за генерала, назадъ лѣтъ шестнадцать, когда дядя былъ еще корнетомъ, но, впрочемъ, уже самъ задумывалъ жениться. Маменька долго не благословляла его на женитьбу, проливала горькія слезы, укоряла его въ эгоизмѣ, въ неблагодарности, въ непочтительности: доказывала, что имѣнія его, двухсотъ-пятидесяти душъ, и безъ того едва достаточно на содержаніе его семейства (то есть, на содержаніе его маменьки, со всѣмъ ея штабомъ приживалокъ, мосекъ, шпицевъ, китайскихъ кошекъ и проч.), и среди этихъ укоровъ, попрековъ и взвизгиваній, вдругъ, совершенно неожиданно, вышла замужъ сама, прежде женитьбы сына, будучи уже сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, и тутъ она нашла предлогъ обвинить моего бѣднаго дядю, увѣряя, что идетъ замужъ единственно, чтобы имѣть убѣжище на старости лѣтъ, въ чемъ отказывать ей непочтительный эгоистъ, ея сынъ, задумавъ непростительную дерзость: завестись своимъ домомъ.

Я никогда не могъ узнать настоящую причину, побудившую такого, повидимому, разсудительнаго человѣка, какъ покойный генералъ Крахоткинъ, къ этому браку съ сорокадвухлѣтней вдовой. Надо полагать, что онъ подозрѣвалъ у ней деньги. Другіе думали, что ему, просто, нужна была нянька, такъ какъ онъ тогда уже предчувствовалъ весь этотъ рой болѣзней, который осадилъ его потомъ на старости лѣтъ. Извѣстно одно, что генералъ глубоко не уважалъ жену свою во все время своего съ ней сожительства и язвительно смѣялся надъ ней при всякомъ удобномъ случаѣ. Это былъ странный человѣкъ. Полуобразованный, очень неглупый, онъ рѣшительно презиралъ всѣхъ и каждаго, не имѣлъ никакихъ правилъ, смѣялся надъ всѣмъ и на всѣми, и къ старости, отъ болѣзней, бывшихъ слѣдствіемъ несовсѣмъ правильной и праведной жизни, сдѣлался золъ, раздражителенъ и безжалостенъ. Служилъ онъ удачно; однако, принужденъ былъ по какому-то «непріятному случаю», очень неладно выйдти въ отставку, едва избѣгнувъ суда и лишившись своего пенсіона. Это озлобило его окончательно. Почти безъ всякихъ средствъ, владѣя сотней разоренныхъ душъ, онъ сложилъ руки и во всю остальную жизнь, цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, никогда не справлялся чѣмъ онъ живетъ, кто содержитъ его; а между тѣмъ требовалъ жизненныхъ удобствъ, не ограничивалъ расходовъ, держалъ карету. Скоро онъ лишился употребленія ногъ и послѣдніе

десять лѣтъ просидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, подкачиваемыхъ, когда было нужно, двумя саженными лакеями, которые никогда ничего отъ него не слыхали, кромѣ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ. Карету, лакеевъ и кресла содержалъ непочтительный сынъ, посылая матери послѣднее, закладывая и перезакладывая свое имѣніе, отказывая себѣ въ необходимѣйшемъ, войдя въ долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянію, и все-таки названіе эгоиста и неблагодарнаго сына осталось при немъ неотъемлемо. Но дядя былъ такого характера, что, наконецъ, и самъ повѣрилъ, что онъ эгоистъ, а потому, въ наказаніе себѣ и чтобъ не быть эгоистомъ, все болѣе и болѣе присылалъ денегъ. Генеральша благоговѣла передъ своимъ мужемъ. Впрочемъ, ей всего болѣе нравилось то, что онъ генералъ, а она по немъ—генеральша.

Въ домѣ у ней была своя половина, гдѣ все время полусуществованія своего мужа она процвѣтала въ обществѣ прижившлокъ, городскихъ вѣстовщицъ и фиделекъ. Въ своемъ городкѣ она была важнымъ лицомъ. Сплетни, приглашенія въ крестныя и посаженыя матери, конѣчный преферансъ, и вообще уваженіе за ея генеральство вполнѣ вознаграждали ее за домашнее стѣсненіе. Къ ней являлись городскія сороки съ отчетами; ей всегда и вездѣ было первое мѣсто,—словомъ, она извлекла изъ своего генеральства все, что̀ могла извлечь. Генералъ во все это не вмѣшивался; но зато при людяхъ—онъ смѣялся надъ женою безсовѣстно, задавалъ, напримѣръ, себѣ такіе вопросы: зачѣмъ онъ женился на такой просвирнѣ?—и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Мало по малу его оставили всѣ знакомые, а между тѣмъ общество было ему необходимо: онъ любилъ поболтать, поспорить, любилъ, чтобъ передъ нимъ всегда сидѣлъ слушатель. Онъ былъ вольнодумецъ и атеистъ стараго покроя, а потому любилъ потрактовать и о высокихъ матеріяхъ.

Но слушатели городка N* не жаловали высокихъ матерій и становились все рѣже и рѣже. Пробовали было завести домашній вистъ-преферансъ; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ея прижившки, въ ужасѣ, ставили свѣчки, служили молебны, гадали на бобахъ и на картахъ, раздавали калачи въ острогъ и съ трепетомъ ожидали послѣобѣденнаго часа, когда опять приходилось составлять партію для вista-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генералъ, когда что̀ ему не нравилось, ни передъ кѣмъ не стѣснялся: визжалъ, какъ баба, ругался, какъ кучеръ, а иногда, разорвавъ и разбросавъ по полу карты и прогнавъ отъ себя своихъ партнеровъ, даже плакалъ съ

досады и злости, и не болѣе, какъ изъ-за какого нибудь валета, котораго сбросили вмѣсто девятки. Наконецъ, по слабости зрѣнія, ему понадобился чтецъ. Тутъ-то и явился Фома Фомичъ Опискинъ.

Признаюсь, я съ нѣкоторою торжественностью возвѣщаю объ этомъ новомъ лицѣ. Оно, безспорно, одно изъ главнѣйшихъ лицъ моего разсказа. Насколько оно имѣетъ право на вниманіе читателя—объяснять не стану: такой вопросъ приличнѣе и возможнѣе разрѣшить самому читателю.

Явился Фома Фомичъ къ генералу Крахоткину, какъ приживальщикъ изъ хлѣба—ни болѣе, ни менѣе. Откуда онъ взялся—покрыто мракомъ неизвѣстности. Я, впрочемъ, нарочно дѣлалъ справки и кое-что узналъ о прежнихъ обстоятельствахъ этого достопримѣчательнаго человѣка. Говорили, во первыхъ, что онъ когда-то и гдѣ-то служилъ, гдѣ-то пострадалъ и ужъ, разумѣется, —за правду. Говорили еще, что когда-то онъ занимался въ Москвѣ литературою. Мудрено нѣтъ: грязное-же невѣжество Фомы Фомича, конечно, не могло служить помѣхою его литературной карьерѣ. Но достовѣрно извѣстно только то, что ему ничего не удалось и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ поступить къ генералу въ качествѣ чтеца и мученика. Не было униженія, котораго-бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, впослѣдствіи, по смерти генерала, когда самъ Фома совершенно неожиданно сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шутомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ; что генералъ былъ его благодѣтель; что это былъ человѣкъ великій, непонятой, и что одному ему, Фомѣ, довѣрялъ онъ сокровеннѣйшія тайны души своей; что, наконецъ, если онъ, Фома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и иныя живыя картины, то единственно, чтобъ развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Фомы Фомича, въ этомъ случаѣ, подвергаются большому сомнѣнію; а между тѣмъ, тотъ-же Фома Фомичъ, еще будучи шутомъ, розыгрывалъ совершенно другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Какъ онъ это устроилъ — трудно представить неспеціалисту въ подобныхъ дѣлахъ. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе, — за что? Неизвѣстно. Мало по малу онъ достигъ надъ всей женской половиной генеральскаго дома удивительнаго вліянія, отчасти похожаго на вліянія различныхъ Иванъ Яковлевичей и тому подобныхъ мудрецовъ и проницателей, посѣщаемыхъ въ сумасшедшихъ домахъ иными барынями, изъ любительницъ. Онъ читалъ вслухъ душеспасительныя книги, толковалъ съ краснорѣчивыми слезами о разныхъ

христіанскихъ добродѣтеляхъ: разсказывалъ свою жизнь и подвиги: ходилъ къ обѣднѣ и даже къ заутрени, отчасти предсказывалъ будущее; особенно хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Генералъ догадывался о томъ, что происходитъ въ заднихъ комнатахъ и еще безпощаднѣе тиранилъ своего приживальщика. Но мученичество Ѳомы доставляло ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и всѣхъ ея домочадцевъ.

Наконецъ, все перемѣнилось. Генералъ умеръ. Смерть его была довольно оригинальная. Бывшій вольнодумецъ, атеистъ, струсилъ до невѣроятности. Онъ плакалъ, каялся, подымалъ образа, призывалъ священниковъ. Служили молебны, соборовали. Бѣднякъ кричалъ, что не хочетъ умирать и даже со слезами просилъ прощенія у Ѳомы Ѳомича. Послѣднее обстоятельство придало Ѳомѣ Ѳомичу впослѣдствіи необыкновеннаго форсу. Впрочемъ, передъ самой разлукой генеральской души съ генеральскимъ тѣломъ, случилось вотъ какое происшествіе. Дочь генеральши отъ перваго брака, тетушка моя, Прасковья Ильинична, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ и проживавшая постоянно въ генеральскомъ домѣ,—одна изъ любимѣйшихъ жертвъ генерала и необходимая ему во все время его десятилѣтняго безнокія для безпрерывныхъ услугъ, умѣвшая одна угодить ему своею простоватою и безотвѣтною кротостью, — подошла къ его постели, проливая горькія слезы, и хотѣла было поправить подушку подъ головою страдальца; но страдалецъ успѣлъ-таки схватить ее за волосы и три раза дернуть ихъ, чуть не вѣзясь отъ злости. Минутъ черезъ десять онъ умеръ. Дали знать полковницу, хотя генеральша и объявила, что не хочетъ видѣть его, что скорѣе умретъ, чѣмъ пуститъ его къ себѣ на глаза въ такую минуту. Похороны были великолѣпныя — разумѣется, на счетъ непочтительнаго сына, котораго не хотѣли пускать на глаза.

Въ разворенномъ селѣ Князевкѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ помѣщикамъ и въ которомъ у генерала была своя сотня душъ, существуетъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, испещренный хвалебными надписями уму, талантамъ, благородству души, орденамъ и генеральству усопшаго. Ѳома Ѳомичъ сильно участвовалъ въ составленіи этихъ надписей. Долго думалась генеральша, отказывая въ прощеніи непокорному сыну. Она говорила, рыдая и взвизгивая, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, что скорѣе будетъ ѣсть сухой хлѣбъ и, ужь разумѣется, запивать его своими слезами, что скорѣе пойдетъ съ палочкой выпрашивать себѣ подаяніе подъ окнами, чѣмъ склонится на просьбу непокорнаго переѣхать къ нему въ Степанчиково, и что *нога* ея никогда-никогда не будетъ въ домѣ его! Вообще, слово *нога*, употребленное въ этомъ

смыслъ, произносится съ необыкновеннымъ эффектомъ иными барынями. Генеральша мастерски, художественно произносила его... Словомъ, краснорѣчія было истрачено въ невѣроятномъ количествѣ. Надо замѣтить, что во время самыхъ этихъ взвизгиваній, уже по маленьку укладывались для переѣзда въ Степанчиково. Полковникъ заморилъ всѣхъ своихъ лошадей, дѣлая почти каждодневно по сорока верстъ изъ Степанчикова въ городъ, и только черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ генерала получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Ѳома Ѳомичъ былъ употребленъ для переговоровъ. Во всѣ эти двѣ недѣли онъ укорялъ и стыдилъ непокорнаго «безчеловѣчнымъ» его поведеніемъ, довелъ его до искреннихъ слезъ, почти до отчаянія. Съ этого-то времени и начинается все непостижимое и безчеловѣчно-деспотическое вліяніе Ѳомы Ѳомича на моего бѣднаго дядю. Ѳома догадался, какой передъ нимъ человѣкъ, и тотчасъ-же почувствовалъ, что пришла его роль шута, и что на безлюдьи и Ѳома можетъ быть дворяниномъ. Зато и навертѣлъ-же онъ свое.

— Каково-же будетъ вамъ, говорилъ Ѳома:—если собственная ваша мать, такъ сказать, виновница дней вашихъ, возьметъ палочку и, опираясь на нее дрожащими и изсохшими отъ голода руками, начнетъ въ самомъ дѣлѣ испрашивать себѣ подаянія? Не чудовищно-ли это, во первыхъ, при ея генеральскомъ значеніи, а во вторыхъ, при ея добродѣтеляхъ? Каково вамъ будетъ, если она вдругъ придетъ, разумѣется, ошибкой — но вѣдь это можетъ случиться — подъ ваши-же окна и протянетъ руку свою, тогда какъ вы, родной сынъ ея, можетъ быть, въ ту самую минуту утопаете гдѣ нибудь въ пуховой перинѣ и... ну, вообще въ роскоши! Ужасно, ужасно! Но всего ужаснѣе то,— позвольте это вамъ сказать откровенно, полковникъ,— всего ужаснѣе то, что вы стоите теперь передо мною, какъ безчувственный столбъ, разиня ротъ и хлопая глазами, что даже непріятно, тогда какъ при одномъ предположеніи подобнаго случая вы-бы должны были вырвать съ корнемъ волосы изъ головы своей и испустить руки... что я говорю! Рѣки, озера, моря, океаны слезъ...

Словомъ, Ѳома, отъ излишняго жара, зарапортовался. Но таковъ былъ всегдашній исходъ его краснорѣчія. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что генеральша, вмѣстѣ съ своими приживалками, собачонками, съ Ѳомой Ѳомичемъ и съ дѣвицей Перепелицыной, своей главной наперсницей, осчастливила, наконецъ, своимъ прибытіемъ Степанчиково. Она говорила, что только *попробуетъ* жить у сына, покамѣстъ только испытаетъ его почтительность. Можно представить себѣ положеніе полковника, покамѣстъ испытывали его почтитель-

ность! Сначала, въ качествѣ недавней вдовы, генеральша считала своею обязанностью въ недѣлю раза два или три впадать въ отчаяніе при воспоминаніи о своемъ безвозвратномъ генералѣ: при чемъ, неизвѣстно за что, аккуратно каждый разъ доставалось полковнику. Иногда, особенно при чьихъ-нибудь посѣщеніяхъ, подозвавъ къ себѣ своего внука, маленькаго Илюшу и пятнадцати-лѣтнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала ихъ подлѣ себя, долго-долго смотрѣла на нихъ грустнымъ, страдальческимъ взглядомъ, какъ на дѣтей, погибшихъ у *такого отца*, глубоко и тяжело вздыхала и, наконецъ, заливалась безмолвными, таинственными слезами, по крайней мѣрѣ, на цѣлый часъ. Горе полковнику, если онъ не умѣлъ *понять* этихъ слезъ! А онъ, бѣдный, почти никогда не умѣлъ ихъ понять и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, какъ нарочно, въ такія слезливыя минуты и, волей-неволей, попадалъ на экзаменъ. Но почтительность его не уменьшалась и, наконецъ, дошла до послѣднихъ предѣловъ. Словомъ, оба, и генеральша и Ѳома Ѳомичъ, почувствовали вполнѣ, что прошла гроза, гремѣвшая надъ ними столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина,—прошла и никогда не воротится. Бывало, генеральша вдругъ, ни съ того, ни съ сего, покатится на диванъ въ обморокъ. Подымется бѣготня, суетня. Полковникъ уничтожится и дрожитъ, какъ осиновый листъ.

— Жестокій сынъ! кричитъ генеральша, очнувшись:—ты растерзалъ мои внутренности... mes entrailles, mes entrailles!

— Да чѣмъ-же, маменька, я растерзалъ ваши внутренности? робко возражаетъ полковникъ.

— Растерзалъ! Растерзалъ! Онъ еще и оправдывается! Онъ грубитъ. Жестокій сынъ! Умираю!..

Полковникъ, разумѣется, уничтоженъ.

Но какъ-то такъ случалось, что генеральша всегда оживала. Черезъ полчаса полковникъ толкуетъ кому-нибудь, взявъ его за пуговицу.

— Ну, да вѣдь она, братецъ, grande dame, генеральша! Добрѣйшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему этакому утонченному... не чета мнѣ, вахлаку! Теперь на меня сердится. Оно, конечно,—я виноватъ. Я, братецъ, еще не знаю, чѣмъ я именно провинился, но, ужь конечно, я виноватъ...

Случалось, что дѣвица Перепелицына, перезрѣлое и нищее на весь свѣтъ созданіе, безбровая, въ накладкѣ, съ маленькими плотоядными глазками, съ тоненькими, какъ ниточка, губами и съ руками, вымытыми въ огуречномъ разсолѣ, считала своею обязанностью прочесть наставленіе полковнику:

— Это оттого, что вы непочтительны-съ. Это оттого, что вы эгоисты-съ, оттого вы и оскорбляете маменьку-съ; они къ этому не привыкли-съ. Они генеральши-съ, а вы еще только полковники-съ.

— Это, братъ, дѣвица Перепелицына, замѣчаетъ полковникъ своему слушателю: —превосходнѣйшая дѣвица, горой стоитъ за маменьку! Рѣдкая дѣвица! Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь: она, братъ, сама подполковничья дочь. Вотъ оно какъ!

Но, разумѣется, это были еще только цвѣтки. Та-же самая генеральша, которая умѣла выкидывать такіе разнообразные фокусы, въ свою очередь трепетала, какъ мышка, передъ прежнимъ своимъ приживальщикомъ. Фома Фомичъ заворожилъ ее окончательно. Она не надышала на него, слышала его ушами, смотрѣла его глазами. Одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, тоже отставной гусаръ, человѣкъ еще молодой, но замотавшійся до невѣроятной степени и проживавшій одно время у дяди, прямо и просто объявилъ мнѣ, что, по его глубочайшему убѣжденію, генеральша находилась въ неизвѣстной связи съ Фомой Фомичемъ. Разумѣется, я тогда-же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ уже слишкомъ грубое и простодушное. Нѣтъ, тутъ было другое, и это другое я никакъ не могу объяснить иначе, какъ предварительно объяснивъ читателю характеръ Фомы Фомича такъ, какъ я самъ его понялъ впослѣдствіи.

Представьте-же себѣ человѣка, самаго ничтожнаго, самаго малодушнаго, выкидыша изъ общества, никому ненужнаго, совершенно безполезнаго, совершенно гаденькаго, но необъятно самолюбиваго и, въ добавокъ, неодареннаго рѣшительно ни чѣмъ, чѣмъ-бы могъ онъ, хоть сколько нибудь, оправдать свое болѣзненно-раздраженное самолюбіе. Предупреждаю заранѣе: Фома Фомичъ есть олицетвореніе самолюбія самаго безграничнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбія особеннаго, именно: случающагося при самомъ полномъ ничтожествѣ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ, самолюбія оскорбленнаго, подавленнаго тяжкими прежними неудачами, затаившагося давно-давно, и съ тѣхъ поръ выдавливающаго изъ себя завистъ и ядъ при каждой встрѣчѣ, при каждой чужой удачѣ. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою съумасшедшею мнительностью. Можетъ быть, спросятъ: откуда берется такое самолюбіе? Какъ зарождается оно, при такомъ полномъ ничтожествѣ, въ такихъ жалкихъ людяхъ, которые, уже по соціальному положенію своему, обязаны знать свое мѣсто? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Кто знаетъ, можетъ быть, есть и исключенія, къ которымъ и принадлежитъ мой герой. Онъ и

дѣйствительно есть исключеніе изъ правила, что и объяснится впослѣдствіи. Однако-жъ, позвольте спросить: увѣрены-ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себѣ за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями — увѣрены-ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя нашёптыванія въ заднихъ углахъ у васъ-же, гдѣ нибудь подъ бокомъ, за вашимъ-же столомъ? Кто знаетъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе распаляется именно отъ этого-же самаго униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ быть, это безобразно-выростающее самолюбіе есть только ложное, первоначально-извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ, въ дѣтствѣ — гнетомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его-же глазахъ? Но я сказалъ, что Ома Омичъ есть, къ тому-же, и исключеніе изъ общаго правила. Это и правда. Онъ былъ когда-то литераторомъ и былъ огорченъ и непризнанъ, а литература способна загубить и не одного Ому Омича — разумѣется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Омѣ Омичу не удалось еще и прежде литературы: можетъ быть, и на другихъ карьерахъ онъ получалъ одни только щелчки, вмѣсто жалованья, или что нибудь еще того хуже. Это мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно: но я впослѣдствіи справлялся и навѣрно знаю, что Ома дѣйствительно сотворилъ когда-то въ Москвѣ романчикъ, весьма похожій на тѣ, которые стряпались тамъ въ тридцатыхъ годахъ ежегодно десятками, въ родѣ различныхъ «Освобожденій Москвы», «Атамановъ Бурь», «Сыновей любви, или русскихъ въ 1104-мъ году» и проч., и проч., романовъ, доставлявшихъ въ свое время пріятную пищу для остроумія барона Брамбеуса. Это было, конечно, давно: но змѣя литературнаго самолюбія жалитъ иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожныхъ и глуповатыхъ. Ома Омичъ былъ огорченъ съ перваго литературнаго шага и тогда-же окончательно примкнулъ къ тои огромной фалангѣ огорченныхъ, изъ которой выходятъ потомъ всѣ юродивые, всѣ скитальцы и странники. Съ того-же времени, я думаю, и развилась въ немъ эта уродливая хвастливость, эта жажда похвалъ и отличій, поклоненій и удивленій. Онъ и въ шутахъ составилъ себѣ кучку благоговѣвшихъ передъ нимъ идіотовъ. Только чтобъ гдѣ нибудь, какъ нибудь первенствовать, прорицать, поговорить и

похвастаться — вотъ была главная потребность его! Его не хвалили—такъ онъ самъ себя началъ хвалить. Я самъ слышалъ слова Омы въ домѣ дяди, въ Степанчиковѣ, когда уже онъ сталъ тамъ полнымъ владыкою и прорицателемъ: «не жилецъ я между вами», говаривалъ онъ иногда съ какою-то таинственною важностью: «Не жилецъ я здѣсь! Посмотрю, устрою васъ всѣхъ, покажу, научу и тогда прощайте: въ Москву, издавать журналъ! Тридцать тысячъ человѣкъ будутъ собираться на мои лекціи ежемѣсячно. Грянетъ, наконецъ, мое имя, и тогда — горе врагамъ моимъ!» Но геній покамѣстъ еще собирался прославиться, требовалъ награды немедленной. Вообще пріятно получать плату впередъ, а въ этомъ случаѣ особенно. Я знаю, онъ серьезно увѣрилъ дядю, что ему, Омѣ, предстоитъ величайшій подвигъ, подвигъ, для котораго онъ и на свѣтъ призванъ и къ совершенію котораго понуждаетъ его какой-то человѣкъ съ крыльями, являющійся ему по ночамъ, или что-то въ родѣ того. Именно: написать одно глубокомысленнѣйшее сочиненіе въ душеспасительномъ родѣ, отъ котораго произойдетъ всеобщее землетрясеніе и затрещитъ вся Россія. И когда уже затрещитъ вся Россія, то онъ, Ома, пренебрегая славой, пойдетъ въ монастырь и будетъ молиться день и ночь въ кіевскихъ пещерахъ о счастіи отечества. Все это обольстило дядю.

Теперь представьте-же себѣ, что можетъ сдѣлаться изъ Омы, во всю жизнь угнетеннаго и забитаго, и даже, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ битаго, изъ Омы втайнѣ сластолюбиваго и самолюбиваго, изъ Омы — огорченнаго литератора, изъ Омы-шута изъ насущнаго хлѣба, изъ Омы въ душѣ деспота не смотря на все предыдущее ничтожество и безсиліе, изъ Омы-хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого Омы, вдругъ понавшаго въ честь и въ славу, возлелѣяннаго и захваленнаго, благодаря идіотъ-покровительницѣ и обольщенному, на все согласному покровителю, въ домъ котораго онъ попалъ, наконецъ, послѣ долгихъ странствованій? О характерѣ дяди я, конечно, обязанъ объяснить подробнѣе: безъ этого непонятенъ и успѣхъ Омы Фомича. Но покамѣстъ скажу, что съ Омой именно сбылась пословица: посади за столъ, онъ и ноги на столъ. Наверталъ-таки онъ свое прошедшее! Низкая душа, выйдя изъ-подъ гнета, сама гнететъ. Ому угнетали — и онъ тотчасъ-же ощутилъ потребность самъ угнетать: надъ нимъ ломались — и онъ самъ сталъ надъ другими ломаться. Онъ былъ шутомъ и тотчасъ-же ощутилъ потребность завести и своихъ шутовъ. Хвастался онъ до нелѣпости, ломался до невозможности, требовалъ птичьяго молока, тиранствовалъ безъ мѣры, и дошло до того, что добрые люди, еще не бывъ свидѣтелями всѣхъ этихъ продѣлокъ, а

слушая только росказни, считали все это за чудо, за навожденіе, крестились и отплевывались.

Я говорилъ о дядѣ. Безъ объясненія этого замѣчательнаго характера (повторяю это), конечно, непонятно такое наглое воцареніе Ѳомы Ѳомича въ чужомъ домѣ; непонятна эта метаморфоза изъ шута въ великаго человѣка. Мало того, что дядя былъ добръ до крайности—это былъ человѣкъ утонченной деликатности, не смотря на нѣсколько грубую наружность, высочайшаго благородства, мужества испытаннаго. Я смѣло говорю «мужества»: онъ не остановился-бы передъ обязанностью, передъ долгомъ, и въ этомъ случаѣ не побоялся-бы никакихъ преградъ. Душою онъ былъ чистъ, какъ ребенокъ. Это былъ дѣйствительно ребенокъ въ сорокъ лѣтъ, экзальтированный въ высшей степени, всегда веселый, предполагавшій всѣхъ людей ангелами, обвинявшій себя въ чужихъ недостаткахъ и преувеличивавшій добрыя качества другихъ до крайности, даже предполагавшій ихъ тамъ, гдѣ ихъ и быть не могло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ благороднѣйшихъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которые даже стыдятся предположить въ другомъ человѣкѣ дурное, торопливо наряжаютъ своихъ ближнихъ во всѣ добродѣтели, радуются чужому успѣху, живутъ такимъ образомъ постоянно въ идеальномъ мірѣ, а при неудачахъ прежде всѣхъ обвиняютъ самихъ себя. Жертвовать собою интересамъ другихъ—ихъ призваніе. Иной-бы назвалъ его и малодушнымъ, и безхарактернымъ, и слабымъ. Конечно, онъ былъ слабъ и даже ужь слишкомъ мягокъ характеромъ: но не отъ недостатка твердости, а изъ боязни оскорбить, поступить жестоко, изъ излишняго уваженія къ другимъ и къ человѣку вообще. Впрочемъ, безхарактеренъ и малодушенъ онъ былъ единственно, когда дѣло шло о его собственныхъ выгодахъ, которыми онъ пренебрегалъ въ высочайшей степени, за что всю жизнь подвергался насмѣшкамъ, и даже нерѣдко отъ тѣхъ, для которыхъ жертвовалъ этими выгодами. Впрочемъ, онъ никогда не вѣрилъ, чтобъ у него были враги: они, однакожъ, у него бывали, но онъ ихъ какъ-то не замѣчалъ. Шуму и крику въ домѣ онъ боялся, какъ огня, и тотчасъ-же всѣмъ уступалъ и всему подчинялся. Уступалъ онъ изъ какого-то застѣнчиваго добродушія, изъ какой-то застѣнчивой деликатности, «чтобъ ужь такъ», говорилъ онъ, скороговоркою, отдаляя отъ себя всѣ посторонніе упреки въ потворствѣ и слабости—«чтобъ ужь такъ... чтобъ ужь всѣ были довольны и счастливы!» Нечего и говорить, что онъ готовъ былъ подчиниться всякому благородному вліянію. Мало того, ловкій подлецъ могъ совершенно имъ овладѣть и даже сманить на дурное дѣло, разумѣется, замаскировавъ это дурное дѣло въ благородное. Дядя чрезвычайно

легко ввѣрялся другимъ, и въ этомъ случаѣ былъ далеко не безъ ошибокъ. Когда-же, послѣ многихъ страданій, онъ рѣшался, наконецъ, увѣриться, что обманувшій его человѣкъ безчестенъ, то прежде всѣхъ обвинялъ себя, а нерѣдко и одного себя. Представьте-же себѣ теперь вдругъ воцарившуюся въ его тихомъ домѣ капризную, выжившую изъ ума идіотку, неразлучно съ другимъ идіотомъ—ея идоломъ, боявшуюся до сихъ поръ только своего генерала, а теперь уже ничего не боявшуюся и ощутившую даже потребность вознаградить себя за все прошлое — идіотку, передъ которой дядя считалъ своею обязанностью благоговѣть уже потому только, что она была мать его. Начали съ того, что тотчасъ-же доказали дядѣ, что онъ грубъ, нетерпѣливъ, невѣжественъ и, главное, эгоистъ въ высочайшей степени. Замѣчательно то, что идіотка-старуха сама вѣрила тому, что она проповѣдывала. Да, я думаю, и Ѳома Ѳомичъ также, по крайней мѣрѣ, отчасти. Убѣдили дядю и въ томъ, что Ѳома ниспосланъ ему самимъ Богомъ для спасенія души его и для усмиренія его необузданныхъ страстей, что онъ горд, тщеславится своимъ богатствомъ и способенъ попрекнуть Ѳому Ѳомича кускомъ хлѣба. Бѣдный дядя очень скоро увѣровалъ въ глубину своего паденія, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, просить прощенія...

— Я, братецъ, самъ виноватъ,—говоритъ онъ, бывало, кому-нибудь изъ своихъ собесѣдниковъ,—во всемъ виноватъ! Вдвое надо быть деликатнѣе съ человѣкомъ, котораго одолжаешь... То есть... что я! Какое одолженье!.. Опять совралъ! Вовсе не одолженье; онъ меня, напротивъ, одолжаетъ тѣмъ, что живетъ у меня, а не я его! Ну, а я попрекнулъ его кускомъ хлѣба!.. То есть я вовсе не попрекнулъ, но видно такъ, что нибудь съ языка сорвалось,—у меня часто съ языка срывается... Ну, а, наконецъ, человѣкъ страдалъ, дѣлалъ подвиги; десять лѣтъ, не смотря ни на какія оскорбленія, ухаживалъ за больнымъ другомъ: все это требуетъ награды! Ну, наконецъ, и наука... Писатель! Образованнѣйшій человѣкъ. Благороднѣйшее лицо,—словомъ...

Образъ Ѳомы, образованнаго и несчастнаго, въ шутахъ у капризнаго и жестокаго барина, надрывалъ благородное сердце дяди сожалѣніемъ и негодованіемъ. Всѣ странности Ѳомы, всѣ неблагородныя его выходки дядя тотчасъ-же приписывалъ его прежнимъ страданіямъ, его униженію, его озлобленію... Онъ тотчасъ-же рѣшилъ въ нѣжной и благородной душѣ своей, что съ страдальца нельзя и спрашивать, какъ съ обыкновеннаго человѣка: что не только надо прощать ему, но, сверхъ того, надо кротостью уврачевать его раны, возстановить его, примирить его съ человѣчествомъ.

Задавъ себѣ эту цѣль, онъ воспламенился до крайности и уже совсѣмъ потерялъ способность, хоть какую-нибудь, замѣтить, что новый другъ его — сластолюбивая, капризная тварь, эгоистъ, лѣнтяй, лежебокъ — и больше ничего. Въ ученость-же и въ геніальность Омы онъ вѣрилъ беззавѣтно. Я и забылъ сказать, что передъ словомъ «наука», или «литература», дядя благоговѣлъ самымъ наивнымъ и безкорыстнѣйшимъ образомъ, хотя самъ никогда и ничему не учился.

Это была одна изъ его капитальныхъ и невинѣйшихъ странностей.

— Сочиненіе пишетъ!—говоритъ онъ, бывало, ходя на цыпочкахъ еще за двѣ комнаты до кабинета Ѳомы Ѳомича.—Не знаю, что̀ именно, — прибавлялъ онъ съ гордымъ и таинственнымъ видомъ: —но ужъ вѣрно, братъ, такая бурда... То есть въ благородномъ смыслѣ бурда. Для кого ясно, а для насъ, братъ, съ тобой такая кувыркалегія, что... Кажется, о производительныхъ силахъ какихъ-то пишетъ,—самъ говорилъ. Это, вѣрно, что нибудь изъ политики. Да, гряметъ и его имя! Тогда и мы съ тобой черезъ него прославимся. Онъ, братъ, мнѣ это самъ говорилъ...

Мнѣ положительно извѣстно, что дядя, по приказанію Ѳомы, принужденъ былъ сбрить свои прекрасные, темпорусые бакенбарды. Тому показалось, что съ бакенбардами дядя похожъ на француза и что поэтому въ немъ мало любви къ отечеству. Мало по малу Ѳома сталъ вмѣшиваться въ управленіе имѣніемъ и давать мудрые совѣты. Эти мудрые совѣты были ужасны. Крестьяне скоро поняли въ чемъ дѣло и кто настоящій господинъ, и сильно почесывали затылки. Я самъ впослѣдствіи слышалъ одинъ разговоръ Ѳомы Ѳомича съ крестьянами: этотъ разговоръ, признаюсь, я подслушалъ. Ѳома еще прежде объявилъ, что любитъ поговорить съ умнымъ русскимъ мужичкомъ. И вотъ, разъ, онъ зашелъ на гумно; поговоривъ съ мужичками о хозяйствѣ, хотя самъ не умѣлъ отличить овса отъ пшеницы, сладко потолковавъ о священныхъ обязанностяхъ крестьянина къ господину, коснувшись слегка электричества и раздѣленія труда, въ чемъ, разумѣется, не понималъ ни строчки, растолковавъ своимъ слушателямъ, какимъ образомъ земля ходитъ около солнца и, наконецъ, совершенно умилившись душой отъ собственнаго краснорѣчія, онъ заговорилъ о министрахъ. Я это понялъ. Вѣдь разсказывалъ-же Пушкинъ про одного паненьку, который внушалъ своему четырехлѣтнему сынишкѣ, что онъ, его паненька, такой хлюбій, что паненьку любитъ государь ... Вѣдь нуждался-же этотъ паненька въ четырехлѣтнемъ слушателѣ? Крестьяне-же всегда слушали Ѳому Ѳомича съ подобострастіемъ.

— А што, батюшка, много-ль ты царскаго-то жалованья получалъ? спросилъ его вдругъ одинъ сѣденькій старичокъ, Архипъ Короткій, по прозвищу, изъ толпы другихъ мужичковъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подольститься; но Фомѣ Фомичу показался этотъ вопросъ фамильярнымъ, а онъ терпѣть не могъ фамильярности.

— А тебѣ какое дѣло, нехтерь? отвѣчалъ онъ, съ презрѣніемъ поглядѣвъ на бѣднаго мужичонка.—Что ты мнѣ моську-то свою выставилъ: плюнуть мнѣ, что-ли, въ нее?

Фома Фомичъ всегда разговаривалъ въ такомъ тонѣ съ «умнымъ русскимъ мужичкомъ».

— Отецъ ты нашъ... подхватилъ другой мужичокъ: —вѣдь мы люди темные. Можетъ, ты маіоръ, аль полковникъ, аль само ваше сіятельство,—какъ и величать-то тебя не вѣдаемъ.

— Нехтерь! повторилъ Фома Фомичъ, однако-жъ, смягчился.— Жалованье жалованью рознь, посконная ты голова! Другой и въ генеральскомъ чинѣ, да ничего не получаетъ—значитъ, не за что: пользы царю не приноситъ. А я вотъ двадцать тысячъ получалъ, когда у министра служилъ, да и тѣхъ не бралъ, потому, я изъ чести служилъ, свой былъ достатокъ. Я жалованье свое на государственное просвѣщеніе, да на погорѣлыхъ жителей Казани пожертвовалъ.

— Вишь ты! Такъ это ты Казань-то обстроилъ, батюшка? продолжалъ удивленный мужикъ.

Мужики, вообще, дивились на Фому Фомича...

— Ну да, и моя тамъ есть доля, отвѣчалъ Фома, какъ-бы нехотя, какъ будто самъ на себя досадуя, что удостоилъ *такого* человѣка *такимъ* разговоромъ.

Съ дядей разговоры были другаго рода.

— Прежде кто вы были? говоритъ, напримѣръ, Фома, развалясь послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, причемъ слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него свѣжей липовой вѣткой мухъ. — На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небеснаго огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ-ли я въ васъ искру небеснаго огня, или нѣтъ? Отвѣчайте: заронилъ я въ васъ искру или нѣтъ?

Фома Фомичъ, по правдѣ, и самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди тотчасъ-же его раззадорили. Онъ, прежде терпѣливый и забитый, теперь вспыхивалъ, какъ порохъ, при каждомъ малѣйшемъ противорѣчіи. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ, и онъ уже теперь настаивалъ на отвѣтѣ.

— Отвѣчайте-же: горитъ въ васъ искра или нѣтъ?

Дядя мнется, жмется и не знаетъ, что̀ предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, замѣчаетъ Ѳома обиженнымъ голосомъ.

— Mais repondez donc, Егорушка! подхватываетъ генеральша, пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ-ли въ васъ эта искра или нѣтъ? снисходительно повторяетъ Ѳома, взявъ конфетку изъ бонбоньерки, которая всегда ставится передъ нимъ на столъ. Это ужъ распоряженіе генеральши.

— Ей Богу не знаю, Ѳома, отвѣчаетъ, наконецъ, дядя, съ отчаяніемъ во взорахъ: — должно быть, что нибудь въ этомъ родѣ... Право, ты ужъ лучше не спрашивай, а то я совру что нибудь...

— Хорошо! Такъ по вашему я такъ ничтоженъ, что даже не стою отвѣта — вы это хотѣли сказать? Ну, пусть будетъ такъ: пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ-же, Ѳома, Богъ съ тобой! Ну когда я это хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь-же, что нѣтъ!

— Хорошо! Пусть буду я лгунъ! Пусть я, по вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ: пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это—я все перенесу...

— Mais mon fils... вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Ѳома Ѳомичъ! Маменька! восклицаетъ дядя въ отчаяніи: ей Богу-же я не виноватъ! Такъ развѣ, нечаянно, съ языка сорвалось!.. Ты не смотри на меня, Ѳома: я вѣдь лгунъ — самъ чувствую, что лгунъ; самъ слышу въ себѣ, что нескладно... Знаю, Ѳома, все знаю! Ты ужъ и не говори! продолжаетъ онъ, махая рукой.—Сорокъ лѣтъ прожилъ и до сихъ поръ, до самой той поры, какъ тебя узналъ, все думалъ про себя, что человѣкъ... ну и все тамъ, какъ слѣдуетъ. А вѣдь и не замѣчалъ до сихъ поръ, что грѣшенъ, какъ козелъ, эгоистъ первой руки и надѣлалъ зла такую кучу, что диво какъ еще земля держитъ!

— Да, вы таки эгоистъ! замѣчаетъ удостовѣренный Ѳома Ѳомичъ.

— Да ужъ я и самъ понимаю теперь, что эгоистъ! Нѣтъ, шабашъ! Исправлюсь и буду добрѣе!

— Дай-то Богъ! заключаетъ Ѳома Ѳомичъ, благочестиво вздыхая и подымаясь съ кресла, чтобъ отойдти къ послѣобѣденному сну. Ѳома Ѳомичъ всегда почивалъ послѣ обѣда.

Въ заключеніе этой главы, позвольте мнѣ сказать собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и объяснить, какимъ обра-

зомъ я вдругъ поставленъ былъ глазъ на глазъ съ Фомой Фомичемъ и, нежданно-негаданно, внезапно попалъ въ круговоротъ самыхъ важнѣйшихъ происшествій изъ всѣхъ случившихся когда нибудь въ благословенномъ селѣ Степанчиковѣ. Такимъ образомъ, я намѣренъ заключить мое предисловіе и прямо перейти къ разсказу.

Въ дѣтствѣ моемъ, когда я осиротѣлъ и остался одинъ на свѣтѣ, дядя замѣнилъ мнѣ собою отца, воспитывалъ меня на свои счетъ и — словомъ, сдѣлалъ для меня то, что не всегда сдѣлаетъ и родной отецъ. Съ перваго-же дня, какъ онъ взялъ меня къ себѣ, я привязался къ нему всей душой. Мнѣ было тогда лѣтъ десять и помню, что мы очень скоро сошлись и совершенно поняли другъ друга. Мы вмѣстѣ спускали кубарь и украли чернилъ у одной презлой старой барыни, приходившейся намъ обоимъ съ родни. Чернилъ я немедленно привязалъ къ хвосту бумажнаго змѣя и запустилъ подъ облака. Много лѣтъ спустя, я не надолго свидѣлся съ дядей уже въ Петербургѣ, гдѣ я кончалъ тогда курсъ моего ученія на его счетъ. Въ этотъ разъ я привязался къ нему со всѣмъ жаромъ юности: что-то благородное, кроткое, правдивое, веселое и наивное до послѣднихъ предѣловъ поразило меня въ его характерѣ и влекло къ нему всякаго. Выйдя изъ университета, я жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, покамѣстъ ничѣмъ не занятый и, какъ часто бываетъ съ молокососами, убѣжденный, что въ самомъ непродолжительномъ времени надѣлаю чрезвычайно много чего нибудь очень замѣчательнаго и даже великаго. Петербурга мнѣ оставлять не хотѣлось. Съ дядей я переписывался довольно рѣдко, и то только когда нуждался въ деньгахъ, въ которыхъ онъ мнѣ никогда не отказывалъ. Между тѣмъ, я ужь слышалъ отъ одного дальняго человѣка дяди, пріѣзжавшаго, по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, что у нихъ, въ Степанчиковѣ, происходятъ удивительныя вещи. Эти первые слухи меня заинтересовали и удивили. Я сталъ писать къ дядѣ прилежнѣе. Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда какъ-то темно и странно, и въ каждомъ письмѣ старался только заговаривать о наукахъ, ожидая отъ меня чрезвычайно много впереди по ученой части и гордясь моими будущими успѣхами. Вдругъ, послѣ довольно долгаго молчанія, я получилъ отъ него удивительное письмо, совершенно непохожее на всѣ его прежнія письма. Оно было наполнено такими страшными намеками, такимъ сбродомъ противоположностей, что я сначала почти ничего и не понялъ. Видно было только, что писавшій былъ въ необыкновенной тревогѣ. Одно въ этомъ письмѣ было ясно: дядя серьезно, убѣдительно, почти умоляя меня, предлагалъ мнѣ какъ можно скорѣе жениться на прежней его воспитанницѣ,

дочери одного бѣдненькаго провинціальнаго чиновника, по фамиліи Ежевикина, получившей прекрасное образованіе въ одномъ учебномъ заведеніи, въ Москвѣ, на счетъ дяди, и бывшей теперь гувернанткой дѣтей его. Онъ писалъ, что она несчастна, что я могу составить ея счастье, что я даже сдѣлаю великодушный поступокъ, обращался къ благородству моего сердца и обѣщалъ дать за нею приданое. Впрочемъ, о приданомъ онъ говорилъ какъ-то таинственно, боязливо, и заключалъ письмо, умоляя меня сохранить все это въ величайшей тайнѣ. Письмо это такъ поразило меня, что, наконецъ, у меня голова закружилась. Да и на какого молодаго человѣка, который, какъ я, только что соскочилъ со сковороды, не подѣйствовало-бы такое предложеніе, хотя-бы, напримѣръ, романическою своею стороною? Къ тому-же я слышалъ, что эта молоденькая гувернантка—прехорошенькая. Я, однако-жъ, не зналъ, на что рѣшиться, хотя тотчасъ-же написалъ дядѣ, что немедленно отправляюсь въ Степанчиково. Дядя выслалъ мнѣ, при томъ-же письмѣ, и денегъ на дорогу. Не смотря на то, я въ сомнѣніяхъ и даже въ тревогѣ, промедлилъ въ Петербургѣ три недѣли. Вдругъ, случайно встрѣчаю одного прежняго сослуживца дяди, который, возвращаясь съ Кавказа въ Петербургъ, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Степанчиково. Это былъ уже пожилой и разсудительный человѣкъ, закоренѣлый холостякъ. Съ негодованіемъ разсказалъ онъ мнѣ про Фому Фомича и тутъ-же сообщилъ мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я до сихъ поръ еще не имѣлъ никакого понятія, именно, что Фома Фомичъ и генеральша задумали и положили женить дядю на одной престранной дѣвицѣ, перезрѣлой и почти совсѣмъ полоумной, съ какой-то необыкновенной біографіей и чуть-ли не съ полумилліономъ приданаго, что генеральша уже успѣла увѣрить эту дѣвицу, что онъ между собою родня и, вслѣдствіе того, переманить къ себѣ въ домъ; что дядя, конечно, въ отчаяніи, но, кажется, кончится тѣмъ, что непремѣнно женится на полумилліонѣ приданаго; что, наконецъ, объ умныя головы, генеральша и Фома Фомичъ, воздвигли страшное гоненіе на бѣдную, беззащитную гувернантку дѣтей дяди, всѣми силами выживаютъ ее изъ дома, вѣроятно, боясь, чтобъ полковникъ въ нее не влюбился, а, можетъ, и оттого, что онъ уже и успѣлъ въ нее влюбиться. Эти послѣднія слова меня поразили. Впрочемъ, на всѣ мои разспросы: ужь не влюбленъ-ли дядя въ самомъ дѣлѣ, разсказчикъ не могъ, или не хотѣлъ дать мнѣ точнаго отвѣта, да и вообще разсказывалъ скупо, нехотя, и замѣтно уклонялся отъ подробныхъ объясненій. Я задумался: извѣстіе такъ страшно противорѣчило съ письмомъ дяди и съ его предложеніемъ!.. Но медлить было нечего. Я рѣшился ѣхать въ Степанчиково, желая не только

вразумить и утѣшить дядю, но даже спасти его, по возможности, то есть выгнать Ѳому, разстроить ненавистную свадьбу съ перезрѣлой дѣвой, и, наконецъ,—такъ какъ, по моему окончательному рѣшенію, любовь дяди была только придирчивой выдумкой Ѳомы Ѳомича — осчастливить несчастную, но, конечно, интересную дѣвушку, предложеніемъ руки моей, и проч., и проч. Мало по малу, я такъ вдохновилъ и настроилъ себя, что, по молодости лѣтъ и отъ нечего дѣлать, перескочилъ изъ сомнѣній совершенно въ другую крайность: я началъ горѣть желаніемъ какъ можно скорѣе надѣлать разныхъ чудесъ и подвиговъ. Мнѣ казалось даже, что я самъ выказываю необыкновенное великодушіе, благородно жертвуя собою, чтобъ осчастливить невинное и прелестное созданіе, — словомъ, я помню, что во всю дорогу былъ очень доволенъ собой. Былъ іюль: солнце свѣтило ярко; кругомъ меня развертывался необъятный просторъ полей съ дозрѣвавшимъ хлѣбомъ... А я такъ долго сидѣлъ закупоренный въ Петербургѣ, что, казалось мнѣ, только теперь настоящимъ образомъ взглянулъ на свѣтъ Божій!

II.

Господинъ Бахчеевъ.

Я уже приближался къ цѣли моего путешествія. Проѣзжая маленькій городокъ Б.., отъ котораго оставалось только десять верстъ до Степанчикова, я принужденъ былъ остановиться у кузницы близъ самой заставы, по случаю лопнувшей шины на переднемъ колесѣ моего тарантаса. Забѣжить ее кое-какъ, для десяти верстъ, можно было довольно скоро, и потому я рѣшился, никуда не заходя, подождать у кузницы, покамѣстъ кузнецы справятъ дѣло. Выйдя изъ тарантаса, я увидѣлъ одного толстаго господина, который, такъ-же какъ и я, принужденъ былъ остановиться для починки своего экипажа. Онъ стоялъ уже цѣлый часъ на нестерпимомъ зноѣ, кричалъ, бранился и съ брюзгливымъ нетерпѣніемъ погонялъ мастеровыхъ, суетившихся около его прекрасной коляски. Съ перваго-же взгляда этотъ сердитый баринъ показался мнѣ чрезвычайной брюзгой. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, очень толстъ и рябъ. Толстота, кадыкъ и пухлыя, отвислыя его щеки свидѣтельствовали о блаженной помѣщичьей жизни. Что-то бабье было во всей его фигурѣ и тотчасъ-же бросалось въ глаза. Одѣтъ онъ былъ широко, удобно, опрятно, но отнюдь не по модѣ.

Не понимаю, почему онъ на меня разсердился, тѣмъ болѣе, что видѣлъ меня первый разъ въ жизни и еще не сказалъ со мною ни слова. Я замѣтилъ это, какъ только выглянъ изъ тарантаса, по необыкновенно сердитымъ его взглядамъ. Мнѣ, однако-жъ, очень хотѣлось съ нимъ познакомиться. По болтовнѣ его слугъ, я догадался, что онъ ѣдетъ теперь изъ Степанчикова, отъ моего дяди, и потому былъ случай о многомъ поразспросить. Я было приподнялъ фуражку и попробовалъ со всевозможною пріятностью замѣтить, какъ непріятны иногда бываютъ задержки въ дорогѣ; но толстякъ окинулъ меня какъ-то нехотя недовольнымъ и брюзгливымъ взглядомъ съ головы до сапогъ, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и тяжело повернулся ко мнѣ всей поясницей. Эта сторона его особы, хотя и была предметомъ весьма любопытнымъ для наблюденій, но, ужь конечно, отъ нея нельзя было ожидать разговора пріятнаго.

— Гришка! Не ворчать подъ носъ! Вынорю!.. закричалъ онъ вдругъ на своего камердинера, какъ будто совершенно не слыхавъ того, что я сказалъ о задержкахъ въ дорогѣ.

Этотъ Гришка былъ сѣдой, старинный слуга, одѣтый въ длиннополый сюртукъ и носившій пребольшіе сѣдые бакенбарды. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ тоже былъ очень сердитъ и угрюмо ворчалъ себѣ подъ носъ. Между барином и слугой немедленно произошло объясненіе.

— Вынорень! Ори еще больше! проворчалъ Гришка будто про себя, но такъ громко, что всѣ это слышали, и съ негодованіемъ отвернулся что-то приладить въ коляскѣ.

— Что? Что ты сказалъ? Ори еще больше? ... Грубіянить вздумалъ! закричалъ толстякъ весь побагровѣвъ.

— Да чего вы взъѣдаться, въ самомъ дѣлѣ, извольте? Слова сказать нельзя!

— Чего взъѣдаться? Слышите? На меня-же ворчитъ, а мнѣ и не взъѣдаться!

— Да за что я буду ворчать?

— За что ворчать... А то, небось, нѣтъ? Я знаю, за что ты будешь ворчать: за то, что я отъ обѣда уѣхалъ. — вотъ что.

— А мнѣ что! Но мнѣ хошь совсѣмъ не обѣдайте. Я не на васъ ворчу; кузнецамъ только слово сказалъ.

— Кузнецамъ... А на кузнецовъ чего ворчать?

— А не на нихъ, такъ на экипажъ ворчу.

— А на экипажъ чего ворчать?

— А зачѣмъ изломался! Впередь не ломайся, а въ цѣлости будь.

— На экипажъ... Нѣтъ, ты на меня ворчишь, а не на экипажъ. Самъ виноватъ, да онъ-же и ругается!

— Да что вы, сударь, въ самомъ дѣлѣ, пристали? Отстаньте, пожалуйста.

— А чего ты всю дорогу сычемъ сидѣлъ, слова со мной не сказалъ, — а? Говоришь-же въ другіе разы!

— Муха въ ротъ лѣзла — оттого и молчалъ и сидѣлъ сычемъ. Что я вамъ сказки, что-ли, буду разсказывать? Сказочницу Маланью берите съ собой, коли сказки любите.

Толстякъ раскрылъ-было ротъ, чтобъ возразить, но, очевидно, не нашелся и замолчалъ. Слуга-же, довольный своей діалектикой и вліяніемъ на барина, выказаннымъ при свидѣтеляхъ, съ удвоенной важностію обратился къ рабочимъ и началъ имъ что-то показывать.

Попытки мои познакомиться оставались тщетными, особенно при моей неловкости: но мнѣ помогло непредвидѣнное обстоятельство. Одна заспанная, неумытая и непричесанная физіономія внезапно выглянула изъ окна закрытаго каретнаго кузова, съ незапамятныхъ временъ стоявшаго безъ колесъ у кузницы и ежедневно, но тщетно ожидавшаго починки. Съ появленіемъ этой физіономіи раздался между мастеровыми всеобщій смѣхъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, выглянувшій изъ кузова, былъ въ немъ на-крѣпко заперъ и теперь не могъ выйдти. Проспавшись въ немъ хмѣльной, онъ тщетно просился теперь на свободу; наконецъ, сталъ просить кого-то сбѣгать за его инструментомъ. Все это чрезвычайно веселило присутствовавшихъ.

Есть такія натуры, которымъ въ особенную радость и веселье бываютъ довольно странныя вещи. Гримасы пьянаго мужика, человѣкъ, сшибкувшійся и упавшій на улицѣ, перебранка двухъ бабъ, и проч., и проч. на эту тему, производятъ иногда въ иныхъ людяхъ самый добродушный восторгъ, неизвѣстно почему. Толстякъ-помѣщикъ принадлежалъ именно къ такого рода натурамъ. Мало по малу, его физіономія изъ грозной и угрюмой стала дѣлаться довольной и ласковой и, наконецъ, совсѣмъ прояснилась.

— Да это Васильевъ? спросилъ онъ съ участіемъ. — Да какъ онъ туда попалъ?

— Васильевъ, сударь, Степанъ Алексѣичъ, Васильевъ! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Загулялъ, сударь, прибавилъ одинъ изъ работниковъ, человѣкъ пожилой, высокій и худощавый, съ педантски-строгимъ выраженіемъ лица и съ поползновеніемъ на старшинство между своими:—загулялъ, сударь, отъ хозяина третій день какъ ушелъ, да у насъ и хоронится, навязался къ намъ! Вотъ стамеску проситъ. Ну, на что тебѣ теперь стамеска, пустая ты голова? Послѣдній струментъ закладывать хочетъ!

— Эхъ, Архипушка! Деньги—голубки: прилетятъ и опять улетятъ! Пусти, ради небеснаго Создателя, молить Васильевъ тонкимъ, дребезжащимъ голосомъ, высунувъ изъ кузова голову.

— Да сиди ты, идолъ, благо понялъ! сурово отвѣчалъ Архипъ. — Глаза-то еще съ третьяго дня успѣлъ перемѣнить: съ улицы сегодня на зарѣ притащили; моли Бога—спрятали. Матвѣю Ильичу сказали: заболѣлъ, запасныя, дескать, колотья у насъ проявились.»

Смѣхъ раздался вторично.

— Да стамеска-то гдѣ?

— Да у нашего Зуя! Наладилъ одно! Пьющій человѣкъ, какъ есть, сударь, Степанъ Алексѣичъ.

— Хе-хе-хе! Ахъ, мошенникъ! Такъ ты вотъ какъ въ городѣ работаешь: инструментъ закладываешь! прохрипѣлъ толстякъ, захлебываясь отъ смѣха, совершенно довольный и пришедшій вдругъ въ напріятнѣйшее расположеніе духа.

— А вѣдь столяръ такой, что и въ Москвѣ поискать! Да вотъ такъ-то онъ всегда себя аттестуетъ, мерзавецъ, прибавилъ онъ, совершенно неожиданно обратившись ко мнѣ. — Выпусти его, Архипъ: можетъ, ему что̀ и нужно.

Барина послушались. Гвоздь, которымъ забили каретную дверцу болѣе для того, чтобы позабавиться надъ Васильевымъ, когда тотъ проснится, былъ вынутъ, и Васильевъ показался на свѣтъ Божій испачканный, неряшливый и оборванный. Онъ замигалъ отъ солнца, чихнулъ и покачнулся; потомъ, сдѣлавъ рукой надъ глазами щитокъ, осмотрѣлся кругомъ.

— Народу-то, народу-то! проговорилъ онъ, качая головой:—и все, чай тре...звые, протянулъ онъ въ какомъ-то грустномъ раздумьи, какъ-бы въ упрекъ самому себѣ.—Ну, съ добрымъ утромъ, братцы, съ наступающимъ днемъ.

Снова всеобщій хохотъ.

— Съ наступающимъ днемъ! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человѣкъ несообразный!

— Ври, Емеля—твоя недѣля!

— По нашему, хоть на часъ, да вскачь!

— Хе-хе-хе! Ишь краснобай! вскричалъ толстякъ, еще разъ закачавшись отъ смѣха и снова взглянувъ на меня привѣтливо.— И не стыдно тебѣ, Васильевъ?

— Съ горя, сударь, Степанъ Алексѣичъ, съ горя, отвѣчалъ серьезно Васильевъ, махнувъ рукой и, очевидно, довольный, что представился случай еще разъ помянуть про свое горе.

— Съ какого горя, дуракъ?

— А съ такого, что досель и не видывали: Оомъ Оомичу насъ записываютъ.

— Кого? Когда? закричалъ толстякъ, весь встрепенувшись.

Я тоже ступилъ шагъ впередъ: дѣло совершенно неожиданно коснулось и до меня.

— Да всѣхъ капитоновскихъ. Нашъ баринъ, полковникъ — дай Богъ ему здравія — всю нашу Капитоновку, свою вотчину, Оомъ Оомичу пожертвовать хочетъ: цѣлыя семьдесятъ душъ ему выдѣляетъ. «На тебѣ, говоритъ, Ома! Вотъ теперь у тебя, примѣрно, нѣтъ ничего: помѣщикъ ты не большой: всего-то у тебя, два сиѣтка по оброку въ Ладожскомъ озерѣ ходятъ — только и душъ ревизскихъ тебѣ отъ покойнаго родителя твоего осталось. Потому, родитель твой», продолжалъ Васильевъ съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ, посыпая перцемъ свой разсказъ во всемъ, что касалось Омы Омича: — «потому что родитель твой былъ столбовой дворянинъ, невѣдомо откуда невѣдомо кто; тоже, какъ и ты, по господамъ проживалъ, при милости на кухнѣ пробавлялся. А вотъ теперь, какъ жалую тебѣ Капитоновку, будешь и ты помѣщикъ, столбовой дворянинъ, и людей своихъ собственныхъ имѣть будешь, лежи себѣ на печи, на дворянской вакансіи»...

Но Степанъ Алексѣевичъ ужъ не слушалъ. Эффектъ, произведенный на него полуправдивымъ разсказомъ Васильева, былъ необыкновенный. Толстякъ былъ такъ раздраженъ, что даже побагровѣлъ: кадыкъ его затрясся, маленькіе глазки налились кровью. Я думалъ, что съ нимъ тотчасъ-же будетъ ударъ.

— Этого не доставало! проговорилъ онъ, задыхаясь: ракалья, Ома, приживальщикъ, въ помѣщики! Тьфу! Пропадите вы совсѣмъ! Эй вы, кончай скорѣе! Домой!

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, нерѣшительно выступая впередъ: — сейчасъ вы изволили упомянуть о Оомѣ Оомичѣ: кажется, его фамилія, если только не ошибаюсь, Опискинъ. Вотъ, видите-ли, я желалъ-бы... словомъ, я имѣю особенныя причины интересоваться этимъ лицомъ и, съ своей стороны, очень-бы желалъ узнать, въ какой степени можно вѣрить словамъ этого добраго человѣка, что баринъ его, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, хочетъ подарить одну изъ своихъ деревень Оомѣ Оомичу. Меня это чрезвычайно интересуетъ, и я...

— А позвольте и васъ спросить, прервалъ толстый господинъ: — съ какой стороны изволите интересоваться этимъ лицомъ, какъ вы изъясняетесь: а по моему, такъ этой ракальей анаѳемской — вотъ какъ называть его надо, а не лицомъ! Какое у него лицо, у парнишки! Одинъ только срамъ, а не лицо!

Я объяснилъ, что, на счетъ лица я, пожалуй, нахожусь въ неизвѣстности, но что Егоръ Ильичъ Ростаневъ мнѣ приходится дядей, а самъ я — Сергѣй Александровичъ такой-то.

— Это что, ученый-то человѣкъ? Батюшка мой, да тамъ васъ ждутъ не дождутся! вскричалъ толстякъ, нелицемѣрно обрадовавшись: — вѣдь я теперь самъ отъ нихъ, изъ Степанчикова; отъ обѣда уѣхалъ, изъ-за пудинга всталъ: съ Фомой усидѣть не могъ! Со всѣми тамъ переругался изъ-за Фомки проклятаго... Вотъ встрѣча! Вы, батюшка, меня извините. Я Степанъ Алексѣичъ Бахчеевъ и васъ вотъ этакимъ отъ полу помню... Ну, кто-бы сказалъ?... А позвольте васъ...

И толстякъ полѣзъ лобызать меня.

Послѣ первыхъ минутъ нѣкотораго волненія, я немедленно приступилъ къ разспросамъ: случай былъ превосходный.

— Но кто-жъ этотъ Фома? спросилъ я: — какъ это онъ завоевалъ тамъ весь домъ? Какъ не выгонятъ его со двора поленами? Признаюсь...

— Его-то выгонятъ? Да вы сдурѣли, аль нѣтъ? Да вѣдь Егоръ-то Ильичъ передъ нимъ на цыпочкахъ ходитъ! Да Фома велѣлъ разъ быть вмѣсто четверга середѣ, такъ они тамъ, всѣ до единаго, четвергъ середой почитали. «Не хочу, чтобъ былъ четвергъ, а будь середа!» Такъ двѣ середы на одной недѣлѣ и было. Вы думаете, я привралъ что нибудь? Вотъ на столечко не привралъ! Просто, батюшка, штука капитана Кука выходитъ!

— Я слышалъ это, но, признаюсь...

— Признаюсь, да признаюсь! Вѣдь наладитъ-же одно человѣкъ! Да чего признаваться-то? Нѣтъ, вы лучше меня разспросите: изъ какихъ я лѣсовъ къ вамъ явился? Матушка Егора-то Ильича, полковника-то, хоть и очень достойная дама и, къ тому-же, генеральша, да, по моему, изъ ума совсѣмъ выжила: не надышитъ на Фомку треклятаго. Всему она и причиной: она-то и завела его въ домъ. Зачиталъ онъ ее, то есть, какъ есть безсловесная женщина сдѣлалась, хоть и превосходительствомъ называется — за генерала Крахоткина пятидесяти лѣтъ замужъ выпрыгнула! — Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильиничну, что въ дѣвкахъ сорокъ лѣтъ сидитъ, и говорить не желаю. Ахи да охи, да клокчетъ какъ курица — надоѣла мнѣ совсѣмъ — ну ее! Только развѣ и есть въ ней, что дамскій полъ: такъ вотъ и уважай ее ни за что, ни про что, за то только, что она дамскій полъ! Тьфу! Говорить неприлично: тетушкой она вамъ приходится. Одна только Александра Егоровна, дочка полковничья, хоть и малой ребенокъ — всего-то шестнадцатый годъ, да умнѣй ихъ всѣхъ, по моему: не

уважаетъ Ѳому: даже смотрѣть было весело. Милая барышня, больше ничего! Да и кому уважать-то? Вѣдь онъ, Ѳомка-то, у покойнаго генерала Крахоткина въ шутахъ проживалъ! Вѣдь онъ ему, для его генеральской потѣхи, различныхъ звѣрей изъ себя представлялъ! И выходитъ, что прежде Ваня огороды копалъ, а нынче Ваня въ воеводы попалъ. А теперь полковникъ-то, дядюшка-то, отставнаго шута за мѣсто отца роднаго почитаетъ, въ рамку вставить его, подлеца, въ ножки ему кланяется, своему-то приживальщику,—тьфу!

— Впрочемъ, бѣдность еще не порокъ... и... признаюсь вамъ... позвольте васъ спросить, что онъ красивъ, уменъ?

— Ѳома-то? Писаный красавецъ! отвѣчалъ Бахчеевъ съ какимъ-то необыкновеннымъ дрожаніемъ злости въ голосѣ. (Вопросы мои какъ-то раздражали его, и онъ уже началъ и на меня смотрѣть подозрительно). —Писаный красавецъ! Слышите, добрые люди: красавца нашелъ! Да онъ на всѣхъ звѣрей похожъ, батюшка, если ужъ все хотите доподлинно знать. И вѣдь добро-бы остроуміе было, хоть-бы остроумiемъ, шельмецъ, обладалъ,—ну, я-бы тогда согласился, пожалуй, скрѣпя сердце, для остроумія-то, а то вѣдь и остроумія нѣтъ никакого! Просто выпить имъ дать чего-нибудь всѣмъ, физикъ какой-то! Тьфу! Языкъ усталъ. Только плюнуть надо, да замолчать. Разстроили вы меня, батюшка, своимъ разговоромъ! Эй, вы! Готова или нѣтъ?

— Воронка́ еще перековать надо, промолвилъ мрачно Григорій.

— Воронка́. Я тебѣ такого задамъ воронка́!.. Да, сударь, я вамъ такое могу разсказать, что вы только ротъ разинете, да такъ и останетесь до втораго пришествія съ разинутымъ ртомъ. Вѣдь я прежде и самъ его уважалъ. Вы что думаете? Каюсь, открыто каюсь: былъ дуракомъ! Вѣдь онъ и меня обморочилъ. Всезнай! Всю подноготную знаетъ, всѣ науки произошелъ! Капель онъ мнѣ далъ: вѣдь я, батюшка, человѣкъ больной: сырой человѣкъ. Вы, можетъ, не вѣрите, а я больной. Ну, такъ я съ его капель-то чуть вверхъ тормашки не полетѣлъ. Вы только молчите, да слушайте: сами побѣдете, всѣмъ полюбуетесь. Вѣдь онъ тамъ полковника-то до кровавыхъ слезъ доведетъ: вѣдь кровавую слезу прольетъ отъ него полковникъ-то, да ужъ поздно будетъ. Вѣдь ужъ кругомъ весь околотокъ раззнакомился съ ними изъ-за Ѳомки треклятаго. Вѣдь всякому, кто ни придетъ, оскорбленія чинитъ. Чего ужъ мнѣ: значительнаго чина не пощадитъ! Всякому наставленія читаетъ: въ моралъ какую-то бросило его, шельмеца. Мудрецъ, дескать, я, всѣхъ умнѣе, одного меня и слушай. Я, дескать, ученый. Да что-жъ, что ученый! Такъ изъ-за того, что ученый, ужъ такъ непремѣнно и надо забѣть неученаго?.. И ужъ какъ начнетъ ученымъ своимъ

языкомъ, колотитъ, такъ ужъ та-та-та! Та-та-та! То есть такой, я вамъ скажу, болтливый языкъ, что отрѣзать его, да выбросить на навозную кучу, такъ онъ и тамъ будетъ болтать, все будетъ болтать, пока ворона не склюетъ. Зазнался, надулся, какъ мышь на крупу! Вѣдь ужъ туда теперь лѣзетъ, куда и голова его не пролѣзетъ. Да чего! Вѣдь онъ тамъ дворовыхъ людей по французски учить выдумалъ! Хотите, не вѣрьте! Это, дескать, ему полезно! Хаму-то, слуге-то! Тьфу! Сгинетъ треклятый—больше ничего! А на что холопу знать по французски, спрошу я васъ? Да на что и нашему-то брату знать по французски, на что? Съ барышнями въ мазурку лимонничать, съ чужими женами апельсинничать? Развратъ—больше ничего! А по моему, графинъ водки выпилъ,—вотъ и заговорилъ на всѣхъ языкахъ. Вотъ какъ я его уважаю, французскій-то вашъ языкъ! Небось и вы по французски: «та-та-та! Та-та-та, выпила кошка за кота!» прибавилъ Бахчеевъ, смотря на меня съ презрительнымъ негодованіемъ. — Вы, батюшка, человѣкъ ученый—а? По ученой части пошли?

— Да... я, отчасти, интересуюсь...

— Чай тоже всѣ науки произошли?

— Такъ-съ, то есть нѣтъ... Признаюсь вамъ, я болѣе интересуюсь теперь наблюденіемъ. Я все сидѣлъ въ Петербургѣ и теперь сиѣшу къ дядюшкѣ...

— А кто васъ тянулъ къ дядюшкѣ? Сидѣли-бы тамъ, гдѣ-нибудь у себя, коли было гдѣ сѣсть. Нѣтъ, батюшка, тутъ я вамъ скажу, ученостью мало возьмете. да и никакой дядюшка вамъ не поможетъ; попадете въ аркань! Да я у нихъ похудѣлъ въ одни сутки. Ну. вѣрите-ли, что я у нихъ похудѣлъ? Нѣтъ, вы, я вижу, не вѣрите. Что-жъ, пожалуй, Богъ съ вами, не вѣрьте.

— Нѣтъ-съ, помилуйте, я очень вѣрю; только я все еще не понимаю, отвѣчалъ я, теряясь все болѣе и болѣе.

— То-то вѣрю, да я-то тебѣ не вѣрю! Всѣ вы прыгуны, съ вашей ученой-то частью. Вамъ только-бы на одной ножкѣ попрыгать, да себя показать! Не люблю я, батюшка, ученую часть: вотъ она у меня гдѣ сидитъ! Приходилось съ вашими петербургскими сталкиваться—непотребный народъ! Все фармазоны: невѣріе распространяютъ; рюмку водки выпить боится, точно она укуситъ его—тьфу! Разсердили вы меня, батюшка, и разсказывать тебѣ ничего не хочу! Вѣдь не подрядился-же я, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ сказки разсказывать, да и языкъ усталъ. Всѣхъ, батюшка, не переругаешь, да и грѣшно... А только онъ у дядюшки вашего лакея Видоплясова чуть не въ безуміе ввелъ, ученый-то твой! Ума рѣшился Видоплясовъ-то изъ-за Ѳомы Ѳомича...

— Да я-бъ его, Видоплясова,—ввязался Григорій, который, до сихъ поръ, чинно и строго наблюдалъ разговоръ:—да я-бъ его, Видоплясова, изъ-подъ розогъ не выпустилъ. Нарвись-ка онъ на меня, я-бы дурь-то нѣмецкую вышибъ! Задалъ-бы столько, что въ два-ста не складешь.

— Молчать! крикнулъ баринъ:—держи языкъ за зубами: не съ тобой говорятъ!

— Видоплясовъ, сказалъ я, совершенно сбившись и уже не зная, что говорить:—Видоплясовъ... скажите, какая странная фамилія?

— А чѣмъ она странная? И вы туда-же! Эхъ вы ученый, ученый!

Я потерялъ терпѣніе.

— Извините, сказалъ я:—но за что-жъ вы на меня-то сердитесь? Чѣмъ-же я виноватъ? Признаюсь вамъ, я вотъ уже полчаса васъ слушаю и даже не понимаю, о чемъ идетъ дѣло...

— Да вы, батюшка, чего обижаетесь? отвѣчалъ толстякъ:— нечего вамъ обижаться! Я вѣдь тебѣ любя говорю. Вы не глядите на меня, что я такой крикса и вотъ сейчасъ на человѣка моего закричалъ. Онъ, хоть каналья естественнѣйшая, Гришка-то мой, да за это-то я его и люблю, подлеца. Чувствительность сердечная погубила меня — откровенно скажу: а во всемъ этомъ Фомка одинъ виноватъ! Погубитъ онъ меня, присягну, что погубитъ! Вотъ теперь два часа на солнцѣ по его-же милости жарюсь. Хотѣлъ было къ протопопу зайдти, покамѣстъ эти дураки съ почтой копаются. Хорошій человѣкъ здѣшній протопопъ. Да ужъ такъ онъ разстроилъ меня, Фомка-то, что ужъ и на протопопа смотрѣть не хочется! Ну ихъ всѣхъ! Здѣсь вѣдь и трактирщика порядочнаго нѣтъ. Всѣ, я вамъ скажу, подлецы, всѣ до единаго! И вѣдь добро-бы чинъ на немъ былъ необыкновенный какой-нибудь, продолжалъ Бахчеевъ, снова обращаясь къ Фомѣ Фомичу, отъ котораго онъ, видимо, не могъ отвязаться:—ну тогда хоть по чину простительно: а то, вѣдь, и чинишка-то нѣтъ: это я достоинно знаю, что нѣтъ. За правду, говоритъ, гдѣ-то тамъ пострадалъ, въ сорокъ не въ нашемъ году, такъ вотъ и кланяйся ему за то въ ножки! Чортъ не братъ! Чуть что не по немъ—вскочитъ, завизжитъ: «обижаютъ, дескать, меня, бѣдность мою обижаютъ, уваженіе не питаютъ ко мнѣ!» Безъ Фомы къ столу не смѣй сѣсть, а самъ не выходитъ: «меня, дескать, обидѣли: я убогій странникъ, я и чернаго хлѣбца поѣмъ». Чуть сядутъ, онъ тутъ и явился, опять пошла пана скрипка пилить: «зачѣмъ безъ меня сѣли за столъ? Значитъ, ни во что меня почитаютъ». Словомъ, гуляй душа! Я, батюшка, долго молчалъ. Онъ

думалъ, что и я передъ нимъ собачонкой на заднихъ лапкахъ буду выплясывать; нат-ка, братъ, возьми, закуси! Нѣтъ, братъ, ты только за дугу, а я ужь въ телѣгѣ сижу! Съ Егоръ-то Ильичемъ я вѣдь въ одномъ полку служилъ. Я-то въ отставку юнкеромъ вышелъ, а онъ въ прошломъ году въ вотчину пріѣхалъ въ отставкѣ полковникомъ. Говорю ему: «эй, себя сгубите, не потакайте Ѳомѣ! Прольете слезу!» Нѣтъ, говоритъ, превосходнѣйшій онъ человѣкъ (это про Ѳомку-то), онъ мнѣ другъ; онъ меня благонравію учитъ. Ну, думаю, противъ благонравія не пойдешь! Ужь коли благонравію зачалъ учить—значитъ, послѣднее дѣло пришло. Что-жь-бы вы думали, сегодня изъ-за чего опять поднялъ исторію? Завтра Ильи-пророка (господинъ Бахчеевъ перекрестился): Илюша, сынокъ-то дядюшкинъ, имянинникъ. Я было думалъ и день у нихъ провести, и пообѣдать тамъ, и игрушку столичную выписалъ: нѣмецъ на пружинахъ у своей невѣсты ручку цѣлуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ—превосходная вещь! (Теперь ужь не подарю, моргенъ-фри! Вонъ у меня въ коляскѣ лежитъ и носъ у нѣмца отбитъ; назадъ везу). Егоръ-то Ильичъ и самъ-бы не прочь въ такой день погулять и попраздновать, да Ѳомка претитъ: «зачѣмъ, дескать, начали заниматься Илюшей? На меня, стало быть, вниманія не обращаютъ теперь!» А? Каковъ гусь? Восьмилѣтнему мальчику въ тезоименитствѣ позавидовалъ! «Такъ вотъ нѣтъ-же, говоритъ, и я имянинникъ!» Да вѣдь будетъ Ильинъ день, а не Ѳоминъ! «Нѣтъ, говоритъ, я тоже въ этотъ день имянинникъ!» Смотрю я, терплю. Что-жь-бы вы думали? Вѣдь они теперь на цыпочкахъ ходятъ, да шепчутся, какъ быть? За имянинника его въ Ильинъ день почитать, или нѣтъ, поздравлять или нѣтъ? Не поздравь—обидѣться можетъ, а поздравь—пожалуй, и въ насмѣшку приметъ. Тьфу ты пропасть! Сѣли мы обѣдать... Да ты, батюшка, слушаешь, иль нѣтъ?

— Помилуйте, слушаю; съ особеннымъ даже удовольствіемъ слушаю; потому что черезъ васъ я теперь узналъ... и... признаюсь...

— То-то, съ особеннымъ удовольствіемъ! Знаю я твое удовольствіе... Да ужь ты не въ пику-ли мнѣ про удовольствіе-то свое говоришь?

— Помилуйте, въ какую-же пику? Напротивъ. Притомъ-же вы такъ... оригинально выражаетесь, что я даже готовъ записать ваши слова.

— То есть какъ это, батюшка, записать? спросилъ господинъ Бахчеевъ съ нѣкоторымъ испугомъ и смотря на меня подозрительно.

— Впрочемъ, я, можетъ быть, и не запишу... это я такъ.

— Да ты вѣрно какъ нибудь обольстить меня хочешь?

— То есть какъ это обольстить? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ. Вотъ ты теперь меня обольстишь; я тебѣ все разскажу, какъ дуракъ, а ты возьмешь послѣ, да и опишешь меня гдѣ нибудь въ сочиненіи.

Я тотчасъ-же поспѣшилъ увѣрить господина Бахчеева, что я не изъ такихъ, но онъ все еще подозрительно смотрѣлъ на меня.

— То-то, не изъ такихъ! Кто тебя знаетъ! Можетъ, и лучше еще. Вонъ и Фома грозился меня описать, да въ печать послать.

— Позвольте спросить, прервалъ я, отчасти желая перемѣнить разговоръ: — скажите, правда-ли, что дядюшка хочетъ жениться?

— Такъ что-же, что хочетъ? Это-бы еще ничего. Женись, коли ужь такъ тебя покачнуло, не это скверно, а другое скверно... призадумался господинъ Бахчеевъ въ задумчивости.—Гм! Про это, батюшка, я вамъ доподлинно не могу дать отвѣта. Много теперь туда всякаго бабья напихалось, какъ мухъ у варенья: да вѣдь не разберешь, которая замужъ хочетъ. А я вамъ, батюшка, по дружбѣ скажу: не люблю бабья! Только слава, что человѣкъ, а по правдѣ, такъ одинъ только срамъ, да и спасенію души вредитъ. А что дядюшка вашъ влюбленъ, какъ сибирскій котъ, такъ въ этомъ я васъ завѣряю. Про это, батюшка, я теперь промолчу, сами увидите: а только то скверно, что дѣло тянетъ. Коли жениться, такъ и женись: а то Фомкѣ боится сказать, да и старухѣ своей боится сказать: та тоже завизжитъ на все село, да брыкаться начнетъ. За Фомку стоитъ: дескать, Фома Фомичъ огорчится, коли супруга въ домъ войдетъ, потому что ему тогда двухъ часовъ не прожить въ домѣ-то. Супруга-то собственноручно въ шею выталкаетъ, да еще, не будь дура, другимъ какимъ манеромъ, такого киселя задастъ, что по уѣзду мѣста потомъ не отыщетъ! Такъ вотъ онъ и куралеситъ теперь, вмѣстѣ съ маменькой и подсовываютъ ему таковскую... Да ты, батюшка, что-жъ меня перебилъ? Я тебѣ самую главную статью хотѣлъ разсказать, а ты меня перебилъ! Я постарше тебя, перебивать старика не годится...

Я извинился.

— Да ты не извиняйся! Я вамъ, батюшка, какъ человѣку ученому, на судъ представить хотѣлъ, какъ онъ сегодня разобидѣлъ меня. Ну, вотъ разсуди, коли добрый ты человѣкъ. Сѣли мы обѣдать; такъ онъ меня, я тебѣ скажу, чуть не съѣлъ за обѣдомъ-то! Съ самаго начала вижу: сидитъ себѣ, злится, такъ что въ немъ вся душа скрипитъ. Въ ложкѣ воды утопить меня радъ, ехидна! Такого самолюбія человѣкъ, что ужь самъ въ себѣ помѣститься не можетъ! Вотъ и вздумалъ онъ ко мнѣ придираться, бла-

гоправію тоже меня вздумалъ учить. Зачѣмъ, скажите, ему, я такой толстый? Ну, присталъ человѣкъ: зачѣмъ не тонкій, а толстый? Ну, скажите-же, батюшка, что за вопросъ? Ну, видно-ли тутъ остроуміе? Я съ благоразуміемъ ему отвѣчаю: «это такъ ужь Богъ устроилъ, Ѳома Ѳомичъ: одинъ толстъ, а другой тонокъ; а противъ всеблагаго Провидѣнія смертному возставать невозможно». Благоразумно вѣдь—какъ вы думаете?— «Нѣтъ, говоритъ, у тебя пятьсотъ душъ, живешь на готовомъ, а пользы отечеству не приносишь: надо служить, а ты все дома сидишь, да на гармоніи играешь». А я и взаправду, когда взгруснется, на гармоніи люблю поиграть. Я опять съ благоразуміемъ отвѣчаю: «А въ какую я службу пойду, Ѳома Ѳомичъ? Въ какой мундиръ толстоту-то мою затяну? Надѣну мундиръ, затянусь, неравно чихну—всѣ пуговицы и отлетятъ, да еще, пожалуй, при высшемъ начальствѣ, да оборони Богъ, за пашквиль сочтутъ—что̀ тогда?» Ну, скажите-же, батюшка, ну, что я тутъ смѣшнаго сказалъ? Такъ нѣтъ-же, покатывается на мой счетъ, хаханьки, да хихиньки такія пошли... то есть цѣломудрія въ немъ нѣтъ никакого, я вамъ скажу, да еще на французскомъ діалектѣ поносить меня вздумалъ: «кошонъ», говоритъ. Ну, кошонъ-то и я понимаю, что значитъ. «Эхъ ты физикъ проклятый, думаю: полагаешь, я тебѣ теплоухъ дался?» Терпѣлъ я, терпѣлъ, да и не утерпѣлъ, всталъ изъ-за стола, да при всемъ честномъ народѣ и брякъ ему: «Согрѣшилъ я, говорю, передъ тобой, Ѳома Ѳомичъ, благодѣтель, подумалъ было, что ты благовоспитанный человѣкъ, а ты, братъ, выходишь такая-же свинья, какъ и мы всѣ» — сказалъ, да и вышелъ изъ-за стола, изъ-за самого пудина: пудинъ тогда обносили. Ну васъ и съ пудиномъ-то!..

— Извините меня, сказалъ я, прослушавъ весь разсказъ господина Бахчеева: — я, конечно, готовъ съ вами во всемъ согласиться. Главное, я еще ничего положительнаго не знаю... Но, видите-ли, на этотъ счетъ у меня явились теперь свои идеи.

— Какія-же это идеи, батюшка, у тебя появились? недовѣрчиво спросилъ господинъ Бахчеевъ.

— Видите-ли, началъ я, нѣсколько путаясь: — оно, можетъ быть, и некстати теперь, но я, пожалуй, готовъ сообщить. Вотъ какъ я думаю: можетъ быть, мы оба ошибаемся на счетъ Ѳомы Ѳомича; можетъ быть, всѣ эти странности прикрываютъ натуру особенную, даже даровитую — кто это знаетъ? Можетъ быть, это натура огорченная, разбитая страданіями, такъ сказать, мстящая всему человѣчеству. Я слышалъ, что онъ прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ шута: можетъ быть, это его унизило, оскорбило, сразило?.. Понимаете: человѣкъ благородный... сознаніе... а тутъ роль шута!..

И вотъ онъ сталъ недовѣрчивъ ко всему человѣчеству и... и, можетъ быть, если примирить его съ человѣчествомъ... то есть съ людьми, то, можетъ быть, изъ него выйдетъ натура особенная, можетъ быть, даже очень замѣчательная и... и... и вѣдь есть-же что нибудь въ этомъ человѣкѣ? Вѣдь есть-же причина, по которой ему всѣ поклоняются?

Словомъ, я самъ почувствовалъ, что зарапортовался ужасно. По молодости еще можно было простить. Но господинъ Бахчеевъ не простилъ. Серьезно и строго смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза и, наконецъ, вдругъ побагровѣлъ, какъ индѣйскій петухъ.

— Это Фомка-то такой особенный человѣкъ? спросилъ онъ отрывисто.

— Послушайте: я еще самъ почти ничему не вѣрю изъ того, что я теперь говорилъ. Я это такъ только, въ видѣ догадки...

— А позвольте, батюшка, полюбопытствовать спросить: обучались вы философіи, или нѣтъ?

— То есть въ какомъ смыслѣ? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, не въ смыслѣ: а вы мнѣ, батюшка, прямо безо всякаго смыслу отвѣчайте: обучались вы философіи, или нѣтъ?

— Признаюсь, я намѣренъ изучить, но...

— Ну, такъ и есть! вскричалъ господинъ Бахчеевъ, давъ полную волю своему негодованію. — Я, батюшка, еще прежде, чѣмъ вы ротъ растворили, догадался, что вы философіи обучались! Меня не надуешь! Моргень-фри! За три вереты чутьемъ услышу философа! Поцѣлуитесь вы съ вашимъ Фомой Фомичемъ! Особеннаго человѣка нашелъ! Тьфу! Прокисай все на свѣтѣ! Я было думалъ, что вы тоже благонамѣренный человѣкъ, а вы... Подавай! закричалъ онъ кучеру, ужь взъѣзжему на козла исправленнаго экипажа.—„Домой!

Насилу-то я кое-какъ успокоилъ его: кое-какъ, наконецъ, онъ смягчился: но долго еще не могъ рѣшиться перемѣнить гнѣвъ на милость. Между тѣмъ онъ влѣзъ въ коляску съ помощью Григорія и Архипа, того самаго, который читалъ наставленія Васильеву.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, подходя къ коляскѣ:— вы ужь болѣе не пріѣдете къ дядюшкѣ?

— Къ дядюшкѣ-то? А плюньте на того, кто вамъ это сказалъ! Вы думаете, я постоянный человѣкъ, выдержу? Въ томъ-то и горе мое, что я тряпка, а не человѣкъ! Недѣли не пройдетъ, а я опять туда полечу. А зачѣмъ? Вотъ поди-же: самъ не знаю зачѣмъ, а поѣду; опять буду съ Фомой воевать. Это ужь, батюшка, горе мое! За грѣхи мнѣ Господь этого Фомку въ наказаніе послалъ. Характеръ у меня бабій, постоянства нѣтъ никакого! Трусъ я, батюшка, первой руки...

Мы, однако-жь, разстались по дружески, онъ даже пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

— Пріѣзжай, батюшка, пріѣзжай, пообѣдаемъ. У меня водочка изъ Кіева пѣшкомъ пришла, а поваръ въ Парижѣ бывалъ. Такого фенезерфу подастъ, такую кулебяку мисапловну сочинитъ, что только пальчики оближешь, да въ ножки поклонишься ему, подлецу. Образованный человѣкъ! Я вотъ только давно не сѣкъ его, балуется онъ у меня... да вотъ теперь благо напомнили... Пріѣзжай! Я-бы васъ и сегодня съ собою пригласилъ, да вотъ какъ-то весь упалъ, раскисъ, совсѣмъ безъ заднихъ ногъ сдѣлался. Вѣдь я человѣкъ больной, сырой человѣкъ. Вы, можетъ быть, и не вѣрите... Ну прощайте, батюшка! Пора плыть и моему кораблю. Вонъ и вашъ тарантасикъ готовъ. А Ѳомкѣ скажите, чтобъ и не встрѣчался со мной; не то я такую чувствительную встрѣчу ему сочиню, что онъ...

Но послѣднихъ словъ ужь не было слышно. Коляска, принятая дружно четверкою сильныхъ коней, исчезла въ облакахъ пыли. Подали и мой тарантасъ: я сѣлъ въ него, и мы тотчасъ-же проѣхали городишко. «Конечно, этотъ господинъ привираетъ», подумалъ я: «онъ слишкомъ сердитъ и не можетъ быть безпристрастнымъ. Но опять таки, все что̀ онъ говорилъ о дядѣ, очень замѣчательно. Вотъ ужь два голоса согласны въ томъ, что дядя любитъ эту дѣвицу... Гм! Женюсь я, иль нѣтъ?» Въ этотъ разъ я крѣпко задумался.

III.

Дядя.

Признаюсь, я даже немного струсилъ. Романическія мечты мои показались мнѣ вдругъ чрезвычайно странными, даже какъ будто и глупыми, какъ только я въѣхалъ въ Степанчиково. Это было часовъ около пяти пополудни. Дорога шла мимо барскаго сада. Снова, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, я увидѣлъ этотъ огромный садъ, въ которомъ мелькнуло нѣсколько счастливыхъ дней моего дѣтства и который много разъ потомъ снился мнѣ во снѣ, въ дортуарахъ школъ, хлопотавшихъ о моемъ образованіи. Я выскочилъ изъ повозки и пошелъ прямо черезъ садъ къ барскому дому. Мнѣ очень хотѣлось явиться въ тихомолку, разузнать, выспросить и прежде всего наговориться съ дядей. Такъ и случилось. Пройдя аллею сто-

лѣтнихъ лицъ, я ступилъ на террасу, съ которой стеклянною дверью прямо входили во внутреннія комнаты. Эта терраса была окружена клумбами цвѣтовъ и заставлена горшками дорогихъ растеній. Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ туземцевъ, стараго Гаврилу, бывшаго когда-то моимъ дядькой, а теперь почетнаго камердинера дядюшки. Старикъ былъ въ очкахъ и держалъ въ рукѣ тетрадку, которую читалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Мы видѣлись съ нимъ, два года назадъ, въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ дядей, а потому онъ тотчасъ-же теперь узналъ меня. Съ радостными слезами бросился онъ цѣловать мои руки, причемъ очки слетѣли съ его носа на полъ. Такая привязанность старика меня очень тронула. Но, взволнованный недавнимъ разговоромъ съ господиномъ Бахчеевымъ, я прежде всего обратилъ вниманіе на подозрительную тетрадку, бывшую въ рукахъ у Гаврилы.

— Что это, Гаврила, неужели и тебя начали учить по французски? спросилъ я старика.

— Учатъ, батюшка, на старости лѣтъ, какъ скворца,—печально отвѣчалъ Гаврила.

— Самъ Ѳома учитъ?

— Онъ, батюшка. Умнѣющій, должно быть, человѣкъ.

— Нечего сказать, умникъ! По разговорамъ учитъ?

— По китрадкѣ, батюшка.

— Это что въ рукахъ у тебя? А! Французскія слова русскими буквами—ухитрился! Такому болвану, дураку набитому, въ руки дастесь—не стыдно-ли, Гаврила?—вскричалъ я, въ одинъ мигъ, забывъ всѣ великодушныя мои предположенія о Ѳомѣ Ѳомичѣ, за которыя мнѣ еще такъ недавно досталось отъ господина Бахчеева.

— Гдѣ-же, батюшка,—отвѣчалъ старикъ:—гдѣ-же онъ дуракъ, коли ужъ господами нашими такъ заправлятъ?

— Гм! Можетъ быть, ты и правъ, Гаврила, пробормоталъ я, пріостановленный этимъ замѣчаніемъ.—Веди-же меня къ дядюшкѣ.

— Соколъ ты мой! Да я не могу на глаза показаться, не смѣю. Я ужъ и его сталъ бояться. Вотъ здѣсь и сижу горе мычу, да за клумбы шагаю, когда онъ проходить изволитъ.

— Да чего-же ты боишься?

— Давеча уроку не зналъ: Ѳома Ѳомичъ на колѣни ставилъ, а я и не сталъ. Старъ я сталъ, батюшка Сергѣй Александрычъ, чтобъ надо мной такія шутки шутить! Баринъ осерчать изволилъ, зачѣмъ Ѳому Ѳомича не послушался. «Онъ, говоритъ, старый ты хрычъ, о твоемъ-же образованіи заботится, произношенію тебя хочетъ учить». Вотъ и хожу, тверду вокабулъ. Обѣщалъ Ѳома Ѳомичъ къ вечеру опять экзаменикъ сдѣлать.

Мнѣ показалось, что тутъ было что-то неясное. Съ этимъ французскимъ языкомъ была какая нибудь исторія, подумалъ я, которую старикъ не можетъ мнѣ объяснить.

— Одинъ вопросъ, Гаврила: каковъ онъ собой? Видный, высокаго роста?

— Ѳома-то Ѳомичъ? Нѣтъ, батюшка, плюгавенькій такой человѣчекъ.

— Гм! Подожди, Гаврила, все это еще, можетъ быть, уладится; даже непремѣнно, обѣщаю тебѣ, уладится! Но... гдѣ-же дядюшка?

— А за конюшнями мужичковъ принимаетъ. Съ Каитоповки старики съ поклономъ пришли. Прослышали, что ихъ Ѳомѣ Ѳомичу записываютъ. Отмолиться хотятъ.

— Да зачѣмъ-же за конюшнями?

— Опасается, батюшка...

Дѣйствительно, я нашелъ дядю за конюшнями. Тамъ, на площадкѣ, онъ стоялъ передъ группой крестьянъ, которые кланялись и о чемъ-то усердно просили. Дядя что-то съ жаромъ имъ толковалъ. Я подошелъ и окликнулъ его. Онъ обернулся, и мы бросились другъ другу въ объятія.

Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался; радость его доходила до восторга. Онъ обнималъ меня, сжималъ мои руки... Точно ему возвратили его роднаго сына, избавленнаго отъ какой-нибудь смертельной опасности. Точно какъ будто я своимъ пріѣздомъ избавилъ и его самого отъ какой-то смертельной опасности и привезъ съ собою разрѣшеніе всѣхъ его недоразумѣній, счастье и радость на всю жизнь ему и всѣмъ кого онъ любитъ. Дядя не согласился-бы быть счастливымъ одинъ. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, онъ вдругъ такъ захлопоталъ, что, наконецъ, совершенно сбился и спутался. Онъ закидывалъ меня разспросами, хотѣлъ немедленно вести меня къ своему семейству. Мы было и пошли, но дядя воротился, пожелавъ представить меня сначала каитоповскимъ мужикамъ. Потомъ, помню, онъ вдругъ заговорилъ, неизвѣстно по какому поводу, о какомъ-то господинѣ Коровкинѣ, необыкновенномъ человѣкѣ, котораго онъ встрѣтилъ три дня назадъ, гдѣ-то на большой дорогѣ, и котораго ждалъ теперь къ себѣ въ гости съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Потомъ онъ бросилъ и Коровкина, и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него. Отвѣчая на торопливые его разспросы, я сказалъ, что желалъ-бы не вступать въ службу, а продолжать заниматься науками. Какъ только дѣло дошло до наукъ, дядя вдругъ насупилъ брови и сдѣлалъ необыкновенно важное лицо. Узнавъ, что въ послѣднее время я занимался мине-

раліей, онъ поднялъ голову и съ гордостью осмотрѣлся кругомъ, какъ будто онъ самъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, открылъ и написалъ всю минералогію. Я уже сказалъ, что передъ словомъ «наука» онъ благоговѣлъ самымъ безкорыстнѣйшимъ образомъ, тѣмъ болѣе безкорыстнымъ, что самъ рѣшительно ничего не зналъ.

— Эхъ, братъ, есть-же на свѣтѣ люди, что всю подноготную знаютъ!—говорилъ онъ мнѣ однажды, съ сверкающими отъ восторга глазами.—Сидишь между ними, слушаешь и вѣдь самъ знаешь, что ничего не понимаешь, а все какъ-то сердцу любо. А отчего? А оттого, что тутъ польза, тутъ умъ, тутъ всеобщее счастье! Это-то я понимаю. Вотъ я теперь по чугункѣ поѣду, а Илюшка мой, можетъ, и по воздуху полетитъ... Ну, да, наконецъ, и торговля, промышленность—эти, такъ сказать, струи... то есть я хочу сказать, что какъ ни верти, а полезно... Вѣдь полезно,—не правда-ли?

Но обратимся къ нашей встрѣчѣ.

— Вотъ подожди, другъ мой, подожди, началъ онъ, потирая руки и скороговоркою:—увидишь человѣка! Человѣкъ рѣдкій, я тебѣ скажу, человѣкъ ученый, человѣкъ науки: останется въ столѣтіи. А вѣдь хорошо словечко: «останется въ столѣтіи»? Это мнѣ Ѳома объяснилъ... Подожди, я тебя познакомлю.

— Это вы про Ѳому Ѳомича, дядюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! Это я теперь про Коровкина. То есть и Ѳома тоже, и онъ... Но это я просто про Коровкина теперь говорилъ, прибавилъ онъ, неизвѣстно отчего покраснѣвъ и какъ будто смѣшавшись, какъ только рѣчь зашла про Ѳому.

— Какими-же онъ науками занимается, дядюшка?

— Науками, братецъ, науками, вообще науками. Я вотъ только не могу сказать какими именно, а только знаю, что науками. Какъ про желѣзныя дороги говоритъ! И знаешь, прибавилъ дядя полушепотомъ, многозначительно прищуривая правый глазъ:—немного, этакъ, вольныхъ идей! Я замѣтилъ, особенно когда про семейное счастье заговорилъ... Вотъ жаль, что я самъ мало понялъ (времени не было), а то-бы разсказалъ тебѣ все, какъ по нитки. И въ добавокъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ! Я его пригласилъ къ себѣ погостить. Съ часу на часъ ожидаю.

Между тѣмъ, мужики глядѣли на меня, раскрывъ рты и выпуча глаза какъ на чудо.

— Послушайте, дядюшка, прервалъ я его:—я, кажется, помѣшалъ мужичкамъ. Они вѣрно за надобностью. О чемъ они? Я, признаюсь, подозрѣваю кой-что и очень-бы радъ ихъ послушать...

Дядя вдругъ захлопоталъ и заторопился.

— Ахъ, да! Я и забылъ! Да вотъ видишь... что съ ними дѣ-

лать? Выдумали,—и желалъ-бы я знать, кто первый у нихъ это выдумалъ,—выдумали, что я отдаю ихъ, и всю Кантоновку,—ты помнишь Кантоновку? Еще мы туда съ покойной Катей все по вечерамъ гулять ѣздили,—всю Кантоновку, цѣлыхъ шестьдесятъ восемь душъ, Ѳомѣ Ѳомичу! Ну, не хотимъ идти отъ тебя, да и только!

— Такъ это неправда, дядюшка? Вы не отдаете ему Кантоновки? вскричалъ я почти въ восторгѣ.

— И не думалъ; въ головѣ не было! А ты отъ кого слышалъ? Разъ какъ-то съ языка сорвалось, вотъ и пошло гулять мое слово. И отчего имъ Ѳома такъ не милъ? Вотъ подожди, Сергѣй, я тебя познакомлю, прибавилъ онъ,—робко взглянувъ на меня, какъ будто уже предчувствуя и во мнѣ врага Ѳомѣ Ѳомичу.—Это, братъ, такой человѣкъ...

— Не хотимъ, опричь тебя, никого не хотимъ! — завопили вдругъ мужики, цѣлымъ хоромъ.—Вы отцы, а мы ваши дѣти!

— Послушайте, дядюшка,—отвѣчалъ я:—Ѳому Ѳомича я еще не видалъ, но... видите-ли... я кое-что слышалъ. Признаюсь вамъ, что я встрѣтилъ сегодня господина Бахчева. Впрочемъ, у меня на этотъ счетъ, покамѣсть, своя идея. Во всякомъ случаѣ, дядюшка, отпустите-ка вы мужиковъ, а мы съ вами поговоримъ одни, безъ свидѣтелей. Я, признаюсь, затѣмъ и пріѣхалъ...

— Именно, именно, подхватилъ дядя:—именно! Мужичковъ отпустимъ, а потомъ и поговоримъ, знаешь, этакъ, пріятельски, дружески, основательно! — Ну, продолжалъ онъ скороговоркой, обращаясь къ мужикамъ: теперь ступайте, друзья мои. И впередъ ко мнѣ, всегда ко мнѣ, когда нужно; таки-такъ, прямо ко мнѣ и иди, во всякое время.

— Батюшка ты нашъ! Вы отцы, мы ваши дѣти! Не давай въ обиду Ѳомѣ Ѳомичу! Вся бѣдность проситъ! закричали еще разъ мужики.

— Вотъ дураки-то! Да не отдамъ я васъ, говорятъ!

— А то заучитъ онъ насъ совсѣмъ, батюшка! Здѣшнихъ, слышь, совсѣмъ заучилъ.

— Такъ неужели онъ и васъ по французски учитъ? вскричалъ я, почти въ испугѣ.

— Нѣтъ, батюшка, покамѣсть еще миловалъ Богъ! отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ, вѣроятно, больной говорунъ, рыжій, съ огромной плѣшью на затылкѣ и съ длинной, жиденькой, клинообразной бородкой, которая такъ и ходила вся, когда онъ говорилъ, точно она была живая сама по себѣ.—Нѣтъ, сударь, покамѣстъ еще миловалъ Богъ.

— Да чему-жь онъ васъ учитъ?

— А учитъ онъ, ваша милость, такъ, что по нашему выходитъ золотой ящикъ куни, да мѣдный грошъ положи.

— То есть, какъ это мѣдный грошъ?

— Сережа! Ты въ заблужденіи: это клевета! вскричалъ дядя, покраснѣвъ и ужасно сконфузившись. — Это они, дураки, не поняли, что онъ имъ говорилъ! Онъ только такъ... какой тутъ мѣдный грошъ... А тебѣ нечего про все понимать, горло драть, продолжалъ дядя, съ укоризною обращаясь къ мужику: — тебѣ-же, дураку, добра пожелали, а ты не понимаешь, да и кричишь!

— Помилуйте, дядюшка, а французскій-то языкъ?

— Это онъ для произношенія. Сережа, единственно для произношенія,—проговорилъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ.— Онъ это самъ говорилъ, что для произношенія... Притомъ-же тутъ случилась одна особенная исторія—ты ея не знаешь, а потому и не можешь судить. Надо, братецъ, прежде вникнуть, а ужь потомъ обвинять... Обвинять-то легко!

— Да вы-то чего! закричалъ я, въ запальчивости снова обращаясь къ мужикамъ.—Вы-бы ему такъ все прямо и высказали. Дескать, этакъ нельзя, Ѳома Ѳомичъ, а вотъ оно какъ! Вѣдь есть-же у васъ языкъ?

— Гдѣ та мышь, чтобъ коту звонокъ привѣсила, батюшка? Я, говоритъ, тебя, мужика сиволапаго, чистотѣ и порядку учу. Отчего у тебя рубаха нечиста? Да въ поту живетъ, оттого и нечистая! Не каждый день перемѣнять. Съ чистоты не воскреснешь, съ поганя не треснешь.

— А вотъ анамедни на гумно пришелъ, заговорилъ другой мужикъ, съ виду рослый и сухощавый, весь въ заплатахъ, въ самыхъ худенькихъ лаптишкахъ и, повидимому, одинъ изъ тѣхъ, которые вѣчно чѣмъ нибудь недовольны и всегда держатъ въ запасѣ какое нибудь ядовитое, отравленное слово. До сихъ поръ онъ хоронился за спинами другихъ мужиковъ, слушалъ въ мрачномъ безмолвіи и все время не сгонялъ съ лица какой-то двусмысленной, горько-лукавой усмѣшки.— На гумно пришелъ. «Знаете-ли вы, говоритъ, сколько до солнца верстъ?» А кто его знаетъ? Наука эта не нашинская, а барская. «Нѣтъ, говоритъ, ты дуракъ, нехорь, пользы своей не знаешь: а я, говоритъ, астрономъ! Я всѣ Божіи планиды узналъ».

— Ну, а сказалъ тебѣ сколько до солнца верстъ? вмѣшался дядя, вдругъ оживляясь и весело мнѣ подмигивая, какъ-бы говоря: «вотъ посмотри-ка, что будетъ!»

— Да, сказалъ сколько-то много, нехотя отвѣчалъ мужикъ, неожидавшій такого вопроса.

— Ну, а сколько сказалъ, сколько именно?

— Да вашей милости лучше извѣстно, а мы люди темные.

— Да я-то, братъ, знаю, а ты помнишь-ли?

— Да сколько-то сотъ, али тысячъ, говорилъ, будетъ. Что-то много сказалъ. На трехъ возахъ не вывезешь.

— То-то, помни, братецъ! А ты думалъ, небось съ версту будетъ, рукой достать? Нѣтъ, братъ. земля—это, видишь, какъ шаръ круглый—понимаешь?.. продолжалъ дядя, очертивъ руками въ воздухѣ подобіе шара.

Мужикъ горько улыбнулся.

— Да, какъ шаръ! Она такъ на воздухѣ и держится сама собой и кругомъ солнца ходитъ. А солнце-то на мѣстѣ стоитъ: тебѣ только кажется, что оно ходитъ. Вотъ она штука какая! А открылъ это все капитанъ Кукъ, мореходъ... А чортъ его знаетъ кто и открылъ, прибавилъ онъ полушепотомъ, обращаясь ко мнѣ.—Самъ-то я, братъ, ничего не знаю... А ты знаешь, сколько до солнца-то?

— Знаю, дядюшка, отвѣчалъ я, съ удивленіемъ смотря на всю эту сцену:—только вотъ, что я думаю: конечно необразованность есть тоже неряшество, но, съ другой стороны... учить крестьянъ астрономіи...

— Именно, именно, именно неряшество! подхватилъ дядя въ восторгѣ отъ моего выраженія, которое показалось ему чрезвычайно удачнымъ.—Благородная мысль! Именно неряшество! Я это всегда говорилъ... то есть я этого никогда не говорилъ, но я чувствовалъ. Слышите, закричалъ онъ мужикамъ: —необразованность, это тоже неряшество, такая-же грязь! Вотъ оттого васъ Ѳома и хотѣлъ научить. Онъ васъ добру хотѣлъ научить —это ничего. Это, братъ, ужъ все равно, тоже служба, всякаго чина стоитъ. Вотъ оно дѣло какое, наука-то! Ну, хорошо, хорошо, друзья мои! Ступайте съ Богомъ, а я радъ, радъ... будьте покойны, я васъ не оставлю.

— Защити, отецъ родной!

— Вели свѣтъ видѣть, батюшка!

И мужики повалились въ ноги.

— Ну, ну, это вздоръ! Богу, да Царю кланяйтесь, а не мнѣ... Ну, ступайте, ведите себя хорошо, заслужите ласку... ну и тамъ все... Знаешь,—сказалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, только что умные мужики и какъ-то сіяя отъ радости,—любитъ мужичокъ доброе слово, да и подарочекъ не повредитъ. Подарю-ка я имъ что нибудь—а? какъ ты думаешь? Для твоего пріѣзда... Подарить, или нѣтъ?

— Да, вы, дядюшка, какой-то Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ, какъ я погляжу.

— Ну, нельзя-же, братецъ, нельзя: это ничего. Я имъ давно хотѣлъ подарить, прибавилъ онъ, какъ-бы извиняясь.—А что тебѣ смѣшно, что я мужиковъ наукамъ училъ? Нѣтъ, братъ, это я такъ, это я отъ радости, что тебя увидѣлъ. Сережа. Просто за просто хотѣлъ, чтобъ и онъ, мужикъ, узналъ—сколько до солнца, да ротъ разинулъ. Весело, братъ, смотрѣть, когда онъ ротъ разинетъ... Какъ-то этакъ радуешься за него. Только, знаешь, другъ мой, не говори тамъ въ гостиной, что я съ мужиками здѣсь объяснялся. Я нарочно ихъ за кононными принялъ, чтобъ не видно было. Оно, братъ, какъ-то нельзя было тамъ: щекотливое дѣло, да и сами они потихоньку пришли. Я вѣдь это для нихъ больше и сдѣлалъ...

— Ну, вотъ, дядюшка, я и пріѣхалъ! началъ я, перемѣняя разговоръ и желая добраться поскорѣе до главнаго дѣла.—Признаюсь вамъ, письмо ваше меня такъ удивило, что я...

— Другъ мой, ни слова объ этомъ, перебилъ дядя, какъ будто въ испугѣ и даже понизивъ голосъ:—послѣ, послѣ это все объяснится. Я, можетъ быть, и виноватъ передъ тобою и даже, можетъ быть, очень виноватъ...

— Передо мной виноваты, дядюшка?

— Послѣ, послѣ, мой другъ, послѣ! Все это объяснится. Да какой-же ты сталъ молодецъ! Милый ты мой! А какъ-же я тебя ждалъ! Хотѣлъ излить, такъ сказать... ты ученый, ты одинъ у меня... ты и Коровкинъ. Надобно замѣтить тебѣ, что на тебя здѣсь всѣ сердятся. Смотри-же, будь осторожнѣе, не пылкай!

— На меня? спросилъ я, въ удивленіи смотря на дядю, не понимая, чѣмъ я могъ разсердить людей, тогда еще мнѣ совсѣмъ незнакомыхъ.—На меня?

— На тебя, братецъ. Что-жь дѣлать! Ома Омичъ немножко... ну ужь маменька, всѣ за нимъ. Вообще, будь осторожень, почтителенъ, не противорѣчь, а главное, почтителенъ...

— Это передъ Омой-то Омичемъ, дядюшка?

— Что-жь дѣлать, другъ мой, вѣдь я его не защищаю. Дѣйствительно, онъ, можетъ быть, человѣкъ съ недостатками, и даже теперь, въ эту самую минуту... Ахъ, братъ Сережа, какъ это все меня безпокоитъ! И какъ-бы это все могло уладиться, какъ-бы мы всѣ могли быть довольны и счастливы!.. Но, впрочемъ, кто-жь безъ недостатковъ? Вѣдь не золотые-жь и мы?

— Помилуйте, дядюшка! Разсмотрите, что онъ дѣлаетъ...

— Ахъ, братъ! Все это только дрязги и больше ничего! Вотъ, напримѣръ, я тебѣ разскажу: теперь онъ сердится на меня, и за что какъ ты думаешь?.. Впрочемъ, можетъ быть, я и самъ виноватъ. Лучше я тебѣ потомъ разскажу...

— Впрочемъ, знаете, дядюшка, у меня на этотъ счетъ выработалась своя особая идея, перебилъ я, торопясь высказать мою идею. Да мы и оба какъ-то торопились. — Во первыхъ, онъ былъ шутомъ; это его огорчило, сразило, оскорбило его идеалъ; и вотъ вышла натура озлобленная, болѣзненная, мстящая, такъ сказать, всему человѣчеству... Но если примирить его съ человѣкомъ, если возвратить его самому себѣ...

— Именно, именно! вскричалъ дядя въ восторгѣ,—именно такъ! Благороднѣйшая мысль! И даже стыдно, неблагородно было-бы намъ осуждать его! Именно!.. Ахъ, другъ мой, ты меня понимаешь: ты мнѣ отраду привезъ! Только-бы тамъ-то уладилось! Знаешь, я туда теперь и явиться боюсь. Вотъ ты пріѣхалъ, и мнѣ непремѣнно достанется!

— Дядюшка, если такъ... началъ было я, смутясь отъ такого признанія.

— Ни-ни-ни! Ни за что въ свѣтѣ! закричалъ онъ, схвативъ меня за руки.—Ты мой гость, и я такъ хочу!

Все это чрезвычайно меня удивляло.

— Дядюшка, скажите мнѣ сейчасъ-же, началъ я настойчиво:— для чего вы меня звали? Чего отъ меня надѣетесь и, главное, въ чемъ передо мной виноваты?

— Другъ мой, и не спрашивай! Послѣ, послѣ! Все это послѣ объяснится! Я, можетъ быть, и во многомъ виноватъ, но я хотѣлъ поступить какъ честный человѣкъ и... и... ты на ней женишься! Ты женишься, если только есть въ тебѣ капля благородства! прибавилъ онъ, весь покраснѣвъ отъ какого-то внезапнаго чувства, восторженно и крѣпко сжимая мою руку.—Но довольно, ни слова больше! Все самъ скоро узнаешь. Отъ тебя-же будетъ зависѣть... Главное, чтобъ ты теперь тамъ понравился, произвелъ впечатлѣніе. Главное, не сконфузься.

— Но, послушайте, дядюшка, кто-жъ у васъ тамъ? Я, признаюсь, такъ мало бывалъ въ обществѣ, что...

— Что немножко трусишь? прервалъ дядя съ улыбкою. — Э, ничего! Все свои, ободрись! Главное, ободрись, не бойся. Я все какъ-то боюсь за тебя. Кто тамъ у насъ, спрашиваешь? Да кто-жъ у насъ... Во первыхъ, маманя, началъ онъ торопливо. —Ты помнишь маманю, или не помнишь? Добрѣйшая, благороднѣйшая старушка: безъ претензій — это можно сказать: стараго покроя немножко, да это и лучше. Ну, знаешь, иногда такія фантазіи, скажетъ этакъ какъ-то: на меня теперь сердится, да я самъ виноватъ... знаю, что виноватъ! Ну, наконецъ—она вѣдь, что называется, grande dame. Генеральша... превосходнѣйшій человѣкъ былъ ея мужъ: во первыхъ,

генералъ, человѣкъ образованнѣйшій, состоянія не оставилъ, но за то весь былъ изранент: словомъ—стяжалъ уваженіе! Потомъ дѣвица Перепелицына. Ну, эта... не знаю... въ послѣднее время она какъ-то того... характеръ такой.... А, впрочемъ, нельзя-же всѣхъ и осуждать... Ну, да Богъ съ ней... Ты не думай, что она приживалка какая нибудь. Она, братъ, сама подполковничья дочь Наперсница маменьки, другъ! Потомъ, братъ, сестрица Прасковья Ильинична. Ну, про эту нечего много говорить: простая, добрая: хлопотунья немного, но за то сердце какое!—Ты, главное, на сердце смотри — пожилая дѣвушка, но, знаешь, этотъ чудакъ Бахчеевъ, кажется, куры строитъ, хочетъ приспаться. Ты, однако, молчи, чуръ: секретъ! Ну, кто-же еще изъ нашихъ? Про дѣтей не говорю: самъ увидишь. Плошка завтра именинникъ... Да бишь! Чуть не забылъ: гоститъ у насъ, видишь-ли, уже цѣлый мѣсяцъ, Иванъ Иванычъ Мизинчиковъ, тебѣ будетъ троюродный братъ, кажется: да, именно троюродный! Онъ недавно въ отставку вышелъ изъ гусаровъ, поручикомъ: человѣкъ еще молодой. Благороднѣйшая душа! Но знаешь, такъ промотался, что ужъ я и не знаю, гдѣ онъ успѣлъ такъ промотаться. Впрочемъ у него ничего почти и не было: но все-таки промотался, надѣлалъ долговъ... Теперь гоститъ у меня. Я его до сихъ поръ и не зналъ совсѣмъ: самъ пріѣхалъ, отрекомендовался. Милый, добрый, смирный, почтительный. Слыхалъ-ли отъ него здѣсь кто и слово? Все молчитъ; Фома, въ насмѣшку, прозвалъ его «молчаливый незнакомецъ» — ничего: не сердится. Фома доволенъ: говоритъ про Ивана, что онъ не далекъ. Впрочемъ, Иванъ ему ни въ чемъ не противорѣчитъ и во всемъ поддакиваетъ. Гм! Забитый онъ такой... Ну, да Богъ съ нимъ! Самъ увидишь. Есть городскіе гости: Павелъ Семенычъ Обноскинъ съ матерью; молодой человѣкъ, но высочайшаго ума человѣкъ; что-то зрѣлое, знаешь, незыблемое... Я вотъ только не умѣю выразиться: и, въ добавокъ, превосходной нравственности: строгая мораль! Ну и, наконецъ, гоститъ у насъ, видишь-ли, одна Татьяна Ивановна, пожалуй, еще будетъ намъ дальняя родственница — ты ее не знаешь — дѣвица, не молодая — въ этомъ можно признаться, но... съ пріятностями дѣвица: богата, братецъ, такъ что два Степанчикова купитъ: недавно получила, а до тѣхъ поръ горе мыкала. Ты, братъ, Сережа, пожалуйста, остерегись: она такая болѣзненная... знаешь, что-то фантасмагорическое въ характерѣ. Ну, ты благороденъ, поймешь, испытала, знаешь, несчастья. Вѣдь надо быть осторожнѣе съ человѣкомъ, испытавшимъ несчастья! Ты, впрочемъ, не подумай чего нибудь. Конечно, есть слабости: такъ иногда заторопится, скоро скажетъ, не то слово скажетъ, которое нужно, то

есть не лжеть, ты не думай... все это, брать, такъ сказать, отъ чистаго, отъ благороднаго сердца выходитъ, то есть, если даже и солжетъ что нибудь, то единственно, такъ сказать, чрезъ излишнее благородство души—понимаешь?

Мнѣ показалось, что дядя ужасно сконфузился.

— Послушайте, дядюшка, сказалъ я: — я васъ такъ люблю... простите откровенный вопросъ, женитесь вы на комъ нибудь здѣсь, или нѣтъ?

— Да ты отъ кого слышалъ? отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ, какъ ребенокъ. —Вотъ видишь, другъ мой, я тебѣ все разскажу, во первыхъ, я не женюсь. Маменька, отчасти сестрица и, главное, Ома Омичъ, котораго маменька обожаетъ — и за дѣло, за дѣло: онъ много для нея сдѣлалъ—всѣ они хотятъ, чтобъ я женился на этой самой Татьянѣ Ивановнѣ, изъ благоразумія, то есть, для всего семейства. Конечно, мнѣ-же добра желаютъ — я вѣдь это понимаю: но я ни за что не женюсь — я ужь далъ себѣ такое слово. Не смотря на то, я какъ-то не умѣлъ отвѣчать: ни да, ни нѣтъ не сказалъ. Это ужь, брать, со мной всегда такъ случается. Они и подумали, что я согласаюсь, и непремѣнно хотятъ, чтобъ завтра, для семейнаго праздника, я объяснился... и потому завтра такія хлопоты, что я даже не знаю, что предпринять! Къ тому-же Ома Омичъ, неизвѣстно почему, на меня разсердился; маменька тоже. Я, брать, признаюсь тебѣ, только ждалъ тебя, да Коровкина... хотѣлъ излить, такъ сказать...

— Да чѣмъ-же тутъ поможетъ Коровкинъ, дядюшка?

— Поможетъ, другъ мой, поможетъ, — это, брать, ужь такой человѣкъ; одно слово: человѣкъ науки! Я на него какъ на каменную гору надѣюсь; побѣждающій человѣкъ! Про семейное счастье какъ говоритъ! Я, признаюсь, и на тебя тоже надѣялся; думалъ: ты ихъ урезонишь. Самъ разсуди: ну, положимъ, я виноватъ, дѣйствительно виноватъ — я понимаю все это; я не безчувственный. Ну, да все-же меня можно простить когда нибудь! Тогда-бы мы вотъ какъ зажили!.. Эхъ, брать, какъ выросла моя Сашурка, хоть сейчасъ къ вѣнцу! Плошка мой какой сталъ! Завтра именинникъ. За Сашурку-то я боюсь—вотъ что!..

— Дядюшка! Гдѣ мой чемоданъ? Я переодѣнусь и мигомъ явлюсь, а тамъ...

— Въ мезонинѣ, другъ мой, въ мезонинѣ. Я ужь такъ заранѣ велѣлъ, чтобъ тебя, какъ пріѣдешь, прямо вели въ мезонинъ, чтобъ никто не видалъ. Именно, именно переодѣнься! Это хорошо: прекрасно, прекрасно! А я, покамѣстъ тамъ всѣхъ по немногу приготовлю. Ну, и съ Богомъ! Знаешь, брать, надо хитрить. Но не-

вотъ Талейраномъ сдѣлаешься. Ну, да ничего! Тамъ теперь они чай пьютъ. У насъ рано чай пьютъ. Ѳома Ѳомичъ любитъ пить сейчасъ какъ проснется: оно, знаешь, и лучше... Ну, такъ я пойду, а ты ужъ поскорѣй за мной, не оставляй меня одного: неловко, братъ, какъ-то мнѣ одному-то... Да, Постой! Вотъ еще къ тебѣ просьба: не кричи на меня тамъ, какъ давеча здѣсь кричалъ—а? Развѣ ужъ потомъ, если захочешь что̀ замѣтить, такъ, наединѣ, здѣсь и замѣтишь; а до тѣхъ поръ какъ нибудь скрѣпись, подожди! Я, видишь-ли, тамъ ужъ и такъ накутилъ. Они серятся...

— Послушайте, дядюшка, изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, мнѣ кажется, что вы...

— Тюфякъ, что-ли? Да ужъ ты договаривай! перебилъ онъ меня совсѣмъ неожиданно.—Что-жъ, братъ, дѣлать! Я ужъ и самъ это знаю. Ну, такъ ты пріѣдешь? Какъ можно скорѣе приходи, пожалуйста!

Взойдя на верхъ, я поспѣшно открылъ чемоданъ, помня приказаніе дяди сойдти внизъ какъ можно скорѣе. Одѣваясь, я замѣтилъ, что еще почти ничего не узналъ изъ того, что хотѣлъ узнать, хотя и говорилъ съ дядей цѣлый часъ. Это меня поразило. Одно только было для меня нѣсколько ясно: дядя все еще настойчиво хотѣлъ, чтобъ я женился: слѣдовательно, всѣ противоположные слухи, именно: что дядя влюбленъ въ ту-же особу самъ, — неумѣстны. Помню, что я былъ въ большой тревогѣ. Между прочимъ, мнѣ пришло на мысль, что я, пріѣздомъ моимъ и молчаніемъ передъ дядей, почти произнесъ обѣщаніе, далъ слово, связалъ себя на вѣки. «Не трудно, думалъ я, не трудно сказать слово, которое свяжетъ потомъ на вѣки по рукамъ и по ногамъ. А я еще не видалъ и невѣсты!» И опять таки: съ чего эта вражда противъ меня цѣлаго семейства? Почему именно всѣ они должны смотрѣть на мой пріѣздъ, какъ увѣряетъ дядя, враждебно? И что за страшную роль играетъ самъ дядя здѣсь, въ своемъ собственномъ домѣ? Отчего происходитъ его таинственность? Отчего всѣ эти испуги и муки? Признаюсь, что все это представилось мнѣ вдругъ чѣмъ-то совершенно безсмысленнымъ; а романическія и героическія мечты мои совсѣмъ вылетѣли изъ головы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Теперь только, послѣ разговора съ дядей, мнѣ вдругъ представилась вся нескладность, вся эксцентричность его предложенія, и я понялъ, что подобное предложеніе, и въ такихъ обстоятельствахъ, способенъ былъ сдѣлать одинъ только дядя. Понялъ я также, что и самъ я, прискакавъ сюда сломя голову, по первому его слову, въ восторгѣ отъ его предложенія, очень походилъ на дурака. Я одѣвался поспѣшно, занятый

тревожными моими соображениями, так что и не замѣтилъ сначала прислуживавшаго мнѣ слугу.

— Аделаидина цвѣта извольте галстукъ надѣть, или этотъ, съ мелкими клѣтками? спросилъ вдругъ слуга, обращаясь ко мнѣ съ какою-то необыкновенною притворною учтивостью.

Я взглянулъ на него, и оказалось, что онъ тоже достоинъ былъ любопытства. Это былъ еще молодой человѣкъ, для лакея одѣтый прекрасно, не хуже иного губернскаго франта. Коричневый фракъ, бѣлыя брюки, палевый жилетъ, лакированные полусапожки и розовый галстучекъ, подобраны были очевидно не безъ цѣли. Все это тотчасъ-же должно было обратить вниманіе на деликатный вкусъ молодаго щеголя. Цѣпочка къ часамъ была выставлена на показъ непремѣнно съ того-же цѣлью. Лицомъ онъ былъ бѣленъ и даже зеленоватъ: носъ имѣлъ большой, съ горбинкой, тонкій, необыкновенно бѣлый, какъ будто фарфоровый. Улыбка на тонкихъ губахъ его выражала какую-то грусть и, однако-жъ, деликатную грусть. Глаза, большіе, выпученные и какъ будто стеклянные, смотрѣли необыкновенно тупо и, однако-жъ, все-таки просвѣчивалась въ нихъ деликатность. Тонкія мягкія уши были заложены, изъ деликатности, ватой. Длинные, бѣлокурые и жидкіе волосы его были завиты въ кудри и напомажены. Ручки его были бѣленькія, чистенькія, вымытыя чуть-ли не въ розовой водѣ: пальцы оканчивались щеголеватыми, длиннѣйшими розовыми ногтями. Все это показывало баловня, франта и бѣлоручку. Онъ шепелявилъ и премодно не выговаривалъ букву р, подымалъ и опускалъ глаза, вздыхалъ и избѣгалъ до невѣроятности. Отъ него пахло духами. Роста онъ былъ небольшаго, дряблый и хилый, и на ходу какъ-то особенно приседалъ, вѣроятно, находя въ этомъ самую высшую деликатность.— словомъ, онъ весь былъ пропитанъ деликатностью, субтильностью и необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Послѣднее обстоятельство, неизвѣстно почему, мнѣ, сгоряча, не понравилось.

— Такъ этотъ галстукъ аделаидина цвѣта? спросилъ я, строго посмотрѣвъ на молодаго лакея.

— Аделаидина-съ, отвѣчалъ онъ съ невозмутимою деликатностью.

— А аграфенина цвѣта нѣтъ?

— Нѣтъ-съ. Такого и быть не можетъ-съ.

— Это почему?

— Неприличное имя Аграфена-съ.

— Какъ неприличное? Почему?

— Извѣстно-съ: Аделаида, по крайней мѣрѣ, иностранное имя,

облагорожденное-съ: а Аграфеной могутъ называть всякую послѣднюю бабу-съ.

— Да ты съ ума сошелъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. я при своемъ умѣ-съ. Все—конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами: по разговорамъ моимъ многіе генералы и даже нѣкоторые столичные графы оставались довольны-съ.

— Да тебя какъ зовутъ?

— Видоплясовъ.

— А! Такъ это ты Видоплясовъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну, подожди-же, братъ. я и съ тобой познакомлюсь.

Однако, здѣсь что-то похоже на Бедламъ, подумалъ я про себя, сходя внизъ.

IV.

За чаемъ.

Тайная была та самая комната, изъ которой былъ выходъ на террасу, гдѣ я давеча встрѣтилъ Гаврилу. Таинственныя предвѣщанія дяди на счетъ пріема, меня ожидавшаго, очень меня безпокоили. Молодость иногда не въ мѣру самолюбива, а молодое самолюбіе почти всегда трусливо. Вотъ потому мнѣ чрезвычайно непріятно было, когда я, только что войдя въ дверь и увидя за чайнымъ столомъ все общество, вдругъ занырнулся за коверъ, пошатнулся и, спасая равновѣсіе, неожиданно вылетѣлъ на средину комнаты. Сконфузившись такъ, какъ будто я разомъ погубилъ свою карьеру, честь и доброе имя, стоялъ я безъ движенія, покраснѣвъ, какъ ракъ, и безсмысленно смотря на присутствовавшихъ. Упоминаю объ этомъ происшествіи, совершенно по себѣ ничтожномъ, единственно потому, что оно имѣло чрезвычайное вліяніе на мое расположеніе духа почти во весь тотъ день, а слѣдственно и на отношенія мои къ нѣкоторымъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Я попробовалъ было поклониться, не докончилъ, покраснѣлъ еще болѣе, бросился къ дядѣ и схватилъ его за руки.

— Здравствуйте, дядюшка, проговорилъ я, задыхаясь, желая сказать что-то совсѣмъ другое, гораздо остроумнѣе, но, совсѣмъ неожиданно, сказавъ только: «здравствуйте».

— Здравствуй, здравствуй, братецъ, отвѣчалъ страдавшій за

меня дядя:—вѣдь мы здоровались. Да не конфузься, пожалуйста, прибавилъ онъ немного:—это, братъ, со всѣми случается, да еще какъ! Бывало, хоть провалиться въ ту-жъ пору!.. Ну, а теперь, маменька, позвольте вамъ рекомендовать: вотъ нашъ молодой человѣкъ; онъ немного сконфузился, но вы его вѣрно полюбите. Племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ, добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ вообще.

Но прежде чѣмъ буду продолжать разсказъ, позвольте, любезный читатель, представить вамъ поименно все общество, въ которомъ я вдругъ очутился. Это даже необходимо для порядка разсказа.

Вся компанія состояла изъ нѣсколькихъ дамъ и только двухъ мужчинъ, не считая меня и дяди. Фомы Фомича —котораго я такъ желалъ видѣть и который, — я уже тогда-же чувствовалъ это,— былъ полновластнымъ владыкою всего дома, — не было: онъ бы-сталъ своимъ отсутствіемъ и какъ будто унесъ съ собою свѣтъ изъ комнаты. Всѣ были мрачны и озабочены. Этого нельзя было не замѣтить съ перваго взгляда: какъ ни былъ я самъ въ ту минуту смущенъ и разстроенъ, однако я видѣлъ, что дядя, напримѣръ, разстроенъ чуть-ли не такъ-же, какъ я, хотя онъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ скрыть свою заботу подъ видимою непринужденностью. Что-то тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ. Одинъ изъ двухъ мужчинъ, бывшихъ въ комнатѣ, былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, тотъ самый Обноскинъ, о которомъ давеча упоминалъ дядя, восхваляя его умъ и мораль. Этотъ господинъ мнѣ чрезвычайно не понравился: все въ немъ сбивалось на какой-то пошлый дурной тонъ: костюмъ его, не смотря на шикъ, былъ какъ-то потертъ и скуденъ; въ лицѣ его было что-то какъ будто тоже потертое. Бѣлобрысые, тонкіе, тараканьи усы, и неудавшаяся клочковатая бородёнка, очевидно, предназначены были предъявлять человѣка независимаго и, можетъ быть, вольнодумца. Онъ безпрестанно пришуривался, улыбался съ какою-то выдѣланною язвительностью, кобянился на своемъ стулѣ и поминутно смотрѣлъ на меня въ лорнетъ, но когда я къ нему поворачивался, онъ немедленно опускалъ свое стекляшко и какъ будто трусилъ. Другой господинъ, тоже еще человѣкъ молодой, лѣтъ двадцати восьми, былъ мой троюродный братецъ, Мизинчиковъ. Дѣйствительно, онъ былъ чрезвычайно молчаливъ. За часъ, во все время, онъ не сказалъ ни слова, не смѣялся, когда всѣ смѣялись; но я вовсе не замѣтилъ въ немъ никакой «забитости», которую видѣлъ въ немъ дядя: напротивъ, взглядъ его свѣтло-карихъ глазъ выражалъ рѣшимость и какую-то опредѣленность характера. Мизинчиковъ былъ смуглъ, черноволосъ и довольно красивъ: одѣтъ

очень прилично—на дядинъ счетъ, какъ узналъ я послѣ. Изъ дамъ я замѣтилъ прежде всѣхъ дѣвицу Перепелицыну, по ея необыкновенно злому, безкровному лицу. Она сидѣла возлѣ генеральши,—о которой будетъ особая рѣчь впослѣдствіи, — но не рядомъ, а нѣсколько сзади, изъ почтительности; помянутно нагибалась и шептала что-то на ухо своей покровительницѣ. Двѣ — три пожилыя приживалки, совершенно безъ рѣчей, сидѣли рядкомъ у окна и почтительно ожидали чаю, вытаращивъ глаза на матушку-генеральшу. Заинтересовала меня тоже одна толстая, совершенно расплывшаяся барыня, лѣтъ пятидесяти, одѣтая очень безвкусно и ярко, кажется, нарумяненная и почти безъ зубовъ, вмѣсто которыхъ торчали какіе-то почернѣвшіе и обломанные кусочки; это однако-жь, не мѣшало ей пищать, прищуриваться, модничать и чуть-ли не дѣлать глазки. Она была увѣшана какими-то цѣпочками и безпрерывно наводила на меня лорнетку, какъ мсье Обноскинъ. Это была его маменька. Смиренная Прасковья Ильинична, моя тетушка, разливала чай. Ей, видимо, хотѣлось обнять меня послѣ долгой разлуки и, разумѣется, тутъ-же расплакаться, но она не смѣла. Все здѣсь, казалось, было подъ какимъ-то запретомъ. Возлѣ нея сидѣла прехорошенькая, черноглазая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, глядѣвшая на меня пристально, съ дѣтскимъ любопытствомъ, — моя кузина Саша. Наконецъ, и, можетъ быть, всѣхъ болѣе, выдавалась на видъ одна престранная дама, одѣтая пышно и чрезвычайно юношественно, хотя она была далеко немолодая, по крайней мѣрѣ, лѣтъ тридцати пяти. Лицо у ней было очень худое, блѣдное и высохшее, но чрезвычайно одушевленное. Яркая краска поминутно появлялась на ея блѣдныхъ щекахъ, почти при каждомъ ея движеніи, при каждомъ волненіи. Волновалась-же она безпрерывно, вертѣлась на стулѣ и какъ будто не въ состояніи была и минутки просидѣть въ покоѣ. Она всматривалась въ меня съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, безпрерывно наклонялась пошептать что-то на ухо Сашенькѣ, или другой сосѣдкѣ, и тотчасъ-же принималась смѣяться самымъ простодушнымъ, самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Но всѣ ея эксцентричности, къ удивленію моему, какъ будто не обращали на себя ничьего вниманія, точно напередъ всѣ въ этомъ условились. Я догадался, что это была Татьяна Ивановна, та самая, въ которой, по выраженію дяди, было нѣчто фантасмагорическое, которую навязывали ему въ невѣсты, и за которой почти всѣ въ домѣ ухаживали за ея богатство. Мнѣ, впрочемъ, понравились ея глаза, голубые и кроткіе; и хотя около этихъ глазъ уже виднѣлись морщинки, но взглядъ ихъ былъ такъ простодушенъ, такъ веселъ и добръ, что какъ-то особенно пріятно было встрѣ-

чаться съ нимъ. Объ этой Татьянѣ Ивановнѣ, одной изъ настоящихъ «героинь» моего разсказа я скажу послѣ подробнѣе: біографія ея примѣчательна. Минутъ пять послѣ моего появленія въ чайной, вбѣжалъ изъ сада прехорошенькій мальчикъ, мой кузенъ, Илюша, завтрашній именинникъ, у котораго теперь оба кармана были набиты бабками, и въ рукахъ былъ кубарь. За нимъ вошла молодая, стройная дѣвушка, немного блѣдная и какъ будто усталая, но очень хорошенькая. Она окинула всѣхъ пытливымъ, неповѣрчивымъ и даже робкимъ взглядомъ, пристально посмотрѣла на меня и сѣла возлѣ Татьяны Ивановны. Помню, что у меня невольно стукнуло сердце: я догадался, что это была та самая гувернантка... Помню тоже, что дядя, при ея появленіи, вдругъ бросилъ на меня быстрый взглядъ и весь покраснѣлъ, потомъ нагнулся, схватилъ на руки Илюшу и поднесъ его мнѣ поцѣловать. Замѣтилъ я еще, что мадамъ Обноскина сперва пристально посмотрѣла на дядю, а потомъ съ саркастической улыбкой навела свой лорнетъ на гувернантку. Дядя очень смутился и, не зная что дѣлать, вызвалъ было Сашеньку, чтобъ познакомить ее со мной, но та только привстала и, молча, съ серьезною важностью, мнѣ присѣла. Это впрочемъ мнѣ понравилось, потому что къ ней шло. Въ ту-же минуту добрая тетушка, Прасковья Ильинична, не вытерпѣла, бросила разливать чай и кинулась было ко мнѣ лобызать меня, но я еще не успѣлъ ей сказать двухъ словъ, какъ тотчасъ-же раздался визгливый голосъ дѣвицы Перепелицыной, прошипѣвшей, что «видно, Прасковья Ильинична забыли-съ маменьку-съ (генеральшу), что маменька-съ требовали чаю-съ, а вы и не наливаете-съ, а онѣ ждутъ-съ», и Прасковья Ильинична, оставивъ меня, со всѣхъ ногъ бросилась къ своимъ обязанностямъ. Эта генеральша, самое важное лицо во всемъ этомъ кружкѣ и предъ которой всѣ ходили по струнѣ, была тощая и злая старуха, вся одѣтая въ трауръ. — Злая, впрочемъ, больше отъ старости и отъ потери послѣднихъ (и прежде еще небогатыхъ) умственныхъ способностей; прежде-же она была взрывная. Генеральство сдѣлало ее еще глупѣе и надменнѣе. Когда она злилась, весь домъ походилъ на адъ. У ней были двѣ манеры злиться. Первая манера была молчаливая, когда старуха по нѣсколькимъ днямъ не разжимала губъ своихъ и упорно молчала, толкая, а иногда даже кидая на полъ все, что передъ ней ни поставили. Другая манера была совершенно противоположная: краснорѣчивая. Начиналось обыкновенно тѣмъ, что бабушка — она, вѣдь, была мнѣ бабушка,— погружалась въ необыкновенное уныніе, ждала разрушенія міра и всего своего хозяйства, предчувствовала впереди нищету и всевозможное горе, вдохновлялась сама своими предчув-

ствіями, начинала по пальцамъ исчислять будущія бѣдствія, и приходила при этомъ счетъ въ какой-то восторгъ, въ какой-то азартъ. Разумѣется, открывалось, что она все давно ужь заранѣе предвидѣла и только потому молчала, что принуждена силою молчать «въ этомъ домѣ». «Но если-бъ только были къ ней почтительны, если-бъ только захотѣли ее заранѣе послушаться, то», и т. д., и т. д.: все это немедленно подкашивалось стаей приживаловъ, дѣвицей Перепелицыной, и, наконецъ, торжественно скрѣплялось Фомой Фомичемъ. Въ ту минуту, какъ я представлялся ей, она ужасно гнѣвалась и, кажется, по первому способу, молчаливому, самому страшному. Всѣ смотрѣли на нее съ боязнію. Одна только Татьяна Ивановна, которой спускалось рѣшительно все, была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Дядя нарочно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, подвелъ меня къ бабушкѣ: но та, сдѣлавъ кислую гримасу, со злостью оттолкнула отъ себя свою чашку.

— Это тотъ вол-ти-жеръ? проговорила она сквозь зубы и нараспѣвъ, обращаясь къ Перепелицыной.

Этотъ глупый вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку. Не понимаю, отчего она назвала меня вольтижеромъ? Но такіе вопросы ей были еще ни почемъ. Перепелицына нагнулась и пошептала ей что-то на ухо, но старуха злобно махнула рукой. Я стоялъ съ разинутымъ ртомъ и вопросительно смотрѣлъ на дядю. Всѣ переглянулись, а Обноскинъ даже оскалилъ зубы, что ужасно мнѣ не понравилось.

— Она, братъ, иногда заговаривается, шепнулъ мнѣ дядя, тоже отчасти потерявшійся:—но это ничего, она это такъ: это отъ добраго сердца. Ты, главное, на сердце смотри.

— Да, сердце! Сердце! раздался внезапно звонкій голосъ Татьяны Ивановны, которая все время не сводила съ меня своихъ глазъ и отчего-то не могла спокойно усидѣть на мѣстѣ: вѣроятно, слово «сердце», сказанное шепотомъ, долетѣло до ея слуха.

Но она не договорила, хотя ей, очевидно, хотѣлось что-то высказать. Сконфузилась-ли она, или что другое, только она вдругъ замолчала, покраснѣла ужасно, быстро нагнулась къ гувернанткѣ, пошептала ей что-то на ухо, и вдругъ, закрывъ ротъ платкомъ и откинувшись на спинку кресла, захохотала, какъ будто въ истерикѣ. Я оглядывалъ всѣхъ съ крайнимъ недоумѣніемъ: но, къ удивленію моему, всѣ были очень серьезны и смотрѣли такъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго. Я, конечно, понялъ кто была Татьяна Ивановна. Наконецъ, мнѣ подали чаю и я нѣсколько оправился. Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что я обязанъ завести самый любезный разговоръ съ дамами.

— Вы правду сказали, дядюшка, началъ я, — предостерегая меня давеча, что можно сконфузиться. Я откровенно признаюсь — къ чему скрывать? продолжалъ я, обращаясь съ заискивающей улыбкой къ мадамъ Обноскиной,—что до сихъ поръ совсѣмъ почти не зналъ дамскаго общества, и теперь, когда мнѣ случилось такъ неудачно войдти, мнѣ показалось, что моя поза среди комнаты была очень смѣшна и отзывалась нѣсколько тюфякомъ, — не правда-ли? Вы читали «Тюфяка»? заключилъ я, теряясь все болѣе и болѣе, красиѣя за свою заискивающую откровенность и грозно смотря на мсье Обноскина, который, скаля зубы, все еще оглядывалъ меня съ головы до ногъ.

— Именно, именно, именно! вскричалъ вдругъ дядя съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, искренно обрадовавшись, что разговоръ кое-какъ завязался и я поправляюсь.—Это, братъ, еще ничего, что ты, вотъ, говоришь, что можно сконфузиться. Ну, сконфузился, да и концы въ воду! А я, братъ, для перваго моего дебюта даже совралъ—вѣришь, или нѣтъ? Нѣтъ, ей Богу, Анфиса Петровна, это, я вамъ скажу, интересно прослушать. Только что поступилъ въ юнкера, пріѣзжаю въ Москву, отправляюсь къ одной важной барынѣ съ рекомендательнымъ письмомъ—то есть надменнѣйшая женщина была, но, въ сущности, право, предобрая, что̀-бъ ни говорили. Вхожу — принимаютъ. Гостиная полна народу, преимущественно тузы. Раскланялся, сѣлъ. Со втораго слова она мнѣ: «А есть-ли, батюшка, деревеньки?» То есть, ни курицы не было,— что̀ отвѣчать? Сконфузился въ прахъ. Всѣ на меня смотрятъ (ну, что, юнкеришка!). Ну, почему-бы не сказать: нѣтъ ничего; и благородно-бы вышло, потому что правду-бы сказалъ. Не выдержалъ! «Есть», говорю, «сто семнадцать душъ». И къ чему я тутъ эти семнадцать приплелъ? Ужь, коли врать, такъ и вралъ-бы круглымъ числомъ,—не правда-ли? Чрезъ минуту, по рекомендательному-же моему письму, оказалось, что я голь, какъ соколъ, и, въ добавокъ, совралъ! Ну, что̀ было дѣлать? Удралъ во всѣ лопатки и съ тѣхъ поръ ни ногой. Вѣдь у меня тогда еще ничего не было. Это все, что теперь: триста душъ отъ дядюшки Аѳанасія Матвѣича, да двѣсти душъ, съ Капитоновкой, еще прежде, отъ бабушки Акулины Панфиловны, и того пятьсотъ слишкомъ. Это хорошо! Только я съ тѣхъ поръ закаялся врать и не вру.

— Ну, я-бы на вашемъ мѣстѣ, не закаивался. Богъ знаетъ, что̀ можетъ случиться, замѣтилъ Обноскинъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Ну, да, это правда, правда! Богъ знаетъ, что̀ можетъ случиться, простодушно поддакнулъ дядя.

Обноскинъ громко захохоталъ, опрокинувшись на спинку кресла; его маменька улыбнулась; какъ-то особенно гадко захихикала и дѣвица Перепелицына; захохотала и Татьяна Ивановна, не зная чему, и даже забила въ ладоши, — словомъ, я видѣлъ ясно, что дядю въ его-же домѣ считали ровно ни во что̀. Сашенька, злобно сверкая глазками, пристально смотрѣла на Обноскина. Гувернантка покраснѣла и потупилась. Дядя удивился.

— А что? Что̀ случилось? повторилъ онъ, съ недоумѣніемъ озирая всѣхъ насъ.

Во все это время братецъ мой, Мизинчиковъ, сидѣлъ поодаль, молча, и даже не улыбнулся, когда всѣ засмѣялись. Онъ усердно пилъ чай, философически смотрѣлъ на всю публику и нѣсколько разъ, какъ будто въ припадкѣ невыносимой скуки, порывался засвистать, вѣроятно, по старой привычкѣ, но во̀-время останавливался. Обноскинъ, задиравшій дядю и покушавшійся на меня, какъ будто не смѣлъ и взглянуть на Мизинчикова: я это замѣтилъ. Замѣтилъ я тоже, что молчаливый братецъ мой часто посматривалъ на меня, и даже съ видимымъ любопытствомъ, какъ будто желая въ точности опредѣлить, что̀ я за человѣкъ.

— Я увѣрена, защебетала вдругъ мадамъ Обноскина: — я совершенно увѣрена, m-r Serge — вѣдь такъ, кажется? — что вы, въ вашемъ Петербургѣ, были небольшимъ обожателемъ дамъ. Я знаю, тамъ много, очень много развелось теперь молодыхъ людей, которые совершенно чуждаются дамскаго общества. Но, по моему, это все вольнодумцы. Я не иначе соглашаюсь на это смотрѣть, какъ на непростительное вольнодумство. И, признаюсь вамъ, меня это удивляетъ, удивляетъ, молодой человѣкъ, просто удивляетъ!..

— Совершенно не былъ въ обществѣ, отвѣчалъ я, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Но это... я, по крайней мѣрѣ, думаю, ничего-съ... Я жилъ, то есть я, вообще, нанималъ квартиру... но это ничего, увѣряю васъ. Я буду знакомъ; а до сихъ поръ я все сидѣлъ дома...

— Занимался науками, замѣтилъ, пріосанившись, дядя.

— Ахъ, дядюшка, вы все съ своими науками!.. Вообразите, продолжалъ я, съ необыкновенною развязностью, любезно осклабляясь и обращаясь снова къ Обноскиной: — мой дорогой дядюшка до такой степени преданъ наукамъ, что откопалъ гдѣ-то на большой дорогѣ какого-то чудодѣйственнаго, практическаго философа, г. Коровкина; и первое слово сегодня ко мнѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, было, что онъ ждетъ этого феноменальнаго чудодѣя съ какимъ-то судорожнымъ, можно сказать, нетерпѣніемъ... изъ любви къ наукѣ, разумѣется...

И я захихикалъ, надѣясь вызвать всеобщій смѣхъ въ похвалу моему остроумію.

— Кто такой? Про кого онъ? рѣзко проговорила генеральша, обращаясь къ Перепелицыной.

— Гостей-съ Егоръ Ильичъ напригласили-съ, ученыхъ-съ; по большимъ дорогамъ ѣздятъ, ихъ собираютъ-съ, съ наслажденіемъ пропищала дѣвица.

Дядя совсѣмъ растерялся.

— Ахъ, да! Я и забылъ! вскричалъ онъ, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ выражался укоръ:—жду Коровкина. Человѣкъ науки, человѣкъ останется въ столѣтіи...

Онъ осѣкся и замолчалъ. Генеральша махнула рукой и въ этотъ разъ такъ удачно, что задѣла за чашку, которая слетѣла со стола и разбилась. Произошло всеобщее волненіе.

— Это она всегда, какъ разсердится, возьметъ да и броситъ что-нибудь на полъ, шепталъ мнѣ сконфуженный дядя.—Но это только—когда разсердится... Ты, братъ, не смотри, не замѣчай, гляди въ сторону... Зачѣмъ ты объ Коровкинѣ-то заговорилъ?..

Но я и безъ того смотрѣлъ въ сторону: въ эту минуту я встрѣтилъ взглядъ гувернантки, и мнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ на меня былъ какой-то упрекъ, что-то даже презрительное: румянецъ негодованія ярко запылалъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Я понялъ ея взглядъ и догадался, что малодушнымъ и гадкимъ желаніемъ моимъ сдѣлать дядю смѣшнымъ, чтобъ хоть немного снять смѣшнаго съ себя, я не очень выигралъ въ расположеніи этой дѣвицы. Не могу выразить, какъ мнѣ стало стыдно!

— А я съ вами все о Петербургѣ, запылась опять Анфиса Петровна, когда волненіе, произведенное разбитой чашкой, утихло.— Я съ такимъ, можно сказать, наслажденіемъ вспоминаю нашу жизнь въ этой очаровательной столицѣ... Мы были очень близко знакомы тогда съ однимъ домомъ—помнишь, Ноль? Генералъ Половицынъ... Ахъ, какое очаровательное, о-ча-ро-вательное существо была генеральша! Ну, знаете, этотъ аристократизмъ, beau monde!.. Скажите: вы, вѣроятно, встрѣчались... Я, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждала васъ сюда: я надѣялась отъ васъ многое, многое узнать о петербургскихъ друзьяхъ нашихъ...

— Мнѣ очень жаль, что я не могу... извините... Я уже сказалъ, что очень рѣдко былъ въ обществѣ и совершенно не знаю генерала Половицына: даже не слыхивалъ, отвѣчалъ я съ нетерпѣніемъ, внезапно смѣнивъ мою любезность на чрезвычайно досадливое и раздраженное состояніе духа.

— Занимался минералогіей! съ гордостью подхватилъ непогра-

вимый дядя.—Это, брать, что камушки тамъ разные разсматривать, минералогія-то?

— Да, дядюшка, камни...

— Гм... Много есть наукъ, и все полезныхъ! А я, вѣдь, братъ, по правдѣ, и не зналъ, что такое минералогія! Слышу только, что звонятъ гдѣ-то на чужой колокольнѣ. Въ чемъ другомъ—еще такъ и сякъ, а въ наукахъ глупъ—откровенно каюсь!

— Откровенно кается? подхватилъ, ухмыляясь, Обноскинъ.

— Папочка! вскрикнула Саша съ укоризной смотря на отца.

— Что, душка? Ахъ Боже мой, я вѣдь все прерываю васъ, Анфиса Петровна, спохватился дядя, не понявъ восклицанія Сашеньки.—Извините, ради Христа!

— О, не безпокойтесь! отвѣчала съ кисленькою улыбочкой Анфиса Петровна.—Впрочемъ, я уже все сказала вашему племяннику и заключу развѣ тѣмъ, m-r Serge—такъ кажется? —что вамъ рѣшительно надо исправиться. Я вѣрю, что науки, искусства... ваніе, напримѣръ... ну, словомъ, всѣ эти высокія идеи имѣютъ, такъ сказать, свою о-ба-я-тельную сторону, но онѣ не замѣнятъ дамъ!.. Женщины, женщины, молодой человѣкъ, формируютъ васъ, и потому безъ нихъ невозможно, невозможно, молодой человѣкъ, не-воз-можно!

— Невозможно, невозможно! раздался снова нѣсколько крикливый голосъ Татьяны Ивановны.—Послушайте, начала она какъ-то дѣтски спѣша и, разумѣется, вся покраснѣвъ:—послушайте, я хочу васъ спросить...

— Что прикажете-съ, отвѣчалъ я, внимательно въ нее вглядываясь.

— Я хотѣла васъ спросить: на долго вы пріѣхали, или нѣтъ?

— Ей Богу, не знаю-съ; какъ дѣла...

— Дѣла! Какія у него могутъ быть дѣла?.. О, безумецъ...

И Татьяна Ивановна, красня до-нельзя и закрываясь вѣромъ, нагнулась къ гувернанткѣ и тотчасъ-же начала ей что-то шептать. Потомъ вдругъ засмѣялась и захлопала въ ладоши.

— Постойте! Постойте! вскричала она, отрываясь отъ своей конфидентки и снова торопливо обращаясь ко мнѣ какъ будто боясь, чтобъ я не ушелъ: — послушайте, знаете-ли что я вамъ скажу? Вы ужасно, ужасно похожи на одного молодаго человѣка, о-ча-ро-ва-тельнаго молодаго человѣка!.. Сашенька, Настенька, помните! Онъ ужасно похожъ на того безумца — помнишь, Сашенька! Еще мы катались и встрѣтили... верхомъ и въ бѣломъ жилетѣ... еще онъ навелъ на меня свой лорнетъ, безстыдникъ! Помните, я еще закрылась вуалью, но не утерпѣла, высунулась изъ коляски

и закричала ему: «безстыдникъ!» а потомъ бросила на дорогу мой букетъ... Помните, Настенька?

И полуиомѣшанная на кавалерахъ дѣвица, вся въ волненіи, закрыла лицо руками; потомъ вдругъ вскочила съ своего мѣста, порхнула къ окну, сорвала съ горшка розу, бросила ее близъ меня на полъ и убѣжала изъ комнаты. Только ее и видѣли! Въ этотъ разъ произошло даже нѣкоторое замѣшательство, хотя генеральша, какъ и въ первый разъ, была совершенно спокойна. Анфиса Петровна, напримѣръ, была не удивлена, но какъ будто чѣмъ-то вдругъ озабочена, и съ тоскою посмотрѣла на своего сына; барышни покраснѣли, а Ноль Обноскинъ, съ какою-то непонятною тогда для меня досадою, всталъ со стула и подошелъ къ окну. Дядя началъ было мнѣ дѣлать знаки, но въ эту минуту новое лицо вошло въ комнату и привлекло на себя всеобщее вниманіе.

— А! вотъ и Евграфъ Ларіоныч! Легокъ на поминѣ! закричалъ дядя, нелицемѣрно обрадовавшись.—Что, братъ, изъ города?

«Ну, чудаки! Ихъ какъ будто нарочно собирали сюда!» подумалъ я про себя, не понимая еще хорошенько всего, что происходило передъ моими глазами, не подозрѣвая и того, что и самъ я, кажется, только увеличилъ коллекцію этихъ чудаковъ, явясь между ними.

V.

Ежевикинъ.

Въ комнату вошла или, лучше сказать, какъ-то протѣснилась (хотя двери были очень широкія), фигура, которая еще въ дверяхъ сгибалась, кланялась и скалила зубы, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ. Это былъ маленькій старичокъ, рябой, съ быстрыми и воровatыми глазками, съ плѣшью и съ лысиной, и съ какой-то непредѣленной, тонкой усмѣшкой на довольно толстыхъ губахъ. Онъ былъ во фракѣ, очень изношенномъ и, кажется, съ чужаго плеча. Одна пуговица висѣла на ниточкѣ; двухъ или трехъ совсѣмъ не было. Дырявые сапоги, засаленная фуражка гармонировала съ его жалкой одеждой. Въ рукахъ его былъ бумажный клѣтчатый платокъ, весь засморканный, которымъ онъ обтиралъ потъ со лба и висковъ. Я замѣтилъ, что гувернантка немного покраснѣла и быстро взглянула на меня. Мнѣ

показалось даже, что въ этомъ взглядѣ было что-то гордое и вызывающее.

— Прямо изъ города, благодѣтель! Прямо —оттуда, отецъ родной! Все разскажу, только позвольте сначала честь заявить, проговорилъ вошедшій старичокъ и направился прямо къ генеральшѣ, но остановился на полдорогѣ и снова обратился къ дядѣ.

— Вы ужь извольте знать мою главную черту, благодѣтель: подлецъ, настоящій подлецъ! Вѣдь я, какъ вхожу, такъ ужь тотчасъ-же главную особу въ домѣ ищу, къ ней первой и стопы направляю, чтобъ такимъ образомъ, съ перваго шагу, милости и протекціи пріобрѣсти. Подлецъ, батюшка, подлецъ, благодѣтель! Позвольте, матушка, барыня, ваше превосходительство, платьице ваше поцѣловать, а то я губами-то ручку вашу, золотую, генеральскую, замараю.

Генеральша подала ему руку, къ удивленію моему, довольно благосклонно.

— И вамъ раскрасавица наша, поклонъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвицѣ Перепелицыной.—Что дѣлать, сударыня-барыня: подлецъ! Еще въ 1841 году было рѣшено, что подлецъ, когда изъ службы меня исключили, именно тогда, какъ Валентинъ Игнатьичъ Тихоневъ въ высокоблагородные попалъ: ассесора дали: его въ ассесоры, а меня въ подлецы. А ужь я такъ откровенно созданъ, что во всемъ признаюсь. Что дѣлать! Пробовалъ честно жить, пробовалъ, теперь надо попробовать иначе. Александра Егоровна, яблочко наше наливное. Продолжалъ онъ, обходя столъ и пробираясь къ Сашенькѣ: — позвольте ваше платьице поцѣловать: отъ васъ, барышня, яблочкомъ пахнетъ и всякими деликатностями. Имянинницу наше почтеніе: лукъ и стрѣлу вамъ, батюшка, привезъ, самъ цѣлое утро дѣлалъ: ребятишки мои помогали: вотъ ужо и будемъ спускать. А подростете, въ офицеры поступите, турку голову срубите.—Татьяна Ивановна... ахъ, да ихъ нѣтъ, благодѣтельницы! А то-бъ и у нихъ платьице поцѣловать. Прасковья Ильинична, матушка наша родная, протѣсниться-то только къ вамъ не могу, а то-бъ не только ручку, даже и ножку-бы вашу поцѣловалъ. — вотъ какъ-съ! Анфиса Петровна, мое вамъ всячесское уваженіе свидѣтельствую. Еще сегодня за васъ Бога молилъ, благодѣтельница, на колѣнкахъ, со слезами Бога молилъ, и за сыночка вашего тоже, чтобъ ниспослалъ ему всякихъ чиновъ и талантовъ: особенно талантовъ! Кстати ужь и Ивану Ивановичу Мизинчикову наше всенижайшее. Пошли вамъ Господь все, что сами себѣ желаете. Потому что и не разберешь, сударь, чего самп-то вы себѣ желаете: молчаливенькіе такіе-съ... Здравствуй, Настя! Вся моя мелюзга тебѣ

кланяется; каждый день о тебѣ поминаютъ. А вотъ теперь и хозяину большой поклонъ. Изъ города, ваше высокородіе, прямехонько изъ города. А это вѣрно племянничекъ вашъ, что въ ученомъ факультетѣ воспитывался? Почтеніе наше всенижайшее, сударь: пожалуйте ручку.

Раздался смѣхъ. Понятно было, что старикъ игралъ роль какого-то добровольнаго шута. Приходъ его развеселилъ общество. Многіе и не понимали его сарказмовъ, а онъ почти всѣхъ обошелъ. Одна гувернантка, которую онъ, къ удивленію моему, назвалъ просто Настей, красѣла и хмурилась. Я было отдернулъ руку: того только, кажется, и ждалъ старикашка.

— Да вѣдь я только пожать ее у васъ просилъ, батюшка; если только позволите, а не поцѣловать. А вы ужь думали, что поцѣловать? Нѣтъ, отецъ родной, покамѣстъ еще только пожать. Вы, благодѣтель, вѣрно меня за барскаго шута принимаете? проговорилъ онъ, смотря на меня съ насмѣшкою.

— Н... нѣтъ, помилуйте, я...

— То-то, батюшка! Коли я шутъ, такъ и другой кто нибудь тутъ! А вы меня уважайте: я еще не такой подлецъ, какъ вы думаете. Оно, впрочемъ, пожалуй, и шутъ. Я — рабъ, моя жена — рабыня, къ тому-же, польстя, польсти! Вотъ оно что! Все-таки что нибудь выиграешь, хотя ребятишкамъ на молочишко. Сахару, сахару-то побольше во все подсыпайте, такъ оно и здоровѣе будетъ. Это я вамъ, батюшка, по секрету говорю: можетъ, и вамъ пригодится. Фортуна зайла, благодѣтель, оттого я и шутъ.

— Хи-хи-хи! Ахъ, проказникъ этотъ старичокъ! Вѣчно-то онъ разсмѣшитъ! пропищала Анфиса Петровна.

— Матушка моя, благодѣтельница, вѣдь дурачкомъ-то лучше на свѣтѣ прожить! Знать-бы, такъ съ ранняго малету въ дураки-бъ записался, авось теперь былъ-бы умный. А то, какъ рано захотѣлъ быть умникомъ, такъ вотъ и вышелъ теперь старый дуракъ.

— Скажите, пожалуйста, ввязался Обноскинъ (которому, вѣрно, не нравилось замѣчаніе про *лягушку*), какъ-то особенно независимо развалясь въ креслѣ и разсматривая старика въ свое стекляшко, какъ какую нибудь козявку:—скажите, пожалуйста... все я забываю вашу фамилію .. какъ-бишь васъ?..

— Ахъ, батюшка! Да фамилья-то моя, пожалуй что и Елевинкинъ, да что въ томъ толку? Вотъ ужь девятый годъ безъ мѣста сижу—такъ и живу себѣ, по законамъ природы. А дѣтей-то, дѣтей-то у меня, просто, семейство Холмскихъ! Точно какъ по пословицѣ: «у богатаго—телята, а у бѣднаго—ребята»...

— Ну, да... телята... это, впрочемъ, въ сторону. Ну, послушайте, я давно хотѣлъ васъ спросить: зачѣмъ вы, когда входите, тотчасъ назадъ оглядываетесь? Это очень смѣшно.

— Зачѣмъ оглядываюсь? А все мнѣ кажется, батюшка, что меня сзади кто нибудь хочетъ ладошкой прихлопнуть, какъ муху, оттого и оглядываюсь. Мономанъ я сталъ, батюшка.

Опять засмѣялись. Гувернантка привстала съ мѣста, хотѣла было идти и снова опустилась въ кресло. Въ лицѣ ея было что-то больное, страдающее, не смотря на краску, заливавшую ея щеки.

— Это, братъ, знаешь кто? шепнулъ мнѣ дядя:—вѣдь это *ея* отецъ!

Я смотрѣлъ на дядю во всѣ глаза. Фамилія Ежевикинъ совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Я геройствовалъ, всю дорогу мечталъ о своей предполагаемой суженой, строилъ для нея великодушные планы и совершенно позабылъ ея фамилію или, лучше сказать, не обратилъ на это никакого вниманія съ самаго начала.

— Какъ, отецъ? отвѣчалъ я тоже шепотомъ.—Да вѣдь, я думалъ, она сирота?

— Отецъ, братъ, отецъ. И знаешь, пречестнѣйшій, преблагороднѣйшій человѣкъ, и даже не пьетъ, а только такъ изъ себя шута строитъ. Бѣдность, братъ, страшная, восемь человѣкъ дѣтей! Настенькинымъ жалованьемъ и живутъ. Изъ службы за язычекъ исключили. Каждую недѣлю сюда ѣздитъ. Гордый какой,—ни за что не возьметъ. Давалъ, много разъ давалъ,—не беретъ. Озлобленный человѣкъ!

— Ну, что̀, братъ, Евграфъ Ларіонычъ, что̀ тамъ, у васъ, новаго? спросилъ дядя и крѣпко ударилъ его по плечу, замѣтивъ, что мнительный старикъ уже подслушивалъ нашъ разговоръ.

— А что̀ новаго, благодѣтель? Валентинъ Игнатьичъ вчера объясненіе подавали-съ по Тришина дѣлу. У того въ бунтахъ недовѣсъ муки оказался. Это, барыня, тотъ самый Тришинъ, что смотритъ на васъ, а самъ точно самоваръ раздуваетъ. Можетъ изволите помнить? Вотъ Валентинъ-то Игнатьичъ и пишетъ про Тришина: «Ужъ если»,—говоритъ онъ,—«часто поминаемый Тришинъ, чести своей родной племянницы не могъ уберечь,—а та съ офицеромъ прошлаго года сбѣжала,—такъ гдѣ-же, говоритъ, было ему уберечь казенныя вещи?» Это онъ въ бумагѣ своей такъ и помѣстилъ—ей Богу, не вру-съ.

— Фи! Какія вы исторіи разсказываете! закричала Анфиса Петровна.

— Именно, именно, именно! Зарапортовался ты, братъ Евграфъ, поддакнулъ дядя.—Эй, пропадешь за языкъ! Человѣкъ ты прямой,

благородный, благонравный — могу заявить, да языкъ-то у тебя ядовитый! И удивляюсь я, какъ ты тамъ съ ними ужиться не можешь! Люди они, кажется, добрые, простые...

— Отецъ и благодѣтель! Да простаго-то человѣка я и боюсь! вскричалъ старикъ съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ.

Отвѣтъ мнѣ понравился. Я быстро подошелъ къ Ежевикину и крѣпко пожалъ ему руку. Но правдѣ, мнѣ хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь протестовать противъ всеобщаго мнѣнія, показавъ открыто старику мое сочувствіе. А можетъ быть, кто знаетъ! Можетъ быть, мнѣ хотѣлось поднять себя въ мнѣніи Настасьи Евграфовны. Но изъ движенія моего ровно ничего не вышло путнаго.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, по обычаю моему, покраснѣвъ и заторопившись: —слыхали вы про іезуитовъ?

— Нѣтъ, отецъ родной, не слыхалъ; такъ развѣ, что-нибудь... да гдѣ намъ! А что-съ?

— Такъ... я было, кстати, хотѣлъ разсказать... Впрочемъ, напомните мнѣ при случаѣ. А теперь, будьте увѣрены, что я васъ понимаю и... умѣю цѣнить...

И, совершенно смѣшавшись, я еще разъ схватилъ его за руку.

— Непремѣнно, батюшка, напомню, непремѣнно напомню! Золотыми литерами запишу. Вотъ, позвольте, и узелокъ завяжу, для памяти.

И онъ, дѣйствительно, завязалъ узелокъ, отыскавъ сухой кончикъ на своемъ грязномъ, табачномъ платкѣ.

— Евграфъ Ларіоныч, берите чаю, сказала Прасковья Ильинична.

— Тотчасъ, раскрасавица-барыня, тотчасъ. то есть, принцесса, а не барыня! Это вамъ за часъ. Степана Алексѣевича Бахчеева встрѣтилъ дорогой, сударыня! Такой развеселый, что на тебѣ! Я ужъ подумалъ, не жениться-ли собираются? Польети, польети! проговорилъ онъ полушепотомъ, пронося мимо меня чашку, подмигивая мнѣ и принцуриваясь. — А что-же благодѣтеля-то главнаго не видать, Ѳомы Ѳомича-съ? Развѣ не пробудутъ къ чаю?

Дядя вздрогнулъ, какъ будто его ужалили, и робко взглянулъ на генеральшу.

— Ужъ я, право не знаю, отвѣчалъ онъ нерѣшительно, съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ. — Звали его, да онъ... Не знаю, право, можетъ быть, не въ расположеніи духа. Я уже посылалъ Видоплясова и... развѣ, впрочемъ, мнѣ самому сходить?

— Заходилъ я къ нимъ сейчасъ, таинственно проговорилъ Ежевикинъ.

— Можетъ-ли быть? вскрикнулъ дядя въ испугѣ.—Ну, что-жъ?

— Напредъ всего заходилъ-съ, почтеніе свидѣтельствовалъ. Сказали, что они въ уединеніи чаю напьются, а потомъ прибавили, что они и сухой хлѣбной корочкой могутъ быть сыты, да-съ.

Слова эти, казались, поразили дядю настоящимъ ужасомъ.

— Да ты-бъ объяснилъ ему, Евграфъ Ларіонычъ, ты-бъ разсказалъ, проговорилъ, наконецъ, дядя, смотря на старика съ тоской и упрекомъ.

— Говорилъ-съ, говорилъ-съ.

— Ну?

— Долго не изволили мнѣ отвѣчать-съ. За математической задачей какой-то сидѣли, опредѣляли что-то: видно, головоломная задача была. Пиѳагоровы штаны при мнѣ начертили,—самъ видѣлъ. Три раза повторялъ, уже на четвертый только подняли головку и какъ будто впервые меня увидали. Не пойду, говорятъ: тамъ теперь *ученый* пріѣхалъ, такъ ужь гдѣ намъ быть подлѣ такого свѣтила.—Такъ и изволили выразиться, что подлѣ свѣтила.

И старикашка, искоса, съ насмѣшкою взглянулъ на меня.

— Ну, такъ я и ждалъ! вскричалъ дядя, всплеснувъ руками:— такъ я и думалъ! Вѣдь это онъ про тебя, Сергѣй, говоритъ, что «ученый». Ну, что̀ теперь дѣлать?

— Признаюсь, дядюшка, отвѣчалъ я, съ достоинствомъ пожимая плечами: — по моему, это такой смѣшной отказъ, что не стоитъ обращать и вниманія, и я, право, удивляюсь вашему смущенію...

— Охъ, братецъ, не знаешь ты ничего! вскрикнулъ онъ, энергически махнувъ рукой.

— Да ужь теперь нечего горевать-съ, ввязалась вдругъ дѣвица Перепелицына:—коли всѣ причины злыя отъ васъ самихъ съ первоначалу произошли-съ, Егоръ Ильичъ-съ. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ-съ. Послушали-бы маменьку-съ, такъ теперь-бы и не плакали-съ.

— Да чѣмъ-же, Анна Ниловна, я-то виноватъ? Побойтесь Бога! проговорилъ дядя умоляющимъ голосомъ, какъ будто напрашиваясь на объясненіе.

— Я Бога боюсь, Егоръ Ильичъ; а происходитъ все оттого, что вы эгоисты-съ и родительницу не любите-съ, съ достоинствомъ отвѣчала дѣвица Перепелицына.—Отчего вамъ было, съ первоначалу, воли ихъ не уважить-съ? Онѣ вамъ мать-съ. А я вамъ неправды не стану говорить-съ. Я сама подполковничья дочь, а не какая нибудь-съ.

Мнѣ показалось, что Перепелицына ввязалась въ разговоръ единственно съ тою цѣлію, чтобъ объявить всѣмъ намъ, и особенно

мнѣ, новоприбывшему, что она сама подполковничья дочь, а не какая нибудь-съ.

— Оттого, что онъ оскорбляетъ мать свою, грозно проговорила, наконецъ, сама генеральша.

— Маменька, помилосердуйте! Гдѣ-же я васъ оскорбляю?

— Оттого, что ты мрачный эгоистъ, Егорушка, продолжала генеральша, все болѣе и болѣе одушевляясь.

— Маменька, маменька! Гдѣ-же я мрачный эгоистъ? вскричалъ дядя почти въ отчаяніи:—пять дней, цѣлыхъ пять дней вы сердитесь на меня и не хотите со мной говорить! А за что? За что? Пусть-же судятъ меня, пусть цѣлый свѣтъ меня судитъ! Пусть, наконецъ, услышатъ и мое оправданіе. Я долго молчалъ, маменька: вы не хотѣли слушать меня: пусть-же теперь люди меня услышатъ. Анфиса Петровна! Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Сергѣй, другъ мой! Ты человѣкъ посторонній, ты, такъ сказать, зритель, ты безпристрастно можешь судить...

— Успокойтесь, Егоръ Ильичъ, успокойтесь, вскрикнула Анфиса Петровна:—не убивайте маменьку!

— Я не убью маменьку,—Анфиса Петровна: но вотъ грудь моя—разите! продолжалъ дядя, разгорячennый до послѣдней степени, что бываетъ иногда съ людьми слабохарактерными, когда ихъ выведутъ изъ послѣдняго терпѣнія, хотя вся горячка ихъ походитъ на огонь отъ зажженной соломы:—я хочу сказать, Анфиса Петровна, что я никого не оскорбляю. Я и начну съ того, что Ома Омичъ благороднѣйшій, честнѣйшій человѣкъ и, въ добавокъ, человѣкъ высшихъ качествъ, но... но онъ былъ несправедливъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Гм! промычалъ Обноскинъ, какъ будто желая подразнить еще болѣе дядю.

— Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Неужели-жь вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я, такъ сказать, безчувственный столбъ? Вѣдь я вижу, вѣдь я понимаю, со слезами сердца, можно сказать, понимаю, что всѣ эти недоразумѣнія отъ излишней любви *ее* ко мнѣ происходятъ. Но, воля ваша, онъ, ей Богу, несправедливъ въ этомъ случаѣ. Я все разскажу. Я хочу разсказать теперь эту исторію, Анфиса Петровна, во всей ея ясности и подробности, чтобъ видѣли, съ чего дѣло вышло и справедливо-ли на меня сердится маменька, что я не угодилъ Омѣ Омичу. Выслушай и ты меня, Сережа, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что дѣлалъ и во все продолженіе разсказа, какъ будто-бы боясь другихъ слушателей и сомнѣваясь въ ихъ сочувствіи:—выслушай и ты меня, и рѣши: правъ я, или нѣтъ. Вотъ видишь,

вотъ съ чего началась вся исторія: недѣлю назадъ—да именно не больше недѣли—проѣзжаетъ черезъ нашъ городъ бывшій начальникъ, мой, генералъ Русапетовъ, съ супругою и свояченицею. Останавливаются на время. Я пораженъ. Спѣшу воспользоваться случаемъ, лечу, представляюсь и приглашаю къ себѣ на обѣдъ. Обѣщалъ, если можно будетъ. То есть, благороднѣйшій человѣкъ, я тебѣ скажу: блеститъ добродѣтелями и, въ добавокъ, вельможа! Свояченицу свою облагодѣтельствовалъ; одну сироту замужъ выдалъ за дивнаго молодаго человѣка (теперь стряпчимъ въ Малиновѣ; еще молодой человѣкъ, но съ какимъ-то, можно сказать, универсальнымъ образованіемъ!),—словомъ, изъ генераловъ генералъ! Ну, у насъ, конечно, возня, трескотня, повара, фрикасеи; музыку выписываю. Я, разумѣется, радъ и смотрю имянинникомъ. Не понравилось Ѳомѣ Ѳомичу, что я радъ и смотрю имянинникомъ! Сидѣлъ за столомъ—помню еще, подавали его любимый киселекъ со сливками—молчалъ-молчалъ, да какъ вскочитъ: «Обижаютъ меня, обижаютъ!»—«Да чѣмъ-же, говорю, тебя, Ѳома Ѳомичъ, обижаютъ?»—«Вы теперь, говоритъ, мною пренебрегаете: вы генералами теперь занимаетесь, вамъ теперь генералы дороже меня!» Ну, разумѣется, я теперь все это вкратцѣ тебѣ передаю, такъ сказать, одну только сущность: но если-бъ ты зналъ, что̀ онъ еще говорилъ... словомъ, потрясъ всю мою душу! Что̀ ты будешь дѣлать? Я, разумѣется, падаю духомъ: фрапировало меня это, можно сказать, хожу, какъ мокрый пѣтухъ. Наступаетъ торжественный день. Генералъ присылаетъ сказать, что не можетъ: извиняется,—значитъ, не будетъ. Я къ Ѳомѣ: «Ну, Ѳома, успокойся! Не будетъ». Что-жь-бы ты думалъ? Не прощаетъ, да и только! «Обидѣли, говоритъ, меня, да и только!» Я и такъ и сякъ. «Нѣтъ, говоритъ, ступайте къ своимъ генераламъ: вамъ генералы дороже меня, вы узы дружества, говоритъ, разорвали». Другъ ты мой! Вѣдь я понимаю, за что онъ сердится. Я не столбъ, не баранъ, не тунеядецъ какой-нибудь! Вѣдь это онъ изъ излишней любви ко мнѣ, такъ сказать, изъ ревности дѣлаетъ—онъ это самъ говоритъ—онъ ревнуетъ меня къ генералу, расположеніе мое боится потерять, испытываетъ меня, хочетъ узнать, чѣмъ я для него могу пожертвовать: «Нѣтъ, говоритъ, я самъ для васъ все равно, что генералъ, я самъ для васъ ваше превосходительство! Тогда помирюсь съ вами, когда вы мнѣ свое уваженіе докажете».—«Чѣмъ-же я тебѣ докажу мое уваженіе, Ѳома Ѳомичъ?»—«А называйте, говоритъ, меня цѣлый день: ваше превосходительство: тогда и докажете уваженіе». Упадаю съ облаковъ! Можешь представить себѣ мое удивленіе! «Да послужитъ это, говоритъ, вамъ урокомъ, чтобъ вы не восхищались впередъ гене-

рами, когда и другіе люди, можетъ, еще почище вашихъ всѣхъ генераловъ!» Ну, тутъ ужь и я не вытерпѣлъ, каюсь! Открыто каюсь! «Фома Фомичъ, говорю, развѣ это возможное дѣло? Ну, могу-ли я рѣшиться на это? Развѣ я могу, развѣ я въ правѣ произвести тебя въ генералы? Подумай, кто производитъ въ генералы? Ну, какъ я скажу тебѣ: ваше превосходительство? Да вѣдь это, такъ сказать, посягновеніе на величіе судебъ! Да вѣдь генералъ служитъ украшеніемъ отечеству: генералъ воевалъ, онъ свою кровь на полѣ чести пролилъ! Какъ-же я тебѣ-то скажу: ваше превосходительство? Не унимается, да и только! Что хочешь, говорю, Фома, все для тебя сдѣлаю. Вотъ ты велѣлъ мнѣ сбрить бакенбарды потому что въ нихъ мало патріотизма,—я сбрилъ, поморщился, а сбрилъ. Мало того, сдѣлаю все, что тебѣ будетъ угодно, только откажись отъ генеральскаго сана!» «Нѣтъ, говоритъ, не помрюсь до тѣхъ поръ, пока не скажутъ: ваше превосходительство!» «Это, говоритъ, для нравственности вашей будетъ полезно: это смиритъ вашъ духъ!» говоритъ. И вотъ теперь ужь недѣлю, цѣлую недѣлю говорить не хочетъ со мной; на всѣхъ, кто ни пріѣдетъ, сердится. Про тебя услыхалъ, что ученый—это я виноватъ: погорячился, разболтался! «Такъ сказалъ, что нога его въ домъ не будетъ, если ты въ домъ войдешь. «Значитъ, говоритъ, ужь я теперь для васъ не ученый». Вотъ бѣда будетъ, какъ узнаетъ теперь про Коровкина! Ну, помилуй, ну, посуди, ну чѣмъ-же я тутъ виноватъ? Ну, неужели-жь рѣшиться сказать ему: «ваше превосходительство?» Ну, можно-ли жить въ такомъ положеніи? Ну, за что онъ сегодня бѣднякъ Бахчеева изъ-за стола прогналъ? Ну, положимъ, Бахчеевъ не сочинилъ астрономіи; да вѣдь и я не сочинилъ астрономіи, да вѣдь и ты не сочинилъ астрономіи... Ну за что, за что?

— А за то, что ты завистливъ, Егорушка, промямлила опять генеральша.

— Маменька! вскричалъ дядя, въ совершенномъ отчаяніи: вы сведете меня съ ума!.. Вы не свои, вы чужія рѣчи переговариваете, маменька! Я, наконецъ, столбомъ, тумбою, фонаремъ дѣлаюсь, а не вашимъ сыномъ!

— Я слышалъ, дядюшка, перебилъ я, изумленный до послѣдней степени разсказомъ: — я слышалъ отъ Бахчеева — не знаю, впрочемъ, справедливо, или нѣтъ—что Фома Фомичъ позавидовалъ именинамъ Ильши и утверждаетъ, что и самъ онъ завтра именинникъ. Признаюсь, эта характеристическая черта такъ меня изумила, что я...

— Рожденье, братецъ, рожденье, не именины, а рожденье! ско-

роговоркою перебилъ меня дядя. — Онъ не такъ только выразился, а онъ правъ: завтра его рожденье. Правда, братъ, прежде всего...

— Совсѣмъ не рожденье! крикнула Сашенька.

— Какъ не рожденье? вскрикнулъ дядя, оторопѣвъ.

— Вовсе не рожденье, папочка! Это вы просто неправду говорите, чтобъ самого себя обмануть, да Ѳомѣ Ѳомичу угодить. А рожденье его въ мартѣ было, — еще, помните, мы передъ этимъ на богомолье въ монастырь ѣздили, а онъ сидѣть никому не далъ покойно въ каретѣ: все кричалъ, что ему бокъ *раздавила* подушка, да щипался: тетушку, со злости, два раза ущипнулъ! А потомъ, когда въ рожденье мы пришли поздравлять, разсердился, зачѣмъ не было камелій въ нашемъ букетѣ. Я, говоритъ, люблю камелій, потому что у меня вкусъ высшаго общества, а вы для меня пожалѣли въ оранжереѣ нарвать». И цѣлый день киснулъ, да кукселся, съ нами говорить не хотѣлъ...

Я думаю, если-бъ бомба упала среди комнаты, то это не такъ-бы изумило и испугало всѣхъ, какъ это открытое возстаніе — и кого-же? дѣвочки, которой даже и говорить не позволялось громко въ бабушкиномъ присутствіи. Генеральша, нѣмая отъ изумленія и отъ бѣшенства, привстала, выпрямилась и смотрѣла на дерзкую внучку свою, не вѣря глазамъ. Дядя обмеръ отъ ужаса.

— Экую волю даютъ! Уморить хотятъ бабиньку-съ! крикнула Перепелицына.

— Саша, Саша, опомнись! Что съ тобой, Саша? кричалъ дядя, бросаясь то къ той, то къ другой, то къ генеральшѣ, то къ Сашенькѣ, чтобъ остановить ее.

— Не хочу молчать, папочка! закричала Саша, вдругъ вскочивъ со стула, топая ножками и сверкая глазенками: — не хочу молчать! Мы всѣ долго терпѣли изъ-за Ѳомы Ѳомича, изъ-за скверная, изъ-за гадкаго вашего Ѳомы Ѳомича! Потому что Ѳома Ѳомичъ всѣхъ насъ погубитъ, потому что ему то и дѣло толкуютъ, что онъ умница, великодушный, благородный, ученый, смѣсь всѣхъ добродѣтелей, попурри какое-то, а Ѳома Ѳомичъ, какъ дуракъ, всему и повѣрилъ! Столько сладкихъ блюдъ ему нанесли, что другому-бы совѣстно стало, а Ѳома Ѳомичъ скушалъ все, что передъ нимъ ни поставили, да и еще проситъ. Вотъ вы увидите, всѣхъ насъ съѣстъ, а виноватъ всему папочка! Гадкій, гадкій Ѳома Ѳомичъ, прямо скажу, никого не боюсь! Онъ глупъ, капризенъ, замаранка, неблагородный, жестокосердный, тиранъ, сплетникъ, лгунишка... Ахъ, я-бы непремѣнно, непремѣнно, сейчасъ-же прогнала его со двора, а папочка его обожаетъ, а папочка отъ него безъ ума!..

— Ахъ!.. вскрикнула генеральша и покатилась въ изнеможеніи на диванъ.

— Голубчикъ мой, Агафья Тимоѳеевна, ангелъ мой! кричала Анфиса Петровна,—возьмите мой флаконъ! Воды, скорѣе воды!

— Воды, воды!—кричалъ дядя:—маменька, маменька, успокойтесь! На колѣняхъ умоляю васъ успокоиться!..

— На хлѣбъ-на воду васъ посадить-съ, да изъ темной комнаты не выпускать-съ... человѣкоубійцы вы этакія! прошипѣла на Сашеньку дрожавшая отъ злости Перепелицына.

— И сяду на хлѣбъ-на воду, ничего не боюсь! кричала Сашенька, въ свою очередь пришедшая въ какое-то самозабвеніе.— Я папочка защищаю, потому что онъ самъ себя защитить не умѣетъ. Кто онъ такой, кто онъ, вашъ Ѳома Ѳомичъ, передъ папочкою? У папочки хлѣбъ ѣстъ, да папочку-же и унижаетъ, неблагодарный! Да я-бъ его разорвала въ куски, вашего Ѳому Ѳомича! На дуэль-бы его вызвала, да тутъ-бы и убила изъ двухъ пистолетовъ...

— Саша, Саша! кричалъ въ отчаяніи дядя.—Еще одно слово— и я погибъ, безвозвратно погибъ!

— Папочка! вскричала Саша, вдругъ стремительно бросаясь къ отцу, заливаясь слезами и крѣпко обвивъ его своими ручками: — папочка! Ну вамъ-ли, доброму, прекрасному, веселому, умному, вамъ-ли, вамъ-ли такъ себя погубить? Вамъ-ли подчиняться этому скверному, неблагодарному человѣку, быть его игрушкой, на смѣхъ себя выставлять? Папочка, золотой мой папочка!..

Она зарыдала, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Началась страшная суматоха. Генеральша лежала въ обморокѣ. Дядя стоялъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки. Дѣвица Перепелицына увивалась около нихъ и бросала на насъ злобные, но торжествующіе взгляды. Анфиса Петровна смачивала виски генеральши водою и возилась съ своимъ флакономъ. Прасковья Ильинична тряслась и заливалась слезами; Ежевикинъ искалъ уголка, куда-бы забиться, а гувернантка стояла блѣдная, совершенно потерявшись отъ страха. Одинъ только Мизинчиковъ оставался совершенно по прежнему. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и принялся пристально смотрѣть въ него, рѣшительно не обращая вниманія на всю эту сцену.

Вдругъ генеральша приподнялась съ дивана, выпрямилась и обмѣрила меня грознымъ взглядомъ.

— Вонъ! крикнула она, притопнувъ на меня ногою.

Я долженъ признаться, что этого совершенно не ожидалъ.

— Вонъ! Вонъ изъ дому; вонъ! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Чтобъ и духу его не было! Вонъ!

— Маменька! Маменька, что вы! Да вѣдь это Серёжа, бормотать дядя, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха. Вѣдь онъ, маменька, къ намъ въ гости пріѣхалъ.

— Какой Серёжа? Вздоръ! Не хочу ничего слышать: вонъ! Это Коровкинъ. Я увѣрена, что это Коровкинъ. Меня предчувствіе не обманываетъ. Онъ пріѣхалъ Ому Омича выжить: его и вышли для этого. Мое сердце предчувствуетъ... Вонъ, негодяя!

Дядюшка, если такъ, сказалъ я, захлебываясь отъ благороднаго негодованія: — если такъ, то я... извините меня... И я схватился за шляпу.

— Сергѣй, Сергѣй, что ты дѣлаешь?... Ну, вотъ теперь этотъ... Маменька! Вѣдь это Серёжа!.. Сергѣй, помилуй! кричалъ онъ, поднявъ за мной и силясь отнять у меня шляпу: — ты мой гость, ты останешься, я хочу! Вѣдь это она только такъ, — прибавилъ онъ шепотомъ: — вѣдь это она только когда разсердится... Ты только теперь, первое время, спрячься куда нибудь... побудь гдѣ нибудь — и ничего, все пройдетъ. Она тебя проститъ. — увѣряю тебя! Она добрая, а только такъ, заговаривается... Слышишь, она принимаетъ тебя за Коровкина, а потомъ проститъ, увѣряю тебя... Ты чего? закричалъ онъ дрожавшему отъ страха Гаврилѣ, вошедшему въ комнату.

Гаврила вошелъ не одинъ: съ нимъ былъ дворовый парень, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прехорошенькій собой, взятый во дворъ за красоту, какъ узналъ я послѣ. Звали его Фалалеемъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то особенный костюмъ, въ красной шелковой рубашкѣ, обшитой по вороту позументомъ, съ золотымъ галуннымъ поясомъ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ и въ козловыхъ сапожкахъ, съ красными отворотами. Этотъ костюмъ былъ затѣей самой генеральши. Мальчикъ пребольно рыдалъ и слезы, одна за другой, катились изъ большихъ, голубыхъ глазъ его.

— Это еще что? вскричалъ дядя: — что случилось? Да говорите же, разбойникъ!

Ома Омичъ велѣлъ быть сюда: сами во слѣдъ идутъ, отвѣчалъ скорбный Гаврила:— мнѣ на экзаменъ, а онъ...

— А онъ?

— Плясалъ-съ, отвѣчалъ Гаврила плачевнымъ голосомъ.

— Плясалъ! вскрикнулъ въ ужасѣ дядя.

— Пля-салъ! проревѣлъ Фалалей, всхлипывая.

— Комариискаго?

— Ко-ма-рипскаго!

— А Ома Омичъ засталъ?

— Зас-талъ!

— Дорѣзали! вскрикнулъ дядя: —пропала моя голова! и обѣими руками схватилъ себя за голову.

— Ома Омичъ! возвѣстилъ Видоплясовъ, входя въ комнату.

Дверь отворилась, и Ома Омичъ самъ своею собственною особою предсталъ передъ озадаченной публикой.

VI.

Про бѣлаго быка и про комаринскаго мужика.

Но прежде, чѣмъ я буду имѣть честь лично представить читателю вошедшаго Ома Омича, я считаю совершенно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Фалалеѣ и объяснить, что именно было ужаснаго въ томъ, что онъ плясалъ комаринскаго, а Ома Омичъ засталъ его въ этомъ веселомъ занятіи. Фалалей былъ дворовый мальчикъ, сирота съ колыбели и крестникъ покойной жены моего дяди. Дядя его очень любилъ. Одного этого совершенно достаточно было, чтобъ Ома Омичъ, переселясь въ Степанчиково и покоривъ себѣ дядю, возненавидѣлъ любимца его, Фалалея. Но мальчикъ какъ-то особенно понравился генеральшѣ и, не смотря на гнѣвъ Омы Омича, остался вверху, при господахъ: настояла въ этомъ сама генеральша, и Ома уступилъ, сохраняя въ сердцѣ своемъ обиду,— онъ все считалъ за обиду,— и отмщая за нее ни въ чемъ невиноватому дядѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ. Фалалей былъ удивительно хорошъ собой. У него было лицо дѣвичье, лицо красавицы деревенской дѣвушки. Генеральша холила и нѣжила его, дорожила имъ, какъ хорошенькой, рѣдкой игрушкой: и еще неизвѣстно, кого она больше любила: свою-ли маленькую, курчавенькую собачку Ами, или Фалалея? Мы уже говорили о его костюмѣ, который былъ ея изобрѣтеніемъ. Барышни выдавали ему помаду, а парикмахеръ Кузьма обязанъ былъ завивать ему по праздникамъ волосы. Этотъ мальчикъ былъ какое-то странное созданіе. Нельзя было назвать его совершеннымъ идіотомъ, или юродивымъ, но онъ былъ до того наивенъ, до того правдивъ и простодушенъ, что иногда дѣйствительно его можно было счесть дурачкомъ. Приснится-ли ему сонъ, онъ готовъ-же идетъ къ господамъ разсказывать. Онъ вмѣшивается въ разговоръ господъ, не заботясь о томъ, что ихъ прерываетъ. Онъ разсказываетъ имъ такія вещи, которыя никакъ нельзя разсказывать господамъ. Онъ заливается самыми искренними слезами, когда барыня надаетъ въ обморокъ,

или когда ужь слишкомъ забранятъ его барина. Онъ сочувствуетъ всякому несчастью. Иногда подходитъ къ генеральшѣ, цѣлуетъ ея руки и проситъ, чтобъ она не сердилась—и генеральша великодушно прощаетъ ему эти смѣлости. Онъ чувствителенъ до крайности, добръ и незлобивъ, какъ баранекъ, веселъ, какъ счастливый ребенокъ. Со стола ему подаютъ подачку.

Онъ постоянно становится за стуломъ генеральши и ужасно любитъ сахаръ. Когда ему дадутъ сахарцу, онъ тутъ-же сгрызетъ его своими крѣпкими, бѣлыми, какъ молоко, зубами и неописанное удовольствіе сверкаетъ въ его веселыхъ, голубыхъ глазахъ и на всемъ его хорошенькомъ личикѣ.

Долго гнѣвался Ѳома Ѳомичъ; но, разсудивъ, наконецъ, что гнѣвомъ не возьмешь, онъ вдругъ рѣшился быть благодѣтелемъ Ѳалалею. Разбранивъ сперва дядю за то, что ему нѣтъ дѣла до образованія дворовыхъ людей, онъ рѣшилъ немедленно обучать бѣднаго мальчика нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку. «Какъ!» говорилъ онъ, защищая свою нелѣпую мысль (мысль, приходившую въ голову и не одному Ѳомѣ Ѳомичу, чему свидѣтелемъ пишущій эти строки):— какъ! онъ всегда вверху при своей госпожѣ: вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по французски, скажетъ ему, напримѣръ, donnè mуá mon-mушуарь—онъ долженъ и тутъ найдтись, и тутъ услужить!» Но оказалось, что не только нельзя было Ѳалалея выучить по французски, но что поваръ Андронъ, его дядя, безкорыстно старавшійся научить его русской грамотѣ, давно уже махнулъ рукой и сложилъ азбуку на полку. Ѳалалей былъ до того тупъ на книжное обученіе, что не понималъ рѣшительно ничего. Мало того: изъ этого даже вышла исторія. Дворовые стали дразнить Ѳалалея французомъ, а старикъ Гаврила, заслуженный камердинеръ дядюшки, открыто осмѣлился отрицать пользу изученія французской грамоты. Дошло до Ѳомы Ѳомича и, разгнѣвавшись, онъ, въ наказаніе, заставилъ учиться по французски самого оппонента, Гаврилу. Вотъ съ чего и взялась вся эта исторія о французскомъ языкѣ, такъ разсердившая г. Бахчеева. На счетъ манеръ было еще хуже: Ѳома рѣшительно не могъ образовать по своему Ѳалалея, который, не смотря на запрещеніе, приходилъ по утрамъ разсказывать ему свои сны, что̀ Ѳома Ѳомичъ, съ своей стороны, находилъ въ высшей степени неприличнымъ и фамильярнымъ. Но Ѳалалей упорно оставался Ѳалалеемъ. Разумѣется, за все это прежде всѣхъ доставалось дядѣ.

— Знаете-ли, знаете-ли, что̀ онъ сегодня сдѣлалъ? кричитъ, бывало, Ѳома, для бо̀льшаго эффекта, выбравъ время, когда всѣ въ сборѣ.—Знаете-ли, полковникъ, до чего доходитъ ваше систе-

матическое баловство? Сегодня онъ сожралъ кусокъ пирога, который вы ему дали за столомъ и, знаете-ли, что онъ сказалъ послѣ этого? Поди сюда, поди сюда, нелѣпая душа, поди сюда, идіотъ, румяная ты рожа!..

Фалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что ты сказалъ, когда сожралъ свой пирогъ? Повтори при всѣхъ!

Фалалей не отвѣчаетъ и заливается горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли такъ. Ты сказалъ, трепнувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: «нагрескался пирога, какъ Мартынъ мыла!» Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это, иль нѣтъ? Говори!

— Ска-залъ!.. подтверждаетъ Фалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи мнѣ теперь: развѣ Мартынъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори-же, дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартынѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, пристаетъ Фома: кто именно этотъ Мартынъ? Я хочу его видѣть, хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто-же онъ? Регистраторъ, астрономъ, поднехонецъ, поэтъ, кантонармусъ, дворовый человѣкъ,—кто-нибудь долженъ-же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-вый че-ло-вѣкъ, отвѣчаетъ, наконецъ, Фалалей, продолжая плакать.

— Чей? Чьихъ господъ?

Но Фалалей не умѣетъ сказать чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Фома, въ сердцахъ, убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя клянетъ часъ своего рожденія, проситъ у всѣхъ прощенія и всю остальную часть дня ходитъ на цыпочкахъ, въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

Какъ нарочно случилось такъ, что на другой-же день послѣ исторіи съ мартыновымъ мыломъ, Фалалей, принеся утромъ чай Фомѣ Фомичу и совершенно успѣвъ забыть и Мартына и все вчерашнее горе, сообщилъ ему, что видѣлъ сонъ про бѣлаго быка. Этого еще не доставало! Фома Фомичъ пришелъ въ неописанное негодованіе, немедленно призвалъ дядю и началъ распекать его за неприличіе сна, видѣннаго *его* Фалалеемъ. Въ этотъ разъ были приняты строгія мѣры: Фалалей былъ наказанъ; онъ сталъ въ углу на колѣняхъ. На-строго запретили ему видѣть такіе грубые, мужицкіе сны. «Я за что серкусь», говорилъ Фома: «кромѣ того, что онъ, по настоящему, не долженъ-бы смѣть и подумать лѣзть

ко мнѣ съ своими снами, тѣмъ болѣе съ бѣлымъ быкомъ; кромѣ этого—согласитесь сами, полковникъ—что̀ такое бѣлый быкъ, какъ не доказательство грубости, невѣжества, мужичества вашего неотесаннаго Фалалея? Каковы мысли, таковы и сны. Развѣ не говорилъ я заранѣе, что изъ него ничего не выйдетъ, и что не слѣдовало оставлять его вверху, при господахъ? Никогда, никогда не развьете вы эту безсмысленную простонародную душу во что нибудь возвышенное, поэтическое. «Развѣ ты не можешь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Фалалею,—развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что нибудь изящное, нѣжное, облагороженное, какую-нибудь сцену изъ хорошаго общества, напримѣръ, хоть господъ, играющихъ въ карты, или дамъ, прогуливающихся въ прекрасномъ саду?» Фалалей обѣщалъ непремѣнно увидать въ слѣдующую ночь господъ или дамъ, гуляющихъ въ прекрасномъ саду.

Ложась спать, Фалалей со слезами молилъ объ этомъ Бога и долго думалъ, какъ-бы сдѣлать такъ, чтобъ не видѣть проклятаго бѣлаго быка? Но надежды человѣческія обманчивы. Проснувшись на другое утро, онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что опять всю ночь ему снился про ненавистнаго бѣлаго быка и не приснилось ни одной дамы, гуляющей въ прекрасномъ саду. Въ этотъ разъ послѣдствія были особенныя. Фома Фомичъ объявилъ рѣшительно, что не вѣритъ возможности подобнаго случая, возможности подобнаго повторенія сна, а что Фалалей нарочно подученъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, а, можетъ быть, и самимъ полковникомъ, чтобъ сдѣлать въ пику Фомѣ Фомичу. Много было крику, упрековъ и слезъ. Генеральша къ вечеру захворала; весь домъ повѣсилъ носъ. Оставалась еще слабая надежда, что Фалалей въ слѣдующую, то есть въ третью ночь, непремѣнно увидитъ что-нибудь изъ высшаго общества. Каково-же было всеобщее негодованіе, когда цѣлую недѣлю сряду, каждую Божію ночь, Фалалей постоянно видѣлъ бѣлаго быка, и одного только бѣлаго быка! О высшемъ обществѣ нечего было и думать.

Но всего интереснѣе было то, что Фалалей никакъ не могъ догадаться солгать, просто сказать, что видѣлъ не бѣлаго быка, а хоть, напримѣръ, карету, наполненную дамами и Фомой Фомичемъ: тѣмъ болѣе, что солгать, въ такомъ крайнемъ случаѣ, было даже не такъ и грѣшно. Но Фалалей былъ до того правдивъ, что рѣшительно не умѣлъ солгать, если-бъ даже и захотѣлъ. Объ этомъ даже и не намекали ему. Всѣ знали, что онъ измѣнитъ себѣ въ первое-же мгновеніе, и что Фома Фомичъ тотчасъ-же поймаетъ его во лжи. Что̀ было дѣлать? Положеніе дяди становилось невыносимымъ. Фалалей былъ рѣшительно неисправимъ. Бѣдный мальчикъ

даже сталъ худѣть отъ тоски. Ключница Маланья утверждала, что его испортили и спрыснула его съ уголька водою. Въ этой полезной операціи участвовала и сердобольная Прасковья Ильинична. Но даже и это не помогло. Ничего не помогало!

— Да пусто-бъ его взяло, треклятаго! разсказывалъ Фалалей:—каждую ночь снится! Каждый разъ съ вечера молюсь: — сонъ не сшись про бѣлаго быка, сонъ не сшись про бѣлаго быка! — А онъ тутъ—какъ тутъ, проклятый, стоитъ передо мной, большой, съ рогами, тупогубый такой, у-у-у!

Дядя былъ въ отчаяніи. Но, къ счастью, Ѳома Ѳомичъ вдругъ какъ будто забылъ про бѣлаго быка. Конечно, никто не вѣрилъ, что Ѳома Ѳомичъ можетъ забыть о такомъ важномъ обстоятельствѣ. Всѣ со страхомъ полагали, что онъ приберегаетъ бѣлаго быка про запасъ и обнаружитъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Ѳомѣ Ѳомичу въ это время было не до бѣлаго быка: у него случились другія дѣла, другія заботы: другіе замыслы созрѣвали въ полезной и многодумной его головѣ. Вотъ почему онъ и далъ спокойно вздохнуть Фалалею. Вмѣстѣ съ Фалалеемъ и всѣ отдохнули. Народъ повеселѣлъ, даже сталъ забывать о прошедшемъ; даже бѣлый быкъ началъ появляться рѣже и рѣже, хотя все еще напоминалъ иногда о своемъ фантастическомъ существованіи. Словомъ, все-бы пошло хорошо, если-бъ не было на свѣтѣ комаринскаго.

Надобно замѣтить, что Фалалей отлично плясалъ; это была его главная способность, даже нѣчто въ родѣ призванія: онъ плясалъ съ энергіей, съ неистощимой веселостью, но особенно любилъ онъ комаринскаго мужика. Не то, чтобъ ему ужъ такъ очень нравились легкомысленные и, во всякомъ случаѣ, необъяснимые поступки этого вѣтренаго мужика — нѣтъ, ему нравилось плясать комаринскаго единственно потому, что слушать комаринскаго и не плясать подъ эту музыку было для него рѣшительно невозможно. Иногда, по вечерамъ, два—три лакея, кучера, садовникъ, игравшій на скрипкѣ, и даже нѣсколько дворовыхъ дамъ собирались въ кружокъ, гдѣ нибудь на самомъ заднемъ плацадкѣ барской усадьбы, подальше отъ Ѳомы Ѳомича; начинались музыка, танцы и, подъ конецъ, торжественно вступалъ въ свои права и комаринскій. Оркестръ составляли двѣ балалайки, гитара, скрипка и бубенъ, съ которымъ отлично управлялся форейторъ Митюшка. Надо было посмотрѣть, что дѣлалось тогда съ Фалалеемъ: онъ плясалъ до забвенья самого себя, до истощенія послѣднихъ силъ, поощряемый криками и смѣхомъ публики; онъ взвизгивалъ, кричалъ, хохоталъ, хлопалъ въ ладоши; онъ плясалъ, какъ будто увлекаемый посторонною, непостижимою

силою, съ которой не могъ совладать, и упрямо силился догнать все болѣе и болѣе учащаемый темпъ удалаго мотива, выбивая по землѣ каблуками. Это были минуты истиннаго его наслажденія; и все-бы это шло хорошо и весело, если-бъ слухъ о комаринскомъ не достигъ, наконецъ, Ѳомы Ѳомича.

Ѳома Ѳомичъ обмеръ и тотчасъ-же послалъ за полковникомъ.

— Я хотѣлъ отъ васъ только объ одномъ узнать, полковникъ, началъ Ѳома: — совершенно-ли вы поклялись погубить этого несчастнаго идіота, или не совершенно? Въ первомъ случаѣ я тотчасъ-же отстраняюсь; если-же не совершенно, то я...

— Да что̀ такое? Что̀ случилось? вскричалъ испуганный дядя.

— Какъ, что̀ случилось? Да знаете-ли вы, что онъ пляшетъ комаринскаго?

— Ну... ну что-жь?

— Какъ, ну что-жь? взвизгнулъ Ѳома:—И говорите это вы — вы, ихъ баринъ и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, отецъ! Да имѣете-ли вы, послѣ этого, здравое понятіе о томъ, что такое комаринскій? Знаете-ли вы, что эта пѣсня изображаетъ одного отвратительнаго мужика, покусившагося на самый безнравственный поступокъ въ пьяномъ видѣ? Знаете-ли, на что посягнулъ этотъ развратный холопъ? Онъ попралъ самыя драгоцѣнныя узы и, такъ сказать, притопталъ ихъ своими мужичьими сапожищами, привыкшими попирать только полъ кабака? Да понимаете-ли, что вы оскорбили благороднѣйшія чувства мои своимъ отвѣтомъ? Понимаете-ли, что вы лично оскорбили меня своимъ отвѣтомъ? Понимаете-ли вы это, иль нѣтъ?

— Но, Ѳома... Да вѣдь это только пѣсня, Ѳома...

— Какъ, только пѣсня! И вы не постыдились мнѣ признаться, что знаете эту пѣсню — вы, членъ благороднаго общества, отецъ благонравныхъ и невинныхъ дѣтей и, въ добавокъ, полковникъ! Только пѣсня! Но я увѣренъ, что эта пѣсня взята съ истиннаго событія! Только пѣсня! Но какой-же порядочный человѣкъ можетъ, не сгорѣвъ отъ стыда, признаться, что знаетъ эту пѣсню, что слышалъ хоть когда нибудь эту пѣсню? Какой, какой?

— Ну, да вотъ ты-же знаешь, Ѳома, коли спрашиваешь, отвѣчалъ, въ простотѣ души, сконфуженный дядя.

— Какъ! Я знаю? Я .. я... то есть! Обидѣли! вскричалъ вдругъ Ѳома, срываясь со стула и захлебываясь отъ злости. Онъ никакъ не ожидалъ такого оглушительнаго отвѣта.

Не стану описывать гнѣвъ Ѳомы Ѳомича. Полковникъ съ безславіемъ прогнанъ былъ съ глазъ блюстителя нравственности за неприличіе и *ненаходчивость* своего отвѣта. Но съ этихъ поръ

Ома Ѳомичъ далъ себѣ клятву: поймать на мѣстѣ преступленія Фалалея, танцующаго комаринскаго. По вечерамъ, когда всѣ полагали, что онъ чѣмъ нибудь занятъ, онъ нарочно выходилъ потихоньку въ садъ, обходилъ огороды и забивался въ коноплю, откуда издали видна была площадка, на которой происходили танцы. Онъ сторожилъ бѣднаго Фалалея, какъ охотникъ птичку, съ наслажденіемъ представляя себѣ, какой трезвонъ задастъ онъ, въ случаѣ успѣха, всему дому, и въ особенности полковнику. Наконецъ, неусыпные труды его увѣнчались успѣхомъ: онъ засталъ комаринскаго! Понятно послѣ этого, отчего дядя рвалъ на себѣ волосы, когда увидѣлъ плачущаго Фалалея и услышалъ, что Видоплясовъ возвѣстилъ Ому Ѳомича, такъ неожиданно и въ такую хлопотливую минуту представшаго передъ нами, своею собственною особою.

VII.

Ѳома Ѳомичъ.

Съ напряженнымъ любопытствомъ разсматривалъ этого господина. Гаврила справедливо назвалъ его плюгавенькимъ человѣчкомъ. Ѳома былъ малъ ростомъ, бѣлобрысый и съ просѣдью, съ горбатымъ носомъ и съ мелкими морщинками по всему лицу. На подбородкѣ его была большая бородавка. Лѣтъ ему было подъ пятьдесятъ. Онъ вошелъ тихо, мѣрными шагами, опустивъ глаза внизъ. Но самая нахальная самоувѣренность изображалась въ его лицѣ и во всей его педантской фигуркѣ. Къ удивленію моему, онъ явился въ плафрокѣ, правда, иностраннаго покроя, но все-таки плафрокѣ, и, въ добавокъ, въ туфляхъ. Воротничекъ его рубашки, не подвязанный галстукомъ, былъ отложенъ à l'enfant; это придавало Омѣ Ѳомичу чрезвычайно глупый видъ. Онъ подошелъ къ незанятому креслу, придвинулъ его къ столу и сѣлъ, не сказавъ никому ни слова. Мгновенно исчезли вся суматоха, все волненіе, бывшія за минуту назадъ. Все притихло такъ, что можно было разслышать пролетѣвшую муху. Генеральша присмирѣла, какъ агнецъ. Все подобострастіе этой бѣдной идіотки передъ Ѳомой Ѳомичемъ выступило теперь наружу. Она не наглядѣлась на свое нѣнечко, впилась въ него глазами. Дѣвица Перепелицына, оскабляясь, потирала свои ручки, а бѣдная Прасковья Ильинична замѣтно дрожала отъ страха. Дядя немедленно захлопоталъ.

— Чаю, чаю, сестрица! Посланце только, сестрица; Фома Фомичъ пость сна любитъ чай посланце.—Вѣдь тебѣ посланце, Фома?

— Не до чаю мнѣ вашего теперь! проговорилъ Фома медленно и съ достоинствомъ, съ озабоченнымъ видомъ махнувъ рукой. — Вамъ-бы все, что посланце!

Эти слова и смѣшной до-нельзя, по своей педантской важности, входъ Фомы чрезвычайно заинтересовали меня. Мнѣ любопытно было узнать, до чего, до какого забвенія приличій дойдетъ, наконецъ, наглость этого зазнавшагося господчика.

— Фома! крикнулъ дядя:—рекомендую: племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ! Сейчасъ пріѣхалъ.

Фома Фомичъ обмѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Удивляюсь я, что вы всегда какъ-то систематически любите перебивать меня, полковникъ, проговорилъ онъ послѣ значительнаго молчанія, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія.—Вамъ о дѣлѣ говорятъ, а вы—Богъ знаетъ о чемъ... *тратуте*... Видѣли вы Фалалея?

— Видѣлъ, Фома...

— А, видѣли! Ну, такъ я вамъ его опять покажу, коли видѣли. Можете полюбоваться на ваше произведеніе... въ нравственномъ смыслѣ.—Поди сюда, идіотъ! Поди сюда, голландская ты рожа! Ну-же, иди, иди! Не бойся!

Фалалей подошелъ, всхлипывая, раскрывъ ротъ и глотая слезы. Фома Фомичъ смотрѣлъ на него съ наслажденіемъ.

— Съ намѣреніемъ назвалъ я его голландской рожей, Павелъ Семенычъ, замѣтилъ онъ, развалясь въ креслѣ и слегка поворотясь къ сидѣвшему рядомъ Обноскину:—да и вообще, знаете, не нахожу нужнымъ смягчать свои выраженія ни въ какомъ случаѣ. Правда должна быть правдой. А чѣмъ ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью. Что-жъ и трудиться смягчать? Себя и людей обманывать! Только въ глупой свѣтской башкѣ могла зародиться потребность такихъ безсмысленныхъ приличій. Скажите—беру васъ судьей—находите вы въ этой рожѣ прекрасное? Я разумѣю высокое, прекрасное, возвышенное, а не какую нибудь красную харю?

Фома Фомичъ говорилъ тихо, мѣрно и съ какимъ-то величавымъ равнодушіемъ.

— Въ немъ прекрасное? отвѣчалъ Обноскинъ съ какою-то нахальною небрежностью.—Мнѣ кажется, это просто порядочный кусокъ ростбифа—и ничего больше...

— Подхожу сегодня къ зеркалу и смотрюсь въ него, продолжалъ Фома, торжественно пропуская мѣстоименіе *я*.—Далеко не

считаю себя красавцемъ, но по невол҃ѣ пришелъ къ заключенію, что есть-же что-нибудь въ этомъ сѣромъ глазѣ, что отличаетъ меня отъ какого-нибудь Фалалея. Это мысль, это жизнь, это умъ въ этомъ глазѣ! Не хвалюсь именно собой. Говорю вообще о нашемъ сословіи. Теперь, какъ вы думаете: можетъ-ли быть хоть какой-нибудь кончикъ, хоть какой-нибудь отрывокъ души въ этомъ живомъ бифштексѣ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте, Павелъ Семенычъ, какъ у этихъ *людей*, совершенно лишенныхъ мысли и идеала, и ѣдящихъ одну говядину, какъ у нихъ всегда отвратительно свѣжъ цвѣтъ лица, грубо и глупо свѣжъ! Угодно вамъ узнать степень его мышленія? Эй, ты, статья! Подойди-же поближе, дай на себя полюбоваться! Что ты ротъ разинулъ? Кита, что-ли, проглотить хочешь? Ты прекрасенъ? Отвѣчай: ты прекрасенъ?

— Прек-ра-сенъ! отвѣчалъ Фалалей, съ заглушенными рыданіями.

Обноскинъ покатился со смѣху. Я чувствовалъ, что начинаю дрожать отъ злости.

— Вы слышали? продолжалъ Фома, съ торжествомъ обращаясь къ Обноскину.—То-ли еще услышите! Я пришелъ ему сдѣлать экзаменъ. Есть, видите-ли, Павелъ Семенычъ, люди, которымъ желательно развратить и погубить этого жалкаго идіота. Можетъ быть, я строго сужу, ошибаюсь: но я говорю изъ любви къ человѣчеству. Онъ плясалъ сейчасъ самый непристойный изъ танцевъ. Никому здѣсь до этого нѣтъ и дѣла. Но вотъ сами послушайте. — Отвѣчай: что ты дѣлалъ сейчасъ? Отвѣчай-же, отвѣчай немедленно — слышишь?

— Пля-салъ... проговорилъ Фалалей, усиливая рыданія.

— Что-же ты плясалъ? Какой танецъ? Говори-же?

— Комаринскаго...

Комаринскаго! А кто этотъ комаринскій? Что такое комаринскій? Развѣ я могу понять что-нибудь изъ этого отвѣта? Ну-же, дай намъ понятіе: кто такой твой комаринскій?

— Му-жикъ...

Мужикъ! Только мужикъ? Удивляюсь! Значитъ, замѣчательный мужикъ! Значитъ, это какой-нибудь знаменитый мужикъ, если о немъ уже сочиняются поэмы и танцы? Ну, отвѣчай-же!

Тянуть жилы—была потребность Фомы. Онъ заигрывалъ съ своей жертвой, какъ кошка съ мышкой: но Фалалей молчитъ, хнычетъ и не понимаетъ вопроса.

— Отвѣчай-же! настаиваетъ Фома:—тебя спрашиваютъ: какой это мужикъ? Говори-же!.. Господскій-ли, казенный-ли, вольный, обязанный, экономическій? Много есть мужиковъ...

— Э-ко-но-ми-ческій...

— А, экономическій! Слышите, Павелъ Семенычъ? Новый историческій фактъ: комаринскій мужикъ — экономическій. Гм!.. Ну, что-же сдѣлалъ этотъ экономическій мужикъ? За какіе подвиги его такъ воспѣваютъ и... выплясываютъ?

Вопросъ былъ щекотливый, а такъ какъ относился къ Фалалею, то и опасный.

— Ну... вы... однако-жь... замѣтилъ было Обноскинъ, взглянувъ на свою маменьку, которая начинала какъ-то особенно повертываться на диванѣ. Но что было дѣлать? Капризы Ѳомы Ѳомича считались закономъ.

— Помилуйте, дядюшка, если вы не уймете этого дурака, вѣдь онъ... слышите, до чего онъ добирается — Фалалей что нибудь совретъ, увѣряю васъ... шепнулъ я дядѣ, который потерялся и не зналъ на что рѣшиться.

— Ты-бы, однако-жь, Ѳома... началъ онъ: — вотъ я рекомендую тебѣ, Ѳома, мой племянникъ, молодой человѣкъ, занимался минералогіей...

— Я васъ прошу, полковникъ, не перебивайте меня съ вашей минералогіей, въ которой вы, сколько мнѣ извѣстно, ничего не знаете, а, можетъ быть, и *другіе* тоже. Я не ребенокъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ, что этотъ мужикъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для блага своего семейства, напился пьянъ, пропилъ въ кабакѣ полушубокъ и пьяный побѣжалъ по улицѣ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и состоитъ содержаніе всей этой поэмы, восхваляющей пьянство. Не безпокойтесь, онъ *теперь* знаетъ, что ему отвѣчать. — Ну, отвѣчай-же: что сдѣлалъ этотъ мужикъ? Вѣдь я тебѣ подсказалъ, въ ротъ положилъ. Я именно отъ самого тебя хочу слышать: что онъ сдѣлалъ, чѣмъ прославился, чѣмъ заслужилъ такую безсмертную славу, что его уже воспѣваютъ трубадуры? Ну?

Несчастный Фалалей, въ тоскѣ, озирался кругомъ и, въ недоумѣніи, что сказать, открывалъ и закрывалъ ротъ, какъ карась, вытащенный изъ воды на песокъ.

— Стыдно ска-зать! промычалъ онъ, наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи.

— А! Стыдно сказать! промычалъ Ѳома, торжествуя. — Вотъ этого-то отвѣта я и добивался, полковникъ! Стыдно сказать, а не стыдно дѣлать? Вотъ нравственность, которую вы посѣяли, которая взошла и которую вы теперь... поливаете. Но нечего терять слова! Ступай теперь на кухню, Фалалей. Теперь я тебѣ ничего не скажу, изъ уваженія къ публикѣ; но сегодня-же, сегодня-же, ты будешь жестоко и больно наказанъ. Если-же нѣтъ, если и въ этотъ

разъ меня на тебя промѣняютъ, то ты оставайся здѣсь и утѣшай своихъ господъ комариискимъ, а я сегодня-же выйду изъ этого дома! Довольно! Я сказалъ. Ступай!

— Ну ужь, вы, кажется, строго... промямлилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно!.. крикнулъ было дядя, но оборвался и замолчалъ. Ѳома мрачно на него покосился.

— Удивляюсь я, Павелъ Семенычъ, продолжалъ онъ:—что-жь дѣлаютъ послѣ этого всѣ эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Какъ не обратятъ они вниманія на то, какія пѣсни поетъ русскій народъ и подъ какія пѣсни пляшетъ русскій народъ? Что-жь дѣлали до сихъ поръ всѣ эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны. Удивляюсь. Народъ пляшетъ комариискаго, эту апоѳеозу пьянства, а они воспѣваютъ какія-то незабудочки! Зачѣмъ-же не напишутъ они болѣе благонравныхъ пѣсенъ для народнаго употребленія и не бросятъ свои незабудочки? Это соціальный вопросъ! Пусть изобразятъ они мнѣ мужика, но мужика облагороженнаго, такъ сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразятъ этого сельскаго мудреца въ простотѣ своей, пожалуй, хоть даже въ лаптяхъ — я и на это согласенъ, — но преисполненнаго добродѣтелями, которымъ —я это смѣло говорю—можетъ позавидывать даже какой нибудь слишкомъ прославленный Александръ Македонскій. Я знаю Русь и Русь меня знаетъ: потому и говорю это. Пусть изобразятъ этого мужика, пожалуй, обремененнаго семействомъ и сѣдиною, въ душной избѣ, пожалуй, еще голоднаго, но довольнаго, перебирающаго свою бѣдность и равнодушнаго къ золоту богача. Пусть самъ богачъ, въ умиленіи души, принесетъ ему, наконецъ, свое золото; пусть даже, при этомъ случаѣ, произойдетъ соединеніе добродѣтели мужика съ добродѣтелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селянинъ и вельможа, столь разъединенные на ступеняхъ общества, соединяются, наконецъ, въ добродѣтеляхъ, — это высокая мысль! А то, что мы видимъ? Съ одной стороны незабудочки, а съ другой — выскочилъ изъ кабака и бѣжитъ по улицѣ въ растерзанномъ видѣ! Ну, что-жь, скажите, тутъ поэтическаго? Чѣмъ любоваться? Гдѣ умъ? Гдѣ грація? Гдѣ нравственность? Недоумѣваю!

— Сто рублей я тебѣ долженъ, Ѳома Ѳомичъ, за такія слова! проговорилъ Ежевикинъ съ восхищеннымъ видомъ.

— А вѣдь чорта лысаго съ меня и получитъ, прошепталъ онъ мнѣ потихоньку.—Польсти, польсти!

— Ну, да... это вы хорошо изобразили, промолвилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! вскрикнулъ дядя, слушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ и глядѣвшій на меня съ торжествомъ.

— Тема-то какая завязалась! шепнулъ онъ, потирая руки. — Многосторонній разговоръ, чортъ возьми! Ома Омичъ, вотъ мой племянникъ, прибавилъ онъ отъ избытка чувствъ.—Онъ тоже занимался литературой,—рекомендую.

Ома Омичъ, какъ и прежде, не обратилъ ни малѣйшаго тоже вниманія на рекомендацію дяди.

— Ради Бога, не рекомендуйте меня болѣе! Я васъ серьезно прошу, шепнулъ я дядѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Иванъ Иванычъ! началъ вдругъ Ома, обращаясь къ Мизинчикову, и пристально смотря на него: — вотъ, мы теперь говорили: какого вы мнѣнія?

— Я? Вы меня спрашиваете? съ удивленіемъ отозвался Мизинчиковъ, съ такимъ видомъ, какъ будто его только что разбудили.

— Да, вы-съ. Спрашиваю васъ потому, что дорожу мнѣніемъ истинно-умныхъ людей, а не какихъ нибудь проблематическихъ умниковъ, которые умны потому только, что ихъ *безпрестанно рекомендуютъ* за умниковъ, за *дѣльныхъ*, а иной разъ и нарочно выписываютъ, чтобъ показывать ихъ въ балаганѣ, или въ родѣ того.

Камень былъ пущенъ прямо въ мой огородъ. И, однако-жъ, не было сомнѣнія, что Ома Омичъ, не обращавшій на меня никакого вниманія, завелъ весь этотъ разговоръ о литературѣ единственно для меня, чтобъ осѣкнуть, уничтожить, раздавить съ перваго шага петербургскаго ученаго, умника. Я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣвался въ этомъ.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, то я... я съ вашимъ мнѣніемъ согласенъ, отвѣчалъ Мизинчиковъ вяло и нехотя.

— Вы все со мной согласны! Даже тошно становится, замѣтилъ Ома. — Скажу вамъ откровенно, Павелъ Семенычъ, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, снова обращаясь къ Обноскину: — если я и уважаю за что безсмертнаго Карамзина, то это не за исторію, не за «Марѳу Посадницу», не за «старую и новую Россію», а именно за то, что онъ написалъ «Фрола Силина»: это высокій эпосъ! Это произведеніе чисто народное и не умретъ во вѣки вѣковъ! Высочайшій эпосъ!

— Именно, именно, именно! Высокая *эпоха!* Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ! Помню: читалъ, *еще* выкушивъ двухъ дѣвокъ, а потомъ смотрѣлъ на небо и плакалъ. Возвышенная черта, подхватилъ дядя, сіяя отъ удовольствія.

Бѣдный дядя! Онъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не ввязаться въ *ученый* разговоръ. Ома злобно улыбнулся, но промолчалъ.

— Впрочемъ и теперь пишутъ занимательно, осторожно вмѣшалась Анфиса Петровна.—Вотъ, напримѣръ, «Брюссельскія тайны».

— Не скажу-съ, замѣтилъ Ѳома, какъ-бы съ сожалѣніемъ.— Читалъ я недавно одну изъ поэмъ... Ну, что! «Незабудочки!» А если хотите, изъ новѣйшихъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится «Переписчикъ»—легкое перо!

— «Переписчикъ!» вскрикнула Анфиса Петровна:—это тотъ, который пишетъ въ журналъ письма? Ахъ, какъ это восхитительно! Какая игра словъ!

— Именно, игра словъ. Онъ, такъ сказать, играетъ перомъ. Необыкновенная легкость пера!

— Да; но онъ педантъ,—небрежно замѣтилъ Обноскинъ.

— Педантъ, педантъ,—не спорю: но милый педантъ, но граціозный педантъ! Конечно, ни одна изъ идей его не выдержитъ основательной критики, но увлекаться легкостью! Пустословъ,— согласенъ; но милый пустословъ, но граціозный пустословъ! Помните, напримѣръ, онъ объявляетъ въ литературной статьѣ, что у него есть свои помѣстья?

— Помѣстья? подхватилъ дядя:—это хорошо! Которой губерніи?

Ѳома остановился, пристально посмотрѣлъ на дядю и продолжалъ тѣмъ-же тономъ:

— Ну, скажите ради здраваго смысла: для чего мнѣ, читателю, знать, что у него есть помѣстья? Есть — такъ поздравляю васъ съ этимъ! Но, какъ мило, какъ это шутливо описано! Онъ блещетъ остроуміемъ, онъ брызжетъ остроуміемъ, онъ кипитъ! Это какой-то Нарзанъ остроумія! Да, вотъ какъ надо писать! Мнѣ кажется, я-бы именно такъ писалъ, если-бъ согласился писать въ журналахъ...

— Можетъ, и лучше еще-съ, почтительно замѣтилъ Ежевикинъ.

— Даже что-то мелодическое въ слогѣ! подхватилъ дядя.

Ѳома Ѳомичъ, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Полковникъ, сказалъ онъ: — нельзя-ли васъ попросить — конечно, со всевозможною деликатностью — не мѣшать намъ, и позволить намъ въ покоѣ докончить нашъ разговоръ. Вы не можете судить въ нашемъ разговорѣ, не можете! Не разстроивайте-же нашей пріятной литературной бесѣды. Занимайтесь хозяйствомъ, пейте чай, но... оставьте литературу въ покоѣ. Она отъ этого не проиграетъ,—увѣряю васъ!

Это уже превышало верхъ всякой дерзости! Я не зналъ, что подумать.

— Да вѣдь ты-же самъ, Ѳома, говорилъ, что мелодическое, съ тоскою произнесъ сконфуженный дядя.

— Такъ-съ. Но я говорилъ съ знаніемъ дѣла, я говорилъ кстати; а вы?

— Да-съ, мы-то съ умомъ говорили-съ, подхватилъ Ежевикинъ, увиваясь около Ѳомы Ѳомича. — Ума-то у насъ такъ немножко-съ, занимать приходится, развѣ-развѣ что на два министерства хватитъ, а нѣтъ, такъ мы и съ третьимъ управимся, — вотъ какъ у насъ!

— Ну, значитъ, опять соврали! заключилъ дядя и улыбнулся своей добродушной улыбкою.

— По крайней мѣрѣ, сознаетесь, замѣтилъ Ѳома.

— Ничего, ничего, Ѳома, я не сержусь. Я знаю, что ты, какъ другъ, меня останавливаешь, какъ родной, какъ братъ. Это я самъ позволилъ тебѣ, даже просилъ объ этомъ! Это дѣльно, дѣльно! Это для моей-же пользы! Благодарю и воспользуюсь!

Терпѣніе мое истощалось. Все, что я до сихъ поръ по слухамъ зналъ о Ѳомѣ Ѳомичѣ, казалось мнѣ нѣсколько преувеличеннымъ. Теперь-же, когда я увидѣлъ все самъ, на дѣлѣ, изумленію моему не было предѣловъ. Я не вѣрилъ себѣ: я понять не могъ такой дерзости, такого нахальнаго самовластія съ одной стороны и такого добровольнаго рабства, такого легковѣрнаго добродушія съ другой. Впрочемъ, даже и дядя былъ смущенъ такою дерзостью. Это было видно... Я горѣлъ желаніемъ какъ нибудь связаться съ Ѳомой, сразиться съ нимъ, какъ нибудь нагрубить ему, поязвительнѣе, — а тамъ что-бы ни было! Эта мысль одушевила меня. Я искалъ случая и, въ ожиданіи, совершенно обломалъ поля моей шляпы. Но случай не представлялся: Ѳома рѣшительно не хотѣлъ замѣчать меня.

— Правду, правду ты говоришь, Ѳома, продолжалъ дядя, всѣми силами стараясь поправиться и хоть чѣмъ нибудь замять непріятность предыдущаго разговора. — Это ты правду рѣжешь, Ѳома. Благодарю. Надо знать дѣло, а потомъ ужь и разсуждать о немъ. Каюсь! Я уже не разъ бывалъ въ такомъ положеніи. Представь себѣ, Сергѣй, я одинъ разъ даже экзаменовалъ... Вы смѣетесь! Ну, вотъ, поди-те! Ей Богу экзаменовалъ, да и только. Пригласили меня въ одно заведеніе на экзаменъ, да и посадили вмѣстѣ съ экзаменаторами, такъ, для почету, лишнее мѣсто было. Такъ я, признаюсь тебѣ, даже струсилъ, страхъ какой-то напалъ: рѣшительно ни одной науки не знаю! Что дѣлать? Вотъ-вотъ, думаю, самого къ доскѣ потянутъ! Ну, а потомъ — ничего, обошлось: даже самъ вопросы задавалъ, спросилъ: кто былъ Ной? Вообще, превосходно отвѣчали; потомъ завтракали и за процвѣтаніе или шампанское. Отличное заведеніе!

Ѳома Ѳомичъ и Обноскинъ покатились со смѣху.

— Да я и самъ потомъ смѣялся, крикнулъ дядя, смѣясь добродушнѣйшимъ образомъ и радуясь, что всѣ развеселились. —

Нѣтъ, Ѳома, ужь куда ни шло! Расшотѣшу я васъ всѣхъ, разскажу, какъ я одинъ разъ срѣзался... Вообрази, Сергѣй, стояли мы въ Красногорскѣ...

— Позвольте васъ спросить, полковникъ: долго вы будете разсказывать вашу исторію? перебилъ Ѳома.

— Ахъ, Ѳома! Да вѣдь это чудеснѣйшая исторія: просто лопнуть со смѣху можно. Ты только послушай: это хорошо, ей Богу хорошо. Я разскажу, какъ я срѣзался.

— Я всегда съ удовольствіемъ слушаю ваши исторіи, когда онѣ въ этомъ родѣ, проговорилъ Обноскинъ, зѣвая.

— Нечего дѣлать, приходится слушать, рѣшилъ Ѳома.

— Да вѣдь, ей Богу-же, будетъ хорошо, Ѳома. Я хочу разсказать, какъ я одинъ разъ срѣзался, Анфиса Петровна. Послушай и ты, Сергѣй: это поучительно даже. Стояли мы въ Красногорскѣ (началъ дядя, сіяя отъ удовольствія, скороговоркой и торопясь, съ безчисленными вводными предложеніями, что было съ нимъ всегда, когда онъ начиналъ что нибудь разсказывать для удовольствія публики). Только что пришли, въ тотъ-же вечеръ отправляюсь въ спектакль. Превосходнѣйшая актриса была Куропаткина: потомъ еще съ штабъ-ротмистромъ Звѣрковымъ бѣжала и пьесы не доиграла: такъ занавѣсъ и опустили... То есть, бестія былъ этотъ Звѣрковъ, и попитъ, и въ карты заняться, и не то, чтобы пьяница, а такъ, готовъ съ товарищами раздѣлить минуту. Но, какъ заиграетъ настоящимъ образомъ, такъ ужь тутъ все забылъ: гдѣ живетъ, въ какомъ государствѣ, какъ самого зовутъ? — Словомъ, рѣшительно все: но въ сущности превосходнѣйшій малый... Ну-съ, сижу я въ театрѣ. Въ антрактѣ встаю и сталкиваюсь съ прежнимъ товарищемъ, Корноуховымъ... Я вамъ скажу, единственный малый. Лѣтъ, правда, шесть мы ужь не видались. Ну, былъ въ компаніи, увѣшанъ крестами; теперь, слышалъ недавно,—уже дѣйствительный статскій; въ статскую службу перешелъ, до большихъ чиновъ дослужился... Ну, разумѣется, обрадовались. То да сё. А рядомъ съ нами въ ложѣ сидятъ три дамы: та, которая слѣва, рожа, какихъ свѣтъ не производилъ... Послѣ узналъ, превосходнѣйшая женщина, мать семейства, осчастливила мужа... Ну-съ, вотъ я, какъ дуракъ, и брякъ Корноухову:— «Скажи, братъ, не знаешь-ли, что это за чучело выѣхала?» — «Которая это?» — «Да эта». — «Да это моя двоюродная сестра». — Тьфу, чортъ! Судите о моемъ положеніи! Я, чтобъ понравиться! — «Да нѣтъ, говорю, не эта. Экъ у тебя глаза! Вотъ та, которая оттуда сидитъ: кто эта?» — «Это моя сестра». — Тьфу ты пропасть! А сестра его, какъ нарочно, розанчикъ-розанчикомъ, премилушка: такъ разодѣта:

брошки, перчаточки, браслетики,—словомъ сказать, сидитъ херувимчикомъ; послѣ вышла замужъ за превосходительнаго человѣка, Пыхтина; она съ нимъ бѣжала, обвѣнчались безъ спросу; ну, а теперь все это какъ слѣдуетъ: и богато живутъ; отцы не нарадуются!.. Ну-съ, вотъ: «да нѣтъ!» кричу, а самъ не знаю, куда провалиться, «не эта!»—Вотъ въ серединѣ-то которая?—«Да, въ серединѣ—ну, братъ, это жена моя»... Между нами: объяденіе, а не дамочка! То есть такъ-бы и проглотилъ ее всю цѣликомъ отъ удовольствія...—«Ну, говорю, видалъ ты когда-нибудь дурака? Такъ вотъ онъ, передъ тобой, и голова его тутъ-же: рубя, не жалѣй!» Смѣется. Послѣ спектакля меня познакомилъ и, должно быть, разсказалъ, проказникъ. Что-то очень смѣялись! И признаюсь, ни-когда еще такъ весело не проводилъ время. Такъ вотъ какъ иногда, братъ-Ѳома, можно срѣзаться! Ха-ха-ха-ха!

Но напрасно смѣялся бѣдный дядя: тщетно обводилъ онъ кругомъ свой веселый и добрый взглядъ: мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его веселую исторію. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ въ мрачномъ безмолвіи, а за нимъ и всѣ: только Обноскинъ слегка улыбался, предвидя гонку, которую зададутъ дядѣ. Дядя сконфузился и покраснѣлъ. Того-то и желалось Ѳомѣ.

— Кончили-ль вы? спросилъ онъ, наконецъ, съ важностью обращаясь къ сконфуженному разскащику.

— Кончилъ, Ѳома.

— И рады?

— То есть, какъ это радъ, Ѳома? съ тоскою отвѣчалъ бѣдный дядя.

— Легче-ли вамъ теперь? Довольны-ли вы, что разстроили пріятную литературную бесѣду друзей, прервавъ ихъ и тѣмъ удовлетворивъ мелкое свое самолюбіе?

— Да полно-же, Ѳома! Я васъ-же всѣхъ хотѣлъ развеселить, а ты...

— Развеселить! вскричалъ Ѳома, вдругъ необыкновенно разгорячась:—но вы способны навести уныніе, а не развеселить. Развеселить! Но знаете-ли, что ваша исторія была почти безнравственна? Я уже не говорю: неприлична,—это само собой... Вы объявили сейчасъ, съ рѣдкою грубостью чувствъ, что смѣялись надъ невинностью, надъ благородной дворянкой, оттого только, что она не имѣла чести вамъ понравиться. И васъ-же, васъ, хотѣли заставить смѣяться, то есть подлаживать вамъ, подлаживать грубому и неприличному поступку, и все потому только, что вы хозяинъ этого дома! Воля ваша, полковникъ, вы можете сыскать себѣ прихлебателей, лизоблюдовъ, партнеровъ, можете даже ихъ

выписывать изъ дальнихъ странъ и тѣмъ усиливать свою свиту, въ ущербъ прямодушію и откровенному благородству души: но никогда Ѳома Опискинъ не будетъ ни льстецомъ, ни лизоблюдомъ, ни прихлебателемъ вашимъ! Въ чемъ другомъ, а ужь въ этомъ я васъ завѣряю!..

— Эхъ, Ѳома! Не понялъ ты меня, Ѳома!

— Нѣтъ, полковникъ, я васъ давно раскусилъ, я васъ насквозь понимаю. Васъ гложетъ самое неограниченное самолюбіе; вы съ претензіями на недосягаемую остроту ума, и забываете, что острота тушится о претензію. Вы...

— Да полно-же, Ѳома, ради Бога! Постыдись хоть людей!..

— Да вѣдь грустно-же видѣть все это, полковникъ, а—видя, невозможно молчать. Я бѣденъ, я *проживаю* у вашей родительницы. Пожалуй, еще подумаютъ, что я льщу вамъ моимъ молчаніемъ; а я не хочу, чтобъ какой нибудь *молокосос*ъ могъ принять меня за вашего прихлебателя! Можетъ быть, я, входя сюда давеча, даже нарочно усилилъ мою правдивую откровенность, нарочно принужденъ былъ дойти даже до грубости, именно потому, что вы сами ставите меня въ такое положеніе. Вы слишкомъ надменны со мной, полковникъ. Меня могутъ счесть за вашего раба, за прижи-вальщика. Ваше удовольствіе унижать меня передъ *незнакомыми*, тогда какъ я вамъ равенъ, слышите-ли? Равенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ быть, даже *я* вамъ дѣлаю одолженіе тѣмъ, что живу у васъ, а не *вы* мнѣ. Меня унижаютъ; слѣдственно, я вамъ долженъ себя хвалить — это естественно! Я не могу не говорить, я долженъ говорить, долженъ немедленно протестовать, потому прямо и просто объявляю вамъ, что вы феноменально завистливы! Вы видите, напримѣръ, что человѣкъ въ простомъ, дружескомъ разговорѣ невольно выказалъ свои познанія, начитанность, вкусъ: такъ вотъ ужь вамъ и досадно, вамъ и неймется. «Дай-же и я свои познанія и вкусъ выкажу!» А какой у васъ вкусъ, съ позволенія сказать? Вы въ изящномъ смыслите столько—извините меня, полковникъ—сколько смыслитъ, напримѣръ, хоть быкъ въ говядинѣ! Это рѣзко, грубо—сознаюсь: но крайней мѣрѣ—прямодушно и справедливо. Этого не услышите вы отъ вашихъ льстецовъ, полковникъ.

— Эхъ, Ѳома!..

— То-то «эхъ, Ѳома!» Видно, правда не пуховикъ. Ну, хорошо: мы еще потомъ поговоримъ объ этомъ, а теперь позвольте и мнѣ немного повеселить публику. Не все-же вамъ однимъ отличаться. Павелъ Семеновичъ! Видѣли вы это чудо морское въ человѣческомъ образѣ? Я ужь давно его наблюдаю. Вглядитесь въ него: вѣдь онъ съѣсть меня хочетъ, такъ-таки живьемъ, цѣликомъ.

Дѣло шло о Гаврилѣ. Старый слуга стоялъ у дверей и дѣйствительно съ прискорбіемъ смотрѣлъ, какъ распекали его барина.

— Хочу и я васъ потѣшить спектаклемъ, Павелъ Семеновичъ.—Эй ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостойте подвинуться поближе, Гаврила Игнатьичъ! — Это, вотъ видите-ли, Павелъ Семенычъ, Гаврила: за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ.—Ну, французъ, мусью шематонъ,—терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусью шематонъ,—знаешь урокъ?

— Вытвердилъ, отвѣчалъ повѣсивъ голову Гаврила.

— А парлэ-ву-франсе?

— Вуй мусье, же-ле-парль-эн-пе...

Не знаю, грустная-ли фигура Гаврилы, при произношеніи французской фразы была причиною, или предугадывалось всѣми желаніе Ѳомы, чтобъ всѣ засмѣялись, но только всѣ такъ и покатились со смѣху, лишь только Гаврила пошевелилъ языкомъ. Даже генеральша изволила засмѣяться. Анфиса Петровна, упавъ на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь вѣеромъ. Смѣшнѣе всего показалось то, что Гаврила, видя, во что̀ превратился экзаменъ, не выдержалъ, плюнулъ и съ укоризною произнесъ: «Вотъ до какого сраму дожилъ на старости лѣтъ!»

Ѳома Ѳомичъ встрепенулся.

— Что̀? Что̀ ты сказалъ? Грубіянить вздумалъ?

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ Гаврила,—не грубіянство слова мои, и не слѣдъ мнѣ, холопу, передъ тобой, природнымъ господиномъ, грубіянить. Но всякъ человѣкъ образъ Божій на себѣ носитъ, образъ Его и подобіе. Мнѣ уже шестьдесятъ третій годъ отъ роду. Отецъ мой Пугачева-изверга помнитъ, а дѣда моего, вмѣстѣ съ барином̀ъ, Матвѣемъ Никитичемъ — дай Богъ имъ царство небесное—Пугачевъ на одной осинѣ повѣсилъ, за что̀ родитель мой отъ покойнаго барина, Аѳанасія Матвѣича, не въ примѣръ другимъ былъ почтенъ: камардинскомъ служилъ и дворецкимъ свою жизнь скончалъ. Я-же, сударь, Ѳома Ѳомичъ, хотя и господскій холопъ, а такого сраму, какъ теперь, отродясь надъ собой не видывалъ!

И съ послѣднимъ словомъ Гаврила развелъ руками и склонилъ голову. Дядя слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ.

— Ну, полно, полно, Гаврила! вскричалъ онъ:—нечего распространяться! Полно!

— Ничего, ничего, проговорилъ Ѳома, слегка побѣлѣвъ и улыбаясь съ натуги.—Пусть поговоритъ; это вѣдь все ваши плоды...

— Все разскажу, продолжалъ Гаврила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:—ничего не потаю! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ! Ужь на что я, Ѳома Ѳомичъ, гнусный передъ тобою выхожу человѣкъ, одно слово: рабъ, а и мнѣ въ обиду! Услугой и подобострастьемъ я передъ тобой завсегда обязанъ, для того, что рабски рожденъ и всякую обязанность во страхѣ и тренетѣ происходить долженъ. Книжку сочинять сядешь, я докучнаго обязанъ къ тебѣ не допускать, для того — это настоящая должность моя выходитъ. Прислужить что понадобится — съ моимъ полнымъ удовольствіемъ сдѣлаю. А то что на старости лѣтъ по заморски лаять, да передъ людьми сраму набираться! Да я въ людскую теперь не могу сойдти: «французъ ты, говорятъ, французъ!» Нѣтъ, сударь Ѳома Ѳомичъ, не одинъ я, дуракъ, а ужь и добрые люди начали говорить въ одинъ голосъ, что вы, какъ есть злющій человѣкъ теперь стали, а что баринъ нашъ передъ вами все одно, что малый ребенокъ, что вы хоть породой и енаральскій сынъ, и сами, можетъ, немного до енарала не дослужили, но такой злющій, какъ, то есть, долженъ быть настоящій фурій.

Гаврила кончилъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ блѣдный отъ ярости, среди всеобщаго замѣшательства, и какъ будто не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго нападенія Гаврилы: какъ будто онъ въ эту минуту еще соображалъ: въ какой степени должно ему разсердиться? Наконецъ, воспослѣдовалъ взрывъ.

— Какъ! Онъ смѣлъ обругать меня,—меня! Да это бунтъ! завизжалъ Ѳома и вскочилъ со стула.

За нимъ вскочила генеральша и всплеснула руками. Началась суматоха. Дядя бросился выталкивать преступнаго Гаврилу.

— Въ кандалы его, въ кандалы! кричала генеральша. — Сейчасъ-же его въ городъ и въ солдаты отдан, Егорушка! Не то, не будетъ тебѣ моего благословенія. Сейчасъ-же на него колодку набей и въ солдаты отдай!

— Какъ, кричалъ Ѳома: — рабъ! Халдей! Хамлетъ! Осмѣлился обругать меня! Онъ, онъ, обтирка моего сапога! Онъ осмѣлился назвать меня фуріей?

Я выступилъ впередъ, съ необыкновенною рѣшимостью.

— Признаюсь, что я въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Гаврилы, сказалъ я, смотря Ѳомѣ Ѳомичу прямо въ глаза и дрожа отъ волненія.

Онъ былъ такъ пораженъ этой выходкой, что въ первую минуту, кажется, не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Это еще что? вскрикнулъ онъ наконецъ, накидываясь на

меня, въ изступленіи, и впиваясь въ меня своими маленькими, налитыми кровью глазами.—Да ты кто такой?

— Ѳома Ѳомичъ... заговорилъ было совершенно потерявшійся дядя:—это Сережа, мой племянникъ...

— Ученый! завопилъ Ѳома: — такъ это онъ-то, ученый? Либертѐ-эгалитѐ-фратернитѐ! Журналъ де-дебà! Нѣтъ, братъ, врешь! Въ Саксоніи не была! Здѣсь не Петербургъ, не надуешь! Да плевать мнѣ на твой де-дебà! У тебя де-дебà, а по нашему выходитъ: «нѣтъ, братъ, слабà!» Ученый! Да ты сколько знаешь — я всемеро столько забылъ! Вотъ какой ты ученый!

Если-бъ не удержали его, онъ, мнѣ кажется, бросился-бы на меня съ кулаками.

— Да онъ пьянъ, проговорилъ я, съ недоумѣніемъ озираясь кругомъ.

— Кто? Я? прикрикнулъ Ѳома не своимъ голосомъ.

— Да, вы?

— Пьянъ?

— Пьянъ.

Этого Ѳома не могъ вынести. Онъ взвизгнулъ, какъ будто его начали рѣзать, и бросился вонъ изъ комнаты. Генеральша хотѣла, кажется, упасть въ обморокъ, но разсудила лучше бѣжать за Ѳомой Ѳомичемъ. За ней побѣжали всѣ, а за всѣми дядя. Когда я опомнился и оглядѣлся, то увидѣлъ въ комнатѣ одного Ежевикина. Онъ улыбался и потиралъ себѣ руки.

— Про іезуитика-то давеча обѣщались, проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Что? спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло...

— Про іезуитика давеча разсказать обѣщались... анекдотецъ-съ...

Я выбѣжалъ на террасу, а оттуда въ садъ. Голова моя шла кругомъ...

VIII.

Объясненіе въ любви.

Съ четверть часа бродилъ я по саду, раздраженный и крайне недовольный собой, обдумывая: что мнѣ теперь дѣлать? Солнце садилось. Вдругъ, на поворотѣ, въ одну темную аллею, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настенькой. Въ глазахъ ея были слезы, въ рукахъ платокъ, которымъ она утирала ихъ.

— Я васъ искала, сказала она.

— А я васъ, отвѣчалъ я ей.—Скажите: я въ сумасшедшемъ домѣ, или нѣтъ?

— Вовсе не въ сумасшедшемъ домѣ, проговорила она обидчиво, пристально взглянувъ на меня.

— Но если такъ: такъ что-жъ это дѣлается? Ради самого Христа, подайте мнѣ какой нибудь совѣтъ! Куда теперь ушелъ дядя? Можно мнѣ туда идти? Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ: можетъ быть, вы меня въ чемъ нибудь и наставите.

— Нѣтъ, лучше не ходите. Я сама ушла отъ нихъ.

— Да гдѣ они?

— А кто знаетъ? Можетъ быть, опять въ огородъ побѣжали, проговорила она раздражительно.

— Въ какой огородъ?

— Это Ѳома Ѳомичъ на прошлой недѣлѣ закричалъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ и вдругъ побѣжалъ въ огородъ, досталъ въ шалашѣ заступъ и началъ гряды копать. Мы всѣ удивились: не съ ума-ли сошелъ? «Вотъ, говоритъ, чтобъ не попрекнули меня потомъ, что я даромъ хлѣбъ ѣлъ, буду землю копать и свой хлѣбъ, что здѣсь ѣлъ, заработаю, а потомъ и уйду. Вотъ до чего меня довели!» А тутъ-то всѣ плачутъ, и передъ нимъ чуть не на колѣняхъ стоятъ, заступъ у него отнимаютъ: а онъ-то копаетъ; всю рѣку только перекопалъ. Сдѣлали разъ побалакку,—вотъ онъ, можетъ быть, и теперь повторяетъ. Отъ него станется.

— И вы... и вы разсказываете это такъ хладнокровно! вскричалъ я въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Она взглянула на меня сверкавшими глазами.

— Простите мнѣ: я ужъ и не знаю: что говорю! Послушайте, вамъ извѣстно, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

— Н... нѣтъ, отвѣчала она, закрасивѣвшись, и какое-то тягостное ощущеніе отразилось въ ея миломъ лицѣ.

— Вы извините меня, продолжалъ я:—я теперь разстроенъ, я чувствую, что не такъ-бы слѣдовало мнѣ начать говорить объ этомъ... особенно съ вами... Но, все равно! По моему, откровенность въ такихъ дѣлахъ лучше всего. Признаюсь... то есть, я хотѣлъ сказать... вы знаете намѣреніе дядюшки? Онъ приказалъ мнѣ искать вашей руки...

— О, какой вздоръ! Не говорите этого, пожалуйста! сказала она, поспѣшно перебивая меня и вся вспыхнувъ.

Я былъ озадаченъ.

— Какъ: вздоръ? Но онъ вѣдь писалъ ко мнѣ.

— Такъ таки вамъ писалъ? спросила она съ живостью. —Ахъ,

какой! Какъ-же онъ обѣщался, что не будетъ писать! Какой вздоръ! Господи, какой это вздоръ!

— Простите меня, пробормоталъ я, не зная, что говорить: — можетъ быть, я поступилъ неосторожно, грубо... но вѣдь такая минута! Сообразите: мы окружены Богъ знаетъ чѣмъ...

— Охъ, ради Бога, не извиняйтесь! Повѣрьте, что мнѣ и безъ того тяжело это слушать, а между тѣмъ судите: я и сама хотѣла заговорить съ вами, чтобъ узнать что нибудь... Ахъ, какая досада! Такъ онъ таки вамъ написалъ? Вотъ этого-то я пуще всего боялась! Боже мой, какой это человѣкъ! А вы и повѣрили и прискакали сюда, сломя голову? Вотъ, надо было!

Она не скрывала своей досады. Положеніе мое было непривлекательно.

— Признаюсь, я не ожидалъ, проговорилъ я въ самомъ полномъ смущеніи:—такой оборотъ... я напротивъ думалъ...

— А, такъ вы думали? произнесла она съ легкой ироніей, слегка закусывая губу.—А знаете, вы мнѣ покажите это письмо, которое онъ вамъ писалъ?

— Хорошо-съ.

— Да вы не сердитесь, пожалуйста, на меня, не обижайтесь; и безъ того много горя! сказала она просящимъ голосомъ, а между тѣмъ насмѣшливая улыбка слегка мелькнула на ея хорошенькихъ губкахъ.

— Охъ! Пожалуйста, не принимайте меня за дурака! вскричалъ я съ горячностью.—Но, можетъ быть, вы предубѣждены противъ меня? Можетъ быть, вамъ кто нибудь на меня насказалъ? Можетъ быть, вы потому, что я тамъ теперь срѣзался? Но это ничего—увѣряю васъ. Я самъ понимаю, какимъ я теперь дуракомъ стою передъ вами. Не смѣйтесь, пожалуйста, надо мной! Я не знаю, что говорю... А все это оттого, что мнѣ эти проклятые двадцать два года!

— О, Боже мой! Такъ что-жь!

— Какъ, такъ что-жь? Да вѣдь кому двадцать два года, у того это и на лбу написано, какъ у меня, напримѣръ, когда я, давеча, на средину комнаты выскочилъ, или какъ теперь предъ вами... Распроклятый возрастъ!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Настенька, едва удерживаясь отъ смѣха.—Я увѣрена, что вы и добрый, и милый, и умный и, право, я искренно говорю это! Но... вы только очень самолюбивы. Отъ этого еще можно исправиться.

— Мнѣ кажется, я самолюбивъ сколько нужно.

— Ну, нѣтъ. А давеча, когда вы сконфузились — и отче-

го-жь? Оттого, что споткнулись при входѣ!.. Какое право вы имѣли выставлять на смѣхъ вашего добраго, вашего великодушнаго дядю, который вамъ сдѣлалъ столько добра? Зачѣмъ вы хотѣли свалить на него смѣшное, когда сами были смѣшны? Это было дурно, стыдно! Это не дѣлаетъ вамъ чести и, признаюсь вамъ, вы были мнѣ очень противны въ ту минуту, вотъ вамъ!

— Это правда! Я былъ болванъ! Даже больше: я сдѣлалъ подлость! Вы примѣтили ее—и я уже наказанъ! Браните меня, смѣйтесь надо мной, но послушайте: можетъ быть, вы перемѣните, наконецъ, ваше мнѣніе, прибавилъ я, увлекаемый какимъ-то страннымъ чувствомъ:—вы меня еще такъ мало знаете, что потомъ, когда узнаете больше, тогда... можетъ быть...

— Ради Бога, оставимъ этотъ разговоръ! вскричала Настенька, съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Хорошо, хорошо, оставимте! Но... гдѣ я могу васъ видѣть?

— Какъ, гдѣ видѣть?

— Но вѣдь не можетъ-же быть, чтобъ мы съ вами сказали послѣднее слово, Настасья Евграфовна! Ради Бога, назначьте мнѣ свиданье, хоть сегодня-же. Впрочемъ, теперь ужъ смеркается. Ну, такъ, если только можно, завтра утромъ, пораньше; я нарочно велю себя разбудить пораньше. Знаете, тамъ, у пруда, есть бесѣдка. Я вѣдь помню, я знаю дорогу. Я вѣдь здѣсь жилъ маленькій.

— Свиданіе! Но зачѣмъ это? Вѣдь мы и безъ того теперь говоримъ.

— Но я теперь еще ничего не знаю, Настасья Евграфовна. Я сперва все узнаю отъ дядюшки. Вѣдь долженъ-же онъ, наконецъ, мнѣ все разсказать, и тогда я, можетъ быть, скажу вамъ что-нибудь очень важное...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо, не надо! вскричала Настенька: — кончимте все разомъ теперь, такъ, чтобъ потомъ и помину не было. А въ ту бесѣдку и не ходите напрасно: увѣряю васъ, я не приду, и выкиньте, пожалуйста, изъ головы весь этотъ вздоръ — я серьезно прошу васъ...

— Такъ, значитъ, дядя поступилъ со мною, какъ сумасшедшій!—вскричалъ я, въ припадкѣ нестерпимой досады.—Зачѣмъ-же онъ вызывалъ меня послѣ этого?.. Но, слышите, что это за шумъ?

Мы были близки отъ дома. Изъ растворенныхъ оконъ раздавались визгъ и какіе-то необыкновенные крики.

— Боже мой! сказала она, поблѣднѣвъ:—опять!—Я такъ и предчувствовала!

— Вы предчувствовали? Настасья Евграфовна, еще одинъ вопросъ. Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права, но рѣшаюсь предложить вамъ этотъ послѣдній вопросъ для общаго блага. Скажите—и это умретъ во мнѣ—скажите откровенно: дядя влюбленъ въ васъ, или нѣтъ?

— Ахъ! Выкиньте, пожалуйста, этотъ вздоръ изъ головы разъ навсегда! вскричала она, вспыхнувъ отъ гнѣва.—И вы тоже! Кабы былъ влюбленъ, не хотѣлъ-бы выдавать меня за васъ, прибавила она съ горькою улыбкою.—И съ чего, съ чего это взяли? Неужели вы не понимаете, о чемъ идетъ дѣло? Слышите эти крики?

— Но... это Ѳома Ѳомичъ...

— Да, конечно, Ѳома Ѳомичъ; но теперь изъ-за меня идетъ дѣло, потому что они тоже говорятъ, что и вы, ту-же безсмыслицу; тоже подозрѣваютъ, что онъ влюбленъ въ меня. А такъ какъ я бѣдная, ничтожная, а такъ какъ замарать меня ничего не стоитъ, а они хотятъ женить его на другой, такъ вотъ и требуютъ, чтобъ онъ меня выгналъ домой, къ отцу, для безопасности. А ему когда скажутъ про это, то онъ тотчасъ-же изъ себя выходитъ: даже Ѳому Ѳомича разорвать готовъ. Вонъ они теперь и кричатъ объ этомъ: ужь я предчувствую, что объ этомъ.

— Такъ это все правда! Такъ, значитъ, онъ непремѣнно женится на этой Татьянѣ?

— На какой Татьянѣ?

— Ну, да на этой дурѣ.

— Вовсе не дурѣ! Она добрая. Не имѣете вы права такъ говорить! У нея благородное сердце, благороднѣе, чѣмъ у многихъ другихъ. Она не виновата тѣмъ, что несчастная.

— Простите. Положимъ, вы въ этомъ совершенно правы; но не ошибаетесь-ли вы въ главномъ? Какъ-же, скажите, я замѣтилъ, что они хорошо принимаютъ вашего отца? Вѣдь, если-бъ они до такой ужь степени сердились на васъ, какъ вы говорите, и васъ выгоняли, такъ и на него-бы сердились и его-бы худо принимали.

— А развѣ вы не видите, что дѣлаетъ для меня мой отецъ! Онъ шутомъ передъ ними вертится! Его принимаютъ именно потому, что онъ успѣлъ подольститься къ Ѳомѣ Ѳомичу. А такъ какъ Ѳома Ѳомичъ самъ былъ шутомъ, такъ вотъ ему и лестно, что и у него теперь есть шуты. Какъ вы думаете: для кого это отецъ дѣлаетъ? Онъ для меня это дѣлаетъ, для меня одной. Ему не надо: онъ для себя никому не поклонится. Онъ, можетъ, и очень смѣшонъ и на чьи-нибудь глаза, но онъ благородный, благороднѣйшій человѣкъ! Онъ думаетъ, Богъ знаетъ почему—и вовсе не потому, что я здѣсь жалованье хорошее получаю — увѣряю васъ: онъ ду-

мастъ, что мнѣ лучше остаться здѣсь, въ этомъ домѣ. Но теперь я совсѣмъ его разувѣрила. Я ему написала рѣшительно. Онъ и пріѣхалъ, чтобъ взять меня, и, если крайность до того дойдетъ, такъ хоть завтра-же, потому что ужь дѣло почти до всего дошло: они меня съѣсть хотятъ, и я знаю навѣрно, что они тамъ теперь кричатъ обо мнѣ. Они растерзаютъ *его* изъ-за меня, они погубятъ *его!* А *она* мнѣ все-равно, что отецъ — слышите, даже больше, чѣмъ мой родной отецъ! Я не хочу дожидаться. Я знаю больше, чѣмъ другіе. Завтра-же, завтра-же уѣду! Кто знаетъ: можетъ, чрезъ это они отложатъ, хоть на время, и свадьбу *его* съ Татьяной Ивановной... Вотъ я вамъ все теперь разсказала. Разскажите-же это и ему, потому что я теперь и говорить-то съ нимъ не могу: за нами слѣдятъ, и особенно эта Перепелицына. Скажите, чтобъ *она* не безпокоился обо мнѣ, что я лучше хочу ѣсть черный хлѣбъ и жить въ избѣ у отца, чѣмъ быть причиною *его* злѣйшихъ мученій. Я бѣдная, и должна жить какъ бѣдная. Но, Боже мой, какой шумъ! Какой крикъ! Что тамъ еще дѣлается? Нѣтъ, во что-бы ни стало, сейчасъ пойду туда! Я выскажу имъ всѣмъ все это прямо въ глаза, сама, что-бы ни случилось! Я должна это сдѣлать. Прощайте.

Она убѣжала. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, вполнѣ сознавая все смѣшное въ той роли, которую мнѣ пришлось сейчасъ разыграть, и совершенно недоумѣвая, чѣмъ все это теперь разрѣшится. Мнѣ было жаль бѣдную дѣвушку и я боялся за дядю. Вдругъ подлѣ меня очутился Гаврила. Онъ все еще держалъ свою тетрадку въ рукѣ.

— Пожалуйте къ дяденькѣ! проговорилъ онъ унылымъ голосомъ.

Я очнулся.

— Къ дядѣ? А гдѣ онъ? Что съ нимъ теперь дѣлается?

— Въ чайной. Тамъ-же, гдѣ чай извольли давеча кушать.

— Кто съ нимъ?

— Одни. Дожидаются.

— Кого? Меня?

— За Фомой Фомичемъ послали. Прошли наши красные деньки! прибавилъ онъ, глубоко вздыхая.

— За Фомой Фомичемъ? Гм! А гдѣ другіе? Гдѣ барыня?

— На своей половинѣ. Въ омракъ упали, а теперь лежатъ въ безчувствіи и плачутъ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы дошли до террасы. На дворѣ было уже почти совсѣмъ темно. Дядя, дѣйствительно, былъ одинъ, въ той-же комнатѣ, гдѣ произошло мое побоище съ Фомой Фомичемъ, и ходилъ по ней большими шагами. На столахъ горѣли свѣчи.

Увидя меня, онъ бросился ко мнѣ и крѣпко сжалъ мои руки. Онъ былъ блѣденъ и тяжело переводилъ духъ: руки его тряслись, и нервическая дрожь пробѣгала, временемъ, по всему его тѣлу.

IX.

Ваше превосходительство.

Другъ мой! Все кончено, все рѣшено! проговорилъ онъ какимъ-то трагическимъ полушепотомъ.

— Дядюшка, сказалъ я —я слышалъ какіе-то крики.

— Крики, братецъ, крики; всякіе были крики! Маменька въ обморокѣ, и все это теперь вверхъ ногами. Но я рѣшился и настою на своемъ. Я теперь ужь никого не боюсь, Сережа. Я хочу показать имъ, что и у меня есть характеръ — и покажу! И вотъ нарочно послалъ за тобой, чтобъ ты помогъ мнѣ имъ показать... Сердце мое разбито, Сережа... но я долженъ, я обязанъ поступить со всею строгостью. Справедливость неумолима!

— Но что-же такое случилось, дядюшка?

— Я разстаюсь съ Фомой, произнесъ дядя рѣшительнымъ голосомъ.

— Дядюшка! закричалъ я въ восторгѣ:—ничего лучше вы не могли выдумать! И если я хоть сколько-нибудь могу способствовать вашему рѣшенію, то... располагайте мною во вѣки вѣковъ.

— Благодарю тебя, братецъ, благодарю! Но теперь ужь все рѣшено. Жду Фому: я уже послалъ за нимъ. Или онъ, или я! Мы должны разлучиться. Или-же завтра Фома выйдетъ изъ этого дома, или, клянусь, бросаю все и поступаю опять въ гусары! Примутъ, дадутъ дивизіонъ. Прочь всю эту систему! Теперь все по новому! На что это у тебя французская тетрадка? съ яростію закричалъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. — Прочь ее! Сожги, растопчи, разорви! *Я* твой господинъ, и *я* приказываю тебѣ не учиться французскому языку. Ты не можешь, ты не смѣешь меня не слушаться, потому что *я* твой господинъ, а не Фома Фомичъ!

— Слава-те Господи! пробормоталъ про себя Гаврила.—Дѣло очевидно шло не на шутку.

— Другъ мой! продолжалъ дядя съ глубокимъ чувствомъ: — они требуютъ отъ меня невозможнаго! Ты будешь судить меня: ты теперь станешь между нимъ и мною, какъ безпристрастный судья. Ты не знаешь, ты не знаешь, чего они отъ меня требовали. И,

наконецъ, формально потребовали, все высказали! Но это противно человѣколюбію, благородству, чести... Я все разскажу тебѣ, но сперва...

— Я ужь все знаю, дядюшка!—вскричалъ я, перебивая его.—я угадываю... Я сейчасъ разговаривалъ съ Настасьей Евграфовной.

— Другъ мой, теперь ни слова, ни слова объ этомъ! торопливо прервалъ онъ меня, какъ будто испугавшись.—Потомъ я все самъ разскажу тебѣ, но покамѣстъ... Что-жь, закричалъ онъ вошедшему Видоплясову:—гдѣ-же Ѳома Ѳомичъ?

Видоплясовъ явился съ извѣстіемъ, что Ѳома Ѳомичъ не желаютъ придти и находятъ требованіе явиться до несовмѣстности грубымъ-съ, такъ что Ѳома Ѳомичъ очень изволили этимъ обидѣться-съ.

— Веди его! Тащи его! Сюда его! Силою притащи, закричалъ дядя, топая ногами.

Видоплясовъ, никогда не видавшій своего барина въ такомъ гнѣвѣ, ретировался въ испугѣ. Я удивился.

Надо-же быть чему-нибудь слишкомъ важному, подумалъ я, «если человѣкъ съ такимъ характеромъ способенъ дойти до такого гнѣва и до такихъ рѣшеній».

Нѣсколько минутъ дядя, молча, ходилъ по комнатѣ, какъ будто въ борьбѣ самъ съ собою.

— Ты, впрочемъ, не рви тетрадку, сказалъ онъ, наконецъ. Гаврилъ.—Подожди и самъ будь здѣсь: ты, можетъ быть, еще понадобишься.—Другъ мой! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—я, кажется, ужь слишкомъ сейчасъ закричалъ. Всякое дѣло надо дѣлать съ достоинствомъ, съ мужествомъ, но безъ криковъ, безъ обидъ. Именно такъ. Знаешь что, Сережа: не лучше-ли будетъ, если-бъ ты ушелъ отсюда? Тебѣ все равно. Я тебѣ потомъ все самъ разскажу, —а? Какъ ты думаешь? Сдѣлай это для меня, пожалуйста.

— Вы боитесь, дядюшка? Вы раскаиваетесь? сказалъ я, пристально смотря на него.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не раскаиваюсь! вскричалъ онъ съ удвоеннымъ одушевленіемъ.—Я ужь теперь ничего больше не боюсь. Я принялъ рѣшительныя мѣры, самыя рѣшительныя! Ты не знаешь, ты не можешь себѣ вообразить, чего они отъ меня потребовали! Неужели-жь я долженъ былъ согласиться? Нѣтъ, я докажу! Я возсталъ и докажу! Когда-нибудь я долженъ-же былъ доказать! Но, знаешь, мой другъ, я раскаиваюсь, что тебя позвалъ: Ѳомѣ, можетъ быть, будетъ очень тяжело. Когда и ты будешь здѣсь, такъ сказать, свидѣтелемъ его униженія. Видишь, я хочу

ему отказать отъ дома благороднымъ образомъ, безъ всякаго униженія. Но, вѣдь, это я такъ только говорю, что безъ униженія. Дѣло-то оно, братъ, такое, что хоть медовыя рѣчи точи, а все-таки будетъ обидно. Я-же —грубъ, безъ воспитанія, пожалуй, еще такое ляпну, съ дуру-то, что и самъ потомъ не радъ буду. Все-жь онъ для меня много сдѣлалъ... Уйди, мой другъ... Но вотъ уже его ведутъ, ведутъ! Сережа, прошу тебя, выйди! Я тебѣ все потомъ разскажу. Выйди, ради Христа!

И дядя вывелъ меня на террасу, въ то самое мгновеніе, когда Ѳома входилъ въ комнату. Но, каюсь: я не ушелъ; я рѣшился остаться на террасѣ, гдѣ было очень темно, и, слѣдственно, меня трудно было увидѣть изъ комнаты. Я рѣшился подслушивать!

Не оправдываю ничѣмъ своего поступка, но смѣло скажу, что, выстоявъ эти полчаса на террасѣ и не потерявъ терпѣнія, я считаю, что совершилъ подвигъ великомученичества. Съ моего мѣста я не только могъ хорошо слышать, но даже могъ хорошо и видѣть: двери были стеклянныя. Теперь прошу вообразить Ѳому Ѳомича, которому *приказали* явиться, угрожая силою, въ случаѣ отказа.

— Мои-ли уши слышали такую угрозу, полковникъ? возопилъ Ѳома, входя въ комнату.—Такъ-ли мнѣ передано?

— Твои, твои, Ѳома, успокойся, храбро отвѣчалъ дядя.—Сядь: поговоримъ серьезно, дружески, братски. Садись-же, Ѳома.

Ѳома Ѳомичъ торжественно сѣлъ на кресло. Дядя быстрыми и неровными шагами ходилъ по комнатѣ, очевидно, затрудняясь, съ чего начать рѣчь.

— Именно братски, повторилъ онъ.—Ты поймешь меня, Ѳома, ты не маленькій: я тоже не маленькій—словомъ, мы оба въ лѣтахъ... Гм! Видишь, Ѳома, мы не сходимся въ нѣкоторыхъ пунктахъ... да, именно въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и потому, Ѳома, не лучше-ли, братъ, разстаться? Я увѣренъ, что ты благороденъ, что ты мнѣ желаешь добра, и потому... Но что долго толковать! Ѳома, я твой другъ во вѣки вѣковъ, и клянусь въ томъ всѣми святыми! Вотъ 15,000 рублей серебромъ: это все, братъ, что есть за душой, послѣднія крохи наскребъ, своихъ обобралъ. Смѣло бери! Я долженъ, я обязанъ тебя обезпечить! Тутъ все почти ломбардными и очень немного наличными. Смѣло бери! Ты-же мнѣ ничего не долженъ, потому что я никогда не буду въ силахъ заплатить тебѣ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Да, да, именно, я это чувствую, хотя теперь, въ главнѣйшемъ-то пунктѣ, мы расходимся. Завтра или послѣ завтра... или когда тебѣ угодно... разъѣдемся. Поѣзжай-ка въ нашъ городишко, Ѳома, всего десять верстъ: тамъ есть домикъ

за церковью, въ первомъ переулкѣ, съ зелеными ставнями, премиленькій домикъ вдовы-попадьи, какъ будто для тебя его и построили. Она продастъ. Я тебѣ куплю его сверхъ этихъ денегъ. Поселись-ка тамъ, подлѣ насъ. Занимайся литературой, науками: пріобрѣтешь славу... Чиновники тамъ, всѣ до одного, благородные, радушные, безкорыстные: протопопъ ученый. Къ намъ будешь пріѣзжать гостить по праздникамъ — и мы заживемъ, какъ въ раю! Желаешь или нѣтъ!

Такъ вотъ на какихъ условіяхъ изгоняли Фому! — подумалъ я: «дядя скрылъ отъ меня о деньгахъ».

Долгое время царствовало глубокое молчаніе. Фома сидѣлъ въ креслахъ, какъ будто опѣломленный, и неподвижно смотрѣлъ на дядю, которому, видимо, становилось неловко отъ этого молчанія и отъ этого взгляда.

— Деньги! проговорилъ, наконецъ, Фома, какимъ-то выдѣланно-слабымъ голосомъ:—гдѣ-же онѣ, гдѣ эти деньги? Давайте ихъ, давайте сюда скорѣе!

— Вотъ онѣ, Фома: послѣднія крохи, ровно пятнадцать, все, что было. Тутъ и кредитными, и ломбардными — самъ увидишь... вотъ!

— Гаврила! Возьми себѣ эти деньги, кротко проговорилъ Фома:— они, старикъ, могутъ тебѣ пригодиться.—Но нѣтъ! вскричалъ онъ вдругъ, съ прибавкою какого-то необыкновеннаго визга и вскакивая съ кресла:—нѣтъ! Дай мнѣ ихъ сперва, эти деньги, Гаврила! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ эти милліоны, чтобъ я притоптать ихъ моими ногами, дай, чтобъ я разорвалъ ихъ, оплевалъ ихъ, разбросалъ ихъ, осквернилъ ихъ, обезчестилъ ихъ!.. Мнѣ, мнѣ предлагаютъ деньги! Подкупаютъ меня, чтобъ я вышелъ изъ этого дома! Я-ли это слышалъ? Я-ли дожилъ до этого послѣдняго безчестія? Вотъ, вотъ они, ваши милліоны! Смотрите: вотъ, вотъ, вотъ и вотъ! Вотъ, какъ поступаетъ Фома Опискинъ, если вы до сихъ поръ этого не знали, полковникъ!

И Фома разбросалъ всю пачку денегъ по комнатѣ. Замѣчательно, что онъ не разорвалъ и не оплевалъ ни одного билета, какъ похвалялся сдѣлать: онъ только немного помялъ ихъ, но и то довольно осторожно. Гаврила бросился собирать деньги съ полу и потомъ, по уходѣ Фомы, бережно передалъ своему барину.

Поступокъ Фомы произвелъ на дядю настоящій столбнякъ. Въ свою очередь, онъ стоялъ теперь передъ нимъ неподвижно, безсмысленно, съ разинутымъ ртомъ. Фома, между тѣмъ, помѣстился опять въ кресло и пыхтѣлъ, какъ будто отъ невыразимаго волненія.

— Ты возвышенный человѣкъ, Ома! вскричалъ, наконецъ, дядя, очнувшись:—ты благороднѣйшій изъ людей!

— Это я знаю, отвѣчалъ Ома слабымъ голосомъ, но съ невыразимымъ достоинствомъ.

— Ома, прости меня! Я подлецъ передъ тобой, Ома!

— Да, передо мной, поддакнулъ Ома.

— Ома! Не твоему благородству я удивляюсь, продолжалъ дядя въ восторгѣ:—но тому, какъ могъ я быть до такой степени грубъ, слѣпъ и подлъ, чтобы предложить тебѣ деньги при такихъ условіяхъ? Но, Ома, ты въ одномъ ошибся: я вовсе не подкупалъ тебя, не платилъ тебѣ, чтобъ ты вышелъ изъ дома, а просто за просто, я хотѣлъ, чтобъ и у тебя были деньги, чтобъ ты не нуждался, когда отъ меня выйдешь. Клянусь въ этомъ тебѣ! На колѣняхъ, на колѣняхъ готовъ просить у тебя прощенія, Ома, и если хочешь, стану сейчасъ передъ тобой на колѣни... если только хочешь...

— Не надо мнѣ вашихъ колѣнъ, полковникъ!..

— Но, Боже мой! Ома, посуди: вѣдь я былъ разгоряченъ, фрапированъ, я былъ внѣ себя... Но назови-же, скажи, чѣмъ могу, чѣмъ въ состояніи я загладить эту обиду? Научи, изреки...

— Ничѣмъ, ничѣмъ, полковникъ! И будьте увѣрены, что завтра-же я отряхну прахъ съ моихъ сапоговъ на порогѣ этого дома.

И Ома началъ подыматься съ кресла. Дядя, въ ужасѣ, бросился его снова усаживать.

— Нѣтъ, Ома, ты не уйдешь, увѣряю тебя! кричалъ дядя.— Нечего говорить про прахъ и про сапоги, Ома! Ты не уйдешь, или я пойду за тобой на край свѣта, и все буду идти за тобой, до тѣхъ поръ, покамѣстъ ты не простишь меня... Клянусь, Ома, я такъ и сдѣлаю!

— Васъ простить? Вы виноваты? сказалъ Ома. — Но понимаете-ли вы еще вину-то свою передо мною? Понимаете-ли, что вы стали виноваты теперь передо мной даже тѣмъ, что давали мнѣ здѣсь кусокъ хлѣба? Понимаете-ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядомъ всѣ тѣ прошедшіе куски, которые я употребилъ въ вашемъ домѣ? Вы попрекнули меня сейчасъ этими кусками, каждымъ глоткомъ этого хлѣба, уже съѣденнаго мною: вы мнѣ доказали теперь, что я жилъ, какъ рабъ, въ вашемъ домѣ, какъ лакей, какъ обтирка вашихъ лакированныхъ сапоговъ! А между тѣмъ, я, въ чистотѣ моего сердца, думалъ до сихъ поръ, что обитаю въ вашемъ домѣ, какъ другъ и какъ братъ! Не сами-ль, не сами-ль вы, змѣиными рѣчами вашими тысячу разъ увѣряли меня въ этомъ братствѣ? Зачѣмъ-же вы таинственно сплетали мнѣ эти сѣти, въ

которыя я понялъ, какъ дуракъ? Зачѣмъ-же во мракъ копали вы мнѣ эту волчью яму, въ которую теперь вы сами втолкнули меня? Зачѣмъ не поразили вы меня разомъ еще прежде, однимъ ударомъ этой дубины? Зачѣмъ въ самомъ началѣ не свернули вы мнѣ головы, какъ какому-нибудь нѣтуху, за то... ну, хоть напримѣръ, только за то, что онъ не несетъ яицъ? Да, именно такъ! Я стою за это сравненіе, полковникъ, хотя оно и взято изъ провинціальнаго быта и напоминаетъ собою тривіальный тонъ современной литературы; потому стою за него, что въ немъ видна вся безсмысленица обвиненій вашихъ; ибо я столько-же виноватъ передъ вами, какъ и этотъ предполагаемый нѣтухъ, неугодившій своему легкомысленному владѣльцу несеньемъ яицъ! Помилуйте, полковникъ! Развѣ платятъ другу иль брату деньгами — и за что-же? Главное, за что-же? «На, дескать, возлюбленный братъ мой, я обязанъ тебѣ: ты даже спасалъ мнѣ жизнь: на тебѣ нѣсколько іудиныхъ сребренниковъ, но только убирайся отъ меня съ глазъ долой!» Какъ наивно! Какъ грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда какъ я питалъ одни райскія чувства составить ваше благополучіе. О, какъ разбили вы мое сердце! Благороднѣйшими чувствами моими вы играли какъ какой-нибудь мальчишка въ какую-нибудь свайку! Давно-давно, полковникъ, я уже предвидѣлъ все это,—вотъ почему я уже давнымъ-давно задыхаюсь отъ вашего хлѣба, давлюсь этимъ хлѣбомъ! Вотъ почему меня давили ваши перины, давили, а не лелѣяли! Вотъ почему сахаръ, ваши конфекты были для меня кайеннскимъ перцемъ, а не конфектами! Нѣтъ, полковникъ! Живите одинъ, благоденствуйте одинъ и оставьте Ѳому идти своею скорбною дорогою, съ мѣшкомъ на спинѣ. Такъ и будетъ, полковникъ!

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Такъ не будетъ, такъ не можетъ быть! простоналъ совершенно уничтоженный дядя.

— Да, полковникъ, да! Именно такъ будетъ, потому что такъ должно быть. Завтра-же ухожу отъ васъ. Разсыпьте ваши милліоны, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы кредитными билетами — и я гордо, презрительно пройду по вашимъ билетамъ; эта самая нога, полковникъ, растопчетъ, загрязнитъ, раздавитъ эти билеты и Ѳома Опискинъ будетъ сытъ однимъ благородствомъ своей души! Я сказалъ и доказалъ! Прощайте, полковникъ. Про-щай-те, полковникъ!..

И Ѳома началъ вновь подыматься съ кресла.

— Прости, прости, Ѳома! Забудь!.. повторялъ дядя умоляющимъ голосомъ.

— «Прости!» Но къ чему вамъ мое прощеніе? Ну, хорошо,

положимъ, что я васъ и прощу: я христіанинъ: я не могу не простить; я и теперь уже почти васъ простилъ. Но рѣшите-же сами: сообразно-ли будетъ хоть сколько-нибудь съ здравымъ смысломъ и благородствомъ души, если я хоть на одну минуту останусь теперь въ вашемъ домѣ? Вѣдь вы выгоняли меня!

— Сообразно, сообразно, Фома! Увѣряю тебя, что сообразно!

— Сообразно? Но равны-ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, такъ сказать, раздавилъ васъ своимъ благородствомъ, а вы раздавили сами себя своимъ унизительнымъ поступкомъ? Вы раздавлены, а я вознесенъ. Гдѣ-же равенство? А развѣ можно быть друзьями безъ такого равенства? Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь нашими, какъ вы, можетъ быть, думаете.

— Но я и самъ испускаю сердечный вопль, Фома, — увѣряю тебя...

— И это тотъ самый человѣкъ, продолжалъ Фома, перемѣняя суровый тонъ на блаженный: — тотъ самый человѣкъ, для котораго я столько разъ не спалъ по ночамъ! Сколько разъ, бывало, въ безсонныя ночи мои, я вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчу и говорилъ себѣ: «Теперь онъ спитъ спокойно, надѣясь на тебя. Не спи-же ты, Фома, бодрствуй за него: авось выдумаешь еще что нибудь для благополучія этого человѣка». Вотъ какъ думалъ Фома въ свои безсонныя ночи, полковникъ! И вотъ какъ заплатилъ ему этотъ полковникъ! Но довольно, довольно!..

— Но я заслужу, Фома, я заслужу опять твою дружбу — клянусь тебѣ!

— Заслужите? А гдѣ-же гарантія? Какъ христіанинъ, я прощу и даже буду любить васъ: но какъ человѣкъ, и человѣкъ благородный, я поневолѣ буду васъ презирать. Я долженъ, я обязанъ во имя нравственности, потому что — повторяю вамъ это — вы опозорили себя, а я сдѣлать благороднѣйшій изъ поступковъ. Ну, кто *изъ вашихъ* сдѣлаетъ подобный поступокъ? Кто изъ нихъ откажется отъ такого несмѣтнаго числа денегъ, отъ которыхъ отказался, однако-жъ, нищій, презираемый всѣми Фома, изъ любви къ величію? Нѣтъ, полковникъ, чтобъ сравниться со мной вы должны совершить теперь цѣлый рядъ подвиговъ. А на какой подвигъ способны вы, когда не можете даже сказать мнѣ *вы*, какъ своему ровнѣ, а говорите *ты*, какъ слугѣ?..

— Фома, но вѣдь я по дружбѣ говорилъ тебѣ *ты*! возопилъ дядя. — Я не зналъ, что тебѣ непріятно... Боже мой! Но если-бъ я только зналъ...

— Вы, — продолжалъ Фома: — вы, которые не могли, или,

лучше сказать, не хотѣли исполнить самую пустѣйшую, самую ничтожнѣйшую изъ просьбъ, когда я васъ просилъ сказать мнѣ, какъ генералу, «ваше превосходительство»...

— Но, Ѳома, вѣдь это уже было, такъ сказать, высшее посягновеніе, Ѳома.

— Высшее посягновеніе! Затвердили какую-то книжную фразу, да и повторяете ее, какъ попугай! Но знаете-ли вы, вы осрамили, обезчестили меня отказомъ сказать мнѣ «ваше превосходительство», обезчестили тѣмъ, что, не поняв причинъ моихъ, выставили меня капризнымъ дуракомъ, достойнымъ желтаго дома! Ну, неужели я не понимаю, что я-бы самъ былъ смѣшонъ, если-бъ захотѣлъ именоваться превосходительствомъ, я, который презираю всѣ эти чины и земныя величія, ничтожныя сами по себѣ, если они не освѣщаются добродѣтелью? За милліонъ не возьму генеральскаго чина безъ добродѣтели. А между тѣмъ, вы считали меня за безумнаго! Для вашей-же пользы я пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и допустилъ, что вы, *вы* могли считать меня за безумнаго, вы и ваши *ученые*! Единственно для того, чтобъ просвѣтить вашъ умъ, развить вашу нравственность и облить васъ лучами новыхъ идей, рѣшился я требовать отъ васъ генеральскаго титула. Я именно хотѣлъ, чтобъ вы впредь не почитали генераловъ самыми высшими свѣтилами на всемъ земномъ шарѣ; хотѣлъ доказать вамъ, что чинъ — ничто безъ великодушія, и что нечего радоваться пріѣзду вашего генерала, когда, можетъ быть, и возлѣ васъ стоятъ люди, озаренные добродѣтелью! Но вы такъ постоянно чванились передо мною своимъ чиномъ полковника, что вамъ уже трудно было сказать мнѣ: «ваше превосходительство». Вотъ гдѣ причина! Вотъ, гдѣ искать ее, а не въ посягновеніи какихъ-то судебъ! Вся причина въ томъ, что вы полковникъ, а я просто Ѳома...«

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Увѣряю тебя, что это не такъ. Ты ученый, ты не просто Ѳома... я почитаю...

— Почитаете! Хорошо! Такъ скажите-же мнѣ, если почитаете, какъ по вашему мнѣнію: достоинъ я, или нѣтъ генеральскаго сана? Отвѣчайте рѣшительно и немедленно: достоинъ, или нѣтъ? Я хочу посмотрѣть вашъ умъ, ваше развитіе.

— За честность, за безкорыстіе, за умъ, за высочайшее благородство души — достоинъ! съ гордостью проговорилъ дядя.

— А если достоинъ, такъ для чего-жь вы не скажете мнѣ «ваше превосходительство?»

— Ѳома, я, пожалуй, скажу...

— А я требую! А я теперь требую, полковникъ, настаиваю и требую! Я вижу, какъ вамъ тяжело это, потому-то и требую. Эта

жертва съ вашей стороны будетъ первымъ шагомъ вашего подвига, потому что — не забудьте это — вы должны сдѣлать цѣлый рядъ подвиговъ, чтобъ сравняться со мною; вы должны пересилить самого себя, и тогда только я увѣрую въ вашу искренность...

— Завтра-же скажу тебѣ, Ома, «ваше превосходительство!»

— Нѣтъ, не завтра, полковникъ, завтра само собой. Я требую, чтобъ вы теперь, сейчасъ-же, сказали мнѣ «ваше превосходительство».

— Извольте, Ома, я готовъ... Только какъ-же это такъ, сейчасъ, Ѳома?..

— Почему-же не сейчасъ? Иль вамъ стыдно? Въ такомъ случаѣ мнѣ обидно, если вамъ стыдно.

— Ну, да пожалуй, Ѳома, я готовъ... я даже горжусь... Только какъ-же это, Ѳома, ни съ того, ни съ сего: «здравствуйте, ваше превосходительство?» Вѣдь это нельзя...

— Нѣтъ, не «здравствуйте, ваше превосходительство», это уже обидный тонъ; это похоже на шутку, на фарсъ. Я не позволю съ собой такихъ шутокъ. Опомнитесь, немедленно опомнитесь, полковникъ! Перемѣните вашъ тонъ!

— Да ты не шутишь, Ѳома?

— Во первыхъ, я не *ты*, Егоръ Ильичъ, а *вы*—не забудьте это; и не Ѳома, а Ѳома Ѳомичъ.

— Да ей Богу-же, Ома Ѳомичъ, я радъ! Я всѣми силами радъ... Только, что̀-жь я скажу?

— Вы затрудняетесь прибавить къ слову: «ваше превосходительство» —это понятно. Давно-бы вы объяснились! Это даже извинительно, особенно, если человѣкъ *не сочинитель*, если выразиться поучтивѣе. Ну, я вамъ помогу, если вы не сочинитель. Говорите за мной: «ваше превосходительство»!..

— Ну, «ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не: «///, ваше превосходительство», а просто: «ваше превосходительство!» Я вамъ говорю, полковникъ, перемѣните вашъ тонъ! Надѣюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вамъ слегка поклониться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонить впередъ корпусъ, выражая такимъ образомъ почтительность и готовность, такъ сказать, летѣть по его порученіямъ. Я самъ бывалъ въ генеральскихъ обществахъ и все это знаю... Ну-съ: «ваше превосходительство».

— Ваше превосходительство...

— Какъ я несказанно обрадованъ, что имѣю, наконецъ, случай, просить у васъ извиненія въ томъ, что съ перваго раза не узналъ души вашего превосходительства. Смѣю увѣрить, что впредь

не пощажу слабыхъ силъ моихъ въ пользу общую... Ну, довольно съ васъ!

Бѣдный дядя! Онъ долженъ былъ повторить всю эту галиматью, фразу за фразой, слово за словомъ! Я стоялъ и краснѣлъ, какъ виноватый. Злость душила меня.

— Ну, не чувствуете-ли вы теперь, проговорилъ истязатель:— что у васъ вдругъ стало легче на сердцѣ, какъ будто въ душу къ вамъ слетѣлъ какой-то ангелъ?.. Чувствуете-ли вы присутствіе этого ангела? Отвѣчайте мнѣ!

— Да, Ѳома, дѣйствительно какъ-то легче сдѣлалось, отвѣчалъ дядя.

— Какъ будто сердце ваше послѣ того, какъ вы побѣдили себя, такъ сказать, окунулось въ какомъ-то елеѣ!

— Да, Ѳома, дѣйствительно, какъ будто по маслу пошло.

— Какъ будто по маслу? Гм... Я, впрочемъ, не про масло вамъ говорилъ... Ну, да все равно! Вотъ что значитъ, полковникъ, исполненный долгъ! Побѣждайте-же себя. Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!

— Самолюбивъ, Ѳома, вижу, со вздохомъ отвѣчалъ дядя.

— Вы эгоистъ и даже мрачный эгоистъ...

— Эгоистъ-то я эгоистъ, правда, Ѳома, и это вижу; съ тѣхъ поръ, какъ тебя узналъ, такъ и это узналъ.

— Я вамъ говорю теперь, какъ отецъ, какъ нѣжная мать... вы отбиваете всѣхъ отъ себя и забываете, что ласковый телёнокъ двѣ матки сосетъ.

— Правда и это, Ѳома!

— Вы грубы. Вы такъ грубо толкаетесь въ человѣческое сердце, такъ самолюбиво напрашиваетесь на вниманіе, что порядочный человѣкъ отъ васъ за тридевять земель убѣжать готовъ!

Дядя еще разъ глубоко вздохнулъ.

— Будьте-же нѣжнѣе, внимательнѣе, любовнѣе къ другимъ; забудьте себя для другихъ, тогда вспомнятъ и о васъ. Живи и жить давай другимъ—вотъ мое правило! Терпи, трудись, молись и надѣйся—вотъ истины, которыя-бы я желалъ внушить разомъ всему человѣчеству! Подражайте-же имъ, и тогда я первый раскрою вамъ мое сердце, буду плакать на груди вашей... если понадобится... А то я да я, да милость моя! Да вѣдь надоѣсть-же, наконецъ, ваша милость, съ позволенія сказать.

— Сладкогласный человѣкъ! проговорилъ, въ благоговѣніи, Гаврила.

— Это правда, Ѳома, я все это чувствую, подхватилъ растроганный дядя.—Но не во всемъ-же и я виноватъ, Ѳома; такъ ужь

меня воспитали: съ солдатами жить. А клянусь тебѣ, Ѳома, и я умѣлъ чувствовать. Прощался съ полкомъ, такъ всѣ гусары, весь мой дивизіонъ, просто плакали, говорили, что такого, какъ я, не нажить!.. Я и подумалъ тогда, что и я, можетъ быть, еще не совсѣмъ человѣкъ погибшій.

— Опять эгоистическая черта! Опять я ловлю васъ на самолюбіи! Вы хвалитесь и мимоходомъ, попрекнули меня слезами гусаръ. Что-жь я не хвалюсь ни чьими слезами? А было-бы чѣмъ, а было-бы, можетъ быть, чѣмъ.

— Это такъ съ языка сорвалось, Ѳома, не утерпѣлъ, вспомнилъ старое хорошее время.

— Хорошее время не съ неба падаетъ, а мы его дѣлаемъ: оно заключается въ сердцѣ нашемъ, Егоръ Ильичъ. Отчего-же я всегда счастливъ и, не смотря на страданія, доволенъ, спокоенъ духомъ и никому не надоѣдаю, развѣ однимъ дуракамъ, верхоглядамъ, *ученымъ*, которыхъ не терплю и не хочу видѣть. Не люблю дураковъ! И что такое эти ученые? — Человѣкъ науки! — Да наука-то выходитъ у него надувательная штука, а не наука. Ну что *онъ* давеча говорилъ? Давайте его сюда! Давайте сюда всѣхъ ученыхъ! Все могу опровергнуть: всѣ положенія ихъ могу опровергнуть! Я ужь не говорю о благородствѣ души...

— Конечно, Ѳома, конечно. Кто-жь сомнѣвается?

— Давеча, напримѣръ, я выказалъ умъ, талантъ, колоссальную начитанность, знаніе сердца человѣческаго, знаніе современныхъ литературъ, я показалъ и блестящимъ образомъ развернулъ, какъ, изъ какого-нибудь комариннаго, можетъ вдругъ составиться высокая тэма для разговора у человѣка галантливаго. Что-жь? Оцѣнилъ-ли кто-нибудь изъ нихъ меня по достоинству? Нѣтъ, отворотились! Я вѣдь увѣренъ, что онъ уже говорилъ вамъ, что я ничего не знаю. А тутъ, можетъ быть, самъ Макіавель, или какой-нибудь Меркаданте передъ нимъ сидѣлъ, и только тѣмъ виноватъ, что бѣденъ и находится въ неизвѣстности... Нѣтъ, это имъ не пройдетъ!. Слышу еще про Коровкина. Это что за гусь?

— Это, Ѳома, человѣкъ умный, человѣкъ науки... Я его жду. Это вѣрно ужь будетъ хорошій, Ѳома!

— Гм! сомнѣваюсь. Вѣроятно, какой-нибудь современный оселъ, навьюченный книгами. Души въ нихъ нѣтъ, полковникъ, сердца въ нихъ нѣтъ! А что и ученость безъ добродѣтели?

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Какъ о семейномъ счастіи говорить! Такъ сердце и вникаетъ само собою, Ѳома!

— Гм! Посмотримъ: проэкзаменуемъ и Коровкина. Но довольно, заключилъ Ѳома, подымаясь съ кресла. — Я не могу еще васъ со-

вершенно простить, полковникъ; обида была кровавая: но я помолюсь, и, можетъ быть, Богъ ниспошлетъ миръ оскорбленному сердцу. Мы поговримъ еще завтра объ этомъ, а теперь позвольте ужъ мнѣ уйдти. Я усталъ и ослабъ...

— Ахъ, Ѳома! захлопоталъ дядя:—вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ, усталъ! Знаешь что? Не хочешь-ли подкрѣпиться, закусить чего нибудь? Я сейчасъ прикажу.

— Закусить! Ха-ха-ха! Закусить! отвѣчалъ Ѳома, съ презрительнымъ хохотомъ.—Сперва наполнятъ тебя ядомъ, а потомъ спрашиваютъ, не хочешь-ли закусить? Сердечныя раны хотятъ залечить какими-нибудь отварными грибками, или моченными яблочками! Какой вы жалкій матеріалистъ, полковникъ!

— Эхъ, Ѳома, я вѣдь, ей Богу, отъ чистаго сердца...

— Ну, хорошо. Довольно объ этомъ. Я ухожу, а вы немедленно идите къ вашей родительницѣ: падите на колѣни, рыдайте, плачьте, но вымолите у нея прощеніе, — это вашъ долгъ, ваша обязанность.

— Ахъ, Ѳома, я все время объ этомъ только и думалъ: даже теперь, съ тобой говоря, объ этомъ-же думалъ. Я готовъ хоть до разсвѣта простоять передъ ней на колѣняхъ. Но подумай, Ѳома, чего-же отъ меня и требуютъ? Вѣдь это несправедливо, вѣдь это жестоко, Ѳома! Будь великодушенъ вполнѣ, осчастливь меня совершенно, подумай, рѣши, и тогда... тогда... клянусь!..

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ, это не мое дѣло, отвѣчалъ Ѳома.—Вы знаете, что я во все это ни мало не вмѣшиваюсь: то есть вы, положимъ, и убѣждены, что я всему причиною, но, увѣряю васъ, съ самаго начала этого дѣла я устранилъ себя совершенно. Тутъ одна только воля вашей родительницы, а она, разумѣется, вамъ желаетъ добра... Ступайте-же, спѣшите, летите и поправьте обстоятельства своимъ послушаніемъ... Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ! А я... а я буду всю ночь молиться за васъ. Я давно уже не знаю, что такое сонъ, Егоръ Ильичъ. Прощайте! Прощаю и тебя, старикъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ.—Знаю, что ты не своимъ умомъ дѣйствовалъ. Прости-же и ты мнѣ, если я обидѣлъ тебя... Прощайте, прощайте, прощайте всѣ, и благослови васъ Господь!..

Ѳома вышелъ. Я тотчасъ-же бросился въ комнату.

— Ты подслушивалъ? вскричалъ дядя.

— Да, дядюшка, я подслушивалъ! И вы, и вы могли сказать ему «ваше превосходительство!..»

— Что-жъ дѣлать, братецъ? Я даже горжусь... Это ничего для высокаго подвига: но какой благородный, какой безкорыстный, ка-

кой великій человѣкъ! Сергѣй — ты вѣдь слышалъ... И какъ могъ я тутъ соваться съ этими деньгами, то есть просто не понимаю! Другъ мой! Я былъ увлеченъ: я былъ въ ярости: я не понималъ его: я его подозрѣвалъ, обвинялъ... но нѣтъ! Онъ не могъ быть моимъ противникомъ: — это я теперь вижу... А помнишь, какое у него было благородное выраженіе въ лицѣ, когда онъ отказался отъ денегъ?

— Хорошо, дядюшка, гордитесь-же сколько угодно, а я ѣду: терпѣнія нѣтъ больше! Послѣдній разъ говорю, скажите: чего вы отъ меня требуете? Зачѣмъ вызвали и чего ожидаете? И если все кончено и я безполезенъ вамъ, то я ѣду. Я не могу выносить такихъ зрѣлищъ! Сегодня-же ѣду.

— Другъ мой... засуетился, по обыкновенію своему, дядя — подожди только двѣ минуты: я, братъ, иду теперь къ маменькѣ... тамъ надо кончить... важное, великое, громадное дѣло!.. А ты, покамѣстъ, уйди къ себѣ. Вотъ, Гаврила тебя и отведетъ въ лѣтній флигель. Знаешь лѣтній флигель? Это въ самомъ саду. Я ужь распорядился, и чемоданъ твой туда перенесли. А я буду тамъ, вымолю прощеніе, рѣшусь на одно дѣло,—я теперь ужь знаю, какъ сдѣлать,—и тогда мигомъ къ тебѣ, и тогда все, все, все до послѣдней черты тебѣ разскажу, всю душу выложу предъ тобою. И... и... и настанутъ-же когда-нибудь и для насъ счастливые дни! Двѣ минуты, только двѣ минутки, Сергѣй!

Онъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно вышелъ. Нечего было дѣлать, пришлось опять отправляться съ Гаврилой.

X.

Мизинчиковъ.

Флигель, въ который привелъ меня Гаврила, назывался новымъ флигелемъ — только по старой памяти, но выстроенъ былъ уже давно, прежними помѣщиками. Это былъ хорошенькій, деревянный домикъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стараго дома, въ самомъ саду. Съ трехъ сторонъ его обступали высокія старыя липы, касавшіяся своими вѣтвями кровли. Всѣ четыре комнаты этого домика были недурно меблированы и предназначались къ пріѣзду гостей. Войдя въ отведенную мнѣ комнату, въ которую уже перенесли мой чемоданъ, я увидѣлъ на столикѣ, предъ кроватью, листъ почтовой бумаги, великолѣпно исписанный разными шриф-

тами, отдѣланный гирляндами, нарафами и росчерками. Заглавныя буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Все вмѣстѣ составляло премиленькую каллиграфскую работу. Съ первыхъ словъ, прочитанныхъ мною, я понялъ, что это было просительное письмо, адрессованное ко мнѣ, и въ которомъ я именовался «просвѣщеннымъ благодѣтелемъ». Въ заглавіи стояло: «Вольи Видоплясова». Сколько я ни напрягалъ вниманія, стараясь хоть что нибудь понять изъ написаннаго,—всѣ труды мои остались тщетными: это былъ самый напыщенный вздоръ, писанный высокимъ лакейскимъ слогомъ. Догадался я только, что Видоплясовъ находится въ какомъ-то бѣдственномъ положеніи, проситъ моего содѣйствія, въ чемъ-то очень на меня надѣется, «по причинѣ моего просвѣщенія» и, въ заключеніе, проситъ похлопотать въ мою пользу у дядюшки и подѣйствовать на него «моею машиною», какъ буквально изображено было въ концѣ этого посланія. Я еще читалъ его, какъ отворилась дверь и вошелъ Мизинчиковъ.

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ съ вами познакомиться, сказалъ онъ развязно, но чрезвычайно вѣжливо и подавая мнѣ руку.—Давеча я не могъ вамъ сказать двухъ словъ, а между тѣмъ съ перваго взгляда почувствовалъ желаніе узнать васъ короче.

Я тотчасъ-же отвѣчалъ, что и самъ радъ, и проч., хотя и находился въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа. Мы сѣли.

— Что это у васъ? сказалъ онъ, взглянувъ на листъ, который я еще держалъ въ рукѣ.—Ужь не воли-ли Видоплясова? Такъ и есть! Я увѣренъ былъ, что Видоплясовъ и васъ атакуетъ. Онъ и мнѣ подавалъ такой-же точно листъ, съ тѣми-же волями; а васъ онъ уже давно ожидаетъ и, вѣроятно, заранѣе приготовляется. Вы не удивляйтесь: здѣсь много страннаго и, право, есть надъ чѣмъ посмѣяться.

— Только посмѣяться?

— Ну, да неужели-же плакать? Если хотите, я вамъ разскажу біографію Видоплясова и увѣренъ, что вы посмѣетесь.

— Признаюсь, теперь мнѣ не до Видоплясова, отвѣчалъ я съ досадою.

Мнѣ очевидно было, что и знакомство господина Мизинчикова и любезный его разговоръ—все это предпринято имъ съ какою-то цѣлью, и что господинъ Мизинчиковъ просто во мнѣ нуждается. Давеча онъ сидѣлъ нахмуренный и серьезный: теперь-же былъ веселый, улыбающійся и готовый разсказывать длинныя исторіи. Видно было съ перваго взгляда, что этотъ человѣкъ отлично владѣлъ собой и, кажется, зналъ людей.

— Проклятый Ома! сказалъ я, со злостью стукнувъ кулакомъ

по столу.—Я увѣренъ, что онъ источникъ всякаго здѣшняго зла и во всемъ замѣшанъ! Проклятая тварь!

— Вы, кажется, ужь слишкомъ на него разсердились, замѣтилъ Мизинчиковъ.

— Слишкомъ разсердился! вскрикнулъ я, мгновенно разгорячившись.—Конечно, я давеча слишкомъ увлекся и такимъ образомъ далъ право всякому осуждать меня. Я очень хорошо понимаю, что я выскочилъ и срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и, я думаю, нечего было это мнѣ объяснять!.. Понимаю тоже, что такъ не дѣлается въ порядочномъ обществѣ: но, сообразите, была-ли какая возможность не увлечься? Вѣдь это сумасшедшій домъ, если хотите знать! и... и... наконецъ... я просто уѣду отсюда—вотъ что!

— Вы курите? спокойно спросилъ Мизинчиковъ.

— Да.

— Такъ, вѣроятно, позвольте и мнѣ закурить. Тамъ не позволяютъ, и я почти стосковался. Я согласенъ, продолжалъ онъ, закуривъ папироску:—что все это похоже на сумасшедшій домъ, но будьте увѣрены, что я не позволю себѣ осуждать васъ, именно потому, что, на вашемъ мѣстѣ, я, можетъ, втрое болѣе-бы разгорячился и вышелъ изъ себя, чѣмъ вы.

— А почему-же вы не вышли изъ себя, если дѣйствительно были тоже раздосадованы? Я, напротивъ, припоминаю васъ очень хладнокровнымъ, и, признаюсь, мнѣ даже странно было, что вы не заступились за бѣднаго дядю, который готовъ благодѣтельствовать... всѣмъ и каждому!

— Ваша правда: онъ многимъ благодѣтельствовалъ: но заступаться за него я считаю совершенно безполезнымъ: во первыхъ, это и для него безполезно и даже унизительно какъ-то: а во вторыхъ, меня-бы завтра-же выгнали. А я вамъ откровенно скажу, мои обстоятельства такого рода, что я долженъ дорожить здѣшнимъ гостепріимствомъ.

— Но я нисколько не претендую на вашу откровенность на счетъ обстоятельствъ... Мнѣ-бы, впрочемъ, хотѣлось спросить, такъ какъ вы здѣсь уже мѣсяцъ живете...

— Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте: я къ вашимъ услугамъ, торопливо отвѣчалъ Мизинчиковъ, пригвигая стулъ.

— Да вотъ, напримѣръ, объясните: сейчасъ Ома Омичъ отказался отъ 15,000 серебромъ, которыя уже были въ его рукахъ,—я видѣлъ это собственными глазами.

— Какъ это? Не-уже-ли? вскрикнулъ Мизинчиковъ.—Разскажите, пожалуйста!

Я разсказалъ, умолчавъ о вашемъ превосходительствѣ.—

Мизинчиковъ слушалъ съ жадным любопытствомъ: онъ даже какъ-то преобразился въ лицѣ, когда дошло до пятнадцати тысячъ.

— Ловко! сказалъ онъ, выслушавъ разсказъ.—Я даже не ожидалъ отъ Ѳомы.

— Однако-жь, отказался отъ денегъ! Чѣмъ это объяснить? Неужели благородствомъ души?

— Отказался отъ пятнадцати тысячъ, чтобъ взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что? прибавилъ онъ, подумавъ:—я сомнѣваюсь, чтобъ у Ѳомы былъ какой-нибудь разсчетъ. Это человѣкъ непрактическій: это тоже, въ своемъ родѣ, какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите-ли: онъ и взялъ-бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться. Это, я вамъ скажу, такая кисятина, такая слезливая размазня, и все это при самомъ неограниченномъ самолюбіи!

Мизинчиковъ даже разсердился. Видно было, что ему очень досадно, даже какъ будто завидно. Я съ любопытствомъ вглядывался въ него.

— Гм! Надо ожидать большихъ перемѣнъ, прибавилъ онъ, задумываясь.—Теперь Егоръ Ильичъ готовъ молиться Ѳомѣ. Чего добраго, пожалуй, и женится, изъ умиленія души, прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Такъ вы думаете, что непремѣнно состоится—этотъ гнусный, противоестественный бракъ съ этой помѣшанной дурой?

Мизинчиковъ пытливо взглянулъ на меня.

— Подлецы! вскричалъ я запальчиво.

— Впрочемъ, у нихъ идея довольно основательная: они утверждаютъ, что онъ долженъ-же что нибудь сдѣлать для семейства.

— Мало онъ для нихъ сдѣлалъ! вскричалъ я въ негодованіи.— И вы, и вы можете говорить, что это основательная мысль—жениться на пошлой дурѣ!

— Конечно, и я согласенъ съ вами, что она дура... Гм! Это хорошо, что вы такъ любите дядюшку: я самъ сочувствую... хотя на ея деньги можно-бы славно окрутить имѣніе! Впрочемъ, у нихъ и другіе резоны: они боятся, чтобъ Егоръ Ильичъ не женился на той гувернанткѣ... помните, еще такая интересная дѣвушка?

— А развѣ... развѣ это вѣроятно? спросилъ я въ волненіи.— Мнѣ кажется, это клевета. Скажите, ради Бога, меня это крайне интересуетъ...

— О, влюбленъ по уши! Только, разумѣется, скрываетъ.

— Скрываетъ! Вы думаете, онъ скрываетъ? Ну, а она? Она его любитъ?

— Очень можетъ быть, что и она. Впрочемъ, вѣдь ей всѣ выгоды за него выйдти: она очень бѣдна.

— Но какія данныя вы имѣете для вашей догадки, что они любятъ другъ друга?

— Да вѣдь этого нельзя не замѣтить: притомъ-же они, кажется, имѣютъ тайныя свиданія. Утверждали даже, что она съ нимъ въ непозволительной связи. Вы только, пожалуйста, не разсказывайте. Я вамъ говорю подъ секретомъ.

— Возможно-ли этому повѣрить? вскричалъ я: — и вы, и вы признаетесь, что этому вѣрите?

— Разумѣется, я не вѣрю вполнѣ, я тамъ не былъ. Впрочемъ, очень можетъ и быть.

— Какъ, можетъ быть! Вспомните благородство, честь дяди!

— Согласенъ: но можно и увлечься съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно потомъ завершить законнымъ бракомъ. Такъ часто увлекаются. Впрочемъ, повторяю, я нисколько не стою за совершенную достовѣрность этихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что ее здѣсь очень ужь размаракали: говорили даже, что она была въ связи съ Видоплясовымъ.

— Ну, вотъ видите! вскричалъ я: — съ Видоплясовымъ! Ну, возможно-ли это? Ну, не отвратительно-ль даже слышать это? Неужели-жь вы и этому вѣрите?

— Я вѣдь вамъ говорю, что я этому нисовсѣмъ вѣрю, спокойно отвѣчалъ Мизинчиковъ: — а, впрочемъ, могло и случиться. На свѣтѣ все можетъ случиться. Я-же тамъ не былъ, и, притомъ, я считаю, что это не мое дѣло. Но такъ какъ, я вижу, вы беретe во всемъ этомъ большое участіе, то считаю себя обязаннымъ прибавить, что дѣйствительно мало вѣроятія на счетъ этой связи съ Видоплясовымъ. Это все продѣлки Анны Ниловны, вотъ этой Перепелицыной: это она распустила здѣсь эти слухи, изъ зависти, потому что сама прежде мечтала выйдти замужъ за Егора Ильича—ей Богу!—На томъ основаніи, что она подполковничья дочь. Теперь она разочаровалась и ужасно бѣсится. Впрочемъ, я, кажется, уже все разсказалъ вамъ объ этихъ дѣлахъ и, признаюсь, ужасно не люблю сплетень, тѣмъ болѣе, что мы только теряемъ драгоцѣнное время. Я, видите-ли, пришелъ къ вамъ съ небольшой просьбой.

— Съ просьбой? Помилуйте, все, чѣмъ могу быть полезенъ...

— Понимаю и даже надѣюсь васъ нѣсколько заинтересовать, потому что, вижу, вы любите вашего дядюшку и принимаете большое участіе въ его судьбѣ на счетъ брака. Но, передъ этой просьбой, я имѣю къ вамъ еще другую просьбу, предварительную.

— Какую-же?

— А вотъ какую: можетъ быть, вы и согласитесь исполнить

мою главную просьбу, можетъ быть, и нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, прежде изложенія я-бы попросилъ васъ покорнѣйше сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе, дать мнѣ честное и благородное слово дворянина и порядочнаго человѣка, что все, услышанное вами отъ меня, останется между нами въ глубочайшей тайнѣ, и что вы ни въ какомъ случаѣ, ни для какого лица не измѣните этой тайны и не воспользуетесь для себя той идеей, которую я теперь нахожу необходимымъ вамъ сообщить. Согласны, или нѣтъ?

Предисловіе было торжественное. Я далъ согласіе.

— Ну-съ?.. сказалъ я.

— Дѣло въ сущности очень простое, началъ Мизинчиковъ. — Я, видите-ли, хочу увезти Татьяну Ивановну и жениться на ней: словомъ, будетъ нѣчто похожее на Гретна-Гринъ,—понимаете?

Я посмотрѣлъ господину Мизинчикову прямо въ глаза и нѣкоторое время не могъ выговорить слова.

— Признаюсь вамъ, ничего не понимаю, проговорилъ я, наконецъ:—и, кромѣ того, продолжалъ я:—ожидая, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благоразумнымъ, я, съ своей стороны, никакъ не ожидалъ...

— Ожидая не ожидали, перебилъ Мизинчиковъ:—въ переводѣ это будетъ, что я и намѣреніе мое глупы,—не правда-ли?

— Вовсе нѣтъ-съ... но...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь въ вашихъ выраженіяхъ! Не безпокойтесь: вы мнѣ даже сдѣлаете этимъ большое удовольствіе, потому что этакъ ближе къ цѣли. Я, впрочемъ, согласенъ, что все это съ перваго взгляда можетъ показаться даже нѣсколько страннымъ. Но смѣю увѣрить васъ, что мое намѣреніе не только не глупо, но даже въ высшей степени благоразумно; и если вы будете такъ добры, выслушаете всѣ обстоятельства...

— О, помилуйте! Я съ жадностью слушаю.

— Впрочемъ, разсказывать почти нечего. Видите-ли: я теперь въ долгахъ и безъ копѣйки. У меня есть, кромѣ того, сестра, дѣвица, лѣтъ девятнадцати, сирота круглая, живетъ въ людяхъ и безъ всякихъ, знаете, средствъ. Въ этомъ виноватъ отчасти и я. Получили мы въ наслѣдство сорокъ душъ. Нужно-же, чтобъ меня, именно въ это время, произвели въ корнеты. Ну, сначала, разумѣется, заложилъ, а потомъ прокутилъ и остальнымъ образомъ. Жилъ глупо, задавалъ тону, корчилъ Буцова, игралъ, пилъ—словомъ, глупо, даже и вспомнить стыдно. Теперь я одумался и хочу совершенно измѣнить образъ жизни. Но для этого мнѣ совершенно необходимо имѣть сто тысячъ ассигнаціями. А такъ какъ я не достану ничего службой, самъ-же по себѣ ни

на что неспособенъ и не имѣю почти никакого образованія, то, разумѣется, остается только два средства: или украсть, или жениться на богатой. Пришелъ я сюда почти безъ сапогъ, пришелъ, а не пріѣхалъ. Сестра дала мнѣ свои послѣдніе три цѣлковыхъ, когда я отправился изъ Москвы. Здѣсь я увидѣлъ эту Татьяну Ивановну и тотчасъ-же у меня родилась мысль. Я немедленно рѣшился пожертвовать собой и жениться. Согласитесь, что все это не что иное, какъ благоразуміе. Къ тому-же, я дѣлаю это болѣе для сестры... ну, конечно, и для себя.

— Но, позвольте, вы хотите сдѣлать формальное предложеніе Татьянѣ Ивановнѣ?

— Боже меня сохрани! Меня отсюда тотчасъ-бы выгнали, да и она сама не пойдетъ; а если предложить ей увозъ, побѣгъ, то она тотчасъ пойдетъ. Въ томъ-то и дѣло: только чтобъ было что нибудь романическое и эффектное. Разумѣется, все это немедленно завершится между нами законнымъ бракомъ. Только-бы выманить-то ее отсюда!

— Да почему-жъ вы такъ увѣрены, что она непремѣнно съ вами убѣжитъ?

— О, не безпокойтесь! Въ этомъ я совершенно увѣренъ. Въ томъ-то и состоитъ основная мысль, что Татьяна Ивановна способна завести амурное дѣло рѣшительно со всякимъ встрѣчнымъ, словомъ, со всякимъ, кому только придетъ въ голову ей отвѣчать. Вотъ почему я и взялъ съ васъ предварительно честное слово, чтобъ вы тоже не воспользовались этой идеей. Вы-же, конечно, поймете, что мнѣ-бы даже грѣшно было не воспользоваться такимъ случаемъ, особенно при моихъ обстоятельствахъ.

— Такъ, стало быть, она совсѣмъ сумасшедшая... ахъ! извините, пробавился я, спохватившись.—Такъ какъ вы теперь имѣете на нее виды, то...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я уже просилъ васъ. Вы спрашиваете, совсѣмъ-ли она сумасшедшая? Какъ вамъ отвѣтить? Разумѣется, не сумасшедшая, потому что еще не сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ: притомъ-же, въ этой маніи къ амурнымъ дѣламъ я, право, не вижу особеннаго сумасшествія. Она-же, не смотря ни на что, дѣвушка честная. Видите-ли: она до прошлаго года была въ ужасной бѣдности, съ самаго рожденія жила подъ гнетомъ у благодѣтельницъ. Сердце у ней необыкновенно чувствительное: замужъ ее никто не просилъ — ну, понимаете: мечты, желанія, надежды, пылъ сердца, который надо было всегда укрощать, вѣчныя муки отъ благодѣтельницъ — все это, разумѣется, могло довести до разстройства чувствительный характеръ. И вдругъ она получаетъ бо-

гатство: согласитесь сами, это хоть кого переверпетъ. Ну, разумѣется, теперь въ ней ищутъ, за ней волочатся и всѣ надежды ея воскресли. Давеча она разсказала про франта въ бѣломъ жилетѣ: это фактъ, случившійся буквально такъ, какъ она говорила. По этому факту можете судить и объ остальномъ. На вздохи, на записочки, на стишки вы ее тотчасъ приманете; а если, ко всему этому, намекнете на шелковую лѣстницу, на испанскія серенады и на всякій этотъ вздоръ, то вы можете сдѣлать съ ней все, что̀ угодно. Я ужъ сдѣлалъ пробу, и тотчасъ-же добился тайнаго свиданія. Впрочемъ, теперь я, пожалуй, пріостановился до благопріятнаго времени. Но дня черезъ четыре надо ее увезти, непремѣнно. Наканунѣ я начну подпускать лясы, вздыхать: я недурно играю на гитарѣ и пою. Ночью свиданье въ бесѣдкѣ, а къ разсвѣту коляска будетъ готова; я ее выманю, сядемъ и уѣдемъ. Вы понимаете, что тутъ — никакого риску; она совершеннолѣтняя и, кромѣ того, во всемъ ея добрая воля. А ужъ если она разъ бѣжала со мной, то ужъ, конечно, значитъ, вошла со мной въ обязательства. Привезу я ее въ благородный, но бѣдный домъ—здѣсь есть, въ сорока верстахъ—гдѣ до свадьбы ее будутъ держать въ рукахъ и никого до нея не допустятъ: а между тѣмъ, я времени терять не буду: свадьбу уладимъ въ три дня — это можно. Разумѣется, прежде всего нужны деньги: но я разсчиталъ, нужно не болѣе пятисотъ серебромъ на всю интермедію, и въ этомъ я надѣюсь на Егора Ильича; онъ аетъ, конечно, не зная, въ чемъ дѣло. Теперь поняли?

— Понимаю, сказалъ я, поднявъ, наконецъ, все въ совершенствѣ. — Но, скажите, въ чемъ-же я-то вамъ могу быть полезенъ?

— Ахъ, въ очень многомъ, помилуйте! Иначе я-бы и не просилъ. Я уже сказалъ вамъ, что имѣю въ виду одно почтенное, но бѣдное семейство. Вы-же мнѣ можете помочь и здѣсь, и тамъ, и, наконецъ, какъ свидѣтель. Признаюсь, безъ вашей помощи я буду какъ безъ рукъ.

— Еще вопросъ: почему вы удостоили выбрать меня для вашей довѣренности, меня, котораго вы еще не знаете, потому что я всего нѣсколько часовъ какъ пріѣхалъ?

— Вопросъ вашъ, отвѣчалъ Мизинчиковъ, съ самою любезною улыбкою, — вопросъ вашъ, признаюсь откровенно, доставляетъ мнѣ много удовольствія, потому что представляетъ мнѣ случай высказать мое особое къ вамъ уваженіе.

— О, много чести!

— Нѣтъ, видите-ли, я васъ давеча нѣсколько изучалъ. Вы, положимъ, и пылки и... и... ну и молоды; но вотъ въ чемъ я со-

вершенно увѣрены: если ужь вы дали мнѣ слово, что никому не разскажете, то ужь, навѣрно, его сдержите. Вы не обноскинь, — это первое. Во вторыхъ, вы честны и не воспользуетесь моей идеей для себя разумѣется, кромѣ того случая, если захотите вступить со мною въ дружелюбную сдѣлку. Въ такомъ случаѣ, я, можетъ быть, и согласенъ буду уступить вамъ мою идею, то есть Татьяну Ивановну, и готовъ ревностно помогать въ похищеніи, но съ условіемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, получить отъ васъ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями, въ чемъ, разумѣется, вы мнѣ заранѣе дали-бы обезпеченіе, въ видѣ заемнаго письма, безъ процентовъ.

— Какъ? вскричалъ я: —такъ вы ее ужь и мнѣ предлагаете?

— Натурально, я могу уступить, если надумаетесь, захотите. Я, конечно, теряю, но... идея принадлежитъ мнѣ, а вѣдь за идеи берутъ-же деньги. Въ третьихъ, наконецъ, я потому васъ приглашалъ, что не изъ кого и выбирать. А долго медлить, взявъ въ соображеніе здѣшнія обстоятельства, невозможно. Къ тому-же скоро успенскій постъ и вѣнчать не станутъ. Надѣюсь, вы теперь вполнѣ меня понимаете?

— Совершенно, и еще разъ обязуюсь сохранить вашу тайну въ полной неприкосновенности: но товарищемъ вашимъ въ этомъ дѣлѣ я быть не могу, о чемъ и считаю долгомъ объявить вамъ немедленно.

— Почему-жь?

— Какъ почему-жь? вскричалъ я, давая, наконецъ, волю накопившимся во мнѣ чувствамъ.—Да неужели вы не понимаете, что такой поступокъ даже неблагороденъ? Положимъ, вы разсчитываете совершенно вѣрно, основываясь на слабоуміи и на несчастной маніи этой дѣвицы, но вѣдь ужь это одно и должно было-бы удержать васъ, какъ благороднаго человѣка! Сами-же вы говорите, что она достойна уваженія, не смотря на то, что смѣшна. И вдругъ, вы пользуетесь ея несчастьемъ, чтобъ вытянуть отъ нея сто тысячъ! Вы, конечно, не будете ея настоящимъ мужемъ, исполняющимъ свои обязанности: вы непремѣнно ее покинете... Это такъ неблагородно, что, извините меня, я даже не понимаю какъ вы рѣшились просить меня въ ваши сотрудники!

— Фу ты, Боже мой, какой романтизмъ! вскричалъ Мизинчиковъ, глядя на меня съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.—Впрочемъ, тутъ даже и не романтизмъ, а вы просто, кажется, не понимаете, въ чемъ дѣло. Вы говорите, что это неблагородно, а между тѣмъ всѣ выгоды не на моей, а на ея сторонѣ... Разсудите только!

— Конечно, если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, то, пока-

луй, выйдетъ, что вы сдѣлаете самое великодушное дѣло, женясь на Татьянѣ Ивановнѣ, отвѣчалъ я съ саркастическою улыбкою.

— А то какъ-же? Именно такъ, именно самое великодушное дѣло! вскричалъ Мизинчиковъ, разгорячаясь въ свою очередь.— Разсудите только: во первыхъ, я жертвую собою и соглашаюсь быть ея мужемъ,—вѣдь это-же стоитъ чего-нибудь? Во вторыхъ, не смотря на то, что у ней есть вѣрныхъ тысячъ сто серебромъ, не смотря на это, я беру только сто тысячъ ассигнаціями и уже далъ себѣ слово не брать у нея ни копѣйки больше во всю мою жизнь, хотя-бы и могъ: это опять чего-нибудь стоитъ! Наконецъ, вникните: ну, можетъ-ли она прожить свою жизнь спокойно? Чтобъ ей спокойно прожить, нужно отобрать у ней деньги и посадить ее въ сумасшедшій домъ, потому что каждую минуту надо ожидать, что къ ней подвернется какой-нибудь безпѣльникъ, прощалыга, спекулянтъ, съ эспаньолкой и съ усиками, съ гитарой и съ серенадами, въ родѣ Обноскина, который сманитъ ее, женится на ней, обретъ ее до чиста и потомъ броситъ гдѣ нибудь на большой дорогѣ. Вотъ здѣсь, напримѣръ, и честнѣйшій домъ, а вѣдь и держать ее только потому, что спекулируютъ на ея денежки. Отъ этихъ шансовъ ее нужно избавить, спасти. Ну, а понимаете, какъ только она выйдетъ за меня—всѣ эти шансы исчезли. Ужь я обязуюсь въ томъ, что никакое несчастье до нея не коснется. Во первыхъ, я ее тотчасъ-же помѣщаю въ Москвѣ, въ одно благородное, но бѣдное семейство—это не то, о которомъ я говорилъ: это другое семейство: при ней будетъ постоянно находиться моя сестра: за ней будутъ смотрѣть въ оба глаза. Денегъ у ней останется тысячъ двѣсти пятьдесятъ, а, можетъ, и триста ассигнаціями: на это можно знаете какъ прожить! Всѣ удовольствія ей будутъ доставлены, всѣ развлеченія, балы, маскарады, концерты. Она можетъ даже мечтать объ амурахъ: только, разумѣется, я себя на этотъ счетъ обезпечу: мечтай сколько хочешь, а на дѣлѣ ни-ни! Теперь, напримѣръ, каждый можетъ ее обидѣть, а тогда никто: она жена моя, она Мизинчикова, а я свое имя на поруганье не отдамъ-съ! Это одно чего стоитъ? Натурально, я съ нею не буду жить вмѣстѣ. Она въ Москвѣ, а я гдѣ-нибудь въ Петербургѣ. Въ этомъ я сознаюсь, потому что съ вами веду дѣло на чистоту. Но что-жь до этого, что мы будемъ жить врозь? Сообразите, приглядитесь къ ея характеру: ну способна-ли она быть женой и жить вмѣстѣ съ мужемъ? Развѣ возможно съ ней постоянство? Вѣдь это легкомысленнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Ей необходима безпрерывная перемѣна: она способна на другой-же день забыть, что вчера вышла замужъ и сдѣлалась законной женой. Да я сдѣлаю ее не-

счастною въ конецъ, если буду жить вмѣстѣ съ ней и буду требовать отъ нея строгаго исполненія обязанностей. Натурально, я буду къ ней пріѣзжать разъ въ годъ, или чаще, и не за деньгами — увѣряю васъ. Я сказалъ, что болѣе ста тысячъ ассигнаціями—у ней не возьму, и не возьму! Въ денежномъ отношеніи я поступаю съ ней въ высшей степени благороднымъ образомъ. Пріѣзжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствіе, а не скуку; я буду съ ней хохотать, буду разсказывать ей анекдоты, повезу на балъ, буду съ ней амурничать, дарить сувенирчики, пѣть романсы, подарю собачку, разстануся съ ней романически и буду вести съ ней любовную переписку. Да она въ восторгѣ будетъ отъ такого романическаго, влюбленнаго и веселаго мужа! По моему, это раціонально: такъ-бы и всѣмъ мужьямъ поступать. Мужья тогда только и драгоцѣнны женамъ, когда въ отсутствіи и, слѣдуя моей системѣ, я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшимъ образомъ на всю ея жизнь. Чего-жь ей больше желать? Скажите. Да вѣдь это рай, а не жизнь!

Я слушалъ молча и съ удивленіемъ. Я понялъ, что оспаривать господина Мизинчикова невозможно. Онъ фанатически увѣренъ былъ въ правотѣ и даже въ величіи своего проекта и говорилъ о немъ съ восторгомъ изобрѣтателя. Но оставалось одно щекотливѣйшее обстоятельство, и разъяснить его было необходимо.

— Вспомнили-ли вы, сказалъ я:—что она почти уже невѣста дяди? Похитивъ ее, вы сдѣлаете ему большую обиду; вы увезете ее почти наканунѣ свадьбы. и, сверхъ того, у него-же возьмете взаймы для совершенія этого подвига!

— А вотъ тутъ-то я васъ и ловлю! съ жаромъ вскричалъ Мизинчиковъ.—Не безпокойтесь, я предвидѣлъ ваше возраженіе. Но, во первыхъ, и главное: дядя еще предложенія не дѣлалъ; слѣдственно, я могу и не знать, что ее готовятъ ему въ невѣсты: притомъ-же, прошу замѣтить, что я еще три недѣли назадъ замыслилъ это предпріятіе, когда еще ничего не зналъ о здѣшнихъ намѣреніяхъ: а потому я совершенно правъ передъ нимъ въ моральномъ отношеніи и даже, если строго судить, не я у него, а онъ у меня отбиваетъ невѣсту, съ которой — замѣтьте это — я ужь имѣлъ тайное ночное свиданіе въ бесѣдкѣ. Наконецъ, позвольте: не вы-ли сами сейчасъ были въ изступленіи, что дядюшку вашего заставляютъ жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, а теперь вдругъ заступаетесь за этотъ бракъ, говорите о какой-то фамильной обидѣ, о чести! Да я, напротивъ, дѣлаю вашему дядюшкѣ величайшее одолженіе: спасаю его — вы должны это понять! Онъ съ отвращеніемъ смотритъ на эту женитьбу, и, къ тому-же, любитъ другую дѣвицу!

Ну, какая ему жена Татьяна Ивановна? Да и она съ нимъ будетъ несчастна, потому что, какъ хотите, а вѣдь ее нужно-же будетъ тогда ограничить, чтобъ она не бросала розанами въ молодыхъ людей. А вѣдь когда я увезу ее ночью, такъ ужь тутъ никакая генеральша, никакой Фома Фомичъ ничего не сдѣлаютъ. Возвратить такую невѣсту, которая бѣжала изъ-подъ вѣнца, будетъ ужь слишкомъ зазорно. Развѣ это не одолженіе, не благодѣяніе Егору Ильичу?

Признаюсь, это послѣднее разсужденіе на меня сильно подѣйствовало.

— А что, если онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе? сказалъ я:— вѣдь ужь тогда будетъ нѣсколько поздно: она будетъ формальная невѣста его.

— Натурально поздно! Но тутъ-то и надо работать, чтобъ этого не было. Для чего-жъ я и прошу вашего содѣйствія? Одному мнѣ трудно, а вдвоемъ мы уладимъ дѣло и настоимъ, чтобъ Егоръ Ильичъ не дѣлалъ предложенія. Надобно помѣшать всѣми силами, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, поколотить Фому Фомича и тѣмъ отвлечь всеобщее вниманіе, такъ что имъ будетъ не до свадьбы. Разумѣется, это только въ крайнемъ случаѣ: я говорю для примѣра. Въ этомъ-то я на васъ и надѣюсь.

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ: вы никому, кромѣ меня, не открывали вашего предпріятія?

Мизинчиковъ почесалъ въ затылкѣ и скорчилъ самую кислую гримасу.

— Признаюсь вамъ, отвѣчалъ онъ: — этотъ вопросъ для меня хуже самой горькой пилюли. Въ томъ-то и штука, что я уже открылъ мою мысль... словомъ, свалялъ ужаснѣйшаго дурака! И какъ-бы вы думали, кому? Обноскину! Такъ что я даже самъ не вѣрю себѣ. Не понимаю, какъ и случилось! Онъ все здѣсь вертѣлся: я еще его хорошо не зналъ, и когда осѣнило меня вдохновеніе, я, разумѣется, былъ какъ будто въ горячкѣ: а такъ какъ я тогда-же понялъ, что мнѣ нуженъ помощникъ, то и обратился къ Обноскину... Непростительно, непростительно!

— Ну, что-жь Обноскинъ?

— Съ восторгомъ согласился, а на другой-же день, рано утромъ, исчезъ. Дня черезъ три является опять, съ своей маменькой. Со мной ни слова, и даже избѣгаетъ, какъ будто боится. Я тотчасъ-же понялъ въ чемъ штука. А маменька его такая пронырыга. Просто черезъ всѣ мѣдныя трубы прошла. Я ее прежде зналъ. Конечно, онъ ей все разсказалъ. Я молчу и жду: они шепчутся, и дѣло находится немного въ натянутомъ положеніи... Оттого-то я и торопилось.

— Чего-жъ именно вы отъ нихъ опасаетесь?

— Многаго. Конечно, не сдѣлаютъ, а что напакостятъ — такъ это навѣрно. Потребуютъ денегъ за молчаніе и за помощь: я того и жду... Только я много не могу имъ дать, и не дамъ—я ужъ рѣшился; больше трехъ тысячъ ассигнаціями невозможно? Разсудите сами: три тысячи сюда, пятьсотъ серебромъ свадьба, потому что дядѣ все сполна нужно отдать: потомъ старые долги; ну, сестрѣ хоть что-нибудь, такъ, хоть что-нибудь. Много-ль изъ ста-то тысячъ останется? Вѣдь это разоренье!.. Обноскины, впрочемъ, уѣхали.

— Уѣхали?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Сейчасъ послѣ чаю; да и чортъ съ ними! А завтра, увидите, опять явятся. Ну такъ какъ-же, согласны?

— Признаюсь,—отвѣчалъ я, съеживаясь:—не знаю, какъ и сказать. Дѣло щекотливое... Конечно, я сохраню все въ тайнѣ: я не Обноскинъ; но... кажется, вамъ на меня надѣяться нечего.

— Я вижу, сказалъ Мизинчиковъ, вставая со стула,—что вамъ еще не надоѣли Фома Фомичъ и бабушка, и что вы, хоть и любите вашего добраго, благороднаго дядю, но еще недостаточно вникли, какъ его мучатъ. Вы-же человѣкъ новый... Но терпѣніе! Побудете завтра, посмотрите, и къ вечеру согласитесь. Вѣдь иначе вашъ дядюшка пропалъ—понимаете? Его непремѣнно заставятъ жениться. Не забудьте, что, можетъ быть, завтра, онъ сдѣлаетъ предложеніе. Поздно будетъ: надо-бы сегодня рѣшиться!

— Право, я желаю вамъ всякаго успѣха, но помогать... не знаю какъ-то...

— Знаемъ! Но, подождемъ до завтра, рѣшилъ Мизинчиковъ, улыбаясь насмѣшливо.—La nuit porte conseil. До свиданія. Я приду къ вамъ пораньше утромъ, а вы подумайте...

Онъ повернулся и вышелъ, что-то насвистывая.

Я вышелъ почти вслѣдъ за нимъ, освѣжиться. Мѣсяцъ еще не всходилъ: ночь была темная, воздухъ тяжелый и удушливый. Листья на деревьяхъ не шевелились. Не смотря на страшную усталость, я хотѣлъ было походить, разсѣяться, собраться съ мыслями, но не прошелъ и десяти шаговъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ дяди. Онъ съ кѣмъ-то всходилъ на крыльцо флигеля и говорилъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ. Я тотчасъ-же воротился и окликнулъ его. Дядя былъ съ Видоплясовымъ.

XI.

Крайнее недоумѣніе.

Дядюшка! сказалъ я:—наконецъ-то я васъ дождался.

— Другъ мой, я и самъ-то рвался къ тебѣ. Вотъ только кончу съ Видоплясовымъ, и тогда наговоримся до сыта. Много надо тебѣ разсказать.

— Какъ, еще съ Видоплясовымъ! Да бросьте вы его, дядюшка.

— Еще только какихъ-нибудь пять или десять минутъ, Сергѣй, и я совершенно твой. Видишь: дѣло.

— Да онъ, вѣрно, съ глупостями, проговорилъ я съ досадою.

— Да что сказать тебѣ, другъ мой? Вѣдь найдетъ-же человѣкъ, когда лѣзть съ своими пустяками! Точно ты, братъ Григорій, не могъ ужь и времени другаго найдти для своихъ жалобъ? Ну, что я для тебя сдѣлаю? Пожалѣй хоть ты меня, братецъ. Вѣдь я, такъ сказать, изнуренъ вами, съѣденъ живьемъ, цѣликомъ!—Мочи моей нѣтъ съ ними, Сергѣй!

И дядя махнулъ обѣими руками съ глубочайшей тоски.

— Да что за важное такое дѣло, что и оставить нельзя? А мнѣ-бы такъ нужно, дядюшка...

— Эхъ, братъ, ужь и такъ кричатъ, что я о нравственности моихъ людей не забочусь! Пожалуй, еще завтра пожалуется на меня, что я не выслушалъ, и тогда...

И дядя опять махнулъ рукой.

— Ну, такъ кончайте-же съ нимъ поскорѣе! Пожалуй, и я помогу. Взойдемте наверхъ. Что онъ такое? Чего ему? сказалъ я, когда мы вошли въ комнаты.

— Да вотъ, видишь, другъ мой, не нравится ему своя собственная фамилія, перемѣнить просить. Каково тебѣ это покажется?

— Фамилія! Какъ такъ?.. Ну, дядюшка, прежде, чѣмъ я услышу, что онъ самъ скажетъ, позвольте вамъ сказать, что только у васъ въ домѣ могутъ совершаться такія чудеса, проговорилъ я, разставивъ руки отъ изумленія.

— Эхъ, братъ! Этакъ-то и я разставить руки умѣю, да толку-то мало! съ досадою проговорилъ дядя. — Поди-ка, поговори-ка съ нимъ самъ, попробуй. Ужь онъ два мѣсяца пристаетъ ко мнѣ...

— Неосновательная фамилія-съ! отозвался Видоплясъ.

— Да почему-жь неосновательная? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— Такъ-съ. Изображаетъ собою всякую гнусность-съ.

— Да почему-же гнусность? Да и какъ ее перемѣнить? Кто перемѣняетъ фамиліи?

— Помилуйте, бываютъ-ли у кого такія фамиліи-съ?

— Я согласенъ, что фамилія твоя отчасти страшная, продолжалъ я въ совершенномъ недоумѣніи: —но вѣдь что-жь теперь дѣлать? Вѣдь и у отца твоего была такая-жь фамилья?

— Это подлинно-съ, что черезъ родителя моего я, такимъ образомъ, пошелъ на вѣки страдать-съ, такъ какъ суждено мнѣ моимъ именемъ многія насмѣшки принять и многія горести произойдти-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ.

— Бьюсь объ закладъ, дядюшка, что тутъ не безъ Ѳомы Ѳомича! вскричалъ я съ досадою.

— Ну, нѣтъ, братецъ, ну, нѣтъ; ты ошибся. Дѣйствительно, Ѳома ему благодѣтельствуетъ. Онъ взялъ его къ себѣ въ секретари, въ этомъ и вся его должность. Ну, разумѣется, онъ его развилъ, наполнилъ благородствомъ души, такъ что онъ даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, презрѣлъ... Вотъ, видишь, я тебѣ все разскажу...

— Это точно-съ, перебилъ Видоплясовъ: — что Ѳома Ѳомичъ мои истинные благодѣтели-съ, и, быми истинные мнѣ благодѣтели, они меня вразумили моему ничтожеству, каковъ я есмь червякъ на землѣ, такъ что чрезъ нихъ я въ первый разъ свою судьбу предузналъ-съ.

— Вотъ видишь, Сережа, вотъ видишь, въ чемъ все дѣло, продолжалъ дядя, заторопившись, по своему обыкновенію.—Жилъ онъ сначала въ Москвѣ, съ самыхъ почти дѣтскихъ лѣтъ, у одного учителя чистописанія въ услуженіи. Посмотрѣлъ-бы ты, какъ онъ у него научился писать: и красками, и золотомъ, и кругомъ, знаешь, купидоновъ наставитъ —словомъ, артистъ! Плоша у него учится; полтора цѣлковыхъ за урокъ плачу. Ѳома самъ опредѣлилъ полтора цѣлковыхъ. Къ окрестнымъ помѣщикамъ въ три дома ѣздитъ; тоже платятъ. Видишь, какъ одѣвается! Къ тому-же пишетъ стихи.

— Стихи! Этого еще не доставало!

— Стихи, братецъ, стихи, и ты не думай, что я шучу, настоящіе стихи, такъ сказать, версификація, и такъ, знаешь, складно, на всѣ предметы, тотчасъ-же всякій предметъ стихами опишетъ. Настоящій талантъ! Маменькѣ къ именинамъ такую рацею соорудилъ, что мы только рты разинули: и изъ миѳологіи тамъ у него, и музы летаютъ, такъ что даже, знаешь, видна эта... какъ бишь ее? Округленность формъ, — словомъ, совершенно въ рифму выхо-

дить. Фома поправлять. Ну я, конечно, ничего, и даже радъ съ моей стороны. Пусть себѣ сочиняетъ, только-бъ не напуралеснилъ чего-нибудь. — Я, братъ Григорій, тебѣ, вѣдь, какъ отецъ говорю. Провѣдалъ объ этомъ Фома, просмотрѣлъ стихи, поощрилъ и опредѣлилъ къ себѣ чтецомъ и переписчикомъ, — словомъ, образовалъ. Это онъ правду говоритъ, что облагодѣтельствовалъ. Ну, этакъ, знаешь, у него и благородный романтизмъ въ головѣ появился и чувство независимости,—мнѣ все это Фома объяснялъ, да я ужъ, правда, и позабылъ; только я, признаюсь, хотѣлъ и безъ Фомы его на волю отпустить. Стыдно, знаешь, какъ-то!.. Да Фома противъ этого, говоритъ, что онъ ему нуженъ, полюбилъ онъ его: да, сверхъ того, говоритъ: «мнѣ-же, барину, больше чести, что у меня между собственными людьми, стихотворцы; что такъ какіе-то бароны гдѣ-то жили и что это en grand». Ну, en grand, такъ en grand! Я, братецъ, ужъ сталъ его уважать—понимаешь?.. Только Богъ знаетъ какъ онъ повелъ себя. Всего хуже, что онъ до того передъ всей дворней носъ стиховъ носъ задралъ, что ужъ и говорить съ ними не хочетъ. — Ты не обижайся, Григорій, я тебѣ какъ отецъ говорю.—Обѣщался онъ еще прошлой зимой жениться: есть тутъ одна дворовая дѣвушка, Матрена, и премилая, знаешь, дѣвушка, честная, работящая, веселая. Такъ вотъ нѣтъ-же, теперь: не хочу, да и только: отказался. Возмечталъ-ли онъ о себѣ, или разсудилъ сначала прославиться, а потомъ ужъ въ другомъ мѣстѣ искать руки...

— Болѣе по совѣту Фомы Фомича-съ, замѣтилъ Видоплясовъ, — такъ какъ они истинные мои доброжелатели-съ...

— Ну, да ужъ какъ можно безъ Фомы Фомича! вскричалъ я невольно.

— Эхъ, братецъ, не въ томъ дѣло! постѣнно прервалъ меня дядя:—только видишь: ему теперь и проходу нѣтъ. Та дѣвка бойкая, задорная, всѣхъ противъ него подняла: дразнятъ, ухаетъ, даже мальчишки дворовые его вмѣсто шута почитаютъ...

— Болѣе черезъ Матрену-съ, замѣтилъ Видоплясовъ: — потому что Матрена истинная дура-съ, и бывши истинная дура-съ. притомъ-же невоздержанная характеромъ женщина: черезъ нее я такимъ манеромъ-съ понесъ жизнію моею претерпѣвать-съ.

— Эхъ, братъ Григорій, говорилъ я тебѣ, продолжалъ дядя, съ укоризною посмотрѣвъ на Видоплясова: — сложили они, видишь, Сергѣй, какую-то пакость въ рифму на его фамилію. Онъ бы мнѣ, жалуется, просить нельзя-ли какъ-нибудь перемѣнить его фамилію, что онъ давно ужъ страдалъ отъ неблагозвучія...

— Необлагорожденная фамилія-съ, вверпулъ Видоплясовъ.

— Ну, да ужь ты молчи, Григорій! Ѳома тоже одобрилъ... то есть не то, чтобъ одобрилъ, а, видишь, какое соображеніе: что если, на случай, придется стихи печатать, такъ какъ Ѳома проэктируетъ, то такая фамилія, пожалуй, и повредитъ — не правда-ли?

— Такъ онъ стихи напечатать хочетъ, дядюшка?

— Печатать, братецъ. Это ужь рѣшено—на мой счетъ, и будетъ выставлено на заглавномъ листѣ: крѣпостной человѣкъ такого-то, а въ предисловіи Ѳомѣ отъ автора благодарность за образованіе. Посвящено Ѳомѣ. Ѳома самъ предисловіе пишетъ. Ну такъ представь себѣ, если на заглавномъ-то листѣ будетъ написано: «сочиненіе Видоплясова»...

— Вопли Видоплясова-съ, поправилъ Видоплясовъ.

— Ну, вотъ видишь, еще и вопли! Ну, что за фамилія Видоплясовъ? Даже деликатность чувствъ возмущаетъ: такъ и Ѳома говорилъ. А всѣ эти критики, говорятъ, такіе задорные насмѣшники: Брамбеусъ, напримѣръ... Имъ вѣдь все не почемъ! Просмѣютъ за одну только фамилію: такъ, пожалуй, отчешутъ бока, что только почесывайся,—не правда-ли? Вотъ я говорю: по мнѣ, пожалуй, какую хочешь поставь фамилію на стихахъ — псевдонимъ, что-ли называется—ужь не помню: какой-то *nom*. Да пусть, говоритъ, прикажите по всей дворнѣ, чтобъ меня ужь и здѣсь на вѣки новымъ именемъ звали, такъ чтобъ у меня, сообразно таланту, и фамилія была облагороженная...

— Бьюсь объ закладъ, что вы согласились, дядюшка.

— Я, братъ Сережа, чтобъ ужь только съ ними не спорить: пускай себѣ. Знаешь, тогда между нами недоразумѣніе такое было съ Ѳомой. Вотъ у насъ и пошло съ тѣхъ поръ, что недѣля, то фамилія, и все такія нѣжныя выбираетъ: Олендровъ, Тюльпановъ... Подумай, Григорій, сначала ты просишь, чтобъ тебя называли «Вѣрный» — Григорій Вѣрный: потомъ тебѣ-же самому не понравилось, потому что какой-то балбесъ прибавилъ на это рифму «скверный». Ты жаловался: балбеса наказали. Ты двѣ недѣли придумывалъ новую фамилію,—сколько ты ихъ перебралъ,—наконецъ, надумался, пришелъ просить, чтобъ тебя звали «Улановъ». Ну, скажи мнѣ, братецъ, ну, что можетъ быть глупѣе Уланова? Я и на это согласился: вторичное приказаніе отдалъ о перемѣнѣ твоей фамиліи въ Уланова. — Такъ только, братецъ, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ:—чтобъ ужь только отвязаться. Три дня ходилъ ты «Улановъ». Ты всѣ стѣны, всѣ подоконники въ бесѣдкѣ перепортилъ, расчеркиваясь карандашомъ: «Улановъ». Вѣдь ее потомъ перекрашивали. Ты цѣлую десть голландской бумаги извелъ на

подпись: «Уланов, проба пера; Уланов, проба пера». Наконец, и тут неудача: прибрали тебѣ рифму: «болванов». Не хочу болванова —опять перемѣна фамилiи! Какую ты тамъ еще прибралъ, я уже и позабылъ?

— Танцевъ-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ. Если ужь мнѣ суждено черезъ фамилiю мою плясуна собою изображать-съ, такъ ужь пусть было-бы облагорожено по иностранному: Танцевъ-съ.

— Ну да, Танцевъ, согласился я, братъ Сергѣй, и на это. Только ужь тутъ они такую ему подъискали рифму, что и сказать нельзя. Сегодня опять приходитъ, опять выдумалъ что-то новое. Бьюсь объ закладъ, что у него есть на готовъ новая фамилiя. Есть иль нѣтъ, Григорiй, признавайся!

— Я дѣйствительно давно ужь хотѣлъ повергнуть къ вашимъ стопамъ новое имя-съ, облагороженное-съ.

— Какое?

— Эсбукетовъ.

— И не стыдно, и не стыдно тебѣ, Григорiй? Фамилiя съ помадной банки! А еще умный человѣкъ называешься! Думалъ-то, должно быть, сколько надъ ней! Вѣдь это и на духахъ написано.

— Помилуйте, дядюшка, сказалъ я полушепотомъ: — да вѣдь это просто дуракъ, набитый дуракъ!

— Что-жь дѣлать, братецъ? отвѣчалъ тоже шепотомъ дядя:— увѣряютъ кругомъ, что уменъ и что это все въ немъ благороднаго свойства играютъ...

— Да развяжитесь вы съ нимъ, ради Бога!

— Послушай, Григорiй! Вѣдь мнѣ, братецъ, некогда, помилуй! началъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ, какъ-будто боялся даже и Видоплясова.—Ну, разсуди, ну, гдѣ мнѣ жалобами твоими теперь заниматься! Ты говоришь, что тебя опять они чѣмъ-то обидѣли? Ну, хорошо: вотъ тебѣ честное слово даю, что завтра все разберу, а теперь ступай съ Богомъ... Постой! Что Ома Осипъ?

— Почивать ложились-съ. Сказали, что если будетъ кто объ нихъ спрашивать, такъ отвѣчать, что они на молитвѣ, сiе есть, долго стоять намѣрены-съ.

— Гм! Ну, ступай, братецъ, ступай!—Видишь, Сережа, вѣдь онъ всегда при Омѣ, такъ, что даже его я боюсь. Да и дворня-то его потому и не любитъ, что онъ все о нихъ Омѣ переноситъ. Вотъ теперь уйдетъ, а, пожалуй, — завтра и нафискалитъ на что-нибудь! А ужь я, братецъ, тамъ все такъ уладилъ, даже спокойнѣе теперь... Къ тебѣ спѣшилъ. Наконецъ-то я опять съ тобой! проговорилъ онъ съ чувствомъ, пожимая мнѣ руку. — А вѣдь я думалъ, братъ, что ты совсѣмъ разсердился и непремѣнно уѣдешь.

Стречь тебя посылать. Ну, слава Богу, теперь! А давеча-то, Гаврила-то, каково? Да и Фалалей, и ты — и все одно къ одному! Ну, слава Богу, слава Богу! Наконецъ-то наговорюсь съ тобой до сыта. Сердце открою тебѣ. Ты, Сережа, не уѣзжай: ты одинъ у меня, ты и Коровкинъ...

— Но, позвольте, что-жь вы тамъ такое уладили, дядюшка, и чего мнѣ тутъ ждать послѣ того, что случилось? Признаюсь, что у меня просто голова трещитъ!

— А у меня цѣла, что-ли? Она, братъ, у меня, ужь полгода теперь вальсируетъ, голова-то моя! Но, слава Богу! Теперь все уладилось. Во первыхъ, меня простили, совершенно простили, съ разными условіями, конечно: но ужь я теперь почти совсѣмъ ничего не боюсь. Сашурку тоже простили. Саша-то, Саша-то, давеча-то... горячее сердечко! Увлекалась немного, но золотое сердечко! Я горжусь этой дѣвочкой, Сережа! Да будетъ надъ нею всегдашнее благословеніе Божіе. Тебя тоже простили и даже, знаешь, какъ? Можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, ходить по всѣмъ комнатамъ и въ саду, и даже при гостяхъ — словомъ, все что угодно: но только подъ однимъ условіемъ, что ты ничего не будешь завтра самъ говорить при маменькѣ и при Фомѣ Фомичѣ, — это непремѣнное условіе, то есть рѣшительно ни полслова, — я ужь обѣщался за тебя, — а только будешь слушать, что старшіе... То есть, я хотѣлъ сказать, что другіе будутъ говорить. Они сказали, что ты молодъ. Ты, Сергѣй, не обижайся: вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ еще молодъ... Такъ и Анна Ниловна говоритъ...

Конечно, я былъ очень молодъ и тотчасъ-же доказалъ это, закипѣвъ негодованіемъ при такихъ обидныхъ условіяхъ.

— Послушайте, дядюшка, вскричалъ я, чуть не задыхаясь:— скажите мнѣ только одно и успокойте меня: я въ настоящемъ сумасшедшемъ домѣ, или нѣтъ?

— Ну вотъ, братецъ, ужь ты сейчасъ и въ критику! Ужь и не можешь никакъ утерпѣть, отвѣчалъ опечаленный дядя. — Вовсе не въ сумасшедшемъ, а такъ только погорячились съ обѣихъ сторонъ. Но вѣдь, согласись, и ты, братецъ, какъ ты-то самъ велъ себя? Помнишь, что ты ему отмочилъ, — человѣку, такъ сказать, почтенныхъ лѣтъ?

— Такіе люди не имѣютъ почтенныхъ лѣтъ, дядюшка.

— Ну ужь это ты, братъ, перескакнулъ! Это ужь вольнодумство. Я, братъ, и самъ отъ разсудительнаго вольнодумства не прочь, но ужь это, братъ, изъ мѣрки выскочило, то есть удивилъ ты меня, Сергѣй.

— Не сердитесь, дядюшка, я виноватъ, но виноватъ передъ вами. Что-же касается до вашего Ѳомы Ѳомича...

— Ну, вотъ ужь и *вашего*! Эхъ, братъ Сергѣй, не суди его строго: мизантропическій человѣкъ—и больше ничего, болѣзненный! Съ него нельзя строго спрашивать. Но за то благородный, то есть просто благороднѣйшій изъ людей! Да вѣдь ты самъ давеча былъ свидѣтелемъ, просто сіялъ. А что фокусы-то эти иногда отмачиваетъ, такъ на это нечего смотрѣть. Ну, съ кѣмъ этого не случается?

— Помилуйте, дядюшка, напротивъ, съ кѣмъ-же это случается?

— Эхъ, наладилъ одно! Добродушія въ тебѣ мало, Сережа; простить не умѣешь!..

— Ну, хорошо, дядюшка, хорошо! Оставимъ это. Скажите, видѣли вы Настасью Евграфовну?

— Эхъ, братъ, о ней-то все дѣло шло. Вотъ что, Сережа, и, во первыхъ, самое важное: мы всѣ рѣшили — его завтра, непремѣнно, поздравить съ днемъ рожденія, Фому-то, потому что завтра дѣйствительно его рожденіе. Сашурка добрая дѣвочка, но она ошибается; такъ таки и пойдемъ всѣмъ кагаломъ, еще передъ обѣдней, пораньше. Илюша ему стихи произнесетъ, такъ что ему, какъ будто масломъ по сердцу-то,—словомъ, польститъ. Ахъ кабы и ты его, Сережа, вмѣстѣ съ нами, тутъ-же поздравилъ! Онъ, можетъ быть, совершенно простилъ-бы тебя. Какъ-бы хорошо было, если-бъ вы помирились! Забудь, братъ, обиду, Сережа, вѣдь ты и самъ его обидѣлъ... Нандостойнѣйшій человѣкъ.

— Дядюшка! Дядюшка! вскричалъ я, теряя послѣднее терпѣніе:—я съ вами о дѣлѣ хочу говорить, а вы... Да знаете-ли вы, повторяю опять, знаете-ли вы, что дѣлается съ Настасьей Евграфовной?

— Какъ-же, братецъ, что ты! Чего ты кричишь? Изъ за нея-то и поднялась давеча вся эта исторія. Она, впрочемъ, и не давеча поднялась, она давно поднялась. Я тебѣ только не хотѣлъ говорить объ этомъ заранѣе, чтобъ тебя не пугать, потому что они ее просто выгнать хотѣли, ну и отъ меня требовали, чтобъ я ее отослалъ. Можешь представить себѣ мое положеніе... Ну да, слава Богу! Теперь все это уладилось. Они, видишь ли,—ужь признаюсь тебѣ во всемъ,—думали, что я самъ въ нее влюбленъ и жениться хочу, словомъ, стремлюсь къ погибели, потому что дѣйствительно это было-бы стремленіемъ къ погибели: они это мнѣ тамъ объяснили... такъ вотъ, чтобъ спасти меня и рѣшились было ее изгнать. Все это маменька, а пуще всѣхъ Анна Ниловна. Фома, покамѣсть, молчитъ. Но теперь я ихъ всѣхъ разувѣрилъ, и признался тебѣ, уже объявилъ, что ты формальный женихъ Настенькѣ, что затѣмъ и пріѣхалъ. Ну, это ихъ отчасти успокоило и теперь она остается.

хоть не совсѣмъ, такъ, еще только для пробы, но все-таки остается. Даже и ты поднялся въ общемъ мнѣніи, когда я объявилъ, что сватаюсь. По крайней мѣрѣ, маменька какъ будто успокоилась. Анна Ниловна одна все еще ворчитъ! Ужь и не знаю, что выдумать, чтобъ ей угодить. И чего это ей хочется, право, этой Аннѣ Ниловнѣ?

— Дядюшка, въ какомъ вы заблужденіи, дядюшка! Да знаете-ли, что Настасья Евграфовна завтра-же будетъ отсюда, если ужь теперь не уѣхала? Знаете-ли, что отецъ нарочно и пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобъ ее увезти? Что ужь это совсѣмъ рѣшено, что она сама лично объявила мнѣ сегодня объ этомъ, и, въ заключеніе, велѣла вамъ кланяться,—знаете-ли вы это, или нѣтъ?

Дядя, какъ былъ, такъ и остался передо мной, съ разинутымъ ртомъ. Мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ и стонъ вырвался изъ груди его.

Не теряя ни минуты, я поспѣшилъ разсказать ему весь мой разговоръ съ Настенькой, мое сватовство, ея рѣшительный отказъ, ея гнѣвъ на дядю за то, что онъ смѣлъ меня вызывать письмомъ; объяснилъ, что она надѣется его спасти своимъ отъѣздомъ отъ брака съ Татьяной Ивановной,—словомъ, не скрылъ ничего; даже нарочно преувеличилъ все, что было непріятнаго въ этихъ извѣстіяхъ. Я хотѣлъ поразить дядю, чтобъ добиться отъ него рѣшительныхъ мѣръ,—и дѣйствительно поразилъ. Онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову.

— Гдѣ она, не знаешь-ли? Гдѣ она теперь? проговорилъ онъ, наконецъ, побѣдивъ отъ испуга.—А я-то, дуракъ, шелъ сюда совсѣмъ ужь спокойный, думалъ, что все ужь уладилось, прибавилъ онъ въ отчаяніи.

— Не знаю, гдѣ теперь, только давеча, какъ начались эти крики, она пошла къ вамъ: она хотѣла все это выразить вслухъ, при всѣхъ. Вѣроятно, ее не допустили.

— Еще-бы допустили! Что-бъ она тамъ надѣлала! Ахъ, горячая, гордая головка! И куда она пойдетъ, куда? Куда? А ты-то, ты-то хорошъ! Да почему-жь она тебѣ отказала? Вздоръ! Ты долженъ былъ понравиться. Почему-жь ты ей не понравился? Да отвѣчай-же, ради Бога, чего-жь ты стоишь?

— Помилосердуйте, дядюшка! Да развѣ можно задавать такіе вопросы?

— Но вѣдь невозможно-жь и это! Ты долженъ, долженъ на ней жениться. Зачѣмъ-же я тебя и тревожилъ изъ Петербурга? Ты долженъ составить ея счастье! Теперь ее гонятъ отсюда, а тогда она твоя жена, моя родная племянница—не прогонятъ. А то куда

она пойдетъ? Что съ ней будетъ? Въ гувернантки? Но, вѣдь, это только безсмысленный вздоръ, въ гувернантки-то! Вѣдь, пока мѣсто найдетъ, чѣмъ дома жить? У старика ихъ девятеро на плечахъ; сами голодомъ сидятъ. Вѣдь она ни гроша не возьметъ отъ меня, если выйдетъ черезъ эти накостные наговоры, и она, и отецъ. Да и каково такимъ образомъ выдти—ужасъ! Здѣсь ужь будетъ скандалъ—я знаю. А жалованье ея ужь давно впередъ забрано на семейныя нужды: вѣдь она ихъ питаетъ. Ну, положимъ, я рекомендую ее въ гувернантки, найду такую честную и благородную фамилью... да вѣдь чорта съ два! Гдѣ ихъ возьмешь, благородныхъ-то, настоящихъ-то благородныхъ людей? Ну, положимъ, и много даже, что̀ Бога гнѣвить! Но, другъ мой, вѣдь опасно: можно-ли положиться на людей? Къ тому-же, бѣдный человѣкъ подозрителенъ: ему такъ и кажется, что его заставляютъ платить за хлѣбъ и за ласку униженіями! Они оскорбятъ ее; она гордая, и тогда... да ужь что̀ тогда? А что̀, если ко всему этому какой-нибудь мерзавецъ-обольститель подвернется?.. Она плюнетъ на него,—я знаю, что плюнетъ,—но вѣдь онъ ее всѐтаки оскорбитъ, мерзавецъ! Всѐтаки на нее можетъ пасть безславіе, тѣнь, подозрѣніе, и тогда!.. Голова трещитъ на плечахъ! Ахъ ты, Боже мой!

— Дядюшка! Простите меня за одинъ вопросъ, сказалъ я торжественно:—не сердитесь на меня, поймите, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ многое разрѣшить; я даже отчасти въ правѣ требовать отъ васъ отвѣта, дядюшка!

— Что̀, что̀ такое? Какой вопросъ?

— Скажите, какъ передъ Богомъ, откровенно и прямо: не чувствуете-ли вы, что вы сами немного влюблены въ Настасью Евграфовну и желали-бы на ней жениться? Подумайте: вѣдь изъ-за этого-то ее здѣсь и гонятъ.

Дядя сдѣлалъ самый энергическій жестъ самаго судорожнаго нетерпѣнія.

— Я? Влюбленъ? Въ нее? Да они всѣ бѣлены объѣлись, или сговорились противъ меня. Да для чего-жь я тебя-то выписывалъ, какъ не для того, чтобъ доказать имъ всѣмъ, что они бѣлены объѣлись? Да для чего-же я тебя-то къ ней сватаю? Я? Влюбленъ? Въ нее? Рехнулись они всѣ, да и только!

— А если такъ, дядюшка, то позвольте ужь мнѣ все высказать. Объявляю вамъ торжественно, что я рѣшительно ничего не нахожу дурнаго въ этомъ предположеніи. Напротивъ, вы-бы ей счастье сдѣлали, если уже такъ ее любите и и дай Богъ этого! Дай вамъ Богъ любовь и совѣтъ!

— Но, помилуй, что̀ ты говоришь! вскричалъ дядя почти съ

ужасомъ.—Удивляюсь, какъ ты можешь это говорить хладнокровно... и... вообще ты, братъ, все куда-то торопишься,—я замѣчаю въ тебѣ эту черту! Ну, не безсмысленно-ли, что ты сказалъ? Какъ, скажи, я женюсь на ней, когда я смотрю на нее какъ на дочь, а не иначе? Да мнѣ даже стыдно было-бы на нее смотрѣть иначе, даже грѣшно! Я старикъ, а она—цвѣточекъ! Даже Ома это мнѣ объяснилъ именно въ такихъ выраженіяхъ. У меня отеческой любовью къ ней сердце горитъ, а ты тутъ съ супружествомъ! Она, пожалуй, изъ благодарности, и не отказала-бы, да вѣдь она презирать меня потомъ будетъ за то, что ея благодарностью воспользовался. Я загублю ее, привязанность ея потеряю! Да я-бы душу мою ей отдалъ, дѣточка она моя! Все равно какъ Сашу люблю, даже больше, признаюсь тебѣ. Саша мнѣ дочь по праву, по закону, а эту я любовью моею себѣ дочерью сдѣлалъ. Я ее изъ бѣдности взялъ, воспиталъ. Ее Катя, мой ангелъ покойный, любила; она мнѣ ее какъ дочь завѣщала. Я образованіе ей далъ: и по французски говоритъ, и на фортепьяно, и книги, и все... Улыбочка какая у ней! Замѣтилъ ты, Сережа? Какъ будто смѣется надъ тобой, а межъ тѣмъ вовсе не смѣется, а, напротивъ, любитъ... Я вотъ и думалъ, что ты пріѣдешь, сдѣлаешь предложеніе: они и увѣрятся, что я не имѣю видовъ на нее; и перестанутъ всѣ эти пакости распускать. Она и осталась-бы тогда съ нами въ тишинѣ, въ покоѣ, и какъ-бы мы тогда были счастливы! Вы оба дѣти мои, почти оба сиротки, оба на моемъ попеченіи выросли... я-бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ! Жизнь-бы вамъ отдалъ, не разсталея-бы съ вами: всюду за вами! Ахъ, какъ-бы мы могли быть счастливы! И зачѣмъ это люди все злятся, все сердятся, ненавидятъ другъ друга? Такъ-бы, такъ-бы взялъ да и растолковалъ-бы имъ все! Такъ-бы и выложилъ передъ ними всю сердечную правду! Ахъ ты, Боже мой!

— Да, дядюшка, да, это все такъ, а только она вотъ и отказала мнѣ.

— Отказала! Гм!.. А знаешь, я какъ будто предчувствовалъ, что она откажетъ тебѣ, сказалъ онъ въ задумчивости:—но, нѣтъ! вскрикнулъ онъ:—я не вѣрю! Это невозможно. Но вѣдь въ такомъ случаѣ все разстроится! Да ты вѣрно какъ-нибудь неосторожно съ ней началъ, оскорбилъ еще, можетъ быть: пожалуй, еще комплименты пустился отмачивать... Разскажи мнѣ, еще разъ, какъ это было, Сергѣй!

Я повторилъ еще разъ все въ совершенной подробности. Когда дошло до того, что Настенька удаленіемъ своимъ надѣялась спасти дядю отъ Татьяны Ивановны, тотъ горько улыбнулся.

— Спасти! сказалъ онъ:—спасти до завтрашняго утра!

— Но вы не хотите сказать, дядюшка, что женитесь на Татьянѣ Ивановнѣ? вскричалъ я въ испугѣ.

— А чѣмъ-же я и купилъ, чтобъ Насто не выгнали завтра? Завтра-же дѣлаю предложеніе: формально обѣщался.

— И вы рѣшились, дядюшка?

— Что-жь дѣлать, братецъ, что-жь дѣлать! Это раздираетъ мнѣ сердце, но я рѣшился. Завтра предложеніе: свадьбу положили сыграть тихо, по домашнему: оно, братъ, и лучше по домашнему-то. Ты, пожалуй, шафером. Я ужь намекнулъ о тебѣ, такъ что они до времени никакъ тебя не прогонятъ. Что-жь дѣлать, братецъ? Они говорятъ: «для дѣтей богатство!». Конечно, для дѣтей чего не сдѣлаешь? Вверхъ ногами вертѣться пойдешь, тѣмъ болѣе, что въ сущности, оно, пожалуй, и справедливо. Вѣдь долженъ-же я хоть что-нибудь сдѣлать для семейства. Не все-же тунеядцемъ сидѣть!

— Но, дядюшка, вѣдь она сумасшедшая! вскричалъ я, забывшись, и сердце мое болѣзненно сжалось.

— Ну, ужь и сумасшедшая! Вовсе не сумасшедшая, а такъ, испытала, знаешь, несчастія... Что-жь дѣлать, братецъ, и радъ-бы съ умомъ... А впрочемъ, и съ умомъ-то какія бываютъ! А какая она добрая, если-бъ ты зналъ, благородная какая!

— Но, Боже мой! Онъ ужь и мирится съ этою мыслью! сказалъ я въ отчаяніи.

— А что-жь и дѣлать-то, какъ не такъ? Вѣдь для моего-же блага стараются, да и, наконецъ, ужь я предчувствовалъ, что, рано-ли, поздно-ли, а не отвертишься: заставятъ жениться. Такъ ужь лучше теперь, чѣмъ еще ссору изъ-за этого затѣвать. Я тебѣ братъ, Сережа, все откровенно скажу: я даже отчасти и радъ. Рѣшился, такъ ужь рѣшился, по крайней мѣрѣ, съ плечъ долой, — спокойнѣе какъ-то. Я, вотъ, и шелъ сюда почти совсѣмъ ужь спокойный. Такова ужь видно звѣзда моя! А главное, въ выигрышѣ то, что Настя при насъ остается. Я вѣдь и согласился съ этимъ условіемъ. А тутъ *она* сама бѣжать хочетъ! Да не будетъ-же этого! воскликнулъ дядя, топнувъ ногою.—Послушай, Сергѣй, прибавилъ онъ, съ рѣшительнымъ видомъ:—подожди меня здѣсь, никуда не ходи; я мигомъ къ тебѣ ворочусь.

— Куда вы, дядюшка?

— Можетъ быть, я ее увижу, Сергѣй; все объяснится, повѣрь, что все объяснится, и... и... женишься-же ты на ней — даю тебѣ честное слово!

Дядя быстро вышелъ изъ комнаты и повернулъ въ садъ, а не къ дому. Я слѣдилъ за нимъ изъ окна.

XII.

Катастрофа.

Я остался одинъ. Положеніе мое было нестерпимое: мнѣ отказали, а дядя хотѣлъ женить меня чуть не насильно. Я сбивался и путался въ мысляхъ. Мизинчиковъ и его предложеніе не выходили у меня изъ головы. Во что-бы ни стало, дядю надо было спасти! Я даже думалъ пойдти сыскать Мизинчикова и разсказать ему все. Но куда однако-жъ пошелъ дядя? Онъ самъ сказалъ, что идетъ отыскивать Настеньку, а между тѣмъ воротилъ въ садъ. Мысль о тайныхъ свиданіяхъ промелькнула въ моей головѣ, и непріятное чувство уцемило мое сердце. Я вспомнилъ слова Мизинчикова про тайную связь... Подумавъ съ минуту, я съ негодованіемъ отбросилъ всѣ мои подозрѣнія. Дядя не могъ обманывать: это очевидно. Безпокойство мое возрастало каждую минуту. Безсознательно вышелъ я на крыльцо и пошелъ въ глубину сада, по той самой аллеѣ, въ которой изчезъ дядя. Мѣсяцъ начиналъ всходить. Я зналъ этотъ садъ вдоль и поперегъ и не боялся заблудиться. Дойдя до старой бесѣдки, уединенно стоявшей на берегу одряхлѣвшаго, покрытаго тиной пруда, я вдругъ остановился, какъ вкопанный: мнѣ послышались въ бесѣдкѣ голоса. Не могу выразить, какое странное чувство досады овладѣло мною! Я былъ увѣренъ, что это дядя и Настенька и продолжалъ подходить, успокоивая на всякій случай свою совѣсть тѣмъ, что иду прежнимъ шагомъ и не стараюсь подкрадываться. Вдругъ раздался ясно звукъ поцѣлуя, потомъ звуки какихъ-то одушевленныхъ словъ, и тотчасъ-же, вслѣдъ за этимъ — пронзительный женскій крикъ. Въ тоже мгновеніе женщина, въ бѣломъ платьѣ, выбѣжала изъ бесѣдки и промелькнула мимо меня, какъ ласточка. Мнѣ показалось даже, что она закрывала руками лицо, чтобъ не быть узнанной: вѣроятно, меня замѣтили изъ бесѣдки. Но каково-же было мое изумленіе, когда, въ выпедшемъ, вслѣдъ за испуганной дамой, кавалерѣ я узналъ Обноскина, — Обноскина, который, по словамъ Мизинчикова, давно ужъ уѣхалъ! Съ своей стороны, и Обноскинъ, увидавъ меня, чрезвычайно смутился: все нахальство его исчезло.

— Извините меня, но... я никакъ не ожидалъ съ вами встрѣтиться, проговорилъ онъ, улыбаясь и заикаясь.

— А я съ вами, отвѣчалъ я насмѣшливо: — тѣмъ болѣе, что я слышалъ, вы ужъ уѣхали.

— Нѣтъ-съ... это такъ... я проводилъ недалеко маменьку. Но могу-ли я обратиться къ вамъ, какъ къ благороднѣйшему человѣку въ мірѣ?

— Съ чѣмъ это?

— Есть случаи, — и вы сами согласитесь съ этимъ, — когда истинно благородный человѣкъ принужденъ обратиться ко всему благородству чувствъ другаго, истинно благороднаго человѣка... Надѣюсь, вы понимаете меня...

— Не надѣйтесь: ничего рѣшительно не понимаю.

— Вы видѣли даму, которая находилась вмѣстѣ со мной въ бесѣдкѣ?

— Видѣлъ, но не узналъ.

— А, не узнали!.. Эту даму я назову скоро моею женою.

— Поздравляю васъ. Но чѣмъ-же я могу быть вамъ полезенъ?

— Только однимъ: сохранивъ глубочайшую тайну о томъ, что вы меня видѣли съ этой дамой.

«Кто-жь-бы это? подумалъ я,—ужь не...»

— Право, не знаю-съ, отвѣчалъ я Обноскину.—Надѣюсь, вы извините, что не могу дать вамъ слова...

— Нѣтъ, ради Бога, пожалуйста, умолялъ Обноскинъ. — Поймите мое положеніе: это секретъ. Вы тоже можете быть женихомъ: тогда и я, съ своей стороны...

— Тс! Кто-то идетъ!

— Гдѣ?

Дѣйствительно, шагахъ въ тридцати отъ насъ, чуть примѣтно, промелькнула тѣнь проходившаго человѣка.

— Это... это вѣрно Фома Фомичъ! прошепталъ Обноскинъ, трепеща всѣмъ тѣломъ. — Я узнаю его по походкѣ. Боже мой! И еще шаги, съ другой стороны! Слышите... Прощайте! Благодарю васъ и... умоляю васъ...

Обноскинъ скрылся. Чрезъ минуту предо мной очутился дядя, какъ будто выросъ изъ-подъ земли.

— Это ты? окликнулъ онъ меня. — Все пропало, Сережа, все пропало!

Я замѣтилъ, что онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что пропало, дядюшка?

— Пойдемъ! сказалъ онъ, задыхаясь и, крѣпко схвативъ меня за руку, потащилъ за собою. Но всю дорогу до флигеля, онъ не сказалъ ни слова, не давалъ и мнѣ говорить. Я ожидалъ чего-нибудь сверхъестественнаго и почти не обманулся. Когда мы вошли въ комнату, съ нимъ сдѣлалось дурно: онъ былъ блѣденъ, какъ мертвый. Я немедленно спрыснулъ его водою. Вѣроятно, случилось

что-нибудь очень ужасное, думалъ я, когда съ такимъ человѣкомъ дѣлается обморокъ».

— Дядюшка, что̀ съ вами? спросилъ я его, наконецъ.

— Все пропало, Сережа! Ѳома засталъ меня въ саду вмѣстѣ съ Настенькой въ ту самую минуту, когда я поцѣловалъ ее.

— Поцѣловали! Въ саду! вскричалъ я, смотря въ изумленіи на дядю.

— Въ саду, братецъ. Богъ попуталъ! Пошелъ я, чтобъ непремѣнно ее увидать. Хотѣлъ ей высказать, урезонить ее, на счетъ тебя, то есть. А она меня ужь цѣлый часъ дожидалась, тамъ, у сломанной скамейки, за прудомъ... Она туда часто приходитъ, когда надо поговорить со мной.

— Часто, дядюшка?

— Часто, братецъ! Послѣднее время почти каждую ночь сряду сходились. Только они насъ, вѣрно, и выслѣдили,—ужь знаю, что выслѣдили, и знаю, что тутъ Анна Ниловна все работала. Мы на время и прервали: дня четыре ужь ничего не было: а вотъ сегодня опять понадобилось. Самъ ты видѣлъ, какая нужда была: безъ этого какъ-же-бы я ей сказалъ? Прихожу, въ надеждѣ застать, а она ужь тамъ цѣлый часъ сидитъ, меня дожидается: тоже надо было кое-что сообщить...

— Боже мой, какая неосторожность! Вѣдь вы знали, что за вами слѣдятъ?

— Да вѣдь критическій случай, Сережа: многое надо было взаимно сказать. Днемъ-то я и смотрѣть на нее не смѣю: она въ одинъ уголъ, а я въ другой нарочно смотрю, какъ будто и не замѣчаю, что она есть на свѣтѣ. А ночью сойдемся, да и наговоримся...

— Ну, что-жь, дядюшка?

— Не успѣлъ я двухъ словъ сказать, знаешь, — сердце у меня заколотилось, изъ глазъ слезы выступили: сталъ я ее уговаривать, чтобъ за тебя вышла,—а она мнѣ: «вѣрно вы меня не любите,— вѣрно вы ничего не видите», и вдругъ какъ бросится мнѣ на шею, обвила меня руками, заплакала, зарыдала! «Я, говоритъ, одного васъ люблю и ни за кого не выйду. Я васъ ужь давно люблю, только и за васъ не выйду, а завтра-же уѣду и въ монастырь пойду».

— Боже мой! Неужели она такъ и сказала? Ну, что-жь дальше, — дальше, дядюшка?

— Смотрю, а передъ нами Ѳома! И откуда онъ взялся? Неужели за кустомъ сидѣлъ, да этого грѣха выжидалъ?

— Подлецъ!

— Я обмеръ, Настенька бѣжать, а Ѳома Ѳомичъ, молча, прошелъ мимо насъ, да пальцемъ мнѣ и погрозилъ,—понимаешь, Сергѣй, какой трезвонъ завтра будетъ?

— Ну, да ужь какъ не понять!

— Понимаешь-ли ты, вскричалъ онъ въ отчаяніи, вскакивая со стула:—понимаешь-ли ты, что они хотятъ ее погубить, осрамить, обезчестить; ищутъ предлога, чтобъ безчестіе на нее вклеветать и за это выгнать ее; а вотъ теперь и нашелся предлогъ! Вѣдь они говорили, что она со мной гнусныя связи имѣетъ! Вѣдь они, подлецы, говорили, что она съ Видоплясовымъ имѣетъ! Это все Анна Ниловна говорила. Что теперь будетъ? Что завтра будетъ? Неужели разскажетъ Ѳома?

— Непремѣнно разскажетъ, дядюшка.

— А если разскажетъ, если только разскажетъ... проговорилъ онъ, закусывая губы и сжимая кулаки:—но, нѣтъ, не вѣрю! Онъ не разскажетъ, онъ пойметъ... это человѣкъ высочайшаго благородства! Онъ пощадитъ ее...

— Пощадитъ, или не пощадитъ, отвѣчалъ я рѣшительно:—но, во всякомъ случаѣ, ваша обязанность завтра-же сдѣлать предложеніе Настасьѣ Евграфовнѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня неподвижно.

— Понимаете-ли вы, дядюшка, что обезчестите дѣвушку, если разнесется эта исторія? Понимаете-ли вы, что вамъ надо предупредить бѣду какъ можно скорѣе; что вамъ надо смѣло и гордо посмотрѣть всѣмъ въ глаза, гласно сдѣлать предложеніе, плюнуть на ихъ резоны и стереть Ѳому въ порошокъ, если онъ заикнется противъ нея?

— Другъ мой! вскричалъ дядя:—я объ этомъ думалъ, идя сюда!

— И какъ-же рѣшилъ?

— Неизмѣнно! Я ужь рѣшился, прежде чѣмъ началъ тебѣ разсказывать!

— Браво, дядюшка!

И я бросился обнимать его.

Долго мы говорили. Я выставилъ передъ нимъ всѣ резоны, всю неумолимую необходимость жениться на Настенькѣ, что, впрочемъ, онъ самъ понималъ еще лучше меня. Но краснорѣчіе мое было возбуждено. Я радовался за дядю. Долгъ подстрекалъ его, иначе-бы онъ никогда не поднялся. Передъ долгомъ-же, передъ обязанностью онъ благоговѣлъ. Но, не смотря на то, я рѣшительно не понималъ, какъ устроится это дѣло. Я зналъ и слѣпо вѣрилъ, что дядя ни за что не отступитъ отъ того, что разъ призналъ своею обязанностью; но мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобъ у него достало силы возстать про-

тивъ своихъ домашнихъ. И потому я старался какъ можно болѣе подстрекнуть и направить его, и работалъ со всею юношескою горячностью.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе, говорилъ я,— что теперь уже все рѣшено и послѣднія сомнѣнія ваши исчезли! Случилось то, чего вы не ожидали, хотя въ сущности всѣ это видѣли и всѣ прежде васъ замѣтили: Настасья Евграфовна васъ любитъ! Неужели-же вы допустите, кричалъ я,—чтобъ эта чистая любовь обратилась для нея въ стыдъ и позоръ?

— Никогда! Но, другъ мой, неужели-жъ я буду, наконецъ, такъ счастливъ? вскричалъ дядя, бросаясь ко мнѣ на шею.— И какъ это она полюбила меня, и за что? за что? Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего такого... Я старикъ передъ нею: вотъ ужъ не ожидалъ-то! Ангелъ мой, ангелъ!.. Слушай, Сережа, давеча ты спрашивалъ, не влюбленъ-ли я въ нее: имѣлъ ты какую-нибудь идею?

— Я видѣлъ только, дядюшка, что вы ее любите такъ, какъ больше любить нельзя: любите и, между тѣмъ, сами про это не знаете. Помилуйте! Выносываете меня, хотите женить меня на ней, единственно для того, чтобъ она вамъ стала племянницей и чтобъ имѣть ее всегда при себѣ...

— А ты... а ты прощаешь меня, Сергѣй?

— Э, дядюшка!..

И онъ снова обнялъ меня.

— Смотрите-же, дядюшка, всѣ противъ васъ: надо возстать и пойдти противъ всѣхъ, и не далѣе, какъ завтра.

— Да... да, завтра! повторилъ онъ нѣсколько задумчиво:—и, знаешь, примемся за дѣло съ мужествомъ, съ истиннымъ благородствомъ души, съ силой характера... именно съ силой характера!

— Не сробѣете, дядюшка!

— Не сробѣю, Сережа! Одно: не знаю, какъ начать, какъ приступить!

— Не думайте объ этомъ, дядюшка. Завтрашній день все рѣшитъ. Успокойтесь сегодня. Чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. А если Фома заговоритъ—немедленно его выгнать изъ дому и стереть его въ порошокъ.

— А нельзя-ли не выгонять? Я, братъ, такъ рѣшилъ: завтра-же пойду къ нему рано, чѣмъ свѣтъ, все разскажу, вотъ какъ съ тобой говорилъ: не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ меня, онъ благороденъ, онъ благороднѣйшій изъ людей! Но, вотъ что меня безпокоитъ: что, если маменька предувѣдомила сегодня Татьяну Ивановну о завтрашнемъ предложеніи? Вѣдь, это ужъ худо!

— Не безпокойтесь о Татьянѣ Ивановнѣ, дядюшка.

И я разсказалъ ему сцену въ бесѣдкѣ съ Обноскинымъ. Дядя былъ въ чрезвычайномъ удивленіи. Я ни слова не упомянулъ о Мизинчиковѣ.

— Фантасмагорическое лицо! Истинно-фантасмагорическое лицо! вскричалъ онъ. — Бѣдная! Они подъѣзжаютъ къ ней, хотятъ воспользоваться ея простотою! Неужели Обноскинъ? Да вѣдь онъ-же уѣхалъ... Странно, ужасно странно! Я пораженъ. Сережа... Это завтра-же надо изслѣдовать и принять мѣры... Но, увѣренъ-ли ты совершенно, что это была Татьяна Ивановна!

Я отвѣчалъ, что хотя и не видалъ въ лицо, но, по нѣкоторымъ причинамъ, совершенно увѣренъ, что это Татьяна Ивановна.

— Гм! Не интрижка-ли съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ, а тебѣ показалось, что Татьяна Ивановна? Не Даша-ли, садовника дочь? Пролазливая дѣвочка! Замѣчена, потому и говорю, что замѣчена. Анна Ниловна выслѣдила!.. Да нѣтъ-же, однако! Вѣдь, онъ говорилъ, что жениться хочетъ. Странно, странно!

Наконецъ, мы разстались. Я обнялъ и благословилъ дядю. «Завтра, завтра», повторялъ онъ, — «все рѣшится, — прежде, чѣмъ ты встанешь, рѣшится. Пойду къ Ѳомѣ и поступлю съ нимъ по-царски, открою ему все, какъ родному брату, всѣ изгибы сердца, всю внутренность. Прощай, Сережа. Ложись, ты усталъ; а я ужь вѣрно во всю ночь глазъ не сомкну».

Онъ ушелъ. Я тотчасъ-же легъ, усталый и измученный до нельзя. День былъ трудный. Нервы мои были разстроены, и прежде чѣмъ заснулъ, я нѣсколько разъ вздрагивалъ и просыпался. Но, какъ ни странны были мои впечатлѣнія при отходѣ ко сну, все-таки странность ихъ почти ничего не значила передъ оригинальностью моего пробужденія на другое утро.

Часть вторая и послѣдняя.

I.

Погоня.

Спалъ крѣпко, безъ сновъ. Вдругъ я почувствовалъ, что на мои ноги налегла десятипудовая тяжесть. Я вскрикнулъ и проснулся. Былъ уже день; въ окна ярко заглядывало солнце. На кровати моей, или, лучше сказать, на моихъ ногахъ, сидѣлъ господинъ Бахчеевъ.

Сомнѣваться было невозможно: это былъ онъ. Высвободивъ кое-какъ ноги, я приподнялся на постели и смотрѣлъ на него съ тупымъ недоумѣніемъ едва проснувшагося человѣка.

— Онъ еще и смотритъ! вскричалъ толстякъ.—Да ты что на меня уставился? Вставай, батюшка, вставай! Полчаса бужу: продирай глаза-то!

— Да что случилось? Который часъ?

— Часъ, батюшка, еще ранній, а Евроньи-то нашей и свѣту не дождалась, улетнула. Вставай, въ погоню ѣдемъ!

— Какая Евронья?

— Да наша-то, блаженная-то! Улетнула! Еще до свѣту улетнула! Я къ вамъ, батюшка, на минутку, только васъ разбудить, да вотъ и вознесъ съ тобой два часа! Вставайте, батюшка, васъ и дядюшка ждетъ. Дождались праздника! прибавилъ онъ съ какимъ-то злорадымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Да про кого и про что вы говорите? сказалъ я съ нетерпѣніемъ, начиная, впрочемъ, догадываться. — Ужь не Татьяна-ль Ивановна?

— А какъ-же? Она и есть! Я говорилъ, предрекалъ — не хотѣли слушать! Вотъ она тебя и поздравила теперь съ праздникомъ! На амурѣ помѣшана, а амуръ-то у нея крѣпко въ головѣ засѣлъ! Тьфу! А тотъ-то, тотъ-то каковъ? Съ бородкой-то?

— Неужели съ Мизинчиковымъ!

— Тьфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри глаза-то, отрезвись хоть для великаго Божьяго праздника! Знать, тебя еще за ужиномъ вчера укачало, коли теперь еще бродитъ! Съ какимъ Мизинчиковымъ? Съ Обноскинымъ, а не съ Мизинчиковымъ. А Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ человѣкъ благонравный, и теперь съ нами-же въ погоню собирается.

— Что вы говорите? вскричалъ я, даже привскакнувъ на постели:—неужели съ Обноскинымъ?

— Тьфу ты, досадный человѣкъ! отвѣчалъ толстякъ, вскакивая съ мѣста:—я къ нему, какъ къ образованному человѣку, пришелъ оказію сообщить, а онъ еще сомнѣвается! Ну, батюшка, если хочешь съ нами, такъ вставай, напяливай свои штанишки, а мнѣ нечего съ тобой языкомъ стучать: и безъ того золотое время съ тобой потерялъ!

И онъ вышелъ въ чрезвычайномъ негодованіи.

Пораженный извѣстіемъ, я вскочилъ съ кровати, поспѣшно одѣлся и сбѣжалъ внизъ. Думая отыскать дядю въ домѣ, гдѣ, казалось, всѣ еще спали и ничего не знали о происшедшемъ, я осторожно поднялся на парадное крыльцо и въ сѣняхъ встрѣтилъ Настеньку. Одѣта она была наскоро, въ какомъ-то утреннемъ пеньюарѣ, или блафрокѣ. Волосы ея были въ безпорядкѣ: видно было, что она только что вскочила съ постели и какъ будто поджидала кого-то въ сѣняхъ.

— Скажите, правда-ли, что Татьяна Ивановна уѣхала съ Обноскинымъ? торопливо спросила она прерывающимся голосомъ, блѣдная и испуганная.

— Говорятъ, что правда. Я ищу дядюшка; мы хотимъ въ погоню.

— О! привезите, привезите ее скорѣе! Она погибнетъ, если вы ее не воротите.

— Но гдѣ-же дядюшка?

Вѣрно тамъ, у конюшенъ: тамъ коляску закладываютъ. Я его здѣсь поджидала. Послушайте, скажите ему отъ меня, что я непремѣнно хочу ѣхать сегодня-же; я совсѣмъ рѣшилась. Отецъ возьметъ меня: я ѣду сейчасъ, если можно будетъ. Все погибло теперь! Все потеряно!

Говоря это, она сама глядѣла на меня, какъ потерянная, и вдругъ залилась слезами. Съ нея, кажется, начиналась истерика.

— Успокойтесь! умолялъ я ее:—вѣдь это все къ лучшему—вы увидите... Что съ вами, Настасья Евграфовна?

— Я... я не знаю... что со мною, говорила она, задыхаясь и безсознательно сжимая мои руки.—Скажите ему...

Въ эту минуту за дверью направо раздался какой-то шумъ.

Она бросила мою руку и, испуганная, не договоривъ, убѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Я нашелъ всю компанію, то есть дядю, Бахчеева и Мизинчикова, на заднемъ дворѣ, у конюшень. Въ коляску Бахчеева впрягали свѣжихъ лошадей. Все было готово къ отъѣзду: ждали только меня.

— Вотъ и онъ, закричалъ дядя при моемъ появленіи.—Слышалъ, братъ? прибавилъ онъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Испугъ, растерянность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто надежда выражались въ его взглядахъ, голосѣ и движеніяхъ. Онъ сознавалъ, что въ судьбѣ его совершился капитальный переворотъ.

Тотчасъ-же посвятили меня во всѣ подробности. Господинъ Бахчеевъ, проведя самую скверную ночь, на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ своего дома, чтобъ поспѣть къ ранней обѣднѣ въ монастырь, находящійся верстахъ въ пяти отъ его деревни. На самомъ поворотѣ съ большой дороги въ обитель, онъ вдругъ увидѣлъ тарантасъ, мчавшійся во всю прыть, а въ тарантасѣ Татьяну Ивановну и Обноскина. Татьяна Ивановна, заплаканная и какъ будто испуганная, вскрикнула и протянула къ господину Бахчееву руки, какъ-бы умоляя его о защитѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, выходило изъ его разсказа: «А тотъ-то, подлецъ, съ бороденкой-то, прибавлялъ онъ, ни живъ, ни мертвъ сидитъ, спрятался; да только врешь, братъ, не спрячешься!» Долго не думая, Степанъ Алексѣевичъ поворотилъ опять на дорогу и прискакалъ въ Степанчиково, разбудилъ дядю, Мизинчикова, наконецъ, и меня. Рѣшили тотчасъ-же пуститься въ погоню.

— Обноскинъ-то, Обноскинъ-то... говорилъ дядя, пристально смотря на меня, какъ будто желая сказать мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то другое:—кто-бы могъ ожидать!

— Отъ этого низкаго человѣка всегда можно было ожидать всякой пакости! вскричалъ Мизинчиковъ съ самымъ энергическимъ негодованіемъ и тотчасъ-же отвернулся, избѣгая моего взгляда.

— Что-же мы, ѣдемъ или нѣтъ? Али до ночи будетъ стоять, да сказки разсказывать? перервалъ господинъ Бахчеевъ, влѣзая въ коляску.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! подхватилъ дядя.

— Все къ лучшему, дядюшка, шепнулъ я ему.—Видите, какъ все это, теперь, отлично уладилось?

— Полно, братъ, не грѣши... Ахъ, другъ мой! Они теперь просто выгонятъ *ее*, въ наказанье, что не удалось — понимаешь? Ужасъ, сколько я предчувствую!

— Да что-жь, Егоръ Ильичъ, шептаться, аль ѣхать? вскричалъ въ другой разъ господинъ Бахчеевъ.—Аль ужь отложить лошадокъ, да закуску подать — какъ вы думаете: не выпить-ли водочки?

Слова эти были произнесены съ такимъ простымъ сарказмомъ, что не было никакой возможности не удовлетворить тотчасъ-же господина Бахчеева. Всѣ немедленно сѣли въ коляску и лошади поскакали.

Нѣкоторое время мы всѣ молчали. Дядя значительно посматривалъ на меня, но говорить со мной при всѣхъ не хотѣлъ. Онъ часто задумывался: потомъ, какъ будто пробуждаясь, вздрагивалъ и, въ волненіи, осматривался кругомъ. Мизинчиковъ былъ, повидимому, спокоенъ, курилъ сигару и смотрѣлъ съ достоинствомъ несправедливо обиженнаго человѣка. Зато Бахчеевъ горячился за всѣхъ. Онъ ворчалъ себѣ подъ носъ, глядѣлъ на всѣхъ и на все съ рѣшительнымъ негодованіемъ, краснѣлъ, пыхтѣлъ, безпрерывно плевалъ на сторону и никакъ не могъ успокоиться.

— Увѣрены-ли вы, Степанъ Алексѣичъ, что они поѣхали въ Мишино? спросилъ вдругъ дядя. — Это, братъ, двадцать верстъ отсюда, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — маленькая деревенька, въ тридцать душъ; недавно пріобрѣтена отъ прежнихъ владѣльцевъ однимъ бывшимъ губернскимъ чиновникомъ. Сутяга, какихъ свѣтъ не производилъ! Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорятъ: можетъ быть, и ошибочно. Степанъ Алексѣичъ увѣряетъ, что Обноскинъ именно туда ѣхалъ и что этотъ чиновникъ теперь ему помогаетъ.

— А то какъ-же? вскричалъ Бахчеевъ, встрепенувшись.—Ужь я говорю, что въ Мишино. Только теперь его въ Мишинѣ-то, можетъ ужь Митькой звали, Обноскина-то! Еще-бы три часа на дворѣ по пусту прокалякали!

— Не безпокойтесь, замѣтилъ Мизинчиковъ:—застанемъ.

— Да, застанемъ! Небось, онъ тебя дожидаться будетъ. Шкатулка-то въ рукахъ; былъ да сплылъ.

— Успокойся, Степанъ Алексѣичъ, успокойся, догонимъ, сказалъ дядя. — Они еще ничего не успѣли сдѣлать, — увидишь, что такъ.

— Не успѣли сдѣлать! злобно переговорилъ г. Бахчеевъ. — Чего она не успѣетъ надѣлать, даромъ что тихонькая! Тихонькая, говорятъ, тихонькая! прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, какъ будто кого-то передразнивая. — Испытала несчастья. Вотъ она намъ теперь пятки и показала, несчастная-то! Вотъ и гоняйся за ней по большимъ дорогамъ, высуня языкъ, ни свѣтъ, ни заря! Помолиться человѣку не дадутъ для Божьяго праздника. Тьфу!

— Да вѣдь она, однако-жь, не малолѣтняя, замѣтилъ я:—подъ

опекой не состоитъ. Воротить ее нельзя, если сама не захочетъ Какъ-же мы будемъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ дядя: — но она захочетъ — увѣряю тебя. Это она теперь только такъ... Только увидитъ насъ, тотчасъ воротится, — отвѣчаю. Нельзя-же, братъ, оставить ее такъ, на произволъ судьбы, въ жертву: это, такъ сказать, долгъ ..

— Подъ опекой не состоитъ! вскрикнулъ Бахчеевъ, немедленно на меня накидываясь.— Дура она, батюшка, набитая дура,—а не то, что подъ опекой не состоитъ. Я тебѣ о ней и говорить не хотѣлъ вчера, а намедни ошибкой зашелъ въ ея комнату, смотрю, а она одна передъ зеркаломъ руки въ боки, экоссезъ выплясываетъ! Да вѣдь какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ! Плюнулъ, да и отошелъ. Тогда-же все предузналъ, какъ по писанному!

— Къ чему-жъ такъ обвинять? замѣтилъ я съ нѣкоторою робостью.— Извѣстно, что Татьяна Ивановна... не въ полномъ своемъ здоровьѣ... или, лучше сказать, у ней такая манія... Мнѣ кажется, виноватъ одинъ Обноскинъ, а не она.

— Не въ полномъ своемъ здоровьѣ! Ну вотъ поди вы съ нимъ! подхватилъ толстякъ, весь побагровѣвъ отъ злости. — Вѣдь поклялся-же бѣсить человѣка! Со вчерашняго дня клятву такую далъ! Дура она, отецъ мой, повторяю тебѣ, капитальная дура, а не то, что не въ полномъ своемъ здоровьѣ: съ измалѣтства на купидонѣ помѣшана! Вотъ и довелъ ее теперь купидонъ до послѣдней точки. А про того, съ бороденкой-то, и помнить нечего! Небось, задуветъ теперь по всѣмъ по тремъ, съ денежками, динь-динь-динь, да посмѣивается.

— Такъ неужели-же вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что онъ тотчасъ и броситъ ее?

— А то какъ-же? Небось таскать съ собой станетъ такое сокровище? Да на что она ему? Оберетъ ее, да и посадитъ гдѣ-нибудь подъ кустъ, на дорогѣ —и былъ таковъ, а она и сиди себѣ подъ кустомъ, да нюхай цвѣточки!

— Ну, ужь это ты увлекся, Степанъ, не такъ это будетъ! вскричалъ дядя.—Впрочемъ, чего-жъ ты такъ сердишься? Дивлюсь я на тебя, Степанъ, тебѣ-то чего?

— Да вѣдь я человѣкъ, али нѣтъ? Вѣдь зло беретъ; вчужъ беретъ. Вѣдь я, можетъ, ее-же любя говорю... Эхъ, пропасай все на свѣтѣ! Ну зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? Ну зачѣмъ я сворачивалъ? Мнѣ-то какое дѣло? Мнѣ-то какое дѣло?

Такъ сѣтовалъ г. Бахчеевъ: но я уже не слушалъ его и задумался о той, которую мы теперь догоняли—о Татьянѣ Ивановнѣ. Вотъ краткая ея біографія, собранная мною, впослѣдствіи, по са-

мымъ вѣрнѣйшимъ источникамъ, и которая необходима для поясненія ея приключеній. Бѣдный ребенокъ-сиротка, выросшій въ чужомъ, негостепріимномъ домѣ, потомъ бѣдная дѣвушка, потомъ бѣдная дѣва и, наконецъ, бѣдная перезрѣлая дѣва. Татьяна Ивановна, во всю свою бѣдную жизнь, испила полную до краевъ чашу горя, сиротства, униженій, попрековъ и вполнѣ извѣдала всю горечь чужаго хлѣба. Отъ природы характера веселаго, воспріимчиваго въ высшей степени и легкомысленнаго, она въ началѣ кое-какъ еще переносила свою горькую участь и даже могла подчасъ и смѣяться самымъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ; но съ годами судьба взяла, наконецъ, свое. Мало по малу, Татьяна Ивановна стала желтѣть и худѣть, сдѣлалась раздражительна, болѣзненно-воспріимчива и впала въ самую неограниченную, безпредѣльную мечтательность, часто прерываемую истерическими слезами, судорожными рыданіями. Чѣмъ менѣе благъ земныхъ оставляла ей на долю дѣйствительность, тѣмъ болѣе она обольщала и утѣшала себя воображеніемъ. Чѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ безвозвратнѣе гибли и, наконецъ, погибли совсѣмъ послѣднія существенныя надежды ея, тѣмъ упоительнѣе сталовились ея мечты, никогда не осуществимыя. Богатства неслыханныя, красота неувядаемая, женихи изящные, богатые, знатные, все князья и генеральскія дѣти, сохранившіе для нея свои сердца въ дѣвственной чистотѣ и умирающіе у ногъ ея отъ безпредѣльной любви и, наконецъ, *онъ—онъ*, идеалъ красоты, совмѣщавшій въ себѣ всевозможныя совершенства, страстный и любящій, художникъ, поэтъ, генеральскій сынъ—все вмѣстѣ, или поочередно, все это начинало ей представляться не только во снѣ, но даже почти и на яву. Разсудокъ ея уже начиналъ слабѣть и не выдерживать пріемовъ этого опіума таинственныхъ, безпрерывныхъ мечтаній... И вдругъ судьба подшутила надъ ней окончательно. Въ самой послѣдней степени униженія, среди самой грустной, подавляющей сердце дѣйствительности, въ компаньонкахъ у одной старой, беззубой и брюзгливѣйшей барыни въ мірѣ, виноватая во всемъ, упрекаемая за каждый кусокъ хлѣба, за каждую тряпку изношенную, обиженная первымъ желающимъ, незащищенная никѣмъ, измученная горемычнымъ житьемъ своимъ и, про себя, утопающая въ нѣгѣ самыхъ безумныхъ и распаленныхъ фантазій,—она вдругъ получила извѣстіе о смерти одного своего дальняго родственника, у котораго, давно уже (о чемъ она, по легкомыслію своему, никогда не справлялась) перемерли всѣ его близкіе родные, человѣка страннаго, живнаго затворникомъ, гдѣ-то за тридевять земель, въ захолустьи, одиноко, угрюмо, нелюдимо, и занимавшагося черепословіемъ и ростовщичествомъ. И вотъ, огром-

ное богатство вдругъ, какъ-бы чудомъ, упало съ неба и разсыпалось золотою розсыпью у ногъ Татьяны Ивановны: она оказалась единственной законной наслѣдницей умершаго родственника. Сто тысячъ рублей серебромъ достались ей разомъ. Эта насмѣшка судьбы доканала ее совершенно. Какъ-же, въ самомъ дѣлѣ, и безъ того уже ослабѣвшему разсудку не повѣрить мечтамъ, когда онѣ въ самомъ дѣлѣ начинали сбываться? И вотъ бѣдняжка окончательно распростилась съ оставшеюся у ней послѣдней капелькой здраваго смысла. Замирая отъ счастья, она безвозвратно унеслась въ свой очаровательный міръ невозможныхъ фантазій и соблазнительныхъ призраковъ. Прочь всѣ соображенія, всѣ сомнѣнія, всѣ преграды дѣйствительности, всѣ неизбѣжные и ясные, какъ дважды-два, законы ея. Тридцать пять лѣтъ и мечта объ ослѣпляющей красотѣ, осенній грустный холодъ и вся роскошь безконечнаго блаженства любви, даже не споря между собою, — ужились въ ея существѣ. Мечты уже осуществились разъ въ жизни: отчего-же и всему не сбыться? Отчего-же и *ему* не явиться? Татьяна Ивановна не разсуждала, а вѣрила. Но въ ожиданіи *его*, идеала женихи и кавалеры разныхъ орденовъ и простые кавалеры, военные и статскіе, армейскіе и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшіе въ Парижѣ и бывшіе только въ Москвѣ, съ бородками и безъ бородокъ, съ эспаньолками и безъ эспаньолокъ, испанцы и не испанцы (но преимущественно испанцы), начали представляться ей день и ночь, въ количествѣ ужасающемъ и возбуждавшемъ въ наблюдателяхъ серьезныя опасенія; оставался только шагъ до желтаго дома. Блестящею, упоенною любовью вереницей толпились около нея всѣ эти прекрасные призраки. На яву, въ настоящей жизни, дѣло шло тѣмъ-же самымъ фантастическимъ порядкомъ: на кого она ни взглянетъ — тотъ и влюбился; кто-бы ни прошелъ мимо — тотъ и испанецъ: кто умеръ — непремѣнно отъ любви къ ней. Все это, какъ нарочно, подтверждалось въ ея глазахъ еще и тѣмъ, что за ней, въ самомъ дѣлѣ, начали бѣгать такіе, напримѣръ, люди, какъ Обноскинъ, Мизинчиковъ и десятки другихъ, съ тѣми-же цѣлями. Ей вдругъ стали всѣ угождать, стали баловать ее, стали ей льстить. Бѣдная Татьяна Ивановна и подозрѣвать не хотѣла, что все это изъ-за денегъ. Она совершенно была увѣрена, что, по чьему-то мановенію, всѣ люди вдругъ исправились и стали всѣ до одного веселые, милые, ласковые, добрые. *Она* не являлся еще на лицо; но хотя и сомнѣнія не было въ томъ, что *она* явится, теперешняя жизнь и безъ того была такъ недурна, такъ заманчива, такъ полна всякихъ развлеченій и утѣшеній, что можно было и подождать. Татьяна Ивановна кушала конфекты, срывала цвѣты удо-

вольствія, читала романы. Романы еще болѣе распаляли ея воображеніе и бросались обыкновенно на второй страницѣ. Она не выносила далѣе чтенья, увлекаемая въ мечты самыми первыми строчками, самымъ ничтожнымъ намекомъ на любовь, иногда просто описаніемъ мѣстности, комнаты, туалета. Безпрерывно привозились новые наряды, кружева, шляпки, наколки, ленты, обрацики, выкройки, узоры, конфекты, цвѣты, собачонки. Три дѣвушки въ дѣвичьей проводили цѣлые дни за шитьемъ, а барышня съ утра до ночи, и даже ночью, примѣряла свои лифы, оборки и вертѣлась передъ зеркаломъ. Она даже какъ-то помолодѣла и похорошѣла послѣ наслѣдства. До сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ она приходилась сродни покойному генералу Крахоткину. Я всегда былъ увѣренъ, что это родство —выдумка генеральши, желавшей овладѣть Татьяной Ивановной и, во что-бы ни стало, женить дядю на ея деньгахъ. Господинъ Бахчеевъ былъ правъ, говоря о кунцонѣ, доведшемъ Татьяну Ивановну до послѣдней точки; а мысль дяди, послѣ извѣстія о ея побѣгѣ съ Обноскинымъ, бѣжать за ней и воротить ее, хоть насильно, была самая раціональная. Бѣднячка не способна была жить безъ опеки и тотчасъ-же погибла-бы, если-бъ попалась къ недобрымъ людямъ.

Былъ часъ десятый, когда мы пріѣхали въ Мишино. Это была бѣдная, маленькая деревенька, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги и стоявшая въ какой-то ямѣ. Шесть или семь крестьянскихъ избъ, законтѣлыхъ, покривившихся на бокъ и едва прикрытыхъ почернѣвшею соломою, какъ-то грустно и непривѣтливо смотрѣли на проѣзжаго. Ни садика, ни кустика не было кругомъ на четверть версты. Только одна старая ракита свѣсилась и дремала надъ зеленоватой лужей, называвшейся прудомъ. Такое новоселье, вѣроятно, не могло произвесть отраднаго впечатлѣнія на Татьяну Ивановну. Барская усадьба состояла изъ новаго, длиннаго и узкаго сруба, съ шестью окнами въ рядъ и крытаго, на скорую руку, соломой. Чиновникъ-помѣщикъ только что начиналъ хозяйничать. Даже дворъ еще не былъ огороженъ заборомъ, и только съ одной стороны начинался новый плетень, съ котораго еще не успѣли осыпаться высохшіе, орѣховые листья. У плетня стояла тарантасъ Обноскина. Мы упали на виноватыхъ, какъ снѣгъ на голову. Изъ раскрытаго окна слышались крики и плачъ.

Встрѣтившійся намъ въ сѣняхъ босоногій мальчикъ ударился отъ насъ бѣжать, сломя голову. Въ первой-же комнатѣ, на ситцевомъ, длинномъ турецкомъ диванѣ, безъ спинки, возсѣдала заплаканная Татьяна Ивановна. Увидѣвъ насъ, она взвизгнула и закрылась ручками. Возлѣ нея стоялъ Обноскинъ, испуганный и сми-

фужеиный до жалости. Онъ до того потерялся, что бросился пожимать намъ руки, какъ будто обрадовавшись нашему пріѣзду. Изъ-за пріотворенной въ другую комнату двери выглядывало чье-то дамское платье: кто-то подслушивалъ и подглядывалъ въ незамѣтную для насъ щелочку. Хозяева не явились: казалось, ихъ и въ домѣ не было; всѣ куда-то попрятались.

— Вотъ она, путешественница! Еще и ручками закрывается! вскричалъ господинъ Бахчеевъ, вваливаясь за нами въ комнату.

— Остановите вашъ восторгъ, Степанъ Алексѣевичъ! Это, наконецъ, неприлично. Имѣетъ право теперь говорить одинъ только Егоръ Ильичъ, а мы здѣсь совершенно посторонніе, рѣзко замѣтилъ Мизинчиковъ.

Дядя, бросивъ строгій взглядъ на господина Бахчеева, и какъ будто совсѣмъ не замѣчая Обноскина, бросившагося къ нему съ рукопожатіями, подошелъ къ Татьянѣ Ивановнѣ, все еще закрывавшейся ручками, и самымъ мягкимъ голосомъ, съ самымъ непритворнымъ участіемъ, сказалъ ей:

— Татьяна Ивановна! Мы всѣ такъ любимъ и уважаемъ васъ, что сами пріѣхали узнать о вашихъ намѣреніяхъ. Угодно вамъ будетъ ѣхать съ нами въ Степанчиково? Ильюша именинникъ. Маменька васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, а Сашурка съ Настей ужъ вѣрно проплакали о васъ цѣлое утро...

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, посмотрѣла на него сквозь пальцы и, вдругъ залившись слезами, бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, увезите, увезите меня отсюда скорѣе! говорила она, рыдая:—скорѣе, какъ можно скорѣе!

— Разекалась, да и сбрендила! прошипѣлъ Бахчеевъ, подталкивая меня рукою.

— Значитъ, все кончено, сказалъ дядя, сухо обращаясь къ Обноскину и почти не глядя на него. — Татьяна Ивановна, пожалуйте вашу руку. Ѣдемъ!

За дверьми послышался шорохъ; дверь скрипнула и пріотворилась еще болѣе.

— Однако-жъ, если судить съ другой точки зрѣнія, замѣтилъ Обноскинъ, съ безпокойствомъ поглядывая на пріотворенную дверь:— то посудите сами, Егоръ Ильичъ... вашъ поступокъ въ моемъ домѣ... и, наконецъ, я вамъ кланяюсь, а вы даже не хотѣли мнѣ и поклониться, Егоръ Ильичъ...

— Вашъ поступокъ въ *моемъ* домѣ, сударь, былъ скверный поступокъ, отвѣчалъ дядя, строго взглянувъ на Обноскина:— а это и домъ-то не вашъ. Вы слышали: Татьяна Ивановна не хочетъ

оставаться здѣсь ни минуты. Чего-же вамъ болѣе? Ни слова — слышите, ни слова больше, прошу васъ! Я чрезвычайно желаю избѣжать дальнѣйшихъ объясненій. да и вамъ это будетъ выгоднѣе.

Но тутъ Обноскинъ до того упалъ духомъ. что наговорилъ самой неожиданной дряни.

— Не презирайте меня, Егоръ Ильичъ:—началъ онъ полушепотомъ, чуть не плача отъ стыда и поминутно оглядываясь на дверь. вѣроятно. изъ боязни, чтобъ тамъ не услышали: —это все не я, а маменька. Я не изъ интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ; я только такъ это сдѣлалъ; я, конечно, и для интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ... но я съ благородною цѣлью это сдѣлалъ. Егоръ Ильичъ, я-бы употребилъ съ пользою капиталъ-съ... я-бы помогалъ бѣдными. Я хотѣлъ тоже способствовать движенію современнаго просвѣщенія и мечталъ даже учредить стипендію въ университетѣ... Вотъ, какой оборотъ я хотѣлъ дать моему богатству, Егоръ Ильичъ; а не то, чтобъ что-нибудь, Егоръ Ильичъ...

Всѣмъ намъ вдругъ сдѣлалось чрезвычайно совѣстно. Даже Мизинчиковъ покраснѣлъ и отвернулся, а дядя такъ сконфузился, что ужь не зналъ, что̀ и сказать.

— Ну, ну, полно, полно! проговорилъ онъ. наконецъ.—Успокойся, Павелъ Семенычъ. Что̀-жь дѣлать! Со всякимъ случается... Если, хочешь. пріѣзжай, братъ, обѣдать... а я радъ, радъ...

Но не такъ поступилъ господинъ Бахчеевъ.

— Стипендію учредить! заревѣлъ онъ съ яростью:—таковскій. чтобъ учредилъ! Небось, самъ радъ сорвать со всякаго встрѣчнаго... Штанишекъ нѣтъ. а туда-же, въ стипендію какую-то лѣзетъ! Ахъ ты лоскутникъ, лоскутникъ! Вотъ тебѣ и покорилъ нѣжное сердце! А гдѣ-жь она, родительница-то? Али спряталась? Не я буду, если не сидитъ гдѣ-нибудь тамъ, за ширмами, — али подъ кровать, со страха, залѣзла...

— Степанъ, Степанъ!.. закричалъ дядя.

Обноскинъ всхныхнулъ и готовился было протестовать; но. прежде чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, дверь отворилась, и сама Анфиса Петровна, раздраженная, съ сверкавшими глазами, покраснѣвшая отъ злости, влетѣла въ комнату.

— Это что? закричала она:—что это здѣсь происходитъ? Вы, Егоръ Ильичъ, врываетесь въ благородный домъ съ своей ватагой. пугаете дамъ, распоряжаетесь!.. Да на что это похоже? Я еще не выжила изъ ума, слава Богу, Егоръ Ильичъ! А ты, пентюхъ! продолжала она вопить, набрасываясь на сына:—ты ужь и шони разпустилъ передъ ними! Твоей матери дѣлаютъ оскорбленіе въ ея-же

домѣ, а ты ротъ разинулъ! Какой ты порядочный молодой человѣкъ послѣ этого? Ты тряпка, а не молодой человѣкъ послѣ этого!

Ни вчерашняго нѣжничанья, ни модничанья, ни даже жеманства—ничего этого не было теперь у Анфисы Петровны. Это была настоящая фурія, фурія безъ маски.

Дядя, едва только увидѣлъ ее, поспѣшилъ схватить подъ руку Татьяну Ивановну и бросился было изъ комнаты; но Анфиса Петровна тотчасъ-же перегородила ему дорогу.

— Вы такъ не выйдете, Егоръ Ильичъ! затрещала она снова. — По какому праву вы уводите силой Татьяну Ивановну? Вамъ досадно, что она избѣжала вашихъ гнусныхъ сѣтей, которыми вы опутали ее вмѣстѣ съ вашей маменькой и съ дуракомъ Фомою Фомичомъ! Вамъ хотѣлось-бы самому жениться изъ гнуснаго интереса. Извините-съ, здѣсь благородные думаютъ! Татьяна Ивановна, видя, что противъ нея у васъ замышляютъ, что ее губятъ, сама вѣрилась Навлушѣ. Она сама просила его, такъ сказать, спасти ее отъ вашихъ сѣтей; она принуждена была бѣжать отъ васъ ночью—вотъ какъ-съ! Вотъ вы до чего ее довели! Такъ-ли, Татьяна Ивановна? А если такъ, то какъ смѣете вы врываться, цѣлой шайкой, въ благородный дворянскій домъ и силою увозить благородную дѣвицу, не смотря на ея крики и слезы? Я не позволю! Не позволю! Я не сошла съ ума!.. Татьяна Ивановна останется, потому такъ хочетъ! Пойдемте, Татьяна Ивановна, нечего ихъ слушать: это враги ваши, а не друзья! Не робѣйте, пойдемте! Я ихъ тотчасъ-же провожу!..

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала испуганная Татьяна Ивановна:—я не хочу, не хочу! Какой онъ мужъ? Я не хочу выходить замужъ за вашего сына! Какой онъ мнѣ мужъ?

— Не хотите? взвизгнула Анфиса Петровна, задыхаясь отъ злости,—не хотите? Пріѣхали, да и не хотите? Въ такомъ случаѣ, какъ-же вы смѣли обманывать насъ? Въ такомъ случаѣ, какъ-же вы смѣли обѣщать ему, бѣжали съ нимъ ночью, сами навязывались, ввели насъ въ недоумѣніе, въ расходы? Мой сынъ, можетъ быть, благородную партію потерялъ изъ-за васъ!.. Онъ, можетъ быть, десятки тысячъ приданаго потерялъ изъ-за васъ!.. Нѣтъ-съ! Вы заплатите, вы должны теперь заплатить: мы доказательства имѣемъ: вы ночью бѣжали...

Но мы не дослушали этой тирады. Всѣ разомъ, сгруппировавшись около дяди, мы двинулись впередъ, прямо на Анфису Петровну, и вышли на крыльцо. Тотчасъ-же подали коляску.

— Такъ дѣлаютъ одни только безчестные люди, одни подлецы! кричала Анфиса Петровна съ крыльца, въ совершенномъ изступ-

ліеніи.—Я бумагу подамъ! Вы заплатите... вы ѣдете въ безчестный домъ, Татьяна Ивановна! Вы не можете выйдти замужъ за Егора Ильича: онъ, подъ-носомъ у васъ, держитъ свою гувернантку на содержаніи!..

Дядя задрожалъ, побѣдѣлъ, закусилъ губу и бросился усаживать Татьяну Ивановну. Я занелъ съ другой стороны коляски и ждалъ своей очереди садиться, какъ вдругъ очутился подлѣ меня Обноскинъ и схватилъ меня за руку.

— Но крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ искать вашей дружбы! сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку и съ какимъ-то отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Какъ это, дружбы? сказалъ я, занося ногу на подножку коляски.

— Такъ-съ! Я еще вчера отличилъ въ васъ образованнѣйшаго человѣка. Не судите меня... Меня собственно обольстила маменька, а я тутъ совсѣмъ въ сторонѣ. Я болѣе имѣю наклонности къ литературѣ — увѣряю васъ; а это все маменька...

— Вѣрю, вѣрю, сказалъ я: — прощайте!

Мы усѣлись, и лошади поскакали. Крики и проклятія Анфисы Петровны еще долго звучали намъ вслѣдъ, а изъ всѣхъ оконъ дома вдругъ высунулись чьи-то неизвѣстныя лица и смотрѣли на насъ съ дикимъ любопытствомъ.

Въ коляскѣ помѣщалось теперь насъ пятеро; но Мизинчиковъ пересѣлъ на-козла, уступивъ свое прежнее мѣсто господину Бахчееву, которому пришлось теперь сидѣть прямо противъ Татьяны Ивановны. Татьяна Ивановна была очень довольна, что мы ее увезли, но все еще плакала. Дядя, какъ могъ, утѣшалъ ее. Самъ-же онъ былъ грустенъ и задумчивъ: видно было, что обѣщеныя слова Анфисы Петровны о Настенькѣ тяжело и больно отозвались въ его сердцѣ. Впрочемъ, обратный путь нашъ кончился-бы безъ всякой тревоги, если-бъ только не было съ нами господина Бахчеева.

Усѣвшись напротивъ Татьяны Ивановны, онъ сталъ точно самъ не свой; онъ не могъ смотрѣть равнодушно; ворочался на своемъ мѣстѣ, краснѣлъ, какъ ракъ, и страшно вращалъ глазами: особенно, когда дядя начиналъ утѣшать Татьяну Ивановну, толстякъ рѣшительно выходилъ изъ себя и ворчалъ, какъ бульдогъ, котораго дразнятъ. Дядя съ опасеніемъ на него поглядывалъ. Наконецъ, Татьяна Ивановна, замѣтивъ необыкновенное состояніе души своего визави, стала пристально въ него всматриваться: потомъ посмотрѣла на насъ, улыбнулась и вдругъ, схвативъ свою оморельку, граціозно ударила ею слегка господина Бахчеева по плечу.

— Безумецъ! проговорила она съ самой очаровательной игривостью и тотчасъ-же закрылась вѣеромъ.

Эта выходка была каплей, переполнившей сосудъ.

— Что-о-о? заревѣлъ толстякъ: —что такое, мадамъ? Такъ ты ужъ и до меня добираешься!

— Безумецъ! Безумецъ! — повторила Татьяна Ивановна, и вдругъ захохотала и захлопала въ ладоши.

— Стой! закричалъ Бахчеевъ кучеру: — стой!

Остановились. Бахчеевъ отворилъ дверцу и поспѣшно началъ вылѣзать изъ коляски.

— Да что съ тобой, Степанъ Алексѣичъ? Куда ты? вскричалъ изумленный дядя.

— Нѣтъ, ужъ довольно съ меня! отвѣчалъ толстякъ, дрожа отъ негодованія: —прокисай все на свѣтѣ! Устарѣлъ я, мадамъ, чтобъ ко мнѣ съ амурами подъѣзжать. Я, матушка, лучше ужъ на большой дорогѣ помру! Прощай, мадамъ, команъ-ву-порте-ву!

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, пошелъ пѣшкомъ. Коляска поѣхала за нимъ шагомъ.

— Степанъ Алексѣевичъ! кричалъ дядя, выходя, наконецъ, изъ терпѣнія: — не дурачься, полно, садись! Вѣдь домой пора!

— И ну васъ! проговорилъ Степанъ Алексѣевичъ, задыхаясь отъ ходьбы, потому что, по толстотѣ своей, совсѣмъ разучился ходить.

— Пошелъ во весь опоръ! закричалъ Мизинчиковъ кучеру.

— Что ты, что ты, постой!.. вскричалъ было дядя, но коляска уже помчалась. Мизинчиковъ не ошибся: немедленно получились желаемые плоды.

— Стой! Стой! раздался позади насъ отчаянный вопль, — стой, разбойникъ! Стой, душегубецъ ты этакой!..

Толстякъ, наконецъ, явился, усталый, полузадохшійся, съ каплями пота на лбу, развязавъ галстукъ и снявъ картузъ. Молча и мрачно влѣзъ онъ въ коляску, и въ этотъ разъ я уступилъ ему свое мѣсто; но крайней мѣрѣ, онъ сидѣлъ не напротивъ Татьяны Ивановны, которая въ продолженіе всей этой сцены покатывалась со смѣху, била въ ладоши и во весь остальной путь не могла смотрѣть равнодушно на Степана Алексѣевича. Онъ-же, съ своей стороны, до самаго дома, не промолвилъ ни единаго слова и упорно смотрѣлъ какъ вертѣлось заднее колесо коляски.

Былъ уже полдень, когда мы воротились въ Степанчиково. Я прямо пошелъ въ свой флигель, куда тотчасъ-же явился Гаврила съ чаемъ. Я бросился было разспрашивать старика, но, почти вслѣдъ за нимъ, вошелъ дядя и тотчасъ-же выслалъ его.

II.

Новости.

— Я брать, къ тебѣ на минутку, началъ онъ торопливо:— спѣшилъ сообщить... Я уже все разузналъ. Никто изъ нихъ сегодня даже у обѣдни не былъ, кромѣ Илюши, Сани да Настеньки. Маменька, говорятъ, была въ судорогахъ. Оттирали; насилу оттерли. Теперь положено собираться къ Ѳомѣ и меня зовутъ. Не знаю только, поздравлять или нѣтъ Ѳому съ именинами-то,—важный пунктъ! И, наконецъ, какъ-то они примутъ весь этотъ пассажъ? Ужасъ, Сережа, я ужъ предчувствую...

— Напротивъ, дядюшка,—заспѣшилъ я, въ свою очередь:— все превосходно устраивается. Вѣдь ужъ теперь вамъ никакъ нельзя жениться на Татьянѣ Ивановнѣ,— это одно чего стоитъ! Я вамъ еще дорогою это хотѣлъ объяснить.

— Такъ, такъ, другъ мой. Но все это не то; во всемъ этомъ, конечно, перстъ Божій, какъ ты говоришь; но я не про то... Бѣдная Татьяна Ивановна! Какіе, однако-жъ, съ ней пассажи случаются!.. Подлецъ, подлецъ Обноскинъ! А впрочемъ, что-жъ я говорю: «подлецъ»? Я развѣ не тоже-бы самое сдѣлалъ, женясь на ней?.. Но, впрочемъ, я все не про то... Слышалъ ты, что кричала давеча эта негодяйка, Анфиса, про Настю?

— Слышалъ, дядюшка. Догадались-ли вы теперь, что надо спѣшить?

— Непремѣнно, и во что-бы ни стало! отвѣчалъ дядя.—Торжественная минута наступила. Только мы, братъ, объ одномъ вчера съ тобой не подумали, а я послѣ всю ночь продумалъ: пойдетъ-ли она-то за меня,—вотъ что?

— Помилосердуйте, дядюшка! Когда сама сказала, что любитъ...

— Другъ ты мой, да вѣдь тутъ-же прибавила, что ни за что не выйду за васъ».

— Эхъ, дядюшка! Это такъ только говорится, къ тому-же, и обстоятельства сегодня не тѣ.

— Ты думаешь? Нѣтъ, братъ Сергѣй, это дѣло деликатное, ужасно деликатное! Гм!.. А знаешь, хоть и тосковалъ я, а какъ-то всю ночь сердце сосало отъ какого-то счастія!.. Ну, прощай, лечу. Ждутъ: я ужъ и такъ опоздалъ. Только такъ забѣжалъ, слово съ тобой перебросить. Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ, воз-

вращаясь:—главное-то я и забылъ! Знаешь что: вѣдь я ему написалъ, Ѳомѣ-то!

— Когда?

— Ночью: а утромъ, чѣмъ свѣтъ, и письмо отослалъ съ Видоплясовымъ. Я, братецъ, все изобразилъ, на двухъ листахъ, все разсказалъ, правдиво и откровенно, — словомъ, что я долженъ, то есть, непремѣнно долженъ — понимаешь? сдѣлать предложеніе Настенькѣ. Я умолялъ его не разглашать о свиданіи въ саду и обращался ко всему благородству его души, чтобъ помочь мнѣ у маменьки. Я, братъ, конечно, худо написалъ, но я написалъ отъ всего моего сердца и, такъ сказать, облилъ моими слезами...

— И что-жь? Никакого отвѣта?

— Покамѣсть еще нѣтъ; только давеча, когда мы собрались въ погоню, встрѣтилъ его въ сѣняхъ, по ночному, въ туфляхъ и въ колпакѣ, — онъ спитъ въ колпакѣ, — куда-нибудь выходилъ. Ни слова не сказалъ, даже не взглянулъ. Я заглянулъ ему въ лицо, этакъ снизу, — ничего!

— Дядюшка, не надѣйтесь на него: нагадитъ онъ вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не говори! вскричалъ дядя, махая руками: — я увѣренъ. Къ тому-же, вѣдь, это ужь послѣдняя надежда моя. Онъ пойметъ; онъ оцѣнитъ. Онъ брюзгливъ, капризенъ—не спорю; но когда дѣло дойдетъ до высшаго благородства, тутъ-то онъ и засіяетъ, какъ перлъ... именно, какъ перлъ. Это ты все оттого, Сергѣй, что ты еще не видалъ его въ самомъ высшемъ благородствѣ... Но, Боже мой! Если онъ въ самомъ дѣлѣ разгласитъ вчерашнюю тайну, то... Я ужь и не знаю, что тогда будетъ, Сергѣй! Чему-же останется вѣрить на свѣтѣ? Но, нѣтъ, онъ не можетъ быть такимъ подлецомъ. Я подметки его не стою! Не качай головой, братецъ: эта правда — не стою.

— Егоръ Ильичъ! маменька объ васъ безпокоются-съ, — раздался внизу непріятный голосъ дѣвицы Перепелицыной, которая, вѣроятно, успѣла подслушать въ открытое окно весь нашъ разговоръ. — Васъ по всему дому ищутъ-съ и не могутъ васъ найти-съ.

— Боже мой, опоздалъ! Бѣда! всполошился дядя. — Другъ мой, ради Христа, одѣвайся и приходи туда! Я вѣдь за этимъ и забѣжалъ къ тебѣ, чтобъ вмѣстѣ пойдти... Бѣгу, бѣгу, Анна Ниловна, бѣгу!

Оставшись одинъ, я вспомнилъ о моей встрѣчѣ давеча съ Настенькой и былъ очень радъ, что не разсказалъ о ней дядѣ: я-бы разстроилъ его еще болѣе. Предвидѣлъ я большую грозу и не могъ понять, какимъ образомъ дядя устроитъ свои дѣла и сдѣлаетъ пред-

ложеніе Настенькѣ. Повторяю: не смотря на всю вѣру въ его благородство, я по неволѣ сомнѣвался въ успѣхѣ.

Однако-жь, надо было спѣшить. Я считалъ себя обязанным помогать ему и тотчасъ-же началъ одѣваться; но, какъ ни спѣшилъ, желая одѣться получше, замѣшкался. Вошелъ Мизинчиковъ.

— Я за вами, сказалъ онъ: — Егоръ Ильичъ васъ проситъ немедленно.

— Идемъ!

Я уже былъ совсѣмъ готовъ. Мы пошли.

— Что тамъ новаго? спросилъ я дорогою.

— Всѣ у Ѳомы, въ сборѣ, отвѣчалъ Мизинчиковъ, — Ѳома не капризничаетъ, что-то задумчивъ и мало говоритъ, сквозь зубы цѣдитъ. Даже поцѣловалъ Илюшу, что, разумѣется, привело въ восторгъ Егора Ильича. Еще давеча черезъ Перепелицыну объявилъ, чтобъ не поздравляли его съ именинами, и что онъ только хотѣлъ испытать... Старуха хоть и нюхаетъ спирть, но успокоилась, потому что Ѳома покоенъ. О нашей исторіи никто не полслова, какъ будто ея и не было: молчатъ, потому что Ѳома молчитъ. Онъ все утро не пускалъ къ себѣ никого, хотя старуха давеча безъ насъ всѣми святыми молила, чтобъ онъ къ ней пришелъ для совѣщанія, да и сама ломилась къ нему въ дверь; но онъ запершя и отвѣчалъ, что молится за родъ человѣческій, или что-то въ этомъ родѣ. Онъ что-то затѣваетъ: по лицу видно. Но такъ какъ Егоръ Ильичъ ничего не въ состояніи узнать по лицу, то и находится теперь въ полномъ восторгѣ отъ кротости Ѳомы Ѳомича: настоящій ребенокъ! Илюша какіе-то стихи приготовилъ и меня послали за вами.

— А Татьяна Ивановна?

— Что Татьяна Ивановна?

— Она тамъ-же? Съ ними?

— Нѣтъ; она въ своей комнатѣ, сухо отвѣчалъ Мизинчиковъ. Отдыхаетъ и плачетъ. Можетъ быть, и стыдится. У ней, кажется, теперь эта... гувернантка. Что это? Гроза никакъ собирается. Смотрите, на небѣ-то!

— Кажется, гроза, отвѣчалъ я, взглянувъ на черньвшую на краю неба тучу.

Въ это время мы всходили на террасу.

— А признайтесь, каковъ Обноскинъ-то, — а? продолжалъ я, не могши утерпѣть, чтобъ не попытать на этомъ пунктѣ Мизинчикова.

— Не говорите мнѣ о немъ! Не поминайте мнѣ объ этомъ подлецѣ! вскричалъ онъ, вдругъ останавливаясь, покраснѣвъ и топнувъ ногою. — Дуракъ! Дуракъ! Погубить такое превосходное дѣло,

такую свѣтлую мысль! Послушайте: я, конечно, осель, что просмотрѣлъ его плутни.—я въ этомъ торжественно сознаюсь, и, можетъ быть, вы именно хотѣли этого сознанія. Но, клянусь вамъ, если-бъ онъ съумѣлъ все это обдѣлать какъ слѣдуетъ, я-бы, можетъ быть, и простилъ его! Дуракъ, дуракъ! И какъ держать, какъ терпять такихъ людей въ обществѣ! Какъ не ссылаютъ ихъ въ Сибирь на поселеніе, на каторгу! Но врутъ! Имъ меня не перехитрить! Теперь у меня, по крайней мѣрѣ, есть опытъ, и мы еще потягаемся. Я обдумываю теперь одну новую мысль... Согласитесь сами: неужели-жъ терять свое потому только, что какой-то посторонній дуракъ укралъ вашу мысль и не умѣлъ взяться за дѣло? Вѣдь это несправедливо! И, наконецъ, этой Татьянѣ непремѣнно надо выйдти замужъ—это ея назначеніе. И если ее до сихъ поръ еще никто не посадилъ въ домъ сумасшедшихъ, такъ это именно потому, что на ней еще можно было жениться. Я вамъ сообщу мою новую мысль...

— Но, вѣроятно, послѣ, прервалъ я его:—потому что мы вотъ и пришли.

— Хорошо, хорошо, послѣ! отвѣчалъ Мизинчиковъ, искрививъ свой ротъ судорожной улыбкой...—А теперь... Но куда-жъ вы? Говорю вамъ: прямо къ Ѳомѣ Ѳомичу! Идите за мной: вы тамъ еще не были. Увидите другую комедію... Такъ какъ ужъ дѣло пошло на комедіи...

III.

Илюша имянинникъ.

Ѳома занималъ двѣ большія и прекрасныя комнаты; онѣ были даже и отдѣланы лучше, чѣмъ всѣ другія комнаты въ домѣ. Полный комфортъ окружалъ великаго человѣка. Свѣжіе, красивые обои на стѣнахъ, шелковые пестрые занавѣсы у оконъ, ковры, трюмо, каминъ, мягкая, щегольская мебель—все свидѣтельствовало о нѣжной внимательности хозяевъ къ Ѳомѣ Ѳомичу. Горшки съ цвѣтами стояли на окнахъ и на мраморныхъ круглыхъ столикахъ передъ окнами. Посреди кабинета находился большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, весь заложенный книгами и рукописями. Прекрасная бронзовая чернильница и куча перьевъ, которыми завѣдывалъ Видоплясовъ — все это вмѣстѣ должно было свидѣтельствовать о тугихъ умственныхъ работахъ Ѳомы Ѳомича.

Скажу здѣсь кстати, что Ѳома, просидѣвъ здѣсь почти восемь лѣтъ, ровно ничего не сочинилъ путнаго. Впослѣдствіи, когда онъ отошелъ въ лучшую жизнь, мы разбирали оставшіяся послѣ него рукописи; всѣ онѣ оказались необыкновенною дрянью. Нашли, напримѣръ, начало историческаго романа, происходившаго въ Новгородѣ, въ VII столѣтіи; потомъ чудовищную поэму: «Анахоретъ на кладбищѣ», писанную бѣлыми стихами; потомъ, безсмысленное разсужденіе о значеніи и свойствѣ русскаго мужика и о томъ, какъ надо съ нимъ обращаться, и, наконецъ, повѣсть «Графиня Влонская», изъ великосвѣтской жизни, тоже неоконченную. Больше ничего не осталось. А между тѣмъ, Ѳома Ѳомичъ заставлялъ дядю тратить ежегодно большія деньги на выписку книгъ и журналовъ. Но многіе изъ нихъ оставались даже неразрѣзанными. Я-же, впослѣдствіи, не одинъ разъ, заставалъ Ѳому за Поль-де-Кокомъ, котораго онъ пряталъ при людяхъ куда-нибудь подальше. Въ задней стѣнѣ кабинета находилась стеклянная дверь, которая вела во дворъ дома.

Насъ дожидались. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, въ какомъ-то длинномъ, до пятъ, сюртукѣ, но все-таки безъ галстука. Былъ онъ дѣйствительно молчаливъ и задумчивъ. Когда мы вошли, онъ слегка поднялъ брови и пытливо взглянулъ на меня. Я поклонился: онъ отвѣчалъ мнѣ легкимъ поклономъ, впрочемъ довольно вѣжливымъ. Бабушка, видя, что Ѳома Ѳомичъ обошелся со мной благосклонно, съ улыбкою закивала мнѣ головою. Бѣдная, и не ожидала по утру, что ея нѣнечко такъ покойно приметъ извѣстіе о «пассажѣ» съ Татьяной Ивановной, и потому теперь чрезвычайно развеселилась, хотя утромъ съ ней дѣйствительно происходили корчи и обмороки. За стуломъ ея, по обыкновенію, стояла дѣвица Перепелицына, сложивъ губы въ ниточку, кисло и злобно улыбаясь и потирая свои костлявыя руки одну о другую. Возлѣ генеральши помѣщались двѣ постоянно безмолвныя старухи-приживалки, изъ благородныхъ. Была еще какая-то забредшая утромъ монашенка и одна сосѣдка-помѣщица, пожилая и тоже безъ рѣчей, забѣхавшая отъ обѣдни поздравить матушку-генеральшу съ праздникомъ. Тетушка Прасковья Ильинична уничтожилась гдѣ-то въ уголку, съ безпокойствомъ смотря на Ѳому Ѳомича и на маменьку. Дядя сидѣлъ въ креслѣ, и необыкновенная радость сіяла въ глазахъ его. Передъ нимъ стоялъ Илюша въ праздничной красной рубашечкѣ, съ завитыми кудряшками, хорошенькій, какъ ангельчикъ. Саша и Настенька тихонько отъ всѣхъ выучили его какимъ-то стихамъ, чтобъ обрадовать отца въ такой день успѣхами въ наукахъ. Дядя чуть не плакалъ отъ удовольствія: неожиданная кро-

тость Ѳомы, веселость генеральши, именины Илюши, стихи,—все это привело его въ настоящій восторгъ, и онъ торжественно просилъ послать за мной, чтобъ и я тоже поскорѣе раздѣлилъ всеобщее счастье и прослушалъ стихи. Саша и Настенька, вошедшія почти вслѣдъ за нами, стояли около Илюши. Саша поминутно смѣялась и въ эту минуту была счастлива, какъ дитя. Настенька, глядя на нее, тоже начала улыбаться, хотъ и вошла, за минуту назадъ, блѣдная и унылая. Она одна встрѣтила и успокоила Татьяну Ивановну, воротившуюся изъ путешествія, и до сихъ поръ просидѣла у ней на верху. Рѣзвый Илюша какъ будто тоже не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на своихъ учительницъ. Казалось, они всѣ трое приготовили какую-то пресмѣшную шутку, которую теперь и хотѣли разыграть... Я и забылъ про Бахчеева. Онъ сидѣлъ поодаль, на стулѣ, все еще сердитый и красный, молчалъ, дулся, сморкался и вообще игралъ довольно мрачную роль на семейномъ праздникѣ. Возлѣ него смѣнилъ Ежевикинъ: впрочемъ, онъ смѣнилъ и вездѣ, цѣловалъ ручки у генеральши и у пріѣзжей гостьи, нашептывалъ что-то дѣвицѣ Перепелицыной, ухаживалъ за Ѳомой Ѳомичемъ — словомъ, поспѣвалъ вездѣ. Онъ тоже съ великимъ сочувствіемъ ожидалъ Илюшиныхъ стиховъ и при входѣ моемъ бросился ко мнѣ съ поклонами, въ знакъ величайшаго уваженія и преданности. Вовсе не видно было, что онъ пріѣхалъ сюда защищать дочь и взять ее совсѣмъ изъ Степанчикова.

— Вотъ и онъ! радостно вскричалъ дядя, увидѣвъ меня, — Илюша, братъ, стихи приготовилъ — вотъ неожиданность, настоящій сюрпризъ! Я, братъ, пораженъ и нарочно за тобой послалъ, и стихи остановилъ до прихода... Садись-ка возлѣ! Послушаемъ. Ѳома Ѳомичъ, да ты ужъ признайся, братецъ, вѣдь ужъ вѣрно ты ихъ всѣхъ надумилъ, чтобъ меня, старика, обрадовать? Присягну, что такъ!

Если ужъ дядя говорилъ въ комнатѣ Ѳомы такимъ тономъ и голосомъ, то, казалось-бы, все обстояло благополучно. Но въ томъ-то и бѣда, что дядя не способенъ былъ ничего угадать по лицу, какъ выразился Мизинчиковъ; а взглянувъ на Ѳому, я какъ-то невольно согласился, что Мизинчиковъ правъ и что надо было чего-нибудь ожидать...

— Не безпокойтесь обо мнѣ, полковникъ, отвѣчалъ Ѳома слабымъ голосомъ, голосомъ человѣка, прощающаго врагамъ своимъ. — Сюрпризъ я, конечно, хвалю: это изображаетъ чувствительность и благонравіе вашихъ дѣтей. Стихи тоже полезны, даже для произношенія... Но я не стихами былъ занятъ это утро, Егоръ Ильичъ: я молился... вы это знаете... Впрочемъ, готовъ выслушать и стихи.

Между тѣмъ я поздравилъ Илюшу и поцѣловалъ его.

— Именно, Ѳома, извини! Я забылъ... хоть и увѣренъ въ твоей дружбѣ, Ѳома! Да поцѣлуй его еще разъ, Сережа! Смотри, какой мальчуганъ! Ну, начинай, Илюша! Про что это? Вѣрно какая-нибудь ода торжественная, изъ Ломоносова что-нибудь?

И дядя пріосанился. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ отъ нетерпѣнія и радости.

— Нѣтъ, папочка, не изъ Ломоносова, сказала Сашенька, едва подавляя свой смѣхъ: — а такъ какъ вы были военный и воевали съ непріятелями, то Илюша и выучилъ стихи про военное... Осаду Памбы, папочка.

— Осада Памбы? а! Не помню... Что это за Памба, ты знаешь, Сережа? Вѣрно, что-нибудь героическое.

И дядя пріосанился въ другой разъ.

— Говори, Илюша! скомандовала Сашенька.

— Девять лѣтъ, какъ Педро Гомецъ...

началъ Илюша маленькимъ, ровнымъ и яснымъ голосомъ, безъ запятыхъ и безъ точекъ, какъ обыкновенно сказываютъ маленькія дѣти заученные стихи—

Девять лѣтъ, какъ Педро Гомецъ
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питаясь,
И все войско дона-Педро,
Девять тысячъ кастильянцевъ,
Всѣ по данному обѣту
Ниже хлѣба не сѣдаютъ,
Пьютъ одно лишь молоко.

— Какъ! Что? Что это за молоко! вскричалъ дядя, смотря на меня въ изумленіи.

— Читай дальше, Илюша, вскричала Сашенька.

Всякій день донъ Педро Гомецъ
О своемъ безсильѣ плачетъ,
Закрываясь епанчею.
Настаетъ ужь годъ десятый;
Злые Мавры торжествуютъ;
А отъ войска дона Педро
Всего-на-всего осталось
Девятнадцать человѣкъ...

— Да это галиматья! вскричалъ дядя съ безпокойствомъ: — вѣдь это невозможное-же дѣло! Девятнадцать человѣкъ отъ всего

войска осталось, когда прежде былъ, даже и весьма значительный корпусъ! Что-жь, это, братецъ, такое?

Но тутъ Саша не выдержала и залилась самымъ откровеннымъ и дѣтскимъ смѣхомъ: и хоть смѣшнаго было вовсе немного, но не было возможности, глядя на нее, тоже не засмѣяться.

— Это, папочка, шуточные стихи, вскричала она, ужасно радуясь своей дѣтской затѣѣ:—это ужь нарочно такъ, самъ сочинитель сочинилъ, чтобъ всѣмъ смѣшно было, папочка.

— А! Шуточные! вскричалъ дядя, съ просіявшимъ лицомъ:—комическіе, то есть! То-то я смотрю... Именно, именно, шуточные! И пресмѣшно, чрезвычайно смѣшно: на молокѣ всю армію поморилъ, по обѣту какому-то! Очень надо было давать такіе обѣты! Очень остроумно—не правда-ль, Ѳома? Это, видите, маменька, такіе комическіе стихи, которые иногда пишутъ сочинители, — не правда-ли, Сергѣй, вѣдь пишутъ? Чрезвычайно смѣшно! Ну, ну, Илюша, что-жь дальше?

Девятнадцать человѣкъ!
Ихъ собралъ донъ-Петро Гомецъ
И сказалъ имъ: „Девятнадцать!
Разовьемъ свои знамена,
Въ трубы громкія взыграемъ
И, ударивши въ литавры,
Прочь отъ Памбы мы отступимъ!
Хоть мы крѣпости не взяли,
Но поклясться можемъ смѣло
Передъ совѣстью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами даннаго обѣта:
Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли,
Ничего не ѣли ровно,
Кромѣ только молока!“

— Экой фофанъ! Чѣмъ утѣшается, прервалъ опять дядя: — что девять лѣтъ молоко пилъ!.. Да какая-жь тутъ добродѣтель? Лучше-бы по цѣлому барану съѣлъ, да людей не морилъ! Прекрасно, превосходно! Вижу, вижу теперь: это сатира, или... какъ это тамъ называется, аллегорія, что-ль? И, можетъ быть, даже на какого-нибудь иностраннаго полководца, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, значительно сдвинувъ брови и прищуриваясь: — а? Какъ ты думаешь? Но только, разумѣется, невинная, благородная сатира, никого необижающая! Прекрасно! Прекрасно! И, главное, благородно! Ну, Илюша, продолжай! Ахъ, вы, шалуны, шалуны! прибавилъ онъ, съ чувствомъ смотря на Сашу и украдкой на Настеньку, которая краснѣла и улыбалась.

Ободренные сей рѣчью
Девятнадцать кастильянцевъ,
Всѣ качаяся на сѣдлахъ,
Въ голосъ слабо закричали:
„Санкто Яго Компостелло!
Честь и слава дону-Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!“
А капланъ его, Діего,
Такъ сказалъ себѣ сквозь зубы:
„Если бъ я былъ полководцемъ,
Я-бъ обѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
Запивая сантуринскимъ!“

— Ну, вотъ! Не тоже-ли я говорилъ? вскричалъ дядя, чрезвычайно обрадовавшись. — Одинъ только человѣкъ во всей арміи благоразумный нашелся, да и тотъ какой-то капланъ! Это кто-жь такой, Сергѣй: капитанъ ихній, что-ли?

— Монахъ, духовная особа, дядюшка.

— А, да, да! Каплань, капелланъ? Знаю, помню! Еще въ романахъ Радклифъ читалъ. Тамъ, вѣдь, у нихъ разные ордена, что-ли?.. Бенедиктинцы, кажется... Есть бенедиктинцы-то?..

— Есть, дядюшка.

— Гм!.. Я такъ и думалъ. Ну, Илюша, что-жь дальше? Прекрасно, превосходно!

И, услышавъ то, донъ-Педро
Произнесъ со громкимъ смѣхомъ:
„Подарить ему барана;
Онъ изрядно подшутилъ!..“

— Нашелъ время хохотать! Вотъ дуракъ-то! Самому, наконецъ, смѣшно стало! Барана! Стало быть, были-же бараны; чего-жь онъ самъ-то не ѣлъ? Ну, Илюша, дальше! Прекрасно, превосходно! Необыкновенно колко!

— Да ужь кончено, папочка!

— А! Кончено! Въ самомъ дѣлѣ, чего-жь больше оставалось и дѣлать — не правда-ль, Сергѣй? Превосходно, Илюша! Чудо, какъ хорошо! Поцѣлуй меня, голубчикъ! Ахъ ты мой милый! Да кто именно его надоумилъ: ты, Саша?

— Нѣтъ, это Настенька. Намедни мы читали. Она прочла, да и говоритъ: «Какіе смѣшные стихи! Вотъ будетъ Илюша именинникъ: заставимъ его выучить, да разсказать. То-то смѣху будетъ!»

— Такъ это Настенька? Ну, благодарю, благодарю, пробормоталъ дядя, вдругъ весь покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Поцѣлуй меня

ещe разъ, Илюша! Поцѣлуй меня и ты. шалунья. сказалъ онъ, обнимая Сашеньку и съ чувствомъ смотря ей въ глаза.

— Вотъ подожди, Сашурка. и ты будешь имяниница, прибавилъ онъ, какъ будто не зная, что и сказать больше отъ удовольствія.

Я обратился къ Настенькѣ и спросилъ ее: чьи стихи?

— Да, да. чьи стихи? вскользнулся дядя.—Должно быть, умный поэтъ написалъ, — неправда-ль, Ѳома?

— Гм!.. промычалъ Ѳома подъ носъ.

Во все время чтенія стиховъ блкая, насмѣшливая улыбка не покидала губъ его.

— Я, право, забыла, отвѣчала Настенька, робко взглядывая на Ѳому Ѳомича.

— Это господинъ Кузьма Прутковъ написалъ. маточка, въ «Современникѣ» напечатано. выскочила Сашенька.

— Кузьма Прутковъ! Не знаю. проговорилъ дядя. —Вотъ Пушкина такъ знаю!.. Впрочемъ. видно, что поэтъ съ достоинствами— не правда-ль, Сергѣй? И, сверхъ того. благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ — это ясно, какъ два пальца! Даже, можетъ быть, изъ офицеровъ... Хвалю! А превосходный журналъ «Современникъ»! Непремѣнно надо подписаться, коли все такіе поэты участвуютъ... Люблю поэтовъ! Славные ребята! Все въ стихахъ изображаютъ! Помнишь. Сергѣй. я видѣлъ у тебя, въ Петербургѣ, одного литератора. Еще какой-то у него носъ особенный... право!.. Что ты сказалъ, Ѳома?

Ѳома Ѳомичъ. котораго разбиралo все болѣе и болѣе, громко захихикалъ.

— Нѣтъ, я такъ... ничего-съ... проговорилъ онъ, какъ-бы съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Продолжайте. Егоръ Ильичъ, продолжайте! Я послѣ мое слово скажу... Вотъ и Степанъ Алексѣичъ съ удовольствіемъ слушаетъ про знакомства ваши съ петербургскими литераторами...

Степанъ Алексѣевичъ, все время сидѣвшій поодаль, въ задумчивости, вдругъ поднялъ голову, покраснѣлъ и оскорбленно повернулся въ креслѣ.

— Ты, Ѳома, меня не задирай, а въ покоѣ оставь! сказалъ онъ, гнѣвно смотря на Ѳому своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Мнѣ что твоя литература? Дай только Богъ мнѣ здоровья, пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ:—а тамъ хоть-бы всѣхъ... и съ сочинителями-то... вольтерьянцы, только и есть!

— Сочинители вольтерьянцы-съ? проговорилъ Ежевикинъ, немедленно очутившись подлѣ господина Бахчеева. — Совершенную

правду изволили изложить, Степанъ Алексѣичъ. Такъ и Валентинъ Игнатьичъ отзываться намедни изволили. Меня самаго вольтерьянцемъ обозвали — ей Богу-съ! А вѣдь я, всѣмъ извѣстно, такъ еще мало написалъ-съ... то есть крынка молока у бабы скиснетъ, — все господинъ Вольтеръ виноватъ! Все у насъ такъ-съ.

— Ну, нѣтъ! замѣтилъ дядя, съ важностью: — это вѣдь заблужденіе! Вольтеръ былъ только острый писатель: смѣялся надъ предубѣжденіями; а вольтерьянцемъ никогда не бывалъ! Это все про него враги распустили. За что-жь, въ самомъ дѣлѣ, все на него, бѣдняка?..

Снова раздалось ядовитое хихиканье Ѳомы Ѳомича. Дядя съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него и примѣтно сконфузился.

— Нѣтъ, я, видишь, Ѳома, все про журналы, проговорилъ онъ съ смущеніемъ, желая какъ-нибудь поправиться.—Ты, братъ, Ѳома, совершенно былъ правъ, когда, намедни, внушалъ, что надо подписываться. Я и самъ думаю, что надо!.. Гм... что-жь, въ самомъ дѣлѣ, просвѣщеніе распространяютъ! Не то, какой-же будешь сынъ отечества, если ужь на это не подписаться? Не правда-ль, Сергѣй? Гм!.. Да!.. Вотъ хоть «Современникъ»... Но знаешь, Сережа, самыя сильныя науки, по моему, въ томъ толстомъ журналѣ, какъ бишь его? Еще въ желтой оберткѣ...

— «Отечественныя Записки», паночка.

— Ну да, «Отечественныя Записки», и превосходное названіе, Сергѣй,—не правда-ли? Такъ сказать, все отечество сидитъ, да записываетъ... Благородивѣйшая цѣль! Преполезный журналъ! И какой толстый! Поди-ка, издай такой дилижансъ! А науки такія, что глаза изо лба чуть не выскочатъ... Намедни прихожу — лежитъ книга; взялъ, изъ любопытства, развернулъ, да три страницы разомъ и отмахалъ. Просто, братъ, ротъ разинулъ! И знаешь, обо всемъ толкованіе: что, напримѣръ, значитъ метла, допата, чумичка, ухватъ? По моему, метла, такъ метла и есть: ухватъ, такъ и есть ухватъ! Нѣтъ, братъ, подожди! Ухватъ-то выходитъ, по ученому, не ухватъ, а эмблема, или миѳологія, что-ли, какая-то, ужъ не помню что, а только что-то такое вышло... Вотъ оно какъ! До всего дошли!

Не знаю, что̀ именно приготовлялся сдѣлать Ѳома послѣ этой новой выходки дяди, но въ эту минуту появился Гаврила и, понуривъ голову, сталъ у порога.

Ѳома Ѳомичъ значительно взглянулъ на него.

— Готово, Гаврила? спросилъ онъ слабымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Готово-съ, грустно отвѣчалъ Гаврила и вздохнулъ.

— И узелокъ мой положилъ на телѣгу?

— Положилъ-съ.

— Ну, такъ и я готовъ! сказалъ Ѳома и медленно приподнялся съ кресла. Дядя въ изумленіи смотрѣлъ на него. Генеральша вскочила съ мѣста и съ безпокойствомъ озиралась кругомъ.

— Позвольте мнѣ теперь, полковникъ, съ достоинствомъ началъ Ѳома:—просить васъ оставить на время интересную тэму о литературныхъ ухватахъ: вы можете продолжать ее безъ меня. Я-же, *прощаясь съ вами на вѣки*, хотѣлъ-бы вамъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ...

Испугъ и изумленіе оковали всѣхъ слушателей.

— Ѳома! Ѳома! Да что это съ тобою? Куда ты собираешься? вскричалъ, наконецъ, дядя.

— Я собраюсь покинуть вашъ домъ, полковникъ, проговорилъ Ѳома самымъ спокойнымъ голосомъ.—Я рѣшился идти куда глаза глядятъ, и потому нанялъ на свои деньги простую, мужичью телѣгу. На ней лежитъ теперь мой узелокъ; онъ не великъ: нѣсколько любимыхъ книгъ, двѣ перемѣны бѣлья—и только! Я бѣденъ, Егоръ Ильичъ, но ни за что на свѣтѣ не возьму теперь вашего золота, отъ котораго я еще и вчера отказался!..

— Но, ради Бога, Ѳома? Что-жь это значитъ? вскричалъ дядя, поблѣднѣвъ, какъ платокъ.

Генеральша взвизгнула и, въ отчаяніи, смотрѣла на Ѳому Ѳомича, протянувъ къ нему руки. Дѣвица Перепелицына бросилась ее поддерживать. Прижиганки окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Господинъ Бахчеевъ тяжело поднялся со стула.

— Ну, началась исторія! пропенталъ подлѣ меня Мизинчиковъ.

Въ эту минуту послышались отдаленные раскаты грома: начиналась гроза.

IV.

Изгнаніе.

— Вы, кажется, спрашиваете, полковникъ: «что это значитъ?» торжественно проговорилъ Ѳома, какъ-бы наслаждаясь всеобщимъ смущеніемъ. — Удивляюсь вопросу! Разъясните-же мнѣ, съ своей стороны, какимъ образомъ *вы* въ состояніи смотрѣть теперь мнѣ прямо въ глаза? Разъясните мнѣ эту послѣднюю психологическую задачу изъ человѣческаго безстыдства, и тогда я уйду, но

крайней мѣрѣ, обогащенный новымъ познаніемъ объ испорченности человѣческаго рода.

Но дядя не въ состояніи былъ отвѣчать: онъ смотрѣлъ на Ѳому испуганный и уничтоженный, раскрывъ ротъ, съ выкатившимися глазами.

— Господи! Какія страсти-съ! простонала дѣвица Перепелицына.

— Понимаете-ли, полковникъ, продолжалъ Ѳома: — что вы должны отпустить меня теперь, просто и безъ разспросовъ? Въ вашемъ домѣ даже я, человѣкъ пожилой и мыслящій, начинаю уже серьезно опасаться за чистоту моей нравственности. Повѣрьте, что ни къ чему не поведутъ разспросы, кромѣ вашего-же посрамленія.

— Ѳома! Ѳома!.. вскричалъ дядя, и холодный потъ показался на лбу его.

— И потому позвольте безъ объясненій сказать вамъ только нѣсколько прощальныхъ и напутственныхъ словъ, послѣднихъ словъ моихъ въ вашемъ, Егоръ Ильичъ, домѣ. Дѣло сдѣлано и его не воротишь! Я надѣюсь, что вы понимаете, про какое дѣло я говорю. Но умоляю васъ на колѣняхъ, если въ сердцѣ вашемъ осталось хоть искра нравственности, обуздайте стремленіе страстей своихъ! И если тлетворный ядъ еще не охватилъ всего зданія, то, по возможности, потушите пожаръ!

— Ѳома! Увѣряю тебя, что ты въ заблужденіи! вскричалъ дядя, мало по малу приходя въ себя и съ ужасомъ предчувствуя развязку.

— Умѣрьте страсти, продолжалъ Ѳома тѣмъ-же торжественнымъ тономъ, какъ будто и не слыхавъ восклицаній дяди: —побѣждайте себя. Если хочешь побѣдить весь міръ—побѣди себя! Вотъ мое всегдашнее правило. Вы помѣщикъ; вы должны-бы сіять какъ брильянтъ, въ своихъ помѣстьяхъ, и какой-же гнусный примѣръ необузданности подаете вы здѣсь своимъ низшимъ! Я молился за васъ цѣлыя ночи и трепеталъ, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашелъ его, ибо счастье заключается въ добродѣтели...

— Но это невозможно-же, Ѳома! снова прервалъ его дядя: — ты не такъ понялъ и не то совсѣмъ говоришь...

— И такъ, вспомните, что вы помѣщикъ, продолжалъ Ѳома, опять не слыхавъ восклицанія дяди.—Не думайте, чтобъ отдыхъ и сладострастіе были предназначеніемъ помѣщичьяго званія. Пагубная мысль! Не отдыхъ, а забота, и забота передъ Богомъ, царемъ и отечествомъ! Трудиться, трудиться обязанъ помѣщикъ, и трудиться, какъ послѣдній изъ крестьянъ его!

— Что-жь, я пахать за мужика, что-ли, стану? проворчалъ Бахчеевъ:—вѣдь и я помѣщикъ...

— Къ вамъ теперь обращаюсь, домашніе, продолжалъ Фома, обращаясь къ Гаврилѣ и Фалалею, появившемуся у дверей: — любите господъ вашихъ и исполняйте волю ихъ подобострастно и съ кротостью. За это возлюбятъ васъ и господа ваши. А вы, полковникъ, будьте къ нимъ справедливы и сострадательны. Тотъ-же человѣкъ—образъ Божій, такъ сказать, малолѣтный врученный вамъ, какъ дитя, царемъ и отечествомъ. Великъ долгъ, но велика и заслуга ваша!

— Фома Фомичъ! Голубчикъ! Что ты это задумалъ? въ отчаяніи прокричала генеральша, готовая упасть въ обморокъ отъ ужаса.

— Ну, довольно, кажется? заключилъ Фома, не обращая вниманія даже и на генеральшу.—Теперь о подробностяхъ: положимъ, онѣ мелки, но необходимы, Егоръ Ильичъ! Въ Харинской пустоши у васъ до сихъ поръ сѣно не скошено. Не опоздайте: скосите и скосите скорѣй. Таковъ совѣтъ мой...

— Но, Фома...

— Вы хотѣли — я знаю это, рубить зыряновскій участокъ лѣсу: не рубите — другой совѣтъ мой. Сохраните лѣса, ибо лѣса сохраняютъ влажность на поверхности земли... Жаль, что вы слишкомъ поздно посѣяли яровое: удивительно, какъ поздно сѣяли вы яровое!..

— Но, Фома...

— Но, однако-жь, довольно! Всего не передашь, да и не время! Я пришлю къ вамъ наставленіе письменное, въ особой тетрадкѣ. Ну, прощайте, прощайте всѣ. Богъ съ вами, и да благословитъ васъ Господь! Благословляю и тебя, дитя мое, продолжалъ онъ, обращаясь къ Илюшѣ: — и да сохранитъ тебя Богъ отъ плетвornаго яда будущихъ страстей твоихъ! Благословляю и тебя, Фалалей; забудь комариное!.. И васъ, и всѣхъ... Помните Фому... Ну, пойдемъ, Гаврила! Посади меня, старичокъ.

И Фома направился къ дверямъ. Генеральша взвизгнула и бросилась за нимъ.

— Нѣтъ, Фома! Я не пущу тебя такъ! вскричалъ дядя и, догнавъ его, схватилъ его за руку.

— Значитъ, вы хотите дѣйствовать насиліемъ? надменно спросилъ Фома.

— Да, Фома... и насиліемъ! отвѣчалъ дядя, дрожа отъ волненія. — Ты слишкомъ много сказалъ и долженъ разъяснить! Ты не такъ прочелъ мое письмо, Фома!..

— Ваше письмо! взвизгнулъ Ѳома, мгновенно воспламенясь, какъ будто именно ждалъ этой минуты для взрыва:—ваше письмо! Вотъ оно, ваше письмо! Вотъ оно! Я рву это письмо, я плюю на это письмо! Я топчу ногами своими ваше письмо и исполняю тѣмъ священнѣйшій долгъ человѣчества! Вотъ что я дѣлаю, если вы силой принуждаете меня къ объясненіямъ! Видите! Видите! Видите!..

И клочки бумаги разлетѣлись по комнатѣ.

— Повторяю, Ѳома, ты не понялъ! кричалъ дядя, багровѣя все болѣе и болѣе: —я предлагаю руку, Ѳома, я ищу своего счастья...

— Руку! Вы обольстили эту дѣвицу и надуваете меня, предлагая ей руку; ибо я видѣлъ васъ вчера съ ней ночью, въ саду, подъ кустами!

Генеральша вскрикнула и, въ изнеможеніи, упала въ кресло. Поднялась ужасная суматоха. Бѣдная Настенька сидѣла блѣдная, точно мертвая. Испуганная Сашенька, обхвативъ Плюшу, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Ѳома! вскричалъ дядя въ изступленіи: — Если ты распространишь эту тайну, то ты сдѣлаешь самый подлѣйшій поступокъ въ мірѣ!

— Я распространю эту тайну, визжалъ Ѳома:—и сдѣлаю благороднѣйшій изъ поступковъ! Я на то посланъ самимъ Богомъ, чтобъ изобличить весь міръ въ его пакостяхъ! Я готовъ взобраться на мужичью соломенную крышу и кричать оттуда о вашемъ гнусномъ поступкѣ всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и всѣмъ проѣзжающимъ!.. Да, знайте всѣ, всѣ, что вчера, ночью, я засталъ его съ этой дѣвицей, имѣющей наиневиннѣйшій видъ, въ саду, подъ кустами!..

— Ахъ, какой срамъ-съ! пронзила дѣвица Перепелицына.

— Ѳома! Не губи себя! кричалъ дядя, сжимая кулаки и сверкая глазами.

— ...А онъ, визжалъ Ѳома: — онъ, испугавшись, что я его увидѣлъ, осмѣлился завлекать меня лживымъ письмомъ, меня, честнаго и прямодушнаго, въ потворство своему преступленію —да, преступленію!.. ибо изъ наиневиннѣйшей досель дѣвицы вы сдѣлали...

— Еще одно оскорбительное для нея слово и,—я убью тебя, Ѳома, клянусь тебѣ въ этомъ!..

— Я говорю это слово, ибо изъ наиневиннѣйшей досель дѣвицы вы успѣли сдѣлать развратнѣйшую изъ дѣвицъ!

Едва только произнесъ Ѳома послѣднее слово, какъ дядя схватилъ его за плечи, повернулъ, какъ соломенку, и съ силою бросилъ его на стеклянную дверь, ведущую изъ кабинета во дворъ

дома. Ударъ былъ такъ силенъ, что притворенныя двери растворились настежь, и Фома, слетѣвъ кубаремъ по семи каменнымъ ступенькамъ, растянулся на дворѣ. Разбитыя стекла съ дребезгомъ разлетѣлись по ступенямъ крыльца.

— Гаврила, подбери его! — вскричалъ дядя, блѣдный какъ мертвецъ: — посади его на телѣгу, и чтобъ черезъ двѣ минуты духу его не было въ Степанчиковѣ!

Что-бы ни замышлялъ Фома Фомичъ, но ужь вѣрно не ожидалъ подобной развязки.

Не берусь описывать то, что было въ первыя минуты послѣ такого пассажа. Раздирающій душу вопль генеральши, покатившейся въ кресль; столбнякъ дѣвицы Перепелицыной передъ неожиданнымъ поступкомъ до сихъ поръ всегда покорнаго дяди: ахи и охи прижиналокъ; испуганная до обморока Настенька, около которой увивался отецъ; обезумѣвшая отъ страха Сашенька: дядя, въ невыразимомъ волненіи шагавшій по комнатѣ и дожидавшійся, когда очнется мать: наконецъ, громкій плачъ Фалалея, оплакивавшаго господъ своихъ,—все это составляло картину неизобразимую. Прибавлю еще, что въ эту минуту разразилась сильная гроза: удары грома слышались чаще и чаще, и крупный дождь застучалъ въ окна.

— Вотъ-те и праздничекъ! пробормоталъ господинъ Бахчеевъ, нагнувъ голову и растопыривъ руки.

— Дѣло худо! шепнулъ я ему, тоже внѣ себя отъ волненія:— но, по крайней мѣрѣ, прогнали Фомича и ужь не воротятъ.

— Маменька! Опомнились-ли вы? Легче-ли вамъ? Можете-ли вы, наконецъ, меня выслушать? спросилъ дядя, остановясь передъ кресломъ старухи.

Та подняла голову, сложила руки и съ умоляющимъ видомъ смотрѣла на сына, котораго еще никогда въ жизни не видала въ такомъ гнѣвѣ.

— Маменька! продолжалъ онъ: — чаша переполнена, вы сами видѣли. Не такъ хотѣлъ я изложить это дѣло, но часъ пробилъ, и откладывать нечего! Вы слышали клевету, выслушайте-же и оправданіе. Маменька, я люблю эту благородивѣйшую и возвышенивѣйшую дѣвицу, люблю давно и не разлюблю никогда. Она осчастливитъ дѣтей моихъ и будетъ для васъ самой почтительной дочерью, и потому теперь, при васъ, въ присутствіи родныхъ и друзей моихъ, я торжественно повергаю мою просьбу къ стопамъ ея и умоляю ее сдѣлать мнѣ безконечную честь, согласившись быть моею женою.

Настенька вздрогнула, потомъ вся вспыхнула и вскочила съ

кресла. Генеральша нѣкоторое время смотрѣла на сына, какъ будто не понимая, что такое онъ ей говоритъ, и вдругъ съ пронзительнымъ воплемъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Егорушка, голубчикъ ты мой, вороти Ѳому Ѳомича! закричала она:—сейчасъ вороти! Не то, я къ вечеру-же помру безъ него!

Дядя остолбенѣлъ, видя старуху-мать, своевольную и капризную, передъ собой на колѣняхъ. Болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ его; наконецъ, опомнившись, бросился онъ подымать ее и усаживать опять въ кресло.

— Вороти Ѳому Ѳомича, Егорушка! продолжала вопить старуха: —вороти его, голубчика! Жить безъ него не могу!

— Маменька! горестно вскричалъ дядя,—или вы ничего не слыхали изъ того, что я вамъ сейчасъ говорилъ? Я не могу воротить Ѳому—поймите это! Не могу и не въ правѣ, послѣ его низкой и подлѣйшей клеветы на этого ангела чести и добродѣтели. Понимаете-ли вы, маменька, что я обязанъ, что честь моя повелѣваетъ мнѣ теперь возстановить добродѣтель! Вы слышали: я прошу руки этой дѣвицы и умоляю васъ, чтобъ вы благословили союзъ нашъ.

Генеральша опять сорвалась съ своего мѣста и бросилась на колѣни передъ Настенькой.

— Матушка моя! Родная ты моя! завизжала она:—не выходи за него замужъ! Не выходи за него, а упроси его, матушка, чтобъ воротилъ Ѳому Ѳомича! Голубушка ты моя, Настасья Евграфовна! Все тебѣ отдамъ, всѣмъ тебѣ пожертвую, коли за него не выйдешь. Я еще не все, старуха, прожила, у меня еще остались крохи послѣ моего покойничка. Все твое, матушка, всѣмъ тебя одарю, да и Егорушка тебя одаритъ, только не клади меня живую во гробъ, упроси Ѳому Ѳомича воротить!..

И долго-бы еще выла и завывалась старуха, если-бъ Перепелицына и всѣ прижывалки съ визгами и стенаніями не бросились ее подымать, негодуя, что она на колѣняхъ передъ нанятой гувернанткой. Настенька едва устояла на мѣстѣ отъ испуга, а Перепелицына даже заплакала отъ злости.

— Смертью уморите вы маменьку-съ, кричала она дядѣ:—смертью уморятъ-съ! А вамъ, Настасья Евграфовна, не слѣдовало-бы ссорить маменьку-съ съ ихнимъ сыномъ-съ: это и Господь Богъ запрещаетъ-съ...

— Анна Ниловна, удержите языкъ! вскричалъ дядя. —Я довольно терпѣлъ!..

— Да и я довольно отъ васъ натерпѣлась. Что вы, сиротствомъ моимъ меня попрекаете-съ? Долго-ли обидѣть сироту? Я еще

не ваша раба-съ! Я сама подполковничья дочь-съ! Ноги моей не будетъ-съ въ вашемъ домѣ, не будетъ-съ... сегодня-же-съ!..

Но дядя не слушалъ: онъ подошелъ къ Настенькѣ и съ благоговѣніемъ взялъ ее за руку.

— Настасья Евграфовна! Вы слышали мое предложеніе? проговорилъ онъ, смотря на нее съ тоскою, почти съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ! Ужъ оставимъ лучше, отвѣчала Настенька, въ свою очередь, совершенно упавъ духомъ.—Это все пустое, продолжала она, сжимая его руки и заливаясь слезами.—Это вы послѣ вчерашняго такъ... но не можетъ этого быть, вы сами видите. Мы ошиблись, Егоръ Ильичъ... А я о васъ всегда буду помнить, какъ о моемъ благодѣтелѣ и... и вѣчно, вѣчно, буду молиться за васъ!..

Тутъ слезы прервали ея голосъ. Бѣдный дядя, очевидно, предчувствовалъ этотъ отвѣтъ: онъ даже и не думалъ возражать, настаивать... Онъ слушалъ, наклонясь къ ней, все еще держа ее за руку, безмолвный и убитый. Слезы показались въ глазахъ его.

— Я еще вчера сказала вамъ, продолжала Настя,—что не могу быть вашею женою. Вы видите: меня не хотятъ у васъ... а я все это давно, ужъ заранѣе, предчувствовала; маменька ваша не дастъ намъ благословленія... *другіе* тоже. Вы сами, хоть и не раскаетесь потомъ, потому что вы великодушнѣйшій человѣкъ, но все-таки будете несчастны изъ-за меня... съ вашимъ добрымъ характеромъ...

— Именно съ *добрымъ характеромъ-съ*! Именно *добрымъ-съ*! Такъ, Настенька, такъ! поддакнулъ старикъ-отецъ, стоявшій по другую сторону кресла:—именно, вотъ это-то вотъ словечко и надо было упомянуть-съ.

— Я не хочу чрезъ себя раздоръ поселять въ вашемъ домѣ, продолжала Настенька.—А обо мнѣ не безпокойтесь, Егоръ Ильичъ: меня никто не тронетъ, никто не обидитъ... я пойду къ папенькѣ... сегодня-же... Лучше ужъ простимся, Егоръ Ильичъ...

И бѣдная Настенька опять залилась слезами.

— Настасья Евграфовна! Неужели это послѣднее ваше слово? проговорилъ дядя, смотря на нее съ невыразимымъ отчаяніемъ.—Скажите одно только слово—и я жертвую вамъ всѣмъ!..

— Послѣднее, послѣднее. Егоръ Ильичъ-съ, подхватила опять Ежевикина:—и она вамъ такъ хорошо это все объяснила, что я даже, признаться, и не ожидала-съ. Наидобрѣйшій вы человѣкъ, Егоръ Ильичъ, именно наидобрѣйшій-съ и чести намъ много извольли оказать-съ! Много чести, много чести-съ!.. А все-таки мы вамъ не пара, Егоръ Ильичъ.—Вамъ нужно такую невѣсту, Егоръ

Ныньче-съ, чтобы была и богатая, и знатная-съ, и раскрасавица-съ, и съ голосомъ тоже была-бы-съ, и чтобъ вся въ брильянтахъ, да въ страусовыхъ перьяхъ по комнатамъ вашимъ ходила-съ... Тогда и Фома Фомичъ, можетъ, уступочку сдѣлаютъ-съ... и благословятъ-съ! А Фому-то Фомича вы воротите-съ! Напрасно, напрасно изволили его такъ изобидѣть-съ! Онъ вѣдь изъ добродѣтели, отъ излишняго жару-съ такъ наговорилъ-съ... Сами будете потомъ говорить-съ, что изъ добродѣтели—увидите-съ! Нидостойнѣйшій человѣкъ-съ. А вотъ теперь перемокнетъ-съ. Ужь лучше-бы теперь воротить-съ... потому что вѣдь придется-же воротить-съ...

— Вороти! Вороти его! закричала генеральша:—онъ, голубчикъ мой, правду тебѣ говоритъ!..

— Да-съ, продолжалъ Ежевикинъ:—вотъ и родительница ваша убиваться изволятъ — понапрасну-съ... Воротите-ка-съ! А мы ужь съ Настей, тѣмъ временемъ, и въ походъ-съ...

— Подожди, Евграфъ Ларіонычъ! вскричалъ дядя: — умоляю! Еще одно слово будетъ, Евграфъ, одно только слово...

Сказавъ это, онъ отошелъ, сѣлъ въ углу, въ кресло, склонилъ голову и закрылъ руками глаза, какъ будто что-то обдумывая.

Въ эту минуту страшный ударъ грома разразился чуть не надъ самымъ домомъ. Все зданіе потряслось. Генеральша закричала. Перепелицына тоже, приживалки крестились, оглушѣвъ отъ страха, а вмѣстѣ съ ними и господинъ Бахчеевъ.

— Батюшка. Илья пророкъ! пропищали пять или шесть голосовъ, всѣ вмѣстѣ, разомъ.

Вслѣдъ за громомъ пролился такой страшный ливень, что, казалось, цѣлое озеро опрокинулось вдругъ надъ Степанчиковымъ.

— А Фома-то Фомичъ, что съ нимъ теперь въ полѣ-то будетъ-съ? пропищала дѣвица Перепелицына.

— Егорушка, вороти его! вскричала отчаяннымъ голосомъ генеральша и, какъ безумная, бросилась къ дверямъ. Ея удержали приживалки; онѣ окружили ее, утѣшали, хныкали, визжали. Садомъ былъ ужасѣйшій!

— Въ одномъ сюртукѣ поѣхали-съ: хоть-бы шинельку-то взяли съ собой-съ! продолжала Перепелицына.—Зонтика тоже не взяли-съ. Убьетъ ихъ теперь молоньей-то-съ!..

— Непремѣнно убьетъ! подхватилъ Бахчеевъ:—да еще и дождемъ потомъ смочитъ.

— Хоть-бы вы молчали! прошепталъ я ему.

— Да вѣдь онъ человѣкъ, али нѣтъ? гнѣвно отвѣчалъ мнѣ Бахчеевъ.—Вѣдь не собака. Небось, самъ-то не выйдетъ на улицу. Ну-тка, поди, покупайся, для плезиру.

Предчувствуя развязку и опасаясь за нее, я подошелъ къ дядѣ, который какъ будто оцѣпенѣлъ въ своемъ креслѣ.

— Дядюшка, сказалъ я, наклоняясь къ его уху:—неужели вы согласитесь воротить Ѳому Ѳомича? Поймите, что это будетъ верхъ неприличія, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ здѣсь Настасья Евграфовна.

— Другъ мой, отвѣчалъ дядя, подпявъ голову и съ рѣшительнымъ видомъ смотря мнѣ въ глаза:—я судилъ себя въ эту минуту и теперь знаю, что̀ должен дѣлать. Не безпокойся, обиды Настѣ не будетъ—я такъ устрою...

Онъ всталъ со стула и подошелъ къ матери.

— Маменька! сказалъ онъ,—успокойтесь; я ворочу Ѳому Ѳомича, я догоню его; онъ не могъ еще далеко отъѣхать. Но, клянусь, онъ воротится только на единственномъ условіи, здѣсь, публично, въ кругу всѣхъ свидѣтелей оскорбленія, онъ долженъ будетъ сознаться въ винѣ своей и торжественно просить прощенія у этой благороднѣйшей дѣвицы. Я достигну этого! Я его заставлю! Иначе, онъ не перейдетъ черезъ порогъ этого дома! Клянусь вамъ тоже, маменька, торжественно: если онъ согласится на это самъ, добровольно, то я готовъ буду броситься къ ногамъ его и отдамъ ему все, все, что могу отдать, не обижая дѣтей моихъ! Самъ-же я, съ сего же дня, отъ всего отстраняюсь. Закатилась звѣзда моего счастья! Я оставляю Степанчиково. Живите здѣсь всѣ покойно и счастливо. Я-же ѣду въ полкъ—и въ буряхъ брани, на полѣ битвы, проведу отчаянную судьбу мою... Довольно! Ѣду!

Въ эту минуту отворилась дверь, и Гаврила, весь измокшій, весь въ грязи, до невозможности, предсталъ передъ смятенною публикой.

— Что съ тобой? Откуда? Гдѣ Ѳома? вскричалъ дядя, бросаясь къ Гаврилѣ!

За нимъ бросились всѣ и съ жадным любопытствомъ окружили старика, съ котораго грязная вода буквально стекала ручьями. Визги, ахи, крики сопровождали каждое слово Гаврилы.

— У березника .оставилъ, версты полторы отсюдова, началъ онъ плачевнымъ голосомъ.—Лошадь молоньи испужалась и въ канаву бросилась.

— Ну... вскричалъ дядя.

— Телѣга перевалилась...

— Ну... а Ѳома?

— Въ канаву упали-съ.

— Да ну-же, разсказывай,.истязатель!

— Бокъ отшибли-съ и заплакали-съ. Я лошадь выпрягъ, да верхомъ и прибылъ сюда доложить-съ.

— А Ѳома-то тамъ остался?

— Всталъ и пошелъ себѣ дальше съ палочкой, заключилъ Гаврила, потомъ вздохнулъ и понурилъ голову.

Слезы и рыданія дамскаго пола были неизобразимы.

— Полкана! закричалъ дядя и бросился вонъ изъ комнаты. Полкана подали: дядя вскочилъ на него, неосѣдланнаго, и чрезъ минуту топотъ лошадиныхъ копытъ возвѣстилъ намъ о начавшейся погонѣ за Ѳомой Ѳомичемъ. Дядя ускакалъ даже безъ фуражки.

Дамы побросались къ окнамъ. Среди аховъ и стоновъ слышались и совѣты. Толковали о немедленной теплой ваннѣ, объ растираніи Ѳомы Ѳомича спиртомъ, о грудномъ чаѣ, о томъ, что Ѳома Ѳомичъ крошечки хлѣба-съ съ утра въ ротъ не брали-съ и что они теперь на тощакъ-съ. Дѣвица Перепелицына нашла забытые имъ очки, въ футлярѣ, и находка произвела необыкновенный эффектъ: генеральша бросилась на нихъ съ воплями и слезами и, не выпуская ихъ изъ рукъ, снова припала къ окну смотрѣть на дорогу. Ожиданіе дошло, наконецъ, до самой послѣдней степени напряженія... Въ другомъ углу Саненька утѣшала Настю; онѣ обнялись и плакали. Настенька держала за руку Илюшу и поминутно цѣловала его, прощаясь съ своимъ ученикомъ. Илюша плакалъ на взрыдъ, еще самъ не зная чему. Ежевикинъ и Мизинчиковъ толковали о чемъ-то въ сторонѣ. Мнѣ показалось, что Бахчеевъ, смотря на дѣвицъ, какъ будто тоже приготовлялся захныкать. Я подошелъ къ нему.

— Нѣтъ, батюшка, сказалъ онъ мнѣ:—Ѳома-то Ѳомичъ, пожалуй-бы и удалится отсюда, да время еще тому не пришло: золоторогихъ быковъ еще подъ экипажъ ему не достали! Не безпокойтесь, батюшка, хозяевъ изъ дому выживетъ и самъ останется!

Гроза прошла и господинъ Бахчеевъ, видимо, измѣнилъ свои убѣжденія.

Вдругъ раздалось: «Везутъ! Везутъ!» и дамы съ визгомъ побросались къ дверямъ. Не прошло еще десяти минутъ послѣ отъѣзда дяди: казалось, невозможно-бы такъ скоро привезти Ѳому Ѳомича: но загадка объяснилась потомъ очень просто: Ѳома Ѳомичъ, отпустивъ Гаврилу, дѣйствительно пошелъ себѣ съ палочкой: но почувствовавъ себя въ совершенномъ уединеніи, среди бури, грома и ливня, преспокойно струсилъ, воротился въ Степанчиково и побѣжалъ вслѣдъ за Гавриломъ. Дядя захватилъ его уже на селѣ. Тотчасъ-же остановили одну проѣзжавшую мимо телѣгу: собѣжались мужики и посадили въ нее присмирѣвшаго Ѳому Ѳомича. Такъ и доставили его прямо въ отверстыя объятія генеральши. Ко-

торая чуть не обезумѣла отъ ужаса, увидя въ какомъ онъ положеніи. Онъ былъ еще грязнѣе и мокрѣе Гаврилы. Суета поднялась ужаснѣйшая: хотѣли тотчасъ-же тащить его на верхъ, чтобъ перемѣнить бѣлье; кричали о бузинѣ и о другихъ крѣпительныхъ средствахъ, метались во всѣ стороны безъ всякаго толка; говорили всѣ за разъ... Но Ѳома какъ будто не замѣчалъ никого и ничего. Его ввели подъ руки. Добравшись до своего кресла, онъ тяжело опустился въ него и закрылъ глаза. Кто-то закричалъ, что онъ умираетъ: поднялся ужаснѣйшій вой: но болѣе всѣхъ ревѣлъ Фалалей, стараясь пробиться сквозь толпу барынь къ Ѳомѣ Ѳомичу, чтобъ немедленно поцѣловать у него ручку...

V.

Ѳома Ѳомичъ созидаетъ всеобщее счастье.

Куда это меня привели? проговорилъ, наконецъ, Ѳома голосомъ умирающаго за правду человѣка.

— Проклятая розмазня! прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ, — точно не видитъ, куда его привели. Вотъ ломаться-то теперь будетъ!

— Ты у насъ, Ѳома, ты въ кругу своихъ! — вскричалъ дядя, — ободрись, успокойся! И, право, перемѣнилъ-бы ты теперь костюмъ, Ѳома, а то заболѣешь... Да не хочешь-ли подкрѣпиться — а? Такъ, этакъ... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтобъ согрѣться...

— Малаги-бы я выпилъ теперь, простоналъ Ѳома, снова закрывая глаза.

— Малаги? Навряд-ли у насъ есть! сказалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на Прасковью Ильиничну.

— Какъ не быть! подхватила Прасковья Ильинична: - цѣлыя четыре бутылки остались, и тотчасъ-же, гремя ключами, побѣжала за малагой, напутствуемая криками всѣхъ дамъ, облѣпившихъ Ѳому, какъ мухи варенье. За то господинъ Бахчеевъ былъ въ самой послѣдней степени негодованія.

— Малаги захотѣлъ! проворчалъ онъ, чуть не вслухъ. — И вина-то такого спросилъ, что никто не пьетъ! Ну, кто теперь пьетъ малагу, кромѣ такого-же, какъ онъ, подлеца? Тьфу, вы, проклятые! Ну, я-то чего тутъ стою? Чего я-то тутъ жду?

— Ѳома, началъ дядя, сбиваясь на каждомъ словѣ.—вотъ теперь... когда ты отдохнулъ и опять вмѣстѣ съ нами... то есть, я

хотѣлъ сказать, Ѳома, что понимаю, какъ дѣвча, обвинивъ, такъ сказать, невиннѣйшее созданіе...

— Гдѣ, гдѣ она, моя невинность? подхватилъ Ѳома, какъ будто былъ въ жару и въ бреду:—гдѣ золотые дни мои? Гдѣ ты, мое золотое дѣтство, когда я, невинный и прекрасный, бѣгалъ по полямъ за весенней бабочкой? Гдѣ, гдѣ это время? Воротите мою невинность, воротите ее!..

И Ѳома, растопыривъ руки, обращался къ всѣмъ поочередно, какъ будто невинность его была у кого-нибудь изъ насъ въ карманѣ. Бахчеевъ готовъ былъ лопнуть отъ гнѣва.

— Экъ чего захотѣлъ! проворчалъ онъ съ яростью.—Подайте ему его невинность! Цѣловаться, что-ли, онъ съ ней хочетъ? Можетъ, и мальчишкой-то былъ ужъ такимъ-же разбойникомъ, какъ и теперь! Присягну, что былъ.

— Ѳома!.. началъ было опять дядя.

— Гдѣ, гдѣ они, тѣ дни, когда я еще вѣровалъ въ любовь и любилъ человѣка? кричалъ Ѳома: — когда я обнимался съ человѣкомъ и плакалъ на груди его? А теперь—гдѣ я? Гдѣ я?

— Ты у насъ, Ѳома, успокойся! крикнулъ дядя: — а я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать, Ѳома...

— Хоть-бы вы-то ужъ теперь помолчали-съ, прошипѣла Перепелицына, злобно сверкнувъ своими змѣиными глазками.

— Гдѣ я? продолжалъ Ѳома: — кто кругомъ меня? Это буйволы и быки, устремившіе на меня рога свои. Жизнь, что-же ты такое? Живи, живи, будь обезчещенъ, опозоренъ, умаленъ, избитъ, и когда засыплютъ пескомъ твою могилу, тогда только опомнятся люди, и бѣдныя кости твои раздавятъ монументомъ!

— Батюшки, о монументахъ заговорилъ! прошепталъ Ежевикинъ, сплеснувъ руками.

— О, не ставьте мнѣ монумента! кричалъ Ѳома, — не ставьте мнѣ его! Не надо мнѣ монументовъ! Въ сердцахъ своихъ воздвигните мнѣ монументъ, а болѣе ничего не надо, не надо, не надо!

— Ѳома! прервалъ дядя,—полно! Успокойся! Нечего говорить о монументахъ. Ты только выслушай... Видишь, Ѳома, я понимаю, что ты, можетъ быть, такъ сказать, горѣлъ благороднымъ огнемъ, упрекая меня дѣвча: но ты увлекся, Ѳома, за черту добродѣтели - увѣряю тебя, ты ошибся, Ѳома...

— Да перестанете-ли вы-съ? зашипѣла опять Перепелицына: - убить, что-ли, вы несчастнаго человѣка хотите-съ, потому что они въ вашихъ рукахъ-съ?..

Вслѣдъ за Перепелицыной встрепенулась и генеральша, а за ней и вся ея свита: всѣ замахали на дядю руками, чтобъ онъ остановился.

— Анна Ниловна, молчите вы сами, а я знаю что говорю! съ твердостью отвѣчалъ дядя. —Это дѣло святое! Дѣло чести и справедливости. — Ѳома! Ты разсудителенъ, ты долженъ сей-же часъ испросить прощеніе у благороднѣйшей дѣвицы, которую ты оскорбилъ.

— У какой дѣвицы? Какую дѣвицу я оскорбилъ? проговорилъ Ѳома, въ недоумѣніи обводя всѣхъ глазами, какъ будто совершенно забывъ все происшедшее и не понимая о чемъ идетъ дѣло.

— Да, Ѳома, и если ты теперь самъ, своей волей, благородно сознаешься въ винѣ своей, то, клянусь тебѣ, Ѳома, я паду къ ногамъ твоимъ, и тогда...

— Кого-же это я оскорбилъ? вопилъ Ѳома, — какую дѣвицу? Гдѣ она? Гдѣ эта дѣвица? Напомните мнѣ хоть что-нибудь объ этой дѣвицѣ!..

Въ эту минуту Настенька, смущенная и испуганная, подошла къ Егору Ильичу и дернула его за рукавъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, оставьте его, не надо извиненій! Къ чему это все? говорила она умоляющимъ голосомъ.—Бросьте это!..

— А! Теперь я припоминаю! вскричалъ Ѳома.—Боже! Я припоминаю! О, помогите, помогите мнѣ припоминать! просилъ онъ, по видимому, въ ужасномъ волненіи.—Скажите, правда-ли, что меня изгнали отсюда, какъ шелудивѣйшую изъ собакъ? Правда-ли, что молнія поразила меня? Правда-ли, что меня вышвырнули отсюда съ крыльца? Правда-ли? Правда-ли это?

Плачъ и вопли дамскаго пола были краснорѣчивѣйшимъ отвѣтомъ Ѳомѣ Ѳомичу.

— Такъ, такъ, твердилъ онъ, — я припоминаю... я припоминаю теперь, что послѣ молніи и паденія моего я бѣжалъ сюда, преслѣдуемый громомъ, чтобъ исполнить свой долгъ и исчезнуть на вѣки! Приподымите меня! Какъ ни слабъ я теперь, но долженъ исполнить свою обязанность.

Его тотчасъ приподняли съ кресла. Ѳома сталъ въ положеніе оратора и протянулъ свою руку.

— Полковникъ! вскричалъ онъ, — теперь я очнулся совсѣмъ; громъ еще не убилъ во мнѣ умственныхъ способностей; осталась, правда, глухота въ правомъ ухѣ, происшедшая, можетъ быть, не столько отъ грома, сколько отъ паденія съ крыльца... Но что до этого! И какое кому дѣло до праваго уха Ѳомы!

Послѣднимъ словамъ своимъ Ѳома придалъ столько печальной ироніи и сопровождалъ ихъ такою жалобною улыбкою, что стоны тронутыхъ дамъ раздались снова. Всѣ онѣ съ укоромъ, а иныя съ яростью смотрѣли на дядю, уже начинавшаго по немногу уничто-

жаться передъ такимъ согласнымъ выраженіемъ всеобщаго мнѣнія. Мизинчиковъ плюнулъ и отошелъ къ окну. Бахчеевъ все сильнѣе и сильнѣе подталкивалъ меня локтемъ; онъ едва стоялъ на мѣстѣ.

— Теперь слушайте-же всѣ мою исповѣдь! возопилъ Ѳома, обводя всѣхъ гордымъ и рѣшительнымъ взглядомъ:—а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшите судьбу несчастнаго Опискина. Егоръ Ильичъ! Давно уже я наблюдалъ за вами, наблюдалъ съ замираніемъ моего сердца и видѣлъ все, все, тогда какъ вы еще и не подозрѣвали, что я наблюдаю за вами. Полковникъ! Я, можетъ быть, ошибался; но я зналъ вашъ эгоизмъ, ваше неограниченное самолюбіе, ваше феноменальное сластолюбіе, и, кто обвинитъ меня, что я поневолѣ затрепеталъ о чести наишевиннѣйшей изъ особъ?

— Ѳома, Ѳома!.. ты, впрочемъ, не очень распространяйся, Ѳома! вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на страдальческое выраженіе въ лицѣ Настеньки.

— Не столько невинность и довѣрчивость этой особы, сколько ея неопытность смущала меня, продолжалъ Ѳома, какъ будто и не слыхавъ предостереженія дяди. — Я видѣлъ, что нѣжное чувство разцвѣтаетъ въ ея сердцѣ, какъ вешняя роза, и невольно припоминалъ Петрарку, сказавшаго, что «невинность такъ часто бываетъ на волоскѣ отъ погибели». Я вздыхалъ, стоналъ и хотя за эту дѣвицу, чистую какъ жемчужина, я готовъ былъ отдать всю кровь мою на поруки, но кто могъ мнѣ поручиться за васъ, Егоръ Ильичъ? Зная необузданное стремленіе страстей вашихъ; зная, что вы всѣмъ готовы пожертвовать для минутнаго ихъ удовлетворенія, я вдругъ погрузился въ бездну ужаса и опасеній на счетъ судьбы наиблагороднѣйшей изъ дѣвицъ...

— Ѳома! Неужели ты могъ это подумать? вскричалъ дядя.

— Съ замираніемъ моего сердца я слѣдилъ за вами. Если хотите узнать о томъ, какъ я страдалъ, спросите у Шекспира: онъ разскажетъ вамъ въ своемъ «Гамлетѣ» о состояніи души моей. Я сдѣлался мнителенъ и ужасенъ. Въ безпокойствѣ моемъ, въ негодованіи моемъ, я видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это былъ не тотъ «черный цвѣтъ», о которомъ поется въ извѣстномъ романсѣ,— будьте увѣрены! Оттого-то и видѣли вы мое тогдашнее желаніе удалить *ее* изъ этого дома: я хотѣлъ спасти ее: оттого-то и видѣли вы меня во все послѣднее время раздражительнымъ и злобствующимъ на весь родъ человѣческій. О! кто примиритъ меня теперь съ человѣчествомъ? Чувствую, что я, можетъ быть, былъ взыскателенъ и несправедливъ къ гостямъ вашимъ, къ племяннику вашему, къ господину Бахчееву, требуя отъ него астрономіи; но кто обвинитъ меня за тогдашнее состояніе души моей? Сыпаясь опять

на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мнѣ, какъ мрачный омутъ невѣдомой глубины, на днѣ котораго лежалъ крокодилъ. Я чувствовалъ, что моя обязанность предупредить несчастіе, что я поставленъ, что я произведенъ для этого, —и что-же? Вы не поняли благороднѣйшихъ побужденій души моей и платили мнѣ во все это время злобой, неблагодарностью, насмѣшками, униженіями...

— Ѳома! Если такъ... конечно, я чувствую... вскричалъ дядя въ чрезвычайномъ волненіи.

— Если вы дѣйствительно чувствуете, полковникъ, то благоволите дослушать, а не прерывать меня. Продолжаю: вся вина моя, слѣдственно, состояла въ томъ, что я слишкомъ убивался о судьбѣ и счастьи этого дитяти: ибо она еще дитя передъ вами. Высочайшая любовь къ человѣчеству сдѣлала меня въ это время какимъ-то бѣсомъ гнѣва и мнительности. Я готовъ былъ кидаться на людей и терзать ихъ. И знаете-ли, Егоръ Ильичъ, что всѣ поступки ваши, какъ нарочно, помимо подтверждали мою мнительность и удостовѣряли меня во всѣхъ подозрѣніяхъ моихъ? Знаете-ли, что вчера, когда вы осыпали меня своимъ золотомъ, чтобъ удалить меня отъ себя, я подумалъ: «онъ удаляетъ отъ себя, въ лицѣ моемъ, свою совѣсть, чтобъ удобнѣе совершить преступленіе»...

— Ѳома, Ѳома! Неужели ты это думалъ вчера? съ ужасомъ вскричалъ дядя:—Господи Боже, а я-то ничего и не подозрѣвалъ!

— Само небо внушало мнѣ эти подозрѣнія, продолжалъ Ѳома.— И рѣшите сами, что могъ я подумать, когда слѣпой случай привелъ меня въ тотъ-же вечеръ къ тотъ роковой скамейкѣ въ саду, что почувствовалъ я въ эту минуту —о Боже! — увидѣвъ, наконецъ, собственными своими глазами, что всѣ подозрѣнія мои оправдались вдругъ, самымъ блистательнымъ образомъ? Но мнѣ еще оставалась одна надежда, слабая, конечно, но все-же надежда —и что-же? Сегодня утромъ вы разрушаете ее сами въ прахъ и въ обломки! Вы присылаете мнѣ письмо ваше: вы выставляете намѣреніе жениться; умоляете не разглашать... «Но почему-же», подумалъ я, «почему-же онъ написалъ именно теперь, когда уже я засталъ его, а не прежде? Почему-же прежде онъ не прибѣгалъ ко мнѣ, счастливый и прекрасный — ибо любовь украшаетъ лицо — почему не бросился онъ тогда въ мои объятія, не заплакалъ на груди моей слезами безпредѣльнаго счастья и не повѣдалъ мнѣ всего, всего? Или я крокодилъ, который-бы только сокрылъ васъ, а не далъ-бы вамъ полезнаго совѣта? Или я какой-нибудь отвратительный жукъ, который-бы только укусилъ васъ, а не способствовалъ вашему счастью? Другъ-ли я его, или самое гнуснѣйшее изъ насѣко-

мыхъ? — вотъ вопросъ, который я задалъ себѣ нынѣче утромъ! «Для чего, наконецъ», думалъ я, «для чего-же выписывалъ онъ изъ столицы своего племянника и сватать его къ этой дѣвицѣ, какъ не для того, чтобъ обмануть и насъ, и *легкомысленнаго* племянника, а, между тѣмъ, втайнѣ продолжать преступнѣйшее изъ намѣреній? Нѣтъ, полковникъ, если кто утвердилъ во мнѣ мысль, что взаимная любовь ваша преступна, то это вы сами, и одни только вы! Мало того, вы преступникъ и передъ этой дѣвицей, ибо ее, чистую и благонравную, черезъ вашу-же неловкость и эгоистическую недовѣрчивость, вы подвергли клеветѣ и тяжкимъ подозрѣніямъ!

Дядя молчалъ, склонивъ голову: краснорѣчіе Ѳомы видимо одержало верхъ надъ всѣми его возраженіями, и онъ уже сознавалъ себя полнымъ преступникомъ. Генеральша и ея общество, молча и съ благоговѣніемъ слушали Ѳому, а Перепелицына съ злобнымъ торжествомъ смотрѣла на бѣдную Настеньку.

— Пораженный, раздраженный, убитый, продолжалъ Ѳома,—я запершя сегодня на ключъ и молился, да внушитъ мнѣ Богъ правыя мысли! Наконецъ, положилъ я: въ послѣдній разъ и публично испытать васъ. Я, можетъ быть, слишкомъ горячо принялся, можетъ быть, слишкомъ предался моему негодованію: но за благороднѣйшія побужденія мои вы вышвырнули меня изъ окошка! Падая изъ окошка, я думалъ про себя: «вотъ такъ-то всегда на свѣтѣ вознаграждается добродѣтель!» Тутъ я ударился о земь и затѣмъ едва помню, что со мною дальше случилось.

Визги и стоны прервали Ѳому Ѳомича при этомъ трагическомъ воспоминаніи. Генеральша бросилась было къ нему, съ бутылкой малаги въ рукахъ, которую она только что передъ этимъ вырвала изъ рукъ воротившейся Прасковьи Ильиничны, но Ѳома величественно отвелъ рукой и малагу, и генеральшу.

— Остановитесь! вскричалъ онъ:—мнѣ надо кончить. Что случилось послѣ моего паденія — не знаю. Знаю только одно, что теперь, мокрый и готовый схватить лихорадку, я стою здѣсь, чтобъ составить ваше обоюдное счастье. Полковникъ! По многимъ признакамъ, которыхъ я не хочу теперь объяснять, я увѣрился наконецъ, что любовь ваша была чиста и даже возвышенна, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преступно недовѣрчива. Избитый, униженный, подозрѣваемый въ оскорбленіи дѣвицы, за честь которой я, какъ рыцарь среднихъ вѣковъ, готовъ былъ пролить до капли всю кровь мою,— я рѣшаюсь теперь показать вамъ, какъ мститъ за свои обиды Ѳома Опискинъ. Протяните мнѣ вашу руку, полковникъ!

— Съ удовольствіемъ, Ѳома, вскричалъ дядя.—И такъ какъ

ты вполнѣ объяснился теперь о чести благороднѣйшей особы. то... разумѣется... вотъ тебѣ рука моя, Ѳома, вмѣстѣ съ моимъ раскаяніемъ...

И дядя съ жаромъ подалъ ему руку, не подозрѣвая еще, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Дайте и вы мнѣ вашу руку, продолжалъ Ѳома, слабымъ голосомъ, раздвигая дамскую сбившуюся около него толпу, и обращаясь къ Настенькѣ.

Настенька смутилась, смѣшалась и робко смотрѣла на Ѳому.

— Подойдите, подойдите, милое мое дитя! Это необходимо для вашего счастья, ласково прибавилъ Ѳома, все еще продолжая держать руку дяди въ своихъ рукахъ.

— Что это онъ затѣваетъ? проговорилъ Мизинчиковъ.

Настя, испуганная и дрожащая, медленно подошла къ Ѳомѣ и робко протянула ему свою ручку.

Ѳома взялъ эту ручку и положилъ ее въ руку дяди.

— Соединяю и благословляю васъ, произнесъ онъ самымъ торжественнымъ голосомъ:—и если благословеніе убитаго горемъ страдальца можетъ послужить вамъ въ пользу, то будьте счастливы. Вотъ, какъ мститъ Ѳома Опискинъ! Урра!

Всеобщее изумленіе было безпредѣльно. Развязка была такъ неожиданна, что на всѣхъ нашелъ какой-то столбнякъ. Генеральша, какъ была, такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ и съ бутылкой малаги въ рукахъ. Перепелицына побѣдѣла и затряслась отъ ярости. Прихлебалки всплеснули руками и окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Дядя задрожалъ и хотѣлъ что-то проговорить, но не могъ. Настя побѣдѣла, какъ мертвая, и робко проговорила, что это нельзя ...—но уже было поздно. Бахчеевъ первый—надо отдать ему справедливость—подхватилъ ура Ѳомы Ѳомича, за нимъ я, за мною, во весь свой звонкій голосокъ, Сашенька, тутъ-же бросившаяся обнимать отца; потомъ Илюша, потомъ Ежевикинъ; послѣ всѣхъ ужь Мизинчиковъ.

— Ура! крикнулъ другой разъ Ѳома,—урра! И на колѣни, дѣти моего сердца, на колѣни передъ нѣжнѣйшею изъ матерей! Просите ея благословенія и, если надо, я самъ преклоню передъ нею колѣни, вмѣстѣ съ вами...

Дядя и Настя, еще не взглянувъ другъ на друга, испуганные и, кажется, не понимавшіе, что съ ними дѣлается, упали на колѣни передъ генеральшей: всѣ столпились около нихъ: но старуха стояла какъ будто ошеломленная, совершенно не понимая, какъ ей поступить. Ѳома помогъ и этому обстоятельству: онъ самъ повергся передъ своей покровительницей. Это разомъ уничтожило всѣ ея

недоумѣнія. Заливаясь слезами, она проговорила, наконецъ, что согласна. Дядя вскочилъ и стиснулъ Ѳому въ объятіяхъ.

— Ѳома, Ѳома!.. проговорилъ онъ, но голосъ его осѣкся и онъ не могъ продолжать.

— Шампанскаго! заревѣлъ Степанъ Алексѣевичъ.—Ура!

— Нѣтъ-съ, не шампанскаго-съ, подхватила Перепелицына, которая уже успѣла опомниться и сообразить всѣ обстоятельства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдствія;—а свѣчку Богу зажечь-съ, образу помолиться, да образомъ и благословить-съ, какъ всѣми набожными людьми исполняется-съ...

Тотчасъ-же всѣ бросились исполнять благоразумный совѣтъ: поднялась ужасная суетня. Надо было засвѣтить свѣчку. Степанъ Алексѣевичъ подставилъ стулъ и полѣзъ приставлять свѣчу къ образу, но тотчасъ-же подломилъ стулъ и тяжело соскочилъ на полъ, удержавшись, впрочемъ, на ногахъ. Нисколько не разсердившись, онъ тутъ-же съ почтеніемъ уступилъ мѣсто Перепелицыной. Тоненькая Перепелицына мигомъ обдѣлала дѣло: свѣча зажглась. Монашенка и приживалки начали креститься и класть земные поклоны. Сняли образъ Спасителя и поднесли генеральшѣ. Дядя и Настя снова стали на колѣни, и церемонія совершилась при набожныхъ наставленіяхъ Перепелицыной, поминутно приговаривавшей:

Въ ножки-то поклонитесь, къ образу-то приложитесь, руку-то у мамани поцѣлуйте-съ! Послѣ жениха и невѣсты къ образу почелъ себя обязаннымъ приложиться и господинъ Бахчеевъ, причемъ тоже поцѣловалъ у матушки-генеральши ручку. Онъ былъ въ восторгѣ неописанномъ.

— Ура! закричалъ онъ снова. — Вотъ теперь такъ ужъ выпьемъ шампанскаго!

Впрочемъ, и всѣ были въ восторгѣ. Генеральша плакала, но теперь ужъ слезами радости: союзъ, благословленный Ѳомою, тотчасъ-же сдѣлался въ глазахъ ея и приличнымъ, и священнымъ. — а, главное, она чувствовала, что Ѳома Ѳомичъ отличился и что теперь ужъ останется съ нею на вѣки вѣковъ. Всѣ приживаки, по крайней мѣрѣ съ виду, раздѣляли всеобщій восторгъ. Дядя — то становился передъ матерью на колѣни и цѣловалъ ея руки, то бросался обнимать меня, Бахчеева, Мизинчикова и Ежевикина. Плюшу онъ чуть было не задушилъ въ своихъ объятіяхъ. Саша бросилась обнимать и цѣловать Настеньку. Прасковья Ильинична обливалась слезами. Господинъ Бахчеевъ, замѣтивъ это, подошелъ къ ней,—къ ручкѣ. Старикашка Ежевикинъ разчувствовался и плакалъ въ углу, обтирая глаза своимъ клѣтчатымъ, вчерашнимъ платкомъ. Въ другомъ углу хныкалъ Гаврила и съ благоговѣніемъ

смотрѣлъ на Ѳому Ѳомича, а Ѳалалей рыдалъ во весь голосъ, подходилъ ко всѣмъ и тоже цѣловалъ у всѣхъ руки. Всѣ были подавлены чувствомъ. Никто еще не начиналъ говорить, никто не объяснялся: казалось, все уже было сказано: раздавались только радостныя восклицанія. Никто не понималъ еще, какъ это все вдругъ такъ скоро устроилось. Знали только одно, что все это сдѣлалъ Ѳома Ѳомичъ, и что это фактъ насущный и непреложный.

Но еще и пяти минутъ не прошло послѣ всеобщаго счастья, какъ вдругъ между нами явилась Татьяна Ивановна. Какимъ образомъ, какимъ чутьемъ могла она такъ скоро, сидя у себя на верху, узнать про любовь и про свадьбу? Она впорхнула съ сіяющимъ лицомъ, со слезами радости на глазахъ, въ обольстительномъ изящномъ туалетѣ (на верху она таки успѣла переодѣться) и прямо, съ громкими криками, бросилась обнимать Настеньку.

— Настенька. Настенька! Ты любила его, а я и не знала, вскричала она.—Боже! Они любили другъ друга, они страдали въ тишинѣ, втайнѣ! Ихъ преслѣдовали! Какой романъ! Настя, голубчикъ мой, скажи мнѣ всю правду: неужели ты въ самомъ дѣлѣ любишь этого безумца?

Вмѣсто отвѣта, Настя обняла ее и поцѣловала.

— Боже, какой очаровательный романъ! и Татьяна Ивановна захлопала отъ восторга въ ладоши. — Слушай, Настя, слушай, ангелъ мой: всѣ эти мужчины, всѣ до единаго — неблагодарные, изверги и не стоютъ нашей любви. Но, можетъ быть, онъ лучшій изъ нихъ. Подойди ко мнѣ, безумецъ! вскричала она, обращаясь къ дядѣ и хватая его за руку: —неужели ты влюбленъ? Неужели ты способенъ любить? Смотри на меня: я хочу посмотрѣть тебѣ въ глаза; я хочу видѣть, лгутъ-ли эти глаза, или нѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, они не лгутъ: въ нихъ сіяетъ любовь. О какъ я счастлива! Настенька, другъ мой, послушай, ты не богата: я подарю тебѣ тридцать тысячъ. Возьми, ради Бога! Мнѣ не надо, не надо; мнѣ еще много останется. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала она и замахала руками, увидя, что Настя хочетъ отказываться. —Молчите и вы, Егоръ Ильичъ, это не ваше дѣло. Нѣтъ, Настя, я ужь такъ положила —тебѣ подарить; я давно хотѣла тебѣ подарить, и только дожидалась первой любви твоей... Я буду смотрѣть на ваше счастье. Ты обидишь меня, если не возьмешь; я буду плакать, Настя... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Татьяна Ивановна была въ такомъ восторгѣ, что, въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, невозможно, даже жаль было ей возражать. На это и не рѣшились, а отложили до другаго времени. Она бросилась цѣловать генеральшу, Перепелицыну —всѣхъ насъ. Бахчеевъ

почтительнѣйшимъ образомъ протѣснился къ ней и попросилъ и у ней ручку.

— Матушка ты моя! Голубушка ты моя! Прости ты меня, дурака, за давешнее: не зналъ я твоего золотаго сердечка!

— Безумецъ! Я давно тебя знаю, съ восторженною игривостью пролепетала Татьяна Ивановна, ударила Степана Алексѣевича по носу перчаткой и порхнула отъ него, какъ зефиръ, задѣвъ его своимъ пышнымъ платьемъ. Толстякъ почтительно посторонился.

— Достойнѣйшая дѣвица! проговорилъ онъ съ умиленіемъ. — А носъ-то нѣмцу вѣдь подклеили! шепнулъ онъ мнѣ конфиденціально, радостно смотря мнѣ въ глаза.

— Какой носъ? Какому нѣмцу? спросилъ я въ удивленіи.

— А вотъ, выписному-то, что ручку-то у своей нѣмки цѣлуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ. Евдокимъ у меня починилъ вчера еще: а давеча, какъ воротились съ погони, я и послалъ верхового... Скоро привезутъ. Превосходная вещь!

— Ѳома! вскричалъ дядя, въ изступленномъ восторгѣ, — ты виновникъ нашего счастья! Чѣмъ могу я воздать тебѣ?

— Ничѣмъ, полковникъ, отвѣчалъ Ѳома съ постной миной.— *Продолжайте не обращать на меня вниманія* и будьте счастливы безъ Ѳомы.

Онъ былъ, очевидно, инкогнито: среди всеобщихъ излiяній о немъ какъ будто и забыли.

— Это все отъ восторга, Ѳома! вскричалъ дядя. — Я, братъ, ужъ и не помню, гдѣ и стою. Слушай, Ѳома: я обидѣлъ тебя. Всей жизни моей, всей крови моей не достанетъ, чтобъ удовлетворить твою обиду, и потому я молчу, даже не извиняюсь. Но если когда-нибудь тебѣ понадобится моя голова, моя жизнь, если надо будетъ броситься за тебя въ разверзтую бездну, то повелѣвай и увидишь... Я больше ничего не скажу, Ѳома.

И дядя махнулъ рукой, вполнѣ сознавая невозможность прибавить что-нибудь еще, что-бъ сильнѣе могло выразить его мысль. Онъ только глядѣлъ на Ѳому благодарными, полными слезъ глазами.

— Вотъ они какіе ангелы-съ! прошипѣла, въ свою очередь, въ похвалу Ѳомѣ, дѣвица Перепелицына.

— Да, да! подхватила Сашенька: — я и не знала, что вы такой хорошій человѣкъ, Ѳома Ѳомичъ, и была къ вамъ непочтительна. А вы простите меня, Ѳома Ѳомичъ, и ужъ будьте увѣрены, что я буду васъ всѣмъ сердцемъ любить. Если-бъ вы знали, какъ я теперь васъ почитаю!

— Да, Ѳома! подхватилъ Бахчевъ: — прости и ты меня, дурака! Не зналъ я тебя, не зналъ! Ты, Ѳома Ѳомичъ, не только

ученый, но п—просто герой! Весь домъ мой къ твоимъ услугамъ. А лучше всего, пріѣзжай-ка, братъ, ко мнѣ послѣ завтра, да ужъ и съ матушкой-генеральшей, да ужъ и съ женихомъ и невѣстой,—да чего тутъ! Всѣмъ домомъ ко мнѣ! То есть, вотъ какъ пообѣдаемъ,—заранѣе не похвалюсь, а одно скажу: только птичьяго молока для васъ не достану! Великое слово даю!

Среди этихъ изліяній, подошла къ Ѳомѣ Ѳомичу и Настенька и безъ дальнихъ словъ, крѣпко обняла его и поцѣловала.

— Ѳома Ѳомичъ! сказала она, — вы нашъ благодѣтель. вы столько для насъ сдѣлали, что я и не знаю, чѣмъ вамъ заплатить за все это, а только знаю, что буду для васъ самой нѣжной, самой почтительной сестрой...

Она не могла договорить: слезы заглушали слова ея. Ѳома поцѣловалъ ее въ голову и прослезился.

— Дѣти мои, дѣти моего сердца! сказалъ онъ.—Живите, цвѣтите и, въ минуты счастья, вспоминайте когда-нибудь про бѣднаго изгнанника! Про себя-же скажу, что несчастье есть, можетъ быть, мать добродѣтели. Это сказалъ, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у котораго бываютъ иногда зернистыя мысли. Изгнаніе есть несчастье! Скитальцемъ пойду я теперь по землѣ съ моимъ посохомъ, и, кто знаетъ? Можетъ быть, черезъ несчастья мои я стану еще добродѣтельнѣе! Эта мысль—единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе!

— Но... куда-же ты уйдешь, Ѳома? въ испугѣ вскричалъ дядя. Всѣ вздрогнули и устремились къ Ѳомѣ.

— Но развѣ я могу оставаться въ вашемъ домѣ послѣ давешняго вашего поступка, полковникъ? спросилъ Ѳома съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

Но ему не дали говорить: общіе крики заглушили слова его. Его усадили въ кресло, его упрашивали, его оплакивали и ужъ не знаю, что еще съ нимъ дѣлали. Конечно, и въ мысляхъ его не было выйдти изъ этого дома, такъ-же, какъ и давеча не было, какъ не было и вчера, какъ не было и тогда, когда онъ копалъ въ огородѣ. Онъ зналъ, что теперь его набожно остановятъ, уцѣпятся за него, особенно когда онъ всѣхъ осчастливилъ, когда всѣ въ него снова увѣровали, когда всѣ готовы были носить его на рукахъ и почитать это за честь и за счастье. Но, вѣроятно, давешнее, малодушное его возвращеніе, когда онъ испугался грозы, нѣсколько щекотало его амбицію и подстрекало его еще какъ-нибудь покуражиться: а главное—предстоялъ такой соблазнъ поломаться: можно было такъ хорошо поговорить, расписать, размазать, расхвалить самого себя, что не было никакой возможности

противиться искушенію. Онъ и не противился; онъ вырвался отъ непускавшихъ его; онъ требовалъ своего посоха, молилъ, чтобы отдали ему его свободу, чтобъ отпустили его на всѣ четыре стороны; что онъ въ этомъ домѣ былъ обезчещенъ, избитъ, что онъ воротился для того, чтобъ составить всеобщее счастье; что можетъ-ли онъ, наконецъ, оставаться въ домѣ неблагодарности и ѣсть щи, хотя и сытныя, но приправленныя побоями? Наконецъ, онъ пересталъ вырываться. Его снова усадили въ кресло: но краснорѣчіе его не прерывалось.

— Развѣ не обижали меня здѣсь? кричалъ онъ: — развѣ не дразнили меня языкомъ? Развѣ вы, вы сами, полковникъ, подобно невѣжественнымъ дѣтямъ мѣщанъ на городскихъ улицахъ, не называли мнѣ ежечасно шишки и кукишки? Да, полковникъ! Я стою за это сравненіе потому, что если вы и не показывали мнѣ ихъ физически, то все равно, это были нравственные кукишки, а нравственные кукишки, въ иныхъ случаяхъ, даже обиднѣе физическихъ. Я уже и не говорю о побояхъ...

— Ѳома, Ѳома!—вскричалъ дядя:—не убивай меня этимъ воспоминаніемъ. Я ужь говорилъ тебѣ, что всей крови моей недостаточно, чтобъ омыть эту обиду. Будь-же великодушенъ! Забудь, прости, и останься созерцать наше счастье! Твои плоды, Ѳома...

— ... Я хочу любить, любить человѣка, кричалъ Ѳома; — а мнѣ не даютъ человѣка, запрещаютъ любить, отнимаютъ у меня человѣка! Дайте, дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его! Гдѣ этотъ человѣкъ? Куда спрятался этотъ человѣкъ? Какъ Діогенъ съ фонаремъ, ищу я его всю жизнь и не могу найдти, и не могу никого любить, доколѣ не найду этого человѣка. Горе тому, кто сдѣлалъ меня человѣконенавистникомъ! Я кричу: дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его, а мнѣ суютъ Фалалея! Фалалея-ли я полюблю? Захочу-ли я полюбить Фалалея? Могу-ли я, наконецъ, любить Фалалея, если-бъ даже хотѣлъ? Нѣтъ: почему нѣтъ? Потому что онъ Фалалей. Почему я не люблю человѣчества? Потому что все, что ни есть на свѣтѣ—Фалалей, или похоже на Фалалея. Я не хочу Фалалея, я ненавижу Фалалея, я плюю на Фалалея, я раздавлю Фалалея, и, если-бъ надо было выбирать, то я полюблю скорѣе Асмодея, чѣмъ Фалалея! Поди, поди сюда, мой всегдашній истязатель, поди сюда! закричалъ онъ, вдругъ обратившись къ Фалалею, самымъ невиннѣйшимъ образомъ выглядывавшему на цыпочкахъ изъ-за толпы, окружавшей Ѳому Ѳомича:—поди сюда! Я докажу вамъ, полковникъ, кричалъ Ѳома, притягивая къ себѣ рукой Фалалея, обезпамятѣвшаго отъ страха, — я докажу вамъ справедливость словъ моихъ о всегдашнихъ насмѣшкахъ и кукишахъ! Скажи,

Ѳалалей, и скажи правду: что видѣлъ ты во снѣ сегодняшнюю ночь? Вотъ, увидите, полковникъ, увидите ваши плоды! Ну, Ѳалалей, говори!

Бѣдный мальчикъ, дрожавшій отъ страха, обводилъ кругомъ отчаянный взглядъ, ища хоть въ комъ-нибудь своего спасенія: но всѣ только трепетали и съ ужасомъ ждали его отвѣта.

— Ну-же, Ѳалалей, я жду!

Вмѣсто отвѣта, Ѳалалей сморщилъ лицо, растянулъ свой ротъ и заревѣлъ, какъ теленокъ.

— Полковникъ! Видите-ли это упорство? Неужели оно натуральное? Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ, Ѳалалей, скажи: какой сонъ ты видѣлъ сегодня?

— Про...

— Скажи, что меня видѣлъ, подсказалъ Бахчеевъ.

— Про ваши добродѣтели-съ! подсказалъ на другое ухо Ежевикинъ.

Ѳалалей только оглядывался.

— Про.. про ваши доб... про бѣлаго бы-ка! промычалъ онъ, наконецъ, и залился горючими слезами.

Всѣ ахнули. Но Ѳома Ѳомичъ былъ въ припадкѣ необыкновеннаго великодушія.

— Но крайней мѣрѣ, я вижу твою искренность, Ѳалалей, сказалъ онъ:—искренность, которой не замѣчаю въ другихъ. Богъ съ тобою! Если ты нарочно дразнишь меня этимъ сномъ, но навѣту другихъ, то Богъ воздастъ и тебѣ, и другимъ. Если-же нѣтъ, то уважаю твою искренность, ибо даже въ послѣднемъ изъ созданій, какъ ты, я привыкъ различать образъ и подобіе Божіе... Я прощаю тебя, Ѳалалей! Дѣти мои, обнимите меня, я остаюсь!..

«Остается!» вскричали всѣ съ восторгомъ.

— Остаюсь и прощаю. Полковникъ, наградите Ѳалалея сахаромъ: пусть не плачетъ онъ въ такой день всеобщаго счастья.

Разумѣется, такое великодушіе нашли изумительнымъ. *Тотъ* заботиться, въ *такую* минуту и — о комъ-же? О Ѳалалеѣ! Дядя бросился исполнять приказаніе о сахарѣ. Тотчасъ-же—Богъ знаетъ откуда —въ рукахъ Прасковьи Ильиничны явилась серебряная сахарница. Дядя вынулъ было дрожавшею рукою два куска, потомъ три, потомъ уронилъ ихъ, наконецъ, видя, что ничего не въ состояніи сдѣлать отъ волненія.

— Э! вскричалъ онъ:—ужь для такого дня! Держи, Ѳалалей! и высыпалъ ему за пазуху всю сахарницу.

Это тебѣ за искренность, прибавилъ онъ въ видѣ нравоученія.

— Господинъ Коровкинъ,—доложилъ вдругъ появившійся въ дверяхъ Видоплясовъ.

Произошла маленькая суета. Посѣщеніе Коровкина было, очевидно, некстати. Всѣ вопросительно посмотрѣли на дядю.

— Коровкинъ! вскричалъ дядя въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. — Конечно, я радъ... прибавилъ онъ, робко взглядывая на Ѳому:—но, ужъ право не знаю, просить-ли его теперь,—въ такую минуту. Какъ ты думаешь, Ѳома?

— Ничего, ничего!—благосклонно проговорилъ Ѳома,—пригласите и Коровкина; пусть и онъ участвуетъ во всеобщемъ счастьи.

Словомъ, Ѳома Ѳомичъ былъ въ ангельскомъ расположеніи духа.

— Почтительнѣйше осмѣлюсь доложить-съ, замѣтилъ Видоплясовъ,—что Коровкинъ изволятъ находиться не въ своемъ видѣ-съ.

— Не въ своемъ видѣ? Какъ? Что ты врешь? вскричалъ дядя.

— Точно такъ-съ: не въ трезвомъ состояніи души-съ...

Но прежде чѣмъ дядя успѣлъ раскрыть ротъ, покраснѣть, испугаться и сконфузиться до послѣдней степени, послѣдовало и разрѣшеніе загадки. Въ дверяхъ появился самъ Коровкинъ, отвелъ рукой Видоплясова и предсталъ предъ изумленною публикой. Это былъ невысокій, но плотный господинъ, лѣтъ сорока, съ темными волосами и съ просѣдью, выстриженный подъ гребенку, съ багровымъ, круглымъ лицомъ, съ маленькими, налитыми кровью глазами, въ высокомъ волосяномъ галстукѣ, застегнутомъ сзади пряжкой, во фракѣ необыкновенно истасканномъ, въ пухъ и въ сѣнь, и сильно лоснувшемъ подъ мышкой, въ pantalon impossible и при фуражкѣ, засаленной до невѣроятности, которую онъ держалъ на отлетѣ. Этотъ господинъ былъ совершенно пьянъ. Выйдя на средину комнаты, онъ остановился, покачиваясь и тюкая впередъ носомъ, въ пьяномъ раздумьи; потомъ медленно во весь ротъ улыбнулся.

— Извините, господа, проговорилъ онъ:—я... того... (тутъ онъ щелкнулъ по воротнику) получилъ! Генеральша немедленно приняла видъ оскорбленнаго достоинства. Ѳома, сидя въ креслѣ, иронически обмѣривалъ взглядомъ эксцентрическаго гостя. Бахчеевъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, сквозь которое проглядывало, однако, нѣкоторое сочувствіе. Смущеніе-же дяди было невѣроятное: онъ всею душею страдалъ за Коровкина.

— Коровкинъ! началъ было онъ;—послушайте!

— Атанде-съ, прервалъ Коровкинъ. Рекомендуюсь: дитя природы... Но, что я вижу? Здѣсь дамы... А зачѣмъ-же ты не сказалъ мнѣ, подлецъ, что у тебя здѣсь дамы? прибавилъ онъ, съ плутовскою улыбкою смотря на дядю:—ничего! Не робѣй!.. Представимся и прекрасному полу... Прелестныя дамы! - началъ онъ.

съ трудомъ ворочая языкъ и завязая на каждомъ словѣ:—вы видите несчастнаго, который... ну, да ужъ и такъ далѣе... Остальное не договаривается... Музыканты! Польку!

— А не хотите-ли заснуть?—спросилъ Мизинчиковъ, спокойно подходя къ Коровкину.

— Заснуть! Да вы съ оскорбленіемъ говорите?

— Нисколько. Знаете, съ дороги полезно...

— Никогда! съ негодованіемъ отвѣчалъ Коровкинъ. — Ты думаешь, я пьянъ? - ни мало... А, впрочемъ, гдѣ у васъ спятъ?

— Пойдемте, я васъ сейчасъ проведу.

— Куда? Въ сараи? Нѣтъ, братъ, не надуешь! Я ужъ тамъ ночевалъ... А, впрочемъ, веди... Съ хорошимъ человѣкомъ отчего не поцути?.. Подушки не надо: военному человѣку не надо подушки. А ты мнѣ, братъ, диванчикъ сочини... Да слушай, — прибавилъ онъ, останавливаясь:—ты, я вижу, малый тёплый; сочини-ка ты мнѣ того... понимаешь? Ромео, такъ только, чтобъ муху задавить... единственно, чтобъ муху задавить, одну, то есть, ромочку.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ Мизинчиковъ.

— Хорошо... Да ты постой, вѣдь надо-жъ проститься. Adieu, mesdames и mesdemoiselles!.. Вы, такъ сказать, произвели... Ну, да ужъ нѣчего! Послѣ объяснимся... а только разбудите меня, какъ начнется... или даже за пять минутъ до начала... а безъ меня не начинать! Слышите? Не начинать!..

И веселый господинъ скрылся за Мизинчиковымъ.

Всѣ молчали. Недоумѣніе еще продолжалось. Наконецъ, Ѳома началъ по немногу, молча и неслышно, хихикать: смѣхъ его разрастался все болѣе и болѣе въ хохотъ. Видя это, повеселѣла и генеральша, хотя все еще выраженіе оскорбленнаго достоинства сохранялось въ лицѣ ея. Невольный смѣхъ начиналъ подыматься со всѣхъ сторонъ. Дядя стоялъ, какъ опѣломленный, краснѣя до слезъ и нѣкоторое время не въ состояніи вымолвить слова.

— Господи Боже!—проговорилъ онъ, наконецъ.—кто-жъ это зналъ? Но вѣдь... вѣдь это со всякимъ-же можетъ случиться. Ѳома, увѣряю тебя, что это честнѣйшій, благороднѣйшій и даже чрезвычайно начитанный человѣкъ, Ѳома... вотъ ты увидишь!..

— Вижу-съ, вижу-съ, отвѣчалъ, Ѳома, задыхаясь отъ смѣха:— необыкновенно начитанный, именно начитанный!

— Про желѣзныя дороги какъ говоритъ-съ! замѣтилъ, вполголоса, Ежевикинъ.

— Ѳома!.. вскричалъ было дядя, но всеобщій хохотъ покрылъ слова его. Ѳома Ѳомичъ такъ и заливался. Видя это, разсмѣялся и дядя.

— Ну, да что̀ тутъ! сказалъ онъ съ увлеченіемъ.—Ты великодушенъ, Ѳома, у тебя великое сердце: ты составилъ мое счастье... ты-же простишь и Коровкину.

Не смѣялась одна только Настенька. Полными любовью глазами смотрѣла она на жениха своего и какъ будто хотѣла вымолвить:

«Какой ты, однако-жь, прекрасный, какой добрый, какой благороднѣйшій человѣкъ, и какъ я люблю тебя!»

VI.

Заключеніе.

Торжество Ѳомы было полное и непоколебимое. Дѣйствительно, безъ него ничего-бы не устроилось и совершившійся фактъ подавлялъ всѣ сомнѣнія и возраженія. Благодарность осчастливленныхъ была безгранична. Дядя и Настенька такъ и замахали на меня руками, когда я попробовалъ было слегка намекнуть, какимъ процессомъ получилось согласіе Ѳомы на ихъ свадьбу. Саненька кричала: «добрый, добрый Ѳома Ѳомичъ; я ему подушку гарусомъ вышью!» и даже пристыдила меня за мое жестокосердіе. Новообращенный Степанъ Алексѣичъ, кажется, задушилъ-бы меня, если-бъ мнѣ вздумалось сказать при немъ что-нибудь непочтительно про Ѳому Ѳомича. Онъ теперь ходилъ за Ѳомой, какъ собачка, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и къ каждому слову его прибавлялъ: «благороднѣйшій ты человѣкъ, Ѳома! Ученый ты человѣкъ, Ѳома!» Что-жь касается Ежевикина, то онъ былъ въ самой послѣдней степени восторга. Старикашка давнымъ-давно видѣлъ, что Настенька вскружила голову Егору Ильичу и съ тѣхъ поръ на яву и во снѣ только и грезилъ о томъ, какъ-бы выдать за него свою дочку. Онъ тянулъ дѣло до послѣдней невозможности и отказался уже тогда, когда невозможно было не отказаться. Ѳома перестроилъ дѣло. Разумѣется, старикъ, не смотря на свой восторгъ, понималъ Ѳому Ѳомича насквозь; словомъ, было ясно, что Ѳома Ѳомичъ воцарился въ этомъ домѣ на вѣки и что тиранству его теперь уже не будетъ конца. Извѣстно, что самые непріятнѣйшіе, самые капризнѣйшіе люди, хоть на время да укрощаются, когда удовлетворятъ ихъ желаніямъ. Ѳома Ѳомичъ, совершенно напротивъ, какъ-то еще больше глупѣлъ при удачахъ и задиралъ носъ все выше и выше. Передъ самымъ обѣдомъ, перемѣнивъ бѣлье и переодѣвшись, онъ усѣлся

въ кресль, позвалъ дядю и, въ присутствіи всего семейства, сталъ читать ему новую проповѣдь.

— Полковникъ! началъ онъ,—вы вступаете въ законный бракъ. Понимаете-ли вы ту обязанность...

И такъ далѣе, и такъ далѣе: представьте себѣ десять страницъ, формата «Journal des Débats», самой мелкой печати, наполненныхъ самымъ дикимъ вздоромъ, въ которомъ не было ровно ничего объ обязанностяхъ, а были только самыя безстыдныя похвалы уму, кротости, великодушію, мужеству и безкорыстію его самого, Ѳомы Ѳомича. Всѣ были голодны; всѣмъ хотѣлось обѣдать; но, не смотря на то никто не смѣлъ противорѣчить и всѣ съ благоговѣніемъ дослушали всю дичь до конца; даже Бахчеевъ, при всемъ своемъ мучительномъ аппетитѣ, просидѣлъ, не шелохнувшись, въ самой полной почтительности. Удовлетворившись собственнымъ краснорѣчіемъ, Ѳома Ѳомичъ, наконецъ, развеселился и даже довольно сильно подшилъ за обѣдомъ, провозглашая самые необыкновенные тосты. Онъ принялся острить и подшучивать, разумѣется, на счетъ молодыхъ. Всѣ хохотали и аплодировали. Но нѣкоторыя изъ шутокъ были до такой степени сальны и недвусмысленны, что даже Бахчеевъ сконфузился. Наконецъ, Настенька вскочила изъ-за стола и убѣжала. Это привело Ѳому Ѳомича въ неописанный восторгъ; но онъ тотчасъ-же нашелся: въ краткихъ, но сильныхъ словахъ изобразилъ онъ достоинства Настеньки и провозгласилъ тостъ за здоровье отсутствующей. Дядя, за минуту сконфуженный и страдавшій, готовъ былъ теперь обнимать Ѳому Ѳомича. Вообще, женихъ и невѣста, какъ будто стыдились другъ друга и своего счастья, — и я замѣтилъ: съ самаго благословенія еще они не сказали межъ собою ни слова, даже какъ-будто избѣгали глядѣть другъ на друга. Когда встали изъ-за стола, дядя вдругъ исчезъ неизвѣстно куда. Отыскивая его, я забрелъ на террасу. Тамъ, сидя въ креслѣ, за кофеемъ, ораторствовалъ Ѳома, сильно подкуражившій. Около него были только Ежевикинъ, Бахчеевъ и Мизинчиковъ. Я остановился послушать.

— Почему, кричалъ Ѳома, почему я готовъ сейчасъ-же идти на костеръ за мои убѣжденія? А почему изъ васъ никто не въ состояніи пойдти на костеръ? Почему, почему?

— Да вѣдь это ужь и лишнее будетъ, Ѳома Ѳомичъ, на костеръ-то-съ! трунилъ Ежевикинъ.— Ну, что толку? Во первыхъ, и больно-съ, а во вторыхъ, сожгутъ что останется?

— Что останется? Благородный пепелъ останется. Но гдѣ тебѣ понять, гдѣ тебѣ оцѣнить меня! Для васъ не существуетъ великихъ людей, кромѣ какихъ-то тамъ Цезарей, да Александровъ Македонскихъ! А что сдѣлали твои Цезари? Кого осчастливили? Что сдѣлалъ твой хва-

леный Александръ Македонскій? Всю землю-то завоевалъ? Да ты дай мнѣ такую-же фалангу, такъ и я завоюю, и ты завоюешь, и онъ завоюетъ... За то, онъ убилъ добродѣтельнаго Клита, а я не убивалъ добродѣтельнаго Клита... Мальчишка! Прохвостъ! Розогъ-бы дать ему, а не прославлять во всемірной исторіи... да ужъ вмѣстѣ и Цезарю!

— Цезаря-то хоть пощадите, Ѳома Ѳомичъ!

— Не пощажу дурака! кричалъ Ѳома.

— И не щади! съ жаромъ подхватилъ Степанъ Алексѣевичъ, тоже подпивній: — нечего ихъ щадить: всѣ они прыгуны, всѣ только-бы на одной ножкѣ повертѣться! Колбасники! Вотъ одинъ, давеча, стипендію какую-то хотѣлъ учредить. А что такое стипендія? Чортъ ее и знаетъ, что она значитъ! Объ закладъ побьюсь, какая-нибудь новая пакость. А тотъ, другой, давеча-то, въ благородномъ обществѣ, вензеля пишетъ, да рому проситъ! По моему, отчего не выпить? Да ты пей, пей, да и перегородку сдѣлай, а потомъ, пожалуй, и опять пей... Нечего ихъ щадить! Всѣ мошенники! Одинъ только ты ученый, Ѳома!

Бахчеевъ, если отдавался кому, то отдавался весь, безусловно и безо всякой критики.

Я отыскалъ дядю въ саду, у пруда, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ. Онъ былъ съ Настенькой. Увидя меня, Настенька стрѣлнула въ кусты, какъ будто виноватая. Дядя пошелъ ко мнѣ на встрѣчу съ сіяющимъ лицомъ; въ глазахъ его стояли слезы восторга. Онъ взялъ меня за обѣ руки и крѣпко сжалъ ихъ.

— Другъ мой! сказалъ онъ,—я до сихъ поръ какъ будто не вѣрю моему счастью... Настя тоже. Мы только дивимся и прославляемъ Всевышняго. Сейчасъ она плакала. Повѣришь-ли, до сихъ поръ я какъ-то не опомнился, какъ-то растерялся весь: и вѣрю, и не вѣрю! И за что это мнѣ? За что? Что я сдѣлалъ? Чѣмъ я заслужилъ!

— Если кто заслужилъ, дядюшка, то это вы, сказалъ я съ увлеченіемъ.—Я еще не видалъ такого честнаго, такого прекраснаго, такого добрѣйшаго человѣка, какъ вы...

— Нѣтъ, Сережа, нѣтъ, это слишкомъ, отвѣчалъ онъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ.—То-то и худо, что мы добры (то есть я про себя одного говорю), когда намъ хорошо; а когда худо, такъ и не подступайся близко! Вотъ мы только сейчасъ толковали объ этомъ съ Настей. Сколько ни сіялъ передо мною Ѳома, а повѣришь-ли? Я, можетъ быть, до самаго сегодня не совсѣмъ въ него вѣрилъ, хотя и самъ увѣрялъ тебя въ его совершенствѣ: даже вчера не увѣровалъ, когда онъ отказался отъ такого подарка! Къ стыду моему

говорю! Сердце трепещетъ послѣ давешняго воспоминанія! Но я не владѣлъ собой... Когда онъ сказалъ давеча про Настю, то меня какъ будто въ самое сердце что-то укусило. Я не понялъ и поступилъ какъ тигръ...

— Что-жъ, дядюшка: можетъ, это было даже естественно.

Дядя замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, и не говори! А просто за просто, все это отъ испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоистъ и безъ удержу отдаюсь страстямъ моимъ. Такъ и Ѳома говоритъ. (Что было отвѣчать на это?) Не знаешь ты, Сережа, продолжалъ онъ, съ глубокимъ чувствомъ: — сколько разъ я бывалъ раздражителенъ, безжалостенъ, несправедливъ, высокомѣренъ, да и не къ одному Ѳомѣ. Вотъ теперь это все вдругъ пришло на память, и мнѣ какъ-то стыдно, что я до сихъ поръ ничего еще не сдѣлалъ, чтобъ быть достойнымъ такого счастья. Настя тоже сейчасъ говорила, хотя, право, не знаю, какіе на ней-то грѣхи, потому что она ангелъ, а не человѣкъ! Она сказала мнѣ, что мы въ страшномъ долгу у Бога, что надо теперь стараться быть добрѣе, дѣлать все добрыя дѣла... И если-бъ ты слышалъ какъ она горячо, какъ прекрасно все это говорила! Боже мой, что за дѣвушка!

Онъ остановился въ волненіи. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Мы полюбили, братъ, особенно полюбили Ѳому, маменьку и Татьяну Ивановну. А Татьяна-то Ивановна! Какое благороднѣйшее существо! О, какъ я виноватъ предъ всѣми! Я и передъ тобой виноватъ... Но если кто осмѣлится теперь обидѣть Татьяну Ивановну, о! тогда... Ну, да ужъ нечего!.. Для Мизинчикова тоже надо что-нибудь сдѣлать.

— Да, дядюшка, я теперь перемѣнилъ мое мнѣніе о Татьянѣ Ивановнѣ. Ее нельзя не уважать и не сострадать ей.

— Именно, именно! подхватилъ съ жаромъ дядя:—нельзя не уважать! Вѣдь вотъ, напримѣръ, Коровкинъ, вѣдь ты ужъ навѣрно смѣешься надъ нимъ, прибавилъ онъ, съ робостью заглядывая мнѣ въ лицо,—и всѣ мы давеча смѣялись надъ нимъ. А вѣдь это, можетъ быть, непростительно... вѣдь это, можетъ быть, превосходнѣйшій, добрѣйшій человѣкъ, но судьба... испытать несчастья... Ты не вѣришь, а это, можетъ быть, истинно такъ.

— Нѣтъ, дядюшка; почему-же не вѣрить?

И я съ жаромъ началъ говорить о томъ, что въ самомъ паденіи созданія могутъ еще сохраниться высочайшія человѣческія чувства: что неизслѣдима глубина души человѣческой; что нельзя презирать падшихъ! А, напротивъ, должно отыскивать и возста-

повлять: что невѣрна общепринятая мѣрка добра и нравственности, и проч., и проч.,—словомъ, я воспламенился и разсказалъ даже о натуральной школѣ: въ заключеніе-же прочелъ стихи:

„Когда изъ мрака заблужденья"...

Дядя пришелъ въ необыкновенный восторгъ.

— Другъ мой, другъ мой! сказалъ онъ, растроганный: — ты совершенно понимаешь меня и еще лучше меня разсказалъ все, что я самъ хотѣлъ было выразить. Такъ, такъ! Господи! Почему это золъ человѣкъ? Почему я такъ часто бываю золъ, когда такъ хорошо, такъ прекрасно быть добрымъ? Вотъ и Настя тоже самое сейчасъ говорила... Но, посмотри, однако-жъ, какое здѣсь славное мѣсто, прибавилъ онъ, оглядываясь вокругъ себя,—какая природа! Какая картина! Экое дерево! Посмотри: въ обхватъ человѣческій! Какой сокъ, какіе листья! Какое солнце! Какъ послѣ грозы-то все вокругъ повеселѣло, обмылось!.. Вѣдь подумаешь, что и деревья понимаютъ, тоже что-нибудь про себя, чувствуютъ и наслаждаются жизнью... Неужели-жъ нѣтъ—а? Какъ ты думаешь?

— Очень можетъ быть, дядюшка. По своему, разумѣется.

— Ну да, разумѣется, по своему... Дивный, дивный Творецъ!.. А вѣдь ты долженъ хорошо помнить весь этотъ садъ, Сережа: какъ ты тутъ игралъ и бѣгалъ, когда былъ маленькій! Я вѣдь помню, когда ты былъ маленькій, прибавилъ онъ, смотря на меня съ неизъяснимымъ выраженіемъ любви и счастья.—Тебѣ только къ пруду не позволяли ходить одному. А помнишь, одинъ разъ, вечеромъ, Катя-покойница подозвала тебя и стала тебя ласкать... Ты все бѣгалъ въ саду, передъ этимъ, и весь разрумянился: волоски у тебя такіе свѣтленькіе, въ кудряшкахъ... Она ими играла-играла, да и сказала: „это хорошо, что ты его, сиротку, къ намъ взяль". Помнишь, иль нѣтъ?

— Чуть-чуть, дядюшка.

— Тогда еще вечеръ былъ, и солнце на васъ обоихъ такъ свѣтило, а я сидѣлъ въ углу и трубку курилъ, да на васъ смотрѣлъ... Я, Сережа, каждый мѣсяцъ къ ней на могилу, въ городъ, ѣзжу, прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, въ которомъ слышались дрожаніе и подавляемыя слезы.—Я объ этомъ сейчасъ Настѣ говорилъ: она сказала, что мы оба вмѣстѣ будемъ къ ней ѣздить...

Дядя замолчалъ, стараясь подавить свое волненіе.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Видоплясовъ.

— Видоплясовъ! вскричалъ дядя, встрепенувшись: — ты отъ Ѳомы Ѳомича?

— Нѣтъ-съ, я болѣе по своей надобности-съ.

— А, ну и славно! Вотъ и узнаемъ про Коровкина. А я, вѣдь, еще давеча хотѣлъ спросить... Я ему, Сережа, велѣлъ тамъ наблюдать, Коровкина-то. —Въ чемъ дѣло, Видоплясовъ?

— Осмѣлюсь доложить, сказалъ Видоплясовъ,—что вчера вы изволили упомянуть-съ на счетъ моей просьбы-съ, и обѣщать мнѣ ваше высокое заступленіе отъ ежедневныхъ обидъ-съ.

— Неужели ты опять про фамилію? вскричалъ дядя въ испугѣ.

— Что-жь дѣлать-съ? Ежечасныя обиды-съ...

— Ахъ, Видоплясовъ, Видоплясовъ! Что мнѣ съ тобой дѣлать? сказалъ съ сокрушеніемъ дядя. — Ну, какія тебѣ могутъ быть обиды? Вѣдь ты, просто, съ ума сойдешь, въ желтомъ домѣ жизнь кончишь!

— Кажется, я умомъ моимъ-съ... началъ было Видоплясовъ.

– Ну то-то, то-то, перебилъ дядя,—я, братецъ, это такъ говорю, не въ обиду тебѣ, а въ пользу. Ну какія тамъ у тебя обиды? Бьюсь объ закладъ, какая-нибудь дрянь?

— Проходу нѣтъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ-съ и преимущественно черезъ Матрену-съ. Черезъ нее я всею жизнію страдать почелъ-съ. Извѣстно-съ, что всѣ отличительные люди-съ, кто съ измалѣтства еще меня видѣлъ, говорили, что я совсѣмъ на иностранца похожъ, преимущественно чертами лица-съ. Что-же сударь? Изъ-за этого мнѣ теперь и проходу нѣтъ-съ. Какъ только я мимо иду-съ, всѣ мнѣ слѣдомъ кричать всякія дурныя слова-съ: даже ребятишки маленькіе-съ, которыхъ надо прежде всего розгами высѣчь-съ, и тѣ кричать-съ... Вотъ и теперь, когда я сюда шелъ, кричали-съ... Мочи нѣтъ-съ. Защитите, сударь, вашимъ покровомъ-съ!

— Ахъ, Видоплясовъ!.. Ну да что-жь они такое кричать? Вѣрно глупость какую-нибудь, на которую не надо и вниманія обращать.

— Неприлично будетъ сказать-съ.

— Да что̀ имено?

— Омерзительно выговорить-съ.

— Да ужь говори!

— Гришка-голанецъ, съѣлъ померанецъ-съ.

— Фу, какой человѣкъ! Я думалъ и Богъ знаетъ что̀! А ты плюнь, да мимо и пройди.

— Плевалъ-съ: еще больше кричатъ-съ.

— Да послушайте, дядюшка, сказалъ я,—вѣдь онъ жалуется на то, что ему житья нѣтъ въ здѣшнемъ домѣ. Отправьте его хоть на время въ Москву, къ тому каллиграфу. Вѣдь онъ, вы говорили, у каллиграфа какого-то жилъ.

— Ну, братъ, тотъ тоже кончилъ трагически!

— А что?

— Они-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ, имѣли несчастье присвоить себѣ чужую собственность-съ, за что, не смотря на весь ихъ талантъ, были посажены въ острогъ-съ, гдѣ безвозвратно погибли-съ.

— Хорошо, хорошо, Видоплясовъ: ты теперь успокойся, а я все это разберу и улажу, сказалъ дядя,—обѣщаю тебѣ! Ну что Коровкинъ? Спитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, они сейчасъ изволили отъѣхать-съ. Я съ тѣмъ и ушелъ доложить-съ.

— Какъ отъѣхать? Что ты? Да какъ-же ты выпустилъ? вскричалъ дядя.

— По добродушію сердца-съ; жалостно было смотрѣть-съ. Какъ проснулись и вспомнили весь процессъ, такъ тотчасъ-же ударили себя по головѣ и закричали благимъ матомъ-съ...

— Благимъ матомъ!..

— Почтительнѣе будетъ выразиться: многоразличные вопли испускали-съ. Кричали: какъ они представятся теперь прекрасному полу-съ? А потомъ прибавили: я не достоинъ рода человѣческаго! и все такъ жалостно говорили-съ, въ отборныхъ словахъ-съ.

— Деликатнѣйшій человѣкъ! Я говорилъ тебѣ, Сергѣй... Да какъ-же ты, Видоплясовъ, пустилъ, когда именно тебѣ я велѣлъ стеречь? Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Болѣе черезъ сердечную жалость-съ. Просили не говорить-съ. Ихъ-же извощикъ лошадей выкормилъ и запрегъ-съ. А за врученную, три дня назадъ, сумму-съ велѣли почтительнѣйше благодарить-съ и сказать, что вышлютъ долгъ, съ одною изъ первыхъ почтъ-съ.

— Какую это сумму, дядюшка?

— Они называли двадцать пять рублей серебромъ-съ, сказалъ Видоплясовъ.

— Это я, братъ, ему тогда далъ взаймы, на станціи: у него не достало. Разумѣется, онъ вышлетъ съ первой-же почтой... Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ жаль! Не послать-ли въ погоню, Сережа?

— Нѣтъ, дядюшка, лучше не посылайте.

— Я самъ тоже думаю. Видишь, Сережа, я, конечно, не философъ, но я думаю, что во всякомъ человѣкѣ гораздо болѣе добра, чѣмъ снаружи кажется. Такъ и Коровкинъ: онъ не вынесъ стыда... Но пойдемъ, однако-жъ, къ Ольгѣ! Мы замѣшкались: можетъ оскорбиться неблагодарностію, невниманіемъ... Идемъ-же! Ахъ, Коровкинъ, Коровкинъ!

Романъ конченъ. Любовники соединились, и геній добра безусловно воцарился въ домѣ, въ лицѣ Ѳомы Ѳомича. Тутъ можно-бы сдѣлать очень много приличныхъ объясненій: но, въ сущности, всѣ эти объясненія теперь совершенно лишнія. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Взамѣнъ всякихъ объясненій, скажу лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ героевъ моего разсказа: безъ этого, какъ извѣстно, не кончается ни одинъ романъ, и это даже предписано правилами.

Свадьба «осчастливленныхъ» произошла спустя шесть недѣль послѣ описанныхъ мною происшествій. Сдѣлали все тихо, семейно, безъ особенной пышности и безъ лишнихъ гостей. Я былъ шаферомъ Настеньки, Мизинчиковъ—со стороны дяди. Впрочемъ, были и гости. Но самымъ первымъ, самымъ главнымъ человѣкомъ былъ, разумѣется, Ѳома Ѳомичъ. За нимъ ухаживали: его посылы на рукахъ. Но какъ-то случилось, что его одинъ разъ обнесли шампанскимъ. Немедленно произошла исторія, сопровождаемая упреками, воплями, криками. Ѳома убѣжалъ въ свою комнату, запершя на ключъ, кричалъ, что презираютъ его, что теперь уже «новые люди» вошли въ семейство и потому онъ ничто, не болѣе, какъ щенка, которую надо выбросить. Дядя былъ въ отчаяніи: Настенька плакала; съ генеральшей, по обыкновенію, сдѣлались судороги... Свадебный пиръ походилъ на похороны. И ровно семь лѣтъ такого сожительства съ благодѣтелемъ, Ѳомой Ѳомичемъ, достались въ удѣлъ моему бѣдному дядѣ и бѣдненькой Настенькѣ. До самой смерти своей (Ѳома Ѳомичъ умеръ въ прошломъ году) онъ кипятился, кусался, ломался, сердился, бранился: но благоговѣніе къ нему «осчастливленныхъ» не только не уменьшалось, но даже ежедневно возрастало, пропорціонально его капризамъ. Егоръ Ильичъ и Настенька до того были счастливы другъ съ другомъ, что даже боялись за свое счастье, считали, что это уже слишкомъ послалъ имъ Господь; что не стоютъ они такой милости, и предполагали, что, можетъ быть, впослѣдствіи имъ назначено искупить свое счастье крестомъ и страданіями. Понятно, что Ѳома Ѳомичъ могъ дѣлать въ этомъ смиренномъ домѣ все, что ему вздумается. И чего-чего онъ не дѣлалъ въ эти семь лѣтъ! Даже нельзя себѣ представить, до какихъ необузданныхъ фантазій доходила иногда его пресыщенная, праздная душа въ изобрѣтеніи самыхъ утонченныхъ, нравственно-дуракловскихъ капризовъ. Три года спустя послѣ дядюшкиной свадьбы, скончалась бабушка. Оспротивившій Ѳома былъ пораженъ отчаяніемъ. Даже и теперь, въ домѣ дяди, съ ужасомъ разсказываютъ о тогдашнемъ его положеніи. Когда засыпали могилу, онъ рвался въ нее и кричалъ, чтобъ и его вмѣстѣ засыпали. Цѣлый мѣсяцъ не да-

вали ему ни ножей, ни вилокъ: а одинъ разъ силою, вчетверомъ, раскрыли ему ротъ и вынули оттуда булавку, которую онъ хотѣлъ проглотить. Кто-то изъ посторонних свидѣтелей борьбы замѣтилъ, что Ѳома Ѳомичъ тысячу разъ могъ проглотить эту булавку во время борьбы и, однако-жъ, не проглотилъ. Но эту догадку выслушали съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и тутъ-же уличили догадчика въ жестокосердіи и непріличіи. Только одна Настенька хранила молчаніе и чуть-чуть улыбнулась, причемъ дядя взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вообще нужно замѣтить, что Ѳома хоть и куражился, хоть и капризничалъ въ домѣ дяди по прежнему, но прежнихъ деспотическихъ и наглыхъ распеканцій, какія онъ позволялъ себѣ съ дядей, уже не было. Ѳома жаловался, плакалъ, укорялъ, попрекалъ, стыдилъ, но уже не оралъ по прежнему. — не было такихъ сценъ, какъ «ваше превосходительство», и это, кажется, сдѣлала Настенька. Она почти непримѣтно заставила Ѳому кой-что уступить и кой въ чемъ покориться. Она не хотѣла видѣть униженія мужа и настояла на своемъ желаніи. Ѳома ясно видѣлъ, что она его почти понимаетъ. Я говорю *почти*, потому что Настенька тоже любила Ѳому и даже каждый разъ поддерживала мужа, когда онъ восторженно восхвалялъ своего мудреца. Она хотѣла заставить другихъ уважать все въ своемъ мужѣ, потому гласно оправдывала и его привязанность къ Ѳомѣ Ѳомичу. Но я увѣренъ, что золотое сердечко Настеньки забыло всѣ прежнія обиды: она все простила Ѳомѣ, когда онъ соединилъ ее съ дядей и, кромѣ того, кажется, серьезно всѣмъ сердцемъ вошла въ идею дяди, что со «страдальца» и прежняго шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротивъ, уврачевать сердце его. Бѣдная Настенька сама была изъ *униженныхъ*, сама страдала и помнила это. Черезъ мѣсяцъ Ѳома утихъ, сдѣлался даже ласковъ и кроткъ, но зато—начались другіе, самые неожиданные припадки: онъ началъ впадать въ какой-то магнетическій сонъ, устрашавшій всѣхъ до послѣдней степени. Вдругъ, напримѣръ, страдалецъ что-нибудь говоритъ, даже смѣется, и въ одно мгновеніе окаменѣетъ, и окаменѣетъ именно въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находился въ послѣднее мгновеніе передъ припадкомъ: если, напримѣръ, онъ смѣялся, то такъ и оставался съ улыбкою на устахъ: если-же держалъ что-нибудь, хоть вилку, то вилка такъ и останется въ поднятой рукѣ, на воздухѣ. Потомъ, разумѣется, рука опустится, но Ѳома Ѳомичъ уже ничего не чувствуетъ и не помнитъ, какъ она опустилась. Онъ сидитъ, смотритъ, даже моргаетъ глазами, но не говоритъ ничего, ничего не слышитъ и не понимаетъ. Такъ продолжалось иногда по цѣлому часу. Разумѣется, всѣ въ домѣ чуть

не умираютъ отъ страха, сдерживаютъ дыханіе, ходятъ на цыпочкахъ, плачутъ. Наконецъ, Фома проснется, чувствуя страшное изнеможеніе и увѣряетъ, что ровно ничего не слыхалъ и не видалъ во все это время. Нужно-же, чтобъ до такой степени ломался, рисовался человѣкъ, выдерживалъ цѣлые часы добровольной муки — и единственно для того, чтобъ сказать потомъ: «смотрите на меня, я и чувствую-то краше, чѣмъ вы!» Наконецъ, Фома Фомичъ проклялъ дядю «за сквасныя обиды и непочтительность» и переѣхалъ жить къ господину Бахчееву. Степанъ Алексѣевичъ, который послѣ дядиной свадьбы еще много разъ ссорился съ Фомой Фомичемъ, но всегда кончалъ тѣмъ, что самъ-же просилъ у него прощенья, въ этотъ разъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ жаромъ: онъ встрѣтилъ Фому съ энтузіазмомъ, накормилъ на убой и тутъ-же положилъ формально разссориться съ дядей и даже подать на него просьбу. У нихъ былъ гдѣ-то спорный клочекъ земли, о которомъ, впрочемъ, никогда и не спорили, потому что дядя вездѣ уступалъ его, безъ всякихъ споровъ, Степану Алексѣевичу. Не говоря ни слова, господинъ Бахчеевъ велѣлъ заложить коляску, поскакалъ въ городъ, настрочилъ тамъ просьбу и подалъ, прося судъ присудить ему формальнымъ образомъ землю, съ вознагражденіями протерей и убытковъ, и такимъ образомъ казнить самоуправство и хищничество. Между тѣмъ, Фома, на другой-же день, соскучившись у господина Бахчеева, простилъ дядю, пріѣхавшаго съ повинною и отправился обратно въ Степанчиково. Гнѣвъ господина Бахчеева, возвратившагося изъ города и не заставшаго Фомы, былъ ужасенъ; но черезъ три дня онъ явился въ Степанчиково съ повинною, со слезами просилъ прощенья у дяди и уничтожилъ свою просьбу. Дядя въ тотъ-же день помирился его съ Фомой Фомичемъ и Степанъ Алексѣевичъ опять ходилъ за Фомой, какъ собачка и по прежнему приговаривалъ къ каждому слову: «Умный ты человѣкъ, Фома! Ученый ты человѣкъ, Фома!»

Фома Фомичъ лежитъ теперь въ могилѣ, подъ генеральнымъ: надъ нимъ стоитъ драгоцѣнный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, весь испещренный плачевными цитатами и хвалебными надписями. Иногда Егоръ Ильичъ и Настенька благоговѣйно заходятъ, съ прогулки, въ церковную ограду поклониться Фомѣ. Они и теперь не могутъ говорить о немъ безъ особаго чувства, припоминаютъ каждое его слово, что онъ былъ, что любилъ. Вещи его сберегаются, какъ драгоцѣнность. Почувствовавъ себя совершенно осиротѣвшими, дядя и Настя еще болѣе привязались другъ къ другу. Дѣтей имъ Богъ не далъ; они очень горюютъ объ этомъ, но роптать не смѣютъ. Сашенька давно уже вышла замужъ за одного прекраснаго молодаго

человѣка. Илюша учится въ Москвѣ. Такимъ образомъ, дядя и Настя живутъ одни и не надышатся другъ на друга. Забота ихъ другъ о другѣ дошла до какой-то болѣзненности. Настя безпрерывно молится. Если кто изъ нихъ первый умретъ, то другой, я думаю, не проживетъ и недѣли. Но дай Богъ имъ долго жить! Принимаютъ они всѣхъ съ полнымъ радушіемъ и готовы раздѣлить со всякимъ несчастнымъ все, что у нихъ имѣется. Настенька любитъ читать житія святыхъ и съ сокрушеніемъ говоритъ, что обыкновенныхъ добрыхъ дѣлъ еще мало, а что надо-бы раздать все нищимъ и быть счастливыми въ бѣдности. Если-бъ не забота объ Илюшѣ и Сашенькѣ, дядя-бы давно такъ и сдѣлалъ, потому что онъ во всемъ вполнѣ согласенъ съ женою. Съ ними живетъ Прасковья Ильинична и угождаетъ имъ во всемъ съ наслажденіемъ. Она-же ведетъ и хозяйство. Господинъ Бахчеевъ сдѣлалъ ей предложеніе еще вскорѣ послѣ дядюшкиной свадьбы, но она наотрѣзъ ему отказала. Заключили изъ этого, что она пойдетъ въ монастырь, но и этого не случилось. Въ натурѣ Прасковьи Ильиничны есть одно замѣчательное свойство: совершенно уничтожаться передъ тѣми, кого она полюбила, ежечасно исчезать передъ ними, смотрѣть имъ въ глаза, подчиняться всевозможнымъ ихъ капризамъ, хотѣть за ними и служить имъ. Теперь, по смерти генеральши, своей матери, она считаетъ своею обязанностью не разлучаться съ братомъ и угождать во всемъ Настенькѣ. Старикашка Ежевикинъ еще живъ, и въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ посѣщать свою дочь. Вначалѣ онъ приводилъ дядю въ отчаяніе тѣмъ, что почти совершенно отстранилъ себя и свою мелюзгу (такъ называлъ онъ дѣтей своихъ) отъ Степанчикова. Всѣ зазывы дяди не дѣйствовали на него: онъ былъ не столько горделивъ и мнителенъ. Самолюбивая мнительность его доходила иногда до болѣзни. Мысль, что его, бѣдняка, будутъ принимать въ богатомъ домѣ изъ милости, сочтутъ назойливымъ и навязчивымъ,—убивала его; онъ даже отказывался, иногда, отъ Настенькиной помощи и принималъ только самое необходимое. Отъ дяди-же онъ ничего рѣшительно не хотѣлъ принять. Настенька чрезвычайно ошиблась, говоря мнѣ тогда, въ саду, объ отцѣ, что онъ представляетъ изъ себя шута *для меня*. Правда, ему ужасно хотѣлось тогда выдать Настеньку замужъ; но корчилъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобъ дать выходъ накопившейся злости. Потребность насмѣшки и *язвительности* была у него въ крови. Онъ карикатурилъ, напримѣръ, изъ себя самаго подлаго, самаго низкопоклоннаго льстеца; но въ тоже время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду; и чѣмъ унизительнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровен-

ибе проглядывала въ ней насмѣшка. Такая ужь была его манера. Всѣхъ дѣтей его удалось размѣстить въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и то только, когда Настенька ясно доказала ему, что все это сдѣлается на ея собственный счетъ, то есть въ счетъ ея собственныхъ тридцати тысячъ, подаренныхъ ей Татьяной Ивановной. Эти тридцать тысячъ, по правдѣ, никогда и не брали у Татьяны Ивановны: а ее, чтобъ она не горевала и не обижалась, умилостивили, обѣщая ей при первыхъ неожиданныхъ семейныхъ нуждахъ обратиться къ ея помощи. Такъ и сдѣлали: для виду были произведены у ней, въ разное время, два довольно значительные займа. Но Татьяна Ивановна умерла, три года назадъ, и Настя вестаки получила свои тридцать тысячъ. Смерть бѣдной Татьяны Ивановны была скоропостижная. Все семейство собиралось на балъ къ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и только что успѣла она нарядиться въ свое бальное платье, а на голову надѣть очаровательный вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, какъ вдругъ почувствовала дурноту, сѣла въ кресло и умерла. Въ этомъ вѣнкѣ ее и похоронили. Настя была въ отчаяніи. Татьяну Ивановну леребяли въ домъ и ходили за ней, какъ за ребенкомъ. Она удивила всѣхъ здравомысліемъ своего завѣщанія: кромѣ Настенькиныхъ тридцати тысячъ, все остальное, до трехсотъ тысячъ ассигнаціями, назначалось для воспитанія бѣдныхъ сиротокъ-дѣвочекъ и для награжденія ихъ деньгами, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Въ годъ ея смерти вышла замужъ и дѣвица Перепелицына, которая, по смерти генеральши, осталась у дяди, въ надеждѣ подлизаться къ Татьянѣ Ивановнѣ. Между тѣмъ, овдовѣлъ чиновникъ-помѣщикъ, владѣтель Мишина, той самой маленькой деревушки, въ которой у насъ происходила сцена съ Обноскинымъ и его маменькой, за Татьяну Ивановну. Чиновникъ этотъ былъ страшный сутяга и имѣлъ отъ первой жены шесть человѣкъ дѣтей. Подозрѣвая у Перепелицыной деньги, онъ началъ къ ней подсылать съ предложеніями, и та немедленно согласилась. Но Перепелицына была бѣдна, какъ курица: у ней всего-то было 300 руб. серебромъ, да и то подаренные ей Настенькой на свадьбу. Теперь мужъ и жена грызутся съ утра до вечера. Она теребитъ за волосы его дѣтей и отсчитываетъ имъ колотушки; ему-же (по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ) царапаетъ лицо и помнутно коритъ его подполковничьимъ своимъ происхожденіемъ. Мизинчиковъ тоже пристроился. Онъ благоразумно бросилъ всѣ свои надежды на Татьяну Ивановну и началъ понемногу учиться сельскому хозяйству. Для рекомендовалъ его одному богатому графу, помѣщику, у котораго было три тысячи душъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Степанчикова, и который изрѣдка наѣз-

жалъ въ свои помѣстья. Замѣтивъ въ Мизинчиковѣ способности и взявъ во вниманіе рекомендацію, графъ предложилъ ему мѣсто управляющаго въ своихъ помѣстьяхъ, прогнавъ своего прежняго управителя нѣмца, который, не смотря на прославленную нѣмецкую честность, обчищалъ своего графа, какъ липку. Чрезъ пять лѣтъ имѣнія узнать нельзя было: крестьяне разбогатѣли: завелись статьи по хозяйству, прежде невозможныя: доходы чуть-ли не удвоились——словомъ, новый управитель отличился и прогремѣлъ на всю губернію хозяйственными своими способностями. Каково-же было изумленіе и горе графа, когда Мизинчиковъ, ровно чрезъ пять лѣтъ, не смотря ни на какія просьбы, ни на какія надбавки, рѣшительно отказался отъ службы и вышелъ въ отставку! Графъ думалъ, что его сманили сосѣди-помѣщики, или даже въ другую губернію. И какъ-же всѣ удивились, когда вдругъ, два мѣсяца по выходѣ въ отставку, у Ивана Ивановича Мизинчикова явилось превосходнѣйшее имѣніе, во сто душъ, ровно въ сорока верстахъ отъ графскаго, купленное имъ у какого-то промотавшагося гусара, прежняго его пріятеля! Эти сто душъ онъ тотчасъ-же заложилъ, и черезъ годъ у него явилось еще шестьдесятъ душъ въ окрестностяхъ. Теперь онъ самъ помѣщикъ, и хозяйство у него безподобное. Всѣ дивятся: гдѣ онъ вдругъ досталъ денегъ? Другіе-же только покачиваютъ головами. Но Иванъ Ивановичъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ. Онъ выписалъ изъ Москвы свою сестру, ту самую, которая дала ему свои послѣдніе три цѣлковыхъ на сапоги, когда онъ отправлялся въ Степанчиково, — премилую дѣвушку, уже не первой молодости, кроткую, любящую, образованную, но чрезвычайно запуганную. Она все время скиталась гдѣ-то въ Москвѣ, въ компаньонкахъ, у какой-то благодѣтельницы; теперь-же благоговѣетъ передъ братомъ, хозяйничаетъ въ его домѣ, считаетъ его волю закономъ, а себя вполнѣ счастливою. Братецъ не балуетъ ея и держитъ нѣсколько въ черномъ тѣлѣ: но она этого не замѣчаетъ. Въ Степанчиковѣ ее ужасно какъ полюбили, и, говорятъ, господинъ Бахчеевъ къ ней неравнодушенъ. Онъ и сдѣлалъ-бы предложеніе, да боится отказа. Впрочемъ, о господинѣ Бахчеевѣ мы надѣемся поговорить въ другой разъ, въ другомъ разсказѣ, подробнѣе.

Вотъ, кажется, и всѣ лица... Да! Забылъ: Гаврила очень постарѣлъ и совершенно разучился говорить по французски. Изъ Фалалея вышелъ очень порядочный кучеръ, а бѣдный Видоплясовъ давнымъ-давно въ желтомъ домѣ и, кажется, тамъ и умеръ... На дняхъ побду въ Степанчиково и непремѣнно справлюсь о немъ у дяди.

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Тотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ судьбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимой, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ, часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъ-этажномъ домѣ на Петербургской Сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ-же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ, тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старый холостякъ лѣтъ шестидесяти пяти, праздновалъ свое новоселье въ только что купленномъ домѣ, а кстати ужъ и день своего рожденія, который тутъ-же пришелся и котораго онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ, празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли, было только двое гостей, оба прежніе сослуживца господина Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Шипуленко и другой, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Ильичъ Пралинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушать чай, потомъ принялись за вино и знали, что ровно въ половинѣ двѣнадцатаго имъ надо отправляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ: начать онъ свою карьеру мелкимъ необезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ пять сряду, очень хорошо зналъ, до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже двѣ, и особенно не любилъ высказывать по какому-бы то ни было поводу свое собственное личное мнѣніе. Быть

онъ и честенъ, то есть ему не пришлось сдѣлать чего нибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ выказывать свой умъ; особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая ее неряшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой-то сладкій, лѣнивый комфортъ и систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бывалъ иногда въ гостяхъ у людей получше, но еще смолоду терпѣть не могъ гостей у себя, а въ послѣднее время, если не раскладывалъ гранъ-пасьянсъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремля въ креслахъ, ихъ тиканье подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выбритой, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщалъ прожить еще долго и держался самаго высокаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортное: онъ гдѣ-то засѣдалъ и что-то подписывалъ. Однимъ словомъ, его считали превосходнѣйшимъ человѣкомъ. Была у него одна только страсть, или лучше сказать, одно горячее желаніе: это — имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу. Желаніе его, наконецъ осуществилось: онъ приглядѣлъ и купилъ домъ на Петербургской Сторонѣ, правда, далеко, но домъ съ садомъ и притомъ домъ изящный. Новый хозяинъ разсуждалъ, что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ кому нибудь или въ должность, на то была у него прекрасная двумѣстная карета шоколаднаго цвѣта, кучеръ Михей и двѣ маленькія, но крѣпкія и красивыя лошадки. Все это было благоприобрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономіей, такъ что сердце на все это радовалось. Вотъ почему, пріобрѣтя домъ и переѣхавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ даже гостей на свое рожденье, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особые виды. Самъ онъ въ домѣ занялъ верхній этажъ, а въ нижній, точно также выстроенный и расположенный, понадобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и разсчитывалъ на Семена Ивановича Шишуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ на эту тему. Но Семенъ Ивановичъ на этотъ счетъ отмалчивался. Это былъ человѣкъ тоже тугой и долговременно пробивавшій себѣ дорогу, съ черными волосами и бакенбардами и съ оттѣнкомъ постояннаго разлитія желчи въ физіономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домосѣдъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностію, тоже прекрасно зналъ до чего онъ дой-

детъ и еще лучше до чего никогда не дойдетъ, сидѣть на хорошемъ мѣстѣ и сидѣть очень крѣпко. На начинавшіеся новые порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ желчи, но особенно не тревожился: онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагольствованія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ, всѣ они отчасти подвынили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ снизошелъ до господина Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣсколько словъ о его превосходительствѣ господинѣ Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго разсказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался вашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ, какъ генералъ молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока-трехъ и никакъ не болѣе, на видъ-же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мужчина красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностью въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и, будучи холостой, мечталъ о богатой и даже великосвѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глупъ. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и баловучка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатѣ и батистѣ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хоть вынесъ изъ него немного познаній, но на службѣ успѣлъ и дотянулъ до генеральства. Начальство считало его человѣкомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, подъ начальствомъ котораго онъ и началъ и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человѣка весьма дѣльнаго и надежды на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣетъ состояніе, то есть большой капитальный домъ съ управителемъ, сродни не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осанкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слишкомъ самолюбивъ и даже честолюбивъ. Странное дѣло: подчасъ на него находили припадки какой-то болѣзненной совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянія. Съ горечью и съ тайной занозой въ душѣ сознавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уныніе, особенно когда разыгрывался его геморой, называлъ свою жизнь une existence manquée,

переставалъ вѣрить, разумѣется про себя, даже въ свои парламентскія способности, называя себя парлеромъ, фразеромъ и хотя все это, конечно, приносило ему много чести, но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять подымать свою голову и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ запосчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успѣетъ проявиться и будетъ не только сановникомъ, но даже государственнымъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещились ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хватали высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ, таилъ про себя свои неопредѣленныя мечты и надежды. Однимъ словомъ, человѣкъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы, болѣзненныя минуты разочарованія стали было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителенъ, мнителенъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія подала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспрянулъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорилъ на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ просыть отчаяннымъ либераломъ, что̀ очень ему льстило. Въ этотъ-же вечеръ, выпивъ бокала четыре, онъ особенно разгулялся. Ему захотѣлось переубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался. Онъ почему-то считалъ его ретроградомъ и напалъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти не возражалъ, а только лукаво слушалъ, хотя тема интересовала его. Иванъ Ильичъ горячился и, въ жару воображаемаго спора, чаще чѣмъ-бы слѣдовало пробовалъ изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ бралъ бутылку и тотчасъ-же добавлялъ его бокалъ, что̀, неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе, что Семенъ Ивановичъ Шишуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за цинизмъ и за злость его, тутъ-же съ боку прековарно молчалъ и чаще чѣмъ-бы слѣдовало улыбался. «Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку», мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно ужъ пора было, продолжалъ онъ съ азартомъ. — Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность первое дѣло, гуманность съ подчиненными, памятуя, что и они человѣки. Гуманность все спасетъ и все вывезетъ...

— Хи-хи-хи-хи! послышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что-же, однако-жъ, вы насъ такъ распекаете? возра-

зилъ, наконецъ, Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь.—Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могъ взять въ толкъ, что̀ вы изволили объяснить. Вы выставляете гуманность. Это, значитъ, человѣколюбіе, что-ли?

— Да, пожалуй, хоть и человѣколюбіе. Я...

— Позвольте-съ! Сколько могу судить, дѣло не въ одномъ этомъ. Человѣколюбіе всегда слѣдовало. Реформа-же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, хозяйственные, откупные, нравственные и... и... и безъ конца ихъ, этихъ вопросовъ, и всѣ вмѣстѣ, все разомъ можетъ породить большія, такъ сказать, колебанья. Вотъ мы про что̀ опасались, а не объ одной гуманности...

— Да-съ, дѣло поглубже-съ, замѣтилъ Семенъ Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позвольте вамъ замѣтить, Семенъ Ивановичъ, что я отнюдь не согласенъ отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, язвительно и черезчуръ рѣзко замѣтилъ Иванъ Ильичъ;—но, однако-жъ, все-таки возьму на себя смѣлость замѣтить и вамъ, Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня вовсе не поняли...

— Не понялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и везде провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до дворовато слуги, отъ слуги до мужика,—гуманность, говорю я, можетъ послужить, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силлогизмъ: я гуманенъ, слѣдовательно меня любятъ. Меня любятъ, стало быть, чувствуютъ довѣренность. Чувствуютъ довѣренность, стало быть, вѣруютъ: вѣруютъ, стало быть, любятъ... то есть нѣтъ, я хочу сказать если вѣруютъ, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ, такъ сказать, самую суть дѣла, такъ сказать, обнимутся нравственно и рѣшатъ все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣетесь, Семенъ Ивановичъ? Непонятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови: онъ удивился.

— Мнѣ кажется, я немного лишнее выпилъ, замѣтилъ ядовито Семенъ Ивановичъ:—а потому и тутъ на соображеніе. Нѣкоторое затмѣніе въ умѣ-съ.

Ивана Ильича передернуло.

— Не выдержимъ, произнесъ вдругъ Степанъ Никифоровичъ, послѣ легкаго раздумья.

— То есть какъ это не выдержимъ?—спросилъ Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанію Степана Никифоровича.

— Такъ, не выдержимъ.—Степанъ Никифоровичъ, очевидно, не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужь не на счетъ-ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? не безъ иронiи возразилъ Иванъ Ильичъ.—Ну, нѣтъ-съ: за себя-то ужь я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцатаго.

— Сидятъ, сидятъ да и будутъ, сказалъ Семенъ Ивановичъ, приготовляясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ камина свою соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какъ-же, Семенъ Ивановичъ, подумаете? сказалъ Степанъ Никифоровичъ, провожая гостей.

— На счетъ квартирки-то-съ? Подумаю, подумаю-съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? любезно замѣтилъ господинъ Пралинскій съ нѣкоторымъ заискиванiемъ и поигрывая своей шапкой. Ему показалось, что его какъ будто забываютъ.

Степанъ Никифоровичъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей. Семенъ Ивановичъ торопливо откланялся.

— А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности, рѣшилъ про себя господинъ Пралинскій и какъ-то особенно независимо протянулъ руку Степану Никифоровичу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорогую шубу, старался для чего-то не замѣчать нетасканнаго енота Семена Ивановича и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нашъ старикъ какъ будто обидѣлся, сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семену Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего-же? отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

— Холопъ! подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сошли на крыльцо. Семену Ивановичу подали его санн, съ сѣрымъ неказистымъ жеребчикомъ.

— Кой чортъ! Куда-же Трифонъ дѣвалъ мою карету! вскричалъ Иванъ Ильичъ, не видя своего экипажа.

Туда-сюда,—кареты не было. Человѣкъ Степана Никифоровича не имѣлъ объ ней понятiя. Обратились къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стояла тутъ, и карета тутъ-же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! произнесъ господинъ Шишуленко:—хотите довезу?

— Подлецъ-народъ! съ бѣшенствомъ закричалъ господинъ Пра-

линскій.—Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ-же на Петербургской, какая-то кума замужъ идетъ, чортъ ее дери. Я настрого запретилъ ему отлучаться. И вотъ бьюсь объ закладъ, что онъ туда уѣхалъ!

— Онъ дѣйствительно, замѣтилъ Варламъ,—поѣхалъ туда-съ; да обѣщалъ въ одну минуту обернуться, къ самому-то есть времени быть.

— Ну такъ! Я какъ будто предчувствовалъ! Ужъ я-жъ его!

— А вы лучше поѣзжайте его хорошенько раза два въ части, вотъ онъ и будетъ исполнять приказанья, сказалъ Семенъ Ивановичъ, уже закрываясь полостью.

— Пожалуйста не безпокойтесь, Семенъ Ивановичъ!

— Такъ не хотите, довезу.

— Счастливый путь, merçi.

Семенъ Ивановичъ уѣхалъ, а Иванъ Ильичъ пошелъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

—

— Нѣтъ, ужъ я-жъ тебя теперь, мошенникъ! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаетъ, что баринъ пѣшкомъ пошелъ... мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужъ очень онъ былъ разбитъ и вдобавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ невыпивши, и потому какіе-нибудь пять—шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была восхитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебряннымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ, пройдя шаговъ пятьдесятъ, почти забылъ о обѣдѣ своемъ. Ему становилось какъ-то особенно пріятно. Къ тому-же люди подъ хмѣлькомъ быстро мѣняютъ впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

— А вѣдь и славно, что я пѣшкомъ пошелъ, думалъ онъ про себя: —и Трифону урокъ, да и мнѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Что-жъ? На Большомъ проспектѣ я готовъ нанять извощика. Славная ночь! Какія тутъ все домишки. Должно быть, мелкота живетъ, чиновники... купцы, можетъ быть... этотъ Степанъ Никифоровичъ! И какіе всѣ они ретрограды, старые колпаки! Именно колпаки, c'est le mot. Впрочемъ, онъ умный человѣкъ: есть этотъ bon sens, трезвое, практическое пониманіе вещей. Но зато старики, старики! Нѣтъ этого... какъ бишь его!—Ну, да чего-то нѣтъ...

Не выдержимъ! Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ. Онъ, впрочемъ, меня совѣмъ не понялъ. А и какъ-бы не понять? Труднѣе не понять, чѣмъ понять. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣжденъ. Гуманность... человѣколюбіе. Возвратить человѣка самому себѣ... возродить его собственное достоинство и тогда... съ готовымъ матеріаломъ приступайте къ дѣлу. Кажется, ясно! Да-съ! Ужь это позвольте, ваше превосходительство: возьмите силлогизмъ: мы встрѣчаемъ, напримѣръ, чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну... кто ты? Отвѣть: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ: далѣе: Какой ты чиновникъ? Отвѣть: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ.—Служишь? Служу! — Хочешь быть счастливъ? Хочу.—Что надобно для счастья? То-то и то-то.- -Почему? Потому... И вотъ человѣкъ меня понимаетъ съ двухъ словъ, человѣкъ мой, человѣкъ уловленъ, такъ сказать, сѣтями, и я дѣлаю съ нимъ все, что хочу, то есть для его-же блага. Скверный человѣкъ этотъ Семенъ Иванычъ! И какая у него скверная рожа... Высѣкли въ части,—это онъ нарочно сказалъ.—Нѣтъ, врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду: я Трифона словомъ доймy, поперекомъ доймy, вотъ и будетъ чувствовать. На счетъ розогъ, гм... вопросъ нерѣшенный, гм... А не заѣхать-ли къ Эмерансѣ? Фу ты, чортъ, проклятые мостки! вскрикнулъ онъ, вдругъ оступившись.—И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм... Ненавижу я этого Семена Иваныча: препротивная рожа. Это онъ надо мной давеча хихикалъ, когда я сказалъ: обнимутся нравственно. Ну, и обнимутся, а тебѣ что за дѣло? Ужь тебя-то не обнимy; скорѣй мужика... Мужикъ встрѣтится и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ, я былъ пьянъ и, можетъ быть, не такъ выражался. И теперь, можетъ быть, не такъ выражаюсь... Гм. Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а на завтра раскаиваешься. Что-жь, я вѣдь не шатаясь иду... А, впрочемъ, всѣ они мошенники!

Такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ, отрывисто и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него подѣйствовалъ свѣжій воздухъ и, такъ сказать, раскачалъ его. Минутъ черезъ пять онъ-бы успокоился и захотѣлъ спать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большаго проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался шпръ горой. гудѣли скрипки, скрипѣлъ контрбасъ и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрильный мотивъ. Подъ окнами стояла публика, больше женщины въ ватныхъ салопахъ и въ платкахъ на головѣ: онѣ напрягали всѣ усилія, чтобы разглядѣть что-нибудь сквозь щели ставень. Видно весело было. Гулъ отъ топота танцующихъ достигалъ

другой стороны улицы. Иванъ Ильичъ невдалекѣ отъ себя замѣтилъ городоваго и подошелъ къ нему.

— Чей это, братецъ, домъ? спросилъ онъ, немного распахивая свою дорогую шубу, ровно на столько, чтобы городовой могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, регистратора, отвѣчалъ выпрямившись городовой, мигомъ успѣвшій разглядѣть отличіе.

— Пселдонимова? Ба! Пселдонимова!.. Что-жь онъ? Женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ управѣ служилъ. Этотъ домъ за невѣстой ихней идетъ-съ.

— Такъ что теперь ужь это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ?

— Пселдонимова, ваше высокородіе. Млекопитаева былъ, а теперь Пселдонимова.

— Гм. Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что я начальникъ его. Я генералъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служитъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Городовой вытянулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ будто задумался. Онъ стоялъ и соображалъ...

Да, дѣйствительно Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припомнилъ это. Это былъ маленькій чиновникъ, рублях на десяти въ мѣсяцъ жалованья. Такъ какъ господинъ Пралинскій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и не помнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамиліи. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда-же полюбопытствовалъ взглянуть на обладателя такой фамиліи повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодаго человѣка, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ бѣлобрысыми и кудрявыми волосами, худосочнаго и худо-выкормленнаго, въ невозможномъ вицмундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприличія невыразимыхъ. Онъ помнилъ, какъ у него тогда-же мелькнула мысль: не опредѣлить-ли бѣдняку рублей десятокъ къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постное, а взглядъ крайне несимпатичный, даже возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ-то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ-же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ, своей просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о свадьбѣ рѣ-

шено было слегка, на-скоро. Но все-таки онъ съ точностію припоминалъ, что за невѣстой своей Неждановымъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами: это обстоятельство тогда-же его удивило: онъ помнилъ, что даже слегка съострилъ надъ столкновеніемъ фамилій Неждановыхъ и Млекопитаевой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумывался. Извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческій языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараемся перевесть всѣ эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя-бы только сущность этихъ ощущеній, такъ сказать, то, что̀ было въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтъ не являются, а у всякаго есть. Разумѣется, ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

— Что-же! мелькало въ его головѣ:—вотъ мы всѣ говоримъ, говоримъ, а коснется до дѣла и только шишъ выходитъ. Вотъ примѣръ, хоть-бы этотъ самый Неждановъ: онъ пріѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидая вкусить... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его жизни... Теперь онъ возится съ гостями, задаетъ пиръ — скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что-жь, если-бъ онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ-же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, что̀-бы съ нимъ было? Нѣтъ, что̀-бы съ нимъ было, если-бъ я теперь-же, вдругъ взялъ и вошелъ? Гм... разумѣется, сначала онъ испугался-бы, онѣмѣлъ-бы отъ замѣшательства. Я помѣшалъ-бы ему, я разстроилъ-бы, можетъ быть, все... Да, такъ и было-бы, если-бъ вошелъ всякій другой генералъ, но не я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...

Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.

Да-съ. Мы всѣ кричимъ о гуманности, но героизма, подвига мы сдѣлать не въ состояніи.

Какого героизма? Такого. Разсудите-ка: при теперешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на свадьбу своего подчиненнаго регистратора, на десяти рубляхъ, да вѣдь это замѣшательство, это — коловращенье идей, послѣдній день Помпеи, сумбуръ! Этого никто не пойметъ. Степанъ

Никифоровичъ умретъ—не пойметъ. Вѣдь сказалъ-же онъ: не выдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я вы-дер-жу! Я обращу послѣдній день Помпеи въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и поступокъ дикій — въ нормальный, патріархальный, высокій и нравственный. Какъ? Такъ. Извольте прислушать...

Ну... вотъ я, положимъ, вхожу:—они изумляются, прерываютъ танцы, смотрятъ дико, пятятся. Такъ-съ, но тутъ-то я и высказываюсь: я прямо иду къ испуганному Иселдонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ таки въ самыхъ простыхъ словахъ говорю: «такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степана Никифоровича. Полагаю, знаешь, здѣсь, по сосѣдству... Ну, тутъ слегка, въ смѣшномъ этакъ видѣ, разсказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошелъ пѣшкомъ... Ну,—слышу музыку, любопытствую у городоваго и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю, зайду къ подчиненному; посмотрю, какъ мои чиновники веселятся и... женятся. Вѣдь не прогонишь-же ты меня, полагаю! Прогонишь! Каково словечко для подчиненнаго. Какой ужь тутъ чортъ прогонишь! Я думаю, онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кинется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенья, не сообразится даже на первый разъ!..

Ну, что̀ можетъ быть проще, изящнѣе такого поступка! Зачѣмъ я вошелъ? Это другой вопросъ! Это уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

Гм... Объ чемъ, бишь, я думалъ? Да!

Ну ужь, конечно, они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой-нибудь тамъ титулярный али родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ краснымъ носомъ... Славно этихъ оригиналовъ Гоголь описывалъ. Ну, знакомлюсь, разумѣется, съ молодой, хвалю ее, ободряю гостей. Прошу ихъ не стѣсняться, веселиться: продолжать танцы, острю, смѣюсь, однимъ словомъ—я любезенъ и милъ. Я всегда любезенъ и милъ, когда доволенъ собой... Гм... то-то и есть, что я все еще, кажется, немного того, то есть не пьянъ, а такъ...

...Разумѣется, я, какъ джентльменъ, на равной съ ними ногѣ и отнюдь не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ... Но нравственно, нравственно—дѣло другое: они поймутъ и оцѣнятъ... Мой поступокъ воскреситъ въ нихъ благородство... Ну, и сижу полчаса... Даже часъ. Уйду, разумѣется, передъ самымъ ужиномъ, а ужь они-то захлопочатъ, напекутъ, пажарятъ, въ поясъ кланяться будутъ, но я только выпью бокалъ, поздравлю, а отъ ужина откажусь. Скажу: — дѣла. И ужь только что я произнесу «дѣла», у

всѣхъ тотчасъ-же станутъ почтительно строгія лица. Этимъ я деликатно напомню, что они и я, — это разница-съ. Земля и небо. Я не то, чтобы хотѣлъ этимъ внушать, но надо-же... даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что̀ ужь тамъ ни говори. Впрочемъ, я тотчасъ-же улыбнусь, даже посмѣюсь, пожалуй, и потомъ всѣ ободрятся... Пошучу еще разъ съ молодой: гм... даже вотъ что: намекну, что приду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ, въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родитъ къ тому времени. Вѣдь они плодятся какъ кролики. Ну и всѣ захохочутъ, молодая покраснѣетъ; съ чувствомъ поцѣлую ее въ лобъ, даже благословлю ее и... и на завтра, въ канцеляріи мой подвигъ уже извѣстенъ. На завтра я опять строгъ, на завтра я опять взыскателенъ, даже неумолимъ, но всѣ они уже знаютъ, кто я такой. Душу мою знаютъ, суть мою знаютъ: «Онъ строгъ какъ начальникъ, но какъ человѣкъ — онъ ангелъ!» И вотъ я побѣдилъ: я уловилъ какимъ-нибудь однимъ маленькимъ постушкомъ, котораго вамъ и въ голову не придетъ: они ужь мои; я отецъ, они дѣти... Шутка, ваше превосходительство, Степанъ Никифоровичъ, подите-ка сдѣлайте этакъ...

...Да знаете-ли вы, понимаете-ли, что Пселдонимовъ будетъ дѣтямъ своимъ поминать, какъ самъ генералъ шировалъ и даже пилъ на его свадьбѣ! Да вѣдь эти дѣти будутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ своимъ внукамъ разсказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственный мужъ (а я всѣмъ этимъ къ тому времени буду) удостоилъ ихъ и т. д. и т. д. Да вѣдь я униженнаго нравственно подыму, я самому себѣ его возвращу... Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ!.. Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ-же родѣ, такъ повсемѣстную популярность пріобрѣту... У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чортъ одинъ знаетъ, что̀ изъ этого потомъ можетъ выйдти, изъ популярности-то!..

Такъ или почти такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ — (господа, мало-ли что̀ человѣкъ говоритъ иногда про себя, да еще нѣсколько въ эксцентрическомъ состояніи). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полминуты и, конечно, онъ, можетъ, и ограничился-бы этими мечтаньицами и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился-бы домой и легъ спать. И славно-бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ, въ это самое мгновеніе, въ настроенномъ воображеніи его нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! повторялъ Степанъ Никифоровичъ, свысока улыбаясь.

— Хи-хи-хи! вторилъ ему Семенъ Ивановичъ, съ своей самой прескверной улыбкой.

— А вотъ и посмотримъ какъ не выдержимъ! рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо. Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу, въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Неседошимова.

Звѣзда увлекала его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣніемъ отталкнулъ ногой маленькую, лохматую и осиплую шавку, которая, болѣе для приличія, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ дошелъ онъ до крытаго крылечка, будочкой выходившаго на дворъ, и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хоть и горѣлъ гдѣ-то въ углу сальный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не помѣшало Ивану Ильичу, такъ какъ есть, въ калошахъ, попасть лѣвой ногой въ галантиръ, выставленный для остуженія. Иванъ Ильичъ нагнулся и, посмотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы, очевидно, съ бламанже. Раздавленный галантиръ его было сконфузилъ и на одно самое маленькое мгновеніе у него промелькнула мысль: не улизнуть-ли сейчасъ-же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужъ никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе обтеръ калошу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь, растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половина ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салопами, капорами, шарфами и калошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрбасъ, всего четыре человѣка, взятые, разумѣется, съ улицы. Они сидѣли за некрашеннымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую дошлифовали послѣднюю фигуру кадрили. Изъ отпертой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, вынырнувъ, въ табакъ и въ чаду. Было какъ-то обычно весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе взвизги. Кавалеры топали, какъ эскадронъ лошадей. Надъ всѣмъ содомомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вѣроятно, чрезвычайно развязнаго и даже растегнувшагося человѣка: «Кавалеры впередъ, шенъ де дамъ, балансе!» и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ нѣкоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шапкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ, онъ ужъ и не разсуждалъ.

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: всѣ доплясывали кончавшійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушенный и ничего подробно не могъ разглядѣть въ этой каши. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ... Мелькнулъ свѣтло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвшій его по носу. За ней въ бѣшеномъ восторгѣ промчался медицинскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, офицеръ какой-то команды. Кто-то нестественно-визгливымъ голосомъ прокричалъ, пролетая и притопывая вмѣстѣ съ другими: Э-э-эхъ, Неседонимушка! Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно, полъ навощили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ не очень малой, было человѣкъ до тридцати гостей.

Но черезъ минуту кадриль кончилась и почти тотчасъ-же произошло тоже самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. Но гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обтереть съ лица потъ, прошелъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шепотъ. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро обращаться къ вошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ-же стали по немногу отступать и пятиться. Незамѣчавшихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ-же пятились вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, устѣянное безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками папирось. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой человѣкъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурыми волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ подвигался впередъ, согнувшись и смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ-же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобъ дать ей пинка.

— Здравствуй, Неседонимовъ, узнаешь?.. сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ тоже мгновеніе почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ: онъ почувствовалъ тоже, что, можетъ быть, дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше прево-сходительство!.. пробормоталъ Неседонимовъ.

— Ну, то-то, Я, братъ, къ тебѣ совершенно случайно зашелъ, какъ, вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить...

Но Неседонимовъ, очевидно, ничего не могъ представить. Онъ стоялъ, выпучивъ глаза, въ ужасающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не прогонишь-же ты меня, полагаю... Радъ не радъ, а гостя принимай!... продолжалъ Иванъ Ильичъ, чувствуя, что

конфузится до неприличной слабости, желаетъ улыбнуться, но уже не можетъ; что юмористическій разсказъ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. Но Псельдонимовъ, какъ нарочно, не выходилъ изъ столбняка и продолжалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужъ не помѣшалъ-ли чему... я уйду!—едва выговорилъ онъ и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ...

Но Псельдонимовъ уже опомнился...

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ... Честь... — бормоталъ онъ, утроенно кланяясь: — удостойте присѣсть-съ... И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ...

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ-же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а всѣ другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятились, а передъ нимъ, скрючившись, стоялъ все еще одинъ только Псельдонимовъ, все еще ничего не понимающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что дѣйствительно его гарунъ-аль-рашидское нашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло-бы почесться подвигомъ. Но вдругъ какая-то фигурка очутилась подлѣ Псельдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ-же распозналъ столоначальника изъ своей канцеляріи, Акима Петровича Зубкова, съ которымъ онъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зналъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чиновника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акиму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтеніи. Генералъ торжествовалъ: все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Псельдонимовъ былъ, такъ сказать, не второе, а уже третье лицо. Съ разсказомъ можно было обратиться прямо къ столоначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго и даже короткаго, а Псельдонимовъ тѣмъ временемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А разсказъ былъ необходимъ: Иванъ Ильичъ это чувствовалъ: онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпились даже всѣ домочадцы и чуть не вытягиваютъ другъ на друга, чтобъ его поглядѣть и послушать. Скверно было то, что столоначальникъ, по глупости своей, все еще не садился.

— Что-же вы! проговорилъ Иванъ Ильичъ, неловко указывая ему подлѣ себя на диванѣ.

— Помилуйте-съ... я и здѣсь-съ... — и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно оставшимся на ногахъ Исполнимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акиму Петровичу нѣсколько дрожащимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивалъ и раздѣлялъ слова, ударялъ на слоги, букву *о* сталъ выговаривать какъ-то на *э*, однимъ словомъ, самъ чувствовалъ и сознавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ: дѣйствовала какая-то внѣшняя сила. Онъ ужасно много и мучительно сознавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали, можетъ быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой комиссіи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: «Дескать, какъ не слыхать-съ».

— Онъ теперь твой сосѣдъ, продолжалъ Иванъ Ильичъ, на одинъ мигъ, для приличія и для непринужденности, обращаясь къ Исполнимову, но быстро отворотился, увидавъ тотчасъ-же по глазамъ Исполнимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, и вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже тайлъ отъ насъ, отпѣкивался по скупости, хе-хе! А теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся! Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столоначальникъ, пожалуй, догадывается, что онъ, въ эту минуту, необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было-бы всего скверпѣе.

— Ну, поздѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, поговорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семъ... о во-про-сахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ почтительно поднялъ брови.

— Только дѣло не въ томъ. Прощаюсь съ нимъ, наконецъ, старикъ аккуратный, ложится рано, знаете, къ старости. Выхожу... ныть моего Трифона! Тревожусь, разспрашиваю: «Куда дѣвалъ Трифонъ карету—? Оказывается, что онъ, понадѣясь, что я засижусь, отправился на свадьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ се-

стрѣ... ужь Богъ его знаетъ. Здѣсь-же гдѣ-то на Петербургской. Да и каретy ужь кстати съ собою захватить.—Генералъ опять для приличія взглянулъ на Неледонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ, какъ надобно было генералу. «Сочувствія, сердца нѣтъ», промелькнуло въ его головѣ.

— Скажите! проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гулъ удивленія прошелъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе... (Иванъ Ильичъ взглянулъ на всѣхъ). Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ. Думаю, добреду до Большаго проспекта, да и найду какого-нибудь Ваньку... хе-хе!

— Хи-хи-хи!—почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гулъ, но уже на веселый ладъ прошелъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лопнуло стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Неледонимовъ встрепенулся и строго посмотрѣлъ на лампу, но генералъ даже не обратилъ вниманія, и все успокоилось.

— Иду... а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топотъ, танцуютъ. Любопытствую у городоваго: Неледонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю Петербургскую Сторону балы задаешь? Ха-ха, вдругъ обратился онъ опять къ Неледонимову.

— Хи-хи-хи! Да-съ... отозвался Акимъ Петровичъ; гости опять пошевелились, но всего глупѣе было то, что Неледонимовъ хоть и поклонился опять, но даже и теперь не улыбнулся, точно онъ былъ деревянный. «Да онъ дуракъ, что-ли!» подумалъ Иванъ Ильичъ, «тутъ-бы и улыбаться осѣ, и все-бы пошло какъ по маслу». Нетерпѣніе бушевало въ его сердцѣ.—Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогонитъ-же онъ меня... радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуйста извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду... Я вѣдь только зашелъ посмотрѣть...

Но мало по малу уже начиналось всеобщее движеніе. Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ успащеннымъ видомъ: «Дескать, можете-ли, ваше превосходительство, помѣшать?» всѣ гости пошевелились и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлѣе изъ нихъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ истертомъ бархатномъ платьѣ, что-то нарочно громко проговорила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и два—три студента, переглядывались, какъ-бы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались и тоже начали ступать по два шага въ разныя стороны

Впрочемъ, никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ по немногу приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволь спросить, какъ твое имя и отчество? спросилъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ выпуча глаза, точно на смотру.

— Познакомь-же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой .. Поведи меня... я...

И онъ обнаружилъ было желаніе привстать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную Впрочемъ, молодая стояла тутъ-же въ дверяхъ, но только что услыхала, что о ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались, давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познакомиться,—произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ полупоклономъ:—и тѣмъ болѣе въ такой день...

Онъ прековарно улыбнулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шарме, произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стояла Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцати, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ, смотрѣли пристально и даже съ оттѣнкомъ какой-то злости. Очевидно, Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло цыплячье, выставлялись кости. На привѣтъ генерала она ровно ничего не съумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая,—продолжалъ онъ, въ полголоса, какъ будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала. Но Пселдонимовъ ровно ничего и тутъ не отвѣтилъ, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ, особенное, злокачественное. И однакожь, во что-бы то ни стало надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришелъ.

— Однако, парочка! подумалъ онъ. Впрочемъ...

И онъ снова обратился къ молодой, помѣстившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получилъ опять только «да» и «нѣтъ», да и тѣхъ, правда, вполнѣ не получилъ.

Хоть-бы она поконфузилась, продолжалъ онъ про себя. Я-бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное. И Акимъ Петровичъ, какъ нарочно, тоже молчалъ, хоть и по глупости, но все-же было неизвинительно.—Господа! Ужь я не помѣшалъ-ли вашимъ удовольствіямъ? обратился было онъ ко всѣмъ вообще. Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣютъ.

— Нѣтъ-съ... Не безпокойтесь, ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь... прохлаждаемся-съ, отвѣчалъ офицеръ. Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ и носилъ мундиръ какой-то команды. Неледошимовъ стоялъ тутъ-же, подавшись впередъ и, казалось, еще болѣе, чѣмъ прежде, выставлялъ свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ: онъ терялся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, ужасно неловко, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, что онъ куда-то зашелъ и не можетъ выйдти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всѣ разступились и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и принарядившаяся, въ большомъ платкѣ на плечахъ, завязанномъ у горла, и въ чепчикѣ, къ которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ея былъ небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непочатая, но уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бокала, ни больше, ни меньше. Бутылка, очевидно, назначалась только для двухъ гостей.

Пожилая женщина приблизилась къ генералу:

— Ужь не взыщите, ваше превосходительство, сказала она, кланяясь,—а ужь коль не погнушались нами, оказали честь къ сыночку на свадьбу пожаловать, такъ ужь просимъ милости, подавайте вашимъ молодымъ. Не погнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая женщина, лѣтъ сорока пяти или шести—не больше. Но у нея было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланялась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы ро-ди-тель-ница вашего сы-на? сказалъ онъ, привставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, промямлилъ Неледошимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставляя свой носъ.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не побрезгайте, ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносъ поставили, вино налилъ подскочившій Иселдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокалъ.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу... началъ онъ,—что могу... при семъ засвидѣтельствовать... Однимъ словомъ, какъ начальникъ... желаю вамъ, сударыня (онъ обратился къ новобрачной), и тебѣ, мой другъ, Порфирій —желаю полнаго, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокалъ, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Иселдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генералъ начиналъ мучительно его ненавидѣть.

Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ-же торчитъ. Ну что̀-бы хоть ему прокричать: ура! И пошло-бы, пошло-бы...

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и поздравьте, прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику. — Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прошу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ, Акимъ Петровичъ, добрый вы человѣкъ.

— А вѣдь какія славныя эти русскія старухи! подумалъ Иванъ Ильичъ.—Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность...

Въ эту минуту къ столу поднесли еще подносъ. Несла дѣвка, въ шумящемъ, еще немытомъ ситцевомъ платьѣ и въ кринолинѣ. Она едва обхватывала подносъ руками, такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч. и проч. Подносъ стоялъ до сихъ поръ въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не побрезгайте, ваше превосходительство, нашимъ явствомъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, повторяла, кланяясь, старуха.

— Помилуйте... сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ взялъ и раздавилъ между пальцами одинъ грецкій орѣхъ. Онъ ужь рѣшился быть до конца популярнымъ.

Между тѣмъ молодая вдругъ захихикала.

— Что-съ? спросилъ Иванъ Ильичъ съ улыбкой, обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Кастенькинычъ смѣшитъ, отвѣчала она, потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного бѣлокураго юношу, очень недурнаго собой, спрятавшагося на стулѣ, съ другой стороны дивана и что-то нашептывавшаго m-me Иселдонимовой. Юноша

привсталъ. Онъ, повидимому, былъ очень застѣнчивъ и очень молодъ.

— Я про «сонникъ» имъ говорилъ, ваше превосходительство, пробормоталъ онъ, какъ будто извиняясь.

— Про какой-же это сонникъ? спросилъ Иванъ Ильичъ снисходительно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если господина Панаева во снѣ увидѣть-съ, то это значитъ кофеемъ маниику залить-съ.

«Экая невинность», подумалъ даже со злобою Иванъ Ильичъ. Молодой человѣкъ хоть и очень разрумянился, говоря это, но до невѣроятности былъ радъ, что разсказалъ про господина Панаева.

— Ну, да, да, я слышалъ... отозвался его превосходительство.

— Нѣтъ, вотъ еще лучше есть, проговорилъ другой голосъ подлѣ самого Ивана Ильича:—новый лексиконъ издается, такъ, говорятъ, господинъ Краевскій будетъ писать статьи, Алфераки... и *обличительная литература*...

Проговорилъ это молодой человѣкъ, но уже не конфузливый, а довольно развязный. Онъ былъ въ перчаткахъ, бѣломъ жилетѣ и держалъ шляпу въ рукахъ. Онъ не танцовалъ, смотрѣлъ высокомѣрно, потому что былъ одинъ изъ сотрудниковъ сатирическаго журнала «Головешка», задавалъ тону и попалъ на свадьбу случайно, приглашенный какъ почетный гость Псевдонимовымъ, съ которымъ былъ на *ты* и съ которымъ, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной нѣмки «въ углахъ». Водку онъ однако-жь пилъ и уже неоднократно для этого отлучался въ одну укромную заднюю комнатку, куда всѣ знали дорогу. Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это потому смѣшно-съ, съ радостью перебилъ вдругъ бѣлокурый юноша, разсказавшій про маниику и на котораго сотрудникъ въ бѣломъ жилетѣ посмотрѣлъ за это съ ненавистью:— потому смѣшно, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается, будто-бы господинъ Краевскій правописанія не знаетъ и думаетъ, что «обличительную» литературу надобно писать «облинчительная литература...

Но бѣдный юноша едва докончилъ. Онъ по глазамъ увидалъ, что генералъ давно уже это знаетъ, потому что самъ генералъ тоже какъ будто сконфузился и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человѣку стало до невѣроятности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе стушеваться и потомъ все остальное время былъ очень грустенъ. Взамѣнъ того развязный сотрудникъ Головешки подошелъ еще ближе и, казалось, намѣревался гдѣ нибудь по бли-

зости сѣсть. Такая развязность показалась Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! Скажи пожалуйста, Порфирій, началъ онъ, чтобы что-нибудь говорить:—почему—я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично — почему тебя зовутъ Псевдонимовъ, а не Псевдонимовъ? Вѣдь ты, навѣрное, Псевдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, отвѣчалъ Псевдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отцу-съ, при поступленіи на службу, въ бумагахъ перемѣшали-съ, такъ что онъ и остался теперь Псевдонимовъ, отозвался Акимъ Петровичъ.—Это бываетъ-съ.

— Не-пре-мѣн-но, съ жаромъ подхватилъ генералъ:—не-пре-мѣн-но, потому, сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это происходитъ отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну, а Псевдонимовъ ничего не означаетъ.

— По глупости-съ, прибавилъ Акимъ Петровичъ.

— То есть собственно что по глупости?

— Русскій народъ-съ, по глупости, измѣняетъ иногда литеры-съ и выговариваетъ иногда по своему-съ. Напримѣръ, говорятъ невалидъ, а надо-бы сказать инвалидъ-съ.

— Ну, да... невалидъ, хе-хе-хе...

— Мумеръ тоже говорятъ, ваше превосходительство, брякнулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже зудѣло, чтобъ какъ-нибудь отличиться.

— То есть какъ это мумеръ?

— Мумеръ вмѣсто нумеръ, ваше превосходительство.

— Ахъ, да, мумеръ... вмѣсто нумеръ... Ну, да, да... хе-хе-хе!.. Иванъ Ильичъ принужденъ былъ похихикать и для офицера.

Офицеръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорятъ: нимо, ввязался было сотрудникъ «Головешки». Но его превосходительство постарался этого ужь не разслышать. Не для всѣхъ-же было хихихать.

— *Нимо* вмѣсто *мимо*, приставалъ «сотрудникъ», съ видимымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что пристали? шепнулъ Псевдонимовъ «сотруднику».

— Да что-жь это, я разговариваю. Нельзя что-ль и говорить, заспорилъ было тотъ шепотомъ, но однако-жь замолчалъ, и съ тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо пробрался въ привлекательную заднюю комнатку, гдѣ для танцующихъ кавалеровъ, еще съ начала вечера, поставлена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярославскою ска-

тертью, водка двухъ сортовъ, селедка, икра ломтиками и бутылка крѣпчайшаго хереса изъ національнаго погребка. Со злостью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ вбѣжалъ медицинскій студентъ, съ растрепанными волосами, первый танцоръ и канканеръ на балъ Неледошимова. Онъ съ торопливою жадностью бросился къ графину.

— Сейчасъ начнутъ! проговорилъ онъ на-скоро, распоряжаясь.— Приходи смотрѣть: соло сдѣлаю вверхъ ногами, а послѣ ужина рискну *рыбку*. Это будетъ даже идти къ свадьбѣ-то. Такъ сказать, дружескій намекъ Неледошимову... Славная эта Клеопатра Семеновна, съ ней все что̀ угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, мрачно отвѣчалъ сотрудникъ, вынивая рюмку.

— Кто ретроградъ?

— Да вотъ, особа-то передъ которой настилу поставили. Ретроградъ!—я тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты! пробормоталъ студентъ и бросился вонъ изъ комнаты, услышавъ ритурнель кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ еще себѣ для бо́льшаго куражу и независимости, выпилъ, закусилъ, и никогда еще действительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не пріобрѣталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе неумолимаго мстителя, какъ пренебреженный имъ сотрудникъ „Головешки", особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничего не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного канитальнѣйшаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на всѣ дальнѣйшія взаимныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хотъ и далъ съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на свадьбѣ у своего подчиненнаго, но это объясненіе въ сущности никого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все перемѣнилось какъ волшебствомъ, всѣ успокоились и готовы были веселиться, хохотать, визжать и плясать, точно также, какъ если-бы неожиданнаго гостя совсѣмъ не было въ комнатѣ. Причиной тому былъ неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ разошедшійся слухъ, шепотъ, извѣстіе, что гость-то кается того... подъ-шефе. И хотъ дѣло пошло съ перваго взгляда видъ ужаснѣйшей клеветы, но мало по малу стало какъ будто оправдываться, такъ что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадриль, послѣдняя передъ ужиномъ, на которую такъ торопился медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ новобрачной, пытаясь въ этотъ разъ донять ее какимъ-то калам-

буромъ, какъ вдругъ къ ней подскочилъ высокій офицеръ. и съ размаху сталъ на одно колѣно. Она тотчасъ-же вскочила съ дивана и упорхнула съ нимъ, чтобъ стать въ ряды кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула уходя на генерала, даже какъ будто рада была, что избавилась.

— Впрочемъ, въ сущности она въ своемъ правѣ, подумалъ Иванъ Ильичъ:—да и приличій они не знаютъ. Гм... ты-бы, братъ Порфирій, не церемонился, обратился онъ къ Пеледонимову.—Можетъ, у тебя тамъ есть что-нибудь... на счетъ распоряженій... или тамъ что-нибудь... пожалуйста не стѣсняйся.—Что онъ сторожитъ, что-ли, меня? прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пеледонимовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ, все это было не то, совсѣмъ не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадриль началась.

— Прикажете, ваше превосходительство? спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь налить въ бокалъ его превосходительства.

— Я... я, право, не знаю, если...

Но ужь Акимъ Петровичъ съ благоговѣйно сіяющимъ лицомъ наливалъ шампанское. Наливъ бокалъ, онъ какъ будто украдкой, какъ будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась, налилъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣлый палецъ не долилъ, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. Объ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорить? А развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужь онъ имѣлъ честь составить ему компанію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было, что тотъ налилъ,—не для шампанскаго, потому что оно было теплое и гадость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

— Старику самому хочется выпить, подумалъ Иванъ Ильичъ,—а безъ меня не смѣетъ. Не задерживать-же. Да и смѣшно, если бутылка такъ простоитъ между нами.

Онъ прихлебнулъ и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, началъ онъ съ разстановками и удареніями:—я вѣдь здѣсь, такъ сказать, случайно и, конечно, можетъ быть, иные найдутъ... что мнѣ... такъ сказать, не-при-лично быть на такомъ... собраніи...

Акимъ Нетровичъ молчалъ и вслушивался съ робкимъ любопытствомъ.

— Но, я надѣюсь, вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь не вино-же въ самомъ дѣлѣ я пить пришелъ... Хе-хе!

Акимъ Нетровичъ хотѣлъ-было похихикать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то осѣкся и опять не отвѣтилъ ровно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь... чтобы, такъ сказать, ободрить... показать, такъ сказать, нравственную, такъ сказать, цѣль, продолжалъ Иванъ Ильичъ, досадуя на тупость Акима Нетровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Нетровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генералъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ поспѣшилъ еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Нетровичъ, какъ будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и подлилъ снова.

— А немного-жъ у тебя ресурсовъ, подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акима Нетровича. Тотъ-же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшился ужъ молчать окончательно и глазъ не подымать. Такъ они просидѣли другъ передъ другомъ минуты двѣ, двѣ болѣзненныя минуты для Акима Нетровича.

Два слова объ Акимѣ Нетровичѣ. Это былъ человѣкъ смирный какъ курица, самаго стараго закала, взлелѣянный на подобострастіи и между тѣмъ человѣкъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то есть и отецъ и отецъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ, и ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Это совершенно особенный типъ русскихъ людей. Объ Россіи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ сѣузенъ Петербургомъ, и, главное, мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около контрактнаго прейскуранта, лавочки и мѣсячнаго жалованія. Они не знаютъ ни одного русскаго обычая, ни одной русской пѣсни, кромѣ «лучинушки», да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ, есть два существенные и незыблемые признака, по которымъ вы тотчасъ-же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго русскаго. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что всѣ петербургскіе русскіе, всѣ безъ исключенія, никогда не говорятъ: «Петербургскія вѣдомости» а всегда говорятъ: «Академическія вѣдомости». Второй, одинаково существенный, признакъ состоитъ въ томъ, что петербургскій русскій никогда не употребляетъ слово: «завтракъ», а всегда говоритъ: «фрыштикъ», особенно напирая на звукъ *фры*. По этимъ двумъ кореннымъ и отличительнымъ при-

знакамъ вы ихъ различите, однимъ словомъ, это тишь смиренный и окончательно выработавшійся въ послѣдніе тридцать пять лѣтъ. Впрочемъ, Акимъ Петровичъ былъ вовсе не дуракъ. Спроси его генералъ объ чемъ нибудь подходящемъ къ нему, онъ-бы и отвѣтилъ и поддержалъ разговоръ, а то вѣдь неприлично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы, хотя Акимъ Петровичъ умиралъ отъ любопытства узнать что-нибудь подробнѣе о настоящихъ намѣреніяхъ его превосходительства...

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье и въ какое-то головращеніе идей: въ разсѣянности онъ непримѣтно, но поминутно прихлебывалъ изъ бокала. Акимъ Петровичъ тотчасъ-же и усерднѣйше ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ началъ-было смотрѣть на танцы и вскорѣ они нѣсколько привлекли его вниманіе. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его...

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцовалось въ простотѣ сердецъ, чтобъ веселиться и даже бѣситься. Изъ танцоровъ ловкихъ было очень немного; но неловкіе такъ сильно притопывали, что ихъ можно было принять и за ловкихъ. Отличался, во первыхъ, офицеръ: онъ особенно любилъ фигуры, гдѣ оставался одинъ, въ родѣ соло. Тутъ онъ удивительно изгибался, а именно: весь прямой какъ верста, онъ вдругъ склонялся на бокъ, такъ что вотъ, думаешь, упадетъ: но съ слѣдующимъ шагомъ онъ вдругъ склонялся въ противоположную сторону, подъ тѣмъ-же косымъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ серьезнѣйшее и танцовалъ въ полномъ убѣжденіи, что ему всѣ удивляются. Другой кавалеръ со второй фигуры заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварительно еще до кадрили, такъ что дама его должна была танцовать одна. Молодой регистраторъ, отплясывавшій съ дамой въ голубомъ шарфѣ, во всѣхъ фигурахъ и во всѣхъ пяти кадрляхъ, которыя протанцованы были въ этотъ вечеръ, выкидывалъ все одну и ту-же штуку: а именно, онъ нѣсколько отставалъ отъ своей дамы, подхватывалъ кончикъ ея шарфа, и на лету, при переходѣ визави, успѣвалъ вгрызться въ этотъ кончикъ десятка два поцѣлуевъ. Дама-же, впереди его, плыла, какъ будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ дѣйствительно сдѣлалъ соло вверхъ ногами и произвелъ неистовый восторгъ, топотъ и взвизги удовольствія. Однимъ словомъ, непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вино подѣйствовало, началъ было улыбаться, но мало по малу какое-то горькое сомнѣніе начало закрадываться въ его душу: конечно, онъ очень любилъ развязность и непринужденность: онъ желалъ, онъ даже душевно звалъ ее. Эту раз-

вязность, когда они всѣ пятились, и вотъ теперь эта развязность уже стала выходить изъ границъ. Одна дама, напримѣръ, въ истертомъ синемъ бархатномъ платьѣ перекутленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ, зашпилила свое платье булавками, такъ что выходило какъ будто она въ панталонахъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть, по выраженію ея кавалера, медицинскаго студента. Объ медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Фокинъ. Какъ-же это? То пятились, а тутъ вдругъ такъ скоро эмансипировались! Кажись-бы и ничего, но какъ-то странно былъ этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщалъ. Точно совсѣмъ они и забыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется, онъ хохоталъ первый и даже рискнулъ аплодировать. Акимъ Петровичъ почтительно хихикалъ ему въ унисонъ, хотя, впрочемъ, съ видимымъ удовольствіемъ, и не подозрѣвая, что его превосходительство начинало уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человѣкъ, танцуете, принужденъ былъ Иванъ Ильичъ сказать студенту, проходившему мимо, только что кончилась кадриль.

Студентъ круто повернулся къ нему, скорчилъ какую-то гримасу, и, приблизивъ свое лицо къ его превосходительству на близкое до неприличія разстояніе, во все горло прокричалъ нѣтухомъ. Это уже было слишкомъ. Иванъ Ильичъ всталъ изъ-за стола. Не смотря на то, послѣдовалъ залпъ неудержимаго хохоту, потому что крикъ нѣтуха былъ удивительно натуралент, а вся гримаса совершенно неожиданна. Иванъ Ильичъ еще стоялъ въ недоумѣніи какъ вдругъ явился самъ Неседонимовъ и, кланяясь, сталъ просить къ ужину. Вслѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, говорила она, кланяясь: — окажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью...

— Я... я, право, не знаю... началъ было Иванъ Ильичъ:— я вѣдь не для того... я... хотѣлъ было ужь идти...

Дѣйствительно онъ держалъ въ рукахъ шапку. Мало того: тутъ-же въ это самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ-же, во что-бы то ни стало уйдти и ни за что не оставаться и... остался. Черезъ минуту онъ открылъ шествіе къ столу. Неседонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто и опять непочатая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Стояла закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ будто катится съ горы, летитъ, летитъ,

летитъ, что надо-бы удержаться, уцѣпиться за что-нибудь, но нѣтъ къ тому никакой возможности.

Дѣйствительно положеніе его становилось все болѣе и болѣе эксцентричнымъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ Богъ знаетъ что произошло въ какой-нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ, такъ сказать, простиралъ объятія всему человѣчеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не прошло какого-нибудь часу, и онъ, всѣми болями своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Неждановимова, проклинаетъ его, жену его и свадьбу его. Мало того: онъ по лицу, по глазамъ однимъ видѣлъ, что и самъ Неждановимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ, чуть-чуть не говоря: «А чтобъ ты провалился, проклятый! Навязался на шею!..» Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

Конечно, Иванъ Ильичъ, даже и теперь, садясь за столъ далъ-бы себѣ скорѣе руку отсѣчь, чѣмъ призналъ-бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что все это дѣйствительно точно такъ было. Минута еще вполнѣ не пришла, а теперь еще было какое-то нравственное балансе. Но сердце, сердце... оно ныло! оно просилось на волю, на воздухъ, на отдыхъ. Вѣдь слишкомъ ужь добрый человѣкъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь зналъ, очень хорошо зналъ, что еще давно-бы надо было уйдти, и не только уйдти, но даже спасаться. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось давеча на мосткахъ.

Я вѣдь зачѣмъ пришелъ? Я развѣ затѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь быть и пить? спрашивалъ онъ себя, закусывая селедкой. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелилась мгновеніями иронія на собственный подвигъ. Онъ начиналъ даже самъ не понимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ вошелъ?

Но какъ было уйдти? Такъ уйдти, не докончивъ, было невозможно. Что скажутъ? Скажутъ, что я по непріличнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Что скажетъ, напримѣръ, завтра-же (потому что вѣдь вездѣ разнесется) Степанъ Никифорычъ, Семенъ Ивановичъ, въ канцеляріяхъ, у Шембелей, у Шубиныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйдти, чтобъ они всѣ поняли, зачѣмъ я приходилъ, надо нравственную цѣль обнаружить... А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они даже не уважаютъ меня, продолжалъ онъ. Чему они смѣются? Они такъ развязны, какъ будто безчувственные...

Да, я давно подозрѣвалъ все молодое поколѣніе въ безчувственности! Надо остаться, во что-бы то ни стало!.. Теперь они танцовали, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ... Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величіи Россіи .. я ихъ еще увлеку! Да! Можетъ быть, еще совершенно ничего не потеряно... Можетъ быть, такъ и всегда бываетъ въ дѣйствительности. Съ чего-бы только съ ними начать, чтобъ ихъ привлечь? Какой-бы это такой пріемъ изобрѣсть? Теряюсь, просто теряюсь... И чего имъ надо, чего они требуютъ? Я вижу, они тамъ переемѣиваются. Ужь не надо мной-ли, Господи Боже! Да чего мнѣ-то надо... я-то чего здѣсь, чего я-то не ухожу, чего добиваюсь?.. Онъ думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глубокій, невыносимый стыдъ, все болѣе и болѣе надрывалъ его сердце.

Но все ужь такъ и шло, одно къ другому.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, то есть не такъ какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что слабѣетъ окончательно. Конечно, куражу прибавилось много, но сознаніе не оставляло его и кричало ему: «нехорошо, очень нехорошо, и даже совсѣмъ неприлично! — Конечно, неустойчивыя пьяныя думы не могли остановиться на одной точкѣ: въ немъ вдругъ явились, даже осязательно для него-же самого, какія-то двѣ стороны. Въ одной былъ кураж, желаніе побѣды, ниспроверженіе препятствій и отчаянная увѣренность въ томъ, что онъ еще достигнетъ цѣли. Другая сторона давала себя знать мучительнымъ нытьемъ въ душѣ и какимъ-то засосомъ на сердцѣ. «Что скажутъ? Чѣмъ это кончится? Что завтра-то будетъ, завтра, завтра!..»

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что между гостями у него уже есть враги. «Это оттого, что я вѣрно и давеча былъ пьянъ», подумалъ онъ съ мучительнымъ сомнѣніемъ. Каковъ-же былъ его ужасъ, когда онъ дѣйствительно, по несомнѣннѣйшимъ признакамъ увѣрился теперь, что за столомъ дѣйствительно были враги его, и что въ этомъ уже нельзя сомнѣваться!

— И за что! За что! думалъ онъ.

За этимъ столомъ помѣстились всѣ человѣкъ тридцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окончательно готовы. Другіе вели себя съ какою-то небрежною, злокачественною независимостью,

кричали, говорили всѣ вслухъ, провозглашали преждевременно тосты, перестрѣливались съ дамами хлѣбными шариками. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ засаленномъ сюртукѣ, упалъ со стула какъ только сѣлъ за столъ, и такъ и оставался до самаго окончанія ужина. Другой хотѣлъ непремѣнно взлѣзть на столъ и провозгласить тостъ и только офицеръ, схвативъ его за фалды, умѣрилъ преждевременный восторгъ его. Ужинъ былъ совершенно разночинный, хотя и нанимался для него поваръ, крѣпостной человѣкъ какого-то генерала: были галантиръ, былъ языкъ подъ картофелемъ, были котлетки съ зеленымъ горошкомъ, былъ, наконецъ, гусь, и подъ конецъ всего бламанже. Изъ винъ было: пиво, водка и хересъ. Бутылка шампанскаго стояла передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого налить и Акиму Петровичу, который собственно своей инициативой за ужиномъ уже не смѣлъ распоряжаться. Для тостовъ-же прочимъ гостямъ предназначалось горское, или что попало. Самый столъ состоялъ изъ многихъ столовъ, составленныхъ вмѣстѣ, въ число которыхъ попалъ даже ломберный. Накрытъ онъ былъ многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цвѣтная. Гости сидѣли въ перемежку съ дамами. Родительница Неждановымова сидѣть за столомъ не захотѣла: она хлопотала и распоряжалась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, не показывавшаяся прежде: въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами, и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйдти, наконецъ, изъ задней комнаты къ ужину. До сихъ поръ она не выходила по причинѣ непримиримой своей вражды къ матери Неждановымова: но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дама смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и, очевидно, не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторыя другія лица были подозрительны, и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что они въ какомъ-то заговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. По крайней мѣрѣ, ему самому такъ казалось и въ продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ: онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему нашептывалъ. Другой, изъ учащихся, былъ, правда, совершенно уже пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ также и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ не совсѣмъ благонадеженъ. Но особенною и видимою ненавистью сіялъ сотрудникъ

«Головешки»: онъ такъ развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хоть прочіе гости и не обращали никакого вниманія на сотрудника, написавшаго въ «Головешкѣ» только четыре стишка и сдѣлавшагося отъ того либераломъ, даже видимо не любили его, но когда возлѣ Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, очевидно, назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ никто другой, какъ сотрудникъ «Головешки».

Все это, конечно, дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно непріятно было и еще одно наблюденіе: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потомъ, что вдругъ онъ какъ будто сталъ забываться и, главное, ни съ того ни съ сего вдругъ фыркнетъ и засмѣется, тогда какъ вовсе нечему было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго, который Иванъ Ильичъ хоть и палилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить и вдругъ выпилъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему вдругъ послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакать. Онъ чувствовалъ, что впадаетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Неждановымова, даже сотрудника «Головешки». Ему захотѣлось вдругъ обняться съ ними со всѣми, забыть все и помириться. Мало того: разсказать имъ все откровенно, все, все, то есть какой онъ добрый и славный человѣкъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ умѣетъ смѣшить дамскій полъ, и, главное, какой онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ снизойти до всѣхъ, до самыхъ низшихъ и, наконецъ, въ заключеніе, откровенно разсказать всѣ мотивы, побудившіе его, незваного, явиться къ Неждановымову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ.

— Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ домму. Они мнѣ повѣрятъ, я вижу ясно: они даже смотрятъ враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покорю неотразимо. Они наполнятъ рюмки и съ крикомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разобьетъ свою рюмку о шнуру. Даже можно-бы прокричать ура! Даже если-бъ покачать вздумали по гусарски, я-бы и этому не противился, даже и весьма-бы хорошо было. Новобрачную я поцѣлую въ лобъ: она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человѣкъ. Неждановымовъ, конечно, впослѣдствіи исправится. Ему недостаетъ, такъ

сказать, этого свѣтскаго лоску... И хотя, конечно, нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого новаго поколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всѣ они будутъ любить меня и я выйду со славою!..

Эти мечты, конечно, были очень пріятны, но непріятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно плеваться. По крайней мѣрѣ, слюна вдругъ начала выскакивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгалъ щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ-же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ-же показалось ему самому до того нелѣпымъ, до того внѣ всего здраваго, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и вытилъ, но все-таки сидѣлъ какъ обваренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то самой интереснѣйшей темѣ, но что Акимъ Петровичъ, слушая его, не только какъ будто сконфузился, но даже чего-то боялся. Неледонимовъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и, наклонивъ на бокъ голову, съ самымъ непріятнымъ видомъ прислушивался. Онъ дѣйствительно какъ будто сторожилъ его. Окинувъ глазами гостей, онъ увидалъ, что многіе смотрятъ прямо на него и хохочутъ. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышаніе началъ говорить.

— Я сказалъ уже, началъ онъ какъ можно громче:—я сказалъ уже, господа, сейчасъ Акиму Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ, вы понимаете, что я хочу сказать... Россія переживаетъ, по моему глубочайшему убѣжденію, гу-гуманность...

— Гу-гуманность! раздалось въ другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Неледонимовъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачалъ головою, какъ-бы усовѣщевая гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность! упорно продолжалъ онъ: и давеча... и именно давеча я говорилъ Степану Ники-ки-форовичу... да... что... что обновленіе, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! громко раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? отвѣчалъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть, кто ему крикнулъ.

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я увлекся, продолжайте! Про-дол-жайте! послышался опять голосъ.

Ивана Ильича передернуло.

— Обновленіе, такъ сказать, этихъ самыхъ вещей.

— Ваше провосходительство! крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотился къ нарушителю порядка и обидчику. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно напившійся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно оралъ и даже разбилъ стаканъ и двѣ тарелки, утверждая, что на свадьбѣ какъ будто-бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекать крикуна.

— Что ты, чего орешь? Вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! Продолжайте! кричалъ развеселившійся школьникъ, развалясь на стулѣ:— продолжайте, я слушаю и очень, о-чень, о-чень вами доволенъ! На-хвально, на-хвально!

— Пьяный мальчишка! шепотомъ подсказалъ Неждановъ.

— Вижу, что пьяный, но...

— Это я разсказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдотъ-съ, ваше превосходительство! началъ офицеръ: — про одного поручика нашей команды, который точно такъ разговаривалъ съ начальствомъ: такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: на-хвально, на-хвально! Его еще десять лѣтъ назадъ за это изъ службы выключили.

— Ка-какой-же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! Сошелъ съ ума на похвальномъ. Сначала увѣщевали мѣрами кротости, потомъ подъ арестъ... Начальникъ родительскимъ образомъ усовѣщевалъ: а тотъ ему: на-хвально, на-ахвально! И странно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подъ судъ отдать, но замѣтили, что помѣшанный.

— Значитъ... школьникъ. За школьничество можно-бы и не такъ строго. Я съ своей стороны готовъ простить...

— Медициной свидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Какъ! Ана-то-мировали?

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ!

Громкій и почти всеобщій залпъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣпѣлъ.

— Господа, господа! закричалъ онъ, на первое время даже почти не заикаясь:—я очень хорошо въ состояніи различить, что живаго не анатомируютъ. Я полагалъ, что онъ, въ помѣшательствѣ былъ уже не живой... то есть умеръ... то есть я хочу сказать... что вы меня не любите... А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ.. да, и люблю Пор... Порфирія... Я унижаю себя, что такъ говорю...

Въ эту минуту преогромная салива вылетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто. Исидонимовъ бросился обтирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончательно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! прокричалъ онъ въ отчаяніи.

— Пьяный человѣкъ, ваше превосходительство, снова было подсказалъ Исидонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы... всѣ... да! Я говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унизилъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ... Скажи, если я пришелъ... да... да, на свадьбу, я имѣлъ цѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчаніе, да еще на такой категорическій вопросъ. «Ну, что-бы имъ, что-бы имъ хоть въ эту минуту прокричать!» мелькнуло въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Непремичъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, а Исидонимовъ, нѣмѣя отъ страха, повторялъ про себя ужасный вопросъ, который давно уже ему представлялся:

— А что-то мнѣ за все это завтра будетъ?

Вдругъ сотрудникъ «Головешки», уже сильно пьяный, сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился прямо къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества:

— Да-съ! закричалъ онъ громкимъ голосомъ: —да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ... Ретъ-ро-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! Съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами, и во вторыхъ, я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что̀ это! вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что остановился какъ столбъ и совершенно не зналъ, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣстахъ. Художникъ и учащійся аплодировали, кричали браво, браво!

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью:

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью! Вы помѣшали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятью рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозрѣваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ женъ своихъ подчиненныхъ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да!

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ! кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кинжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте безпокоиться! энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ задалъ ему нѣсколько тумаковъ въ спину, и вытолкалъ его въ двери.

— Всѣ вы подлецы! кричалъ сотрудникъ: — я васъ всѣхъ завтра-же въ «Головешкѣ» окарикатурю!..

Всѣ повскакали съ мѣстъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпясь около генерала: — ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ генералъ: — я уничтоженъ... я пришелъ... я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все!..

Онъ опустился на стулъ какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужасъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно, желая уйдти, покачнулся, запнулся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ...

Это бываетъ съ непьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенія сохраняютъ они сознаніе и потомъ вдругъ падаютъ какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознаніе. Пселдонимовъ схватилъ

себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали поспѣшно расходиться, каждый по своему толкуя о происшедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Иселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, не смотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покамѣстъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Иселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ избранное нами теченіе разсказа и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріи Петровичѣ Иселдонимовѣ.

Еще не далѣе, какъ за мѣсяцъ до своего брака, онъ погибалъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи, гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Иселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получилъ свое десятирублевое мѣсто, онъ было воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять принизился обстоятельствами. На всемъ свѣтѣ Иселдонимовыхъ осталось только двое, онъ и мать его, бросившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и сынъ погибали вдвоемъ на морозѣ и питались сомнительными матеріалами. Бывали дни, что Иселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на Фонтанку за водой, чтобъ тамъ и напиться. Получивъ мѣсто, онъ кое-какъ устроился вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинелишку. И сколько бѣдствій онъ вынесъ въ своей канцеляріи: къ нему подходило начальство съ вопросомъ: давно-ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заводятся клопы. Но Иселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ и смиренъ и тихъ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговору отъ него почти не было слышно никогда. Не знаю положительно: мыслилъ-ли онъ, созидалъ-ли планы и системы, мечталъ-ли объ чемъ-нибудь? Но взамѣнъ того въ немъ выработывалась какая-то инстинктивная, кряжевая, безсознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное: у муравьевъ разорите гнѣздо и они тотчасъ-же вновь начнутъ созидать его, разорите другой разъ и другой разъ начнутъ, и такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительное и домовитое. На лбу его было видно, что онъ добьется дороги, устроитъ гнѣздо и, можетъ быть, даже скопитъ и про запасъ. Одна только мать и любила его

въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женщина она была твердая, неустанная, работящая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ-бы и жили они въ своихъ углахъ, можетъ быть, еще лѣтъ пять или шесть до перемѣны обстоятельствъ, если-бъ не столкнулись они съ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ казначеемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ послѣднее-же время основавшимся и устроившимъ себя въ Петербургѣ съ своимъ семействомъ. Пселдонимова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то когда-то обязанъ. Деньжонки у него водились, конечно, небольшія, но они были, сколько ихъ дѣйствительно было,—про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того больной человѣкъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонимова: «я, дескать, знаю его, отецъ его былъ хорошій человѣкъ и сынъ будетъ хорошій человѣкъ». Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ: сказано, сдѣлано. Это былъ очень странный самодуръ. Большею частію онъ проводилъ время сидя на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему однако-жь пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человѣкъ онъ былъ злой; ему надобно было непремѣнно кого-нибудь и безпрерывно мучить. Для этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, больную и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея разсказывать ему сказки изъ «тысячи одной ночи». Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всѣми этими несчастными нахлѣбницами, ругать ихъ поминутно и на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, не исключая и жены его, родившейся съ зубною болью, не смѣли передъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя какъ всѣ онѣ чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдствовавшая лѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ, своимъ мужемъ, и, наконецъ, овдовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими больными дѣтьми. Дѣтей ея онъ терпѣть не могъ, но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріалъ, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ мучителемъ, тѣснилась въ деревянномъ домѣ на Петербургской, не доѣдала, потому что старикъ былъ скупъ и

деньги выдавалъ копѣйками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку: не досыпала, потому что старикъ страдалъ безсонницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ, все это бѣдствовало и проклинало судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и наглядѣлъ Пселдонимова. Онъ былъ пораженъ его длиннымъ носомъ и смиреннымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмецкую шуле, но изъ нея почти ничего, кромѣ азовъ, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подъ костылемъ безногаго и пьянаго родителя, въ содомѣ домашнихъ сплетней, шпіонствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужъ ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, возлѣ маменьки и приживалокъ, зла и сверлива какъ буравчикъ. Она особенно любила щипаться и раздавать колотушки дѣтямъ сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, но однако попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстино имя записывали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но всетаки что-нибудь стоившій. Сверхъ того, давали четыреста рублей, — когда-то ихъ самъ-то накопишь! Я вѣдь къ чему беру въ домъ человѣка? кричалъ пьяный самодуръ. Во первыхъ, для того, что всѣ вы бабье, а мнѣ надоѣло одно бабье. Я хочу, чтобъ и Пселдонимовъ по моей дудкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Во вторыхъ, потому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну такъ вотъ на зло вамъ и сдѣлаю. Что сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія сидитъ. Всѣхъ изгони и клюку наготовлю».

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ ужь рѣшился. Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до свадьбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на свадьбу. Старикъ имъ покровительствовалъ, можетъ быть, именно потому, что все семейство на нихъ злобствовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и надъ ней не шпынялъ. Впрочемъ, самого Пселдонимова заставилъ еще за недѣлю до свадьбы проплясать передъ собой казачка.— «Ну довольно, я хотѣлъ только видѣть, не забываешься-ли ты передо мной», сказалъ онъ по окончаніи танца. Денегъ онъ далъ на свадьбу въ обрѣзъ и созвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ «Головешки» и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень

хорошо зналъ, что невѣста къ нему питаетъ отвращеніе и что ей очень-бы хотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все перенесетъ, ужъ такой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадебный день и весь вечеръ старикъ ругался скверными словами и пьянствовалъ. Вся семья по случаю свадьбы пріютилась въ заднихъ комнатахъ, и стѣснилась тамъ до смрада. Передпія-же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одиннадцать вечера, мать невѣсты, особенно злившаяся въ этотъ день на мать Псевдонимова, рѣшилась перемѣнить гнѣвъ на милость и выйдти къ балу и ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться, зачѣмъ ее не предувѣдомили, что звали самого генерала. Ее увѣряли, что онъ пришелъ самъ незваный — она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У матери Псевдонимова нашелся одинъ только цѣлковый, у самого Псевдонимова ни конѣйки. Надо было кланяться злой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потомъ на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовѣщевали. Она дала, наконецъ, собственныя деньги, но заставила Псевдонимова выпить такую чашу желчи и потату, что онъ, уже неоднократно вбѣгая въ комнатку, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ, чего стоили двѣ бутылки джексона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Каковы-же были ужасъ Псевдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичемъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и, можетъ быть, на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной новобрачной, укоры безтолковой невѣстиной родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадъ и мракъ застилали ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было искать въ три часа утра доктора или карету, чтобы свезти его домой и непремѣнно карету, потому что на ваньку въ такомъ видѣ и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя-бы для кареты? Млекопитаева, взбѣшенная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней нѣтъ ни конѣйки. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не было ни конѣйки. Гдѣ взять? Что дѣлать? Да, было отчего теребить себѣ волосы.

Между тѣмъ Ивана Ильича покамѣстъ перенесли на маленькій кожаный диванъ, стоявшій тутъ-же въ столовой. Покамѣстъ убирали со столовъ и разбирали ихъ, Неледошимовъ бросался во всѣ углы занять денегъ, пробовалъ даже занять у прислуги, но ни у кого ничего не оказалось. Онъ даже рискнулъ было побезпокоить Акима Петровича, оставшагося дольше другихъ. Но тотъ, хоть и добрый человѣкъ, услышавъ о деньгахъ, принялъ въ такое недоумѣнье и въ такой даже испугъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни:

— Въ другое время, я съ удовольствіемъ, бормоталъ онъ: — а теперь... право меня извините...

И, взявъ шапку, поскорѣй убѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юнона, разсказывавшій про сонникъ, еще пригодился на что-нибудь: да и то некстати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ Неледошимова. Наконецъ, Неледошимовъ, мать его и юнона рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больнаго домой, а покамѣстъ, до кареты, непробовать надъ нимъ нѣкоторыя домашнія средства, какъ-то: смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Неледошимова. Юнона полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на Петербургской даже и ваньки въ этотъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извощикамъ куда-то далеко на подворье, разбудилъ кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились, однако-жъ, на трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юнона прибылъ къ нанятой каретѣ къ Неледошимовымъ, у нихъ уже давно перемѣнилось рѣшеніе. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который былъ все еще не въ памяти, до того разбольлся, до того стоналъ и металея, что переносить его и везти въ такомъ состояніи домой стало совершенно невозможнымъ и даже рисованнымъ. — Еще что изъ этого выйдетъ? — говорилъ совершенно обезкураженный Неледошимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ: если ужъ оставить больнаго дома, то куда-же перенести его и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопитаевъ съ супругою, и другая новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и назначенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели, или, лучше сказать, обитательницы дома спали на полу, въ повалку, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продушенныхъ, то есть вовсе непригодныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзъ: даже и того не было. Куда-же положить больнаго? Перина-то-бы еще, пожалуй,

и нашлась,—можно было вытащить изъ-подъ кого нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ постлать. Оказалось, что постлать надо въ залѣ, такъ какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ нѣдръ семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлать? Неужели на стульяхъ? Извѣстно, что на стульяхъ стелютъ только одинмъ гимназистамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой, а для особы, какъ Иванъ Ильичъ, это было-бы очень неуважительно. Что сказалъ-бы онъ на завтра, увидя себя на стульяхъ? Неледонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы уже сказали, было устроено въ маленькой комнаткѣ, тотчасъ-же подлѣ столовой. На кровати былъ двуспальный, еще необновленный, новокупленный матрацъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ колпкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, вытеганное узорами. Изъ золотаго кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ, все было какъ слѣдуетъ и гости, почти всѣ перебывавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть и терпѣть не могла Неледонимова, но въ продолженіи вчера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотрѣть. Каково-же было ея негодованіе, ея злость, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больнаго, заболѣвшаго чѣмъ-то въ родѣ холерины! Маша новобрачной вступилась было за нее, бранилась, обѣщалась на завтра-же жаловаться мужу; но Неледонимовъ показалъ себя и настоялъ: Ивана Ильича перенесли, а новобрачныя постлали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была ципаться, но ослушаться не посмѣла: у папаши былъ костыль, ей очень знакомый, и она знала, что папаша непремѣнно завтра потребуетъ ей въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту-то минуту и прибылъ юнона съ каретой; узнавъ, что карета уже не нужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривенника еще никогда не было. Неледонимовъ объявилъ свое полное банкротство. Пробовали уговорить извощика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось, подробно не знаю. Кажется, юнона отправился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Пески, въ четвертую Рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночевавшаго у своихъ знакомыхъ, и попытаться: нѣтъ-ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Неледонимова. Она пріютилась на полу, на коврикѣ, и накрылась шубенкой, но

спать не могла, потому что принуждена была вставать поминутно: съ Иваномъ Ильичемъ сдѣлалось ужасное разстройство желудка. Неледоимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ и всю ночь выносила черезъ коридоръ изъ спальни необходимую посуду и вносила ее опять. И однако-жъ, несчастія этой ночи еще далеко не кончились.

Не прошло десяти минутъ послѣ того, какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздирающій крикъ, не отрадный крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ будто паденіе стульевъ, и въ мигъ въ комнату, еще темную, неожиданно ворвалась цѣлая толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ во всевозможныхъ дезабиль̀е. Эти женщины были: мать новобрачной, старшая сестра ея, бросившая на это время своихъ больныхъ дѣтей, три ея тетки, прилелась даже и та, у которой было сломанное ребро. Даже кухарка была тутъ-же, даже прижива́лка-нѣмка, разсказывавшая сказки, изъ-подъ которой вытащили силой для новобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, прилелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозорливыя женщины, уже съ четверть часа какъ пробрались изъ кухни, черезъ коридоръ на цыпочкахъ и подслушивали въ передней, пожираемыя самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ, кто-то наскоро зажегъ свѣчку и всѣмъ представилось неожиданное зрѣлище. Стулья, невыдержавшіе двойной тяжести и подпиравшіе широкую перину только съ краевъ, разъѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она была до сердца обижена. Нравственно убитый Неледоимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Со всѣхъ сторонъ раздавались ахи и взвизги. На шумъ прибѣжала и мать Неледоимова, но маменька новобрачной на этотъ разъ одержала полный верхъ. Она сначала осыпала Неледоимова страшными и по большей части несправедливыми упреками на тему: «какой ты, батюшка, мужъ послѣ этого? Куда ты, батюшка, годенъ, послѣ такого сраму?» и прочее и, наконецъ, взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя отвѣтственность на завтра передъ грознымъ отцомъ, потребующимъ отчета. За нею убрались и всѣ, ахая и покивая головами своими. Съ Неледоимовымъ осталась только мать его и попробовала его утѣшить. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьѣ, такъ какъ былъ босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ-то машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣснились танцующіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху папиросный дымъ. Окурки папирось и конфетныя бумажки все еще валялись на заплеванномъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутыя стулья свидѣтельствовали о бренности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надеждъ и мечтаній. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжелыя мысли, какъ, напримѣръ: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? Онъ мучительно сознавалъ, что надо перемѣнить мѣсто службы, во что-бы ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего, что случилось въ сей вечеръ. Приходилъ ему въ голову и Млекопитаевъ, который, пожалуй, завтра-же заставитъ его опять плясать казачка, чтобъ испытать его кротость. Сообразилъ онъ тоже, что Млекопитаевъ хоть и далъ пятьдесятъ рублей на свадебный день, которые ушли до копѣйки, но четыреста рублей приданыхъ не думалъ еще отдавать, даже и помину о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высокомъ офицерѣ, становившемся на одно колѣно передъ его женой. Онъ это уже успѣлъ замѣтить; думалъ онъ о семи бѣсахъ, сидѣвшихъ въ женѣ его, по собственному свидѣтельству ея родителя, и о клюкѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно, онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перенести, но судьба подпускала, наконецъ, такіе сюрпризы, что можно было, наконецъ, и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ горевалъ Неледошимовъ. Между тѣмъ, огарокъ погасалъ. Мерцающій свѣтъ его, падавшій прямо на профиль Неледошимова, отражалъ ее въ колоссальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ, когда уже повѣяло утренней свѣжестью, онъ всталъ, издрогшій и онѣмѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями и не поправляя ничего, не потушивъ огарка, даже не подложивъ подъ голову подушки, вползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ свинцовымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ, должно быть, спятъ приговоренные на завтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться и съ той мучительной ночью, которую провелъ Иванъ Ильичъ Пралинскій на брачномъ ложѣ несчастнаго Неслдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе непріятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такіе бездны ужаса, такія мрачныя и отвратительныя картины, что лучше, если-бы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ, все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнавалъ, напримѣръ, мать Неслдонимова,—слышалъ ея незлобивыя увѣщанія въ родѣ: «потерпи, мой голубчикъ, потерпи, батюшка, стерпится-слюбится», узнавалъ и не могъ, однако, дать себѣ никакого логическаго отчета въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему: чаще всѣхъ представлялся ему Семенъ Ивановъ; но, вглядываясь пристальнѣе, онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семенъ Ивановъ, а носъ Неслдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольный художникъ, и офицеръ, и старуха съ подвязанной щекой. Болѣе всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были занавѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату, и все добивался мысленно: къ чему служитъ это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проспалъ около часу и когда проснулся, то былъ уже почти въ полномъ сознаніи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, скверпѣйшій вкусъ. Онъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшагося дня, пробравшись сквозь щели ставень узкою полоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Ильичъ вдругъ сообразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ всѣ приключенія за ужиномъ, свой манкированный подвигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйдти, все, что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ, наконецъ, до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго,—о, тогда такой смертельный стыдъ, такія мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнулъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяніи бросился на подушку. Черезъ минуту онъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ-же на стулѣ свое платье,

въ порядкѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ-же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и желтыя перчатки въ шапкѣ. Онъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь и вошла старуха Псевдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомойникомъ. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомойникъ и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непремѣнно.

— Какъ-же, батюшка, умойся, нельзя-же не умывшись-то...

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созналъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, которое онъ-бы могъ теперь не стыдиться и не бояться, такъ это именно эта старуха. Онъ умылся. И долго потомъ въ тяжелыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызеній совѣсти, и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукомойникомъ, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льдинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какими-то вытравленными на немъ буквами, кончекъ въ пятнадцать цѣною, очевидно, купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу; и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Холодная вода освѣжила его, онъ утерся, и, не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру милосердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плечи шубу, поданную ему Псевдонимовой, и черезъ корридоръ, черезъ кухню, въ которой уже мяукала кошка и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ, съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжалъ на дворъ, на улицу и бросился къ проѣзжавшему извощику. Утро было морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще дома и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднялъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотрятъ, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ...

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно, чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выжилъ цѣлый адъ и, должно быть, они зачлись ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ постричься въ монахи. Право, были. Даже воображеніе его начинало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное пѣніе, отверзтый гробъ, житье въ уединенной кельѣ, лѣса и пещеры; но, очнувшись, онъ почти тотчасъ-же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственные

припадки, имѣвшіе въ виду его existence manquée. Потомъ стыдъ снова вспыхивалъ въ душѣ его, разомъ овладѣвалъ ею и все выжигалъ и растравливалъ. Онъ содрогался, представляя себѣ разныя картины. Что̀ скажутъ о немъ, что̀ подумаютъ, какъ онъ войдетъ въ канцелярію, какой шепотъ его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ въ потомство. Онъ впадалъ даже иногда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ-же ѣхать къ Семену Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно: онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ уединеніи посвятить себя счастью человѣчества. Во всякомъ случаѣ надо было непремѣнно перемѣнить всѣхъ знакомыхъ, и даже такъ, чтобъ искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потомъ ему приходили мысли, что и это вздоръ и что при усиленной строгости съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободряться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить неизвѣстности и un beau matin рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непремѣнно услышитъ за собою двусмысленный шепотъ, увидитъ двусмысленныя лица, пожнетъ злокачественнѣйшія улыбки. Каково-же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почтительно; ему кланялись; всѣ были серьезны; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ-же и пресерьезно занялся дѣломъ, выслушалъ нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не разсуждалъ и не рѣшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ видѣлъ, что имъ довольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая мнительность не могла-бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ, явился и Акимъ Петровичъ, съ какими-то бумагами. При появленіи его, что-то какъ будто кольнуло Ивана Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ занялся съ Акимъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывалъ ему какъ надо сдѣлать и разъяснялъ. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ будто избѣгаетъ слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича или, лучше

сказать, что Акимъ Петровичъ боялся глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, началъ онъ какъ можно суше:— чиновника Пеледонимова о переводѣ его въ департаментъ... Его превосходительство Семенъ Ивановичъ Шишуленко обѣщали ему мѣсто. Просить вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, сказалъ Иванъ Ильичъ и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Что-жь, я съ моей стороны... я употреблю, отвѣчалъ Иванъ Ильичъ,—я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй улизнуть. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича,—передайте Пеледонимову, что я ему не желаю зла: да, не желаю!.. Что, напротивъ, я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все, все...

Но вдругъ Иванъ Ильичъ осѣкся, смотря въ изумленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который изъ разсудительнаго человѣка, неизвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. Вмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то утопленно и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пятиться къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или, лучше сказать, добраться поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ затрудненіи со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

— Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость! шепталъ онъ почти безсознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все его лицо. Ему стало вдругъ до того стыдно, до того тяжело, какъ не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни.—«Не выдержалъ!» сказалъ онъ про себя и въ безсиліи опустился на стулъ.

ЗИМНІЯ ЗАМѢТКИ

О

ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ.

ГЛАВА I.

Вмѣсто предисловія.

Вотъ уже сколько мѣсяцевъ толкуете вы мнѣ, друзья мои, чтобъ я описалъ вамъ поскорѣе мои заграничныя впечатлѣнія, не подозрѣвая, что вашей просьбой вы ставите меня просто въ тупикъ. Что я вамъ напишу? Что разскажу новаго, еще не извѣстнаго, не разсказаннаго? Кому изъ всѣхъ насъ русскихъ (т. е. читающихъ хоть журналы) Европа не извѣстна вдвое лучше, чѣмъ Россія? Вдвое я здѣсь поставилъ изъ учтивости, а навѣрное въ десять разъ. Къ тому-же, кромѣ спхъ общихъ соображеній, вы спеціально знаете, что мнѣ-то особенно нечего разсказывать, а ужъ тѣмъ болѣе въ порядкѣ записывать, потому что я самъ ничего не видалъ въ порядкѣ, а если что и видѣлъ, такъ не умѣлъ разглядѣть. Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ иныхъ мѣстахъ по два раза, и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что-нибудь порядочно разглядѣть, проѣхавъ столько дорогъ въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я составилъ себѣ заранѣе еще въ Петербургѣ. За границей я не былъ ни разу: рвался я туда чуть не съ моего перваго дѣтства, еще тогда, когда въ долгіе зимніе вечера, за неумѣніемъ грамотѣ, слушалъ, разиня ротъ и замирая отъ восторга и ужаса, какъ родители читали на сонъ грядущій романы Рэтклифъ, отъ которыхъ я потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Вырвался я, наконецъ, за границу сорока лѣтъ отъ роду и, ужъ разумѣется, мнѣ хотѣлось не только какъ можно болѣе осмотрѣть, но даже все осмотрѣть, непремѣнно все, не смотря на срокъ. Къ тому-же хладнокровно выбирать мѣста я былъ рѣшительно не въ состояніи. Господи, сколько я ожидалъ себѣ отъ этого путешествія! «Пусть не разгляжу ничего подробно, ду-

малъ я, зато я все видѣлъ, вездѣ побывалъ; зато изъ всего видѣннаго составится что-нибудь цѣлое, какая-нибудь общая панорама. Вся «страна святыхъ чудесъ» представится мнѣ разомъ, съ птичьяго полета, какъ земля обѣтованная съ горы въ перспективѣ. Однимъ словомъ, получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатлѣніе». Вѣдь я теперь, сидя дома, объ чемъ тоскую наболѣе, вспоминая о моихъ лѣтнихъ странствованіяхъ? Не о томъ, что я ничего не разглядѣлъ въ подробности, а о томъ, что вотъ почти вѣдь вездѣ побывалъ, а въ Римѣ, напримѣръ, такъ и не былъ. А въ Римѣ я-бы, можетъ быть, пропустилъ пану... Однимъ словомъ, на меня напала какая-то неутолимая жажда новаго, перемѣны мѣстъ, общихъ, синтетическихъ, панорамныхъ, перспективныхъ впечатлѣній. Ну чего-жь послѣ такихъ признаній вы отъ меня ожидаете? Что я вамъ разскажу? Что изображу? Панораму, перспективу? Что-нибудь съ птичьяго полета? Но, пожалуй, вы-же первые скажете мнѣ, что я высоко залетѣлъ. Кромѣ того я считаю себя человѣкомъ совѣстливымъ и мнѣ вовсе не хотѣлось-бы лгать, даже и въ качествѣ путешественника. А вѣдь если я вамъ начну изображать и описывать хотя-бы только одну панораму, то вѣдь непремѣнно солгу и даже вовсе не потому, что я путешественникъ, а такъ, просто потому, что въ моихъ обстоятельствахъ невозможно не лгать. Разсудите сами: Берлинъ, напримѣръ, произвелъ на меня самое кислое впечатлѣніе и пробылъ я въ немъ всего одинъ сутки. И я знаю теперь, что я виноватъ передъ Берлиномъ, что я не смѣю положительно утверждать, будто онъ производитъ кислое впечатлѣніе. Ужь, по крайней мѣрѣ, хоть кисловатое, а не просто кислое. А отчего произошла пагубная ошибка моя? Рѣшительно оттого, что я, больной человѣкъ, страдающій печенью, двое сутокъ скакалъ по чугункѣ, сквозь дождь и туманъ до Берлина, и, пріѣхавъ въ него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдругъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что Берлинъ до невѣроятности похожъ на Петербургъ. Тѣ-же кордонныя улицы, тѣ-же запахи, тѣ-же... (а, впрочемъ, не пересчитывать-же всего того-же)! Фу ты, Богъ мой, думалъ я про себя: стоило-жь себя двое сутокъ въ вагонѣ ломать, чтобъ увидать то-же самое, отъ чего ускакалъ? Даже лицы мнѣ не понравились, а вѣдь за сохраненіе ихъ берлинецъ пожертвуетъ всѣмъ изъ самаго дорогаго, даже, можетъ быть, своей конституціей; а ужь чего дороже берлинцу его конституціи? Къ тому-же сами берлинцы, всѣ до единаго, смотрѣли такими нѣмцами, что я, не посягнувъ даже и на фрески Каульбаха (о, ужасъ!) поскорѣе улизнулъ въ Дрезденъ, питая глубочайшее убѣжденіе въ душѣ, что къ нѣмцу надо особенно привыкать, и что съ непривычки его весьма

трудно выносить въ большихъ массахъ. А въ Дрезденѣ я даже и передъ нѣмками провинился; мнѣ вдругъ вообразилось, только-что я выйдетъ на улицу, что ничего нѣтъ противнѣе типа дрезденскихъ женщинъ и что самъ нѣвецъ любви, Всеволодъ Крестовскій, самый убѣжденный и самый развеселый изъ русскихъ поэтовъ, совершенно-бы здѣсь потерялся и даже, можетъ быть, усомнился-бы въ своемъ призваніи. Я, конечно, въ ту-же минуту почувствовалъ, что говорю вздоръ и что усомниться въ своемъ призваніи онъ не могъ-бы даже ни при какихъ обстоятельствахъ. Черезъ два часа мнѣ все объяснилось: воротясь въ свой номеръ въ гостинницѣ и высунувъ свой языкъ передъ зеркаломъ, я убѣдился, что мое сужденіе о дрезденскихъ дамахъ похоже на самую черную клевету. Языкъ мой былъ желтый, злокачественный... «И неужели, неужели человѣкъ, сей царь природы, до такой степени весь зависитъ отъ собственной своей печенки, подумалъ я, — что̀ за низость!» Съ этими утѣшительными мыслями я отправился въ Кельнъ. Признаюсь, я много ожидалъ отъ собора; я съ благоговѣніемъ чертилъ его еще въ юности, когда учился архитектурѣ. Въ обратный проѣздъ мой черезъ Кельнъ, то есть мѣсяцъ спустя, когда, возвращаясь изъ Парижа, я увидалъ соборъ во второй разъ, я было хотѣлъ «на колѣняхъ просить у него прощенія» за то, что не постигъ въ первый разъ его красоту, точь въ точь какъ Карамзинъ, съ такою-же цѣлью становившійся на колѣни передъ рейнскимъ водопадомъ. Но тѣмъ не менѣе въ этотъ первый разъ соборъ мнѣ вовсе не понравился, мнѣ показалось, что это только кружево, кружево и одно только кружево, галантерейная вещица въ родѣ пресъ-папье на письменный столъ, сажень въ семьдесятъ высотою. «Величественнаго мало», рѣшалъ я. точно такъ какъ въ старину наши дѣды рѣшили про Пушкина: «легко, дескать, слишкомъ сочиняетъ, мало высокаго». Я подозрѣваю, что на это первое рѣшеніе мое имѣли вліяніе два обстоятельства, и первое: одеколонъ. Жанъ-Марія-Фарина находится тутъ-же подлѣ собора и въ какомъ-бы вы ни остановились отелѣ, въ какомъ-бы вы ни были настроеніи духа, какъ-бы вы ни прятались отъ враговъ своихъ и отъ Жанъ-Маріи-Фарины въ особенности, его кліенты васъ найдутъ непремѣнно и ужь тутъ: «одеколонъ ou la vie!», одно изъ двухъ, выбора не представляется. Не могу утверждать слишкомъ навѣрное, что такъ и кричатъ именно этими словами: «одеколонъ ou la vie!» но кто знаетъ—можетъ быть, и такъ. Помню, мнѣ тогда все что-то казалось и слышалось. Второе обстоятельство, разозлившее меня и сдѣлавшее несправедливымъ, былъ новый кельнскій мостъ. Мостъ, конечно, превосходный и городъ справедливо гордится имъ, но мнѣ

показалось, что ужь слишкомъ гордится. Разумѣется, я тотчасъ-же на это разсердился. При томъ-же собирателю грошей при входѣ на чудесный мостъ вовсе не слѣдовало брать съ меня эту благоразумную пошлину съ такимъ видомъ, какъ будто онъ беретъ съ меня штрафъ за какую-то неизвѣстную мнѣ мою провинность. Я не знаю, но мнѣ показалось, что нѣмецъ куражится. «Вѣрно догадался, что я иностранецъ и именно русскій, подумалъ я. По крайней мѣрѣ, его глаза чуть не проговаривали: «Ты видишь нашъ мостъ, жалкій русскій,—ну такъ ты червь передъ нашимъ мостомъ и передъ всякимъ нѣмецкимъ человѣкомъ, потому что у тебя нѣтъ такого моста». Согласитесь сами, что это обидно. Нѣмецъ, конечно, этого вовсе не говорилъ, даже, можетъ, и на умѣ у него этого не было, но вѣдь это все равно: я такъ былъ увѣренъ тогда, что онъ именно это хочетъ сказать, что вскипѣлъ окончательно. «Чортъ возьми, думалъ я, мы тоже изобрѣли самоваръ... у насъ есть журналы .. у насъ дѣлаютъ офицерскія вещи... у насъ...» Однимъ словомъ, я разсердился и, купивъ стклянку одеколону (отъ которой ужь никакъ не могъ отвертѣться), немедленно ускакалъ въ Парижъ, надѣясь, что французы будутъ гораздо милѣе и занимательнѣе. Теперь разсудите сами: преодолѣй себя, пробудь я въ Берлинѣ не день, а недѣлю, въ Дрезденѣ столько-же, на Кельнъ положите хоть три дня, ну хоть два, и я навѣрно въ другой, въ третій разъ взглянулъ-бы на тѣ-же предметы другими глазами и составилъ-бы объ нихъ болѣе приличное понятіе. Даже лучъ солнца, простой какой-нибудь лучъ солнца тутъ много значилъ: сіяй онъ надъ соборомъ, какъ и сіялъ онъ во второй мой пріѣздъ въ городъ Кельнъ, и зданіе навѣрно-бы мнѣ показалось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не такъ, какъ въ то пасмурное и даже нѣсколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мнѣ одну только вспышку уязвленнаго патріотизма. Хотя изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что патріотизмъ рождается только при дурной погодѣ. Итакъ, вы видите, друзья мои: въ два съ половиною мѣсяца нельзя вѣрно всего разглядѣть и я не могу доставить вамъ самыхъ точныхъ свѣдѣній. Я по неволѣ иногда долженъ говорить неправду, а потому...

Но тутъ вы меня останавливаете. Вы говорите, что на этотъ разъ вамъ и не надобно точныхъ свѣдѣній, что за нуждою вы найдете ихъ въ гидѣ Рейхарда, а что, напротивъ, было-бы вовсе недурно, если-бъ и каждый путешественникъ гонялся не столько за абсолютной вѣрностью (которой достичь онъ почти всегда не въ силахъ), сколько за искренностью; не боялся-бы иногда не скрыть иного личнаго своего впечатлѣнія или приключенія, хотя-бы оно и не доставляло ему большой славы и не справлялся-бы съ извѣст-

ными авторитетами, чтобъ провѣрять свои выводы. Однимъ словомъ, что вамъ надобны только собственныя, но искреннія мои наблюденія.

А! восклицаю я, такъ вамъ надобно простой болтовни, легкихъ очерковъ, личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ на лету. На это согласенъ и тотчасъ-же справлюсь съ записной моей книжкой. И простодушнымъ быть постараюсь, насколько могу. Прошу только помнить, что, можетъ быть, очень многое, что̀ я вамъ напишу теперь, будетъ съ ошибками. Разумѣется, не все-же съ ошибками. Невозможно вѣдь ошибиться, напримѣръ, въ такихъ фактахъ, что въ Парижѣ есть Нотръ-Дамъ и Баль-Мабиль. Особенно послѣдній фактъ до того засвидѣтельствованъ всѣми русскими, писавшими о Парижѣ, что въ немъ уже почти нельзя сомнѣваться. Въ этомъ-то, можетъ, и я не ошибусь, а, впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, и за это не ручаюсь. Вѣдь говорятъ-же вотъ, что быть въ Римѣ и не видать собора Петра невозможно. Ну такъ посудите-же: я былъ въ Лондонѣ, а вѣдь не видалъ-же Павла. Право не видалъ. Собора св. Павла не видалъ. Оно, конечно, между Петромъ и Павломъ есть разница, но все-таки какъ-то неприлично для путешественника. Вотъ вамъ и первое приключеніе мое, не доставляющее мнѣ большой славы (то есть я, пожалуй, и видѣлъ издали, сажень за двѣсти, да торопился въ Пентонвиль, махнулъ рукой и проѣхалъ мимо). Но къ дѣлу, къ дѣлу! И знаете-ли: вѣдь я не все только ѣздилъ и смотрѣлъ съ птичьяго полета (съ птичьяго полета не значитъ *свысока*. Это архитектурный терминъ, вы знаете). Я цѣлый мѣсяцъ безъ восьми дней, употребленныхъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ прожилъ. Ну, вотъ я вамъ и напишу что-нибудь по поводу Парижа, потому что его все-таки лучше разглядѣлъ, чѣмъ соборъ св. Павла или дрезденскихъ дамъ. Ну, начинаю.

ГЛАВА II.

Въ вагонѣ.

Разсудка французъ не имѣетъ да и имѣть его почелъ-бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написалъ еще въ прошломъ столѣтіи Фонъ-Визинъ и, Боже мой, какъ, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь объ закладъ, что у него щекотало отъ удовольствія на сердцѣ, когда онъ ее сочинялъ. И кто знаетъ, можетъ, и всѣ-то мы послѣ Фонъ-Визина, три—четыре по-

колѣнья сряду, читали ее не безъ нѣкотораго наслажденія. Всѣ подобныя, отдѣлывающія иностранцевъ фразы, даже если и теперь встрѣчаются, заключаютъ для насъ русскихъ что-то неотразимо пріятное. Разумѣется, только въ глубокой тайнѣ, даже подчасъ отъ самихъ себя втайнѣ. Тутъ сынится какое-то мщеніе за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я какъ-то убѣжденъ, что оно существуетъ чуть не въ каждомъ изъ насъ. Мы, разумѣется, бранимся, если насъ въ этомъ подозрѣваютъ, и при этомъ вовсе не притворяемся, а между тѣмъ, я думаю, самъ Бѣлинскій былъ въ этомъ смыслѣ тайный славянофилъ. Помню я тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я зналъ Бѣлинскаго, помню, съ какимъ благоговѣніемъ, доходившимъ даже до странности, весь этотъ тогдашній кружокъ склонялся передъ Западомъ, то есть передъ Франціей преимущественно. Тогда въ модѣ была Франція,—это было въ сорокъ шестомъ году. И не то, что, напримѣръ, обожались такія имена, какъ Жоржъ-Зандъ, Прудонъ и проч.; или уважались такіе, какъ Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ и т. д. Нѣтъ, а такъ просто, сморчки какія-нибудь, самыя мизерныя фамильныки, которыя тотчасъ-же и сбрендили, когда до нихъ дошло потомъ дѣло, и тѣ были на высокомъ счету. И отъ тѣхъ ожидалось что-то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству. О нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось съ особеннымъ шепотомъ благоговѣнія.. И что-же? Въ жизнь мою я не встрѣчалъ болѣе страстно-русскаго человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій, хотя до него только развѣ одинъ Чаадаевъ такъ смѣло, а подчасъ и слѣпо, какъ онъ, негодовалъ на многое наше родное и, повидимому, презиралъ все русское. Я по нѣкоторымъ даннымъ это все теперь соображаю и припоминаю. Такъ вотъ, кто знаетъ, можетъ быть, это словцо Фонъ-Визина даже и Бѣлинскому подчасъ казалось не очень скандальнымъ. Бываютъ-же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то нравится. О, ради Бога, не считайте, что любить родину, значитъ, ругать иностранцевъ и что я такъ именно думаю. Совсѣмъ я такъ не думаю и не намѣренъ думать, и даже напротивъ... Жаль только, что объясниться-то яснѣе мнѣ теперь некогда.

А кстати: ужь не думаете-ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нѣтъ, это я только такъ отъ нечего дѣлать.

По записной моей книжкѣ приходится, что я теперь спишу въ вагонъ и приготовляюсь на завтра къ Эйдкунену, то есть къ первому заграничному впечатлѣнію, и у меня подчасъ даже сердце вздрагиваетъ. Какъ это вотъ я увижу наконецъ, Европу, я, кото-

рый безплодно мечталъ о ней почти сорокъ лѣтъ, я, который еще съ шестнадцати лѣтъ и пресерьезно, какъ Бѣлоняткинъ у Некрасова:

„Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію?“

но не бѣжалъ, и вотъ теперь и я въѣзжаю, наконецъ, въ страну святыхъ чудесъ —, въ страну такихъ долгихъ томленій и ожиданій моихъ, такихъ упорныхъ моихъ вѣрованій. Господи, да какіе-же мы русскіе? — мелькало у меня подчасъ въ головѣ въ эту минуту, все въ томъ-же вагонѣ. Дѣйствительно-ли мы русскіе въ самомъ-то дѣлѣ? Почему Европа имѣетъ на насъ, кто-бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатлѣніе? То есть я не про тѣхъ русскихъ теперь говорю, которые тамъ остались, ну вотъ про тѣхъ простыхъ русскихъ, которымъ имя пятьдесятъ милліоновъ, которыхъ мы, сто тысячъ человѣкъ, до сихъ поръ пресерьезно за никого считаемъ и надъ которыми глубокіе сатирическіе журналы наши до сихъ поръ смѣются за то, что они бородъ не бреютъ. Нѣтъ, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Вѣдь все, рѣшительно почти все, что есть въ насъ развитія, науки, искусства, гражданственности, человѣчности, все, все вѣдь это оттуда, изъ той-же страны святыхъ чудесъ! Вѣдь вся наша жизнь по европейскимъ складамъ еще съ самаго перваго дѣтства сложилась. Неужели-же кто-нибудь изъ насъ могъ устоять противъ этого вліянія, призыва, давленія? Какъ еще не переродились мы окончательно въ европейцевъ? Что мы не переродились — съ этимъ, я думаю, всѣ согласятся, одни съ радостію, другіе, разумѣется, со злобою за то, что мы *не доросли* до перерожденія. Это ужь другое дѣло. Я только про фактъ говорю, что мы не переродились даже при такихъ неотразимыхъ вліяніяхъ, и не могу понять этого факта. Вѣдь не няньки-жъ и мамки наши уберегли насъ отъ перерожденія. Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было-бъ Арины Родіоновны, няньки Пушкина, такъ, можетъ быть, и не было-бъ у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ! Неужели-же не вздоръ? А что если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ! Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ воспитываться во Францію; ну что, если туда увезли какого-нибудь другаго Пушкина и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели. А ужь Пушкинъ-ли не русскій былъ человѣкъ! Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ су-

домъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ. Неужели-жъ и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣческаго духа съ родной землей, что оторваться отъ нея ни за что нельзя и хоть и оторвешься, такъ все-таки назадъ воротишься. Вѣдь не съ неба-же въ самомъ дѣлѣ свалилось къ намъ славянофильство и хоть оно и сформировалось впослѣдствіи въ московскую затѣю, но вѣдь основаніе этой затѣи поглубже московской формулы и, можетъ быть, гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Да и у московскихъ-то, можетъ быть, поглубже ихъ формулы залегаетъ. Ужъ какъ трудно съ перваго раза даже передъ самимъ собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль въ три поколѣнія не выяснится, такъ что финалъ выходитъ иногда совсѣмъ не похожъ на начало... И вотъ всѣ-то эти праздныя мысли по неволѣ осаждали меня передъ Европой въ вагонѣ, отчасти, впрочемъ, отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Вѣдь надо-же быть откровеннымъ! До сихъ поръ у насъ о такихъ предметахъ только тѣ, которымъ нечего дѣлать, задумываются. Ахъ, какъ скучно праздно въ вагонѣ сидѣть, ну вотъ точь въ точь такъ-же, какъ скучно у насъ на Руси безъ своего дѣла жить. Хоть и везутъ тебя, хоть и заботятся о тебѣ, хоть подчасъ даже такъ убаюкиваютъ, что кажется-бы, и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска и именно потому, что самъ ничего не дѣлаешь, потому что ужъ слишкомъ о тебѣ заботятся, а ты сиди, да жди когда еще довезутъ. Право, иной разъ такъ-бы и выскочилъ изъ вагона, да сбоку подлѣ машины на своихъ ногахъ побѣжалъ. Пусть выйдетъ хуже, пусть съ непривычки устану, собьюсь, нужды нѣтъ! Зато самъ, своими ногами иду, зато себѣ дѣло нашелъ и самъ съ дѣлаю, зато если случится, что столкнутся вагоны и полетятъ вверхъ ногами, такъ ужъ не буду слюха руки запертый сидѣть, своимъ боками за чужую вину отвѣчать...

Богъ знаетъ что иногда на бездѣльѣ вздумается!

А между тѣмъ ужъ смеркалось. Въ вагонахъ стали зажигать огни. Напротивъ меня помѣщались мужъ и жена, уже пожилые, помѣщики, и, кажется, хорошіе люди. Они съѣзжали на выставку въ Лондонъ и всего-то на нѣсколько дней, а дома оставили семейство. Справа подлѣ меня находился одинъ русскій, проживавшій сряду десять лѣтъ въ Лондонѣ по коммерческимъ дѣламъ въ конторѣ, только на двѣ недѣли пріѣзжавшій теперь по дѣламъ въ Петербургъ, и, кажется, совершенно потерявшій понятіе о тоскѣ по родинѣ. Слѣва сидѣлъ чистый, кровный англичанинъ, рыжій, съ англійскимъ пробором на головѣ и чрезвычайно серьезный. Онъ всю дорогу не сказалъ ни съ кѣмъ изъ насъ ни одного самаго малень-

каго словечка ни на какомъ языкѣ, днемъ читать не отрываясь какую-то книжку. Той мельчайшей англійской печати, которую только могутъ переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и какъ только стало десять часовъ вечера, немедленно снялъ свои сапоги и надѣлъ туфли. Вѣроятно, это такъ заведено у него было всю жизнь и мѣнять своихъ привычекъ онъ не хотѣлъ и въ вагонѣ. Скоро всѣ задремали: свистъ и постукиванье машины нагоняли какую-то неотразимую дремоту. Я сидѣлъ, думалъ-думалъ и, ужь не знаю какъ, додумался до того, что «разсудка французъ не имѣетъ», чѣмъ и началъ эту главу. А знаете-ли, что меня что-то подмываетъ, покамѣстъ доберемся мы до Парижа, сообщить вамъ мои вагонныя размышленія, такъ, во имя гуманности: вѣдь было-же мнѣ скучно въ вагонѣ, ну такъ пусть теперь будетъ скучно и вамъ. Впрочемъ, другихъ читателей надобно выгородить, а для этого включу-ка я всѣ эти размышленія нарочно въ особую главу и назову ее *лишней*. Вы-то надъ ней поскучайте, а другіе, какъ лишнюю, могутъ и выкинуть. Съ читателемъ нужно обращаться осторожно и совѣстливо, ну а съ друзьями можно и покороче. Итакъ:

ГЛАВА III

и совершенно лишняя.

То, впрочемъ, были не размышленія, а такъ, какія-то созерцанія, произвольныя представленія, даже мечтанія «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Во первыхъ, я заѣхалъ въ старину и раздумался прежде всего о человѣкѣ, сотворившемъ вышеприведенный афоризмъ о французскомъ разсудкѣ, такъ, ни съ того, ни съ сего раздумался, именно по поводу афоризма. Этотъ человѣкъ по своему времени былъ большой либералъ. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпаконку сзади, для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней у Потемкина, но только что высунулъ свой носъ за границу, какъ и поспѣлъ отмалиться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка французъ не имѣетъ», да еще и имѣть-то его почелъ-бы за величайшее для себя несчастіе. Кстати, ужь не думаете-ли вы, что я заговорилъ о шпаконкѣ и бархатномъ кафтанѣ въ укоръ фонъ-Визину? Ничуть не бывало! Не знаю-же было ему надѣвать на

себя, да еще въ то время, когда и теперь иные господа, чтобы *быть русскими* и слиться съ народомъ, не надѣли-таки зипуна, изобрѣли себѣ балетный костюмъ, немного не тотъ самый, въ которомъ обыкновенно выходятъ на сцену въ русскихъ народныхъ операхъ Услады, влюбленные въ своихъ Людмилъ, носящихъ кокошники. Нѣтъ, ужь, по крайней мѣрѣ, французскій кафтанъ былъ тогда народу понятнѣе: «барина, дескать, видно, не въ зипунѣ-жь ходить баринъ». Слышалъ я недавно, что какой-то современный помѣщикъ, чтобъ слиться съ народомъ, тоже сталъ носить *русскій костюмъ* и повадился было въ немъ на сходки ходить: такъ крестьяне какъ завидятъ его, такъ говорятъ промежъ себя: «Чего къ намъ этотъ рякенный таскается?» Да такъ вѣдь и не слился съ народомъ помѣщикъ-то.

— Нѣтъ, ужь я, сказалъ мнѣ другой господинъ: —нѣтъ, ужь я ничего не уступлю. Нарочно буду бороду брить, а коли надо, такъ и во фракѣ ходить. Дѣло-то я буду дѣлать, а виду не покажу, что сходиться хочу. Буду хозяиномъ, буду скупымъ и разсчетливымъ, даже прижималой или вымогалой буду, если понадобится. Больше уважать будутъ. А вѣдь все главное въ томъ и состоитъ, чтобъ сначала настоящаго уваженія добиться.

— Фу ты чортъ! подумалъ я: —точно на инсургентовъ какихъ собираются. Военный совѣтъ да и только.

— Да, сказалъ мнѣ третій, впрочемъ премилѣйшій господинъ: — я вотъ куда нибудь приткнусь, а меня вдругъ на сходкѣ мірскимъ приговоромъ, за что нибудь высѣчь приговорятъ. Ну, что тогда будетъ?

— А хошь-бы и такъ, захотѣлось мнѣ вдругъ сказать, да и не сказалъ я, потому что струсилъ. —Что это, отчего это мы подчасъ до сихъ поръ трусимъ иныя наши мысли высказывать? — Хошь-бы и такъ, думалось мнѣ про себя, хошь и высѣкли-бы, что-жь? Такіе обороты дѣла называются у профессоровъ эстетики трагическимъ въ жизни и больше ничего. Неужели-жь изъ-за этого только особнякомъ отъ всѣхъ жить? Нѣтъ, ужь коли всѣ, такъ ужь совсѣмъ со всѣми, а особнякомъ, такъ ужь и совсѣмъ особнякомъ. Въ другихъ мѣстахъ и не то выносили, да еще слабыя жены и дѣти.

— Да, помилуйте, какія тутъ жены и дѣти! закричалъ-бы мнѣ мой противникъ: —выдралъ-бы міръ ни съ того, ни съ сего, за корову какую нибудь, что въ огородъ чужой затесалась, а у васъ ужь это и общее дѣло.

— Ну да, оно, конечно, смѣшно, да и дѣло-то само смѣшное, грязное такое, руки марать не хочется. Даже и говорить-то объ

немъ неприлично. Провались они всѣ: пусть ихъ всѣхъ стегаютъ, вѣдь не меня-же. А я вотъ съ своей стороны чѣмъ хотите готовъ отвѣчать за мірской приговоръ: ни одной таки розочки не доста-лось-бы моему милѣйшему спорщику, если-бъ даже и возможно было съ нимъ распорядиться по мірскому приговору: «Съ него деньгами штрафъ возьмемъ, братцы, потому и дѣло это у него благородное. Не привыченъ. Вотъ у нашего брата такъ на то и сидѣнье, чтобъ его стегать», порѣшилъ-бы міръ словами старосты въ одномъ изъ губернскихъ очерковъ Щедрина...

— Ретроградство! закричалъ кто нибудь, прочтя это. За розги стоять! (Ей Богу кто нибудь изъ этого выведетъ, что я за розги стою).

— Да помилуйте, про что вы говорите, скажетъ другой.— Вы про Парижъ хотѣли, да на розги съѣхали. Гдѣ-же тутъ Парижъ?

— Да что-же это, прибавитъ третій: — обо всемъ этомъ вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ-же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?

— Вотъ это такъ дѣйствительно задача, отвѣчаю я:— но, поз-вольте: вѣдь это зимнія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Такъ ужь къ зимнимъ и примѣшалось зимнее. Притомъ-же, подъ-ѣзжая къ Эйдкунену, я, помню, особенно раздумался про все наше отечественное, которое покидалъ для Европы, и помню, что иныя мечтанія мои были въ этомъ-же духѣ. Я именно размышлялъ на тему о томъ: какимъ образомъ на насъ въ разное время отража-лась Европа и постоянно ломилась къ намъ съ своей цивилизаціей въ гости и насколько мы цивилизовались и сколько именно насъ счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось? Теперь я самъ вижу, что все тутъ какъ-бы лишнее. Да я-жъ васъ и предувѣдомилъ, что вся глава лишняя. А, впрочемъ, на чемъ я остановился? Да! на французскомъ кафтанѣ. Съ него и началось!

Ну такъ вотъ, одинъ изъ этихъ французскихъ кафтановъ и написалъ тогда «Бригадира». «Бригадиръ» былъ по тогдашнему вещь удивительная и произвелъ чрезвычайный эффектъ. «Умри Де-нисъ, лучше ничего не напишешь», говорилъ самъ Потемкинъ. Всѣ какъ-бы съ просонья зашевелились. Что-жъ, неужели-жъ и тогда, продолжалъ я свои произвольныя созерцанія, ужь наскучило лю-дямъ ничего не дѣлать и ходить на чужихъ помочахъ? Я не объ однѣхъ тогдашнихъ французскихъ помочахъ говорю, и хочу кстати прибавить, что мы чрезвычайно легковѣрная нація и что все это у насъ отъ нашего добродушія. Сидимъ мы, напримѣръ, всѣ безъ дѣла и вдругъ намъ покажется, что кто-то что-то сказалъ, что-то сдѣлалъ, что у насъ собственнымъ духомъ запахло, что дѣло на-

шлось, вотъ мы такъ всѣ и накинемся и непремѣнно увѣрены, что сейчасъ начинается. Муха пролетитъ, а мы ужъ думаемъ, что самого слона провели. Неопытность юности, ну и голодуха къ тому-же. Это у насъ чуть не раньше —Бригадира— еще началось, конечно, тогда еще въ микроскопическомъ размѣрѣ — и неизмѣнно до сихъ поръ продолжается: нашли дѣло и визжимъ отъ восторга. Увизжаться и прорваться отъ восторга — это у насъ самое первое дѣло: смотришь, года черезъ два и расходимся врозь, повѣсивъ носы. И вѣдь не устаемъ, хоть еще сто разъ начинай. Что-же касается до другихъ помочей, то въ фонвизинское время въ масс̀ѣ-то почти вѣдь никто не сомнѣвался, что это были самыя святыя, самыя европейскія помочи и самая милая опека. Конечно, и теперь мало сомнѣвающихся. Вся наша крайне-прогрессивная партія до яростн стоитъ за чужія помочи. Но тогда, о, тогда было время такой вѣры во всякія помочи, что удивительно, какъ это мы горы тогда не сдвигали съ мѣста и какъ это всѣ эти наши алаунскія плоскія возвышенности, нарголовскія вершины, валдайскія пики стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Правда, упоминалъ одинъ тогдашній поэтъ про одного героя, что:

Ляжетъ на горы, горы трещатъ

и что

Башни рукою за облака бросаетъ.

Но, кажется, это была только метафора. Кстати, господа: я вѣдь только объ одной литературѣ теперь говорю и именно объ изящной литературѣ. Но ней я прослѣдить хочу постепенное и благотворное вліяніе Европы на наше отечество. То есть какія тогда (до —Бригадира— и въ его время) издавались и читались книжки, такъ это представить себѣ нельзя безъ нѣкотораго радостнаго высокомѣрія съ нашей стороны! Есть у насъ теперь одинъ замѣчательнѣйшій писатель, краса нашего времени, нѣкто Кузьма Прутковъ. Весь недостатокъ его состоитъ въ непостижимой скромности: до сихъ поръ не издалъ еще полнаго собранія своихъ сочиненій. Ну, такъ вотъ разъ напечаталъ онъ въ смѣси, въ «Современникѣ» очень давно уже «Записки моего дѣда». Вообразите, что̀ могъ записать тогда этотъ добрый, семидесятилѣтній, екатерининскій дѣдъ, видавшій виды, бывавшій на куртагахъ и подъ Очаковымъ, воротившись въ свою вотчину и принявшись за свои воспоминанія. То-то должно быть интересно было записать. Чего-чего не перевидалъ человѣкъ! Ну, такъ вотъ у него все состоитъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ:

„*Остроумный отвѣтъ кавалера де-Монбазона.* Нѣкогда одна молодая и весьма пригожая дѣвица кавалера де-Монбазона въ присутствіи

короля хладнокровно спрашивала: „Государь мой, что къ чему привѣшено, собака къ хвосту или хвостъ къ собакѣ?“ На что сей кавалеръ, будучи въ отповѣдяхъ весьма искусенъ, нисколько не смятеннымъ, но напротивъ, постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: „Никому, сударыня, собаку за хвостъ, какъ и за голову взять невозбранно“. Сей отвѣтъ оному королю большое удовольствіе причинивши, и кавалеръ тотъ не безъ награды за него остался“.

Вы думаете, что это надуванье, вздоръ, что никогда такого дѣда и на свѣтѣ не было. Но клянусь вамъ, что я самъ лично въ дѣтствѣ моемъ, когда мнѣ было десять лѣтъ отъ роду, читалъ одну книжку екатерининскаго времени, въ которой я прочелъ слѣдующій анекдотъ. Я тогда-же его затвердилъ наизусть, —такъ онъ примапилъ меня — и съ тѣхъ поръ не забылъ:

„*Остроумный отвѣтъ кавалера де-Рогана.* Извѣстно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло. Однажды, присутствуя при пробужденіи принца де-Конде, сей послѣдній сказалъ ему: „Отстранитесь, кавалеръ де-Роганъ, ибо отъ васъ весьма дурно пахнетъ“. На что сей кавалеръ немедленно отвѣтствовалъ: „Это не отъ меня, всемилостивѣйшій принцъ, а отъ васъ, ибо вы только что встаете съ постели“.

То есть вообразите только себѣ этого помѣщика, стараго воина, пожалуй еще безъ руки, со старухой помѣщицей, съ сотней дворни, съ дѣтьми Митрофанушками, ходящаго по субботамъ въ баню и парящагося до самозабвенія; и вотъ онъ, въ очкахъ на носу, важно и восторженно читаетъ по складамъ подобные анекдоты, да еще принимаетъ все за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обязанность по службѣ. И что за наивная тогдашняя вѣра въ дѣльность и необходимость подобныхъ европейскихъ извѣстій. Извѣстно, дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло»... Кому извѣстно, зачѣмъ извѣстно, какимъ медвѣдямъ въ Тамбовской губерніи это извѣстно? Да кто еще и знать-то про это захочетъ? Но подобные вольнодумные вопросы дѣда не смущаютъ. Съ самой дѣтской вѣрой соображаетъ онъ, что сіе «собранье острыхъ словъ» при дворѣ извѣстно, и довольно съ него. Да, конечно, тогда намъ легко давалась Европа, физически, разумѣется. Нравственно-то, конечно, обходилось не безъ плетей. Напяливали шелковые чулки, парики, привѣшивали шпажонки — вотъ и европеецъ. И не только не мѣшало все это, но даже нравилось. На дѣлѣ-же все оставалось по прежнему: также отложивъ де-Рогана (о которомъ, впрочемъ, только всего и знали, что у него весьма дурно изо рту пахло) въ сторону и снявъ очки, расправлялись съ своей дворней, также патріархально обходились съ семействомъ, также

драли на конюшнѣ мелкопомѣстнаго сосѣда, если струбить, также подличали передъ высшимъ лицомъ. Даже мужику было понятнѣе: меньше его презирали, меньше его обычаемъ брезгали, больше знали о немъ, меньше чужими были ему, меньше нѣмцами. А что важничали передъ нимъ, такъ какъ-же барину не поважничать, — на то баринъ. Хоть и до смерти засѣкали, а все-таки были народу какъ-то ближе теперешнихъ, потому что были больше свои. Однимъ словомъ, всѣ эти господа были народъ простой, крѣпкій: до корней не доискивались, брали, драли, крали, спины гнули съ умиленіемъ, и мирно и жирно проживали свой вѣкъ «въ добросовѣстномъ, ребяческомъ развратѣ». Мнѣ даже сдается, что всѣ эти дѣды были вовсе не такъ и наивны, даже въ отношеніи де-Рогановъ и Монбазоновъ.

Даже, можетъ, и пребольшіе подчасъ были плуты и себѣ на умѣ въ отношеніи ко всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ вліяніямъ сверху. Вся эта фантасмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шелковые чулки; эти тогдашніе солдатики въ нѣмецкихъ парикахъ и штиблетахъ, все это, мнѣ кажется, были ужасные плуты, подобострастно-лакейское надуваніе снизу, такъ что даже самъ народъ иной разъ это замѣчалъ и понималъ. Конечно, можно быть и подьячимъ, и плутомъ, и бригадиромъ и въ тоже время пренаивно и трогательно быть увѣрену, что кавалеръ де-Рогань и есть самый «субтильный суперфлю». Но вѣдь это ничему не мѣшало: Гвоздиловы гвоздили по прежнему, нашихъ де-Рогановъ нашъ Потемкинъ и всякій подобный ему чуть не сѣкли у себя на конюшнѣ, Монбазоны драли съ живаго и съ мертваго, кулаками въ манжетахъ и ногами въ шелковыхъ чулкахъ давались подзатыльники и подсвинники, а маркизы валялись на куртагахъ,

Отважно жертвуя затылкомъ.

Однимъ словомъ, вся эта заказная и приказная Европа удивительно какъ удобно уживалась у насъ тогда, начиная съ Петербурга, — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земнаго шара.

Ну, теперь ужъ не то, и Петербургъ взялъ свое. Теперь ужъ мы вполнѣ европейцы и доросли. Теперь ужъ самъ Гвоздиловъ спаровку держитъ, когда гвоздить приходится, прилично наблюдаетъ, французскимъ буркуа дѣлается, а еще немного пройдетъ, и, какъ съверо-американецъ южныхъ штатовъ, текстами начнетъ защищать необходимость торговли неграми. Впрочемъ, защита текстами изъ американскихъ штатовъ сильно и въ Европу теперь переходитъ.

Вотъ пріѣду туда — самъ своими глазами увижу, думалъ я. Никогда изъ книгъ не научишься тому, что своими глазами увидишь. А кстати, по поводу Гвоздилова: почему именно не Софьѣ, представительницѣ благороднаго и гуманно-европейскаго развитія въ комедіи, вложилъ фонъ-Визинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую ужъ онъ до того подчѣливалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой, что всѣ нитки наружу вынули и всѣ глупости, которыя она говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой дурой, даже и дурной женщиной сдѣлалъ; а все-таки какъ будто побоялся и даже художественно невозможнымъ почелъ, чтобъ такая фраза изъ устъ благовоспитанной по оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ-бы натуральнѣе, чтобъ ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тѣмъ, что написано безо всякаго намѣренія и заднято слова, наивно и даже, можетъ быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

...У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванію Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная — изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсердчаетъ за что-нибудь, а больше хмѣльной, такъ вѣришь-ли Богу, мать моя, что гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за што. Ну, мы наша сторона дѣло, а ино наплачешься на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты *и слушать* объ этомъ не хочешь, каково-жь было *терпѣть* капитанши?

Такимъ-то образомъ и сберегла благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное ренарти (сирѣчь отповѣдь) у фонъ-Визина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе. И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогрессистовъ изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ еще гвоздитъ свою капитаншу, и чуть-ли еще не съ большимъ комфортомъ чѣмъ прежде. Право такъ. Говорятъ, прежде это болѣе по душѣ, по сердцу дѣлалось! Кого люблю, того, дескать, и бью. Даже жены, говорятъ, безпокоились, если ихъ не били: не бьетъ, значитъ, не любитъ. Но это все первобытное, стихійное, родовое. Теперь ужъ и это подверглось развитію. Теперь ужъ Гвоздиловъ гвоздитъ чуть не изъ принципа, да и то потому, что все еще дуракъ, то есть человѣкъ стараго времени, новыхъ порядковъ не знаетъ. Но новымъ поряд-

камъ и безъ кулачной расправы можно еще лучше распорядиться. Я потому распространяюсь теперь о Гвоздиловѣ, что о немъ до сихъ поръ у насъ пишутъ прелубокія и прегуманныя фразы. И столько пишутъ, что даже публикѣ надоѣли. Гвоздиловъ у насъ до того живучъ, не смотря на всѣ статьи, что чуть не безсмертенъ. Да-съ, онъ живъ и здоровъ, сытъ и пьянъ. Теперь онъ безъ руки и безъ ноги, и, какъ капитанъ Копѣйкинъ, «въ нѣкоторомъ смыслѣ кровь проливалъ». Жена его ужъ давно не «взрядная, взрядная молодка» какъ прежде была. Она постарѣла, лицо ея осунулось и побѣднѣло, морщины и страданія избороздили его. Но когда ея мужъ и капитанъ лежалъ больной, безъ руки, она отъ постели его не отходила, безсонныя ночи надъ нимъ просиживала, утѣшала его, горючими слезами по немъ обливалась, своимъ милымъ, своимъ добрымъ молодцомъ, своимъ яснымъ соколомъ его называла, удалой солдатской головушкой величала. Пусть это возмущаетъ душу съ одной стороны, пусть, пусть! Но съ другой стороны: да здравствуетъ русская женщина, и нѣтъ ничего лучше ея безграничнопреданной любви на нашемъ русскомъ свѣтѣ. Вѣдь такъ, не правда-ли? Тѣмъ болѣе, что и Гвоздиловъ-то теперь, въ трезвомъ видѣ, иногда и не бьетъ жену, то есть порѣже, приличіе наблюдаетъ, даже ласковое слово ей подчасъ скажетъ. Онъ вѣдь почувствовалъ въ старости, что безъ нея обойтиться не можетъ: онъ разсчетливъ, онъ буржуа, а если бьетъ и теперь когда, такъ развѣ только подъ пьяную руку, да по старой привычкѣ, когда ужъ стоскуется. Ну, а вѣдь какъ хотите, это прогрессъ, все-таки утѣшеніе. Мы-же такіе охотники до утѣшеній...

Да-съ, мы теперь совершенно утѣшились, сами собою утѣшились. Пусть все вокругъ насъ и теперь еще не очень красиво: зато мы сами до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на насъ глядя. Теперь ужъ народъ насъ совсѣмъ за иностранцевъ считаетъ, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимаетъ, — а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Теперь ужъ мы до того глубоко презираемъ народъ и начала народныя, что даже относимся къ нему съ какою-то новою, небывалою брезгливостью, которой не было даже во времена нашихъ Монбазоновъ и де-Роганновъ, а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Зато какъ-же мы теперь самоувѣренны въ своемъ цивилизаторскомъ призваніи, какъ свысока рѣшаемъ вопросы, да еще какіе вопросы-то: почвы нѣтъ, народа нѣтъ, національность — это только извѣстная система податей, душа — tabula rasa, вощичекъ, изъ котораго можно сейчасъ-же вылѣпить настоящаго человѣка, общечеловѣка всемірнаго,

гомункула—стоитъ только приложить плоды европейской цивилизаціи, да прочесть двѣ-три книжки. Зато какъ мы спокойны, величаво-спокойны теперь, потому что ни въ чемъ не сомнѣваемся и все разрѣшили и подписали. Съ какимъ спокойнымъ самодовольствіемъ мы отхлестали, напримѣръ, Тургенева за то, что онъ осмѣлился не успокоиться съ нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеалъ, а искалъ чего-то получше чѣмъ мы. Лучше чѣмъ мы, Господи помилуй! Да что-же насъ краше и безпорочнѣе въ подсолнечной? Ну, и досталось-же ему за Базарова, безпокоящаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца), не смотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вывелъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ на показъ, да еще прибавилъ—что онъ идетъ противъ эмансипаціи женщины. А вѣдь это все прогрессъ, какъ хотите. Теперь мы съ такою капральскою самоувѣренностью, такими фельдфебелями цивилизаціи стоимъ надъ народомъ, что любо-дорого посмотрѣть: руки въ боки, взявъ съ задоромъ, смотримъ фертомъ,—смотримъ да только поплевываемъ: «чему у тебя, сиамужикъ, намъ учиться, когда вся національность-то, вся народность-то въ сущности одно ретроградство, да раскладка податей и ничего больше!». Не спускать-же предразсудкамъ, помилуйте! Ахъ, Боже мой, кстати теперь... Господа, положимъ на минутку, что я уже кончилъ мое путешествіе и воротился въ Россію. Позвольте разсказать анекдотъ: Разъ, нынѣшней осенью, беру я одну газету изъ прогрессивнѣйшихъ. Смотрю: извѣстіе изъ Москвы. Рубрика: «Еще остатки варварства» (или что-то въ этомъ родѣ, только очень сильное. Жаль только, что теперь газеты передъ глазами нѣтъ). И вотъ разсказывается анекдотъ, какъ однажды, нынѣшней-же осенью, въ Москвѣ, по утру, усмотрѣны были дрожки: на дрожкахъ сидѣла пьяная сваха, разодѣтая въ лентахъ, и пьяна вдребезги. Кучеръ тоже былъ въ какихъ-то бантахъ и тоже пьянъ, тоже мурлыкалъ какую-то вздичь! Даже лошадь была въ бантахъ. Не знаю только, пьяна или нѣтъ? Вѣрно пьяна. Въ рукахъ у свахи былъ узелокъ, который она везла на показъ отъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, очевидно проведшихъ счастливую ночь. Въ узелкѣ, разумѣется, заключалась нѣкоторая легкая одежда, которую въ простонародьѣ обыкновенно на другой-же день показываютъ родителямъ невѣсты. Народъ смѣялся, смотря на сваху: предметъ игривый. Газета съ негодованіемъ, съ форсомъ, поплевывая, передавала объ этомъ неслыханномъ варварствѣ, даже до сихъ поръ сохранившемся, при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи!—Господа, признаюсь вамъ, я расхо-

хоталося ужасно. О, пожалуйста не думайте, что я защищаю первобытное каннибальство, легкія одежды, покровы и проч. Это сквернo, это нецѣломудренно, это дико, это по славянски, знаю, согласенъ, хотя все это сдѣлалось, конечно, безъ худаго намѣренія, а напротивъ, съ цѣлью торжества новообращенной, въ простотѣ души, отъ незнанія лучшаго, высшаго, европейскаго. Нѣтъ, я другому засмѣялся. А именно: вспомнились мнѣ вдругъ наши барыни и модные магазины наши. Конечно, цивилизованныя дамы уже не отсылаютъ теперь легкихъ покрововъ къ родителямъ, но когда, напримѣръ, придется заказывать модисткѣ платье, съ какимъ тактомъ, съ какимъ тонкимъ разсчетомъ и знаніемъ дѣла онѣ умѣютъ подложить вату въ извѣстныя мѣста своей очаровательной европейской одежды! Для чего вату? Разумѣется, для изящества, для эстетики, pour paraître... Мало того: ихъ дочери, эти невинныя, семнадцатилѣтнія созданія, едва покинувшія пансіонъ, и тѣ знаютъ про вату, все знаютъ: и къ чему служитъ вата, и гдѣ именно, въ какихъ частяхъ нужно употребить эту вату, и зачѣмъ, съ какой, то есть, именно цѣлью все это употребляется... Ну что-жъ, подумалъ я со смѣхомъ, эти хлопоты, эти заботы, *созданныя* заботы о ватныхъ приумноженіяхъ,—что-же лучше, нравственнѣе, цѣломудреннѣе что-ли они несчастной легкой одежды, везомой съ простодушной увѣренностью, къ родителямъ, съ увѣренностью, что такъ именно надобно, такъ именно нравственно!..

Ради Бога не думайте, друзья мои, что я теперь вдругъ хочу пуститься въ рацею о томъ, что цивилизація—не развитіе, а, напротивъ, въ послѣднее время въ Европѣ всегда стояла съ кнутомъ и тюрьмой надъ всякимъ развитіемъ. Не думайте, что я стану доказывать, что у насъ варварски смѣшиваютъ цивилизацію и законы нормальнаго, истиннаго развитія, доказывать, что цивилизація уже осуждена давно на самомъ Западѣ и что за нее стоитъ только тамъ одинъ собственникъ (хотя тамъ всѣ собственники или хотятъ быть собственниками), чтобъ спасти свои деньги. Не думайте, что я стану доказывать, что душа человѣческая не tabula rasa, не вощичекъ, изъ котораго можно слѣпить общечеловѣчка: что прежде всего нужна натура, потомъ наука, потомъ жизнь самостоятельная, почвенная, нестѣсненная и вѣра въ свои собственныя, національныя силы. Не думайте, что я скажу вамъ, будто не знаю, что наши прогрессисты (хотя и далеко не всѣ) вовсе не стоятъ за вату и такъ-же точно клеймятъ ее, какъ и легкіе покровы. Нѣтъ, я только одно хочу теперь сказать: въ статьѣ вѣдь не спроста охуждали и проклинали покровы, не просто говорили, что это варварство, а очевидно изобличали простонародное, національ-

ное, стихійное варварство, въ противоположность европейской цивилизаціи нашего высшаго, благороднаго общества. Статья куражилась, статья какъ-бы знать не хотѣла, что у самихъ обличителей-то, можетъ быть, въ тысячу разъ гаже и хуже, что мы только промѣняли одни предразсудки и мерзости на другіе, еще бо́льшіе предразсудки и мерзости. Статья какъ будто не замѣчала этихъ нашихъ-то собственныхъ-то предразсудковъ и мерзостей. Къ чему-же, къ чему-же такимъ фертомъ стоять надъ народомъ, руки въ боки, да поплевывая... Вѣдь смѣшна, смѣшна умори́тельно эта вѣра въ непогрѣшимость и въ право такого обличенія. Вѣра это или просто куражъ надъ народомъ, или, наконецъ, неразсуждающее, рабское преклоненіе именно передъ европейскими формами цивилизаціи; такъ вѣдь это еще смѣшнѣе.

Да что! Вѣдь такихъ фактовъ тысяча каждодневно найдется. Простите за анекдотъ.

А, впрочемъ, чтожъ я грѣшу! Вѣдь я грѣшу! Это оттого, что я слишкомъ скоро отъ дѣдовъ къ внукамъ перепрыгнулъ. Были и промежутки. Вспомните Чацкаго. Это и не наивно-плутоватый дѣдъ, это и не самодовольный потомокъ, фертомъ стоящій и все порицающій. Чацкій — это совершенно особый типъ нашей русской Европы, это типъ милый, восторженный, страдающій, взывающій и къ Россіи и къ почвѣ, а между тѣмъ все-таки уѣхавшій опять въ Европу, когда надо было сыскать

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

однимъ словомъ, типъ совершенно безполезный теперь и бывшій ужасно полезнымъ когда-то. Это фразеръ, говорунъ, но сердечный фразеръ, и совѣстливо тоскующій о своей безполезности. Онъ теперь въ новомъ поколѣніи переродился и мы вѣримъ въ юныя силы, мы вѣримъ, что онъ явится скоро опять, но уже не въ истерикѣ, какъ на балѣ Фамусова, а побѣдителемъ, гордымъ, могучимъ, кроткимъ и любящимъ. Онъ сознаетъ кромѣ того къ тому времени, что уголокъ для оскорбленнаго чувства не въ Европѣ, а можетъ быть, подъ носомъ, и найдетъ что дѣлать и станетъ дѣлать. И знаете-ли что: я вотъ увѣренъ, что не все и теперь у насъ одни только фельдфебеля цивилизаціи и европейскіе самодуры: я увѣренъ, я стою за то, что юный человѣкъ уже народился... но объ этомъ послѣ. А мнѣ хочется сказать еще два слова о Чацкомъ. Не понимаю я только одного: вѣдь Чацкій былъ человѣкъ очень умный. Какъ это умный человѣкъ не нашелъ себѣ дѣла? Они всѣ вѣдь не нашли дѣла, не находили два—три поколѣнія сряду. Это фактъ, противъ факта и говорить-бы какется нечего, но спросить изъ любопытства можно. Такъ вотъ не понимаю я, чтобъ умный чело

вѣкъ, когда-бы то ни было, при какихъ-бы ни было обстоятельствахъ, не могъ найдти себѣ дѣла. Этотъ пунктъ, говорятъ, спорный, но въ глубинѣ моего сердца я ему вовсе не вѣрю. На то и умъ, чтобъ достичь того, чего хочешь. Нельзя вереты пройдти, такъ пройди только сто шаговъ, все-жъ лучше, все ближе къ цѣли, если къ цѣли идешь. И если хочешь непремѣнно однимъ шагомъ до цѣли дойдти, такъ вѣдь это, по моему, вовсе не умъ. Это даже называется бѣлоручничествомъ. Трудовъ мы не любимъ, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо однимъ шагомъ перелетѣть до цѣли или попасть въ Регулы. Ну, вотъ это-то и есть бѣлоручничанье. Однако-жъ Чацкій очень хорошо сдѣлалъ, что удизнулъ тогда за границу: промѣшкалъ-бы маленько и отправился-бы на востокъ, а не на западъ. Любятъ у насъ западъ, любятъ, и въ крайнемъ случаѣ, какъ дойдетъ до точки, всѣ туда бѣгутъ. Ну, вотъ и я туда бѣгу. «Mais moi c'est autre chose». Я видѣлъ ихъ тамъ всѣхъ, то есть очень многихъ, а всѣхъ и не перечитаешь и всѣ-то они, кажется, ищутъ уголка для оскорбленнаго чувства. Но крайней мѣрѣ, чего-то ищутъ. Нѣкоторые Чацкихъ обоего пола носятъ бала Фамусова, и вообще когда былъ конченъ балъ, размножилось тамъ, подобно песку морскому, и даже не однихъ Чацкихъ: вѣдь изъ Москвы туда они всѣ побѣжали. Сколько тамъ теперь Репетиловыхъ, сколько Скалозубовъ, уже выслужившихся и отправленныхъ къ водамъ за негодностью. Наталья Дмитріевна съ мужемъ тамъ непремѣнный членъ. Даже графиню Хлестову каждый годъ туда возятъ. Даже и Москва всѣмъ этимъ господамъ надоѣла. Одного Молчалина нѣтъ: онъ распорядился иначе и остался дома. Онъ посвятилъ себя отечеству, такъ сказать, родинѣ... Теперь до него и рукой не достанешь: Фамусова онъ и въ переднюю теперь къ себѣ не пуститъ: «деревенскіе, дескать, сосѣди: въ городѣ съ ними не кланяются». Онъ при дѣлахъ и нашелъ себѣ дѣло. Онъ въ Петербургѣ и... и успѣлъ. «Онъ знаетъ Русь и Русь его знаетъ». Да, умъ его-то крѣпко знаетъ и долго не забудетъ. Онъ даже и не молчитъ теперь, напротивъ, только онъ и говоритъ. Ему и книги въ руки... Но что объ немъ. Я заговорилъ объ нихъ обо всѣхъ, что ищутъ отраднаго уголка въ Европѣ, и, право, я думалъ, что имъ тамъ лучше. А между тѣмъ, на ихъ лицахъ такая тоска... Бѣдненькіе! И что за вестданное въ нихъ безпокойство, что за болѣзненная, тоскливая подвижность! Всѣ они ходятъ съ гидами и жадно бросаются въ каждомъ городѣ смотрѣть рѣдкости, и, право, точно по обязанности, точно службу продолжаютъ отечественную: не пропустятъ ни одного дворца о трехъ окнахъ, если только онъ означенъ въ гидѣ, ни одного бургомистерскаго дома, чрезвычайно

похожаго на самый обыкновенный московскій или петербургскій домъ; глазѣютъ на говядину Рубенса и вѣрятъ, что это три граціи, потому что такъ велѣно вѣрить по гиду: бросаются на Сикстинскую Мадонну и стоятъ передъ ней съ тупымъ ожиданіемъ: вотъ-вотъ случится что-то, кто нибудь выглѣзетъ изъ-подъ пола и разсѣетъ ихъ безпредметную тоску и усталость. И отходятъ удивленные, что ничего не случилось. Это не самодовольное и совершенно машинальное любопытство англійскихъ туристовъ и туристокъ, смотрящихъ болѣе въ свой гидъ, чѣмъ на рѣдкости, ничего не ожидающихъ, ни новаго, ни удивительнаго и провѣряющихъ только: такъ-ли въ гидѣ означено и сколько именно футовъ или фунтовъ въ предметѣ? Нѣтъ, наше любопытство какое-то дикое, первое, грубо жаждущее, а про себя заранѣе убѣжденное, что ничего никогда не случится, разумѣется, до первой мухи: пролетѣла муха,— значитъ, опять сейчасъ начинается... Я вѣдь только про умныхъ людей теперь говорю. Про другихъ-же заботиться нечего: ихъ всегда Богъ хранитъ. И не про тѣхъ тоже, которые окончательно тамъ поселились, забываютъ свой языкъ и начинаютъ слушать католическихъ патеровъ. Впрочемъ, про всю массу можно только вотъ что̀ сказать: какъ только всѣ мы переваливаемъ за Эйдкунены, тотчасъ-же становимся разительно похожи на тѣхъ маленькихъ несчастныхъ собачекъ, которыя бѣгаютъ, потерявши своего хозяина. Да вы что̀ думаете, что я съ насмѣшкой пишу, вину кого-нибудь, что вотъ-де въ настоящее время, когда и т. д., а вы за границей! Крестьянскій вопросъ идетъ, а вы за границей! и т. д., и т. д. О, ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтобъ винить? За что̀ винить, кого винить? «И рады дѣлу, да дѣла нѣтъ, а что̀ есть, такъ и безъ насъ дѣлается. Мѣста заняты, вакансіи не предвидится. Охота совать свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ». Вотъ и отговорка и вся недолга. Отговорку-то мы наизусть знаемъ. Но что это? Куда я забхалъ? Гдѣ-жъ это я успѣлъ перевидать за границею русскихъ? Вѣдь мы только къ Эйдкунену подъѣзжаемъ... Аль ужъ пробхали. И вправду, и Берлинъ, и Дрезденъ, и Кельнъ, все пробхали. Я, правда, все еще въ вагонѣ, но ужъ передъ нами не Эйдкуненъ, а Аркелинъ и мы въѣзжаемъ во Францію. Парижъ-то, Парижъ-то, вѣдь я о немъ хотѣлъ говорить да и забылъ! Ужъ очень про нашу русскую Европу раздумался: простительное дѣло, когда самъ въ европейскую Европу въ гости ѣдешь. А, впрочемъ, что-жъ ужъ очень-то прощенія просить. Вѣдь моя глава личная.

ГЛАВА IV.

И не лишняя для путешественниковъ.

Окончательное рѣшеніе о томъ: дѣйствительно-ли „разсудка французъ не имѣетъ?“

Но нѣтъ, однако, почему-же разсудка французъ не имѣетъ, спрашивалъ я себя, разсматривая четырехъ новыхъ пассажировъ, французовъ, только что вошедшихъ въ нашъ вагонъ. Это были первые французы, которыхъ я встрѣтилъ на ихъ родной почвѣ, если не считать таможенныхъ въ Аркелинѣ, откуда мы только что тронулись. Таможенные были чрезвычайно вѣжливы, свое дѣло сдѣлали скоро и я вошелъ въ вагонъ, очень довольный первымъ шагомъ моимъ во Франціи. До Аркелина, въ восьмимѣстномъ отдѣленіи нашемъ, насъ помѣщалось всего только двое, я и одинъ швейцарецъ, простой и скромный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, чрезвычайно пріятный собесѣдникъ, съ которымъ мы часа два пробол-тали безъ умолку. Теперь-же насъ было шестеро, и, къ удивленію моему, мой швейцарецъ, при новыхъ четырехъ спутникахъ нашихъ, вдругъ сдѣлался чрезвычайно неразговорчивъ. Я было обратился къ нему съ продолженіемъ прежняго разговора, но онъ видимо поспѣшилъ замять его, отвѣчалъ что-то уклончиво, сухо, чуть не съ досадой, отворотился къ окну и началъ разсматривать виды, а черезъ минуту вытащилъ свой нѣмецкій гидъ и совершенно углубился въ него. Я тотчасъ-же его и оставилъ и молча занялся нашими новыми спутниками. Это былъ какой-то странный народъ. Ѣхали они на-легкѣ и вовсе не походили на путешественниковъ. Ни узелка, ни даже платья, которое-бы сколько нибудь напоминало человѣка дорожнаго. Всѣ они были въ какихъ-то легонькихъ сюртучкахъ, страшно потертыхъ и изношенныхъ, немного лучше тѣхъ, какіе носятъ у насъ офицерскіе деньщики или дворовые люди въ деревняхъ у средняго рода помѣщиковъ. Бѣлье было на всѣхъ грязное, галстуки очень яркихъ цвѣтовъ и тоже очень грязные; на одномъ изъ нихъ былъ намотанъ остатокъ шелковаго платка изъ такихъ, которые вѣчно носятся и пронитываются цѣлымъ фунтомъ жира, послѣ пятнадцатилѣтняго соприкосновенія съ шеей носителя. У этого-же носителя были еще какія-то запонки съ фальшивыми брилліантами въ орѣхъ величиною. Впрочемъ, держали они себя съ какимъ-то шикомъ, даже молодцовато. Всѣ четверо казались одинхъ

и тѣхъ-же лѣтъ, тридцати пяти или около, и не будучи сходны лицемъ, были чрезвычайно похожи одинъ на другаго. Лица ихъ были помятыя, съ казенными французскими бородками, тоже очень похожими одна на другую. Видно было, что это народъ, прошедшій сквозь разныя трубы и усвоивній себѣ на вѣки хоть и кислое, но чрезвычайно дѣловое выраженіе лица. Показалось мнѣ тоже, что они были знакомы другъ съ другомъ, но не помню, сказали-ль хоть одно слово между собою. На насъ, то есть на меня и швейцарца, они какъ-то видимо не хотѣли смотрѣть и, небрежно посвистывая, небрежно разсѣвшись на мѣстахъ, равнодушно, но упорно поглядывали въ окна кареты. Я закурилъ папиросу и отъ нечего дѣлать ихъ разглядывалъ. У меня, правда, мелькалъ вопросъ: что-жь это въ самомъ дѣлѣ за народъ? Работники не работники, буржуа не буржуа. Неужели-жь отставные военные, что-нибудь à la demi-solde или въ этомъ родѣ? Впрочемъ, я какъ-то не очень ими заботился. Черезъ десять минутъ, только что мы подъѣхали къ слѣдующей станціи, они всѣ четверо одинъ за другимъ тотчасъ-же выскочили изъ вагона, дверца захлопнулась и мы полетѣли. На этой дорогѣ почти не ждутъ на станціяхъ: минуты двѣ, много три и уже летятъ далѣе. Везутъ прекрасно, то есть чрезвычайно быстро.

Только что мы остались одни, швейцарецъ мигомъ захлопнулъ свой гидъ, отложилъ его въ сторону и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ на меня, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ.

— Эти господа не долго посидѣли, началъ я, съ любопытствомъ смотря на него.

— Да вѣдь они только на одну станцію и садились.

— Вы ихъ знаете?

— Ихъ?.. Но вѣдь это полицейскіе...

— Какъ? Какіе полицейскіе? спросилъ я съ удивленіемъ.

— То-то... я вѣдь тотчасъ-же замѣтилъ давеча, что вы не догадываетесь.

— И... неужель шпіоны? (я все еще не хотѣлъ вѣрить).

— Ну да; для насъ и садились.

— Вы навѣрно это знаете?

— О, это безъ сомнѣнія! Я ужь нѣсколько разъ здѣсь проѣзжалъ. Насъ указали имъ еще въ таможнѣ, когда читали наши паспорты, сообщили имъ наши имена и проч. Ну, вотъ они и сѣли, чтобъ насъ проводить.

— Да зачѣмъ-же, однако-жь, провожать, коль они насъ ужь видѣли? Вѣдь вы говорите, имъ насъ еще на той станціи указали?

— Ну да, и сообщили имъ наши имена. Но этого мало. Теперь-же они насъ изучили въ подробности: лицо, костюмъ, такъ-

воякъ, однимъ словомъ, все, чѣмъ вы смотрите. Запонки ваши примѣтили. Вотъ вы сигарочницу вынимали, ну и сигарочницу замѣтили, знаете, всякія мелочи, особенности, то есть какъ можно больше особенностей. Вы въ Парижѣ могли-бы потеряться, имя перемѣнивъ (то есть если вы подозрительный). Ну, такъ эти мелочи могутъ способствовать розыску. Все это съ той-же станціи сейчасъ-же и телеграфируется въ Парижъ. Тамъ и сохраняется на всякій случай, гдѣ слѣдуетъ. Къ тому-же содержатели отелей должны сообщать всѣ подробности объ иностранцахъ, тоже до мелочи.

— Но зачѣмъ-же ихъ столько было, вѣдь ихъ было четверо, продолжалъ я спрашивать, все еще немного озадаченный.

— О, ихъ здѣсь очень много. Вѣроятно, на этотъ разъ мало иностранцевъ, а если-бъ больше было, они-бы разбились по вагонамъ.

— Да помилуйте, они на насъ совсѣмъ и не смотрѣли. Они въ окошки смотрѣли.

— О, не безпокойтесь, все разсмотрѣли... Для васъ и садились.

Ну-ну, подумалъ я, вотъ-то и разсудка французъ не имѣетъ, и (признаюсь со стыдомъ) какъ-то недовѣрчиво покосился на швейцарца: «Да ужъ и ты, братъ, не того-ли, а только такъ прикидываешься», мелькнуло у меня въ головѣ, но только на мигъ, увѣряю васъ. Нелѣпо, но что-жъ будешь дѣлать: невольно подумается...

Швейцарецъ не обманулъ меня. Въ отелѣ, въ которомъ я остановился, немедленно описали всѣ малѣйшія примѣты мои и сообщили ихъ куда слѣдуетъ. По точности и мелочности, съ которой разсматриваютъ васъ при описаніи примѣтъ, можно заключить, что и вся дальнѣйшая ваша жизнь въ отелѣ, такъ сказать, всѣ ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочемъ, на первый разъ въ отелѣ меня лично не много безпокоили и описали меня въ тихомолку, кромѣ, разумѣется, тѣхъ вопросовъ, какіе задаются вамъ по книгѣ и въ нее-же вы вписываете показанія ваши: кто, какъ, откуда, съ какими помыслами? и проч. Но во второмъ отелѣ, въ которомъ я остановился, не найдя мѣста въ прежнемъ Hôtel Coquillière, послѣ восьмидневной моей отлучки въ Лондонъ, со мной обошлись гораздо откровеннѣе. Этотъ второй Hôtel des Empéreurs смотрѣлъ вообще какъ-то патріархальнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Хозяинъ и хозяйка дѣйствительно были очень хорошіе люди и чрезвычайно деликатны, уже пожилые супруги, необыкновенно внимательные къ своимъ постояльцамъ. Въ тотъ-же день, какъ я у нихъ сталъ, хозяйка вечеромъ, поймавъ меня въ сѣняхъ, пригласила въ комнату, гдѣ была контора. Тутъ-же находился и мужъ, но хозяйка, очевидно, заправляла всѣмъ по хозяйству.

— Извините, начала она очень вѣжливо: — намъ надо ваши примѣты.

— Но вѣдь я сообщилъ... паспортъ мой у васъ.

— Такъ, но... votre état?

Это: votre état? — чрезвычайно обидчивая вещь и мнѣ не нравилась. Ну что тутъ написать? Путешественникъ, самымъ отвлеченно. Homme de lettres — никакого уваженія не будутъ имѣть.

— Напишемте лучше propriétaire, какъ вы думаете? спросила меня хозяйка.—Это будетъ лучше всего.

— О да, это будетъ лучше всего, поддакнулъ супругъ.

— Написали. Ну, теперь: причина вашего пріѣзда въ Парижъ?

— Какъ путешественникъ, проѣздомъ.

— Гм... да, pour voir Paris. Позвольте, мсье: сашъ ростъ?

— То есть какъ это ростъ?

— Какого вы именно росту?

— Вы видите, средняго.

— Это такъ, мсье... Но желалось-бы знать и дробнѣе... Я думаю, я думаю... продолжала она въ нѣкоторомъ затрудненіи, совѣтуясь глазами съ мужемъ.

— Я думаю *столько-то*, рѣшилъ мужъ, опредѣляя мой ростъ на глазомѣръ въ метрахъ.

— Да зачѣмъ вамъ это нужно? спросилъ я.

— Охъ, это необ-хо-димо, отвѣчала хозяйка, любезно протянувъ на словѣ необходимо и вставши записывая въ книгу мой ростъ.—Теперь, мсье, ваши волосы? Блондинъ, гм... довольно свѣтлаго оттѣнка... прямые...

Она записала и волосы.

— Позвольте, мсье, продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ: вотъ сюда, два шага, къ окну. Надо разглядѣть цвѣтъ вашихъ глазъ. Гм... свѣтлые...

И она опять посовѣтовалась глазами съ мужемъ. Они видимо чрезвычайно любили другъ друга.

— Болѣе сѣраго оттѣнка, замѣтилъ мужъ съ особенно ѣдовымъ, даже озабоченнымъ видомъ. — Voilà, мигнулъ онъ женѣ, указывая что-то надъ своею бровью, но я очень хорошо понялъ, на что онъ указывалъ. У меня маленькій шрамъ на лбу и ему хотѣлось, чтобы жена замѣтила и эту особую примѣту.

— Позвольте-жъ теперь спросить, сказалъ я хозяйкѣ, когда кончился весь экзаменъ: неужели съ васъ требуютъ такой отчетности?

— О, мсье, это необ-хо-димо!..

— Мсье! подхватилъ мужъ съ какимъ-то особенно внушительнымъ видомъ.

— Но въ Hôtel Coquillière меня не спрашивали.

— Не можетъ быть, живо подхватила хозяйка. — Они за это могли очень отвѣтить. Вѣроятно, они оглядѣли васъ молча, но только непремѣнно, непремѣнно оглядѣли. Мы-же проще и откровеннѣе съ нашими постояльцами, мы живемъ съ ними какъ съ родными. Вы останетесь довольны нами. Вы увидите...

— О, мсье!.. скрѣпилъ мужъ съ торжественностью и даже умиленіе изобразилось на лицѣ его.

И это были почетные, предобезные супруги, насколько, по крайней мѣрѣ, я ихъ узналъ потомъ. Но слово: «необ-хо-димо» произносилось вовсе не въ какомъ-нибудь извинительномъ, или умѣнительномъ тонѣ, а именно въ смыслѣ полнѣйшей необходимости и чуть-ли не совпадающей съ собственными, личными ихъ убѣжденіями.

Итакъ я въ Парижѣ.

ГЛАВА V.

В а а л ъ.

Итакъ я въ Парижѣ... Но не думайте, однако, что я вамъ много разскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю, вы столько уже перечитали о немъ по русски, что, наконецъ, ужъ и надоѣло читать. Къ тому-же вы сами въ немъ были и навѣрное все лучше меня замѣтили. Да и терпѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по закону, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ иныхъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу, что̀ именно просмотрѣлъ, но зато вотъ что̀ скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибралъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно: это самый нравственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что̀ за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленныя и прочно установившіяся отношенія: какъ все обезпечено и разлиневано: какъ всѣ довольны и совершенно счастливы, и какъ всѣ, наконецъ, до того достарались, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, и. и... остановились на этомъ.

Далѣе и дороги нѣтъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы закричите, что я преувеличиваю, что это все желчная патріотическая клевета, что не могло-же все это остановиться совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Но, друзья мои: вѣдь предувѣдомилъ-же я васъ еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что, можетъ быть, ужасно налгу. Ну, и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и налгу, то налгу, будучи убѣжденъ, что не лгу. А, по моему, этого ужъ слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять таки, какой порядокъ, какое, такъ сказать, *затишье порядка*. Я все возвращаюсь къ порядку. Право, еще немного и полутора-милліонный Парижъ обратится въ какой-нибудь окаменѣлый въ затишьи и порядкѣ профессорскій нѣмецкій городокъ, въ родѣ, напримѣръ, какого-нибудь Гейдельберга. Какъ-то тянетъ къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колоссальномъ размѣрѣ? И какая регламентація! Поймите меня: не столько внѣшняя регламентація, которая ничтожна (сравнительно, разумѣется), а колоссальная, внутренняя, духовная, изъ души происшедшая. Парижъ съуживается, какъ-то охотно съ любовью умаляется, съ умиленіемъ сжится. Куда въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Лондонъ! Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и, по крайней мѣрѣ, наружно, —какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами оттушевался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громадно и рѣзко въ своей своеобразности Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и, повидимому, никакъ не исключая другъ друга. Все это, кажется, упорно стоитъ за себя и живетъ по своему и, повидимому, не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ та-же упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на-смерть всеобще-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужиться вмѣстѣ, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ: хоть въ муравейникъ обратиться, да только устроиться, не поѣдая другъ друга—не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается тоже, что и въ Парижѣ: такое-же отчаянное стремленіе съ отчаянія остановиться на statu quo. вырвать съ мясомъ изъ себя всѣ желанія и надежды, прожить свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры, можетъ быть, у самихъ предводителей прогресса, и поклониться Ваалу. Пожалуйста, однако-жь, не увлекайтесь высокимъ слогомъ: все это замѣчается

сознательно только въ цуни передовыхъ сознающихъ, да безсознательно инстинктивно въ жизненныхъ отправленіяхъ всей массы. Но буржуа, напримѣръ, въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ, что все такъ и слѣдуетъ, и прибьетъ даже васъ, если вы усумнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть, прибьетъ, потому что до сихъ поръ все чего-то побаивается, не смотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хотъ и также, но зато какія широкія, подавляющія картины! Даже наружно какая разница съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящіяся и необъятный какъ море городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугунки, проложенныя поверхъ домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлость предпріимчивости, этотъ кажущійся безпорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Ваппчапель, съ его полудикимъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ. Сити съ своими милліонами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, приведшихъ со всего міра въ одно стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ-будто начинаете бояться чего-то. Какъ-бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то становится страшно. Ужь не это-ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы: не конецъ-ли тутъ? Не это-ли ужь и въ самомъ дѣлѣ одно стадо. Не придется-ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земнаго шара—людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящагося въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, въ очію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующаго за свой идеалъ...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, нервы, преувеличеніе. Не остановится на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеалъ. Къ тому-же голодъ и рабство не свой братъ, и лучше всего подскажутъ отрицаніе и зародятъ скептицизмъ. А

сытые дилетанты, прогуливающіеся для своего удовольствія. Конечно, могутъ создавать картины изъ Апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, отвѣчаю я:—положимъ, что я былъ увлеченъ декораціей, это все такъ. Но если-бъ вы видѣли, какъ горделъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацію. и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы-бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись-бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и паритъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной окончености созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется. ищетъ спасенія въ джинъ и въ развратъ и начинаетъ вѣровать, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Факты давятъ, масса деревенѣетъ и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ нибудь въ родѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее на яву не увидите. Говорили мнѣ, напримѣръ, что ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ праздноютъ шабашъ, то есть напиваются и напиваются какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльныя экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съѣстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ неграевъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ-же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно-дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія... Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями, дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго толкался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, разспрашивая почти знаками дорогу, потому что по англійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того, что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ вездѣ нарочь, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ-бы ощущали то, что по сію

поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одежъ, и что долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: «доколѣ, Господи». И они сами знаютъ это и покамѣсть отмщаютъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какіе-то трясучки и странники и не догадываемся, что тутъ—отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное, инстинктивное отдѣленіе во что-бы то ни стало для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти милліоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людскаго, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тьмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобъ не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя-бы даже отъ образа человѣческаго, только-бы быть по своему, только-бы не быть вмѣстѣ съ нами...

Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную-же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорація въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся публичныя женщины. Улицы освѣщены кучками газа, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія. Великолѣпныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, на каждомъ шагу. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого краснаго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливаетъ всю улицу. Все это жаждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда-же заходитъ и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, зазываніе и тихій, призывный шепотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кипсековъ. Помню, разъ я зашелъ въ одно «Casino». Тамъ гремѣла музыка, или танцы, толпилась бездна народу. Убранство было вели-

колѣнное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они и танцуютъ серьезно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая па и какъ будто по обязанности. На верху, въ галлереѣ, я увидалъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобнаго такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она сидѣла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, какъ кажется, богатымъ джентльменомъ и, по всему видно, непривычнымъ посѣтителемъ казино. Онъ, можетъ быть, отыскивалъ ее и, наконецъ, они свидѣлись или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ-то отрывисто, какъ будто не о томъ, о чемъ они хотѣли-бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ея были нѣжны, тонки, что-то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Мнѣ кажется, у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: иначе что-же значитъ лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ-же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человѣкъ. Наконецъ, онъ всталъ, пожалъ ей руку и они разстались. Онъ ушелъ изъ казино, а она, съ румянцемъ, разгорѣвшимся отъ водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-Маркетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руку и просятъ, чтобъ вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ-бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклокоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги.—Вообще предметы игривые...

И вотъ, разъ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ платокъ, почти закрывавшей ей лицо: я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то, что я не могъ разобрать, ломанымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я разсмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: «Crois-tu cela?» На другой сторонѣ, по французски-же: «Азъ есмь воскресеніе и животъ»... и т. д. нѣсколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мнѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ Евангелія и Библіи. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагаторовъ бездна, и мужчинъ и женщинъ. Это пропаганда гонкая и разсчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вотрется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдетъ онъ, напримѣръ, больнаго, лежащаго въ отребьи на сыромъ полу, окруженнаго одичавшими съ голоду и съ холоду дѣтьми, съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лечить больнаго, покупаетъ лекарство, сѣлается другомъ дома и подъ конецъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ, уже послѣ излеченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда выталкиваютъ: онъ все сноситъ, но ужь кого-нибудь да уловитъ. Англиканскій-же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потому что нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконные, потому что дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ женъ, уродуютъ ихъ на смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваютъ въ каминѣ уголья. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. По крайней мѣрѣ, въ газетахъ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣчій и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подросши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подъ конецъ не возвращаются къ родителямъ.—Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жирѣютъ въ совершенномъ спокойствіи совѣсти. Они большіе педанты, очень образованы и сами важно и серьезно вѣрятъ въ свое тупо-нравственное достоин-

ство, въ свое право читать спокойную и самоувѣренную мораль, жирѣть и жить тутъ для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужь безъ маски. Но крайней мѣрѣ—раціонально и безъ обмана. У этихъ убѣжденныхъ до отупѣнія профессоровъ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго, и забываютъ милліонъ дикихъ въ Лондонѣ зато, что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще всѣ тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты исподоволь вѣку любятъ воспѣвать красоту настоящихъ женщинъ въ провинціи, осѣненныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ женъ и идеально прекрасныхъ, бѣлокурыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ-же гордый, мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ. Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична: онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подастъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самоувѣренность невозможно. Ваалъ не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ, напримѣръ, въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, рвоту и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подъ, на яву. Онъ не старается, трусливо, какъ парижанинъ, усыпленно разувѣрять себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно. Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ, какъ птица страусъ, любитъ затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужь и не видать настигающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но однако, что-жь это я. Я опять не въ Парижѣ!.. Да когда-жь это, Господи, я пріучусь къ порядку...

ГЛАВА VI.

Опытъ о буржуа.

тчего-же здѣсь все это ежится, отчего все это хочетъ размѣняться на мелкую монету, стѣсниться, стушеваться; «нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ; я спрятался, проходите, пожалуйста, мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ, какъ будто вы меня не видите, проходите, проходите!»

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помилуйте, онъ король, онъ все, le tiers état c'est tout, а вы—ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ императора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ ничего вспомнить и руками машетъ, когда ему напомнятъ о чемъ-нибудь, что было въ старину? Отчего у него тотчасъ-же, на умѣ и въ глазахъ и на языкѣ тревога, когда другіе чего-нибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблажится и чего-нибудь вдругъ пожелаетъ, то тотчасъ-же вздрогнетъ и начинаетъ открещиваться! «Господи! Да что это я, наконецъ!» и долго еще послѣ того совѣстливо старается загладить свое поведеніе стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: «Вотъ поторгую сегодня маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра опять поторгую, можетъ, и послѣ завтра, если будетъ великая милость Господня... Ну, а тамъ, тамъ, только бы вотъ поскорѣе накопить хоть крошѐчку, и—après moi le déluge». Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрить себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпіоновъ? Отчего онъ не смѣетъ пикнуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужья выставляются въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванные, безъ мѣста и безъ протекціи, прикащики какіе-то или художники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что онузы всѣ до единой вѣры до послѣдней крайности, что фоше благоденствуетъ, pot-au-feu варится на добродѣтельнѣйшемъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себѣ

представить? На счетъ прически ужъ это такъ непремѣнно рѣшено, такъ уже условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными сторами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпизъ даже и весьма часто дороже, чѣмъ можно-бы было предположить, судя по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего-же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какже-съ: если не такъ, такъ вѣдь, пожалуй, подумаютъ, что идеалъ не достигнутъ, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно, пожалуй, чего-нибудь еще пожелать, что, стало быть, буржуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязываетъ: что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя надо чинить. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки на сапогахъ чернилами, только-бы, Боже сохрани, чего не замѣтили! А эпизы кушаютъ конфетки, гантируются, такъ что русскія барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики, показываютъ свои ножки и прегранціозно приподымаютъ свои платья на бульварахъ. Чего-же болѣе для совершеннаго счастья? Вотъ почему заглавія романовъ, какъ, напримѣръ, «Жена, мужъ и любовникъ», уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И буль ихъ въ Парижѣ также много, какъ песку морскаго (а ихъ тамъ, можетъ, и больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такъ рѣшено и подписано, потому что все блеститъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестѣло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Пале-Роялѣ вечеромъ, до одиннадцати часовъ ночи, то придется непремѣнно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются съ своими безчисленными эпизами подъ руку, кругомъ рѣзвятся ихъ милыя и благонравныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струй напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ тоже самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперь французъ серьезенъ, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то груститъ, тоскуетъ, не смотря даже на всю gloire militaire, процвѣтающую во Франціи и за которую Jacques Bonhomme такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но, кажется, и торгуя и облупливая васъ какъ липку въ своемъ магазинѣ, онъ

облупливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей необходимости. Накопить фортуну и имѣть какъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственности, въ катехизмъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то, такъ сказать, священнѣйшій видъ. Прежде хоть что-нибудь признавалось кромѣ денегъ, такъ что человѣкъ и безъ денегъ, но съ другими качествами, могъ разсчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно разсчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И не только на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе разсчитывать. Нарижанинъ себя въ грошъ не ставитъ, если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это сознательно, совѣстливо, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ позволяются удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Бѣдный Сократъ есть только глупый и вредный фразеръ, и уважается только развѣ на театрѣ, потому что буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Странный человѣкъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любитъ поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самаго подлаго француза, который за четвертакъ продастъ вамъ роднаго отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ тоже время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продастъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ даже нападаетъ недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній прикащикъ раздавитъ, просто раздавитъ васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые прикащики, которые служатъ моделью самаго субтильнаго суперфью для нашего Михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ прикащикомъ. Вы пришли, напримѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девонпира. Вамъ тотчасъ-же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется поскорѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонпиръ, и только такъ себѣ, скромный путешественникъ, а вошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человѣкъ самой счастливой наружности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже подлецомъ (потому что ужъ до такой степени онъ благороденъ!), начинаетъ вамъ развертывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и, какъ подумаешь тутъ-же,

сколько ему, бѣдненькому, придется послѣ васъ опять завертывать. ему, Грандисону, Алкивіаду, Монморанси, да еще послѣ кого? Послѣ васъ, имѣвшаго дерзость съ вашей незавидной наружностью, съ вашими пороками и недостатками, съ вашими отвратительными десятью франками придти безпокоить такого маркиза,—какъ подумаешь все это, то по невольѣ мигомъ, тутъ-же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаиваетесь и проклинаете судьбу, зачѣмъ у васъ въ карманѣ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенія. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощаютъ вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы произвели въ магазинѣ, и вы спѣшите какъ-нибудь поскорѣе стушеваться. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хотѣли истратить только десять франковъ, а истратили сто. Сколько разъ, проходя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громадныхъ магазиновъ съ галантереиностями, я мечталъ про себя: вотъ-бы нанустить сюда русскихъ барынь и... но о томъ, что слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ прикащики и староста въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ прочихъ губерніяхъ. Русскимъ вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находится-же на свѣтѣ такое безстыдство, какъ, напримѣръ, въ англичанкахъ, которыя не только не смущаются, что какой-нибудь Адольфъ, Вильгельмъ Тель забросалъ для нихъ весь прилавокъ товарами и переворотилъ весь магазинъ, но даже начинаютъ,—о, ужасъ!—торговаться изъ-за какихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Тель не промахъ: ужъ онъ отмститъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слупитъ съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та остается совершенно довольна. Но не смотря на то буржуа до страсти любитъ неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непремѣнно безсребренниковъ. Гостаръ долженъ сіять только однимъ благородствомъ и буржуа плачетъ отъ умиленія. Безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ взялъ двѣнадцать тысячъ вмѣсто тысячи пятисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ взялъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, подло,—за это на галеры: буржуа многое готовъ простить, но не проститъ воровства, хотя-бы вы или дѣти ваши умирали съ голоду. Но если вы украдете изъ добродѣтели, о, вамъ тогда совершенно все прощается. Вы, стало быть, хотите faire fortune и накопить много вещей, т. е. исполнить долгъ природы и человѣчества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воровства изъ низкой или, т. е. изъ-за какого-нибудь

куска хлѣба и воровство изъ высокой добродѣтели. Послѣднее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано.

Почему-же, наконецъ, — опять-таки я все на прежнее, — почему-же, наконецъ, буржуа до сихъ поръ какъ будто чего-то труситъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ сидитъ? Чего ему безпокоиться? Парлеровъ, фразеровъ? Да вѣдь онъ ихъ однимъ толчкомъ ноги пошлетъ теперь къ чорту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные, сами-то ученые начинаютъ учить теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что отвлеченная логика неприложима къ человѣчеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Густавовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бываетъ: что это только неосновательная выдумка восемнадцатаго столѣтія. Кого-же бояться? Работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеалъ ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей: такая ужъ натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками взращено и вѣками воспитано. Національность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскіе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, т. е. самый лучшій и самый полный идеалъ собственника, какой только можно себѣ представить. Коммунистовъ? Соціалистовъ, наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершпилился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ: презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да, вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего-бы, кажется, бояться? Вѣдь предрекъ-же аббатъ Сіесъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это *ничто*. *Что такое tiers-état? Ничто. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ*». Ну, такъ и случилось какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время: они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣритъ, не смотря на то, что все, что было сказано послѣ словъ Сіеса, сбрендило и лопнуло, какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозглашенъ вскорѣ послѣ него: liberté, égalité, fraternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté? Свобода. Какая свобода?—Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все что угодно въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все что угодно? Когда имѣешь милліонъ. Дастъ-ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все что угодно. Что-жъ изъ этого

слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Что-жь остается изъ формулы? Братство. Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ какъ о великой движущей силѣ человѣчества и не догадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что-бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братство нельзя, потому что оно само дѣлается, дастся, въ природѣ находится. А въ природѣ французской, да и вообще западной, его въ наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленнаго самосохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ, какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что̀ есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойдти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ*, а все-то это *остальное* должно-бы было *само* придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному Я и само, безъ его просьбы должно-бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному, что̀ есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна-бы была все свое *Я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: онъ требуетъ съ бою, она требуетъ права, онъ хочетъ *дѣлиться* — ну и не выходитъ братства. Конечно, можно переродиться! Но перерожденіе это совершается тысячелѣтіями, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войдти, чтобы стать дѣйствительностью. Что-жь, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть, по моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго

ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойдти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другаго изъ своей личности, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими-же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человѣка. Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который, если попадется подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій разсчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримѣръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну, вотъ и надобно, чтобъ я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобъ отдавать все и даже желать, чтобъ тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобъ на тебя никто ни въ чемъ не изубыточился. Какъ-же это сдѣлать? Вѣдь это все равно что не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ и увидите что онъ, проклятый, будетъ поминутно приноминаться. Какъ-же сдѣлать? Сдѣлать никакъ нельзя, а надо, чтобъ оно *само собой сдѣлалось, чтобъ оно было въ натурѣ*, безсознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ: чтобъ было братское, любящее начало—надо любить. Надо, чтобъ самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, не смотря на всѣ вѣковыя страданія націи, не смотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся въ націи, не смотря на вѣковое рабство, на нашествія иноплеменниковъ, однимъ словомъ, чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло-бы это братство, если-бъ переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала-бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите-же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуйста располагайте мною. Это высшее счастье мое—вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ

безразличіемъ, только-бы ваше-то братство процвѣтало и осталось»... А братство, напротивъ, должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что-же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастіе. Возьми-же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться помнутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самоправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны, будь-же вполнѣ спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ».

Послѣ этого, разумѣется, ужь нечего дѣлиться, тутъ ужь все само собою раздѣлится. Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится.

Экая вѣдь въ самомъ дѣлѣ утопія, господа! Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Вѣдь это даже какъ будто униженіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или нѣтъ?

Но опять таки что-же дѣлать соціалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а, напротивъ, начало единичное, личное, безпрерывно обособляющееся, требующее съ мечемъ въ рукѣ своихъ правъ. Соціалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства, онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобъ сдѣлать рагу изъ зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имѣется, то есть не имѣется натуры, способной къ братству, натуры, вѣрующей въ братство, которую само собою тянетъ на братство! Въ отчаяніи соціалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, разсчитывать на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ; опредѣляетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тяготѣетъ, и опредѣляетъ заранѣе разсчетъ благъ земныхъ: насколько кто ихъ заслужитъ и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужь какое тутъ братство, когда заранѣе дѣлятся и опредѣляютъ, кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать? Впрочемъ, провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго». Ужь лучше этого, разумѣется, ничего нельзя было выдумать, тѣмъ болѣе, что вся формула цѣликомъ взята изъ одной всѣмъ извѣстной книжки. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Ка-

бста къ суду. Фурьеристы, говорятъ, взяли свои послѣднія девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуютъ, какъ-бы устроить братство. Ничего не выходитъ. Конечно, есть великая приманка жить хоть не на братскомъ, а чисто на разумномъ основаніи, то есть хорошо, когда тебя всѣ гарантируютъ и требуютъ отъ тебя только работы и согласія. Но тутъ опять выходитъ загадка: кажется, ужъ совершенно гарантируютъ человѣка, обѣщаются кормить, поить его, работу ему доставить, и за это требуютъ съ него только самую капельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ разсчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все кажется сдуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому—полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ-же, все-таки кажется чудаку, что своя воля лучше. Разумѣется, соціалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не дорослъ, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной выгоды; что муравей какой-нибудь безсловесный, ничтожный муравей его умнѣе, потому что въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ разлиновано, всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника!

Другими словами: хоть и возможенъ соціализмъ, да только гдѣ-нибудь не во Франціи.

И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи соціалистъ провозглашаетъ, наконецъ: liberté, égalité, fraternité *ou la mort*. Ну, ужъ тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

— А если буржуа торжествуетъ, такъ, стало быть, и сбылась формула Сѣнеса, буквально и въ послѣдней точности. Итакъ буржуа все, отчего-жъ онъ конфузится, отчего скучетъ, чего боится? Всѣ сбереженія, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Филиппѣ, напримѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда царилъ. Да, онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что ему есть враги и послѣдній разъ раздѣлался съ ними на іюньскихъ баррикадахъ ружьемъ и штыкомъ. Но бой кончился, и вдругъ буржуа увидалъ, что онъ одинъ на землѣ, что лучше его и нѣтъ ничего, что онъ идеалъ, и что ему осталось теперь не то, чтобъ какъ прежде увѣрять весь свѣтъ, что онъ идеалъ, а просто спокойно и величаво позировать всему свѣту въ видѣ послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человѣческихъ. Положеніе, какъ хотите, конфузное. Выручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба имъ упалъ, какъ единственный выходъ изъ затрудненія, какъ единственная тогданняя возможность. Съ

тѣхъ самыхъ поръ буржуа благодѣйствуетъ, за благодѣяніе свое платитъ ужасно и всего боится, именно потому, что всего достигъ. Когда всего достигаешь, тяжело становится *его* потерять. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наиболѣе всего боится, значитъ, тотъ наиболѣе благодѣйствуетъ. Не смѣйтесь, пожалуйста. Вѣдь что-же такое теперь буржуа?

ГЛАВА VII.

Продолженіе предъидущаго.

Почему *между буржуа столько лакеевъ*, да еще при такой благородной наружности? Пожалуйста, не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клевещу, что во мнѣ говоритъ ненависть. Къ чему? Къ кому? Зачѣмъ ненависть? Просто много лакеевъ, и это такъ. Лакейство въѣдается въ натуру буржуа все болѣе и болѣе, и все болѣе и болѣе считается добродѣтелью. Такъ и должно быть при теперешнемъ порядкѣ вещей. Естественное слѣдствіе. А главное, главное—натура помогаетъ. Я ужъ не говорю, напримѣръ, что въ буржуа много прирожденнаго шпіонства, Мое мнѣніе именно въ томъ состоитъ, что необычайное развитіе шпіонства во Франціи, и не простаго, а мастерскаго шпіонства, шпіонства по призванію, дошедшаго до искусства, имѣющаго свои научные пріемы, происходитъ у нихъ отъ врожденнаго лакейства. Какой идеально благородный Густавъ, если только онъ не имѣетъ еще вещей, не предоставитъ сейчасъ-же за десять тысячъ франковъ письма своей возлюбленной и не выдастъ свою любовницу ея мужу? Можетъ, я и преувеличиваю это, но, можетъ быть, я говорю, основываясь на какихъ-нибудь фактахъ. Французъ любитъ ужасно забѣжать впередъ какъ-нибудь на глаза къ власти и слакействовать передъ ней что-нибудь даже совершенно безкорыстно, даже и не ожидая сейчасной награды, въ долгъ, на книжку. Вспомните всѣхъ этихъ искателей мѣстъ, напримѣръ, при частой перемѣнѣ правительствъ, бывшихъ во Франціи. Вспомните, какія штучки и колѣнца они выдѣлывали и въ чемъ сами признавались. Вспомните одинъ изъ ямбовъ Барбіе по этому поводу. Взялъ я разъ въ кафе одну газету отъ 3-го іюля. Смотрю: письма изъ Вишп. Въ Вишп гостилъ тогда императоръ, ну и дворъ, разумѣется, были кавалькады, гулянья. Корреспондентъ все это описываетъ. Онъ начинаетъ:

У насъ много превосходныхъ наѣздниковъ. Разумѣется, вы тотчасъ-же угадали самаго блестящаго изъ всѣхъ. Его величество прогуливается каждый день въ сопровожденіи своей свиты и т. д.

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ, разсчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя сказать въ глаза, что онъ притворяется. «Мое убѣжденіе—и кончено», отвѣтитъ онъ вамъ, ни дать ни взять какъ отвѣтятъ вамъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ журналистовъ. Понимаете: онъ гарантированъ; ему есть что вамъ отвѣчать, чтобы зажать вамъ ротъ. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и главная свобода въ мірѣ. Но тутъ, въ этомъ случаѣ, что̀ можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь ужь онъ не смотритъ на законы дѣйствительности, попираетъ всякое правдоподобіе и дѣлаетъ это намѣренно. А для чего-бы, кажется, это дѣлать намѣренно? Вѣдь ему никто не повѣритъ. Самъ наѣздникъ, навѣрно, этого не прочтетъ, а если и прочтетъ, то неужели французикъ, писавшій «correspondance», газета, ее помѣстившая у себя, и редакція газеты, неужели-жь всѣ они до того глупы, чтобъ не разобрать, что владыкѣ вовсе не нужна слава перваго наѣздника во Франціи, что онъ подъ старость вовсе и не разсчитываетъ на эту славу и, конечно, не повѣритъ, если его будутъ увѣрять, что онъ самый ловкій наѣздникъ изъ всей Франціи: говорятъ, онъ человѣкъ чрезвычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой разсчетъ: пусть неправдоподобно, смѣшно, пусть самъ владыка посмотритъ на это съ отвращеніемъ и презрительнымъ смѣхомъ, пусть, пусть, но зато увидитъ слѣпую покорность, увидитъ безграничное падамъ до ногъ, рабское, глупое, неправдоподобное, но зато *падамъ до ногъ*, а это главное. Теперь разсудите: если-бъ это было не въ духѣ націи, если-бъ такая пошлая лесть не считалась совершенно возможной, обыкновенной, совершенно въ порядкѣ вещей, и даже приличной—возможно-ли было-бы помѣстить въ парижской газетѣ такую корреспонденцію? Гдѣ вы встрѣтите въ печати подобную лесть, кромѣ Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ націи, что не одна газета такъ толкуетъ, а почти всѣ такія-же въ такомъ-же точно родѣ, кромѣ двухъ—трехъ несовсѣмъ зависимыхъ.

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльд'отомъ,—это ужь было не во Франціи, а въ Италіи, но за табльд'отомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Аспромонте. Разумѣется, говорили загадочно: иные молчали и не хотѣли совсѣмъ высказываться: другіе качали головами. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Гари-

бальди затѣялъ дѣло рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнѣніе съ недоговорками, потому что Гарибальди — человѣкъ до того всѣмъ не въ уровень, что у него, пожалуй, и выйдетъ благоразумно даже и то, что по обыкновеннымъ соображеніямъ выходитъ слишкомъ рискованнымъ. Мало по малу перешли собственно къ личности Гарибальди: Стали перечислять его качества,—приговоръ былъ довольно благопріятный для итальянскаго героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивляюсь, громко проговорилъ одинъ французъ, пріятной и внушительной наружности, лѣтъ тридцати и съ отпечаткомъ въ лицѣ того необыкновеннаго благородства, которое до нахальства бросается вамъ въ глаза во всѣхъ французахъ.—Одно только обстоятельство меня въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется, всѣ съ любопытствомъ обратились къ оратору.

Новое качество, открытое въ Гарибальди, долженствовало быть для всѣхъ интереснымъ.

— Въ 60-мъ году, нѣкоторое время, въ Неаполѣ, онъ пользовался неограниченною и самою безконтрольною властью. Въ рукахъ у него была сумма въ двадцать милліоновъ казенныхъ денегъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Онъ могъ взять и утаить сколько угодно изъ этой суммы и никто-бы съ него не спросилъ! Онъ не утаилъ ничего и сдалъ правительству все счетомъ до послѣдняго су. Это почти невѣроятно!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о двадцати милліонахъ франковъ.

Про Гарибальди, конечно, можно разсказывать все что̀ угодно. Но сопоставить имя Гарибальди съ хапугами изъ казеннаго мѣшка, это, разумѣется, могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ наивно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ. За чистосердечіе, разумѣется, все прощается, даже утраченная способность пониманья и чутья настоящей чести; но заглянувъ въ лицо, такъ и заигравшее при воспоминаніи о двадцати милліонахъ, я совершенно нечаянно подумалъ:

— А что, братъ, если-бъ ты вмѣсто Гарибальди находился тогда при казенномъ мѣстѣ!

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что все это только частные случаи, что и у насъ точно такое происходитъ и что не могъ-же я ручаться за всѣхъ французовъ. Конечно, такъ, я и не говорю про всѣхъ. Вездѣ есть неизъяснимое благородство, а у насъ, можетъ быть, даже и гораздо хуже бываетъ. Но въ добродѣтель-то, въ добродѣтель-то зачѣмъ возводить? Знаете что̀? Можно быть даже

и подлецомъ, да чутья о чести не потерять: а тутъ вѣдь очень много честныхъ людей, но за то чутье чести совершенно потеряли и потому подличаютъ, не вѣдая что творятъ изъ добродѣтели. Первое, разумѣется, порочнѣе, но послѣднее, какъ хотите, презрительнѣе. Такой катехизисъ о добродѣтеляхъ составляетъ худой симптомъ въ жизни націи. Ну, а на счетъ частныхъ случаевъ я не хочу съ вами спорить. Даже вся нація-то состоитъ вѣдь изъ одними только частныхъ случаевъ, не правда-ли?

Даже я вотъ что̀ думаю: я, можетъ быть, ошибся и въ томъ, что буржуа ежится, что онъ все еще чего-то боится. Ежится-то онъ дѣйствительно ежится, и побаивается, но если подвести итогъ, то буржуа совершенно благодействуетъ. Хоть онъ и самъ обманываетъ себя, хоть и докладываетъ себѣ поминутно, что все обстоитъ благополучно, но однако-же это нисколько не мѣшаетъ наружной его самоувѣренности. Мало того: даже и внутри онъ ужасно самоувѣренъ, когда разыграется. Какъ все это въ немъ уживается вмѣстѣ,—дѣйствительно задача, но это такъ. Вообще буржуа очень не глупъ, но у него умъ какой-то коротенькій, какъ будто отрывками. У него ужасно много запасено готовыхъ понятій, точно дровъ на зиму, и онъ серьезно намѣревается прожить съ ними хоть тысячу лѣтъ. Впрочемъ, что̀-же тысячу лѣтъ: про тысячу лѣтъ буржуа заговариваетъ рѣдко, только развѣ когда впадаетъ въ краснорѣчіе. «Après moi le déluge» гораздо употребительнѣе и чаще прилагается къ дѣлу. И какое ко всему равнодушіе, какіе мимолетные, пустые интересы. Мнѣ случалось въ Парижѣ бывать въ обществѣ, въ домѣ, гдѣ въ мое время перебывало множество людей. Точно всѣ они какъ будто боятся и заговорить о чемъ нибудь необыденномъ, о чемъ нибудь не такъ мелочномъ, о какихъ нибудь всеобщихъ интересахъ, ну, тамъ, о какихъ-бы то ни было общественныхъ интересахъ. Тутъ не могъ, мнѣ кажется, быть страхъ шпіоновъ, тутъ просто всѣ разучились о чемъ нибудь мыслить и говорить посерьезнѣе. Впрочемъ, встрѣчались тутъ люди, которые ужасно интересовались, какое впечатлѣніе на меня произвелъ Парижъ, насколько я благоговѣю, насколько я удивленъ, раздавленъ, уничтоженъ. Французъ до сихъ поръ думаетъ, что онъ способенъ нравственно давить и уничтожать. Это тоже довольно забавный признакъ. Особенно я помню одного премилаго, прелюбезнаго, предобрѣйшаго старичка, котораго я искренно полюбилъ. Онъ такъ и заглядывалъ мнѣ въ глаза, выспрашивая мое мнѣніе о Парижѣ и ужасно огорчался, когда я не изъявлялъ особеннаго восторга. Даже страданіе изображалось на добромъ лицѣ его, — буквально страданіе, я не преувеличиваю. О, милый m-r Le M—re! Француза,

то есть парижанина (потому что вѣдь въ сущности всѣ французы парижане) никогда не разувѣришь въ томъ, что онъ не первый человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ. Впрочемъ, о всемъ земномъ шарѣ, кромѣ Парижа, онъ весьма мало знаетъ. Да и знать-то очень не хочетъ. Это ужъ національное свойство и даже самое характеристичное. Но самое характеристичное свойство француза—это краснорѣчіе. Любовь къ краснорѣчію въ немъ неугасима и съ годами разгорается все больше и больше. Мнѣ-бы ужасно хотѣлось узнать, когда именно началась во Франціи эта любовь къ краснорѣчію. Разумѣется, главное началось съ Людовика XIV. Замѣчательно, что во Франціи все началось съ Людовика XIV, право такъ. Но всего замѣчательнѣе, что и во всей Европѣ все началось съ Людовика XIV. И чѣмъ взялъ этотъ король,—понять не могу! Вѣдь не особенно-же онъ выше всѣхъ прежнихъ другихъ королей. Развѣ тѣмъ, что первый сказалъ l'état—c'est moi. Это ужасно понравилось, это всю Европу тогда облетѣло. Я думаю, однимъ этимъ-то словцомъ онъ и прославился. Даже у насъ оно удивительно скоро стало извѣстно. Національнѣйшій государь былъ этотъ Людовикъ XIV, вполнѣ во французскомъ духѣ, такъ что я даже и не понимаю, какъ это во Франціи могли случиться всѣ эти маленькія шалости... ну вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Пошалили и воротились къ прежнему духу: на то идетъ: по краснорѣчіе, краснорѣчіе, о—это камень претиновенія для парижанина. Онъ все готовъ забыть изъ прежняго, все, все, готовъ вести самые благоразумные разговоры и быть самымъ послушнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, но краснорѣчія, одного только краснорѣчія, онъ до сихъ поръ никакъ не можетъ забыть. Онъ тоскуетъ и вздыхаетъ по краснорѣчію: припоминаетъ Тьера, Гизо, Одилона Барро. То-то краснорѣчія-то было тогда, говоритъ онъ иногда про себя и начинаетъ задумываться. Наполеонъ III это понялъ, тотчасъ-же порѣшилъ, что Jacques Bonhomme не долженъ задумываться и мало по малу завелъ краснорѣчіе. Для сей цѣли въ законодательномъ корпусѣ содержится шесть либеральныхъ депутатовъ, шесть постоянныхъ, неизмѣнныхъ, настоящихъ либеральныхъ депутатовъ, то есть такихъ, что, можетъ быть, ихъ и не подкупишь, если начать подкупать, и однако-жъ ихъ все-таки только шесть,—шесть было, шесть есть и шесть только и останется. Больше не прибудетъ, будьте покойны, да и не убудетъ тоже. И это прехитрая штука, на первый взглядъ. Дѣло-то однако-жъ гораздо проще въ дѣйствительности, и обходится при помощи suffrage universel. Разумѣется, чтобъ они очень-то не заговаривались, приняты всѣ надлежащія мѣры. Но поболтать позволяется. Ежегодно въ нужное время обсуживаются важнѣйшіе

государственные вопросы и нарижанин сладко волнуется. Онъ знаетъ, что будетъ краснорѣчіе и радъ. Разумѣется, онъ очень хорошо знаетъ, что будетъ только одно краснорѣчіе и больше ничего, что будутъ слова, слова, и слова и что изъ словъ этихъ рѣшительно ничего не выйдетъ. Но онъ и этимъ очень, очень доволенъ. И самъ, первый, находитъ все это чрезвычайно благоразумнымъ. Рѣчи нѣкоторыхъ изъ этихъ шести представителей пользуются особенною популярностью. И представитель всегда готовъ говорить рѣчи для увеселенія публики. Странное дѣло: вѣдь и самъ онъ совершенно увѣренъ, что изъ рѣчей его ничего не выйдетъ, что все это только одна шутка, шутка и больше ничего, невинная игра, маскарадъ, а между тѣмъ говорить, нѣсколько лѣтъ сряду говорить, и прекрасно говоритъ, даже съ большимъ удовольствіемъ. И у всѣхъ членовъ, которые слушаютъ его, даже слюнки текутъ отъ удовольствія. «Хорошо говоритъ человѣкъ!» — и у президента, и у всей Франціи слюнки текутъ. Но вотъ представитель кончилъ, а затѣмъ встаетъ и гувернеръ сихъ милыхъ и благонравныхъ дѣтей. Онъ торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ представителемъ. Мы удивлялись таланту почтеннаго оратора, говоритъ онъ, его мыслямъ и благонравному поведенію, выраженному въ этихъ мысляхъ, мы наслаждались всѣ, всѣ... Но, хотя почтенный членъ и вполнѣ заслужилъ въ награду книжку съ надписью: «за благонравіе и успѣхи въ наукахъ», не смотря на то, господа, рѣчь почтеннаго представителя по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ никуда не годится. Надѣюсь, господа, что вы совершенно со мною согласны.— Тутъ онъ обращается ко всѣмъ представителямъ и взглядъ его начинаетъ сверкать строгостью. Представители, у которыхъ текли слюнки, немедленно съ неистовымъ восторгомъ рукоплещутъ гувернеру, а между тѣмъ, тутъ-же благодарятъ и трогательно жмутъ руки и либеральному представителю за доставленное удовольствіе, просятъ доставить имъ это либеральное удовольствіе съ позволенія гувернера и къ слѣдующему разу. Гувернеръ благосклонно позволяетъ; сочинитель описанія на «Восходъ солнца» удаляется гордый своимъ успѣхомъ; представители удаляются, облизываясь, въ нѣдра своихъ семействъ и вечеромъ отъ радости гуляютъ подъ ручку съ эпузами въ Пале-Роялъ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, а гувернеръ, отрапортовавъ кому слѣдуетъ обо всемъ, объявляетъ всей Франціи, что все обстоитъ благополучно.

Иногда, впрочемъ, когда начинаются дѣла по важнѣе, заводятъ и игру по важнѣе. Въ одно изъ собраній приводятъ самого принца

Наполеона. Принцъ Наполеонъ вдругъ начинаетъ дѣлать оппозицію, къ совершенному испугу всѣхъ этихъ учащихся юношей. Въ классѣ торжественная тишина. Принцъ Наполеонъ либеральничаетъ, принцъ не согласенъ съ правительствомъ, по его мнѣнію надо то-то и то-то. Принцъ осуждаетъ правительство, однимъ словомъ, говорится то самое, что̀ (предполагается) могли-бы высказать эти-же самыя милыя дѣти, если-бъ гувернеръ хоть на минуточку вышелъ изъ класса. Разумѣется, и тутъ въ мѣру; да и предположеніе нелѣпое, потому что всѣ эти милыя дѣти до того мило воспитаны, что даже и не пошевелятся, если-бъ гувернеръ даже на цѣлую недѣлю отъ нихъ отлучился. И вотъ, когда принцъ Наполеонъ кончаетъ, встаетъ гувернеръ и торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ ораторомъ. Мы удивлялись таланту, краснорѣчивымъ мыслямъ и благонравію всемилостивѣйшаго принца... Мы готовы выдать книжку за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, но... и т. д., то есть все что̀ было сказано прежде; разумѣется, весь классъ аплодируетъ съ восторгомъ, доходящимъ до неистовства, принца уводятъ домой, благонравные ученики расходятся изъ класса, какъ настоящіе благонравные паиньки, а вечеромъ гуляютъ съ эпузами въ Пале-Роялѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ и т. д., и т. д., и т. д., однимъ словомъ, порядокъ заведенъ удивительный.

Однажды мы заблудились въ la salle des pas perdus, и вмѣсто отдѣленія, гдѣ судятся уголовные процессы, попали въ отдѣленіе гражданскихъ процессовъ. Курчавый адвокатъ въ мантіи и въ шапкѣ говорилъ рѣчь и сыпалъ перлами краснорѣчія. Президентъ, судьи, адвокаты, слушатели плавали въ восторгѣ. Была благоговѣйная тишина: мы вошли на цыпочкахъ. Дѣло шло объ одномъ наслѣдствѣ; въ дѣло замѣшаны были отцы-пустынники. Отцы-пустынники поминутно замѣшиваются теперь въ процессы, преимущественно по наслѣдствамъ. Самыя скандальныя, самыя гадкія происшествія выводятся наружу; но публика молчитъ и очень мало скандализируется, потому что отцы-пустынники имѣютъ теперь значительную власть, а буржуа чрезвычайно благонравенъ. Отцы все болѣе и болѣе останавливаются на томъ мнѣніи, что капитальчикъ лучше всего, всѣхъ этихъ мечтаній и прочаго, и что какъ ни прикопишь деньжонокъ, такъ и силу можно имѣть, а то что́ краснорѣчіе-то! Краснорѣчіемъ однимъ теперь не возьмешь. Но они въ послѣднемъ случаѣ, на мой взглядъ, немного ошибаются. Конечно, капитальчикъ всеблагое дѣло, но и краснорѣчіемъ много можно сдѣлать съ французомъ. Эпузы по преимуществу поддаются отцамъ-пустынникамъ,

даже теперь гораздо болѣе, чѣмъ замѣчалось прежде. Есть надежда, что и буржуа на это поворотитъ. Въ процессѣ изъяснялось, какъ пустынники долголѣтнимъ, хитрымъ, даже ученымъ (у нихъ есть для этого наука) тяготѣньемъ отяготѣли надъ душой одной прекрасной и весьма денежной дамы, какъ они соблазнили ее идти жить къ себѣ въ монастырь, какъ тамъ пугали ее до болѣзни, до истерики разными страхами и все съ разсчетомъ, съ ученою постепенностью. Какъ, наконецъ, довели ее до болѣзни, до идіотства, представили ей, наконецъ, что видѣться съ родственниками великій грѣхъ передъ Господомъ Богомъ и мало по малу удалили совершенно родственниковъ. «Даже ея племянница, эта дѣвственная, младенческая душа, пятнадцатилѣтній ангелъ чистоты и невинности, даже и она не смѣла войдти въ келью своей обожаемой тетки, которая ее любила болѣе всего на свѣтѣ и которая уже не могла, вслѣдствіе коварныхъ ухищреній, обнять ее и облобызать ея front virginal, гдѣ возсѣдалъ бѣлый ангелъ невинности ... Однимъ словомъ, все въ этомъ родѣ: было удивительно хорошо. Говорившій адвокатъ самъ видимо таялъ отъ радости, что онъ умѣетъ такъ хорошо говорить, таялъ президентъ, таяла публика. Отцы-пустынники проиграли сраженіе единственно вслѣдствіе краснорѣчія. Они, конечно, не унываютъ. Проиграли одно, выиграютъ пятнадцать.

— Кто адвокатъ? спросилъ я одного молодаго студента, бывшаго въ числѣ благоговѣвшихъ слушателей. Студентовъ тутъ было множество и все такіе благонравные. Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Jules Favre! отвѣтилъ онъ, наконецъ, съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ, что я, конечно, сконфузился. Такимъ-то образомъ я имѣлъ случай познакомиться съ цвѣтами французскаго краснорѣчія, такъ сказать, въ самомъ главномъ его источникѣ.

Но источниковъ этихъ бездна. Буржуа проѣденъ до конца ногтей краснорѣчіемъ. Однажды мы вошли въ Пантеонъ поглядѣть на великихъ людей. Время было не урочное и съ насъ спросили два франка. Затѣмъ дряхлый и почтенный инвалидъ взялъ ключи и повелъ насъ въ церковные склепы. Дорогой онъ говорилъ все еще какъ человѣкъ, немного только шамкая, за недостаткомъ зубовъ. Но сойдя въ склепы, немедленно занѣлъ, только что подвелъ насъ къ первой гробницѣ.

— Ci-gît Voltaire, —Вольтеръ, сей великій геній прекрасной Франціи. Онъ искоренялъ предразсудки, уничтожалъ невѣжество, боролся съ ангеломъ тьмы и держалъ свѣтильникъ просвѣщенія. Въ своихъ трагедіяхъ онъ достигнулъ великаго, хотя Франція уже имѣла Корнеля.

Онъ говорилъ, очевидно, по заученному. Кто нибудь когда нибудь написалъ ему на бумажкѣ рацею и онъ ее вытвердилъ на всю жизнь: даже удовольствіе засіяло на его старомъ добродушномъ лицѣ, когда онъ началъ передъ нами выкладывать свой высокій слогъ.

— Ci-gît Jean Jacques Rousseau, продолжалъ онъ, подходя къ другой гробницѣ: —Jean Jacques, l'homme de la nature et de la vérité!

Мнѣ стало вдругъ смѣшно. Высокимъ слогомъ все можно опошлить. Да и видно было, что бѣдный старикъ, говоря объ nature и vérité, рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Странно! сказалъ я ему.—Изъ этихъ двухъ великихъ людей одинъ всю жизнь называлъ другаго лгуномъ и дурнымъ человѣкомъ, а другой называлъ перваго просто дуракомъ. И вотъ они сошлись здѣсь почти рядомъ.

— Мсье, мсье! замѣтилъ было инвалидъ, желая что-то возразить, но однако-жъ не возразилъ и поскорѣй повелъ насъ еще къ гробницѣ.

— Ci-gît Lannes, маршалъ Ланнъ, занѣлъ онъ еще разъ: — одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ не только великій маршалъ, искуснѣйшій предводитель войскъ, исключая великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну да, это былъ другъ Наполеона, сказалъ я, желая сократить рѣчь.

— Мсье! Позвольте говорить мнѣ, прервалъ инвалидъ какъ будто нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человѣка. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество...

— Ну да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! Позвольте-же мнѣ самому говорить, вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ.—Вы, можетъ быть, и знаете это все... Но позвольте и мнѣ разсказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому разсказать, хотя-бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, подхватилъ онъ снова: — на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая великую потерю...

— Пришелъ къ нему проститься, дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! сказалъ старикъ, съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая сѣдой головой:—мсье! Я знаю, я увѣренъ, что вы все это знаете, можетъ быть, лучше меня. Но вѣдь вы сами взяли меня вамъ показывать: позвольте-жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужъ немного осталось...

— Тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая (увы! безполезно) великую потерю, которую понесли онъ, армія и вся Франція, приблизился къ его смертной постели и послѣднимъ прощаніемъ своимъ смягчилъ жестокія страданія умирнаго почти на глазахъ его полководца. — C'est fini, monsieur, прибавилъ онъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на меня, и пошелъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница: ну это... quelques sénateurs, прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнувъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ неподалеку. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и маршала Ланна. Это уже былъ непосредственный, такъ сказать, народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели-жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія, конвента и клубовъ, въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и на которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ—любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

ГЛАВА VII.

Брибри и мабишь.

Что-жъ энузы? Энузы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, нищу я энузы вмѣсто жены? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа если заговоритъ высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: mon épouse. И хотъ въ другихъ слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ, ma femme—моя жена, но ужъ лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Къ тому-же есть и другія наименованія. Когда буржуа расчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: ma biche. И обратно, любящая жена, въ припадкѣ граціозной игривости, называетъ своего милаго буржуа: bribri, чѣмъ буржуа съ своей стороны очень доволенъ.

Брибри и мабишь постоянно процвѣтаютъ, а теперь болѣе чѣмъ когда нибудь. Кромѣ того, что такъ ужь условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и брибри должны въ наше хлопотливое время служить моделью добродѣтели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрекъ гнуснымъ бреднямъ нелѣпыхъ бродягъ-коммунистовъ, кромѣ того, брибри съ каждымъ годомъ становится все сговорчивѣе и сговорчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни говори, какъ ни устраивай, а мабишь нельзя удержать, что парижанка создана для любовника, что мужу почти невозможно обойтись безъ прически, онъ и умолчитъ, разумѣется, покамѣстъ у него еще мало прикоплено денегъ и не заведено еще много вещей. Когда-же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потому что начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ уже и на Гюстава онъ начинаетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ вдобавокъ и оборванецъ и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньжонками, желая жениться и выбираетъ невѣсту съ деньжонками. Мало того: предварительно сосчитываются и, если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и совокупляются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужь въ особенный обычай вошелъ законъ равенства кармановъ. Если, напримѣръ, у невѣсты хоть конѣйкой больше денегъ, то ее ужь и не отдаютъ такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри получше. Кромѣ того браки по любви становятся все болѣе и болѣе невозможными и считаются почти неприличными. Благоразумный этотъ обычай неремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и, я думаю, гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе женинными денежками буржуа очень хорошо устроилъ въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похожденія своей мабишь и не замѣчать иныхъ досадныхъ вещей, потому что тогда, то есть при размолвкѣ, можетъ непріятно подняться вопросъ о приданомъ. Къ тому-же, если мабишь и зацеголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хоть и все замѣтившій, про себя примиряется; меньше съ него спросятъ жена на наряды. Мабишь тогда гораздо сговорчивѣе. Наконецъ, такъ какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда-нибудь отъ своей мабишь на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишь, раздается между супругами всего чаще и чаще. А, наконецъ, если все сказать, такъ вѣдь брибри и на этотъ случай удиви-

тельно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій коммиссаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужь такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ en flagrant délit, онъ вѣдь убитъ ихъ можетъ обоихъ и за это ничѣмъ не отвѣчаетъ. Мабишь это знаетъ и сама это похваливаетъ. Долгой опекой довели до того мабишь, что она и не рѣшитъ, и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться, напримѣръ, въ университетахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и, такъ сказать, канареечномъ состояніи. Ее рядятъ, ее гантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ царицу, и мужчина передъ ней наружно во прахъ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. Однимъ словомъ, рыцарскія отношенія соблюдены, и чего-же болѣе? Вѣдь Густава у ней не отымутъ. Какихъ-нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д., и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая-же капиталистка и конѣчница, какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, то есть дойдетъ до того, что ужь никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канарейкой: когда возможность новаго Густава становится уже рѣшительною нелѣпостью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбивомъ воображеніи, тогда мабишь вдругъ, быстро и скверно перерождается. Куды дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается больною частью такой злой, такой хозяйкой. Ходитъ по церквамъ, копитъ съ мужемъ деньги и какой-то цинизмъ проглянетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являются вдругъ какая-то усталость, досада, грубые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже перьхами какими-то становятся иныя изъ нихъ. Разумѣется, не все такъ, разумѣется, бываютъ и другія болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется, и вездѣ есть такія-же соціальныя отношенія, но... тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной общественной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишь — царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдительность удивительная, доходитъ подчасъ до такой маніловщины, что иная честная душа и не стерпѣла-бы. Явная плутня поддѣлки оскорбила-бы ее до глубины сердца. Но мабишь сама большая плутовка и... ей только того и надобно... Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпо-

чтетъ салютовать, чѣмъ идти честно напрямикъ: и вѣрнѣе, по ея мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига—въ этомъ все для мабишн; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ отдѣлаются, какъ ходятъ по улицѣ. Мабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и плѣняетъ, особенно блазированныхъ и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишь развита весьма плохо: умишки и сердишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, зато она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штучекъ и выверговъ, что вы покоряетесь и идете за нею, какъ за пикантной новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то даже злое въ лицѣ. Но это ничего: это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною подѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ, можетъ быть, и нравится-то въ ней не то именно, что она этой подѣлкой достигаетъ натуры, но самый этотъ процессъ достиженія подѣлкой васъ очаровываетъ, искусство очаровываетъ. Для парижанина большею частью все равно, что̀ настоящая любовь, что̀ хорошая подѣлка подъ любовь. Даже подѣлка, можетъ быть, больше нравится. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется въ Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. «Возьми деньги, да обмани хорошенько, то есть поддѣлай любовь», — вотъ чего требуютъ отъ камеліи. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпузы, но крайней мѣрѣ, довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяется. Къ тому-же буржуа знаетъ, что мабишь къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усерднѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ, правая рука, старшій прикащикъ. Какъ не простить тутъ какого-нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ передъ ней разступаются, не такъ какъ у насъ, гдѣ женщина мало-мальски не старая, двухъ шаговъ пройдти не можетъ по улицѣ безъ того, чтобъ какая нибудь вонистенная или потасканная физіономія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила познакомиться.

Впрочемъ, не смотря на возможность Гюстава, обыденная, обрядная форма отношеній между брибри и мабишью довольно мила и даже часто наивна. Вообще, заграничные люди—это мнѣ въ глаза бросилось,—почти всѣ несравненно наивнѣе русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе: нужно самому замѣтить. Le Russe est sceptique et moqueur, говорятъ про насъ французы, и это такъ. Мы больше циники, меньше дорожимъ своимъ, даже не любимъ свое, по крайней мѣрѣ, не уважаемъ его въ высшей степени, не пони-

мая въ чемъ дѣло; лѣзешь въ европейскіе, общечеловѣческіе интересы, не принадлежа ни къ какой націи, а потому естественно относишся ко всему холодно, какъ-бы по обязанности и во всякомъ случаѣ отвлеченно. Впрочемъ, и я отвлекся отъ предмета. Брибри подчасъ чрезвычайно наивенъ. Гуляя, напримѣръ, вокругъ фонтанчиковъ, онъ пустится объяснять своей мамашѣ, отчего бьютъ фонтаны кверху; объяснятъ ей законы природы, національно гордится передъ ней красотою булонскаго лѣса, иллюминаціей, игрою версальскихъ les grandes eaux, успѣхами императора Наполеона и gloire militaire, наслаждается ея любопытствомъ и удовольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая мамаша тоже довольно нѣжно относится къ супругу, то есть не то, что подлѣзаетъ какой-нибудь, а безкорыстно нѣжно, не смотря даже на прическу супруга. Разумѣется, я не претендую, какъ Лесажевъ бѣсъ, снимать крыши съ домовъ. Я разсказываю только, что мнѣ въ глаза бросилось, что мнѣ показалось. «Mon mari n'a pas encore vu la mer», говоритъ вамъ иная мамаша и голосъ ея изображаетъ искреннее, наивное соболѣзнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣздилъ куда-нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотрѣть на море. Нужно знать, что у буржуа есть нѣкоторыя пренаивныя и пресерьезныя потребности, почти обратившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа, напримѣръ, кромѣ потребности наконить и потребности краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности, двѣ законнѣйшія потребности, освященныя всеобщей привычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно серьезно, чуть не патетически. Первая потребность это — voir la mer, видѣть море. Парижанинъ проживаетъ и торгуетъ иногда въ Парижѣ всю жизнь и не видитъ моря. Для чего ему видѣть море? Онъ и самъ не знаетъ, но онъ желаетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потому что обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще, тутъ даже много чувствительнаго и я уважаю это. Наконецъ, ему удается улучить время и средства: онъ собирается и на нѣсколько дней ѣдетъ «видѣть море». Возвратясь, онъ разсказываетъ напыщенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣніяхъ женѣ, родни, пріятелямъ и сладко вспоминаетъ всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣе сильная потребность буржуа, и особенно парижскаго буржуа, это—se rouler dans l'herbe. Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любитъ и даже за долгъ почитаетъ поваляться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ avec la nature, и особенно любитъ, если на него кто нибудь въ это время смотритъ. Вообще, парижанинъ за горо-

домъ считаетъ немедленною своею обязанностью стать тотчасъ-же развязнѣе, игривѣе, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ, смотрѣть болѣе естественымъ, болѣе близкимъ къ nature человѣкомъ. L'homme de la nature et de la vérité! Ужь не съ Жанъ-Жака-ли и проявилось въ буржуа это усиленное почтеніе къ la nature? Впрочемъ, объ эти потребности: voir la mer и se rouler dans l'herbe,—парижанинъ позволяетъ себѣ бо̀льшею частью только тогда, когда уже накопитъ себѣ состояніе, однимъ словомъ, когда самъ начинаетъ уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя, какъ на человѣка. Se rouler dans l'herbe бываетъ даже вдвое, вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги землѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любитъ купить гдѣ нибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микроскопическомъ размѣрѣ, все равно—буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: «mon arbre, mon mur», твердитъ онъ себѣ и всѣмъ, кого зазоветъ къ себѣ, поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего se rouler dans l'herbe. Чтобъ исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непремѣнно лужокъ передъ домомъ. Кто-то разсказывалъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, опредѣленномъ для лужайки. Онъ растилъ, поливалъ, накладывалъ срѣзанный въ другомъ мѣстѣ газонъ,—ничего на пескѣ не выходило и не принималось. Такое ужь мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто-бы купилъ себѣ дѣланный газонъ: нарочно ѣздилъ за этимъ въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки величиною въ сажень въ діаметрѣ, и разстилалъ этотъ ковершикъ съ длинной травой каждые послѣ обѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и поваляться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты упоенія своей благоприобрѣтенной собственностью, пожалуй, это и станется, такъ что нравственно тутъ ничего пѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Густавѣ. Густавъ, конечно, тоже самое, что и буржуа, то есть прикащикъ, купецъ, чиновникъ, homme de lettres, офицеръ. Густавъ—это не женатый, но тотъ-же самый буржуа. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что̀ рядится и драпируется теперь Густавъ, чѣмъ онъ теперь смотритъ, какія на немъ теперь перья. Идеалъ Густава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любитъ водевиль, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скромный и веселый водевиль,—единственное произведеніе искусства, которое почти не пересадимо ни на какую другую почву, а можетъ

жить только въ мѣстѣ своего зарожденія, въ Парижѣ,—водевиль, хоть и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполнѣ. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго надо неизъяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умретъ, покамѣстъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевиль теперь перерождается. Онъ хоть и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ по прежнему, но теперь уже сильно начинаетъ примѣшиваться къ нему другой элементъ—нравоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей мабишь наставленія. Къ тому-же буржуа теперь властвуетъ неограниченно: онъ сила; а сочинителишки водевилей и мелодрамъ всегда лакеи и всегда льстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь торжествуетъ, даже выставленный въ смѣшномъ видѣ, и подъ конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобные доклады серьезно успокоиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго человѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ успѣхѣ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокоивать. Онъ даже начинаетъ вѣрить въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ-же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужъ не юморъ: тутъ уже патетическое торжество всего того, что такъ любитъ брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего политическое спокойствіе и право копить себѣ деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣе нѣдра. Въ этомъ характерѣ пишутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ-же характерѣ является теперь и Густавъ. По Густаву всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Густавъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ геніемъ, загнаннымъ, замученнымъ гоненіями и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и кончалось всегда такъ, что виконтесса, втайнѣ по немъ страдающая, но къ которой онъ презрительно равнодушенъ, соединяла его съ своей воспитанницей Сесиль, не имѣвшей ни копѣйки, но у которой вдругъ оказывались безчисленныя деньги. Густавъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣнчалось успѣхомъ. Въ квартиру его тотчасъ-же врываются три смѣшные милорда и предлагаютъ ему по сто тысячъ франковъ за будущую картину. Густавъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не понесетъ искусства, святаго искусства, на

профанацію имѣемъ, до сихъ поръ не замѣтившимъ какъ онъ великъ. Но врывается виконтесса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтесса, прежній врагъ его, черезъ которую ни одно изъ произведеній его до сихъ поръ не попадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется, Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея милліонъ, прощаетъ виконтессу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье, и, совокупившись законнымъ бракомъ, начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, bonnet de coton и прогуливаться съ мабонною по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй, разумѣется, напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земнаго счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не прикащикъ, а какой нибудь загнанный, забитый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются милліоны. Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ милліоны. Зачѣмъ? Ужь такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умретъ отъ любви къ нему и чтобъ онъ шелъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ милліоны и, обругавъ всѣхъ самыми скверными словами зато, что во всемъ родѣ человѣческомъ нѣтъ такого-же неизъяснимаго благородства, какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокупляется съ нею. Банкирша ѣдетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему и т. д., и т. д.

Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непремѣнно съ ленточкой Почетнаго легіона, «купленной своею кровью». Кстати, эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только что не плюетъ на васъ, онъ куражится надъ вами безстыдно, онъ пыхтитъ, задыхается отъ куражу, такъ что васъ, наконецъ, начинаетъ тошнить, у васъ разливается желчь и вы принуждены по-

сылать за докторомъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосье Бопре, по крайней мѣрѣ, болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре, разумѣется, накопилъ много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямъ, простъ, немного смѣшонъ своими буржуазными привычками и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и неизъяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мабишь ему невѣрна. Но всетаки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказывается, разумѣется, что она чиста, какъ голубь, что она только пошалила, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающій ее своимъ великодушіемъ, ей дороже всего. Сесиль, разумѣется, по прежнему безъ грона, но только въ первомъ актѣ: впослѣдствіи-же у ней оказывается милліонъ. Гюставъ гордъ и презрительно благороденъ, какъ и всегда, только куражу больше, потому что военная косточка. У него всего дороже на свѣтѣ его крестъ, купленный кровью, и «Гéрéе de mon père». Объ этомъ шпагѣ своего отца онъ говоритъ поминутно, некстати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло: онъ ругается, плюется, но всѣ ему кланяются, а зрители плачутъ и апплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется, у него ни грона, это sine qua non. Мадамъ Бопре, разумѣется, влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозрѣваетъ любви Сесили. Сесиль кряхтитъ отъ любви въ продолженіи пяти актовъ. Идетъ, наконецъ, снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ окошкомъ раздаются два выстрѣла, всѣ сбѣгаются: Гюставъ, блѣдный, съ подвязанной рукой, медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его сюртукѣ. Клеветникъ и обольститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ, наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это штуки мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя отъ отчаянія. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ: мабишь его никогда не забудетъ. Она льнетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесиль милліонъ и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться. Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непремѣнно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на милліонъ, иначе буржуа не проститъ ему; неизъяснимаго благородства будетъ мало, пожалуйста, не думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не безпокойтесь: милліонъ не минуетъ счастливую чету, онъ неизбѣженъ и подъ

конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подъ конецъ милліонъ, Сесиль, и затѣмъ начинаются неизбѣжные фонтанчики, котоновые колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ, и чувствительности выходитъ много и неизъяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями, и, главное, главное милліонъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе, и т. д., и т. д. Брибри и мабишь выходятъ изъ театра совершенно довольные, успокоенные и утѣшенные. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и, подсаживая чужую мабишь въ фіакръ, потихоньку цалуетъ у нея ручку... Все идетъ какъ слѣдуетъ.

ЗАПИСКИ

ИЗЪ

ПОДПОЛЬЯ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Подполье*).

I.

Я человѣкъ больной... Я злой человѣкъ. Непривлекательный я человѣкъ. Я думаю, что у меня болитъ печень. Впрочемъ, я ни шиша не смыслю въ моей болѣзни и не знаю навѣрно, что̀ у меня болитъ. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторовъ уважаю. Къ тому-же я еще и суевѣренъ до крайности, ну хоть настолько, чтобъ уважать медицину. (Я достаточно образованъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ). Нѣтъ-съ, я не хочу лечиться со злости. Вотъ вы этого, навѣрно, не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю. Я, разумѣется, не съумѣю вамъ объяснить, кому именно я насолю въ этомъ случаѣ моей злостью: я отлично хорошо знаю, что и докторамъ я никакъ не могу „нагадить" тѣмъ, что у нихъ не лечусь; я лучше всякаго знаю, что всѣмъ этимъ я единственно только себѣ повреждаю и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, такъ это со злости. Печенка болитъ, такъ вотъ пускай-же ее еще крѣпче болитъ!

Я ужъ давно такъ живу, —лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ.

*) И авторъ записокъ и самыя „Записки", разумѣется, вымышлены. Тѣмъ не менѣе такія лица, какъ сочинитель такихъ записокъ, не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество. Я хотѣлъ вывести передъ лицо публики, повидимому обыкновеннаго, одинъ изъ характеровъ протекшаго недавняго времени. Это—одинъ изъ представителей еще доживающаго поколѣнія. Въ этомъ отрывкѣ, озаглавленномъ „Подполье", это лицо рекомендуетъ самого себя, свой взглядъ, и какъ-бы хочетъ выяснить тѣ причины, по которымъ оно явилось и должно было явиться въ нашей средѣ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ придутъ уже настоящія „Записки" этого лица о нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни.

Ѳедоръ Достоевскій.

Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятокъ не бралъ, стало быть, долженъ-же былъ себя хоть этимъ вознаградить. (Плохая острота; но я ее не вычеркну. Я ее написалъ, думая, что выйдетъ очень остро: а теперь, какъ увидалъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить,—нарочно не вычеркну!) Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили, бывало, просители за справками,—я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось кого-нибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкій: извѣстно — просители. Но изъ фертовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ не хотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я, наконецъ, одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ, это случилось еще въ моей молодости. Но знаете-ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости? Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуту самой сильнѣйшей желчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человѣкъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какую-нибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я, пожалуй, и успокоюсь. Даже душой умилюсь, хоть ужь, навѣрно, потомъ буду самъ на себя скрежетать зубами и отъ стыда нѣсколько мѣсяцевъ страдать безсонницей. Таковъ ужь мой обычай.

Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто баловствомъ занимался и съ просителями и съ офицеромъ, а въ сущности никогда не могъ сдѣлаться злымъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ много-премного самыхъ противоположныхъ тому элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кишатъ во мнѣ, эти противоположные элементы. Я зналъ, что они всю жизнь во мнѣ кишѣли и изъ меня вонъ наружу просились, но я ихъ не пускалъ, не пускалъ, нарочно не пускалъ наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня доводили и—надоѣли мнѣ, наконецъ, какъ надоѣли! Ужь не кажется-ли вамъ, господа, что я теперь въ чемъ-то передъ вами раскаиваюсь, что я въ чемъ-то у васъ прощенья прошу?.. Я увѣренъ, что вамъ это кажется... А, впрочемъ, увѣряю васъ, мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не съумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ, ни добрымъ, ни подлецомъ, ни честнымъ, ни героемъ, ни насѣкомымъ. Теперь-же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный чело-

вѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ-нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да-съ, человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ-же съ характеромъ, дѣятель,— существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ —это вся жизнь; вѣдь это самая глубокая старость. Долѣе сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живетъ долѣе сорока лѣтъ,—отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ скажу, кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ почтеннымъ старцамъ, всѣмъ этимъ сребровласымъ и благоухающимъ старцамъ! всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить, потому что самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти лѣтъ проживу!.. Постойте! Дайте духъ перевести...

Навѣрно, вы думаете, господа, что я васъ смѣшить хочу? Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, или какъ вамъ, можетъ быть, кажется; впрочемъ, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто-жъ я таковъ именно?—то я вамъ отвѣчу: я одинъ коллежскій асессоръ. Я служилъ, чтобъ было что нибудь ѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по духовному завѣщанію, я тотчасъ-же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дряпная, скверная, на краю города. Служанка моя—деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея къ тому-же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорятъ, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петербургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выѣду изъ Петербурга! Я потому не выѣду... Эхъ! Да вѣдь это совершенно все равно выѣду я или не выѣду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну, такъ и я буду говорить о себѣ.

II.

Мнѣ теперь хочется разсказать вамъ, господа, желается или не желается вамъ это слышать, почему я даже и насѣкомымъ не съумѣлъ сдѣлаться. Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать—это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было-бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то есть въ половину, въ четверть меньше той порціи, которая достается на долю развитаго человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастіе обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города бываютъ умышленные и неумышленные). Совершенно было-бы довольно, напримѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ называемые непосредственные люди и дѣятели. Бьюсь объ закладъ, вы думаете, что я пишу все это изъ форсу, чтобъ поострить на счетъ дѣятелей, да еще изъ форсу дурнаго тона, гремлю саблей, какъ мой офицеръ. Но, господа, кто-же можетъ своими-же болѣзнями щеголяться, да еще ими форсить?

Впрочемъ, что-жь я?—Всѣ это дѣлаютъ; болѣзнями-то и щеголяется, а я, пожалуй, и больше всѣхъ. Не будемъ спорить; мое возраженіе нелѣпо. Но все-таки я крѣпко убѣжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе—болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что, какъ нарочно, въ тѣ самыя, да, въ тѣ-же самыя минуты, въ которыя я наиболѣе способенъ былъ сознавать всѣ тонкости «всего прекраснаго и высокаго», какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ случалось уже не сознавать, а дѣлать такія неприглядныя дѣянія, такія, которыя... ну да, однимъ словомъ, которыя хоть и всѣ, пожалуй, дѣлаютъ, но которыя, какъ нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознавалъ, что ихъ совсѣмъ-бы не надо дѣлать? Чѣмъ больше я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ «прекрасномъ и высокомъ», тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что, наконецъ, у меня и охота

пробила бороться съ этой порчей. Кончилось тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ (а, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ), что это, пожалуй, и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначалѣ-то, сколько я муки вытерпѣлъ въ этой борьбѣ! Я не вѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими и потомъ всю жизнь таилъ это про себя какъ секретъ. Я стыдился (даже, можетъ быть, и теперь стыжусь): до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголъ и усиленно сознавать, что вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять такъ никакъ не воротишь, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить, и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконецъ, въ какую-то позорную, проклятую сладость и, наконецъ, — въ рѣшительное, серьезное наслажденіе! Да, въ наслажденіе, въ наслажденіе! Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что мнѣ все хочется навѣрно узнать: бываютъ-ли и у другихъ такія наслажденія? Я вамъ объясню; наслажденіе было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что ужъ самъ чувствуешь, что до послѣдней стѣны дошелъ; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что ужъ нѣтъ тебѣ выхода, что ужъ никогда не сдѣлаешься другимъ человѣкомъ; что если-бъ даже и оставалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться во что-нибудь другое, то навѣрно самъ-бы не захотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ-бы, такъ и тутъ-бы ничего не сдѣлалъ, потому что, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлываться-то, можетъ быть, не во что. А главное, и конецъ концовъ, что все это происходитъ по нормальнымъ и основнымъ законамъ усиленнаго сознанія и по инерціи, прямо вытекающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ не только не передѣлаешься, да и просто ничего не подѣлаешь. Выходитъ, напримѣръ, вслѣдствіе усиленнаго сознанія: правъ, что подлецъ, какъ будто это подлецу утѣшеніе, коль онъ уже самъ ощущаетъ, что онъ дѣйствительно подлецъ. Но довольно... Эхъ, напородилъ-то, а что объяснилъ?.. Чѣмъ объясняется тутъ наслажденіе? Но я объяснюсь. Я таки доведу до конца! Я и перо затѣмъ въ руки взялъ...

Я, напримѣръ, ужасно самолюбивъ. Я мнителенъ и обидчивъ, какъ горбунъ или карликъ, но, право, бывали со мною такія минуты, что если-бъ случилось, что мнѣ-бы дали пощечину, то, можетъ быть, я былъ-бы даже и этому радъ. Говорю серьезно: навѣрно я-бы съумѣлъ отыскать и тутъ своего рода наслажденіе, разумѣется, наслажденіе отчаянія, но въ отчаяніи-то и бываютъ самыя жгучія наслажденія, особенно когда ужъ очень сильно со-

знаешь безвыходность своего положенія. А тутъ, при поцечницъ-то,—да тутъ такъ и придавитъ сознаніе о томъ, въ какую мазь тебя растерли. Главное-же, какъ ни раскидывай, а все-таки выходитъ, что всегда я первый во всемъ виноватъ выхожу и, что всего обиднѣе, безъ вины виноватъ, и, такъ сказать, по законамъ природы. Потому, во первыхъ, виноватъ, что я умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ. (Я постоянно считалъ себя умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ и иногда, повѣрите-ли, даже этого совѣстился. Но крайней мѣрѣ, я всю жизнь смотрѣлъ какъ-то въ сторону и никогда не могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза). Потому, наконецъ, виноватъ, что если-бъ и было во мнѣ великодушіе, то было-бы только мнѣ-же муки больше отъ сознанія всей его безполезности. Я вѣдь навѣрно ничего-бы не съумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушія; ни простить, потому что обидчикъ, можетъ, ударилъ меня по законамъ природы, а законовъ природы нельзя прощать: ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ, если-бъ даже я захотѣлъ быть вовсе невеликодушнымъ, а, напротивъ, пожелалъ-бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому-бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился-бы что-нибудь сдѣлать, если-бъ даже и могъ. Отчего не рѣшился-бы? Объ этомъ **мнѣ хочется сказать два слова особо.**

III.

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отмстить и вообще за себя постоять, — какъ это, напримѣръ, дѣлается? Вѣдь ихъ какъ обхватитъ, положимъ, чувство мести, такъ ужь ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется, кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ цѣли, какъ взбѣсившійся быкъ, наклонивъ внизъ рога, и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, то есть непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна— не отводъ, какъ, напримѣръ, для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ: не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который нашъ братъ обыкновенно и самъ не вѣритъ, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое... Но объ стѣнѣ послѣ). Ну-съ, такого-то вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человѣкомъ, ка-

кимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать—природа, любезно зарождая его на землѣ. Я такому человѣку до крайней желчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спорю, но, можетъ быть, нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ быть, это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ, такъ сказать, подозрѣніи, что если, напримѣръ, взять антитезъ нормальнаго человѣка, то есть человѣка успленно-сознающаго, вынедшаго, конечно, не изъ лона природы, а изъ реторты (это уже почти мистицизмъ, господа, но я подозрѣваю и это)—то этотъ ретортный человѣкъ до того иногда насуетъ передъ своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаніемъ, добросовѣстно считаетъ за мышь, а не за человѣка. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тутъ человѣкъ, а слѣдственно и проч. И, главное, онъ самъ, самъ вѣдь считаетъ себя за мышь; его объ этомъ никто не проситъ; а это важный пунктъ. Взглянемъ-же теперь на эту мышь въ дѣйствіи. Положимъ, напримѣръ, она тоже обижена (а она почти всегда бываетъ обижена) и тоже желаетъ отмстить. Злости-то въ ней, можетъ, еще и больше накопится, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, низкое желаньице воздать обидчику тѣмъ-же зломъ, можетъ, еще и гаже скребется въ ней, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité, потому что l'homme de la nature et de la vérité, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщеніе просто за просто справедливостью; а мышь, вслѣдствіе успленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходитъ, наконецъ, до самаго дѣла, до самаго акта отмщенія. Несчастная мышь, кромѣ одной первоначальной гадости, успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и сомнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшенныхъ вопросовъ, что по неволѣ кругомъ ея набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и, наконецъ, изъ плевковъ, сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣятелей, предстоящихъ торжественно кругомъ въ видѣ судей и диктаторовъ и хохочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется, ей остается махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой напускнаго презрѣнья, которому и сама она не вѣритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ, наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно подраз-

нивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ стыдиться своей фантазіи, но все-таки все припомнитъ, все переберетъ, навыдумаетъ на себя небывальщины, подъ предлогомъ, что она тоже могла случиться, и ничего не проститъ. Пожалуй, и мстить начнетъ, но какъ-нибудь урывками, мелочами, изъ-за печки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отмстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того, кому мстить, а тотъ, пожалуй, и не почешется. На смертномъ одрѣ опять таки все припомнитъ, съ накопившимися за все время процентами и... Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя заживо съ горя, въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой усиленно-созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ на вѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній—и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанью, что чуть-чуть ограниченные люди, или даже просто люди съ крѣпкими нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. Можетъ, еще и тѣ не поймутъ, прибавите вы отъ себя осклабляясь, которые никогда не получали пощечинъ ,—и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь, можетъ быть, тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно, какъ-бы вы объ этомъ ни думали. Я, можетъ быть, еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало раздалъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ, напримѣръ, хотя и ревутъ, какъ быки, во все горло, хоть это, положимъ, и приноситъ имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность — значитъ, каменная стѣна! Какая каменная стѣна? Ну, разумѣется, законы природы. выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужь какъ докажутъ тебѣ, напримѣръ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужь и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужь какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшаются

подъ конецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предразсудки, такъ ужь такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды два,—математика. Попробуйте возразить.

«Помилуйте, закричатъ вамъ, возставать нельзя: это дважды два четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній и до того, нравятся-ль вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ, какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна, значитъ, и есть стѣна... и т. д. и т. д.» Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что у меня каменная стѣна и у меня силъ не хватило.

Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды два четыре. О, нелѣпость нелѣпостей! То-ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменныя стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзитъ примиряться; дойдти путемъ самыхъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ будто чѣмъ-то самъ виноватъ, хотя опять таки до ясности очевидно, что вовсе не виноватъ, и вслѣдствіе этого, молча и безсильно скрежща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а, можетъ быть, и никогда не найдется, что тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда,— неизвѣстно что̀ и неизвѣстно кто, но, не смотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки, у васъ все-таки болитъ, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болитъ!

IV.

Ха-ха-ха! Да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе! вскрикнете вы со смѣхомъ.

— А что-жь? И въ зубной боли есть наслажденіе, отвѣчу я. У меня цѣлый мѣсяцъ болѣли зубы: я знаю, что есть. Тутъ, конечно, не молча злятся, а стонутъ; но это стоны не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то сто-

нахъ и выражается наслажденіе страдающаго; не ощущалъ-бы онъ въ нихъ наслажденія, — онъ-бы и стонать не сталъ. Это хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стонахъ выражается, во первыхъ, вся для вашего сознанія унизительная безцѣльность вашей боли: вся законность природы, на которую вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-таки страдаете, а она-то нѣтъ. Выражается сознаніе, что врага у васъ не находится, а что боль есть: сознаніе, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполнѣ въ рабствѣ у вашихъ зубовъ: что захочетъ кто-то и перестанутъ болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболятъ: и что, наконецъ, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вамъ остается для собственнаго утѣшенія только самаго себя высѣчь, или пробить побольнѣе кулакомъ вашу стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ, вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ, и начинается, наконецъ, наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія. Я васъ прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь къ стонамъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ первый день стоналъ, то есть не просто оттого, что зубы болятъ: не такъ, какъ какой нибудь грубый мужикъ, а такъ, какъ человѣкъ тронутый развитіемъ и европейской цивилизаціей стонетъ, какъ человѣкъ «отрѣшившійся отъ почвы и народныхъ началъ», какъ теперь выражаются. Стоны его становятся какіе-то скверные, какостно-злые и продолжаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ стонами: лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ: знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзеніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ-бы иначе, проще стонать, безъ рулады и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства балуется. Ну, такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и позорахъ и заключается сладострастіе. Дескать, я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите-же, чувствуйте-же и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькій человѣкъ, ненанашъ. Ну, такъ пусть-же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну, такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще скверную рулету сдѣлаю-... Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо глубоко до-

развиться и досознаться, чтобъ понять всѣ изгибы этого сладострастія. Вы смѣетесь? Очень радъ-съ. Мои шутки, господа, конечно, дурнаго тона, неровны, сбивчивы, съ самонедовѣрчивостью. Но вѣдь это оттого, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько нибудь себя уважать?

V.

Ну, развѣ можно, развѣ можно хоть сколько нибудь уважать себя человѣку, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія посягнулъ отыскать наслажденіе? Я не отъ притворнаго какого нибудь раскаянья такъ теперь говорю. Да и вообще терпѣть я не могъ говорить: «Простите, папаша, впередъ не буду», — не потому, чтобъ я неспособенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ быть, именно потому, что ужъ слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь, бывало, въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ. Это уже было всего гаже. При этомъ я опять таки душою умилялся, раскаивался, слезы проливать и, конечно, самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся. Сердце ужъ тутъ какъ-то гадило... Тутъ ужъ даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя всетаки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минуту какую-нибудь, я уже съ злобою соображаю, бывало, что все это ложь, ложь отвратительная, напускная ложь, то есть всѣ эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: затѣмъ, что скучно ужъ очень было сложа руки сидѣть, вотъ и пускался на выверты. Право такъ. Замѣчайте получше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ-нибудь да пожить.. Сколько разъ мнѣ случалось—ну, хоть, напримѣръ, обижаться, такъ, не изъ-за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь, бывало, что не изъ-за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя доведешь, что подъ конецъ, право, и въ самомъ дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужъ я сталъ подъ конецъ и въ себѣ не властенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣряю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣритея, что страдаешь, насмѣшка шевелится, а всетаки страдаю,

да еще настоящимъ, заправскимъ образомъ: ревную, изъ себя выхожу... И все отъ скуки, господа, все отъ скуки; инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія— это инерція, то есть сознательное сложа-руки-сидѣнье. Я ужь объ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограничены. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокоиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь, чтобъ начать дѣйствовать, нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужь никакихъ не оставалось. Ну, а какъ я, напримѣръ, себя успокою? Гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму? Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ-же тащитъ за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять, стало быть, законы природы. Что-же, наконецъ, въ результатѣ? Да тоже самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человѣкъ мститъ, потому что находитъ въ этомъ справедливость. Значитъ, онъ первоначальную причину нашелъ, основаніе нашелъ, а именно: справедливость. Стало быть, онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость, конечно, могла-бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія, и, стало быть, могла-бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому, что она не причина. Но что-же дѣлать, если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ). Злоба у меня опять таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь,—предметъ улетучивается, резоны испаряются, виновникъ не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ-то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ. а слѣдовательно остается опять таки тотъ-же самый выходъ, то есть стѣну побольнѣе прибить. Ну, и рукой махнешь, потому что не нашелъ первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только

не сидѣть сложа руки. Послѣ завтра, это ужь самый поздній срокъ, самого себя презирать начнешь, за то, что самого себя зазнамо надулъ. Въ результатѣ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я, можетъ, потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всѣ мы. Но что-же дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня, то есть умышленное пересыпанье изъ пустаго въ порожнее.

VI.

, если-бъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ-бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ-бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было-бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я-бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ, кто такой? Отвѣтъ: лѣнтяй; да вѣдь это пріятно было-бы слышать о себѣ. Значитъ, положительно опредѣленъ, значитъ, есть что сказать обо мнѣ. «Лѣнтяй!»—да вѣдь это званье и назначенье, это карьера-съ. Не шутите,—это такъ. Я тогда членъ самаго первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что безпрерывно себя уважаю. Я зналъ господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что зналъ толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я-бы себѣ тогда выбралъ карьеру: я былъ-бы лѣнтяй и обжора, но не простой, а, напримѣръ, сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ это нравится? Мнѣ это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ, а тогда—о, тогда было-бы иначе! Я-бы тотчасъ-же отыскалъ себѣ и соотвѣтствующую дѣятельность,—а именно: пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я-бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокалъ слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я-бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряни отыскалъ-бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался-бы слезоточивъ, какъ мокрая губка. Художникъ, напримѣръ, написалъ картину Ге. Тотчасъ-же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потому что люблю все прекрасное и вы-

сокое. Авторъ написалъ *«кого кому угодно»*: тотчасъ-же пью за здоровье «кого угодно», потому что люблю все «прекрасное и высокое». «Уваженія съ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно, —да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отростилъ-бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой-бы сандальный носъ себѣ выработалъ, что всякій встрѣчный сказалъ-бы, смотря на меня: «Вотъ такъ плюсъ! Вотъ такъ ужь настоящее положительное!» А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы пріятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII.

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ: а что, если-бъ его просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ-же пересталъ-бы дѣлать пакости, тотчасъ-же сталъ-бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ-бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать, за-знамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно, такъ сказать по необходимости сталъ-бы дѣлать добро? О, младенецъ! О, чистое, невинное дитя! Да когда-же, во первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Что-же дѣлать съ милліонами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди *за-знамо*, то есть вполнѣ понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ непринуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь, значитъ, имъ дѣйствительно это упрямство и своеволіе было пріятнѣе всякой выгоды... Выгода! Что̀ такое выгода? Да и берете-ли вы на себя совершенно точно опредѣлить, въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что, если такъ случится, что человѣческая выгода, *иной разъ*, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худаго пожелать, а не

выгоднаго? А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете бываетъ-ли такой случай? Вы смѣетесь; смѣйтесь, господа, но только отвѣчайте: совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія? Нѣтъ-ли такихъ, которыя не только не уложились, но и не могутъ уложиться ни въ какую классификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это — благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну и такъ далѣе, и такъ далѣе, такъ что человѣкъ, который-бы напримѣръ, явно и за-знамо пошелъ противъ всего этого реестра, былъ-бы по вашему, ну да и, конечно, по моему обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ-ли? Но вѣдь вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ разсчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь разсчетъ зависитъ. Бѣда-бы не велика, взять-бы ее, эту выгоду, да и занесть въ списокъ. Но въ томъ-то и напуба, что эта мудреная выгода ни въ какую классификацію не попадаетъ и ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня, напримѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа, да вѣдь и вамъ онъ пріятель: да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ-же изложитъ вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того, съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укоритъ близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели, и—ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, постороняго повода, а именно почему-то такому внутреннему, что сильнѣе всѣхъ его интересовъ, — выкинетъ совершенно другое колѣно, то есть явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ и говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну, однимъ словомъ, противъ всего... Предупрежду, что мой пріятель—лицо собирательное и потому только его одного винить — какъ-то трудно. То-то и есть, господа, не существуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или (чтобъ ужь логики не нарушать) есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ объ которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойдти, то есть противъ разсудка,

чести, покоя, благодѣтельствія,— однимъ словомъ, противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей лишь-бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну, такъ все-таки выгоды-же,—перебиваете вы меня.— Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши классификаціи разрушаетъ и всѣ системы, поставленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ, всему мѣшаетъ. Но прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству настоящихъ нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало-бы тотчасъ-же добрымъ и благороднымъ,—покамѣстъ, по моему мнѣнію, одна логистика! Да-съ, логистика. Вѣдь утверждать хоть эту теорію обновленія всего рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ, вѣдь это, по моему, почти тоже... ну, хоть утверждать, напримѣръ, вѣдь за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. Но логикѣ-то, кажется, у него и такъ выходитъ. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видомъ не видать и слухомъ не слыхать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркій примѣръ. Да оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ — и великій и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка — вѣковѣчный союзъ. Вотъ вамъ, наконецъ, карикатурный Шлезвигъ-Гольштейнъ... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще, пожалуй, дойдетъ до того, что отыщетъ въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случалось съ нимъ. Замѣчали-ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза, какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По крайней мѣрѣ, отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не

болѣе кровожаденъ, то ужь навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ спокойною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь-же мы и хоть считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше чѣмъ прежде. Что̀ хуже?—Сами рѣшите. Говорятъ, Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *приучился* поступать такъ, какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непремѣнно пріучится, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполнѣ перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и, такъ сказать, по неволѣ не захочетъ рознѝть свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка (хоть это ужь и роскошь, по моему) что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того—на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что̀ онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно, эти законы природы стоитъ только открыть, и ужь за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или еще лучше того, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

Тогда-то,—это все вы говорите,—настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужь готовыя и тоже вычисленныя съ математическою точностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Ну, одинъ словомъ, тогда прилетитъ птица Гаганъ. Конечно, ни-

какъ нельзя гарантировать (это ужь я теперь говорю), что тогда не будетъ, напримѣръ, ужасно скучно (потому что что-жь и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ), зато все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это-бы все ничего. Скверно то (это опять таки я говорю), что, чего добраго, пожалуй, и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужь зато неблагодаренъ такъ, что поискать другаго, такъ не найдти. Вѣдь я, напримѣръ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это-бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непремѣнно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой-бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто-бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода: хотѣть-же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужь моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя-бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумасшествія,—вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку надо непремѣнно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо—одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего-бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему-бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ...

VIII.

Ха-ха-ха. Да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите, и нѣтъ! прерываете вы съ хохотомъ.— Наука даже о сю пору до того успѣла разанатомировать человѣка, что ужь и теперь намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ называемая свободная воля есть ничто иное, какъ»...

— Постойте, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я, признаюсь, даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отчего зависитъ и что это, пожалуй, и слава Богу, да вспомнилъ про науку-то и... осѣкся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну, если и вправду найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, то есть отъ чего они зависятъ, по какимъ именно законамъ происходятъ, какъ именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч., то есть настоящую математическую формулу,—такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ-же, пожалуй, и перестанетъ хотѣть, да еще, пожалуй, и навѣрное перестанетъ. Ну, что за охота хотѣть по таблицѣ? Мало того: тотчасъ-же обратится онъ изъ человѣка въ органный штифтикъ, или въ родъ того: потому, что-же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній, какъ не штифтикъ въ органномъ валѣ? Какъ вы думаете? Сосчитаемъ вѣроятности,—можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм... рѣшаете вы, наши хотѣнья бо́льшею частію бываютъ ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какой-нибудь заранѣе предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что̀ очень возможно, потому что гнусно-же и безсмысленно заранѣе вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ)—то тогда, разумѣется, не будетъ такъ называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье станется когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужь мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть, собственно потому, что вѣдь нельзя-же, напримѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть* безсмыслицы, и, такимъ образомъ, за-знамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго... А такъ какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть дѣйствительно вычислены, потому что когда нибудь откроютъ-же законы такъ называемой нашей свободной воли, то, стало быть,

и, кромѣ шутокъ, можетъ устроиться что нибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и, дѣйствительно, хотѣть будемъ по этой таблицѣ. Вѣдь если мнѣ, напримѣръ, когда нибудь разчислятъ и докажутъ, что если я показалъ такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непремѣнно такимъ-то пальцемъ должен былъ его показать, такъ что-же тогда во мнѣ *свободнаго-то* остается, особенно если я ученый и гдѣ нибудь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ разсчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ вѣдь намъ ужь нечего будетъ дѣлать; все равно надо будетъ понять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непремѣнно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ, природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ, какъ она есть, а не такъ, какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ таблицѣ и къ календарю, ну, и... хоть-бы даже и къ ретортѣ, то что-же дѣлать, надо принять и реторту! Не то она сама, безъ васъ примется...

Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и занятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался: тутъ сорокъ лѣтъ подполья! Позвольте пофантазировать. Видите-ли-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, то есть всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи, выходитъ зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, то есть какой нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разсудокъ? Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ; это хоть и не утѣшеніе, но отчего-же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ, да живетъ. Я подозрѣваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ, такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, за-знамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣй-

шаго, а именно: чтобы *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь этотъ свой капризъ и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего, что̀ есть на землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приноситъ намъ явный вредъ и противорѣчитъ самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ, — потому что во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность. Иные вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье, конечно, можетъ, если хочетъ, и сходиться съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже большею частію совершенно и упрямо разногласитъ съ разсудкомъ и... и... и знаете-ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ, что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хоть-бы по тому одному, что если ужь онъ будетъ глупъ, такъ вѣдь кто-же тогда будетъ уменъ?). Но если и не глупъ, то все-таки — чудовищно неблагодаренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее опредѣленіе человѣка, это: существо на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его — это постоянное неблагонравіе, постоянное, начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-Гольштейнскаго періода судебъ человѣческихъ. Неблагонравіе, а слѣдственно и неблагоразуміе: ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе не иначе происходитъ какъ отъ неблагонравія. Попробуйте-же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества: ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй, хоть и величественно; ужь одинъ колоссъ Родосскій, напримѣръ, чего стоитъ! Не даромъ-же г. Анаевскій свидѣтельствуетъ о немъ, что одни говорятъ, будто онъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ; другіе-же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою.—Пестро? Пожалуй, хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ, — ужь одно это чего стоитъ, а съ вицъ-мундирами и совсѣмъ можно ногу сломать; ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну, пожалуй, и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся и прежде дрались, и послѣ дрались,—согласитесь, что это даже ужь слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ, все можно сказать о всемірной исторіи, все что̀ только самому развитому воображенію въ

голову можетъ придти. Одного только нельзя сказать, -что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно вѣдь являются въ жизни такіе благонравные и благоразумные люди, такіе мудрецы и любители рода человѣческаго, которые именно задаютъ себѣ цѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благонравнѣе и благоразумнѣе, такъ сказать, свѣтить собой близкимъ, собственно для того, чтобъ доказать имъ, что дѣйствительно можно на свѣтѣ прожить и благонравно и благоразумно. И что-жь? Извѣстно, многіе изъ этихъ любителей, рано-ли, поздно-ли, подъ конецъ жизни измѣнялн себѣ, произведя какой нибудь анекдотъ, иногда даже изъ самыхъ неприличнѣйшихъ. Теперь васъ спрошу: чего-же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими страшными качествами? Да осыпьте его всѣми земными благами, утопите въ счастьѣ совсѣмъ съ головой, такъ, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужь ничего больше не оставалось дѣлать, кромѣ какъ спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращеніи всемірной исторіи,— такъ онъ вамъ и тутъ, человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пасквиля мерзость сдѣлаетъ. Рискнетъ даже пряниками и нарочно пожелаетъ самаго пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумію примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою поплѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужь очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепіанныя клавиши, на которыхъ хоть и играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доиграться, что ужь мимо календаря и захотѣть ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно-бы оказался фортепіанной клавишей, если-бъ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ не образумится, а нарочно, напротивъ, что нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности: собственно, чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ, если средствъ у него не окажется, —выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоитъ таки на своемъ! Проклятіе пуститъ по свѣту, а такъ какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужь его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ), такъ вѣдь онъ, пожалуй, однимъ проклятіемъ достигнетъ своего, то есть дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепіанная клавиша!

Если вы скажете, что и это все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго разсчета все остановитъ и разсудокъ возьметъ свое,— такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое, кажется, и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ! Хоть своими боками, да доказывалъ; хоть троглодитствомъ, да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить, не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависитъ.

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопочутъ какъ нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ ариѳметикой.

— Эхъ, господа, какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходитъ до таблички и до ариѳметики, когда будетъ одно только дважды два четыре въ ходу? Дважды два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая-ли своя воля бываетъ!

IX.

Господа, я, конечно, шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя-же все принимать за шутку. Я, можетъ быть, скрипя зубами шучу. Господа, меня мучатъ вопросы: разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить, сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человѣка не только можно, но и *нужно* такъ передѣлывать? Изъ чего вы заключаете, что хотѣнью человѣческому такъ необходимо *надо* исправиться? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что такое исправленіе дѣйствительно принесетъ человѣку выгоду? И, если ужъ все говорить, почему вы такъ *навѣрно* убѣждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и ариѳметикой, - дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества? Вѣдь это покамѣстъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но, можетъ быть, вовсе не человѣчества. Вы, можетъ быть, ду-

маете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человѣкъ есть животное по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, то есть вѣчно и безпрерывно дорогу себѣ прокладывать, хотя *куда-бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *присужденъ* пробивать эту дорогу, да еще, пожалуй, потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда-бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ, куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любитъ созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего-же онъ до страсти любитъ тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому-ли, можетъ быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любитъ, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе? Почемъ вы знаете, можетъ быть, онъ зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ быть, онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ aux animaux domestiques, какъ-то: муравьямъ, баранамъ и проч. и проч. Вотъ муравьи совершенно другаго вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ-же родѣ, навѣки нерушимое,—муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что̀ приноситъ большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ существо легкомысленное и неблаговидное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любитъ только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой безпрерывности процесса достиженія, иначе сказать—въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное что, какъ дважды два четыре, то есть формула, а вѣдь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. Но крайней мѣрѣ, человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ, человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды два четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отысканіи, но отыскать, дѣйствительно найти,—ей Богу какъ-то

боится. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужь нечего будетъ тогда отыскивать. Работники, кончивъ работу, по крайней мѣрѣ, деньги получатъ, въ кабачекъ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ,—ну, вотъ и занятія на недѣлю. А человѣкъ куда пойдетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужь и не совсѣмъ, и это, конечно, ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человѣкъ устроенъ комически; во всемъ этомъ, очевидно, заключается каламбуръ. Но дважды два четыре—все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре, вѣдь это, по моему мнѣнію, только нахальство-съ. Дважды два четыре смотритъ фертомъ, стоитъ поперегъ вашей дороги руки въ бокъ и плюется. Я согласенъ, что дважды два четыре превосходная вещь; но если ужь все хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещица.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, — однимъ словомъ, — только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается-ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, человѣкъ любитъ не одно благоденствіе? Можетъ быть, онъ ровно настолько-же любитъ страданіе? Можетъ быть, страданіе-то ему ровно настолько-же и выгодно, какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужь и со всемірной исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человѣкъ и хоть сколько-нибудь жили. Что-же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе даже какъ-то и неприлично. Хорошо-ли, дурно-ли,—но разломать иногда что нибудь тоже очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризъ и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданіе, напримѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно и немыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, то есть отъ разрушенія и хаоса никогда не откажется. Страданіе, — да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хоть и доложилъ вначалѣ, что сознаніе, по моему, есть величайшее для человѣка несчастіе, но я знаю, что человѣкъ его любитъ и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія. Сознаніе, напримѣръ, безконечно выше чѣмъ дважды два. Послѣ дважды двухъ ужь, разумѣется, ничего не остается не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи хоть и

тотъ-же результатъ выходитъ, то есть тоже будетъ нечего дѣлать, но, по крайней мѣрѣ, самого себя иногда можно посѣчь, а это все-таки подживляетъ. Хоть и ретроградно, а все-же лучше, чѣмъ ничего.

X.

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, на вѣки нерушимое, то есть въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманъ показать. Ну, а я, можетъ быть, потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и на вѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите-ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я, можетъ быть, и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворецъ, изъ благодарности, что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю я, если-бъ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.

Но что-же дѣлать, если я забралъ себѣ въ голову, что живутъ и не для одного этого, и что если ужь жить, такъ ужь жить въ хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желанія мои. Вы его выкобелите изъ меня только тогда, когда перемѣните желаніе мое. Ну, перемѣните, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеалъ. А покамѣстъ я ужь не приму курятника за дворецъ. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что я выдумалъ его только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ нерациональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все-ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ, пока существуютъ мои желанія? Можетъ быть, вы опять смѣетесь? Извольте смѣяться; я всѣ насмѣшки приму и все-таки не скажу, что я сытъ, когда я ѣсть хочу, все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на безпрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ — капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякій случай, съ зубнымъ врачемъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй,

скажете, что не стоитъ и связываться: но въ такомъ случаѣ вѣдь и я вамъ могу тѣмъ-же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно: а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ вѣдь кланяться не буду. У меня есть подполье.

А покамѣстъ я еще живу и желаю,—да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что ужь такъ люблю мой языкъ выставлять. Я, можетъ быть, на то только и сердился, что такого зданія, которому-бы можно было и не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ, я-бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ изъ одной благодарности, если-бъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высовывать. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачѣмъ-же я устроенъ съ такими желаніями? Неужели-жь я для того только и устроенъ, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А, впрочемъ, знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хоть и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужь коль выйдетъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужь говоритъ, говоритъ, говоритъ...

XI.

Конецъ концовъ, господа: лучше ничего не дѣлать! Лучше сознательная инерція! Итакъ, да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи: но на такихъ условіяхъ, въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе!). Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно... Эхъ! Да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потому что самъ знаю, какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!

Даже вотъ что тутъ было-бы лучше: это—если-бъ я вѣрилъ самъ хоть чему нибудь изъ всего того, что теперь написалъ. Клянусь-же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному такъ словечку не вѣрю изъ того, что теперь настрочилъ! То есть и я вѣрю, но-

жалуй, но въ тоже самое время, неизвѣстно почему, чувствую и подозрѣваю, что я вру какъ сапожникъ.

— Такъ для чего-же писали все это?—говорите вы мнѣ.

— А вотъ посадилъ-бы я васъ лѣтъ на сорокъ безо всякаго занятія, да и пришелъ-бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ подполье, навѣдаться, до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

— И это не стыдно, и это не унизительно! можетъ быть, скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки, и въ тоже время какъ вы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами безпрерывно боитесь за нихъ и просите извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь, и въ тоже время въ нашемъ мнѣніи заискиваете. Вы увѣряете, что скрежещете зубами, и въ тоже время острите, чтобъ насъ размѣшить. Вы знаете, что остроты ваши неостроумны, но вы, очевидно, очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ, можетъ быть, дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрія: вы изъ самаго мелкаго тщеславія несете вашу правду на показъ, на позоръ, на рынокъ... Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потому что у васъ нѣтъ рѣшимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознаніемъ, но вы только колеблетесь, потому что хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помрачено, а безъ чистаго сердца — полнаго, правильнаго сознанія не будетъ. И сколько въ васъ назойливости, какъ вы напрашиваетесь, какъ вы кривляетесь! Ложь, ложь и ложь!»

Разумѣется, всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло...

Но неужели, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечатаю, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ «господами», для чего обращаюсь къ вамъ, какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ, я на столько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите-ли: мнѣ въ голову пришла

одна фантазія и я во что-бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло:

Есть въ воспоминаніяхъ всякаго человѣка такія вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія вещи, которыя онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому, да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія, которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится, и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка довольно таки накопится. То есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. Но крайней мѣрѣ, я самъ только недавно рѣшился припомнить иныя мои прежнія приключенія, а до сихъ поръ всегда обходилъ ихъ, даже съ какимъ-то безпокойствомъ. Теперь-же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно-ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не побояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны, и человѣкъ самъ объ себѣ навѣрно налжетъ. Но его мнѣнію, Руссо, напримѣръ, непремѣнно налгалъ на себя въ своей исповѣди, и даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю, какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія и даже очень хорошо постигаю, какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судилъ о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я-же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я и пишу, какъ-бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потому что такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей-же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну вотъ, напримѣръ, могли-бы придраться къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не разсчитываете на читателей, то для чего-же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, то есть, что порядка и системы заводить не будете, что запишете то, что припомнится, и т. д., и т. д.? Къ чему вы объясняетесь? Къ чему извиняетесь?

А вотъ поди-же, отвѣчаю я.

Тутъ, впрочемъ, цѣлая психологія. Можетъ быть, и то, что я просто трусъ. А можетъ быть, и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику, чтобъ вести себя приличнѣе, въ то время когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча. -

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно-бы и такъ, мысленно все припомнить, не переводя на бумагу?

Такъ-съ: но на бумагѣ оно выйдетъ какъ-то торжественнѣе. Въ этомъ есть что-то внушающее, суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ быть, я отъ записыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, напримѣръ, меня особенно давитъ одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на дняхъ, и съ тѣхъ поръ осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но, по временамъ, изъ сотни выдается одно какое-нибудь и давитъ. Я почему-то вѣрю, что если я его запишу, то оно и отвяжется. Отчего-жь не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничего не дѣлаю. Записываніе-же дѣйствительно какъ будто работа. Говорятъ, отъ работы человѣкъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну, вотъ шансъ, по крайней мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шелъ тоже, на дняхъ тоже шелъ. Мнѣ кажется, я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперь отъ меня отвязаться. Итакъ, пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

II.

По поводу мокраго снѣга.

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена...
И т. д., и. т. д., и. т. д.

Изъ поэзіи Н. А. Некрасова.

I.

ъ то время мнѣ было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была уже и тогда угрюмая, безпорядочная и до одичалости одинокая. Я ни съ кѣмъ не водился и даже избѣгалъ говорить и все болѣе и болѣе забивался въ свой уголъ. Въ должности, въ канцеляріи, я даже старался не глядѣть ни на кого, и я очень хорошо замѣчалъ, что сослуживцы мои не только считали меня чудакомъ, но—все казалось мнѣ и это—будто-бы смотрѣли на меня съ какимъ-то омерзеніемъ. Мнѣ приходило въ голову: отчего это никому кромѣ меня не кажется, что смотрятъ на него съ омерзеніемъ? У одного изъ нашихъ канцелярскихъ было отвратительное и преябое лицо, и даже какъ будто разбойничье. Я-бы, кажется, и взгля-

нуть ни на кого не посмѣлъ съ такимъ неприличнымъ лицомъ. У другаго вицмундиръ былъ до того запыленный, что близъ него уже дурно пахло. А между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ господъ не конфузился,—ни по поводу платья, ни по поводу лица, ни какъ-нибудь тамъ нравственно. Ни тотъ, ни другой не воображали, что смотрятъ на нихъ съ омерзѣніемъ: да если-бъ и воображали, такъ имъ было-бы все равно, только-бы не начальство взирать изволило. Теперь мнѣ совершенно ясно, что я самъ, вслѣдствіе неограниченнаго моего тщеславія, а, стало быть, и требовательности къ самому себѣ, глядѣлъ на себя весьма часто съ бѣшенымъ недовольствомъ, доходившимъ до омерзенія, а оттого мысленно и приписывалъ мой взглядъ каждому.—Я, напримѣръ, ненавидѣлъ свое лицо, находилъ, что оно гнусно, и даже подозрѣвалъ, что въ немъ есть какое-то подлое выраженіе, и потому каждый разъ, являясь въ должность, мучительно старался держать себя какъ можно независимѣе, чтобъ не заподозрили меня въ подлости, а лицомъ выражать какъ можно болѣе благородства. «Пусть ужь будетъ и некрасивое лицо, думалъ я, но зато пусть будетъ оно благородное, выразительное и, главное, *чрезвычайно* умное». Но я навѣрно и страдальчески зналъ, что всѣхъ этихъ совершенствъ мнѣ никогда моимъ лицомъ не выразить. Но что всего ужаснѣе, я находилъ его положительно глупымъ. А я-бы вполнѣ помирился на умѣ. Даже такъ, что согласился-бы даже и на подлое выраженіе, съ тѣмъ только, чтобъ лицо мое находили въ тоже время ужасно умнымъ.

Всѣхъ нашихъ канцелярскихъ я, разумѣется, ненавидѣлъ съ перваго до послѣдняго, и всѣхъ презиралъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто ихъ и боялся. Случалось, что я вдругъ даже ставилъ ихъ выше себя. У меня какъ-то это вдругъ тогда дѣлалось: то презираю, то ставлю выше себя. Развитой и порядочный человѣкъ не можетъ быть тщеславенъ безъ неограниченной требовательности къ себѣ самому и не презирая себя въ иныя минуты до ненависти. Но презирая-ли, ставя-ли выше, я чуть не передъ каждымъ встрѣчнымъ опускалъ глаза. Я даже опыты дѣлалъ: стерпитъ-ли я взглядъ вотъ хоть такого-то на себѣ и всегда опускалъ я первый. Это меня мучило до бѣшенства. До болѣзни тоже боялся я быть смѣшнымъ и потому рабски обожалъ рутину во всемъ, что касалось наружнаго: съ любовію вдавался въ общую колею и всей душою пугался въ себѣ всякой эксцентричности. Но гдѣ мнѣ было выдержать? Я былъ болѣзненно развитъ, какъ и слѣдуетъ быть развитымъ человѣку нашего времени. Они-же всѣ были тупы и одинъ на другаго похожи какъ бараны въ стадѣ. Можетъ быть, только мнѣ одному во всей канцеляріи постоянно казалось, что я былъ

трусъ и рабъ, именно потому и казалось, что я былъ развитъ. Но оно не только казалось, а дѣйствительно такъ было въ самомъ дѣлѣ: я былъ трусъ и рабъ. Говорю это безъ всякаго конфуза. Всякій порядочный человѣкъ нашего времени есть и долженъ быть трусъ и рабъ. Это—нормальное его состояніе. Въ этомъ я убѣжденъ глубоко. Онъ такъ сдѣланъ и на то устроенъ. И не въ настоящее время, отъ какихъ-нибудь тамъ случайныхъ обстоятельствъ, а вообще во всѣ времена, порядочный человѣкъ долженъ быть трусъ и рабъ. Это законъ природы всѣхъ порядочныхъ людей на землѣ. Если и случится кому изъ нихъ похрабриться надъ чѣмъ нибудь, то пусть этимъ не утѣшается и не увлекается: все равно передъ другимъ сбрендитъ. Таковъ единственный и вѣковѣчный выходъ. Храбрятся только ослы и ихъ уболюдки, но вѣдь и тѣ до извѣстной стѣны. На нихъ и вниманія обращать не стоитъ, потому что они ровно ничего не означаютъ.

Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно, что на меня никто не похожъ и я ни на кого не похожъ. «Я-то одинъ, а они-то *всѣ*», думалъ я, и—задумывался.

Изъ этого видно, что я былъ еще совсѣмъ мальчишка.

Случались и противоположности. Вѣдь ужъ какъ иногда гадко становилось ходить въ канцелярію: доходило до того, что я много разъ со службы возвращался больной. Но вдругъ, ни съ того, ни съ сего наступаетъ полоса скептицизма и равнодушія (у меня все было полосами) и вотъ я-же самъ смѣюсь надъ моею нетерпимостью и брезгливостью, самъ себя въ *романтизмѣ* упрекаю. То и говорить ни съ кѣмъ не хочу, а то до того дойду, что не только разговорюсь, но еще вздумаю съ ними сойтись по пріятельски. Вся брезгливость вдругъ разомъ, ни съ того, ни съ сего, исчезала. Кто знаетъ, можетъ быть, ее у меня никогда и не было, а была она напускная, изъ книжекъ? Я до сихъ поръ этого вопроса еще не разрѣшилъ. Разъ даже совсѣмъ подружился съ ними, сталъ ихъ дома посѣщать, въ преферансъ играть, водку пить, о производствѣ толковать... Но здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать одно отступленіе.

У насъ, русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ надзвѣздныхъ нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ нимъ трещи, хоть погибай вся Франція на баррикадахъ,—они все тѣ-же, даже для приличія не измѣняются и все будутъ нѣть свои надзвѣздныя нѣсни, такъ сказать, по гробъ своей жизни, потому что они дураки. У насъ-же, въ русской землѣ, нѣтъ дураковъ: это извѣстно: тѣмъ-то мы и отличаемся отъ прочихъ нѣмецкихъ земель. Слѣдственно и надзвѣздныхъ натуръ не водится у насъ въ чистомъ

ихъ состояніи. Это все наши «положительные» тогдашніе публицисты и критики, охотясь тогда за Костанжогами, да за дядюшками Петрами Ивановичами и сдуру принявъ ихъ за нашъ идеалъ, навыдумали на нашихъ романтиковъ, сочтя ихъ за такихъ-же надзвѣздныхъ, какъ въ Германіи или во Франціи. Напротивъ, свойства нашего романтика совершенно и прямо противоположны надзвѣздно-европейскому, и ни одна европейская мѣрочка сюда не подходитъ. (Ужь позвольте мнѣ употреблять это слово: «романтикъ» — словечко старинное, почтенное, заслуженное и всѣмъ знакомое). Свойства нашего романтика, это — все понимать, *все видѣть и видѣть часто несравненно яснѣе, чѣмъ видятъ самые положительнѣйшіе наши умы:* ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не примиряться, но въ тоже время ничѣмъ и не брезгать: все обойдти, всему уступить политично; постоянно не терять изъ виду полезную, практическую цѣль (какія-нибудь тамъ казенныя квартирки, пенсіончики, звѣздочки)—усматривать эту цѣль черезъ всѣ энтузіазмы и томики лирическихъ стишковъ, и въ тоже время «и прекрасное и высокое» по гробъ своей жизни въ себѣ сохранить нерушимо, да и себя уже кстати виолнѣ сохранить, такъ-таки въ хлопочкахъ, какъ ювелирскую вещицу какую-нибудь, хотя-бы, напримѣръ, для пользы того-же «прекраснаго и высокаго». Широкій человѣкъ нашъ романтикъ и первѣйшій плутъ изъ всѣхъ нашихъ плутовъ, увѣряю васъ въ томъ... даже по опыту. Разумѣется, все это если романтикъ уменъ. То есть, что-жь это я! Романтикъ и всегда уменъ, я хотѣлъ только замѣтить, что хоть и бывали у насъ дураки-романтики, но это не въ счетъ и единственно потому, что они еще въ цвѣтѣ силъ окончательно въ нѣмцевъ перерождались и, чтобъ удобнѣе сохранить свою ювелирскую вещицу, поселялись тамъ гдѣ-нибудь, больше въ Веймарѣ или въ Шварцвальдѣ.—Я, напримѣръ, искренно презиралъ свою служебную дѣятельность и не плевался только по необходимости, потому что самъ тамъ сидѣлъ и деньги за то получалъ. Въ результатѣ-же, — замѣтьте, все-таки не плевался. Нашъ романтикъ скорѣй сойдетъ съума (что̀, впрочемъ, очень рѣдко бываетъ), а плеваться не станетъ, если другой карьеры у него въ виду не имѣется, и въ толчки его никогда не выгонятъ, а развѣ свезутъ въ сумасшедшій домъ въ видѣ «испанскаго короля», да и то если ужь онъ очень съ ума сойдетъ. Но вѣдь сходятъ у насъ съ ума только жиденькіе и бѣлокуренькіе. Неисчетное-же число романтиковъ — значительные чины впослѣдствіи происходятъ. Многосторонность необыкновенная! И какая способность къ самымъ противорѣчивѣйшимъ ощущеніямъ! Я и тогда былъ этимъ утѣшенъ, да и теперь тѣхъ-же мыслей.

Оттого-то у насъ такъ и много «широкихъ натуръ», которыя даже при самомъ послѣднемъ паденіи никогда не теряютъ своего идеала: и хоть и пальцемъ не пошевелятъ для идеала-то, хоть разбойники и воры отъявленные, а все-таки до слезъ свой первоначальный идеалъ уважаютъ и необыкновенно въ душѣ честны. Да-съ, только между нами самый отъявленный подлецъ можетъ быть совершенно и даже возвышенно честенъ въ душѣ, въ тоже время нисколько не переставая быть подлецомъ. Повторяю, вѣдь сплошь да рядомъ изъ нашихъ романтиковъ выходятъ иногда такія дѣловыя шельмы (слово «шельмы» я употребляю любя), такое чутье дѣйствительности и знаніе положительнаго вдругъ оказываютъ, что изумленное начальство и публика только языкомъ на нихъ въ остолбенѣніи пощелкиваютъ.

Многосторонность по истинѣ изумительная и, Богъ знаетъ, во что̀ обратится она, и выработается при послѣдующихъ обстоятельствахъ, и что̀ сулитъ намъ въ нашемъ дальнѣйшемъ? А не дуренъ матеріалъ-съ! Не изъ патріотизма какого-нибудь, смѣшнаго или кваснаго, я такъ говорю. Впрочемъ, я увѣренъ, вы опять думаете, что я смѣюсь. А кто знаетъ, можетъ быть, и обратно, то есть увѣрены, что я и въ самомъ дѣлѣ такъ думаю. Во всякомъ случаѣ, господа, оба мнѣнія ваши я буду считать себѣ за честь и за особенное удовольствіе. А отступленіе мое мнѣ простите.

Съ товарищами моими я, разумѣется, дружества не выдерживалъ и очень скоро расплевывался, и, вслѣдствіе еще юной тогдашней неопытности, даже и кланяться имъ переставалъ, точно отрѣзывалъ. Это, впрочемъ, со мной всего одинъ только разъ и случилось. Вообще-же я всегда былъ одинъ.

Дома я, во первыхъ, всего больше читалъ. Хотѣлось заглушить внѣшними ощущеніями все безпрерывно внутри меня кипѣвшее. А изъ внѣшнихъ ощущеній было для меня въ возможности только одно чтеніе. Чтеніе, конечно, много помогало, — волновало, услаждало и мучило. Но по временамъ наскучало ужасно. Все-таки хотѣлось двигаться, и я вдругъ погружался въ темный, подземный, гадкій — не развратъ, а развратишко. Страстишки во мнѣ были острыя, жгучія отъ всегдашней, болѣзненной моей раздражительности. Порывы бывали истерическіе, со слезами и конвульсіями. Кромѣ чтенія идти было некуда,—то есть не было ничего, что̀-бы могъ я тогда уважать въ моемъ окружающемъ и къ чему-бы потянуло меня. Накипала сверхъ того тоска: являлась истерическая жажда противорѣчій, контрастовъ и вотъ я и пускался развратничать. Я вѣдь вовсе не для оправданія моего сейчасъ столько наговорилъ... А, впрочемъ, нѣтъ! Совралъ! Я именно себя оправдать

хотѣлъ. Это я для себя, господа, замѣточку дѣлаю. Не хочу лгать. Слово далъ.

Развратничалъ я уединенно, по ночамъ, потаенно, боязливо, грязно, со стыдомъ, не оставлявшимъ меня въ самыя омерзительныя минуты и даже доходившимъ въ такія минуты до проклятія. Я ужь и тогда носилъ въ душѣ моей подполье. Боялся я ужасно, чтобъ меня какъ нибудь не увидали, не встрѣтили, не узнали. Ходилъ-же я по разнымъ весьма темнымъ мѣстамъ.

Разъ, проходя ночью мимо одного трактирчика, я увидѣлъ въ освѣщенное окно какъ господа кіями подрались у бильярда и какъ одного изъ нихъ въ окно спустили. Въ другое время мнѣ-бы очень мерзко стало; но тогда такая вдругъ минута нашла, что я этому спущенному господину позавидовалъ, и до того позавидовалъ, что даже въ трактиръ вошелъ, въ бильярдную: авось, дескать, и я подерусь и меня тоже изъ окна спустятъ».

Я не былъ пьянъ, но что прикажете дѣлать,—до такой вѣдь истерики можетъ тоска заѣсть! Но ничѣмъ обошлось. Оказалось, что я и въ окно-то прыгнуть не способенъ и я ушелъ не подравшись.

Осадилъ меня тамъ съ перваго-же шагу одинъ офицеръ.

Я стоялъ у бильярда и по невѣдѣнію заслонялъ дорогу, а тому надо было пройдти; онъ взялъ меня за плечи и молча, — не предувѣдомивъ и не объяснившись,—переставилъ меня съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, на другое, а самъ прошелъ какъ будто и не замѣтивъ. Я-бы даже побои простилъ, но никакъ не могъ простить того, что онъ меня переставилъ и такъ окончательно не замѣтилъ.

Чортъ знаетъ, что́-бы далъ я тогда за настоящую, болѣе правильную ссору, болѣе приличную, болѣе, такъ сказать, *литературную!* Со мной поступили какъ съ мухой. Былъ этотъ офицеръ вершковъ десяти росту; я-же человѣкъ низенькій и истощенный. Ссора, впрочемъ, была въ моихъ рукахъ: стоило попротестовать, и, конечно, меня-бы спустили въ окно. Но я раздумалъ и предпочелъ... озлобленно стушеваться.

Вышелъ я изъ трактира смущенный и взволнованный, прямо домой, а на другой день продолжалъ мой развратикъ еще рьяче, забитѣе и грустнѣе чѣмъ прежде, какъ будто со слезой на глазахъ,—а все таки продолжалъ. Не думайте, впрочемъ, что я струсилъ офицера отъ трусости: я никогда не былъ трусомъ въ душѣ, хотя безпрерывно трусилъ на дѣлѣ, но — подождите смѣяться, на это есть объясненіе: у меня на все есть объясненіе, будьте увѣрены.

О, если-бъ этотъ офицеръ былъ изъ тѣхъ, которые согласна-

лись выходить на дуэль! Но нѣтъ, — это былъ именно изъ тѣхъ господъ (увы! давно исчезнувшихъ), которые предпочитали дѣйствовать кіями или, какъ поручикъ Пироговъ, у Гоголя — по начальству. На дуэль-же не выходили, а съ нашимъ братомъ, съ штафиркой, считали-бы дуэль со всякомъ случаѣ неприличною,—да и вообще считали дуэль чѣмъ-то немыслимымъ, вольнодумнымъ, французскимъ, а сами обижали довольно, особенно въ случаѣ десяти вершковъ росту.

Струсилъ я тутъ не изъ трусости, а изъ безграничнѣйшаго тщеславія. Я испугался не десяти вершковъ росту и не того, что меня больно прибьютъ и въ окно спустятъ; физической храбрости право хватило-бы; но нравственной храбрости не достало. Я испугался того, что меня всѣ присутствующіе, начиная съ нахала маркера, до послѣдняго протухлаго и угреватаго чиновничишки, тутъже увивавшагося, съ воротникомъ изъ сала,—не поймутъ и осмѣютъ, когда я буду протестовать и заговорю съ ними языкомъ литературнымъ. Потому что о пунктѣ чести, — то есть не о чести, а о пунктѣ чести (point d'honneur) у насъ до сихъ поръ иначе вѣдь и разговаривать нельзя, какъ языкомъ литературнымъ. На обыкновенномъ языкѣ о «пунктѣ чести» не упоминается. Я вполнѣ былъ увѣренъ (чутье-то дѣйствительности не смотря на весь романтизмъ!), что всѣ они просто лопнутъ со смѣха, а офицеръ не просто, то есть не безобидно прибьетъ меня, а непремѣнно колѣномъ меня начнетъ, обведя такимъ манеромъ вокругъ бильярда и потомъ ужъ развѣ смилуется и въ окно спуститъ. Разумѣется, эта низменная исторія только этимъ однимъ со мной не могла окончиться. Я часто потомъ встрѣчалъ этого офицера на улицѣ и хорошо его запримѣтилъ. Не знаю только узнавалъ-ли онъ меня. Должно быть нѣтъ; заключаю по нѣкоторымъ признакамъ. Но я-то, я, — смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью и такъ продолжалось... нѣсколько лѣтъ-съ! Злоба моя даже укрѣплялась и разросталась съ годами. Сначала я, потихоньку, началъ разузнавать объ этомъ офицерѣ. Трудно мнѣ это было, потому что я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Но однажды кто-то окликнулъ его по фамиліи на улицѣ, когда я издали шелъ за нимъ, точно привязанный къ нему, и вотъ я фамилію узналъ. Другой разъ я прослѣдилъ его до самой его квартиры и за гривенникъ узналъ у дворника, гдѣ онъ живетъ, въ какомъ этажѣ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь и т. д. — однимъ словомъ, все, что можно узнать отъ дворника. Разъ поутру, хотя я и никогда не литературствовалъ, мнѣ вдругъ пришла мысль описать этого офицера въ «обличительномъ видѣ», въ карикатурѣ, въ видѣ повѣсти. Я съ наслажденіемъ писалъ эту повѣсть. Я

обличилъ, даже поклеветалъ: фамилію я такъ подѣлалъ сначала, что можно было тотчасъ узнать, но потомъ, по зрѣломъ разсужденіи, измѣнилъ, и отослалъ въ «Отечественныя Записки». Но тогда еще не было обличеній и мою повѣсть не напечатали. Мнѣ это было очень досадно.—Иногда злоба меня просто душила. Наконецъ, я рѣшился вызвать противника моего на дуэль. Я сочинилъ къ нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; въ случаѣ-же отказа, довольно твердо намекалъ на дуэль. Письмо было такъ сочинено, что если-бъ офицеръ чуть-чуть понималъ «прекрасное и высокое», то непремѣнно-бы прибѣжалъ ко мнѣ, чтобъ броситься ко мнѣ на шею и предложить свою дружбу. И какъ-бы это было хорошо! Мы-бы такъ зажили! Онъ-бы защищалъ меня своей сановитостью; я-бы облагораживалъ его своей развитостью, ну и... идеями, и много кой-чего-бы могло быть!» Вообразите, что тогда прошло уже два года, какъ онъ меня обидѣлъ, и вызовъ мой былъ безобразнѣйшимъ анахронизмомъ, не смотря на всю ловкость письма моего, объяснявшаго и прикрывавшаго анахронизмъ. Но, слава Богу (до сихъ поръ благодарю Всевышняго со слезами), я письма моего не послалъ. Морозъ по кожѣ пробираетъ, какъ вспомню, что-бы могло выйдти, если-бъ я послалъ. И вдругъ... и вдругъ я отмстилъ самымъ простѣйшимъ, самымъ геніальнѣйшимъ образомъ! Меня вдругъ осѣнила пресвѣтлая мысль. Иногда, по праздникамъ, я хаживалъ въ четвертомъ часу на Невскій и гулялъ по солнечной сторонѣ. То есть я тамъ вовсе не гулялъ, а испытывалъ безчисленныя мученія, уничиженія и разлитыя желчи; но того-то мнѣ вѣрно и надобно было. Я имыгалъ какъ вьюнъ, самымъ некрасивымъ образомъ, между прохожими, уступая безпрерывно дорогу то генераламъ, то кавалергардскимъ и гусарскимъ офицерамъ, то барынямъ: я чувствовалъ въ эти минуты конвульсивныя боли въ сердцѣ и жаръ въ спинѣ при одномъ представленіи о мизерѣ моего костюма, о мизерѣ и пошлости моей имыгающей фигурки. Это была мука-мученская, безпрерывное невыносимое униженіе отъ мысли переходившей въ безпрерывное и непосредственное ощущеніе того, что я муха передъ всѣмъ этимъ свѣтомъ, гадкая, непотребная муха,—всѣхъ умнѣе, всѣхъ развитѣе, всѣхъ благороднѣе, это ужъ само собою,—но безпрерывно всѣмъ уступающая муха, всѣми униженная и всѣми оскорбленная. Для чего я набиралъ на себя эту муку, для чего я ходилъ на Невскій — не знаю? Но меня просто *тянуло* туда при каждой возможности.

Тогда уже я началъ испытывать приливы тѣхъ наслажденій, о которыхъ я уже говорилъ въ первой главѣ. Послѣ-же исторіи съ

офицеромъ, меня еще сильнѣе туда стало тянуть: на Невскомъ-то я его и встрѣчалъ наиболѣе, тамъ-то я и любовался имъ. Онъ тоже ходилъ туда болѣе въ праздники. Онъ хоть тоже сворачивалъ съ дороги передъ генералами и передъ особыми сановитыми и тоже вилялъ какъ вьюнъ между ними, но такихъ какъ нашъ братъ, или даже и почище нашего брата, онъ просто давилъ; шелъ прямо на нихъ, какъ будто передъ нимъ было пустое пространство и ни въ какомъ случаѣ дороги не уступалъ. Я унизался моей злобой на него глядя, и... озлобленно передъ нимъ каждый разъ сворачивалъ. Меня мучило, что я даже и на улицѣ никакъ не могу быть съ нимъ на равной ногѣ. «Отчего ты непремѣнно первый сворачиваешь?» приставалъ я самъ къ себѣ, въ бѣшеной истерикѣ, просыпаясь иногда часу въ третьемъ ночи. «Отчего именно ты, а не онъ? Вѣдь для этого закона нѣтъ, вѣдь это нигдѣ не написано? Ну пусть будетъ поровну, какъ обыкновенно бываетъ, когда деликатные люди встрѣчаются: онъ уступитъ половину и ты половину, вы и пройдете, взаимно уважая другъ друга». Но такъ не было, и все-таки сворачивалъ я, а онъ даже и не замѣчалъ, что я ему уступаю.—И вотъ удивительнѣйшая мысль вдругъ осѣнила меня. «А что, вздумалъ я, что если встрѣтиться съ нимъ, и... не посторониться? Нарочно не посторониться, хотя-бы даже пришлось толкнуть его; а, каково это будетъ?» Дерзкая мысль эта мало по малу до того овладѣла мною, что не давала мнѣ покоя. Мечталъ я объ этомъ безпрерывно, ужасно, и нарочно чаще ходилъ на Невскій, чтобъ еще яснѣе себѣ представить какъ я это сдѣлаю, когда буду дѣлать. Я былъ въ восторгѣ. Все болѣе и болѣе мнѣ казалось это намѣреніе и вѣроятнымъ и возможнымъ. «Разумѣется, не совсѣмъ толкнуть», думалъ я, уже заранѣе добрѣя отъ радости, «а такъ, просто не посторониться, состукнуться съ нимъ, не такъ, чтобы очень больно, а такъ, плечо о плечо, ровно на столько, сколько опредѣлено приличіемъ; такъ что на сколько онъ меня стукнетъ, на столько и я его стукну». Я рѣшился, наконецъ, совершенно. Но приготовленія взяли очень много времени. Первое то, что во время исполненія нужно было быть въ болѣе приличномъ видѣ и позаботиться о костюмѣ. «На всякій случай, если напримѣръ, завяжется публичная исторія (а публика-то тутъ суперфлю: графиня ходитъ, князь. Д. ходитъ, вся литература ходитъ), нужно быть хорошо одѣтымъ: это внушаетъ и прямо поставитъ насъ нѣкоторымъ образомъ на равную ногу въ глазахъ высшаго общества». Съ этой цѣлью я выпросилъ впередъ жалованья и купилъ черныя перчатки и порядочную шляпу у Чуркина. Черныя перчатки казались мнѣ и солиднѣе и бонтоннѣе, чѣмъ лимонныя,

на который я посягалъ сначала. «Цвѣтъ слишкомъ рѣзкій, слишкомъ какъ будто хочетъ выставиться человѣкъ», и я не взялъ лимонныхъ. Хорошую рубашку, съ бѣлыми костяными запонками, я ужь давно приготовилъ; но задержала очень шинель. Сама-то по себѣ шинель моя очень была не дурна, грѣла; но она была на ватѣ, а воротникъ былъ енотовый, что составляло уже верхъ лакейства. Надо было перемѣнить воротникъ во что-бы то ни стало и завести бобрикъ, въ родѣ какъ у офицеровъ. Для этого я сталъ ходить по Гостиному двору и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, напѣлся на одинъ дешевый нѣмецкій бобрикъ. Эти нѣменкіе бобрики хоть и очень скоро занашиваются и принимаютъ мизернѣйшій видъ, но сначала, съ обновки, смотрятъ даже и очень прилично; а вѣдь мнѣ только для одного разу и надо было. Спросилъ я цѣну: все-таки было дорого. По основательномъ разсужденіи я рѣшился продать мой енотовый воротникъ. Недостающую-же и весьма для меня значительную сумму рѣшился выпросить взаймы у Антона Антоныча Сѣточкина, моего столоначальника, человѣка смиреннаго, но серьезнаго и положительнаго, никому не дававшаго взаймы денегъ, но которому я былъ когда-то, при вступленіи въ должность особенно рекомендованъ опредѣлившимъ меня на службу значительнымъ лицомъ. Мучился я ужасно. Попросить денегъ у Антона Антоныча мнѣ казалось чудовищнымъ и постыднымъ. Я даже двѣ—три ночи не спалъ, да и вообще я тогда мало спалъ, былъ въ лихорадкѣ; сердце у меня какъ-то смутно замирало, или вдругъ начинало прыгать, прыгать, прыгать!.. Антонъ Антоновичъ сначала удивился, потомъ поморщился, потомъ разсудилъ и все-таки далъ взаймы, взявъ съ меня росписку на право полученія данныхъ занмообразно денегъ, черезъ двѣ недѣли изъ жалованья. Такимъ образомъ все было, наконецъ, готово; красивый бобрикъ воцарился на мѣстѣ паскуднаго енота и я началъ помаленьку приступать къ дѣлу. Нельзя-же было рѣшиться съ перваго разу, зря; надо было это дѣло обдѣлать умѣючи, именно помаленьку. Но признаюсь, что послѣ многократныхъ попытокъ, я даже было началъ отчаяваться: не состукиваемся никакъ да и только! Ужь я-ль не приготовлялся, я-ль не намѣревался, — кажется, вотъ-вотъ сейчасъ состукнемся, смотрю — и опять я уступилъ дорогу, а онъ и прошелъ, не замѣтивъ меня. Я даже молитвы читалъ, подходя къ нему, чтобъ Богъ вселилъ въ меня рѣшимость. Одинъ разъ я было и совсѣмъ уже рѣшился, но кончилось тѣмъ, что только попалъ ему подъ ноги, потому что въ самое послѣднее мгновеніе, на двухвершковомъ какомъ-нибудь разстояніи, не хватило духу. Онъ преспокойно прошелъ по мнѣ и я, какъ мячикъ, отлетѣлъ въ сторону. Въ эту ночь я опять былъ

боленъ въ лихорадкѣ и бредилъ. И вдругъ все закончилось какъ нельзя лучше. Наканунѣ ночью я окончательно положилъ не исполнять моего нагубнаго намѣренія и все оставить втунѣ, и съ этой цѣлью въ послѣдній разъ вышелъ на Невскій, чтобы такъ посмотрѣть,—какъ это я оставлю все это втунѣ? Вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ врага моего, я неожиданно рѣшился, зажмурилъ глаза и, — мы плотно столкнулись плечо о плечо! Я не уступилъ ни вершка и прошелъ мимо совершенно на равной ногѣ! Онъ даже и не оглянулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ; но онъ только видъ сдѣлалъ, я увѣренъ въ этомъ. Я до сихъ поръ въ этомъ увѣренъ! Разумѣется, мнѣ досталось больше: онъ былъ сильнѣе, но не въ томъ было дѣло. Дѣло въ томъ, что я достигъ цѣли, поддержалъ достоинство, не уступилъ ни на шагъ и публично поставилъ себя съ нимъ на равной соціальной ногѣ. Воротился я домой совершенно отмщенный за все. Я былъ въ восторгѣ. Я торжествовалъ и пѣлъ итальянскія аріи. Разумѣется, я вамъ не буду описывать того, что̀ произошло со мной черезъ три дня: если читали мою первую главу, «подполье», то можете сами догадаться.—Офицера потомъ куда-то перевели: лѣтъ уже четырнадцать я его теперь не видалъ. Что-то онъ теперь, мой голубчикъ? Кого давитъ?

II.

Но кончалась полоса моего развратика и мнѣ становилось ужасно тошно. Наступало раскаяніе, я его гналъ: слишкомъ ужъ тошнило. Мало по малу я однакоже и къ этому привыкалъ. Я ко всему привыкалъ, то есть не то что привыкалъ, а какъ-то добровольно соглашался переносить. Но у меня былъ выходъ, все примирявшій, это—спасаться во «все прекрасное и высокое». Конечно, въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно, мечталъ по три мѣсяца сряду, забившись въ свой уголъ, и ужь повѣрьте, что въ эти мгновенія я не похожъ былъ на того господина, который, въ смятеніи куринаго сердца, пришивалъ къ воротнику своей шинели нѣмецкій бобрикъ. Я дѣлался вдругъ героемъ. Моего десятиверникового поручика я-бы даже и съ визитомъ къ себѣ тогда не пустилъ. Я даже и представить его себѣ не могъ тогда. Что̀ такое были мои мечты и какъ могъ я ими довольствоваться —объ этомъ трудно сказать теперь, но тогда я этимъ довольствовался. Впрочемъ, я вѣдь и теперь этимъ отчасти довольствуюсь. Мечты особенно сладки и сильнѣе приходили ко мнѣ послѣ развратика, приходили съ раскаяніемъ и слезами, съ проклятіями и восторгами. Бывали мгновенія такого

положительнаго упоенія, такого счастья, что даже малѣйшей насѣчки внутри меня не ощущалось, ей Богу. Была вѣра, надежда, любовь. То-то и есть, что я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ-то чудомъ, какимъ-нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится: вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятельности, благотворной, прекрасной, и, главное, *совсѣмъ готовой* (какой именно—я никогда не зналъ, но главное—совсѣмъ готовой) и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ Божій, чуть-ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ и вотъ именно потому-то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, средины не было. Это-то меня и сгубило, потому въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собой грязь: обыкновенному, дескать, человѣку стыдно грязниться, а герой слишкомъ высокъ, чтобъ совсѣмъ загрязниться, слѣдственно можно грязниться. Замѣчательно, что эти приливы «всего прекраснаго и высокаго» приходили ко мнѣ и во время разврата, и именно тогда, когда я уже на самомъ днѣ находился, приходили такъ, отдѣльными вспышечками, какъ будто напоминая о себѣ, но не истребляли однако-жь разврата своимъ появленіемъ; напротивъ, какъ будто поджигали его контрастомъ, и приходили ровно на столько, сколько было нужно для хорошаго соуса. Соусъ тутъ состоялъ изъ противорѣчія и страданія, изъ мучительнаго внутренняго анализа и всѣ эти мученья и мученьица и придавали какую-то пикантность, даже смыслъ моему разврату,—однимъ словомъ, исполняли вполнѣ должность хорошаго соуса. Все это даже было не безъ нѣкоторой глубины. Да и могъ-ли-бы я согласиться на простой, пошлый, непосредственный писарскій развратишко и вынести на себѣ всю эту грязь! Что-жь-бы могло тогда въ ней прельстить меня и выманить ночью на улицу? Нѣтъ-съ, у меня была благородная лазейка на все...

Но сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я, бывало, въ этихъ мечтахъ моихъ, въ этихъ «спасеньяхъ во все прекрасное и высокое»; хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того-ли было ея много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ, ужь и потребности даже не ощущалось ее прилагать: излишняя-бъ ужь это роскошь была. Все, впрочемъ, преблагополучно всегда оканчивалось лѣнивымъ и упоительнымъ переходомъ къ искусству; то есть къ прекраснымъ формамъ бытія, совсѣмъ готовымъ, сильно украденнымъ у поэтовъ и романистовъ и приспособленнымъ ко всевозможнымъ услугамъ и требованіямъ. Я, напримѣръ, надъ всѣми тор-

жествую: всѣ, разумѣется во прахъ и принуждены добровольно признать всѣ мои совершенства, а я всѣхъ ихъ прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитымъ поэтомъ и камергеромъ: получаю несмѣтные милліоны и тотчасъ-же жертвую ихъ на родъ человѣческій и тутъ-же исповѣдываюсь передъ всѣмъ народомъ въ моихъ позорахъ, которые, разумѣется, не просто, позоры, а заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много «прекраснаго и высокаго», чего-то манфредовскаго. Всѣ плачутъ и цѣлуютъ меня (иначе что-же-бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповѣдывать новыя идеи и разбиваю ретроградовъ подъ Аустерлицемъ. Затѣмъ играется маршъ, выдается амнистія, папа соглашается выѣхать изъ Рима въ Бразилію; затѣмъ балъ для всей Италіи на виллѣ Боргезе, что̀ на берегу озера Комо, такъ какъ озеро Комо нарочно переносится для этого случая въ Римъ: затѣмъ сцена въ кустахъ и т. д., и т. д.—будто не знаете? Вы скажете, что пошло и подло выводить все это теперь на рынокъ, послѣ стольнихъ униженій и слезъ, въ которыхъ я самъ признался. Отчего-же подло-съ? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого и что все это было глупѣе, хотя чего-бы то ни было, въ вашей, господа, жизни! И къ тому-же, повѣрьте, что у меня кой-что было вовсе не дурно составлено... Не все-же происходило на озерѣ Комо. А, впрочемъ, вы правы: дѣйствительно, и пошло и подло. А подлѣе всего то, что я теперь началъ передъ вами оправдываться. А еще подлѣе то, что я дѣлаю теперь это замѣчаніе. Да довольно, впрочемъ, а то вѣдь никогда и не кончишь: все будетъ одно другого подлѣе...

Больше трехъ мѣсяцевъ я никакъ не въ состояніи былъ сряду мечтать и начиналъ ощущать непреодолимую потребность рынуться въ общество. Рынуться въ общество означало у меня сходить въ гости къ моему столоначальнику, Антону Антонычу Сѣточкину. Это былъ единственный мой постоянный знакомый во всю мою жизнь, и я даже самъ удивляюсь теперь этому обстоятельству. Но и къ нему я ходилъ развѣ только тогда, когда ужь наступала такая полоса, а мечты мои доходили до такого счастія, что надо было непремѣнно и немедленно обняться съ людьми и со всѣмъ человѣчествомъ: а для этого надо было имѣть хоть одного человѣка въ наличности, дѣйствительно существующаго. Къ Антону Антонычу надо было, впрочемъ, являться по вторникамъ (его день), слѣдственно и подгонять потребность обняться со всѣмъ человѣчествомъ надо было всегда ко вторнику. Помѣщался этотъ Антонъ Антонычъ у Пяти Угловъ, въ четвертомъ этажѣ и въ четырехъ комнаткахъ, низенькихъ и мать-мала меньше, имѣвшихъ самый экономическій и желтенькій видъ. Были у него двѣ дочки и ихъ тетка, разви-

вавшая чай. Дочкамъ — одной было тринадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, объ были куроносенькія и я ихъ ужасно конфузился, потому что онѣ все шептались про себя и хихикали. Хозяинъ сидѣлъ обыкновенно въ кабинетѣ, на кожаномъ диванѣ, передъ столомъ, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь сѣдымъ гостемъ, чиновникомъ изъ нашего или даже изъ постороннягo вѣдомства. Больше двухъ—трехъ гостей, и все тѣхъ-же самыхъ, я никогда тамъ не видывалъ. Толковали про акцизъ, про торги въ Сенатѣ, о жалованьѣ, о производствѣ, о его превосходительствѣ, о средствѣ правиться и проч., и проч. Я имѣлъ терпѣніе высиживать подлѣ этихъ людей дуракомъ часа по четыре и ихъ слушать, самъ не смѣя и не умѣя ни объ чемъ съ ними заговорить. Я тупѣлъ, по нѣскольку разъ принимался потѣть, надо мной посмѣются наконецъ; но это было хорошо и полезно. Возвратясь домой, я на нѣкоторое время откладывалъ мое желаніе обняться со всѣмъ человѣчествомъ.

Былъ, впрочемъ, у меня и еще какъ будто одинъ знакомый, Симоновъ, бывшій мой школьный товарищъ. Школьныхъ товарищей у меня было, пожалуй, и много въ Петербургѣ, но я съ ними не водился и даже пересталъ на улицѣ кланяться. Я, можетъ быть, и на службу-то въ другое вѣдомство перешелъ для того, чтобъ не быть вмѣстѣ съ ними и разомъ отрѣзать со всѣмъ ненавистнымъ моимъ дѣтствомъ. Проклятіе на эту школу, на эти ужасные каторжные годы! Однимъ словомъ, съ товарищами я тотчасъ-же разошелся какъ вышелъ на волю. Оставались два—три человѣка, съ которыми я еще кланялся, встрѣчаясь. Въ томъ числѣ былъ и Симоновъ, который въ школѣ у насъ ничѣмъ не отличался, былъ ровенъ и тихъ, но въ немъ я отличалъ нѣкоторую независимость характера и даже честность. Даже не думаю, что онъ былъ очень ужь ограниченъ. У меня съ нимъ бывали когда-то довольно свѣтлыя минуты, но недолго продолжались и какъ-то вдругъ задернулись туманомъ. Онъ, видимо, тяготился этими воспоминаніями и, кажется, все боялся, что я впаду въ прежній тонъ. Я подозрѣвалъ, что я былъ ему очень противенъ, но все-таки ходилъ къ нему, неувѣренный въ томъ навѣрно.

Вотъ однажды, въ четвергъ, не выдержавъ моего одиночества, и зная, что въ четвергъ у Антона Антоныча дверь заперта, я вспомнилъ о Симоновѣ. Подымаясь къ нему въ четвертый этажъ, я именно думалъ о томъ, что этотъ господинъ тяготится мною и что напрасно я это иду. Но такъ какъ кончалось всегда тѣмъ, что подобныя соображенія, какъ нарочно, еще болѣе подбивали меня лѣзть въ двусмысленное положеніе, то я и вошелъ. Былъ почти годъ, какъ я послѣдній разъ передъ тѣмъ видѣлъ Симонова.

III.

Я застaлъ у него еще двухъ моихъ школьныхъ товарищей. Они толковали, повидимому, объ одномъ важномъ дѣлѣ. На приходъ мой ни одинъ изъ нихъ не обратилъ почти никакого вниманія, что было даже странно, потому что я не видался съ ними ужь годы. Очевидно, меня считали чѣмъ-то въ родѣ самой обыкновенной мухи. Такъ не третировали меня даже въ школѣ, хотя всѣ меня тамъ ненавидѣли. Я, конечно, понималъ, что они должны были презирать меня теперь за неуспѣхъ моей служебной карьеры и за то, что я ужь очень опустился, ходилъ въ дурномъ платьѣ и проч. — что въ ихъ глазахъ составляло вывѣску моей неспособности и мелкаго значенія. Но я все-таки не ожидалъ до такой степени презрѣнія. Симоновъ даже удивился моему приходу. Онъ и прежде всегда какъ будто удивлялся моему приходу. Все это меня озадачило: я сѣлъ въ нѣкоторой тоскѣ и началъ слушать, о чемъ они толковали.

Шла рѣчь серьезная и даже горячая о прощальномъ обѣдѣ, который хотѣли устроить эти господа завтра-же, сообща, отъѣзжавшему далеко въ губернію ихъ товарищу Звѣркову, служившему офицеромъ. Мосье Звѣрковъ былъ все время и моимъ школьнымъ товарищемъ. Я особенно сталъ его ненавидѣть съ высшихъ классовъ. Въ низшихъ классахъ онъ былъ только хорошенькій, рѣзвый мальчикъ, котораго всѣ любили. Я, впрочемъ, ненавидѣлъ его и въ низшихъ классахъ, и именно за то, что онъ былъ хорошенькій и рѣзвый мальчикъ. Учился онъ всегда постоянно плохо и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; однако-жь вышелъ изъ школы удачно, потому что имѣлъ покровительство. Въ послѣдній годъ его въ нашей школѣ ему досталось наслѣдство, двѣсти душъ, а такъ какъ у насъ всѣ почти были бѣдные, то онъ даже передъ нами сталъ фанфаронить. Это былъ пошлякъ въ высшей степени, но однако-жь добрый малый, даже и тогда, когда фанфаронилъ. У насъ-же, не смотря на наружныя, фантастическія и фразерскія формы чести и гонора, всѣ, кромѣ очень немногихъ, даже увивались передъ Звѣрковымъ, чѣмъ болѣе онъ фанфаронилъ. И не изъ выгоды какой-нибудь увивались, а такъ, изъ-за того, что онъ фаворизированный дарами природы человѣкъ. Притомъ-же, какъ-то принято было у насъ считать Звѣркова спеціалистомъ по части ловкости и хорошихъ манеръ. Послѣднее меня особенно бѣсило. Я ненавидѣлъ рѣзкій, не сомнѣвающійся въ себѣ звукъ его голоса, обожаніе собственныхъ своихъ

остроть, которыя у него выходили ужасно глупы, хотя онъ былъ и смѣлъ на языкъ: я ненавидѣлъ его красивое, но глупенькое лицо (на которое я-бы, впрочемъ, промѣнялъ съ охотою свое *умное*) и развязно-офицерскіе пріемы сороковыхъ годовъ. Я ненавидѣлъ то, что онъ разсказывалъ о своихъ будущихъ успѣхахъ съ женщинами (онъ не рѣшался начинать съ женщинами, не имѣя еще офицерскихъ эполетъ, и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ) и о томъ, какъ онъ поминутно будетъ выходить на дуэли. Помню, какъ я, всегда, молчаливый, вдругъ сцѣпился съ Звѣрковымъ, когда онъ, толкуя разъ въ свободное время съ товарищами о будущей клубничкѣ и разыгравшись, наконецъ, какъ молодой щенокъ на солнцѣ, вдругъ объявилъ, что ни одной деревенской дѣвы въ своей деревнѣ не оставитъ безъ вниманія, что это—droit de seigneur, а мужиковъ, если осмѣлятся протестовать, всѣхъ пересѣчетъ и всѣмъ имъ, бородатымъ канальямъ, вдвое наложитъ оброку. Наши хамы аплодировали, я-же сцѣпился, и вовсе не изъ жалости къ дѣвамъ и ихъ отцамъ, а просто за то, что такой козявкѣ такъ аплодировали. Я тогда одолѣлъ, но Звѣрковъ, хоть и глупъ былъ, но былъ веселъ и дерзокъ, а потому отемнѣлся, и даже такъ, что я, по правдѣ, не совсѣмъ и одолѣлъ: смѣхъ остался на его сторонѣ. Онъ потомъ еще нѣсколько разъ одолѣвалъ меня, но безъ злобы, а какъ-то такъ, шутя, мимоходомъ, смѣясь. Я злобно и презрительно не отвѣчалъ ему. Но выпускъ онъ было сдѣлалъ ко мнѣ шагъ: я не очень противился, потому что мнѣ это польстило; но мы скоро и естественно разошлись. Потомъ я слыхалъ объ его казарменно-поручичьихъ успѣхахъ, о томъ, какъ онъ *кутилъ*. Потомъ пошли другіе слухи, —о томъ, какъ онъ *устроился* по службѣ. На улицѣ онъ мнѣ уже не кланялся и я подозрѣвалъ, что онъ боится компрометтировать себя, раскланиваясь съ такой незначительной, какъ я, личностью. Видѣлъ я его тоже одинъ разъ въ театрѣ, въ третьемъ ярусѣ, уже въ аксельбантахъ. Онъ увивался и изгибался передъ дочками одного древняго генерала. Года въ три онъ очень опустился, хотя былъ по прежнему довольно красивъ и ловокъ: какъ-то отекъ, сталъ жирѣть: видно было, что къ тридцати годамъ онъ совершенно обрюзгнетъ. Вотъ этому-то уѣзжавшему, наконецъ, Звѣркову и хотѣли дать обѣдъ наши товарищи. Они постоянно всѣ три года водились съ нимъ, хотя сами, внутренно, не считали себя съ нимъ на равной ногѣ, я увѣренъ въ этомъ.

Изъ двухъ гостей Симонова одинъ былъ Ферфичкинъ, изъ русскихъ нѣмцевъ, —маленькій ростомъ, съ обезьяньимъ лицомъ, всѣхъ пересмѣивающій глупецъ, злѣйшій врагъ мой еще съ низшихъ классовъ, —подлый, дерзкій, фанфаронишка и игравшій въ самую щеко-

тливую амбиціозность, хотя, разумѣется, трусишка въ душѣ. Онъ былъ изъ тѣхъ почитателей Звѣркова, которые заигрывали съ нимъ изъ видовъ и часто занимали у него деньги. Другой гость Симонова, Трудолюбовъ, была личность незамѣчательная, военный парень, высокаго роста, съ холодною физіономіей, довольно честный, но преклонявшійся передъ всякимъ успѣхомъ и способный разсуждать только объ одномъ производствѣ. Звѣркову онъ доводился какимъ-то дальнимъ родственникомъ, и это, глупо сказать, придавало ему между нами нѣкоторое значеніе. Меня онъ постоянно считалъ ни во что; обращался-же хоть и не совсѣмъ вѣжливо, но сносно.

— Что-жь, коль по семи рублей, заговорилъ Трудолюбовъ,— нась трое, двадцать одинъ *рупь*,—можно хорошо пообѣдать. Звѣрковъ, конечно, не платитъ.

— *Ужь* разумѣется, коль мы-же его приглашаемъ, рѣшилъ Симоновъ.

— Неужели-жь вы думаете,—запосчивъ и съ пылкостью ввязался Ферфичкинъ, точно нахалъ лакей, хвастающій звѣздами своего генерала барина,—неужели вы думаете, что Звѣрковъ насъ пуститъ однихъ платить? Изъ деликатности приметъ, но зато отъ себя *полдюжины* выставитъ.

— Ну, куда намъ четверымъ полдюжины, — замѣтилъ Трудолюбовъ, обративъ вниманіе только на полдюжину.

— Такъ трое, съ Звѣрковымъ четверо, двадцать одинъ рубль въ Hôtel de Paris, завтра въ пять часовъ,— окончательно заключилъ Симоновъ, котораго выбрали распорядителемъ.

— Какъ-же двадцать одинъ? сказалъ я въ нѣкоторомъ волненіи, даже, повидимому, обидѣвшись; — если считать со мной, такъ будетъ не двадцать одинъ, а двадцать восемь рублей.

Мнѣ показалось, что вдругъ и такъ нежданно предложить себя будетъ даже очень красиво и они всѣ будутъ разомъ побѣждены и посмотрятъ на меня съ уваженіемъ.

— Развѣ вы тоже хотите? — съ неудовольствіемъ замѣтилъ Симоновъ, какъ-то избѣгая глядѣть на меня. Онъ зналъ меня наизусть.

Меня взбѣсило, что онъ знаетъ меня наизусть.

— Почему-же-съ? Я вѣдь, кажется, тоже товарищъ и, признаюсь, мнѣ даже обидно, что меня обошли. — заклокоталъ было я опять.

— А гдѣ васъ было искать? грубо ввязался Ферфичкинъ.

— Вы всегда были не въ ладахъ съ Звѣрковымъ. — прибавилъ Трудолюбовъ, нахмурившись. Но я уже ухватился и не выпускалъ.

— Мнѣ кажется, объ этомъ никто не вправѣ судить, возразилъ я съ дрожью въ голосѣ, точно и Богъ знаетъ что̀ случилось. — Именно потому-то я, можетъ быть, теперь и хочу, что прежде былъ не въ ладахъ.

— Ну, кто васъ пойметъ... возвышенности-то эти... усмѣхнулся Трудолюбовъ.

— Васъ запишутъ,—рѣшилъ, обращаясь ко мнѣ, Симоновъ,—завтра въ пять часовъ, въ Hôtel de Paris: не опоздайтесь.

— Деньги-то! — началъ было Ферфичкинъ вполголоса, кивая на меня Симонову, но осѣкся, потому что даже Симоновъ сконфузился.

— Довольно, сказалъ Трудолюбовъ, вставая.—Если ему такъ ужъ очень захотѣлось, пусть придетъ.

— Да вѣдь у насъ кружокъ свой, пріятельскій,—злился Ферфичкинъ, тоже берясь за шляпу.—Это не оффиціальное собраніе.

— Мы васъ, можетъ быть, и совсѣмъ не хотимъ...

Они ушли: Ферфичкинъ, уходя, мнѣ совсѣмъ не поклонился, Трудолюбовъ едва кивнулъ, не глядя. Симоновъ, съ которымъ я остался съ глазу на глазъ, былъ въ какомъ-то досадливомъ недоумѣніи и странно посмотрѣлъ на меня. Онъ не садился и меня не приглашалъ.

— Гм... да... такъ завтра. Деньги-то вы отдадите теперь? Я это чтобъ вѣрно знать,—пробормоталъ онъ, сконфузившись.

Я вспыхнулъ, но, вспыхивая, вспомнилъ, что съ незапамятныхъ временъ долженъ былъ Симонову пятнадцать рублей, чего, впрочемъ, и не забывалъ никогда, но и не отдавалъ никогда.

— Согласитесь сами, Симоновъ, что я не могъ знать, входя сюда... и мнѣ очень досадно, что я забылъ...

— Хорошо, хорошо, все равно. Расплатитесь завтра за обѣдомъ. Я вѣдь только чтобъ знать... Вы пожалуйста...

Онъ осѣкся и сталъ шагать по комнатѣ съ еще большей досадой. Шагая, онъ началъ становиться на каблуки и при этомъ сильнѣе топать.

— Я васъ не задерживаю-ли? спросилъ я, послѣ двухминутнаго молчанія.

— О, нѣтъ! встрепенулся онъ вдругъ,—то есть по правдѣ,—да. Видите-ли, мнѣ еще-бы надо зайти... Тутъ недалеко... прибавилъ онъ, какимъ-то извиняющимся голосомъ и отчасти стыдясь.

— Ахъ, Боже мой! Что-же вы не скажете! вскрикнулъ я, схвативъ фуражку, съ удивительно, впрочемъ, развязнымъ видомъ, Богъ знаетъ откуда налетѣвшимъ.

— Это вѣдь не далеко... Тутъ два шага... повторялъ Симо-

повъ, провожая меня до передней съ суетливымъ видомъ, который ему вовсе не шелъ.—Такъ завтра въ пять часовъ ровно!—крикнулъ онъ мнѣ на лѣстницу; очень ужъ онъ былъ доволенъ, что я ухожу. Я-же былъ въ бѣшенствѣ.

— Вѣдь дернуло-же, дернуло-же выскочить!—скрежеталъ я зубами, шагая по улицѣ,—и этакому подлецу, поросенку, Звѣркову. Разумѣется, не надо ѣхать: разумѣется, наплевать: что я, связанъ, что-ли? Завтра-же увѣдомлю Симонова по городской почтѣ...

Но потому-то я и бѣсился, что навѣрно зналъ, что поѣду: что нарочно поѣду; и чѣмъ безтактнѣе, чѣмъ неприличнѣе будетъ мнѣ ѣхать, тѣмъ скорѣе и поѣду.

И даже препятствіе положительное было не ѣхать: денегъ не было. Всего на всего лежало у меня девять рублей. Но изъ нихъ семь надо было отдать завтра-же мѣсячнаго жалованья Аполлону, моему слугѣ, который жилъ у меня за семь рублей на своихъ харчахъ.

Не выдать-же было невозможно, судя по характеру Аполлона. Но объ этой каналью, объ этой язвѣ моей, я когда нибудь послѣ поговорю.

Впрочемъ, я вѣдь зналъ, что все-таки не выдамъ, а непремѣнно поѣду.

Въ эту ночь снились мнѣ безобразнѣйшіе сны. Не мудрено: весь вечеръ давили меня воспоминанія о каторжныхъ дняхъ моей школьной жизни и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, отъ которыхъ я зависѣлъ и о которыхъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія,—сунули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго, и дико на все озиравшагося. Товарищи встрѣтили меня злобными и безжалостными насмѣшками за то, что я ни на кого изъ нихъ не былъ похожъ. Но я не могъ насмѣшекъ переносить: я не могъ такъ дешево ужиться, какъ они ужились другъ съ другомъ. Я возненавидѣлъ ихъ тотчасъ и заключился отъ всѣхъ въ пугливую, уязвленную и неномѣрную гордость. Грубость ихъ меня возмущала. Они цинически смѣялись надъ моимъ лицомъ, надъ моей мѣшковатой фигурой: а между тѣмъ, какія глупыя у нихъ самихъ были лица! Въ нашей школѣ выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собой дѣтей поступало къ намъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился: меня ужь и тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, игръ, разговоровъ. Они такихъ необходимыхъ

вещей не понимали, такими внушающими, поражающими предметами не интересовались, что но невольъ я сталъ считать ихъ ниже себя. Не оскорбленное тщеславіе подбивало меня къ тому, и, ради Бога, не выѣзжайте ко мнѣ съ пріѣвшимися до тошноты казенными возраженіями: — что я только мечталъ, а они ужъ и тогда дѣйствительную жизнь понимали. Ничего они не понимали, никакой дѣйствительной жизни и, клянусь, это-то и возмущало меня въ нихъ наиболѣе. Напротивъ, самую очевидную, рѣжущую глаза дѣйствительность они принимали фантастически глупо, и уже тогда привыкали поклоняться одному успѣху. Все, что было справедливо, но унижено и забито, надъ тѣмъ они жестокосердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ: въ шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ. Конечно, много тутъ было отъ глупости, отъ дурнаго примѣра, безпрерывно окружавшаго ихъ дѣтство и отрочество. Развратны они были до уродливости. Разумѣется, и тутъ было больше внѣшности, больше напускной циничности, разумѣется, юность и нѣкоторая свѣжесть мелькали и въ нихъ даже изъ-за разврата: но не привлекательна была въ нихъ даже и свѣжесть и проявлялась въ какомъ-то ёрничествѣ. Я ненавидѣлъ ихъ ужасно, хотя, пожалуй, былъ ихъ-же хуже. Они мнѣ тѣмъ-же платили и не скрывали своего ко мнѣ омерзенія. Но я уже не желалъ ихъ любви: напротивъ, я постоянно жаждалъ ихъ униженія. Чтобъ избавить себя отъ ихъ насмѣшекъ, я нарочно началъ какъ можно лучше учиться и пробился въ число самыхъ первыхъ. Это имъ внушило. Къ тому-же всѣ они начали помаленьку понимать, что я уже читалъ такія книги, которыхъ они не могли читать, и понималъ такія вещи (не входившія въ составъ нашего спеціальнаго курса), о которыхъ они и не слыхивали. Дико и насмѣшливо смотрѣли они на это, но нравственно подчинялись, тѣмъ болѣе, что даже учителя обращали на меня вниманіе по этому поводу. Насмѣшки прекратились, но осталась непріязнь и установились холодныя отношенія. Подъ конецъ я самъ не выдержалъ: съ лѣтами развилась потребность въ людяхъ, въ друзьяхъ. Я попробовалъ было начать сближаться съ ними; но всегда это сближеніе выходило неестественно и такъ само собой и оканчивалось. Былъ у меня разъ какъ-то и другъ. Но я уже былъ деспотъ въ душѣ: я хотѣлъ неограниченно властвовать надъ его душой, я хотѣлъ вселить въ него презрѣніе къ окружающей его средѣ; я потребовалъ отъ него высокомѣрнаго и окончательнаго разрыва съ этой средой. Я испугалъ его моей страстной дружбой: я доводилъ его до слезъ, до судорогъ: онъ былъ наивная и отдающаяся душа: но когда онъ отдался мнѣ весь, я тотчасъ-же возненавидѣлъ его и оттолкнулъ отъ себя, —

точно онъ и нуженъ былъ мнѣ только для одержанія надъ нимъ побѣды, для одного его подчиненія. Но всѣхъ я не могъ побѣдить: мой другъ былъ тоже ни на одного изъ нихъ не похожъ и составлялъ самое рѣдкое исключеніе. Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы было оставить ту спеціальную службу, къ которой я предназначался, чтобы всѣ нити порвать, проклясть прошлое и прахомъ его посыпать... И чортъ знаетъ, зачѣмъ послѣ того я потащился къ этому Симонову!...

Утромъ я рано схватился съ постели, вскочилъ съ волненіемъ, точно все это сейчасъ-же и начнетъ совершаться. Но я вѣрилъ, что наступаетъ и непремѣнно наступитъ сегодня-же какой-то радикальный переломъ въ моей жизни. Съ непривычки что-ли, но мнѣ всю жизнь, при всякомъ внѣшнемъ, хотя-бы мельчайшемъ событіи, все казалось, что вотъ сейчасъ-же и наступитъ какой-нибудь радикальный переломъ въ моей жизни. Я, впрочемъ, отправился въ должность по обыкновенному, но улизнулъ домой двумя часами раньше, чтобъ приготовиться. Главное, думалъ я, надо пріѣхать не первымъ, а то подумаютъ, что я ужъ очень обрадовался. Но такихъ главныхъ вещей были тысячи и всѣ онѣ волновали меня до безсилія. Я собственноручно еще разъ вычистилъ мои сапоги: Аполлонъ ни за что на свѣтѣ не сталъ-бы чистить ихъ два раза въ день, находя, что это не порядокъ. Чистилъ-же я, укравъ щетки изъ передней, чтобъ онъ какъ нибудь не замѣтилъ и не сталъ потомъ презирать меня. Затѣмъ я подробно осмотрѣлъ мое платье и нашелъ, что все старо, потерто, заношено. Слишкомъ я ужъ обнеряшился. Вицмундиръ, пожалуй, былъ исправенъ, но не въ вицмундирѣ-же было ѣхать обѣдать. А главное на панталонахъ, на самой колѣнкѣ, было огромное желтое пятно. Я предчувствовалъ, что одно уже это пятно отниметъ у меня девять десятыхъ собственнаго достоинства. Зналъ тоже я, что очень низко такъ думать. Но теперь не до думанья: теперь наступаетъ дѣйствительность, думалъ я и надалъ духомъ. Зналъ я тоже отлично, тогда-же, что всѣ эти факты чудовищно увеличиваю: но что-же было дѣлать, совладать я съ собой ужъ не могъ и меня трясла лихорадка. Съ отчаяніемъ представлялъ я себѣ, какъ свысока и холодно встрѣтитъ меня этотъ «подлецъ» Звѣрковъ: съ какимъ тупымъ, ничѣмъ неотразимымъ презрѣніемъ будетъ смотрѣть на меня тупица Трудолюбовъ: какъ скверно и дерзко будетъ подхихикивать на мой счетъ козявка Ферфичкинъ, чтобъ подслужиться Звѣркову: какъ отлично пойметъ про себя все это Симоновъ, и какъ будетъ презирать меня за низость моего тщеславія и малодушія, и, главное,—какъ все это будетъ мизерно, не *литературно*, обыденно. Конечно, всего-бы лучше

совѣмъ не ѣхать. Но это-то ужь было больше всего невозможно: ужь когда меня начинало тянуть, такъ ужь я такъ и втягивался весь съ головой. Я-бы всю жизнь дразнилъ себя потомъ: «а что, струсилъ, струсилъ *дѣйствительности*, струсилъ!» Напротивъ, мнѣ страстно хотѣлось доказать всей этой «шушерѣ», что я вовсе не такой трусъ, какъ я самъ себѣ представляю. Мало того: въ самомъ сильнѣйшемъ пароксизмѣ труслливой лихорадки, мнѣ мечталось одержать верхъ, побѣдить, увлечь, заставить ихъ полюбить себя — ну хоть «за возвышенность мыслей и несомнѣнное остроуміе». Они бросятъ Звѣркова, онъ будетъ сидѣть въ сторонѣ, молчать и стыдиться, а я раздавлю Звѣркова. Потомъ, пожалуй, помирюсь съ нимъ и выпью на *ты*, но что всего было злѣе и обиднѣе для меня, это, что я тогда-же зналъ, зналъ вполнѣ и навѣрно, что ничего мнѣ этого въ сущности не надо, что, въ сущности, я вовсе не желаю ихъ раздавливать, покорять, привлекать, и что за весь-то результатъ, если-бъ только я и достигъ его, я самъ, первый, гроша-бы не далъ. О, какъ я молилъ Бога, чтобъ ужь прошелъ поскорѣе этотъ день! Въ невыразимой тоскѣ я подходилъ къ окну, отворялъ форточку и вглядывался въ мутную мглу густо-падающаго мокраго снѣга...

Наконецъ, на моихъ дряныхъ стѣнныхъ часишкахъ прошипѣло пять. Я схватилъ шапку и, стараясь не взглянуть на Аполлона, который еще съ утра все ждалъ отъ меня выдачи жалованья, но, по глупости своей, не хотѣлъ заговорить первый,—скользнулъ мимо него изъ дверей, и на лихачѣ, котораго нарочно нанялъ, за послѣдній полтинникъ, подкатилъ барономъ къ Hôtel de Paris.

IV.

Я еще наканунѣ зналъ, что пріѣду первый. Но ужь дѣло было не въ первенствѣ.

Ихъ не только никого не было, но я даже едва отыскалъ нашу комнату. На столѣ было еще не совсѣмъ накрыто. Что-же это значило? Послѣ многихъ разспросовъ я добился, наконецъ, отъ слугъ, что обѣдъ заказанъ къ шести часамъ, а не къ пяти. Это подтвердили и въ буфетѣ. Даже стыдно стало разспрашивать. Было еще только двадцать пять минутъ шестаго. Если они перемѣнили часъ, то во всякомъ случаѣ должны-же были извѣстить, на то городская почта, а не подвергать меня «позору» и передъ собой и... и хоть передъ слугами. Я сѣлъ: слуга сталъ накрывать: при немъ стало какъ-то

еще обидѣе. Къ шести часамъ, кромѣ горѣвшихъ лампъ, въ комнату внесены были свѣчи. Слуга не подумалъ однако-жъ внести ихъ тотчасъ-же какъ я пріѣхалъ. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали, на разныхъ столахъ, два какихъ-то мрачныхъ посѣтителя, сердитые съ виду и молчавшіе. Въ одной изъ дальнихъ комнатъ было очень шумно; даже кричали; слышенъ былъ хохотъ цѣлой ватаги людей; слышались какіе-то скверные французскіе взвизги: обѣдъ былъ съ дамами. Однимъ словомъ, было очень тошно. Рѣдко я проводилъ болѣе скверную минуту, такъ что, когда они, ровно въ шесть часовъ, явились всѣ разомъ, я, на первый мигъ, обрадовался имъ, какъ какимъ-то освободителямъ и чуть не забылъ, что обязанъ смотрѣть обиженнымъ.

Звѣрковъ вопелъ впереди всѣхъ, видимо предводительствуя. И они и всѣ они смѣялись; но, увидя меня, Звѣрковъ пріосанился, подошелъ неторопливо, нѣсколько перегибаясь въ талью, точно кокетничая, и подалъ мнѣ руку, ласково, но не очень, съ какой-то осторожной, чуть не генеральской вѣжливостію, точно, подавая руку, оберегалъ себя отъ чего-то. Я воображалъ, напротивъ, что онъ тотчасъ-же какъ войдетъ захохочетъ своимъ прежнимъ хохотомъ, тоненькимъ и со взвизгами и съ первыхъ-же словъ пойдутъ плоскія его шутки и остроты. Къ нимъ-то я и готовился еще съ вечера, но никакъ ужь не ожидалъ я такого свысока, такой превосходительной ласки. Стало быть, онъ ужь вполнѣ считалъ себя теперь непзмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ? Если-бъ онъ только обидѣть меня хотѣлъ этимъ генеральствомъ, то ничего еще, думалъ я; я-бы какъ-нибудь тамъ отлевался. Но что̀ если и въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго желанія обидѣть, въ его баранью башку серьезно заползла идейка, что онъ непзмѣримо выше меня и можетъ на меня смотрѣть не иначе, какъ только съ покровительствомъ? Отъ одного этого предположенія я уже сталъ задыхаться.

— Я съ удивленіемъ узналъ о вашемъ желаніи участвовать съ нами, — началъ онъ сюсюкая и пришепетывая, и растягивая слова, чего прежде съ нимъ не бывало. — Мы съ вами какъ-то все не встрѣчались. Вы насъ дичитесь. Напрасно. Мы не такъ страшны, какъ вамъ кажется. Ну-съ, во всякомъ случаѣ, радъ возоб-но-вить...

И онъ небрежно повернулся положить на окно шляпу.

— Давно ждете? спросилъ Трудолюбовъ.

— Я пріѣхалъ ровно въ пять часовъ, какъ мнѣ вчера назначили,—отвѣчалъ я громко и съ раздраженіемъ, обѣщавшимъ близкій взрывъ.

— Развѣ ты не далъ ему знать, что перемѣнили часы?—обратился Трудолюбовъ къ Симонову.

— Не далъ. Забылъ,— отвѣчалъ тотъ, но безъ всякаго раскаянія и, даже не извинившись передо мной, принялъ распоряжаться закуской.

— Такъ вы здѣсь ужь часъ, ахъ, обѣдный! — вскрикнулъ насмѣшливо Звѣрковъ, потому что, по его понятіямъ, это дѣйствительно должно было быть ужасно смѣшно. За нимъ, подленькимъ, звонкимъ, какъ у собачонки голоскомъ, закатился подлецъ Ферфичкинъ. Очень ужь и ему показалось смѣшно и конфузно мое положеніе.

— Это вовсе не смѣшно! закричалъ я Ферфичкину, раздражаясь все болѣе и болѣе:—виноваты другіе, а не я. Мнѣ пренебрегли дать знать. Это-это-это... просто нелѣпо.

— Не только нелѣпо, а и еще что-нибудь,—проворчалъ Трудолюбовъ, наивно за меня заступаясь.—Вы ужь слишкомъ мягки. Просто невѣжливость. Конечно, не умышленная. И какъ это Симоновъ... Гм!

— Если-бъ со мной этакъ сыграли, замѣтилъ Ферфичкинъ,— я-бы...

— Да вы-бы велѣли себѣ чего-нибудь подать, перебилъ Звѣрковъ,—или просто спросили-бы обѣдать, не дожидаясь.

— Согласитесь, что я-бы могъ это сдѣлать безъ всякаго позволенія, отрѣзалъ я.—Если я ждалъ, то...

— Садимся, господа, закричалъ вошедшій Симоновъ: все готово: за шампанское отвѣчаю, отлично заморожено... Вѣдь я вашей квартиры не зналъ, гдѣ-жь васъ отыскивать? обратился онъ вдругъ ко мнѣ, но опять какъ-то не глядя на меня. Очевидно, онъ имѣлъ что-то противъ. Знать, послѣ вчерашняго надумался.

Всѣ сѣли: сѣлъ и я. Столъ былъ круглый. По лѣвую руку отъ меня пришелся Трудолюбовъ, по правую Симоновъ. Звѣрковъ сѣлъ напротивъ: Ферфичкинъ подлѣ него, между нимъ и Трудолюбовымъ.

— Ска-а-жите, вы... въ департаментѣ? продолжалъ заниматься мною Звѣрковъ. Видя, что я сконфузенъ, онъ серьезно вообразилъ, что меня надо обласкать и, такъ сказать, ободрить. Что-жь онъ, хочетъ, что-ли, чтобъ я въ него бутылкой пустилъ-, подумалъ я въ бѣшенствѣ. Раздражался я, съ непривычки, какъ-то неестественно скоро.

— Въ ...й канцеляріи, отвѣтилъ я отрывисто, глядя въ тарелку.

— И!.. вамъ выгодно? Ска-жите, что васъ на-анудило оставить прежнюю службу?

— То и на-а-анудило, что захотѣлъ оставить прежнюю службу, протянулъ я втрое больше, уже почти не владѣя собою. Ферфичкинъ фыркнулъ. Симоновъ иронически посмотрѣлъ на меня; Трудолюбовъ остановился ѣсть и сталъ меня разматривать съ любопытствомъ.

Звѣркова покоробило, но онъ не хотѣлъ замѣтить.

— Н-у-у, а какъ ваше содержаніе?

— Какое это содержаніе?

— То есть, ж-жалованье?

— Да что вы меня экзаменуете!

Впрочемъ, я тутъ-же и назвалъ, сколько получаю жалованья. Я ужасно краснѣлъ.

— Небогато,—важно замѣтилъ Звѣрковъ.

— Да-съ, нельзя въ кафе-ресторанахъ обѣдать! нагло прибавилъ Ферфичкинъ.

— По моему, такъ даже просто бѣдно,—серьезно замѣтилъ Трудолюбовъ.

— И какъ вы похудѣли, какъ перемѣнились... съ тѣхъ поръ... прибавилъ Звѣрковъ, уже не безъ яду, съ какимъ-то пахальнымъ сожалѣніемъ, разсматривая меня и мой костюмъ.

— Да полно конфузить-то,—хихикая, вскрикнулъ Ферфичкинъ.

— Милостивый государь, знайте, что я не конфужусь,—прорвался я, наконецъ,—слышите-съ! Я обѣдаю здѣсь, въ кофе-ресторанѣ на свои деньги, на свои, а не на чужія, замѣтьте это, т-г Ферфичкинъ.

— Ка-акъ! Кто-жь это здѣсь не на свои обѣдаетъ? Вы какъ будто... вцѣпился Ферфичкинъ, покраснѣвъ какъ ракъ и съ остервенѣніемъ смотря мнѣ въ глаза.

— Та-акъ,—отвѣчалъ я, чувствуя, что далеко зашелъ,—и полагаю, что лучше-бы намъ заняться разговоромъ поумнѣй.

— Вы, кажется, намѣреваетесь вашъ умъ показывать.

— Не безпокойтесь, это было-бы совершенно здѣсь лишнее.

— Да вы это что, сударь вы мой, раскудахтались—а? Вы не съ ума-ли ужь спятили, въ вашемъ *темпераментѣ*?

— Довольно, господа, довольно!—закричалъ всевластно Звѣрковъ.

— Какъ это глупо!—проворчалъ Симоновъ.

— Дѣйствительно глупо, мы собрались въ дружеской компаніи, чтобъ проводить въ войскъ добраго пріятеля, а вы считаетесь, заговорилъ Трудолюбовъ, грубо обращаясь ко мнѣ одному. —Вы къ намъ сами вчера напросились, не разстраивайте-же общей гармоніи...

— Довольно, довольно, кричалъ Звѣрковъ.—Перестаньте, господа, это пойдетъ. А вотъ я вамъ лучше разскажу, какъ я третьяго дня чуть не женился...

И вотъ начался какой-то пашквиль о томъ, какъ этотъ господинъ третьяго дня чуть не женился. О женитьбѣ, впрочемъ, не было ни слова, но въ разсказѣ все мелькали генералы, полковники и даже камеръ-юнкеры, а Звѣрковъ между ними чуть не во главѣ. Начался одобрительный смѣхъ; Ферфичкинъ даже взвизгивалъ.

Всѣ меня бросили и я сидѣлъ раздавленный и униженный.

— Господи, мое-ли это общество! думалъ я. И какимъ дуракомъ я выставилъ себя самъ передъ ними! Я однако-жъ много позволилъ Ферфичкину. Думаютъ балбесы, что честь мнѣ сдѣлали, давъ мѣсто за своимъ столомъ, тогда какъ не понимаютъ, что это я, я имъ дѣлаю честь, а не мнѣ они! «Похудѣлъ! Костюмъ!» О, проклятые панталоны! Звѣрковъ еще давеча замѣтилъ желтое пятно на колѣнкѣ... Да чего тутъ! Сейчасъ-же, сію минуту встать изъ-за стола, взять шляпу и просто уйдти, не говоря ни слова... Изъ презрѣнья! А завтра хоть на дуэль. Подлецы! Вѣдь не семи-же рублей мнѣ жалѣть. Пожалуй, подумаютъ... Чортъ возьми! Не жаль мнѣ семи рублей! Сію минуту ухожу!..

Разумѣется, я остался.

Я пилъ съ горя лафитъ и хересъ стаканами. Съ непривычки быстро хмѣлѣлъ, а съ хмѣлемъ росла и досада. Мнѣ вдругъ захотѣлось оскорбить ихъ всѣхъ самымъ дерзкимъ образомъ и потомъ ужь уйдти. Улучить минуту и показать себя: пусть-же скажутъ: хоть и смѣшонъ, да уменъ... и... и... однимъ словомъ, чортъ съ ними!

Я нагло обвелъ ихъ всѣхъ осоловѣлыми глазами. Но они точно ужь меня позабыли совсѣмъ. У *него* было шумно, крикливо, весело. Говорилъ все Звѣрковъ. Я началъ прислушиваться. Звѣрковъ разсказывалъ о какой-то пьяной дамѣ, которую онъ довелъ-таки, наконецъ, до признанья (разумѣется, лгалъ какъ лошадь) и что въ этомъ дѣлѣ особенно помогалъ ему его интимный другъ, какой-то князекъ, гусаръ Коля, у котораго три тысячи душъ.

— А между тѣмъ этого Коли, у котораго три тысячи душъ, здѣсь нѣтъ какъ нѣтъ, проводить-то васъ,—ввязался я вдругъ въ разговоръ. На минуту всѣ замолчали.

— Вы ужь о сю пору пьяны,—согласился, наконецъ, замѣтить меня Трудолюбовъ, презрительно накосясь въ мою сторону. Звѣрковъ молча разсматривалъ меня какъ букашку. Я опустилъ глаза. Симоновъ поскорѣй началъ разливать шампанское.

Трудолюбовъ поднялъ бокалъ, за нимъ всѣ, кромѣ меня.

— Твое здоровье и счастливаго пути!—крикнулъ онъ Звѣркову;—за старые годы, господа, за наше будущее, ура!

Всѣ выпили и полѣзли цѣловаться съ Звѣрковымъ. Я не трогался; полный бокалъ стоялъ передо мной непочатый.

— А вы развѣ не станете пить?—заревѣлъ, потерявшій терпѣніе, Трудолюбовъ, грозно обращаясь ко мнѣ.

— Я хочу сказать спичъ съ своей стороны, особо... и тогда выпью, господинъ Трудолюбовъ.

— Противная злючка!—проворчалъ Симоновъ.

Я выпрямился на стулѣ и взялъ бокалъ въ лихорадкѣ, готовясь къ чему-то необыкновенному, и самъ еще не зная, что именно я скажу.

— Silence!—крикнулъ Ферфичкинъ.—То-то ума-то будетъ! Звѣрковъ ждалъ очень серьезно, понимая въ чемъ дѣло.

— Господинъ поручикъ Звѣрковъ, началъ я,—знайте, что я ненавижу фразу, фразеровъ и тальи съ перехватами... Это первый пунктъ, а за симъ послѣдуетъ второй.

Всѣ сильно пошевелились.

— Второй пунктъ: ненавижу клубничку и клубничниковъ. И особенно клубничниковъ!

— Третій пунктъ: люблю правду, искренность и честность, продолжалъ я почти машинально, потому что самъ начиналъ ужь леденѣть отъ ужаса, не понимая, какъ это я такъ говорю...—Я люблю мысль, мсье Звѣрковъ: я люблю настоящее товарищество, на равной ногѣ, не... гм. Я люблю... А впрочемъ, отчего-жь? И я выпью за ваше здоровье, мсье Звѣрковъ. Прельщайте черкешенокъ, стрѣляйте враговъ отечества и... и... За ваше здоровье, мсье Звѣрковъ!

Звѣрковъ всталъ со стула, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ.

Онъ былъ ужасно обиженъ и даже побѣдѣлъ.

— Чортъ возьми,—заревѣлъ Трудолюбовъ, ударивъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ-съ, за это по рожѣ бьютъ!—взвизгнулъ Ферфичкинъ.

— Выгнать его надо!—проворчалъ Симоновъ.

— Ни слова, господа, ни жеста! торжественно крикнулъ Звѣрковъ, останавливая общее негодованіе.—Благодарю васъ всѣхъ, но я самъ съумѣю доказать ему, насколько нѣтъ его слова.

— Господинъ Ферфичкинъ, завтра-же вы мнѣ дадите удовлетвореніе за ваши сейчашнія слова! громко сказалъ я, важно обращаясь къ Ферфичкину.

— То есть дуэль-съ? Извольте-съ, отвѣчалъ тотъ, но вѣрно

я былъ такъ смѣшонъ, вызывая, и такъ это не шло къ моей фигурѣ, что всѣ, а за всѣми и Ферфичкинъ, такъ и легли со смѣху.

— Да, конечно, бросить его! Вѣдь совсѣмъ ужъ пьянъ! съ омерзеніемъ проговорилъ Трудолюбовъ.

— Никогда не прощу себѣ, что его записалъ!—проворчалъ опять Симоновъ.

— Вотъ теперь-бы и пустить бутылкой во всѣхъ, подумалъ я, взялъ бутылку и... налилъ себѣ полный стаканъ.

...Нѣтъ лучше досижу до конца! продолжалъ я думать,—вы были-бы рады, господа, чтобъ я ушелъ. Ни за что. Нарочно буду сидѣть и пить до конца, въ знакъ того, что не придаю вамъ ни малѣйшей важности. Буду сидѣть и пить, потому что васъ за нѣшекъ считаю, за нѣшекъ не существующихъ. Буду сидѣть и пить... и пѣть, если захочу, да-съ, и пѣть, потому что право такое имѣю... чтобъ пѣть... гм.

Но я не пѣлъ. Я старался только ни на кого изъ нихъ не глядѣть; принималъ независимѣйшія позы и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда со мной они сами, *первые*, заговорятъ. Но увы, они не заговорили. И какъ-бы, какъ-бы я желалъ въ эту минуту съ ними помириться! Пробило восемь часовъ, наконецъ, девять. Они перешли со стола на диванъ. Звѣрковъ разлегся на кушеткѣ, положивъ одну ногу на круглый столикъ. Туда перенесли и вино. Онъ дѣйствительно выставилъ имъ три бутылки своихъ. Меня, разумѣется, не пригласилъ. Всѣ обсѣли его на диванѣ. Они слушали его чуть не съ благоговѣніемъ. Видно было, что его любили. «За что? За что?» думалъ я про себя. Изрѣдка они приходили въ пьяный восторгъ и цѣловались. Они говорили о Кавказѣ, о томъ, что такое истинная страсть, о гальбикѣ, о выгодныхъ мѣстахъ по службѣ: о томъ, сколько доходу у гусара Подхаржевскаго, котораго никто изъ нихъ не зналъ лично и радовались, что у него много доходу; о необыкновенной красотѣ и граціи княгини Л—й, которую тоже никто изъ нихъ никогда не видалъ; наконецъ, дошло до того, что Шекспиръ безсмертенъ.

Я презрительно улыбался и ходилъ по другую сторону комнаты, прямо противъ дивана, вдоль стѣны, отъ стола до печки и обратно. Всѣми силами я хотѣлъ показать, что могу и безъ нихъ обойтись; а между тѣмъ нарочно стучалъ сапогами, становясь на каблуки. Но все было напрасно: *Они-то* и не обращали вниманія. Я имѣлъ терпѣніе проходить такъ, прямо передъ ними, съ восьми до одиннадцати часовъ, все по одному и тому-же мѣсту, отъ стола до печки и отъ печки обратно къ столу: Такъ, ходку себѣ и никто не мо-

жетъ мнѣ запретить . Входивній въ комнату слуга нѣсколько разъ останавливался смотрѣть на меня: отъ частыхъ оборотовъ у меня кружилась голова: минутами мнѣ казалось, что я въ бреду. Въ эти три часа я три раза вспотѣлъ и просохъ. Порой, съ глубочайшею, съ ядовитою болью вонзалась въ мое сердце мысль, что пройдетъ десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, сорокъ лѣтъ, а я всетаки, хоть и черезъ сорокъ лѣтъ, съ отвращеніемъ и съ униженіемъ вспомню объ этихъ грязнѣйшихъ, смѣшнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ минутахъ изъ всей моей жизни. Безсовѣстнѣе и добровольнѣе унижать себя самому было уже невозможно, и я вполнѣ, вполнѣ понималъ это и всетаки продолжалъ ходить отъ стола до печки и обратно. «О, если-бъ вы только знали, на какія чувства и мысли способенъ я, и какъ я развитъ!» думалъ я минутами, мысленно обращаясь къ дивану, гдѣ сидѣли враги мои. Но враги мои вели себя такъ, какъ будто меня и не было въ комнатѣ. Разъ, одинъ только разъ они обернулись ко мнѣ, именно, когда Звѣрковъ заговорилъ о Шекспирѣ, а я вдругъ презрительно захохоталъ. Я такъ выдѣланно и гадко фыркнулъ, что они всѣ разомъ прервали разговоръ и молча наблюдали минуты двѣ, серьезно, не смѣясь, какъ я хожу по стѣнкѣ, отъ стола до печки, и какъ *не обращаю на нихъ никакого вниманія*. Но ничего не вышло: они не заговорили и черезъ двѣ минуты опять меня бросили. Пробило одиннадцать.

— Господа, закричалъ Звѣрковъ, подымаясь съ дивана.— Теперь всѣ *туда*.

— Конечно, конечно! заговорили другіе.

Я круто поворотилъ къ Звѣркову. Я былъ до того измученъ, до того изломанъ, что хоть зарѣзаться, а покончить. У меня была лихорадка; смоченные потомъ волосы присохли ко лбу и вискамъ.

— Звѣрковъ! Я прошу у васъ прощенья, сказалъ я рѣзко и рѣшительно:—Ферфичкинъ, и у васъ тоже, у всѣхъ, у всѣхъ, я обидѣлъ всѣхъ!

— Ага! Дуэль-то не свой братъ!—ядовито прошипѣлъ Ферфичкинъ.

Меня больно рѣзнуло по сердцу.

— Нѣтъ, я не дуэли боюсь, Ферфичкинъ! Я готовъ съ вами-же завтра драться, уже послѣ примиренія. Я даже настаиваю на этомъ, и вы не можете мнѣ отказать. Я хочу доказать вамъ, что я не боюсь дуэли. Вы будете стрѣлять первый, а я выстрѣлю на воздухъ.

— Самъ себя тѣшитъ,—замѣтилъ Симоновъ.

— Просто сбрендилъ!—отозвался Трудолюбовъ.

— Да позвольте пройти, что вы поперегъ дороги стали!.. Ну

чего вамъ надобно? — презрительно отвѣчалъ Звѣрковъ. Всѣ они были красные: глаза у нихъ блистали: много пили.

— Я прошу вашей дружбы, Звѣрковъ, я васъ обидѣлъ, но...

— Обидѣли? В-вы! Ме—ня! Знайте, милостивый государь, что вы никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не можете *меня* обидѣть.

— И довольно съ васъ, прочь! — скрѣпилъ Трудолюбовъ. — Ѣдемъ.

— Олимпія моя, господа, уговоръ! крикнулъ Звѣрковъ.

— Не оспариваемъ! Не оспариваемъ! отвѣчали ему, смѣясь.

Я стоялъ оплеванный. Ватага шумно выходила изъ комнаты, Трудолюбовъ затянулъ какую-то глупую пѣсню. Симоновъ остался на крошечную минутку, чтобъ дать на чай слугамъ. Я вдругъ подошелъ къ нему.

— Симоновъ! Дайте мнѣ шесть рублей! — сказалъ я рѣшительно и отчаянно.

Онъ поглядѣлъ на меня въ чрезвычайномъ изумленіи какими-то тупыми глазами. Онъ тоже былъ пьянъ.

— Да развѣ вы и *туда* съ нами?

— Да!

— У меня денегъ нѣтъ! — отрѣзалъ онъ, презрительно усмѣхнулся и пошелъ изъ комнаты.

Я схватилъ его за шинель. Это былъ кошмаръ.

— Симоновъ! Я видѣлъ у васъ деньги, зачѣмъ вы мнѣ отказываете? Развѣ я подлецъ? Берегитесь мнѣ отказать: если-бъ вы знали, если-бъ вы знали для чего я прошу! Отъ этого зависитъ все, все мое будущее, всѣ мои планы...

Симоновъ вынулъ деньги и чуть не бросилъ ихъ мнѣ.

— Возьмите, если вы такъ безсовѣстны! — безсвязно проворилъ онъ и побѣжалъ догонять ихъ.

Я остался на минуту одинъ. Безпорядокъ, объѣдки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папиросъ, хмѣль и бредъ въ головѣ, мучительная тоска въ сердцѣ, и, наконецъ, лакей, все видѣвшій и все слышавшій и любопытно заглядывавшій мнѣ въ глаза.

— *Туда!* вскрикнулъ я. «Или они всѣ на колѣняхъ, обнимая ноги мои, будутъ вымаливать дружбы, или... или я дамъ Звѣркову пощечину!».

V.

Такъ вотъ оно, такъ вотъ оно, наконецъ, столкновеньето съ дѣйствительностью,—бормоталъ я, сбѣгая стремглавъ съ лѣстницы. — Это, знать, ужь не папа, оставляющій Римъ и уѣзжающій въ Бразилію; это, знать, ужь не балъ на озерѣ Комо!

— Подлецъ ты! — пронеслось въ моей головѣ,— коли надъ этимъ теперь смѣешься.

— Пусть! крикнулъ я, отвѣчая себѣ. — Теперь вѣдь ужь все погибло!

Ихъ ужь и слѣдъ простылъ; но все равно: я зналъ, куда они поѣхали.

У крыльца стоялъ одинокій ванька, ночникъ, въ сермягѣ, весь запорошенный все еще валившимся мокрымъ и какъ будто теплымъ снѣгомъ. Было парно и душно. Маленькая лохматая, нѣгая лошаденка его была тоже вся запорошена и кашляла, я это очень помню. Я бросился въ лубошныя санки: но только-было я занесъ ногу, чтобъ сѣсть, воспоминаніе о томъ, какъ Симоновъ сейчасъ давалъ мнѣ шесть рублей, такъ и подкосило меня, и я какъ мѣшокъ повалился въ санки.

— Нѣтъ! Надо много сдѣлать, чтобъ все это выкупить! прокричалъ я:—но я выкуплю, или въ эту-же ночь погибну на мѣстѣ. Поѣхалъ!

Мы тронулись. Цѣлый вихрь кружился въ моей головѣ:

— На колѣняхъ умолять о моей дружбѣ—они не станутъ. Это миражъ, пошлый миражъ, отвратительный, романтическій и фантастическій; тотъ-же балъ на озерѣ Комо. И потому я *долженъ* дать Звѣркову пощечину! Я обязанъ дать. И такъ рѣшено: я хочу теперь дать ему пощечину.—Погоняй!

Ванька задергалъ возжами.

— Какъ войду, такъ и дамъ. Надобно-ли сказать передъ пощечиной нѣсколько словъ, въ видѣ предисловія? Нѣтъ. Просто войду и дамъ. Они всѣ будутъ сидѣть въ залѣ, а онъ на диванѣ съ Олимпіей. Проклятая Олимпія! Она смѣялась разъ надъ моимъ лицомъ и отказалась отъ меня. Я оттаскаю Олимпію за волосы, а Звѣркова за уши! Нѣтъ, лучше за одно ухо и за ухо проведу его по всей комнатѣ. Они, можетъ быть, всѣ начнутъ меня бить и вытолкаютъ. Это даже навѣрно. Пусть! Все-же я первый далъ пощечину: моя инициатива; а по законамъ чести это все: онъ уже заклеймленъ и никакими побоями ужь не смоетъ съ себя пощечины,

кромѣ какъ дуэлью. Онъ долженъ будетъ драться. Да и пусть они теперь бьютъ меня. Пусть, неблагодарные! Особенно будетъ бить Трудолюбовъ: онъ такой сильный: Ферфичкинъ прицѣпится съ боку и непремѣнно за волосы, навѣрно. Но пусть, пусть! Я на то пошелъ. Ихъ бараньи башки принуждены-же будутъ раскусить, наконецъ, во всемъ этомъ трагическое! Когда они будутъ тащить меня къ дверямъ, я закричу имъ, что въ сущности они не стоятъ моего одного мизинца. Погоняй, извощикъ, погоняй! закричалъ я на ваньку. Онъ даже вздрогнулъ и взмахнулъ кнутомъ. Очень ужь дико я крикнулъ.

— На разсвѣтѣ деремся, это ужь рѣшено. Съ департаментомъ кончено. Ферфичкинъ сказалъ давеча вмѣсто департамента—денартаментъ. Но гдѣ взять пистолетовъ? Вздоръ! Я возьму впередъ жалованья и куплю. А пороху, а пуль? Это дѣло секунданта. И какъ успѣть все это къ разсвѣту? И гдѣ я возьму секунданта? У меня нѣтъ знакомыхъ... Вздоръ! крикнулъ я, взвихриваясь еще больше,—вздоръ! Первый встрѣчный на улицѣ, къ которому я обращусь, обязанъ быть моимъ секундантомъ, точно также какъ вытащить изъ воды утопающаго. Самые эксцентрическіе случаи должны быть допущены. Да если-бъ я самого даже директора завтра попросилъ въ секунданты, то и тотъ долженъ-бы былъ согласиться, изъ одного рыцарскаго чувства, и сохранить тайну! — Антонъ Антонычъ...

Дѣло въ томъ, что въ ту-же самую минуту мнѣ яснѣе и ярче, чѣмъ кому-бы то ни было во всемъ мірѣ, представилась вся глупѣйшая нелѣпость моихъ предположеній и весь оборотъ медали, но...

— Погоняй, извощикъ, погоняй, шельмецъ, погоняй!

— Эхъ, баринъ! проговорила земская сила.

Холодъ вдругъ обдалъ меня.

— А не лучше-ли... а не лучше-ли... прямо теперь-же домой? О, Боже мой! Зачѣмъ, зачѣмъ вчера я вызвался на этотъ обѣдъ! Но нѣтъ, невозможно! А прогулка-то три часа отъ стола до печки? Нѣтъ, они, они, а не кто другой должны расплатиться со мною за эту прогулку! Они должны смыть это безчестіе! Погоняй!

— А что если они меня въ часть отдадутъ! Не посмѣютъ! Скандала побоятся. А что, если Звѣрковъ изъ презрѣнья откажется отъ дуэли? Это даже навѣрно: но я докажу имъ тогда... Я брошусь тогда на почтовый дворъ, когда онъ будетъ завтра уѣзжать, схвачу его за ногу, сорву съ него шинель, когда онъ будетъ въ повозку влѣзать. Я зубами вцѣплюсь ему въ руку, я укушу его. «Смотрите всѣ, до чего можно довести отчаяннаго человѣка!» Пусть онъ бьетъ меня въ голову, а всѣ они сзади. Я всей публикѣ закричу: «смо-

тите, вотъ молодой щенокъ, который ѣдетъ плѣнять черкешенокъ съ моимъ плевкомъ на лицѣ»!

Разумѣется, послѣ этого все уже кончено! Департаментъ исчезъ съ лица земли. Меня схватятъ, меня будутъ судить, меня выгонятъ изъ службы, посадятъ въ острогъ, пошлютъ въ Сибирь, на поселеніе. Нужды нѣтъ! Черезъ пятнадцать лѣтъ я потащусь за нимъ въ рубищѣ, нищимъ, когда меня выпустятъ изъ острога. Я отыщу его гдѣ нибудь въ губернскомъ городѣ. Онъ будетъ женатъ и счастливъ. У него будетъ взрослая дочь... Я скажу: «смотри, извергъ, смотри на мои вваливщіяся щеки и на мое рубище! Я потерялъ все, — карьеру, счастье, искусство, науку, *любимую женщину*, и все изъ-за тебя. Вотъ пистолеты. Я пришелъ разрядить свой пистолетъ и... и прощаю тебя». Тутъ я выстрѣлю на воздухъ и обо мнѣ ни слуху, ни духу...

Я было даже заплакалъ, хотя совершенно точно зналъ, въ это-же самое мгновеніе, что все это изъ Сильвіо и изъ Маскарада Лермонтова. И вдругъ мнѣ стало ужасно стыдно, до того стыдно, что я остановилъ лошадь, вылѣзъ изъ саней и сталъ въ снѣгъ среди улицы. Ванька съ изумленіемъ и вздыхая смотрѣлъ на меня.

Что было дѣлать? И туда было нельзя — выходилъ вздоръ, и оставить дѣла нельзя, потому что ужь тутъ выйдетъ... Господи! Какъ-же это можно оставить! И послѣ такихъ обидъ! Нѣтъ! вскрикнулъ я, снова кидаясь въ сани; это предназначено,—это рокъ! Погоняй, погоняй, туда!

И въ нетерпѣніи я ударилъ кулакомъ извощика въ шею.

— Да что ты, чего дерешься? закричалъ мужичонка, стегая однако-жь клячу, такъ что та начала лягаться задними ногами.

Мокрый снѣгъ валилъ хлопьями; я раскрылся, мнѣ было не до него. Я забылъ все прочее, потому что окончательно рѣшился на нощечную, и съ ужасомъ ощущалъ, что это вѣдь ужь *непремѣнно сейчасъ* теперь случится и *ужь никакими силами остановить нельзя*. Пустынные фонари угрюмо мелькали въ снѣжной мглѣ, какъ факелы на похоронахъ. Снѣгъ набился мнѣ подъ шинель, подъ сюртукъ, подъ галстухъ и тамъ таялъ; я не закрывался: вѣдь ужь и безъ того все было потеряно! Наконецъ, мы подъѣхали. Я выскочилъ почти безъ памяти, взбѣжалъ по ступенькамъ и началъ стучать въ дверь руками и ногами. Особенно ноги, въ колѣнкахъ, у меня ужасно слабѣли. Какъ-то скоро отворили: точно знали о моемъ пріѣздѣ. (Дѣйствительно, Симоновъ предувѣдомилъ, что, можетъ быть, еще будетъ одинъ, а здѣсь надо было предувѣдомлять и вообще брать предосторожности. Это былъ одинъ изъ тѣхъ тогдашнихъ «модныхъ магазиновъ», которые давно уже теперь истребо-

лены полиціей. Днемъ и въ самомъ дѣлѣ это былъ магазинъ: а по вечерамъ, имѣющимъ рекомендацію, можно было пріѣзжать въ гости). Я пропелъ скорыми шагами черезъ темную лавку въ знакомый мнѣ залъ, гдѣ горѣла всего одна свѣчка и остановился въ недоумѣніи: никого не было.

— Гдѣ-же они?—спросилъ я кого-то.

Но они, разумѣется, уже успѣли разойдтись...

Передо мной стояла одна личность, съ глупой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Черезъ минуту отворилась дверь и вошла другая личность.

Не обращая ни на что вниманія я шагалъ по комнатѣ и, кажется, говорилъ самъ съ собой. Я былъ точно отъ смерти спасенъ и всѣмъ существомъ своимъ радостно это предчувствовалъ: вѣдь я-бы далъ пощечину, я-бы непремѣнно, непремѣнно далъ пощечину! Но теперь ихъ нѣтъ и... все исчезло, все перемѣнилось!.. Я оглядывался. Я еще не могъ сообразить. Машинально я взглянулъ на вошедшую дѣвушку: передо мной мелькнуло свѣжее, молодое, нѣсколько блѣдное лицо, съ прямыми темными бровями, съ серьезнымъ и какъ-бы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ. Мнѣ это тотчасъ-же понравилось; я-бы возненавидѣлъ ее, если-бъ она улыбалась. Я сталъ вглядываться пристальнѣе и какъ-бы съ усиліемъ: мысли еще не всѣ собрались. Что-то простодушное и доброе было въ этомъ лицѣ, но какъ-то до странности серьезное. Я увѣренъ, что она этимъ здѣсь проигрывала изъ тѣхъ дураковъ ее никто не замѣтилъ. Впрочемъ, она не могла назваться красавицей, хоть и была высокаго роста, сильна, хорошо сложена. Одѣта чрезвычайно просто. Что-то гадкое укусило меня: я подошелъ прямо къ ней...

Я случайно поглядѣлся въ зеркало. Взбудораженное лицо мое мнѣ показалось до крайности отвратительнымъ: блѣдное, злое, подлое, съ лохматыми волосами. Это пусть, этому я радъ, подумалъ я: я именно радъ, что покажусь ей отвратительнымъ: мнѣ это пріятно...

VI.

Гдѣ-то за перегородкой, какъ будто отъ какого-то сильнаго давленія, какъ будто кто-то душилъ ихъ — захрипѣли часы. Послѣ неестественно долгаго хрипѣнья послѣдовалъ тоненькій, гаденькій и какъ-то неожиданно-частый звонъ,—точно кто-то вдругъ впередъ выскочилъ. Пробило два. Я очнулся, хоть и не спалъ, а только лежалъ въ полузабытьи.

Въ комнатѣ узкой, тѣсной и низкой, загроможденной огром-

нымъ платянымъ шкапомъ и забросанной картонками, тряпьемъ и всяческимъ одежнымъ хламомъ, — было почти совсѣмъ темно. Огарокъ, свѣтившій на столѣ въ концѣ комнаты, совсѣмъ потухалъ, изрѣдка чуть-чуть вспыхивая. Черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить совершенная тьма.

Я приходилъ въ себя недолго; все разомъ, безъ усилій, тотчасъ-же мнѣ вспомнилось, какъ будто такъ и сторожило меня, чтобъ опять накинуться. Да и въ самомъ забытьи все-таки въ памяти постоянно оставалась какъ будто какая-то точка, никакъ не забывавшаяся, около которой тяжело ходили мои сонныя грезы. Но странно было: все, что случилось со мной въ этотъ день, показалось мнѣ теперь, по пробужденіи, уже давнымъ-давно прошедшимъ, какъ будто я уже давно-давно выжилъ изъ всего этого.

Въ головѣ былъ угаръ. Что-то какъ будто носилось надо мной и меня задѣвало, возбуждало и безпокоило. Тоска и желчь снова накипали и искали исхода. Вдругъ, рядомъ со мной, я увидѣлъ два открытые глаза, любопытно и упорно меня разсматривавшіе. Взглядъ былъ холодно-безучастный, угрюмый, точно совсѣмъ чужой, тяжело отъ него было.

Угрюмая мысль зародилась въ моемъ мозгу и прошла по всему тѣлу какимъ-то скверным ощущеніемъ, похожимъ на то, когда входишь въ подполье, сырое и затхлое. Какъ-то неестественно было, что именно только теперь, эти два глаза вздумали меня начать разсматривать. Вспомнилось мнѣ тоже, что въ продолженіи двухъ часовъ я не сказалъ съ этимъ существомъ ни одного слова и совершенно не счелъ этого нужнымъ: даже это мнѣ давеча почему-то нравилось. Теперь-же мнѣ вдругъ ярко представилась нелѣпая, отвратительная, какъ наукъ, идея разврата, который безъ любви, грубо и безстыже, начинаетъ прямо съ того, чѣмъ настоящая любовь вѣнчается. Мы долго смотрѣли такъ другъ на друга, но глазъ своихъ она передъ моими не опускала и взгляду своего не мѣняла, такъ что мнѣ стало, наконецъ, отчего-то жутко.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я отрывисто, чтобъ поскорѣй кончить.

— Лизой, отвѣтила она почти шепотомъ, но какъ-то совсѣмъ непривѣтливо и отвела глаза.

Я помолчалъ.

— Сегодня погода... снѣгъ... гадко! проговорилъ я почти про себя, тоскливо заложивъ руку за голову и смотря въ потолокъ.

Она не отвѣчала. Безобразно все это было.

— Ты здѣшняя? спросилъ я черезъ минуту, почти въ сердцахъ, слегка поворотивъ къ ней голову.

— Нѣтъ.
— Откуда?
— Изъ Риги,—проговорила она нехотя.
— Нѣмка?
— Русская.
— Давно здѣсь?
— Гдѣ?
— Въ домѣ.
— Двѣ недѣли. Она говорила все отрывистѣе и отрывистѣе. Свѣчка совершенно потухла: я не могъ уже различить ея лица.
— Отецъ и мать есть?
— Да... нѣтъ... есть.
— Гдѣ они?
— Тамъ... въ Ригѣ.
— Кто они?
— Такъ...
— Какъ: такъ? Кто, какого званія?
— Мѣщане.
— Ты все съ ними жила?
— Да.
— Сколько тебѣ лѣтъ?
— Двадцать.
— Зачѣмъ-же ты отъ нихъ ушла?
— Такъ...

Это *такъ* означало: отвяжись, тошно. Мы замолчали.

Богъ знаетъ почему я не уходилъ. Мнѣ самому становилось все тошнѣе и тоскливѣе. Образы всего прошедшаго дня какъ-то сами собой, безъ моей воли, безпорядочно стали проходить въ моей памяти. Я вдругъ вспомнилъ одну сцену, которую видѣлъ утромъ на улицѣ, когда озабоченно трусилъ въ должность.

— Сегодня гробъ выносили и чуть не уронили, вдругъ проговорилъ я вслухъ, совсѣмъ и не желая начинать разговора, а такъ, почти нечаянно.

— Гробъ?

— Да, на Сѣнной; выносили изъ подвала.

— Изъ подвала?

— Не изъ подвала, а изъ подвальнаго этажа... ну знаешь... тамъ, внизу... изъ дурнаго дома... Грязь такая была кругомъ... Скорлупа, соръ... пахло, мерзко было.

Молчаніе.

— Скверно сегодня хоронить! началъ я опять, чтобы только не молчать.

— Чѣмъ скверно?

— Снѣгъ, мокрять... (Я зѣвнулъ).

— Все равно, вдругъ сказала она, послѣ нѣкотораго молчанья.

— Нѣтъ, гадко... (я опять зѣвнулъ). Могильщики вѣрно ругались, оттого что снѣгъ мочилъ. А въ могилѣ вѣрно была вода.

— Отчего въ могилѣ вода? спросила она съ какимъ-то любопытствомъ, но выговаривая еще грубѣе и отрывочнѣе, чѣмъ прежде. Меня вдругъ что-то начало подзадоривать.

— Какъ-же, вода, на днѣ, вершковъ на шесть. Тутъ ни одной могилы, на Волковомъ, сухой не выроешь.

— Отчего?

— Какъ отчего? Мѣсто водяное такое. Здѣсь вездѣ болото. Такъ въ воду и кладутъ. Я видѣлъ самъ... много разъ...

(Ни одного разу я не видалъ, да и на Волковомъ никогда не былъ, а только слышалъ, какъ разсказывали).

— Неужели тебѣ все равно, умирать-то?

— Да зачѣмъ я помру? отвѣчала она, какъ-бы защищаясь.

— Когда нибудь да умрешь-же, и также точно умрешь, какъ давешняя покойница. Это была... тоже дѣвушка одна... Въ чахоткѣ померла.

— Дѣвка въ больницѣ-бы померла... (Она ужь объ этомъ знаетъ, подумалъ я, и сказала: дѣвка, а не дѣвушка).

— Она хозяйкѣ должна была, возразилъ я все болѣе и болѣе подзадориваясь спором: — и до самаго почти конца ей служила, хоть и въ чахоткѣ была. Извощики кругомъ говорили съ солдатами, разсказывали это. Вѣрно ея знакомые бывшіе. Смѣялись. Еще въ кабакѣ ее помянуть собирались. (Я и тутъ много прибавилъ).

Молчаніе, глубокое молчаніе. Она даже не шевелилась.

— А въ больницѣ-то, лучше, что-ль, помирать?

— Не все-ль одно?.. Да съ чего мнѣ помирать? прибавила она раздражительно.

— Не теперь, такъ потомъ?

— Ну и потомъ...

— Какъ-бы не такъ!—Ты вотъ теперь молода, хороша, свѣжа—тебя во столько и цѣнятъ. А черезъ годъ этой жизни ты не то ужь будешь, увянешь.

— Черезъ годъ?

— Во всякомъ случаѣ черезъ годъ тебѣ будетъ меньше цѣна, продолжалъ я съ злорадствомъ. Ты и переѣдешь отсюда куда-нибудь ниже, въ другой домъ. Еще черезъ годъ — въ третій домъ, все ниже и ниже, а лѣтъ черезъ семь и дойдешь на Сѣнной до

подвала. Это еще хорошо-бы. А вотъ бѣда, коль у тебя кромѣ того объявится какая болѣзнь, ну, тамъ слабость груди... аль сама простудишься, али что-нибудь. Въ такой жизни болѣзнь туго проходитъ. Привяжется, такъ, пожалуй, и не отвяжется. Вотъ и помрешь.

— Ну и помру.—отвѣтила она, совсѣмъ ужь злобно и быстро пошевельнулась.

— Да вѣдь жалко.

— Кого?

— Жизни жалко.

Молчанье.

— У тебя былъ женихъ? А?

— Вамъ на что?

— Да я тебя не допытываю. Мнѣ что. Чего ты сердишься? У тебя, конечно, могли быть свои непріятности. Чего мнѣ? А такъ, жаль.

— Кого?

— Тебя жаль.

— Нечего... шепнула она чуть слышно, и опять шевельнулась.

Меня это тотчасъ-же подозвало. Какъ! Я такъ былъ кротокъ съ ней, а она...

— Да ты что думаешь? На хорошей ты дорогѣ, а?

— Ничего я не думаю.

— То и худо, что не думаешь. Очнись, пока время есть. А время-то есть. Ты еще молода, собой хороша: могла-бы полюбить, замужъ пойдти, счастливой быть..

— Не всѣ замужемъ-то счастливыя,—отрѣзала она прежней грубой скороговоркой.

— Не всѣ, конечно,—а все-таки лучше гораздо, чѣмъ здѣсь. Не въ примѣръ лучше. А съ любовью и безъ счастья можно прожить. И въ горѣ жизнь хороша, хорошо жить на свѣтѣ, даже какъ-бы ни жить. А здѣсь что, кромѣ... смрада. Фуй.

Я повернулся съ омерзеньемъ: я уже не холодно резонерствовалъ. Я самъ начиналъ чувствовать что говорю и горячился. Я уже свои завѣтныя *идейки*, въ углу выжитыя, жаждалъ изложить. Что-то вдругъ во мнѣ загорѣлось, какая-то цѣль явилась.

— Ты не смотри на меня, что я здѣсь, я тебѣ не примѣръ. Я, можетъ, еще тебя хуже. Я, впрочемъ, пьянымъ сюда зашелъ, поспѣшилъ я все-таки оправдать себя.—Къ тому-жь мужчина женщинѣ совсѣмъ не примѣръ. Дѣло розное: я хоть и гажу себя и мараю, да зато ни чей я не рабъ: былъ да и пошелъ и нѣтъ меня. Стряхнулъ съ себя и опять не тотъ. А взять то, что ты съ пер-

ваго начала—раба. Да, раба! Ты все отдашь, всю волю. И порвать потомъ эти цѣпи захочешь, да ужь нѣтъ: все крѣпче и крѣпче тебя будетъ опутывать. Это ужь такая цѣпь проклятая. Я ее знаю. Ужь о другомъ я и не говорю, ты и не поймешь, пожалуй, а вотъ скажи-ка: вѣдь ты навѣрно ужь хозяйкѣ должна? Ну, вотъ видишь! прибавилъ я, хотя она мнѣ не отвѣтила, а только молча, всѣмъ существомъ своимъ слушала: — вотъ тебѣ и цѣпь! Ужь никогда не откупишься. Такъ сдѣлаютъ. Все равно что чорту душу...

...И къ тому-жь я... можетъ быть, тоже такой-же несчастный, почемъ ты знаешь, и нарочно въ грязь лѣзу, тоже съ тоски. Вѣдь пьютъ-же съ горя: ну, а я вотъ здѣсь—съ горя. Ну, скажи, ну что тутъ хорошаго: вотъ мы съ тобой... сошлись... давеча, и слова мы во все время другъ съ дружкой не молвили, и ты меня, какъ дикая, ужь потомъ разсматривать стала: и я тебя также. Развѣ этакъ любятъ? Развѣ этакъ человѣкъ съ человѣкомъ сходиться должны? Это безобразіе одно, вотъ что!

— Да!—рѣзко и посѣщно она мнѣ подакнула. Меня даже удивила посѣщность этого *да*.. Значитъ, и у ней, можетъ быть, та-же самая мысль бродила въ головѣ, когда она давеча меня разсматривала? Значитъ, и она уже способна къ нѣкоторымъ мыслямъ?.. Чортъ возьми, это любопытно, это—*сродни*, думалъ я, чуть не потирая себѣ руки. Да и какъ съ молодой такой душой не справиться!..

Болѣе всего меня игра увлекала.

Она повернула свою голову ближе ко мнѣ и, показалось мнѣ въ темнотѣ, подперлась рукой. Можетъ быть, меня разсматривала. Какъ жалѣлъ я, что не могъ разглядѣть ея глазъ. Я слышалъ ее глубокое дыханье.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхала?—началъ я уже съ нѣкоторою властью.

— Такъ...

— А вѣдь какъ хорошо въ отцовскомъ-то-бы домѣ жить! Тепло, привольно; гнѣздо свое.

— А коль того хуже?

«Въ тонъ надо попасть», мелькнуло во мнѣ: «сентиментальностью-то, пожалуй, немного возьмешь».

Впрочемъ, это такъ только мелькнуло. Клянусь, она и въ самомъ дѣлѣ меня интересовала. Къ тому-же я былъ какъ-то разслабленъ и настроенъ. Да и плутовство вѣдь такъ легко уживается съ чувствомъ.

— Кто говоритъ! — посѣщнился я отвѣтить: — все бываетъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что тебя кто-нибудь обидѣлъ и скорѣй передъ

тобой виноваты, чѣмъ ты передъ *ними*. Я вѣдь ничего изъ твоей исторіи не знаю, но такая дѣвушка, какъ ты, вѣрно не съ охоты своей сюда попадетъ...

— Какая такая я дѣвушка? пропищала она едва слышно, но я разслышалъ.

Чортъ возьми, да я лѣнцу. Это гадко. А можетъ, и хорошо... Она молчала.

— Видишь, Лиза,—я про себя скажу! Была-бы у меня семья съ дѣтства, не такой-бы я былъ, какъ теперь. Я объ этомъ часто думаю. Вѣдь какъ-бы ни было въ семьѣ худо—все отецъ съ матерью, а не враги, не чужіе. Хоть въ годъ разъ любовь тебѣ выкажутъ. Все-таки ты знаешь, что ты у себя. Я вотъ безъ семьи выросъ: оттого вѣрно такой и вышелъ... безчувственный.

Я выждалъ опять.

«Пожалуй, и не понимаетъ», думалъ я; «да и смѣшно:—мораль».

— Если-бъ я былъ отецъ и была-бъ у меня своя дочь, я-бы, кажется, дочь больше чѣмъ сыновей любилъ, право;—началъ я сбоку, точно не объ томъ, чтобъ развлечь ее. Признаюсь, я красивыхъ.

— Это зачѣмъ? спросила она.

А, стало быть, слушаетъ!

— Такъ; не знаю, Лиза. Видишь: я зналъ одного отца, который былъ строгій, суровый человѣкъ, а передъ дочерью на колѣнкахъ простаивалъ, руки, ноги ей цаловалъ, налюбоваться не могъ, право. Она танцуетъ на вечерѣ, а онъ стоитъ пять часовъ на одномъ мѣстѣ, съ нея глазъ не спускаетъ. Номѣшался на ней: я это понимаю. Она ночью устанетъ—заснетъ; а онъ проснется и пойдетъ сонную ее цаловать и крестить. Самъ въ сертучишкѣ засаленномъ ходитъ, для всѣхъ скупой, а ей изъ послѣдняго покупаетъ, подарки даритъ богатые, и ужь радость ему, коль подарокъ понравится. Отецъ всегда дочерей больше любитъ чѣмъ мать. Веселою иной дѣвушкѣ дома жить! А я-бы, кажется, свою дочь замужъ не выдавалъ.

— Да какъ-же? спросила она, чуть-чуть усмѣхнувшись.

— Ревновалъ-бы, ей Богу. Ну какъ это другого она станетъ цаловать? Чужого больше отца любить? Тяжело это и вообразить. Конечно, все это вздоръ: конечно, всякій подъ конецъ образумится. Но я-бъ, кажется, прежде чѣмъ отдать, ужь одной заботой себя замучилъ: всѣхъ-бы жениховъ перебраковалъ. А кончилъ-бы все-таки тѣмъ, что выдалъ-бы за того, кого она сама любитъ. Вѣдь тотъ, кого дочь сама полюбитъ, всегда всѣхъ хуже отцу кажется. Это ужь такъ. Много изъ-за этого въ семьяхъ худа бываетъ.

— Другіе-то продать рады дочь; не то что честью отдать, проговорила она вдругъ.

А! вонъ оно что!

— Это, Лиза, въ тѣхъ семьяхъ проклятыхъ, гдѣ ни Бога, ни любви не бываетъ, съ жаромъ подхватилъ я, — а гдѣ любви не бываетъ, тамъ и разсудка не бываетъ. Такія есть семьи, правда, да я не объ нихъ говорю. Ты, видно, въ своей семьѣ не видала добра, что такъ говоришь. Подлинно несчастная ты какая-нибудь. Гм... Больше по бѣдности все это бываетъ.

— А у господъ-то лучше что-ль? И по бѣдности честные люди хорошо живутъ.

— Гм... да. Можетъ быть. Опять и то, Лиза: человѣкъ только свое горе любитъ считать, а счастья своего не считаетъ. А счелъ-бы какъ должно, такъ и увидѣлъ-бы, что на всякую долю его запасено. Ну, а что̀ коли въ семьѣ все удастся, Богъ благословитъ, мужъ выйдетъ хорошій, любитъ тебя, лелѣетъ тебя, не отходитъ отъ тебя! Хорошо въ той семьѣ! Даже, иной разъ, и съ горемъ пополамъ хорошо: да и гдѣ горя нѣтъ? Выйдешь, можетъ, замужъ, *сама узнаешь*. Зато взять хоть первое-то время замужемъ за тѣмъ, кого любишь: счастья-то, счастья-то сколько иной разъ придетъ! Да и сплошь да рядомъ. Въ первое-то время даже и ссоры съ мужемъ хорошо кончаются. Иная сама чѣмъ больше любитъ, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ завариваетъ. Право; я зналъ такую: «такъ вотъ, люблю, дескать, очень, и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй». Знаешь-ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить? Все больше женщины. А сама про себя думаетъ: «Зато ужь такъ буду потомъ любить, такъ заласкаю, что не грѣхъ теперь и помучить». И въ домѣ-то всѣ на васъ радуются, и хорошо, и весело, и мирно, и честно... Вотъ другія тоже ревнивы бываютъ. Уйдетъ онъ куда, — я зналъ одну, — не стерпитъ, да въ самую ночь и выскочитъ, да и бѣжитъ потихоньку смотрѣть: не тамъ-ли, не въ томъ-ли домѣ, не съ той-ли? Это ужь худо. И сама знаетъ, что худо, и сердце у ней замираетъ и казнится, да вѣдь любитъ: все отъ любви. А какъ хорошо послѣ ссоры помириться, самой передъ нимъ повиниться, али простить! И такъ хорошо обоимъ, такъ хорошо вдругъ станетъ, — точно вновь они встрѣтились, вновь повѣнчались, вновь любовь у нихъ началась. И никто-то, никто-то не долженъ знать, что̀ между мужемъ и женой происходитъ, коль они любятъ другъ друга. И какая-бы ни вышла у нихъ ссора, — мать родную, и ту не должны себѣ въ судьи звать и одинъ про другаго разсказывать. Сами они себѣ судьи. Любовь — тайна Божія и отъ всѣхъ глазъ чужихъ должна быть закрыта, что̀-бы тамъ ни прои-

зонью. Свитѣе отъ этого, лучше. Другъ друга больше уважаютъ, а на уваженіи много основано. И коль разъ ужъ была любовь, коль по любви вѣнчались, зачѣмъ любви проходить! Неужто нельзя ее подержать? Рѣдко такой случай, что нельзя подержать. Ну, а какъ мужъ человѣкъ добрый и честный удастся, такъ какъ тутъ любовь пройдетъ? Первая брачная любовь пройдетъ, правда, а тамъ придетъ любовь еще лучше. Тамъ душой сойдутся, всѣ дѣла свои сообща положутъ: тайны другъ отъ друга не будетъ. А дѣти пойдутъ, такъ тутъ каждое, хоть и самое трудное время счастьемъ покажется; только-бы любить, да быть мужественнымъ. Тутъ и работа весела, тутъ и въ хлѣбъ себѣ иной разъ отказываешь для дѣтей, и то весело. Вѣдь они-жъ тебя будутъ за это потомъ любить: себѣ-же, значитъ, копишь:—дѣти ростутъ,—чувствуешь, что ты имъ примѣръ, что ты имъ поддержка: что и умрешь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будутъ носить на себѣ, такъ какъ отъ тебя получили, твой образъ и подобіе примутъ. Значитъ, это великій долгъ. Какъ тутъ не сойдешься тѣснѣй отцу съ матерью? Говорятъ вотъ, дѣтей имѣть тяжело? Кто это говоритъ? Это счастье небесное! Любишь ты маленькихъ дѣтей, Лиза? Я ужасно люблю. Знаешь,—розовенькій такой мальчикъ, грудь тебѣ сосетъ, да у какого мужа сердце повернется на жену, глядя, какъ она съ его ребенкомъ сидитъ! Ребеночекъ розовенькій, пухленькій, раскинется, нѣжится: ножки, ручки наливныя, ноготочки чистенькіе, маленькіе, такіе маленькіе, что глядѣть смѣшно, глазки, точно ужъ онъ все понимаетъ. А сосетъ—грудь тебѣ ручонкой теребитъ, играетъ. Отецъ подойдетъ,—оторвется отъ груди, перегнется весь назадъ, посмотритъ на отца, засмѣется,—точно ужъ и Богъ знаетъ какъ смѣшно,—и опять, опять сосать примется. А то возьметъ, да и прикуситъ матери грудь, коль ужъ зубки прорѣзываются, а самъ глазенками-то коситъ на нее: видишь, прикусилъ! Да развѣ не все тутъ счастье, когда они трое, мужъ, жена и ребенокъ вмѣстѣ? За эти минуты много можно простить. Нѣтъ, Лиза, знать самому сначала нужно жить выучиться, а потомъ ужъ другихъ обвинять!

Картинками, вотъ этими-то картинками тебя надо!—подумалъ я про себя, хотя, ей Богу, съ чувствомъ говорилъ, и вдругъ покраснѣлъ. А ну, если она вдругъ разхохочется, куда я тогда полѣзу?—Эта идея меня привела въ бѣшенство. Къ концу-то рѣчи я дѣйствительно разгорячился и теперь самолюбіе какъ-то страдало. Молчаніе длилось. Я даже хотѣлъ толкнуть ее.

— Чтой-то вы... начала она вдругъ, и остановилась.

Но я уже все понялъ: въ ея голосѣ уже что-то другое дрожало, не рѣзкое, не грубое и нездающееся, какъ недавно, а что-

то мягкое и стыдливое, до того стыдливое, что мнѣ самому какъ-то вдругъ передъ ней стыдно стало, виновато стало.

— Что? спросилъ я съ нѣжнымъ любопытствомъ.

— Да вы...

— Что?

— Что-то вы... точно какъ по книгѣ, сказала она, и что-то какъ будто насмѣшливое вдругъ опять послышалось въ ея голосѣ.

Больно уязвило меня это замѣчанье. Я не того ожидалъ.

Я и не понялъ, что она нарочно маскировалась въ насмѣшку, что это обыкновенная послѣдняя уловка стыдливыхъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которымъ грубо и навязчиво лѣзутъ въ душу и которые до послѣдней минуты не сдаются отъ гордости и боятся передъ вами высказать свое чувство. Уже по робости, съ которой она приступала, въ нѣсколько пріемовъ, къ своей насмѣшкѣ и, наконецъ, только рѣшилась высказать, я-бы долженъ былъ догадаться. Но я не догадался, и злое чувство охватило меня.

«Постой-же», подумалъ я.

VII.

Полно. Лиза, какая ужъ тутъ книга, когда мнѣ самому гадко вчужѣ. Да и не вчужѣ. У меня все это теперь въ душѣ проснулось... Неужели, неужели тебѣ самой не гадко здѣсь? Нѣтъ, видно, много значитъ привычка! Чортъ знаетъ, что̀ привычка можетъ изъ человѣка сдѣлать. Да неужели-жъ ты серьезно думаешь, что никогда не состаришься, вѣчно хороша будешь и что тебя здѣсь вѣки вѣчные держать будутъ? Я не говорю ужъ про то, что и здѣсь накость... А, впрочемъ, я вотъ что тебѣ про это скажу, про теперешнее-то твое житье: вотъ ты теперь хоть и молодая, пригожая, хорошая, съ душой, съ чувствомъ: ну, а знаешь-ли ты, что вотъ я какъ только давеча очнулся, мнѣ тотчасъ и гадко стало быть здѣсь съ тобой! Только въ пьяномъ видѣ вѣдь и можно сюда попасть. А будь ты въ другомъ мѣстѣ, живи какъ добрые люди живутъ, такъ я, можетъ быть, не то что волочился-бъ за тобой, а просто влюбился-бъ въ тебя, радъ-бы взгляду быть твоему, не то что слову: у воротъ-бы тебя подстерегалъ, на колѣнкахъ-бы передъ тобой выстаивалъ: какъ на невѣсту-бъ свою на тебя смотрѣлъ, да еще за честь почиталъ. Подумать про тебя что-нибудь нечистое не осмѣлился-бы. А здѣсь я вѣдь знаю, что я только свинья и ты, хочешь не хочешь, иди за мной и ужъ не я съ твоей волей спра-

ниваюсь, а ты съ моей. Послѣдній мужикъ наймется въ работники,—все-таки не всего себя закабалитъ, да и знаетъ, что ему срокъ есть. А гдѣ твой срокъ? Подумай только: что ты здѣсь отдаешь? Что кабалишь? Душу, душу, въ которой ты невластна, кабалишь вмѣстѣ съ тѣломъ! Любовь свою на поруганіе всякому пьяницѣ отдаешь!—Любовь!—Да вѣдь это все, да вѣдь это алмазъ, дѣвичье сокровище, любовь-то! Вѣдь чтобъ заслужить эту любовь, иной готовъ душу положить, на смерть пойдти. А во что твоя любовь теперь цѣнится? Ты вся куплена, вся цѣликомъ, и зачѣмъ ужь тутъ любви добиваться, когда и безъ любви все возможно. Да вѣдь обиды сильнѣе для дѣвушки нѣтъ, понимаешь-ли ты?—Вотъ слышалъ я, тѣшутъ васъ, дуръ,—позволяютъ вамъ любовниковъ здѣсь имѣть. Да вѣдь это одно баловство, одинъ обманъ, одинъ смѣхъ надъ вами, а вы вѣрите! Что онъ въ самомъ дѣлѣ, что-ли любитъ тебя, любовникъ-то? Не вѣрю. Какъ онъ будетъ любить, коли знаетъ, что тебя отъ него сейчасъ кликнутъ. Пакостникъ онъ послѣ этого! Уважаетъ-ли онъ тебя хоть на каплю? Что у тебя съ нимъ общаго? Смѣется онъ надъ тобой, да тебя-же обкрадываетъ,—вотъ и вся его любовь! Хорошо еще, что не бьетъ. А, можетъ, и бьетъ. Спроси-ка его, коли есть такой у тебя: женится-ли онъ на тебѣ? Да онъ тебѣ въ глаза расхохочется, если только не наплюетъ или не прибьетъ,—а ему самому, можетъ, всей-то цѣны—два сломаныхъ гроша. И за что, подумаешь, ты здѣсь жизнь свою погубила? Что тебя кофеемъ поятъ, да кормятъ сытно? Да вѣдь для чего кормятъ-то? У другой-бы, честной, въ горло такой кусокъ не пошелъ, потому что знаетъ, для чего кормятъ. Ты здѣсь должна, ну и все будешь должна и до конца концовъ должна будешь, до тѣхъ самыхъ поръ, что тобой гости брезгать начнутъ. А это скоро придетъ, не надѣйся на молодость. Тутъ вѣдь это все на почтовыхъ летитъ. Тебя и вытолкаютъ. Да и не просто вытолкаютъ, а задолго сначала придираться начнутъ, попрекать начнутъ, ругать начнутъ,—какъ будто не ты ей здоровье свое отдала, молодость и душу даромъ для нея загубила, а какъ будто ты-то ее и разорила, по міру пустила, обокрала. И не жди поддержки: другія подруги-то твои тоже на тебя нападутъ, чтобъ ей подслужиться, потому что здѣсь всѣ въ рабствѣ, совѣсть и жалость давно потеряли. Исподлились и ужь гаже, подлѣе, обидѣе этихъ ругательствъ и на землѣ не бываетъ. И все-то ты здѣсь положишь, все, безъ завѣта,—и здоровье, и молодость, и красоту, и надежды, и въ двадцать два года будешь смотрѣть какъ тридцатиятн-лѣтняя, и хорошо еще, коль не больная. Молись Богу за это. Вѣдь ты теперь небось думаешь, что тебѣ и ра-

боты нѣтъ, гульба! Да тяжеле и каторжнѣе работы на свѣтѣ нѣтъ и никогда не бывало. Одно сердце, кажется, все-бы слезами изошло.—И ни слова не посмѣешь сказать, ни полслова, когда тебя погонятъ отсюда, пойдешь, какъ виноватая. Перейдешь ты въ другое мѣсто, потомъ въ третье, потомъ еще куда-нибудь и доберешься, наконецъ, до Сѣнной. А тамъ ужь походя бить начнутъ; это любезность тамошняя: тамъ гость и приласкать, не прибивъ, не умѣетъ. Ты не вѣришь, что тамъ такъ противно? Ступай, посмотри когда-нибудь, можетъ, своими глазами увидишь. Я вонъ разъ видѣлъ тамъ въ Новый годъ одну, у дверей. Ее вытолкали въ насмѣшку свои-же, проморозить маленько, за то, что ужь очень ревѣла, а дверь за ней притворили. Въ девять-то часовъ утра она ужь была совсѣмъ пьяная, растрепанная, полунагая, вся избитая. Сама набѣлена, а глаза въ черняхъ: изъ носа и изъ зубовъ кровь течетъ: извощикъ какой-то только что починилъ. Сѣла она на каменной лѣсенкѣ, въ рукахъ у нея какая-то соленая рыба была: она ревѣла, что-то причитала про свою «участь», а рыбой колотила по лѣстничнымъ ступенямъ. А у крыльца столпились извощики, да пьяные солдаты и дразнили ее. Ты не вѣришь, что и ты такая-же будешь? И я-бы не хотѣлъ вѣрить, а почемъ ты знаешь, можетъ быть, лѣтъ десять, восемь назадъ, эта-же самая, съ соленой-то рыбой—пріѣхала сюда откуда-нибудь свѣженькая, какъ херувимчикъ, невинная, чистенькая; зла не знала, на каждомъ словѣ краснѣла. Можетъ быть, такая-же какъ ты была, гордая, обидчивая, на другихъ не похожая, королевой смотрѣла и сама знала, что цѣлое счастіе того ожидаетъ, кто-бы ее полюбилъ и кого-бы она полюбила. Видишь, чѣмъ кончилось? И что если въ ту самую минуту, когда она колотила этой рыбой о грязныя ступени, пьяная да растрепанная, что если въ ту минуту ей припомнились всѣ ея прежніе, чистые годы въ отцовскомъ домѣ, когда еще она въ школу ходила, а сосѣдскій сынъ ее на дорогѣ подстерегалъ, увѣрялъ, что всю жизнь ее любить будетъ, что судьбу свою ей положитъ, и когда они вмѣстѣ положили любить другъ друга на вѣки и обвѣнчаться, только что выростутъ большіе! Нѣтъ, Лиза, счастье. счастье тебѣ, если гдѣ-нибудь тамъ, въ углу, въ подвалѣ, какъ давешняя, въ чахоткѣ поскорѣе помрешь. Въ больницу, говоришь ты? Хорошо свезутъ, а если ты еще хозяйкѣ нужна? Чахотка такая болѣзнь: это не горячка. Тутъ до послѣдней минуты человѣкъ надѣется и говоритъ, что здоровъ. Самъ себя тѣшитъ А хозяйкѣ-то и выгодно. Не безпокойся, это такъ: душу, значитъ, продала, а къ тому-же деньги должна, значитъ, и никуда не смѣешь. А умирать будешь, всѣ тебя бросятъ, всѣ отвернутся, — потому, что съ тебя тогда

взять? Еще тебя-же попрекнуть, что даромъ мѣсто занимаешь, не скоро помираешь. Пить не допросишься, съ ругательствомъ подадутъ: «когда, дескать, ты, подлячка, издохнешь: спать мѣшаешь— стонешь, гости брезгаютъ». Это вѣрно: я самъ подслушалъ такія слова. Сунутъ тебя, издыхающую, въ самый смрадный уголъ въ подвалѣ, — темень, сырость; что́ ты, лежа-то одна, тогда передумаешь? Помрешь, — соберутъ наскоро, чужой рукой, съ ворчаніемъ, съ нетерпѣніемъ, — никто-то не благословитъ тебя, никто-то не вздохнетъ по тебѣ, только-бы поскорѣй тебя съ плечъ долой. Купятъ колоду, вынесутъ, какъ сегодня ту, бѣдную, выносили, въ кабакъ поминать пойдутъ. Въ могилѣ слякоть, мразъ, снѣгъ мокрый, — не для тебя-же церемониться? — «Спущай-ка ее, Ванюха: ишь вѣдь «учась» и—тутъ верхъ ногами пошла, таковская. Укороти веревки-то, пострѣлъ».—Ладно и такъ. — «Чего ладно? Ишь на боку лежитъ. Человѣкъ тоже былъ, али нѣтъ? Ну, да ладно, засыпай». И ругаться-то изъ-за тебя долго не захотятъ. Засыплютъ поскорѣй мокрой синей глиной и уйдутъ въ кабакъ... Тутъ и конецъ твоей памяти на землѣ: къ другимъ дѣти на могилу ходятъ, отцы, мужья, а у тебя — ни слезы, ни вздоха, ни поминанія, и никто-то, никто-то никогда въ цѣломъ мірѣ не придетъ къ тебѣ: имя твое исчезнетъ съ лица земли—такъ какъ-бы совсѣмъ тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хоть стучи себѣ тамъ по ночамъ, когда мертвецы встаютъ, въ гробовую крышу: «Пустите, добрые люди, на свѣтъ пожить! Я жила— жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла: ее въ кабакѣ на Сѣнной пропили: пустите, добрые люди, еще разъ на свѣтѣ пожить!»

И вошелъ въ паѳосъ, до того, что у меня самого горловая спазма приготовлялась и... вдругъ, я остановился, приподнялся въ испугѣ и, наклонивъ боязливо голову, съ бьющимся сердцемъ началъ прислушиваться. Было отчего и смутиться.

Давно уже предчувствовалъ я, что перевернулъ всю ея душу и разбилъ ея сердце и, чѣмъ больше я удостовѣрялся въ томъ, тѣмъ больше желалъ поскорѣе и какъ можно сильнѣе достигнуть цѣли. Игра, игра увлекала меня; впрочемъ, не одна игра...

Я зналъ, что говорю туго, выдѣланно, даже книжно, однимъ словомъ, я иначе и не умѣлъ, какъ «точно по книжкѣ». Но это не смущало меня; я вѣдь зналъ, предчувствовалъ, что меня поймутъ и что самая эта книжность можетъ еще больше подспорить дѣлу. Но теперь, достигнувъ эффекта, я вдругъ струсилъ. Нѣтъ, никогда, никогда еще я не былъ свидѣтелемъ такого отчаянія! Она лежала ничкомъ, крѣпко уткнувъ лицо въ подушку и обхвативъ ее

обѣими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тѣло ея вздрагивало, какъ въ судорогахъ. Сперпяся въ груди рыданія тѣснили, рвали ее и вдругъ воплями, криками вырывались наружу. Тогда еще сильнѣе прижикала она къ подушкѣ: ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь здѣсь, хоть одна живая душа, узнала про ея терзаніе и слезы. Она кусала подушку, прокусила руку свою въ кровь (я видѣлъ это потомъ), или, вцѣпившись пальцами въ свои распутавшіяся косы, такъ и замирала въ усиліи, сдерживая дыханіе и стискивая зубы. Я было началъ что-то говорить ей, просилъ ее успокоиться, но почувствовалъ, что не смѣю и, вдругъ самъ, весь въ какомъ-то ознобѣ, почти въ ужасѣ, бросился ощупью, кое-какъ наскоро собраться въ дорогу. Было темно: какъ ни старался я, но не могъ кончить скоро. Вдругъ я ощупалъ коробку спичекъ и подсвѣчникъ съ цѣлой непочатой свѣчкой. Только лишь свѣтъ озарилъ комнату, Лиза вдругъ вскочила, сѣла и съ какимъ-то искривленнымъ лицомъ, съ полусумасшедшей улыбкой, почти безсмысленно посмотрѣла на меня. Я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея руки; она опомнилась, бросилась ко мнѣ, хотѣла было обхватить меня, но не посмѣла и тихо наклонила передо мной голову.

— Лиза, другъ мой, я напрасно... ты прости меня,—началъ было я, но она сжала въ своихъ пальцахъ мои руки съ такою силою, что я догадался, что не то говорю, и пересталъ.

— Вотъ мой адресъ, Лиза, приходи ко мнѣ.

— Приду... прошептала она рѣшительно, все еще не подымая своей головы.

— А теперь я уйду, прощай... до свиданья.

Я всталъ, встала и она и вдругъ вся закраснѣлась, вздрогнула, схватила лежавшій на стулѣ платокъ и набросила себѣ на плечи до самаго подбородка. Сдѣлавъ это, она опять какъ-то болѣзненно улыбнулась, покраснѣла и странно поглядѣла на меня. Мнѣ было больно; я снѣлилъ уйдти, стушеваться.

— Подождите, сказала она вдругъ, уже въ сѣняхъ у самыхъ дверей, останавливая меня рукою за плечо, поставила въ потемкахъ свѣчу и убѣжала,—видимо вспомнила про что-то или хотѣла мнѣ принести показать. Убѣгая, она вся покраснѣла, глаза ея блестѣли, на губахъ показалась улыбка,—что-бы такое? Я поневолѣ дожидался: она воротилась черезъ минуту, со взглядомъ, какъ будто просившимъ прощенія за что-то. Вообще уже это было не то лицо, не тотъ взглядъ какъ давеча,—угрюмый, недовѣрчивый и упорный. Взглядъ теперь ея былъ просящій, мягкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивый, ласковый, робкій. Такъ смотрятъ дѣти на тѣхъ, кого очень любятъ и у кого чего-нибудь просятъ. Глаза у ней были

свѣтло-каріе, прекрасные глаза, живые, умѣвшіе отразить въ себѣ любовь и угрюмую ненависть.

Не объясняя мнѣ ничего, —какъ будто я, какъ какое-нибудь высшее существо, долженъ былъ знать все безъ объясненій, — она протянула мнѣ бумажку. Все лицо ея такъ и просіяло въ это мгновеніе самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ торжествомъ. Я развернулъ. Это было письмо къ ней отъ какого-то медицинскаго студента или въ этомъ родѣ, — очень высокопарное, цвѣтистое, но чрезвычайно почтительное объясненіе въ любви. Не припомню теперь выраженій, но помню очень хорошо, что сквозь высокій слогъ проглядывало истинное чувство, котораго не поддѣлаешь. Когда я дочиталъ, то встрѣтилъ горячій, любопытный и дѣтски-нетерпѣливый взглядъ ея на себѣ. Она приковалась глазами къ моему лицу и въ нетерпѣніи ждала — что я скажу? Въ нѣсколькихъ словахъ, наскоро, но какъ-то радостно и, какъ-будто гордясь, она объяснила мнѣ, что была гдѣ-то на танцовальномъ вечерѣ, въ семейномъ домѣ, у однихъ — очень, очень хорошихъ людей, *семейныхъ людей* и гдѣ *ничего еще не знаютъ*, совсѣмъ ничего —,—потому что она и здѣсь-то еще только вновь и только такъ... а вовсе еще не рѣшилась остаться и непремѣнно уйдетъ, какъ только долгъ заплатитъ...—Ну, и тамъ былъ этотъ студентъ, весь вечеръ танцовалъ, говорилъ съ ней и оказалось, что онъ еще въ Ригѣ, еще ребенкомъ былъ съ ней знакомъ, вмѣстѣ играли, только ужъ очень давно—и родителей ея знаетъ, но что *объ этомъ* онъ ничего, ничего, ничего не знаетъ и не подозрѣваетъ! И вотъ на другой день послѣ танцевъ (три дня назадъ) онъ и прислалъ черезъ пріятельницу, съ которой она на вечеръ ѣздила, это письмо... и... ну вотъ и все».

Она какъ-то стыдливо опустила свои сверкавшіе глаза, когда кончила разсказывать.

Бѣдненькая, она хранила письмо этого студента, какъ драгоцѣнность, и собгала за этой единственной своей драгоцѣнностью, не желая, чтобъ я ушелъ, не узнавъ о томъ, что и ее любятъ честно и искренно, что и съ ней говорятъ почтительно. Навѣрно, этому письму такъ и суждено было пролежать въ инкогнитѣ безъ послѣдствій. Но все равно; я увѣренъ, что она всю жизнь его хранила-бы какъ драгоцѣнность, какъ гордость свою и свое оправданіе, и вотъ теперь сама въ такую минуту вспомнила и принесла это письмо, чтобъ наивно погордиться передо мной, возстановить себя въ моихъ глазахъ, чтобъ я видѣлъ, чтобъ и я похвалилъ. Я ничего не сказалъ, пожалъ ей руку и вышелъ. Мнѣ такъ хотѣлось уйдти... Я прошелъ всю дорогу пѣшкомъ, не смотря на то, что мокрый снѣгъ все еще валилъ хлопьями. Я былъ измученъ, разда-

вленъ, въ недоумѣніи. Но истина уже сверкала изъ-за недоумѣнія. Гадкая истина!

VIII.

Я, впрочемъ, не скоро согласился признать эту истину. Проснувшись на утро, послѣ нѣсколькихъ часовъ глубокаго, свинцоваго сна и тотчасъ-же сообразивъ весь вчерашній день, я даже изумился моей вчерашней *сентиментальности* съ Лизой, всѣмъ этимъ «вчерашнимъ ужасамъ и жалостямъ». «Вѣдь нападетъ-же такое бабье разстройство нервовъ, тьфу!» порѣшилъ я.—«И на что это мой адресъ вручилъ я ей? Что, если она придетъ? А, впрочемъ, пожалуй, пусть и придетъ; ничего»... Но, *очевидно*, главное и самое важное дѣло теперь было не въ этомъ: надо было сейчасъ и во что-бы ни стало, скорѣе спасать мою репутацію въ глазахъ Звѣркова и Симонова. Вотъ въ чемъ было главное дѣло. А про Лизу я даже совсѣмъ и забылъ въ это утро, захлопотавшись.

Прежде всего надо было немедленно отдать вчерашній долгъ Симонову. Я рѣшился на отчаянное средство: занять цѣлыхъ пятнадцать рублей у Антона Антоновича. Какъ нарочно, онъ былъ въ это утро въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ-же выдалъ, по первой просьбѣ. Я такъ этому обрадовался, что, подписывая росписку, съ какимъ-то ухарскимъ видомъ, *нарочно* сообщилъ ему, что вчера кутили съ пріятелями, въ Hôtel de Paris; провожали товарища, даже можно сказать, друга дѣтства, и, знаете,—кутила онъ большой, избалованъ,— ну, разумѣется, хорошей фамиліи, значительное состояніе, блестящая карьера, остроуменъ, милъ, интригуетъ съ этими дамами, понимаете; вышли лишнихъ полдюжины и... И вѣдь ничего: произносилось все это очень легко, развязно и самодовольно.

Придя домой, я немедленно написалъ Симонову.

До сихъ поръ любуюсь, вспоминая истинно джентльменскій, добродушный, открытый тонъ моего письма. Ловко и благородно, а, главное, совершенно безъ лишнихъ словъ, — я обвинялъ себя во всемъ. Оправдывался я, «если только позволительно мнѣ еще оправдываться», тѣмъ, что, по совершенной непривычкѣ къ вину, опьянѣлъ съ первой рюмки, которую (будто-бы) выпилъ еще до ихъ, когда дожидалъ ихъ въ Hôtel de Paris, съ пяти до шести часовъ. Извиненія просилъ я преимущественно у Симонова: его-же просилъ передать мои объясненія и всѣмъ другимъ, особенно Звѣркову, котораго, помнится мнѣ

какъ сквозь сонъ», я, кажется, оскорбилъ. Я прибавилъ, что и самъ-бы ко всѣмъ потхалъ, да голова болитъ, а пуще всего—совѣстно. Особенно доволенъ остался я этой «нѣкоторой легкостью», даже чуть не небрежностію (впрочемъ, совершенно приличною), которая вдругъ отразилась въ моемъ перѣ и лучше всѣхъ возможныхъ резоновъ сразу давала имъ понять, что я смотрю «на всю эту вчерашнюю гадость» довольно независимо: совсѣмъ таки. Вовсе таки не убитъ на повалъ, какъ вы, господа, вѣроятно думаете, а, напротивъ, смотрю такъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на это спокойно уважающему себя джентльмену. «Быль, дескать, молодцу, не укоръ».

— Даже вѣдь какая-то игривость маркизская? любовался я, перечитывая записку.—А все оттого, что развитой и образованный человѣкъ! Другіе-бы на моемъ мѣстѣ не знали какъ и вынутаться, а я вотъ вывернулся и кучу себѣ вновь и все потому, что образованный и развитой человѣкъ нашего времени.—Да и впрямь, пожалуй, это все отъ вина вчера произошло. Гм... ну нѣтъ, не отъ вина. Водки-то я вовсе не пилъ, отъ пяти-то до шести часовъ, когда ихъ поджидалъ. Солгалъ Симонову: солгалъ безсовѣстно: да и теперь не совѣстно...

А, впрочемъ, наплевать!—Главное то, что отдѣлался.

Я вложилъ въ письмо шесть рублей, запечаталъ и упросилъ Аполлона снести къ Симонову. Узнавъ, что въ письмѣ деньги, Аполлонъ сталъ почтительнѣе и согласился сходить. Къ вечеру я вышелъ пройдтись. Голова у меня еще болѣла и кружилась со вчерашняго. Но чѣмъ болѣе наступалъ вечеръ и чѣмъ гуще становились сумерки, тѣмъ болѣе мѣнялись и путались мои впечатлѣнія, а за ними и мысли. Что-то не умирало во мнѣ внутри, въ глубинѣ сердца и совѣсти, не хотѣло умереть и сказывалось жгучей тоской. Толкался я больше по самымъ людимымъ, промышленнымъ улицамъ, по Мѣщанскимъ, по Садовой, у Юсупова сада. Особенно любилъ я всегда прохаживаться по этимъ улицамъ въ сумерки, именно когда тамъ густѣетъ толпа всякаго прохожаго, промышленнаго и ремесленнаго люда, съ озабоченными до злости лицами, расходящагося по домамъ съ дневныхъ заработковъ. Нравилась мнѣ именно эта грошевая суетня, эта наглая прозаичность. Въ этотъ разъ вся эта уличная толкотня еще больше меня раздражала. Я никакъ не могъ съ собой справиться, концовъ найдти. Что-то подымалось, подымалось въ душѣ безпрерывно, съ болью, и не хотѣло угомониться. Совсѣмъ разстроенный, я воротился домой. Точно какъ будто на душѣ моей лежало какое-то преступленіе.

Мучила меня постоянно мысль, что придетъ Лиза. Страшно мнѣ было то, что изъ всѣхъ этихъ вчерашнихъ воспоминаній, воспомина-

ніе о ней какъ-то особенно, какъ-то совсѣмъ отдѣльно меня мучило. Обо всемъ другомъ я къ вечеру уже совсѣмъ успѣлъ забыть, рукой махнулъ и все еще совершенно оставался доволенъ моимъ письмомъ къ Симонову. Но тутъ я какъ-то ужь не былъ доволенъ. Точно какъ будто я одной Лизой и мучился. Что, если она придетъ? думалъ я безпрерывно. Ну что-жь, ничего, пусть и придетъ. Гм. Скверно ужь одно то, что она увидитъ, напримѣръ, какъ я живу. Вчера я такимъ передъ ней показался... героемъ... а теперь, гм! Это, впрочемъ, скверно, что я такъ опустился. Просто нищета въ квартирѣ. И я рѣшился вчера ѣхать въ такомъ платьѣ обѣдать! А клеенчатый диванъ-то мой, изъ котораго мочалка торчитъ! А халатъ-то мой, которымъ нельзя закрыться! Какіе-то клочья... И она это все увидитъ: и Аполлона увидитъ. Эта скотина навѣрно ее оскорбитъ. Онъ придерется къ ней, чтобъ мнѣ сдѣлать грубость. А я ужь, разумѣется, по обычаю, струшу, съмельчить передъ ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну. У, скверность! Да и не въ этомъ главная-то скверность! Тутъ есть что-то главнѣе, гаже, подлѣе! Да, подлѣе! И опять, опять надѣвать эту безчестную, лживую маску!..

Дойдя до этой мысли я такъ и вспыхнулъ:

— Для чего безчестную? Какую безчестную? Я говорилъ вчера искренно. Я помню, во мнѣ тоже было настоящее чувство. Я именно хотѣлъ вызвать въ ней благородныя чувства .. Если она поплакала, то это хорошо, это благотворно подѣйствуетъ...

Но все-таки я никакъ не могъ успокоиться.

Весь этотъ вечеръ, уже когда я и домой воротился, уже послѣ девяти часовъ, когда по разсчету никакъ не могла придти Лиза, мнѣ все-таки она мерещилась, и, главное, вспоминалась въ одномъ и томъ-же положеніи. Именно, одинъ моментъ изъ всего вчерашняго мнѣ особенно ярко представлялся: это когда я освѣтилъ спичкой комнату и увидалъ ея блѣдное, искривленное лицо, съ мученическимъ взглядомъ. И какая жалкая, какая несестественная, какая искривленная улыбка у ней была въ ту минуту! Но я еще не зналъ тогда, что и черезъ пятнадцать лѣтъ я все-таки буду представлять себѣ Лизу именно съ этой жалкой, искривленной, ненужной улыбкой, которая у ней была въ ту минуту.

На другой день я уже опять готовъ былъ считать все это вздоромъ, развозившимися нервами, а главное —*преувеличеніемъ*. Я всегда сознавалъ эту мою слабую струнку и иногда очень боялся ея: «все-то я преувеличиваю, тѣмъ и хромаю», повторялъ я себѣ ежечасно. Но, впрочемъ, впрочемъ все-таки Лиза, пожалуй, придетъ —вотъ приговоръ, которымъ заключались всѣ мои тогдашнія разсужденія. До

того я безпокоился, что приходилъ иногда въ бѣшенство: «Придетъ! Непремѣнно придетъ!» восклицалъ я, бѣгая по комнатѣ; «не сегодня, такъ завтра придетъ, а ужъ отыщетъ! И таковъ проклятый романтизмъ всѣхъ этихъ *чистыхъ сердецъ!* О, мерзость, о, глупость, о, ограниченность этихъ «поганыхъ сантиментальныхъ душъ!» Ну, какъ не понять, какъ-бы, кажется, не понять?.. Но тутъ я самъ останавливался и даже въ большомъ смущеніи.

И какъ мало, мало,—думалъ я мимоходомъ,—нужно было словъ, какъ мало нужно было идилліи (да и идиллія-то еще напускной, книжной, сочиненной), чтобъ тотчасъ-же и повернуть всю человѣческую жизнь по своему. То-то дѣвственность-то! То-то свѣжесть-то почвы!

Иногда мнѣ приходила мысль самому съѣздить къ ней, «разсказать ей все» и упросить ее не приходить ко мнѣ. Но тутъ, при этой мысли, во мнѣ подымалась такая злоба, что, кажется, я-бы такъ и раздавилъ эту «проклятую» Лизу, если-бъ она возлѣ меня вдругъ случилась, оскорбилъ-бы ее, оплевалъ-бы, выгналъ-бы, ударилъ-бы!

Прошелъ однако-жъ день, другой, третій—она не приходила и я началъ успокоиваться. Особенно ободрялся и разгуливался я послѣ девяти часовъ, даже начиналъ иногда мечтать и довольно сладко: «Я, напримѣръ, спасаю Лизу, именно тѣмъ, что она ко мнѣ ходитъ, а я ей говорю... Я ее развиваю, образовываю. Я, наконецъ, замѣчаю, что она меня любитъ, страстно любитъ. Я прикидываюсь, что не понимаю (не знаю, впрочемъ, для чего прикидываюсь, такъ, для красы, вѣроятно). Наконецъ, она, вся смущенная, прекрасная, дрожа и рыдая, бросается къ ногамъ моимъ и говоритъ, что я ея спаситель и что она меня любитъ больше всего на свѣтѣ. Я изумляюсь, но...—Лиза, говорю я, неужели-жъ ты думаешь, что я не замѣтилъ твоей любви? Я видѣлъ все, я угадалъ, но я не смѣлъ посягать на твое сердце первый, потому что имѣлъ на тебя вліяніе и боялся, что ты, изъ благодарности, нарочно заставишь себя отвѣчать на любовь мою, сама насильно вызовешь въ себѣ чувство, котораго, можетъ быть, нѣтъ, а я этого не хотѣлъ, потому что это... деспотизмъ... Это неделикатно (ну, однимъ словомъ, я тутъ заранортовывался въ какой-нибудь этакой европейской, Жоржъ-Зандовской, неизъяснимо благородной тонкости...) Но теперь, теперь—ты моя, ты мое созданье, ты чиста, прекрасна, ты—прекрасная жена моя»

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Затѣмъ мы начинаемъ жить-поживать, ѣдемъ за границу и т. д.,

и т. д. Однимъ словомъ, самому подло становилось и я кончилъ тѣмъ, что дразнилъ себя языкомъ.

— Да и не пустятъ ее, «мерзавку!» думалъ я. Ихъ вѣдь, кажется, гулять-то не очень пускаютъ, тѣмъ болѣе вечеромъ (мнѣ почему-то непремѣнно казалось, что она должна придти вечеромъ и именно въ семь часовъ). А, впрочемъ, она сказала, что еще не совсѣмъ тамъ закабалилась, на особыхъ правахъ состоитъ: значитъ, гм! Чортъ возьми, придетъ, непремѣнно придетъ!

Хорошо еще, что развлекалъ меня въ это время Аполлонъ своими грубостями. Изъ терпѣнья послѣдняго выводилъ! Это была язва моя, бичъ, посланный на меня Провидѣньемъ. Мы съ нимъ никировались постоянно нѣсколько лѣтъ сряду и я его ненавидѣлъ. Богъ мой, какъ я его ненавидѣлъ! Никого въ жизни я еще, кажется, такъ не ненавидѣлъ, какъ его, особенно въ иныя минуты. Человѣкъ онъ былъ пожилой, важный, занимавшійся отчасти портняжествомъ. Но неизвѣстно почему, онъ презиралъ меня, даже сверхъ всякой мѣры, и смотрѣлъ на меня нестеримо свысока. Впрочемъ, онъ на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Взглянуть только на эту бѣлобрысую, гладко причесанную голову, на этотъ кокъ, который онъ взбивалъ себѣ на лбу и подмаслилъ постнымъ масломъ, на этотъ солидный ротъ, всегда сложенный ижицей,— и вы уже чувствовали передъ собой существо, не сомнѣвавшееся въ себѣ никогда. Это былъ педантъ въ высочайшей степени и самый огромный педантъ изъ всѣхъ, какихъ я только встрѣчалъ на землѣ, и при этомъ съ самолюбіемъ, приличнымъ развѣ только Александру Македонскому. Онъ былъ влюбленъ въ каждую пуговицу свою, въ каждый свой ноготь—непремѣнно влюбленъ, онъ тѣмъ смотрѣлъ! — Относился онъ ко мнѣ вполнѣ деспотически, презрительно мало говорилъ со мной, а если и случалось ему на меня взглядывать, то смотрѣлъ твердымъ, величаво самоувѣреннымъ и постоянно насмѣшливымъ взглядомъ, приводившимъ меня иногда въ бѣшенство. Исполнялъ онъ свою должность съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ мнѣ высочайшую милость. Впрочемъ, онъ почти ровно ничего для меня не дѣлалъ и даже вовсе не считалъ себя обязаннымъ что нибудь дѣлать. Сомнѣнія быть не могло, что онъ считалъ меня за самаго послѣдняго дурака на всемъ свѣтѣ и если держалъ меня при себѣ, то единственно потому только, что отъ меня можно было получать каждый мѣсяцъ жалованье. Онъ соглашался ничего не дѣлать — у меня за семь рублей въ мѣсяцъ. Мнѣ за него много простится грѣховъ. Доходило иногда до такой ненависти, что меня бросало чуть не въ судороги отъ одной его походки. Но особенно гадко было мнѣ его пришепетываніе. У него былъ языкъ нѣсколько

длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или что-то въ родѣ этого, оттого онъ постоянно шепелявилъ и сюсюкалъ и, кажется, этимъ ужасно гордился, воображая, что это придаетъ ему чрезвычайно много достоинства. Говорилъ онъ тихо, размѣренно, заложивъ руки за спину и опустивъ глаза въ землю. Особенно бѣсилъ онъ меня, когда, бывало, начнетъ читать у себя за перегородкой псалтырь. Много битвъ вынесъ я изъ-за этого чтенія. Но онъ ужасно любилъ читать по вечерамъ, тихимъ, ровнымъ голосомъ, на распѣвъ, точно какъ по мертвомъ. Любопытно, что онъ тѣмъ и кончилъ: онъ теперь нанимается читать псалтырь по покойникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляетъ крысъ и дѣлаетъ ваксу. Но тогда я не могъ прогнать его, точно онъ былъ слитъ съ существованіемъ моимъ химически. Къ тому-же онъ-бы и самъ не согласился отъ меня уйдти ни за что. Мнѣ нельзя было жить въ шамбръ-гарни: моя квартира была мой особнякъ, моя скорлупа, мой футляръ, въ которыи я прятался отъ всего человѣчества, а Аполлонъ, чортъ знаетъ почему, казался мнѣ принадлежащимъ къ этой квартирѣ и я пѣлыхъ семь лѣтъ не могъ согнать его.

Задержать, напримѣръ, его жалованье хоть два, хоть три дня было невозможно. Онъ-бы такую завелъ исторію, что я-бы не зналъ, куда и дѣваться. Но въ эти дни я до того былъ на всѣхъ озлобленъ, что рѣшился, почему-то и для чего-то, *наказать* Аполлона и не выдавать ему еще двѣ недѣли жалованья. Я давно ужь, года два, собирался это сдѣлать,—единственно, чтобъ доказать ему, что онъ не смѣетъ такъ ужь важничать надо мной и что если я захочу, то всегда могу не выдать ему жалованья. Я положилъ не говорить ему объ этомъ и даже нарочно молчать, чтобъ побѣдить его гордость и заставить его самого, перваго, заговорить о жалованьи. Тогда я выну всѣ семь рублей изъ ящика, покажу ему, что они у меня есть и нарочно отложены, но что я не хочу, не хочу, просто не хочу выдать ему жалованье, не хочу, потому что *такъ хочу*, потому что на это моя воля господская, потому что онъ не почтителенъ, потому что онъ грубіянъ: но что если онъ попроситъ почтительно, то я, пожалуй, смягчусь и дамъ: не то еще двѣ недѣли пройдетъ, три пройдетъ, цѣлый мѣсяцъ пройдетъ...

Но какъ я ни былъ золъ, а все-таки онъ побѣдилъ. Я и четырехъ дней не выдержалъ. Онъ началъ съ того, съ чего всегда начиналъ въ подобныхъ случаяхъ, потому что подобные случаи уже бывали, пробовались (и, замѣчу, я зналъ все это заранѣе, я зналъ наизусть его подлую тактику): именно: онъ начиналъ съ того, что устремитъ, бывало, на меня чрезвычайно строгій взглядъ, не спус-

кать его нѣсколько минутъ сряду, особенно встрѣчая меня, или провожая изъ дому. Если, напримѣръ, я выдерживалъ и дѣлалъ, видъ, что не замѣчаю этихъ взглядовъ, онъ, по прежнему молча приступалъ къ дальнѣйшимъ истязаніямъ. Вдругъ, бывало, ни съ того ни съ сего, войдетъ тихо и плавно въ мою комнату, когда я хожу или читаю, остановится у дверей, заложитъ одну руку за спину, отставитъ ногу и устремитъ на меня свой взглядъ, уже не то что строгій, а совѣмъ презрительный. Если я вдругъ спрошу его, что̀ ему надо?—онъ не отвѣтитъ ничего, продолжаетъ смотрѣть на меня въ упоръ еще нѣсколько секундъ, потомъ, какъ-то особенно сжавъ губы, съ многозначительнымъ видомъ, медленно повернется на мѣстѣ и медленно уйдетъ въ свою комнату. Часа черезъ два вдругъ опять выйдетъ и опять также передо мной появится.—Случалось, что я, въ бѣшенствѣ, ужь и не спрашивалъ его: чего ему надо? А просто самъ, рѣзко и повелительно, подымалъ голову и тоже начиналъ смотрѣть на него въ упоръ. Такъ смотримъ мы, бывало, другъ на друга минуты двѣ; наконецъ, онъ повернется, медленно и важно, и уйдетъ опять на два часа.

Если я и этимъ все еще не вразумлялся и продолжалъ бунтоваться, то онъ вдругъ начнетъ вздыхать, на меня глядя, вздыхать долго, глубоко, точно измѣряя однимъ этимъ вздохомъ всю глубину моего нравственнаго паденія и, разумѣется, кончалось, наконецъ, тѣмъ, что онъ одолѣвалъ вполнѣ: я бѣсился, кричалъ, но то, объ чемъ дѣло шло, все-таки принужденъ былъ исполнить.

Въ этотъ-же разъ едва только начались обыкновенные маневры строгихъ взглядовъ, какъ тотчасъ-же вышелъ изъ себя и въ бѣшенствѣ на него накинулся. Слишкомъ ужь я былъ и безъ того раздраженъ.

— Стой! закричалъ я въ изступленіи, когда онъ медленно и молча повертывался, съ одной рукой за спиной, чтобъ уйдти въ свою комнату,—стой! Воротись, воротись, говорю я тебѣ! И, должно быть, я такъ нестественно рявкнулъ, что онъ повернулся и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ меня разглядывать. Впрочемъ, продолжалъ не говорить ни слова, а это-то меня и бѣсило.

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ безъ спросу и такъ глядѣть на меня, отвѣчай!

Но посмотрѣвъ на меня спокойно съ полминуты, онъ снова началъ повертываться.

— Стой! заревѣлъ я, подбѣгая къ нему:—ни съ мѣста! Такъ. Отвѣчай теперь: чего ты входилъ смотрѣть?

— Если танерича вамъ есть что̀ мнѣ приказать, то мое дѣло исполнить,—отвѣчалъ онъ, опять-таки помолчавъ, тихо и размѣ-

ренно сосюкая, поднявъ брови и спокойно перегнувъ голову съ одного плеча на другое—и все это съ ужасающимъ спокойствіемъ.

— Не объ этомъ, не объ этомъ я тебя спрашиваю, палачъ! закричалъ я, трясясь отъ злобы.—Я скажу тебѣ, палачъ, самъ, для чего ты приходишь сюда: ты видишь, что я не выдаю тебѣ жалованья, самъ не хочешь, по гордости, поклониться—попросить, и для того приходишь съ своими глупыми взглядами меня наказывать, мучить, и не подозр-р-рѣваешь ты, палачъ, какъ это глупо, глупо, глупо, глупо, глупо!

Онъ было молча опять сталъ повертываться, но я ухватилъ его.

— Слушай, кричалъ я ему.—Вотъ деньги, видишь, вотъ они! (я вынулъ ихъ изъ столика) всѣ семь рублей, но ты ихъ не получишь, не на-алучишь, до тѣхъ самыхъ поръ, пока не придешь, почтительно, съ повинной головой, просить у меня прощенія. Слышалъ!

— Быть того не можетъ! отвѣчалъ онъ съ какою-то неестественною самоувѣренностью.

— Будетъ! кричалъ я,—даю тебѣ честное слово мое, будетъ!

— И не въ чемъ мнѣ у васъ прощенія просить,—продолжалъ онъ, какъ-бы совсѣмъ не замѣчая моихъ криковъ,—потому вы-же обозвали меня палачемъ, на чемъ я съ васъ могу въ кварталѣ всегда за обиду просить.

— Иди! Проси! заревѣлъ я, — иди сейчасъ, сію минуту, сію секунду! А ты всетаки палачъ! Палачъ! Палачъ!—Но онъ только посмотрѣлъ на меня, затѣмъ повернулся и, уже не слушая призывныхъ криковъ моихъ, плавно пошелъ къ себѣ, не оборачиваясь.

Если-бъ не Лиза, не было-бъ ничего этого! рѣшилъ я про себя. Затѣмъ, постоявъ съ минуту, важно и торжественно, но съ медленно и сильно бьющимся сердцемъ, я отправился самъ къ нему за ширмы.

— Аполлонъ! сказалъ я тихо и съ разстановкой, но задыхаясь:—сходи тотчасъ-же и ни мало не медля за квартальнымъ надзирателемъ!

Онъ было ужъ усѣлся тѣмъ временемъ за своимъ столомъ, надѣлъ очки и взялъ что-то шить. Но, услышавъ мое приказанье, вдругъ фыркнулъ со смѣху.

— Сейчасъ, сію минуту иди!—Иди, иди ты и не воображаешь что̀ будетъ!

— Подлинно вы не въ своемъ умѣ, замѣтилъ онъ, даже не поднявъ головы, такъ медленно сосюкая и продолжая вдѣвать нитку.—И гдѣ это видано, чтобъ человѣкъ самъ противъ себя за начальствомъ ходилъ? А касательно страху,—напрасно только надсажаетесь, потому—ничего не будетъ.

— Иди! визжалъ я, хватая его за плечо. Я чувствовалъ, что сейчасъ ударю его.

Но я не слыхалъ, какъ въ это мгновеніе вдругъ дверь изъ сѣней тихо и медленно отворилась и какая-то фигура вошла, остановилась и съ недоумѣніемъ начала насъ разглядывать. Я взглянулъ, обмеръ отъ стыда и бросился въ свою комнату. Тамъ, схвативъ себя обѣими руками за волосы, я прислонился головой къ стѣнѣ и замеръ въ этомъ положеніи.

Минуты черезъ двѣ послышались медленные шаги Аполлона.

— Тамъ *какая-то* васъ спрашиваетъ,—сказалъ онъ, особенно строго смотря на меня, потомъ посторонился и пропустилъ Лизу. Онъ не хотѣлъ уходить и насмѣшливо насъ разсматривалъ.

— Ступай! Ступай! командовалъ я ему, потерявшись. Въ эту минуту мои часы принатужились, прошипѣли и пробили семь.

IX.

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!
(Изъ той-же поэзіи).

Я стоялъ передъ ней убитый, опѣльмованный, омерзительно-сконфуженный и, кажется, улыбался, всѣми силами стараясь запахнуться полами моего лохматаго, ватнаго халатишки,—ну точь въ точь какъ еще недавно, въ упадкѣ духа, представлялъ себѣ. Аполлонъ, постоявъ надъ нами минуты двѣ, ушелъ, но мнѣ было не легче. Хуже всего, что и она тоже вдругъ сконфузилась, до того, что я даже и не ожидалъ. На меня глядя, разумѣется.

— Садись, сказалъ я машинально и придвинулъ ей стулъ возлѣ стола, самъ-же сѣлъ на диванъ. Она тотчасъ-же и послушно усѣлась, смотря на меня во всѣ глаза и, очевидно, чего-то сейчасъ отъ меня ожидая. Эта-то наивность ожиданія и привела меня въ бѣшенство, но я сдержалъ себя.

Тутъ-то-бы и стараться ничего не замѣчать, какъ будто все по обыкновенному, а она...—И я смутно почувствовалъ, что она дорого мнѣ *за все это* заплатитъ.

— Ты меня застала въ страшномъ положеніи, Лиза—началъ я, запинаясь и зная, что именно такъ-то и не надо начинать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не думай чего-нибудь! вскричалъ я, увидѣвъ, что она вдругъ покраснѣла:—я не стыжусь моей бѣдности... На-

противъ, я гордо смотрю на мою бѣдность. Я бѣденъ, но благороденъ... Можно быть бѣднымъ и благороднымъ, бормоталъ я.—Впрочемъ... хочешь чаю?

— Нѣтъ... начала было она.

— Подожди!

Я вскочилъ и побѣжалъ къ Аполлону. Надо-же было куда нибудь провалиться.

— Аполлонъ, запсталъ я лихорадочной скороговоркой, бросая передъ нимъ семь рублей, остававшіеся все время въ моемъ кулакѣ,—вотъ твое жалованье, видишь, я выдаю: но за то ты долженъ спасти меня: немедленно принеси изъ трактира чаю и десять сухарей. Если ты не захочешь пойдти, то ты сдѣлаешь несчастнымъ человѣка! Ты не знаешь какая это женщина... Это—все! Ты, можетъ быть, что нибудь думаешь... Но ты не знаешь какая это женщина!..

Аполлонъ, уже усѣвшійся за работу и уже надѣвшій опять очки, сначала, не покидая иглы, молча накосился на деньги: потомъ, не обращая на меня никакого вниманія и не отвѣчая мнѣ ничего, продолжалъ возиться съ ниткой, которую все еще вдѣвалъ. Я ждалъ минуты три, стоя передъ нимъ, съ сложенными à la Napoléon руками. Виски мои были смочены потомъ: самъ я былъ блѣденъ, я чувствовалъ это. Но, слава Богу, вѣрно ему стало жалко, смотря на меня. Кончивъ съ своей ниткой, онъ медленно привсталъ съ мѣста, медленно отодвинулъ стулъ, медленно снялъ очки, медленно пересчиталъ деньги и, наконецъ, спросивъ меня черезъ плечо: взять-ли полную порцію? медленно вышелъ изъ комнаты. Когда я возвращался къ Лизѣ, мнѣ пришло на умъ дорогой: не убѣжать-ли такъ какъ есть въ халатишкѣ, куда глаза глядятъ, а тамъ будь что будетъ.

Я усѣлся опять. Она смотрѣла на меня съ безпокойствомъ. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Я убью его! вскричалъ я вдругъ, крѣпко хлопнувъ по столу кулакомъ, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы.

— Ахъ, что вы это! вскричала она, вздрогнувъ.

— Я убью его, убью его, визжалъ я, стуча по столу, совершенно въ изступленіи и совершенно понимая въ тоже время какъ это глупо быть въ такомъ изступленіи.

— Ты не знаешь, Лиза, что такое этотъ палачъ для меня. Онъ мой палачъ... Онъ пошелъ теперь за сухарями: онъ...

И вдругъ я разразился слезами. Это былъ припадокъ. Какъ мнѣ стыдно-то было между всхлипываній: но я ужь ихъ не могъ удержать.

Она испугалась.—Что съ вами! Что это съ вами! вскрикивала она, суетясь около меня.

— Воды, подай мнѣ воды, вонъ тамъ! бормоталъ я слабымъ голосомъ, сознавая, впрочемъ, про себя, что я очень-бы могъ обойдтись безъ воды и не бормотать слабымъ голосомъ. Но я, что называется, *представлялся*, чтобъ спасти приличія, хотя припадокъ былъ и дѣйствительный.

Она подала мнѣ воды, смотря на меня какъ потерянная. Въ эту минуту Аполлонъ внесъ чай. Мнѣ вдругъ показалось, что этотъ обыкновенный и прозаическій чай ужасно неприличенъ и мизеренъ послѣ всего что было, и я покраснѣлъ. Лиза смотрѣла на Аполлона даже съ испугомъ. Онъ вышелъ, не взглянувъ на насъ.

— Лиза, ты презираешь меня? сказалъ я, смотря на нее въ упоръ, дрожа отъ нетерпѣнія узнать, что она думаетъ.

Она сконфузилась и не съумѣла ничего отвѣтить.

— Ней чай: проговорилъ я злобно. Я злился на себя, но, разумѣется, достаться должно было ей. Страшная злоба противъ нея закипѣла вдругъ въ моемъ сердцѣ; такъ-бы и убилъ ее, кажется. Чтобъ отмстить ей, я поклялся мысленно не говорить съ ней во все время ни одного слова. «Она-же всему причиною», думалъ я.

Молчаніе наше продолжалось уже минутъ пять. Чай стоялъ на столѣ: мы до него не дотрогивались: я до того дошелъ, что нарочно не хотѣлъ начинать пить, чтобъ этимъ отяготить ее еще больше; ей-же самой начинать было неловко. Нѣсколько разъ она съ грустнымъ недоумѣніемъ взглянула на меня. Я упорно молчалъ. Главный мученикъ былъ, конечно, я самъ, потому что вполнѣ сознавалъ всю омерзительную низость моей злобной глупости, и въ тоже время никакъ не могъ удержать себя.

— Я оттуда... хочу... совсѣмъ выйдти, начала было она, чтобы какъ нибудь прервать молчаніе, но, бѣдная! Именно объ этомъ-то и не надо было начинать говорить въ такую и безъ того глупую минуту, такому, и безъ того глупому какъ я, человѣку. Даже мое сердце заныло отъ жалости на ея неумѣлость и ненужную прямоту. Но что-то безобразное подавило во мнѣ тотчасъ-же всю жалость: даже еще подзадорило меня еще болѣе: пропадай все на свѣтѣ! Прошло еще пять минутъ.

— Не помѣшала-ли я вамъ? начала она робко, чуть слышно, и стала вставать.

Но какъ только я увидалъ эту первую вспышку оскорбленнаго достоинства, я такъ и затрясся отъ злости и тотчасъ-же прорвался.

— Для чего ты ко мнѣ пришла, скажи ты мнѣ пожалуйста?

началъ я, задыхаясь, и даже не соображаясь съ логическимъ порядкомъ въ моихъ словахъ. Мнѣ хотѣлось все разомъ высказать, залпомъ; я даже не заботился съ чего начинать.

— Зачѣмъ ты пришла? Отвѣчай! Отвѣчай! вскрикнулъ я, едва помня себя.—Я тебѣ скажу, матушка, затѣмъ ты пришла. Ты пришла потому, что я тебѣ тогда *жалкія слова* говорилъ. Ну вотъ ты и разнѣжилась и опять тебѣ «жалкихъ словъ» захотѣлось. Такъ знай-же, знай, что я тогда смѣялся надъ тобой. И теперь смѣюсь. Чего ты дрожишь? Да, смѣялся! Меня передъ тѣмъ оскорбили, забѣдомъ, вотъ тѣ, которые тогда передо мной пріѣхали. Я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ исколотить одного изъ нихъ, офицера; но не удалось, не застали; надо-же было обиду на комъ-нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я надъ тобой и выпилъ зло и насмѣялся. Меня унизили, такъ и я хотѣлъ унизить; меня въ тряпку растерли, такъ и я власть захотѣлъ показать... Вотъ что было, а ты ужь думала, что я тебя спасать нарочно тогда пріѣзжалъ, да? Ты это думала? Ты это думала?

Я зналъ, что она, можетъ быть, запутается и не пойметъ подробностей, но я зналъ тоже, что она отлично хорошо поиметъ сущность. Такъ и случилось. Она побѣлѣла, какъ платокъ, хотѣла что-то проговорить, губы ея болѣзненно искривились: но какъ будто ее топоромъ подсѣкли, упала на стулъ. И все время потомъ она слушала меня, раскрывъ ротъ, открывъ глаза и дрожа отъ ужаснаго страха. Цинизмъ, цинизмъ моихъ словъ придавилъ ее...

— Спасать! продолжалъ я, вскочивъ со стула и бѣгая передъ ней взадъ и впередъ по комнатѣ, — отъ чего спасать! Да я, можетъ, самъ тебя хуже. Что ты мнѣ тогда-же не кинула въ рожу, когда я тебѣ рацеи-то читалъ! А ты, моль, самъ зачѣмъ къ намъ зашель? Мораль что-ли читать? —Власти, власти мнѣ надо было тогда, игры было надо, слезъ твоихъ надо было добиться, униженія, истерики твоей — вотъ чего надо мнѣ было тогда! Я вѣдь и самъ тогда не вынесъ, потому что я дрянь, перепугался и чортъ знаетъ для чего далъ тебѣ сдуру адресъ. Такъ я потомъ, еще домой не дойдя, ужь тебя ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за этотъ адресъ. Я ужь ненавидѣлъ тебя, потому что я тебѣ тогда лгалъ. Потому что я только на словахъ поиграть, въ головѣ помечтать, а на дѣлѣ мнѣ надо, знаешь чего: чтобъ вы провалились, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не безпокоили, весь свѣтъ сейчасъ-же за копѣйку продамъ. Свѣту-ли провалиться, или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить. Знала-ль ты это, иль нѣтъ? Ну, а я вотъ знаю, что я мерзавецъ, подлецъ, себялюбецъ, лѣнтяй. Я вотъ дро-

жалъ эти три дня отъ страха, что ты придешь. А знаешь, что всѣ эти три дня меня особенно безпокоило? А то, что вотъ я тогда героемъ такимъ передъ собой представился, а тутъ вотъ ты вдругъ увидишь меня въ этомъ рваномъ халатишкѣ, ничего, гадкаго. Я тебѣ сказалъ давеча, что я не стыжусь своей бѣдности; такъ знай-же, что стыжусь, больше всего стыжусь, пуще всего боюсь, пуще того, если-бъ я воровалъ, потому что я тщеславенъ такъ, какъ будто съ меня кожу содрали и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно. Да неужели-жъ ты даже и теперь еще не догадалась, что я тебѣ никогда не прощу того, что ты застала меня въ этомъ халатишкѣ, когда я бросился, какъ злая собаченка на Аполлона. Воскресителъ-то, бывшій-то герой, бросается какъ паршивая, лохматая шавка на своего лакея, а тотъ смѣется надъ нимъ! И слезъ давешнихъ, которыхъ передъ тобой я, какъ пристыженная баба, не могъ удержать, никогда тебѣ не прощу! И того, въ чемъ теперь тебѣ признаюсь, тоже никогда *тебѣ* не прощу! Да,—ты, одна ты за все это отвѣтить должна, потому что ты такъ подвернулась, потому что я мерзавецъ, потому что я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочный, самый глупый, самый завистливый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ, которые вовсе не лучше меня, но которые, чортъ знаетъ отчего, никогда не конфузятся: а вотъ, я такъ всю жизнь отъ всякой гниды буду щелчки получать и это моя черта! Да какое мнѣ дѣло до того, что ты этого ничего не поймешь! И какое, ну какое, какое дѣло мнѣ до тебя и до того, погибаешь ты тамъ, или нѣтъ? Да понимаешь-ли ты, какъ я теперь, высказавъ тебѣ это, тебя ненавидѣть буду за то, что ты тутъ была и слушала? Вѣдь человѣкъ разъ въ жизни только такъ высказывается, да и то въ истерикѣ!.. Чего-жъ тебѣ еще? Чего-жъ ты еще, послѣ всего этого, торчишь передо мной, мучаешь меня, не уходишь?

Но тутъ случилось вдругъ странное обстоятельство.

Я до того привыкъ думать и воображать все по книжкѣ и представлять себѣ все на свѣтѣ такъ, какъ самъ еще прежде въ мечтахъ сочинилъ, что даже сразу и не понялъ тогда этого страннаго обстоятельства. А случилось вотъ что: Лиза, оскорбленная и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чѣмъ я воображалъ себѣ. Она поняла изъ всего этого то, что женщина всегда прежде всего пойметъ, если искренно любитъ, а именно: что я самъ несчастливъ.

Испуганное и оскорбленное чувство смѣнилось на лицѣ ея сначала горестнымъ изумленіемъ. Когда-же я сталъ называть себя подлецомъ и мерзавцемъ и полились мои слезы (я проговорилъ всю эту тираду со слезами), все лицо ея передернулось какой-то су-

дорогой. Она хотѣла было встать, остановить меня; когда-же я кончилъ, она не на крики мои обратила вниманіе: «Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ не уходишь!—а на то, что мнѣ, должно быть, очень тяжело самому было все это выговорить. Да и забитая она была такая, бѣдная; она считала себя безконечно ниже меня: гдѣ-жъ ей было озлиться, обидѣться? Она вдругъ вскочила со стула въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, и, вся стремясь ко мнѣ, но все еще робѣя и не смѣя сойти съ мѣста, протянула ко мнѣ руки... Тутъ сердце и во мнѣ перевернулось. Тогда она вдругъ бросилась ко мнѣ, обхватила мою шею руками и заплакала. Я тоже не выдержалъ и зарыдалъ такъ, какъ никогда еще со мной не бывало...

— Мнѣ не даютъ... Я не могу быть... добрымъ!—едва проговорилъ я, затѣмъ дошелъ до дивана, упалъ на него ничкомъ и четверть часа рыдалъ въ настоящей истерикѣ. Она припала ко мнѣ, обняла меня и какъ-бы замерла въ этомъ объятіи.

Но все-таки штука была въ томъ, что истерика должна-же была пройти. И вотъ (я вѣдь омерзительную правду пишу), лежа ничкомъ на диванѣ, накрѣпко, и уткнувъ лицо въ дрянную кожаную подушку мою, я началъ помаленьку, издалека, невольно, но неудержимо ощущать, что вѣдь мнѣ теперь неловко будетъ поднять голову и посмотрѣть Лизѣ прямо въ глаза. Чего мнѣ было стыдно?—Не знаю, но мнѣ было стыдно. Пришло мнѣ тоже въ взбудораженную мою голову, что роли вѣдь теперь окончательно перемѣнились, что героиня теперь она, а я точно такое-же униженное и раздавленное созданіе, какимъ она была передо мной въ ту ночь,—четыре дня назадъ... И все это ко мнѣ пришло еще въ тѣ минуты, **когда я лежалъ ничкомъ на диванѣ!**

Боже мой! Да неужели-жъ я тогда ей позавидовалъ?

Не знаю, до сихъ поръ еще не могу рѣшить, а тогда, конечно, еще меньше могъ это понять чѣмъ теперь. Безъ власти и тиранства надъ кѣмъ нибудь я вѣдь не могу прожить... Но... но вѣдь разсужденіями ничего не объяснишь, а слѣдственно и разсуждать нечего.

Я однако-жъ преодолѣлъ себя и приподнялъ голову; надобно-жъ было когда нибудь поднять... И вотъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что именно потому, что мнѣ было стыдно смотрѣть на нее, въ сердцѣ моемъ вдругъ тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство... чувство господства и обладанія. Глаза мои блеснули страстью и я крѣпко стиснулъ ея руки. Какъ я ненавидѣлъ ее и какъ меня влекло къ ней въ эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщеніе!.. На лицѣ ея изобразилось сначала какъ будто недоумѣніе, какъ будто даже страхъ, но только на мгновеніе. Она восторженно и горячо обняла меня.

X.

Черезъ четверть часа я бѣгалъ взадъ и впередъ въ бѣшеномъ нетерпѣніи по комнатѣ, поминутно подходилъ къ ширмамъ и въ щелочку поглядывалъ на Лизу. Она сидѣла на полу, склонивъ на кровать голову и, должно быть, плакала. Но она не уходила, а это-то и раздражало меня. Въ этотъ разъ она уже все знала. Я оскорбилъ ее окончательно, но... нечего разсказывать. Она догадалась, что порывъ моей страсти былъ именно мщеніемъ, новымъ ея униженіемъ, и что къ давешней моей, почти безпредметной ненависти прибавилась теперь уже *личная, завистливая* къ ней ненависть... А, впрочемъ, не утверждаю, чтобъ она это все поняла отчетливо: но зато она вполнѣ поняла, что я человѣкъ мерзкій и, главное, не въ состояніи любить ее.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это невѣроятно,—невѣроятно быть такимъ злымъ, глупымъ, какъ я; пожалуй, еще прибавятъ, что невѣроятно было не полюбить ее или, по крайней мѣрѣ, не оцѣнить этой любви. Отчего-же невѣроятно? Во первыхъ, я и полюбить ужь не могъ, потому, что, повторяю, любить у меня — значило тиранствовать и нравственно превосходствовать. Я всю жизнь не могъ даже представить себѣ иной любви, и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно-дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненавистью и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужь и представить себѣ не могъ, что дѣлать съ покореннымъ предметомъ. Да и что тутъ невѣроятнаго, когда я ужь до того успѣлъ растлить себя нравственно, до того отъ «живой жизни» отвыкъ, что давеча вздумалъ попрекать и стыдить ее тѣмъ, что она пришла ко мнѣ «жалкія слова» слушать: а и не догадался самъ, что она пришла вовсе не для того, чтобъ жалкія слова слушать, а чтобъ любить меня, потому что для женщины въ любви-то и заключается все воскресеніе, все спасеніе отъ какой-бы то ни было гибели и все возрожденіе, да иначе и проявиться не можетъ, какъ въ этомъ. Впрочемъ, я не очень ужь такъ ее ненавидѣлъ, когда бѣгалъ по комнатѣ и въ щелочку заглядывалъ за ширмы. Мнѣ только невыносимо тяжело было, что она здѣсь. Я хотѣлъ, чтобъ она исчезла. «Спокойствія» я желалъ, остаться одинъ въ подпольѣ желалъ. «Жи-

вая жизнь» съ непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно.

Но прошло еще нѣсколько минутъ, а она все еще не подымалась, какъ будто въ забытьи была. Я имѣлъ безсовѣстность тихонько постучать въ ширмы, чтобъ напомнить ей... Она вдругъ встрепенулась, схватилась съ мѣста и бросилась искать свой платокъ, свою шляпку, шубу, точно спасаясь отъ меня куда-то... Черезъ двѣ минуты она медленно вышла изъ-за ширмъ и тяжело на меня поглядѣла. Я злобно усмѣхнулся, впрочемъ, насильно, *для приличія*, и отворотился отъ ея взгляда.

— Прощайте,—проговорила она, направляясь къ двери.

Я вдругъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку, разжалъ ее, вложилъ... и потомъ опять зажалъ. Затѣмъ тотчасъ-же отвернулся и отскочилъ поскорѣй въ другой уголъ, чтобъ не видѣть, по крайней мѣрѣ...

Я хотѣлъ было сію минуту солгать,—написать, что я сдѣлалъ это нечаянно, не помня себя, потерявшись, сдуру. Но я не хочу лгать и потому говорю прямо, что я разжалъ ей руку и положилъ въ нее... со злости. Мнѣ это пришло въ голову сдѣлать, когда я бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а она сидѣла за ширмами. Но вотъ что я навѣрно могу сказать: я сдѣлалъ эту жестокость, хоть и нарочно, но не отъ сердца, а отъ дурной моей головы. Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, *книжная*, что я самъ не вытерпѣлъ даже минуты,—сначала отскочилъ въ уголъ, чтобъ не видѣть, а потомъ, со стыдомъ и отчаяніемъ бросился вслѣдъ за Лизой. Я отворилъ дверь въ сѣни и сталъ прислушиваться.

— Лиза! Лиза! крикнулъ я на лѣстницу, но не смѣло, вполголоса...

Отвѣта не было, мнѣ показалось, что я слышу ея шаги на нижнихъ ступеняхъ.

— Лиза! крикнулъ я громче.

Нѣтъ отвѣта. Но въ ту-же минуту я услышалъ снизу какъ тяжело съ визгомъ отворилась тугая, наружная стеклянная дверь на улицу и тутъ захлопнулась. Гулъ поднялся по лѣстницѣ.

Она ушла. Я воротился въ комнату въ раздумьи. Ужасно тяжело мнѣ было.

Я остановился у стола возлѣ стула, на которомъ она сидѣла и безсмысленно смотрѣлъ передъ собой. Прошло съ минуту, вдругъ я весь вздрогнулъ: прямо передъ собой, на столѣ, я увидалъ... однимъ словомъ, я увидалъ смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назадъ зажалъ въ ея руку. Это была

та бумажка; другой и быть не могло, другой и въ домѣ не было. Она, стало быть, успѣла выбросить ее изъ руки на столъ въ ту минуту, когда я отскочилъ въ другой уголъ.

Что-жь? Я могъ ожидать, что она это сдѣлаетъ. Могъ ожидать? Нѣтъ. Я до того былъ эгоистъ, до того не уважалъ людей на самомъ дѣлѣ, что даже и вообразить не могъ, что и она это сдѣлаетъ. Этого я не вынесъ. Мгновеніе спустя я, какъ безумный, бросился одѣваться, накинувъ на себя что успѣлъ въ попыхахъ и стремглавъ выбѣжалъ за ней. Она и двухсотъ шаговъ еще не успѣла уйдти, когда я выбѣжалъ на улицу.

Было тихо, валилъ снѣгъ и падалъ почти перпендикулярно, настилая подушку на тротуаръ и на пустынную улицу. Никого не было прохожихъ, никакого звука не слышалось. Уныло и безполезно мерцали фонари. Я отбѣжалъ шаговъ двѣсти, до перекрестка и остановился.—Куда пошла она? И зачѣмъ я бѣгу за ней?

Зачѣмъ? Упасть передъ ней, зарыдать отъ раскаянія, цаловать ея ноги, молить о прощеніи! Я и хотѣлъ этого, вся грудь моя разрывалась на части и никогда, никогда не вспомяну я равнодушно эту минуту. Но,—зачѣмъ? подумалось мнѣ. Развѣ я не возненавижу ее, можетъ быть, завтра-же, именно за то, что сегодня цаловалъ ея ноги? Развѣ дамъ я ей счастье? Развѣ я не узналъ сегодня опять, въ сотый разъ, цѣны себѣ? Развѣ я не замучу ее!

Я стоялъ на снѣгу, всматриваясь въ мутную мглу, и думалъ объ этомъ.

— И не лучше-ль, не лучше-ль будетъ, фантазировалъ я уже дома, послѣ, заглушая фантазіями живую сердечную боль, — не лучше-ль будетъ, если она на вѣки унесетъ теперь съ собой оскорбленіе? Оскорбленіе, — да вѣдь это очищеніе; это самое ѣдкое и больное сознаніе! Завтра-же я-бы загрязнилъ собой ея душу и утомилъ ея сердце. А оскорбленіе не замретъ въ ней теперь никогда, и какъ-бы ни была гадка грязь, которая ее ожидаетъ,—оскорбленіе возвыситъ и очиститъ ее... ненавистью... гм... можетъ, и прощеніемъ... А, впрочемъ, легче-ль ей отъ всего этого будетъ?

А въ самомъ дѣлѣ: вотъ я теперь ужь отъ себя задаю одинъ праздный вопросъ: что̀ лучше,—дешевое-ли счастіе, или возвышенныя страданія? Ну-ка, что̀ лучше?

Такъ мнѣ мерещилось, когда я сидѣлъ въ тотъ вечеръ у себя дома, едва живой отъ душевной боли. Никогда я не выносилъ еще столько страданія и раскаянія; но развѣ могло быть хоть какое либо сомнѣніе, когда я выбѣгалъ изъ квартиры, что я не возвращусь съ полдороги домой? Никогда больше я не встрѣчалъ Лизу и ничего не слыхалъ о ней. Прибавлю тоже, что я надолго остался

доволенъ *фразой* о пользѣ отъ оскорбленія и ненависти, не смотря на то, что самъ чуть не заболѣлъ тогда отъ тоски.

Даже и теперь, черезъ столько лѣтъ, все это какъ-то слишкомъ *нехорошо* мнѣ припоминается. Многое мнѣ теперь нехорошо припоминается, но... не кончить-ли ужь тутъ «Записки?» Мнѣ кажется, я сдѣлалъ ошибку, начавъ ихъ писать. Но крайней мѣрѣ, мнѣ было стыдно, во все время какъ я писалъ эту *повѣсть*: стало быть, это ужь не литература, а исправительное наказаніе. Вѣдь разсказывать, напримѣръ, длинныя повѣсти о томъ, какъ я маникировалъ свою жизнь нравственнымъ растлѣніемъ въ углу, недостаткомъ среды, отвычкой отъ живаго и тщательной злобой въ подпольѣ, — ей Богу не интересно: въ романъ надо героя, а тутъ *нарочно* собраны всѣ черты для анти-героя, а, главное, все это произведетъ препепріятное впечатлѣніе, потому что мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякій болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подъ часъ къ настоящей «живой жизни» какое-то омерзеніе, а потому и терпѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее. Вѣдь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаемъ за трудъ, почти что за службу, и всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше. И чего коношимся мы иногда, чего блажимъ, чего просимъ? Сами не знаемъ чего. Намъ-же будетъ хуже, если наши блажныя просьбы исполнятъ. Ну, попробуйте, ну, дайте намъ, напримѣръ, побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку, и мы... да увѣряю-же васъ: мы тотчасъ-же попросимся опять обратно въ опеку. Знаю, что вы, можетъ быть, на меня за это разсердитесь, закричите, ногами затопаете: говорите, дескать, про себя одного и про ваши мизеры въ подпольѣ, а не смѣйте говорить: «всѣ мы». Позвольте, господа, вѣдь не оправдываюсь-же я этимъ *всѣмъ*. Что-же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ, въ моей жизни, до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразуміе, и тѣмъ утѣшались, обманывая сами себя. Такъ что я, пожалуй, еще живѣе васъ выхожу. Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже не знаемъ, гдѣ и живое-то живетъ теперь, и что оно такое, какъ называется? Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся,— не будемъ знать куда примкнуть, чего придерживаться; что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать? Мы даже и человѣками-то быть тяготимся,—человѣками съ настоящимъ, *собственнымъ* тѣломъ и кровью; стыдимся этого, за позоръ считаемъ и наровимъ быть какими-то небывалыми общечеловѣками. Мы мертво-

рожденные, да и рождаемся-то, давно ужь, не отъ живыхъ отцовъ и это намъ все болѣе и болѣе нравится. Во вкусъ входимъ. Скоро выдумаемъ рождаться какъ нибудь отъ идеи. Но довольно;—не хочу я больше писать «изъ Подполья»...

Впрочемъ, здѣсь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Онъ не выдержалъ и продолжалъ далѣе. Но намъ тоже кажется, что здѣсь можно и остановиться.

КРОКОДИЛЪ,

НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТІЕ

ИЛИ

ПАССАЖЪ ВЪ ПАССАЖѢ,

справедливая повѣсть о томъ, какъ одинъ господинъ извѣстныхъ лѣтъ и извѣстной наружности, пассажнымъ крокодиломъ былъ проглоченъ живьемъ, весь безъ остатка, и что изъ этого вышло.

Ohé Lambert! Où est Lambert?
As-tu vu Lambert?

I.

Сего тринадцатаго января текущаго шестьдесять пятаго года, въ половинѣ перваго пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвѣича, образованнаго друга моего, сослуживца и отчасти отдаленнаго родственника, пожелала посмотрѣть крокодила, показываемаго за извѣстную плату въ Пассажѣ. Имѣя уже въ карманѣ свой билетъ для выѣзда (не столько по болѣзни, сколько изъ любознательности), за границу, а слѣдственно уже считаясь по службѣ въ отпуску и, стало быть, будучи совершенно въ то утро свободенъ, Иванъ Матвѣичъ не только не воспрепятствовалъ непреодолимому желанію своей супруги, но даже самъ возгорѣлся любопытствомъ. «Прекрасная идея, сказалъ онъ вседовольно, — осмотримъ крокодила! Собираясь въ Европу, не худо познакомиться еще на мѣстѣ съ населяющими ее туземцами»,—и съ сими словами, принявъ подъ ручку свою супругу, тотчасъ-же отправился съ нею въ Пассажъ. Я-же, по обыкновенію моему, увязался съ ними рядомъ, — въ видѣ домашняго друга. Никогда еще я не видалъ Ивана Матвѣича въ болѣе пріятномъ расположеніи духа, какъ въ то памятное для меня утро,—подлинно, что мы не знаемъ заранѣе судьбы своей! Войдя въ Пассажъ, онъ немедленно сталъ восхищаться великолѣпіемъ зданія, а подойдя къ магазину, въ которомъ показывалось вновь привезенное въ столицу чудовище, самъ пожелалъ заплатить за меня четвертакъ крокодильщику,—чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Вступивъ въ небольшую комнату, мы замѣтили, что въ ней кромѣ крокодила, заключается еще попугай, изъ иностранной породы какаду и, сверхъ того, группа обезьянъ въ особомъ шкафу въ углубленіи. У самаго-же входа, у лѣвой стѣны, стоялъ большой жестяной ящикъ въ видѣ какъ-бы ванны, накрытый крѣпкою желѣзною сѣткой, а на днѣ его было на вершокъ

воды. Въ этой-то мелководной лужѣ сохранялся огромнѣйшій крокодилъ, лежавшій какъ бревно, совершенно безъ движенія и видимо лишившійся всѣхъ своихъ способностей отъ нашего сырого и негостепріимнаго для иностранцевъ климата. Сіе чудовище ни въ комъ изъ насъ сначала не возбудило особаго любопытства.

— Такъ это-то крокодилъ! сказала Елена Ивановна голосомъ сожалѣнія и на расиѣвъ, — а я думала, что онъ... какой-нибудь другой!

Вѣроятнѣе всего она думала, что онъ брилліантовый. Вышедшій къ намъ нѣмецъ, хозяинъ-собственникъ крокодила, съ чрезвычайно гордымъ видомъ смотрѣлъ на насъ.

— Онъ правъ, шепнулъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ,—ибо сознаетъ, что онъ одинъ во всей Россіи показываетъ теперь крокодила.

Это совершенно вздорное замѣчаніе я тоже отношу къ чрезмѣрно благодушному настроенію, овладѣвшему Иваномъ Матвѣичемъ, въ другихъ случаяхъ весьма завистливымъ.

— Мнѣ кажется, вашъ крокодилъ не живой, проговорила опять Елена Ивановна, шокированная недодатливостью хозяина и съ граціозной улыбкой обращаясь къ нему, чтобы преклонить сего грубіяна, —маневръ столь свойственный женщинамъ.

— О, нѣтъ, мадамъ, отвѣчалъ тотъ ломанымъ русскимъ языкомъ и тотчасъ-же, приподнявъ до половины сѣтку ящика, сталъ палочкой тыкать крокодила въ голову.

Тогда коварное чудовище, чтобъ показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостомъ, приподняло рыло и испустило нѣчто подобное продолжительному сопѣнію.

— Ну, не сердись, Карлъхенъ! ласкательно сказалъ нѣмецъ, удовлетворенный въ своемъ самолюбіи.

— Какой противный этотъ крокодилъ! Я даже испугалась, еще кокетливѣе пролепетала Елена Ивановна,—теперь онъ мнѣ будетъ сниться во снѣ.

— Но онъ васъ не укуситъ во снѣ, мадамъ, галантерейно подхватилъ нѣмецъ и прежде всѣхъ засмѣялся остроумію словъ своихъ, но никто изъ насъ не отвѣчалъ ему.

— Пойдемте, Семенъ Семенычъ, продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно ко мнѣ — посмотримъ лучше обезьянъ. Я ужасно люблю обезьянъ; изъ нихъ такія душки... а крокодилъ ужасенъ.

— О, не бойся, другъ мой, прокричалъ намъ вслѣдъ Иванъ Матвѣичъ, пріятно храбрясь передъ своею супругою.—Этотъ сонливый обитатель фараонова царства ничего намъ не сдѣлаетъ,— и остался у ящика. Мало того, взявъ свою перчатку, онъ началъ

щекотать ею носъ крокодила, желая, какъ признался онъ послѣ, заставить его вновь сопѣть. Хозяинъ-же послѣдовалъ за Еленой Ивановной, какъ за дамою, къ шкафу съ обезьянами.

Такимъ образомъ все шло прекрасно и ничего нельзя было предвидѣть. Елена Ивановна даже до рѣзвости развлекалась обезьянами и, казалось, вся отдалась имъ. Она вскрикивала отъ удовольствія, безпрерывно обращаясь ко мнѣ, какъ будто не желая и вниманія обращать на хозяина, и хохотала отъ замѣчаемаго ею сходства сихъ мартышекъ съ ея короткими знакомыми и друзьями. Развеселился и я, ибо сходство было несомнѣнное. Нѣмецъ-собственникъ не зналъ, смѣяться ему или нѣтъ и потому подъ конецъ совсѣмъ нахмурился. И, вотъ въ это-то самое мгновеніе, вдругъ страшный, могу даже сказать, нестественный крикъ потрясъ комнату. Не зная, что подумать, я сначала оледенѣлъ на мѣстѣ: но замѣчая, что кричитъ уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и—что-же увидѣлъ я! Я увидѣлъ,—о, Боже!—я увидѣлъ несчастнаго Ивана Матвѣича въ ужасныхъ челюстяхъ крокодиловыхъ, перехваченнаго ими поперекъ туловища, уже поднятаго горизонтально на воздухъ и отчаянно болтавшаго въ немъ ногами. Затѣмъ—мигъ и его не стало. Но опишу въ подробности, потому что я все время стоялъ неподвижно и успѣлъ разглядѣть весь происходившій передо мной процессъ съ такимъ вниманьемъ и любопытствомъ, какого никогда не запомню.—Ибо, думалъ я въ ту роковую минуту,—что, если-бъ вмѣсто Ивана Матвѣича, случилось все это со мной,—какова была-бы тогда мнѣ непріятность! Но къ дѣлу. Крокодилъ началъ съ того, что, повернувъ бѣднаго Ивана Матвѣича въ своихъ ужасныхъ челюстяхъ къ себѣ ногами, сперва проглотилъ самыя ноги: потомъ, отрыгнувъ немного Ивана Матвѣича, старавшагося выскочить и цѣплявшагося руками за ящикъ, вновь втянулъ его въ себя уже выше поясницы. Потомъ, отрыгнувъ еще, глотнулъ еще и еще разъ. Такимъ образомъ, Иванъ Матвѣичъ видимо исчезалъ въ глазахъ нашихъ. Наконецъ, глотнувъ окончательно, крокодилъ вобралъ въ себя всего моего образованнаго друга и на этотъ разъ ужь безъ остатка. На поверхности крокодила можно было замѣтить какъ проходилъ по его внутренности Иванъ Матвѣичъ со всѣми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, какъ вдругъ судьба еще разъ захотѣла вѣроломно подшутить надъ нами: крокодилъ понатужился, вѣроятно, давясь отъ огромности проглоченнаго имъ предмета, снова раскрылъ всю ужасную пасть свою и изъ нея, въ видѣ послѣдней отрыжки, вдругъ на одну секунду выскочила голова Ивана Матвѣича, съ отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ, при чемъ очки его мгновенно

свалились съ его носу на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтобъ еще разъ бросить послѣдній взглядъ на всѣ предметы и мысленно проститься со всѣми свѣтскими удовольствіями. Но она не успѣла въ своемъ намѣреніи: крокодилъ вновь собрался съ силами, глотнулъ и въ мигъ она снова исчезла, и въ этотъ разъ уже на вѣки. Это появленіе и исчезновеніе еще живой человѣческой головы было такъ ужасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—отъ быстроты-ли и неожиданности дѣйствія, или вслѣдствіе паденія съ носу очковъ,—заключало въ себѣ что-то до того смѣшное, что я вдругъ и совсѣмъ неожиданно фыркнулъ; но спохватившись, что смѣяться въ такую минуту мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, неприлично,—обратился тотчасъ-же къ Еленѣ Ивановнѣ и съ симпатическимъ видомъ сказалъ ей:

— Теперь капутъ нашему Ивану Матвѣичу!

Не могу даже и подумать выразить, до какой степени было сильно волненіе Елены Ивановны въ продолженіе всего процесса. Сначала, послѣ перваго крика, она какъ-бы замерла на мѣстѣ и смотрѣла на представлявшуюся ей кутерьму, повидимому, равнодушно, но съ чрезвычайно выкатившимися глазами: потомъ вдругъ залилась раздирающимъ воплемъ, но я схватилъ ее за руки. Въ это мгновеніе и хозяинъ, сначала тоже отупѣвшій отъ ужаса, вдругъ всплеснулъ руками и закричалъ, глядя на небо:

— О, мой крокодилъ, о мейнъ аллерлибстеръ Карлъхенъ! Муттеръ, муттеръ, муттеръ!

На этотъ крикъ отворилась задняя дверь и показалась муттеръ, въ чепцѣ, румяная, пожилая, но растрепанная, и съ визгомъ бросилась къ своему нѣмцу.

Тутъ-то началася содомъ: Елена Ивановна выкрикивала какъ изступленная одно только слово: вспороть! вспороть! и бросалась къ хозяину и къ муттеръ, повидимому, упрашивая ихъ —вѣроятно, въ самозабвеніи—кого-то и за что-то вспороть. Хозяинъ-же и муттеръ ни на кого изъ насъ не обращали вниманія: они оба выли какъ телята около ящика.

— Онъ пропадалъ, онъ сейчасъ будетъ лопалъ, потому что онъ проглатилъ ганцъ чиновникъ! кричалъ хозяинъ.

— Унзеръ Карлъхенъ, унзеръ аллерлибстеръ Карлъхенъ вирдъ штербенъ! выла хозяйка.

— Мы сиротъ и безъ кнбъ! подхватывалъ хозяинъ.

— Вспороть, вспороть, вспороть! заливалась Елена Ивановна, вцѣпившись въ сюртукъ нѣмца.

— Онъ дразнилъ крокодилъ,—зачѣмъ вашъ мужъ дразнилъ крокодилъ! кричалъ, отбиваясь, нѣмецъ,—ви заплатитъ, если Карль-

хенъ вирдъ лональ,—дасъ варъ мейнъ зонъ. дасъ варъ мейнъ айницигеръ зонъ!

Признаюсь, я былъ въ страшномъ негодованіи, видя такой эгоизмъ заѣзжаго нѣмца и сухость сердца въ его растрепанной муттерь; тѣмъ не менѣе, безпрерывно повторяемые крики Елены Ивановны: вспороть, вспороть! еще болѣе возбуждали мое безпокойство и увлекли, наконецъ, все мое вниманіе, такъ что я даже испугался... Скажу заранѣе—странныя сіи восклицанія были поняты мною совершенно превратно: мнѣ показалось, что Елена Ивановна потеряла на мгновеніе разсудокъ, но тѣмъ не менѣе, желая отмстить за погибель любезнаго ей Ивана Матвѣича, предлагала, въ видѣ слѣдуемаго ей удовлетворенія, наказать крокодила розгами. А между тѣмъ она разумѣла совсѣмъ другое. Не безъ смущенія озираясь на дверь, началъ я упрашивать Елену Ивановну успокоиться и, главное, не употреблять щекотливаго слова: вспороть. Ибо такое ретроградное желаніе, здѣсь, въ самомъ сердцѣ Пассажа и образованнаго общества, въ двухъ шагахъ отъ той самой залы, гдѣ, можетъ быть, въ эту самую минуту господинъ Лавровъ читалъ публичную лекцію,—не только было невозможно, но даже немыслимо и съ минуты на минуту могло привлечь на насъ свистки образованности и карикатуры г. Степанова. Къ ужасу моему, я немедленно оказался правъ въ мглистыхъ подозрѣніяхъ моихъ: вдругъ раздвинулась занавѣсь, отдѣлявшая крокодильную отъ входной каморки, въ которой собирали четвертаки, и на порогъ показалась фигура съ усами, съ бородой и съ фуражкой въ рукахъ, весьма сильно нагибавшаяся верхнею частью тѣла впередъ и весьма предусмотрительно старавшаяся держать свои ноги за порогомъ крокодильной, чтобъ сохранить за собой право не заплатить за входъ.

— Такое ретроградное желаніе, сударыня, сказалъ незнакомецъ, стараясь не перевалиться какъ нибудь къ намъ и устоять за порогомъ,—не дѣлаетъ чести вашему развитію и обусловливается недостаткомъ фосфору въ вашихъ мозгахъ. Вы немедленно будете освистаны въ хроникѣ прогресса и въ сатирическихъ листкахъ нашихъ...

Но онъ не докончилъ: онемѣвшая хозяинъ, съ ужасомъ увидѣвъ человѣка, говорящаго въ крокодильной и ничего за это не заплатившаго, съ яростію бросился на прогрессивнаго незнакомца и обоими кулаками вытолкалъ его въ шею. На минуту оба скрылись изъ глазъ нашихъ за занавѣсью и тутъ только я, наконецъ, догадался, что вся кутерьма вышла изъ ничего: Елена Ивановна оказалась совершенно невинною: она отнюдь и не думала,—какъ уже

замѣтилъ я выше, — подвергать крокодила ретроградному и унизительному наказанію розгами, а просто на просто пожелала, чтобъ ему только вспороли ножомъ брюхо и такимъ образомъ освободили изъ его внутренности Ивана Матвѣича.

— Какъ! Вы хатитъ, чтобъ мой крокодиль пропадиль!—завопилъ вбѣжавшій опять хозяинъ:—нѣтъ, пускай вашъ мужъ сперва пропадиль, а потомъ крокодиль!.. Мейнъ фатеръ показаль крокодиль, мейнъ гросфатеръ показаль крокодиль, мейнъ зонъ будетъ показать крокодиль, и я будетъ показать крокодиль! Всѣ будутъ показать крокодиль. Я ганцъ Европа извѣстенъ, а вы не извѣстенъ ганцъ Европа и мнѣ платитъ штрафъ.

— Я, я! подхватила злобная нѣмка, — мы васъ не пускайтъ, штрафъ когда Карльхенъ лопаль!

— Да и безполезно вспарывать, спокойно прибавилъ я, желая отвлечь Елену Ивановну поскорѣе домой,—ибо нашъ милый Иванъ Матвѣичъ по всей вѣроятности паритъ теперь гдѣ нибудь въ эмпиреяхъ.

— Другъ мой, раздался въ эту минуту совершенно неожиданно голосъ Ивана Матвѣича, изумившій насъ до крайности,—другъ мой, мое мнѣніе — дѣйствовать прямо черезъ контору надзирателя, ибо нѣмецъ безъ помощи полиціи не пойметъ истины.

Эти слова, высказанныя твердо, съ вѣсомъ и выражавшія присутствіе духа необыкновенное, сначала до того изумили насъ, что мы всѣ отказались было вѣрить ушамъ нашимъ. Но, разумѣется, тотчасъ-же подбѣжали къ крокодильному ящику и столько-же съ благоговѣніемъ, сколько и съ недовѣрчивостью слушали несчастнаго узника. Голосъ его былъ заглушенный, тоненькій и даже крикливый, какъ будто выходившій изъ значительнаго отъ насъ отдаленія. Похоже было на то, когда какой-либо шутникъ, уходя въ другую комнату и закрывъ ротъ обыкновенной спальной подушкой, начинаетъ кричать, желая представить оставшейся въ другой комнатѣ публикѣ какъ перекликаются два мужика въ пустынѣ или будучи раздѣлены между собою глубокимъ оврагомъ, — что я имѣлъ удовольствіе слышать однажды у моихъ знакомыхъ на святкахъ.

— Иванъ Матвѣичъ, другъ мой, итакъ ты живъ! лепетала Елена Ивановна.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ, и благодаря Всевышняго проглоченъ безъ всякаго поврежденія. Безпокоюсь-же единственно о томъ, какъ взглянетъ на сей эпизодъ начальство: ибо получивъ билетъ за границу, угодилъ въ крокодила, что даже и неостроумно...

— Но, другъ мой, не заботься объ остроуміи: прежде всего

надобно тебя отсюда какъ нибудь выковырять, — прервала Елена Ивановна.

— Ковыряйтъ! вскричалъ хозяинъ,—я не дамъ ковыряйтъ крокодиль. Теперь публикумъ будетъ ошень больше ходиль, а я буду фуфцигъ копѣекъ просиль, и Карльхенъ перестанетъ лопаль.

— Готъ зей данкъ! подхватила хозяйка.

— Они правы, спокойно замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, — экономическій принципъ прежде всего.

— Другъ мой, закричалъ я,—сейчасъ-же лечу по начальству и буду жаловаться, ибо предчувствую, что намъ однимъ этой каши не сварить.

— И я тоже думаю, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, — но безъ экономическаго вознагражденія трудно въ нашъ вѣкъ торговаго кризиса даромъ вспороть брюхо крокодилово, а между тѣмъ представляется неизбѣжный вопросъ: что̀ возьметъ хозяинъ за своего крокодила? А съ нимъ и другой: кто заплатитъ? Ибо ты знаешь, я средствъ не имѣю...

— Развѣ въ счетъ жалованья, робко замѣтилъ я,—но хозяинъ тотчасъ-же меня прервалъ: — Я не продавайтъ крокодиль, я три тысячи продавайтъ крокодиль, я четыре тысячи продавайтъ крокодиль! Теперь публикомъ будетъ много ходиль. Я пять тысячъ продавайтъ крокодиль!

Однимъ словомъ — онъ куражился нестерпимо: корыстолюбіе и гнусная алчность радостно сіяли въ глазахъ его.

— Ѣду! закричалъ я въ негодованіи.

— И я! И я тоже! Я поѣду къ самому Андрею Осипычу, я смягчу его моими слезами, заныла Елена Ивановна.

— Не дѣлай этого, другъ мой, поспѣшно прервалъ ее Иванъ Матвѣичъ, ибо давно уже ревновалъ свою супругу къ Андрею Осипычу и зналъ, что она рада съѣздить поплакать передъ образованнымъ человѣкомъ, потому что слезы къ ней очень шли. —Да и тебѣ, мой другъ, не совѣтую, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — нечего ѣхать прямо съ бухты-барахты: еще что̀ изъ этого выйдетъ. А заѣзжай-ка ты лучше сегодня, такъ, въ видѣ частнаго посѣщенія, къ Тимоѳею Семенычу, человѣкъ онъ старомодный и недалекій, но солидный и, главное—прямой. Поклонись ему отъ меня и опиши обстоятельства дѣла. Такъ какъ я долженъ ему за послѣдній ералашъ семь рублей, то передай ихъ ему при этомъ удобномъ случаѣ: это смягчитъ суроваго старика. Во всякомъ случаѣ его совѣтъ можетъ послужить для насъ руководствомъ. А теперь уведи пока Елену Ивановну...—Успокойся, другъ мой, продолжалъ онъ ей, я усталъ отъ всѣхъ этихъ криковъ и бабьихъ дрязгъ и желаю

немного соснуть. Здѣсь-же тепло и мягко, хотя я и не успѣлъ еще осмотрѣться въ этомъ неожиданномъ для меня убѣжищѣ...

— Осмотрѣться! Развѣ тебѣ тамъ свѣтло? вскрикнула обрадованная Елена Ивановна.

— Меня окружаетъ непробудная ночь, отвѣчалъ бѣдный узникъ,—но я могу щупать, и, такъ сказать, осматриваться руками... Прощай-же, будь спокойна и не отказывай себѣ въ развлеченіяхъ. До завтра! Ты-же, Семенъ Семенычъ, побывай ко мнѣ вечеромъ и такъ какъ ты разсѣянъ и можешь забыть, то завяжи узелокъ...

Признаюсь, я и радъ былъ уйдти, потому что слишкомъ усталъ, да отчасти и наскучило. Взявъ посѣщно подъ ручку унылую, но похорошѣвшую отъ волненія Елену Ивановну, я поскорѣе вывелъ ее изъ крокодильной.

— Вечеромъ за входъ опять четвертакъ! крикнулъ намъ вслѣдъ хозяинъ.

— О, Боже, какъ они жадны! проговорила Елена Ивановна, глядясь въ каждое зеркало въ простѣнкахъ Пассажа и видимо сознавая, что она похорошѣла.

— Экономическій принципъ, отвѣчалъ я съ легкимъ волненіемъ и гордясь моею дамою передъ прохожими.

— Экономическій принципъ... протянула она симпатическимъ голоскомъ,—я ничего не поняла, что говорилъ сейчасъ Иванъ Матвѣичъ объ этомъ противномъ экономическомъ принципѣ.

— Я объясню вамъ, отвѣчалъ я и немедленно началъ разсказывать о благодѣтельныхъ результатахъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ наше отечество, о чемъ прочелъ еще утромъ въ «Петербургскихъ извѣстіяхъ» и въ «Волосѣ».

— Какъ это все странно! прервала она, прослушавъ нѣкоторое время,—да перестаньте-же, противный: какой вы вздоръ говорите... Скажите—я очень красна?

— Вы прекрасны, а не красны! замѣтилъ я, пользуясь случаемъ сказать комплиментъ.

— Шалунъ! пролепетала она самодовольно.—Бѣдный Иванъ Матвѣичъ, прибавила она черезъ минуту, кокетливо склонивъ на плечо головку,—мнѣ, право, его жаль, ахъ, Боже мой! вдругъ вскрикнула она,—скажите, какъ-же онъ будетъ сегодня тамъ кушать и... и... какъ-же онъ будетъ... если ему чего-нибудь будетъ надобно?

— Вопросъ непредвидѣнный, отвѣчалъ я, тоже озадаченный. Мнѣ по правдѣ это не приходило и въ голову, до того женщины практичнѣе насъ мужчинъ при рѣшеніи житейскихъ задачъ!

— Бѣдняжка, какъ это онъ такъ втюрился... и никакихъ раз-

вленій, и темно... какъ досадно, что у меня не осталось его фотографической карточки... Итакъ я теперь въ роли вдовы, прибавила она съ обольстительной улыбкой, очевидно, интересуясь новымъ своимъ положеніемъ, —гм... все-таки мнѣ его жаль!..

Однимъ словомъ — выражалась весьма понятная и естественная тоска молодой и интересной жены о погибшемъ мужѣ. Я привелъ ее, наконецъ, домой, успокоилъ и, пообѣдавъ вмѣстѣ съ нею, послѣ чашки ароматнаго кофе, отправился въ шесть часовъ къ Тимофею Семенычу, разсчитывая, что въ этотъ часъ всѣ семенные люди опредѣленныхъ занятій сидятъ или лежатъ по домамъ.

Написавъ сію первую главу слогомъ приличнымъ разсказанному событію, я намѣренъ далѣе употреблять слогъ, хотя и не столь возвышенный, но за то болѣе натуральный, о чемъ извѣщаю заранѣе читателя.

II.

Почтенный Тимофей Семенычъ встрѣтилъ меня какъ-то торопливо и какъ будто немного смѣшавшись. Онъ провелъ меня въ свой тѣсный кабинетъ и плотно притворилъ дверь: «чтобы дѣти не мѣшали», проговорилъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ. Затѣмъ посадилъ меня на стулъ у письменнаго стола, самъ сѣлъ въ кресла, запахнулъ полы своего стараго ватнаго халата и принялъ, на всякій случай, какой-то оффиціальный, даже почти строгій видъ, хотя вовсе не былъ моимъ или Ивана Матвѣича начальникомъ, а считался до сихъ поръ обыкновеннымъ сослуживцемъ и даже знакомымъ.

— Прежде всего, началъ онъ,—возьмите во вниманіе, что я не начальство, а такой-же точно подначальный человѣкъ какъ и вы, какъ и Иванъ Матвѣичъ... Я сторона и ввязываться ни во что не намѣренъ.

Я удивился, что, повидимому, онъ уже все это знаетъ. Не смотря на то, разсказалъ ему вновь всю исторію съ подробностями. Говорилъ я даже съ волненіемъ, ибо исполнялъ въ эту минуту обязанность истиннаго друга. Онъ выслушалъ безъ особаго удивленія, но съ явнымъ признакомъ подозрительности.

— Представьте, сказалъ онъ, выслушавъ,—я всегда полагалъ, что съ нимъ непремѣнно это случится.

— Почему-же-съ, Тимофей Семенычъ, случай самъ по себѣ весьма необыкновенный-съ...

— Согласенъ. Но Иванъ Матвѣичъ во все теченіе службы своей именно клонилъ къ такому результату. Прытокъ-съ, заносчивъ даже. Все «прогрессъ» да разныя идеи-съ, а вотъ куда прогрессъ-то приводитъ!

— Но вѣдь это случай самый необыкновенный, и общимъ правиломъ для всѣхъ прогрессистовъ его никакъ нельзя положить...

— Нѣтъ, ужь это такъ-съ. Это, видите-ли, отъ излишней образованности происходитъ, повѣрьте мнѣ-съ. Ибо люди излишне образованные лѣзутъ во всякое мѣсто-съ и преимущественно туда, гдѣ ихъ вовсе не спрашиваютъ. Впрочемъ, можетъ, вы больше знаете, прибавилъ онъ какъ-бы обижаясь. — Я человѣкъ не столь образованный и старый: съ солдатскихъ дѣтей началъ и службѣ моей пятидесятилѣтній юбилей сего года пошелъ-съ.

— О, нѣтъ, Тимоѳей Семенычъ, помилуйте. Напротивъ, Иванъ Матвѣичъ жаждетъ вашего совѣта, руководства вашего жаждетъ. Даже, такъ сказать, со слезами-съ.

— Такъ сказать со слезами-съ . Гм. Ну, это слезы крокодиловы и имъ не совсѣмъ можно вѣрить. Ну зачѣмъ, скажите, потянуло его за границу? Да и на какія деньги? Вѣдь онъ и средствъ не имѣетъ.

— На скопленное, Тимоѳей Семенычъ, изъ послѣднихъ наградныхъ, отвѣчалъ я жалобно.—Всего на три мѣсяца хотѣлъ съѣздить,— въ Швейцарію... на родину Вильгельма Теля.

— Вильгельма Теля? Гм!

— Въ Неаполь встрѣтить весну хотѣлъ-съ. Осмотрѣть музей, нравы, животныхъ...

— Гм! Животныхъ! А по моему такъ просто изъ гордости. Какихъ животныхъ? Животныхъ? Развѣ у насъ мало животныхъ? Есть звѣринцы, музеи, верблюды. Медвѣди подъ самымъ Петербургомъ живутъ. Да вотъ онъ и самъ засѣлъ въ крокодилъ...

— Тимоѳей Семенычъ, помилуйте, человѣкъ въ несчастіи, человѣкъ прибѣгаетъ какъ къ другу, какъ къ старшему родственнику, совѣта жаждетъ, а вы—укоряете... Пожалѣйте хоть несчастную Елену Ивановну!

— Это вы про супругу-съ? Интересная дамочка, —проговорилъ Тимоѳей Семенычъ, видимо смягчаясь и съ аппетитомъ нюхнувъ табаку. — Особа субтильная. И какъ полна, и головку все такъ на бочокъ, на бочокъ... Очень пріятно-съ. Андрей Осипычъ еще третьяго дня упоминалъ.

— Упоминалъ?

— Упоминалъ-съ, и въ выраженіяхъ весьма лестныхъ. Бюстъ, говоритъ, взглядъ, прическа... Конфетка, говоритъ, а не дамочка,

и тутъ-же засмѣялись. Молодые они еще люди. — Тимоѳей Семенычъ съ трескомъ высморкался. — А между тѣмъ вотъ и молодой человѣкъ, а какую карьеру себѣ составляютъ-съ...

— Да вѣдь тутъ совсѣмъ другое, Тимоѳей Семенычъ?

— Конечно, конечно-съ.

— Такъ какъ-же, Тимоѳей Семенычъ?

— Да что-же я-то могу сдѣлать?

— Посовѣтуйте-съ, руководите, какъ опытный человѣкъ, какъ родственникъ! Что предпринять? Идти-ли по начальству или...

— По начальству? Отнюдь нѣтъ-съ,—торопливо произнесъ Тимоѳей Семенычъ. — Если хотите совѣта, то прежде всего надо это дѣло замять и дѣйствовать, такъ сказать, въ видѣ частнаго лица. Случай подозрительный-съ, да и небывалый. Главное, небывалый, примѣра не было-съ, да и плохо рекомендующій... Поэтому осторожность прежде всего... Пусть ужь тамъ себѣ полежитъ. Надо выждать, выждать...

— Да какъ-же выждать, Тимоѳей Семенычъ? Ну что если онъ тамъ задохнется?

— Да почему-же-съ? Вѣдь вы, кажется, говорили, что онъ даже съ довольнымъ комфортомъ устроился?

Я разсказалъ все опять. Тимоѳей Семенычъ задумался.

— Гм! проговорилъ онъ, вертя табакерку въ рукахъ,—по моему, даже и хорошо, что онъ тамъ на время полежитъ, вмѣсто заграницы-то-съ. Пусть на досугѣ подумаетъ: разумѣется, задыхаться не надо, и потому надо взять надлежащія мѣры для сохраненія здоровья: ну, тамъ, остерегаться кашля и прочаго... А что касается нѣмца, то, по моему личному мнѣнію, онъ въ своемъ правѣ, и даже болѣе другой стороны, потому что въ *его* крокодила влѣзли безъ спросу, а не *онъ* влѣзъ безъ спросу въ крокодила Ивана Матвѣичева, у котораго, впрочемъ, сколько я запомню, и не было своего крокодила. Ну-съ, а крокодилъ составляетъ собственность, стало быть, безъ вознагражденія его взрѣзать нельзя-съ.

— Для спасенія человѣчества, Тимоѳей Семенычъ.

— Ну ужь, это дѣло полиціи-съ. Туда и слѣдуетъ отнестись.

— Да вѣдь Иванъ Матвѣичъ и можетъ у насъ понадобиться. Его могутъ потребовать-съ.

— Иванъ-то Матвѣичъ понадобится? Хе-хе! Къ тому-же вѣдь онъ считается въ отпуску, стало быть, мы можемъ и игнорировать, а онъ пусть осматриваетъ тамъ европейскія земли. Другое дѣло, если онъ послѣ сроку не явится, ну тогда и спросимъ, справки наведемъ...

— Три-то мѣсяца! Тимоѳей Семенычъ, помилуйте!

— Самъ виноватъ-съ. Ну, кто его туда совалъ? Этакъ, пожалуй, придется ему казенную няньку нанять-съ, а этого и по штату не полагается. А главное — крокодилъ есть собственность, стало быть, тутъ уже такъ называемый экономическій принципъ въ дѣйствіи. А экономическій принципъ прежде всего-съ. Еще третьяго дня у Луки Андреича на вечерѣ Игнатій Прокофьичъ говорилъ. Игнатія Прокофьича знаете? Капиталистъ, при дѣлахъ-съ, и, знаете, складно такъ говоритъ: «Намъ нужна, говоритъ, промышленность, промышленности у насъ мало. Надо ее родить. Надо капиталы родить, значитъ, среднее сословіе, такъ называемую буржуазію надо родить. А такъ какъ нѣтъ у насъ капиталовъ, значитъ, надо ихъ изъ-за границы привлечь. Надо, во первыхъ, дать ходъ иностраннымъ компаніямъ для скупки по участкамъ нашихъ земель, какъ вездѣ утверждено теперь за границей. Общинная собственность — ядъ, говоритъ, гибель! И, знаете, съ жаромъ такъ говоритъ: ну, имъ прилично: люди капитальные... да и не служащіе. Съ общиной, говоритъ, ни промышленность, ни земледѣліе не возвысятъ. Надо, говоритъ, чтобъ иностранныя компаніи скупили по возможности всю нашу землю по частямъ, а потомъ дробить, дробить, дробить какъ можно въ мелкіе участки, и, знаете, — рѣшительно такъ произноситъ: др-р-р-обить, говоритъ, а потомъ и продавать въ личную собственность. Да и не продавать, а просто арендовать. Когда, говоритъ, вся земля будетъ у привлеченныхъ иностранныхъ компаній въ рукахъ, тогда, значитъ, можно какую угодно цѣну на аренду назначить. Стало быть, мужикъ будетъ работать уже втрое, изъ одного насущнаго хлѣба, и его можно когда угодно согнать. Значитъ, онъ будетъ чувствовать, будетъ покоренъ, прилеженъ и втрое за ту-же цѣну выработаетъ. А теперь въ общинѣ что ему! Знаетъ, что съ голоду не помретъ, ну и лѣнится, и пьянствуетъ. А межъ тѣмъ къ намъ и деньги привлекутся, и капиталы заведутся, и буржуазія пойдетъ. Вонъ и англійская политическая и литературная газета Тэймсъ, разбирая наши финансы, отзывалась намедни, что потому и не растутъ наши финансы, что средняго сословія нѣтъ у насъ, конелей большихъ нѣтъ, пролетаріевъ услужливыхъ нѣтъ... Хорошо говоритъ Игнатій Прокофьичъ. Ораторъ-съ. Самъ по начальству отзывъ хочетъ подать и потомъ въ «Извѣстіяхъ» напечатать. Это ужъ не стишки, подобно Ивану Матвѣичу...

— Такъ какъ-же Иванъ-то Матвѣичъ? вернулъ я, давъ поболтать старику. Тимофей Семенычъ любилъ иногда поболтать и тѣмъ показать, что и онъ не отсталъ и все это знаетъ.

— Иванъ-то Матвѣичъ какъ-съ? Такъ вѣдь я къ тому и

клюю-съ. Сами-же мы вотъ хлопочемъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ въ отечество, а вотъ посудите, едва только капиталъ привлеченнаго крокодильщика удвоился черезъ Ивана Матвѣича, а мы, чѣмъ-бы протежировать иностраннаго собственника, напротивъ, стараемся самому-то основному капиталу брюхо вспороть. Ну, сообразно-ли это? По моему, Иванъ Матвѣичъ, какъ истинный сынъ отечества, долженъ еще радоваться и гордиться тѣмъ, что собою цѣнность иностраннаго крокодила удвоилъ, а, пожалуй, еще и утроилъ. Это для привлеченія надобно-съ. Удастся одному, смотришь и другой съ крокодиломъ пріѣдетъ, а третій ужь двухъ и трехъ за-разъ привезетъ, а около нихъ капиталы группируются. Вотъ и буржуазія. Надобно поощрять-съ.

— Помилуйте, Тимоѳей Семенычъ, вскричалъ я, — да вы требуете почти неестественнаго самоотверженія отъ бѣднаго Ивана Матвѣича!

— Ничего я не требую-съ, и прежде всего прошу васъ,—какъ уже и прежде просилъ,—сообразить, что я не начальство и, стало быть, требовать ни отъ кого й ничего не могу. Какъ сынъ отечества говорю, то есть говорю не какъ «Сынъ Отечества», а просто какъ сынъ отечества говорю. Опять таки кто-жь велѣлъ ему лѣзть въ крокодила? Человѣкъ солидный, человѣкъ извѣстнаго чина, состоящій въ законномъ бракѣ и вдругъ, — такой шагъ! Сообразно-ли это?

— Но вѣдь этотъ шагъ случился нечаянно-съ.

— А кто его знаетъ? И притомъ изъ какихъ суммъ заплатить крокодильщику, скажите-ка?

— Развѣ въ счетъ жалованья, Тимоѳей Семенычъ.

— Достанетъ-ли-съ?

— Не достанетъ, Тимоѳей Семенычъ, отвѣчалъ я съ грустію.— Крокодильщикъ сначала испугался, что лопнетъ крокодилъ, а потомъ какъ убѣдился, что все благополучно, заважничалъ и обрадовался, что можетъ цѣну удвоить.

— Утроить, учетверить развѣ! Публика теперь прихлынетъ, а крокодильщики ловкій народъ. Къ тому-же и мясоѣдь, склонность къ увеселеніямъ и потому,—повторяю,—прежде всего пусть Иванъ Матвѣичъ наблюдаетъ инкогнито, пусть не торопится. Пусть всѣ, пожалуй, знаютъ, что онъ въ крокодилѣ, но не знаютъ оффиціально. Въ этомъ отношеніи Иванъ Матвѣичъ находится даже въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что числится за границей. Скажутъ, что въ крокодилѣ, а мы и не повѣримъ. Это можно такъ подвести. Главное — пусть выжидаетъ: да и куда ему спѣшить?

— Ну, а если...

— Не безпокойтесь, сложенія плотнаго-съ...

— Ну, а потомъ, когда выйдетъ?

— Ну-съ, не скрою отъ васъ, что случай до крайности казусный. Сообразиться нельзя-съ, и, главное, то вредитъ, что не было до сихъ поръ примѣра подобнаго. Будь у насъ примѣръ, еще можно-бы какъ-нибудь руководствоваться. А то какъ тутъ рѣшить? Станешь соображать, а дѣло затянется.

Счастливая мысль блеснула у меня въ головѣ.

— Нельзя-ли устроить такъ-съ, сказалъ я, — что ужъ если суждено ему оставаться въ нѣдрахъ чудовища и, волею провидѣнія, сохранится его животъ, нельзя-ли подать ему прошеніе о томъ, чтобы числиться по службѣ?

— Гм... развѣ въ видѣ отпуска и безъ жалованья...

— Нѣтъ-съ, нельзя-ли съ жалованьемъ-съ?

— На какомъ-же основаніи?

— Въ видѣ командировки...

— Какой и куда?

— Да въ нѣдра-же, въ крокодиловы нѣдра... Такъ сказать, для справокъ, для изученія фактовъ на мѣстѣ. Конечно, это будетъ ново, но вѣдь это прогрессивно и въ тоже время покажетъ заботливость о просвѣщеніи-съ...

Тимоѳей Семенычъ задумался.

— Командировать особаго чиновника, сказалъ онъ, наконецъ:— въ нѣдра крокодила, для особыхъ порученій, по моему личному мнѣнію—нельзя-съ. По штату не полагается. Да и какія могутъ быть туда порученія?

— Да для естественнаго, такъ сказать, изученія природы на мѣстѣ, въ живьѣ-съ. Нынче все пошли естественныя науки-съ, ботаника... Онъ-бы тамъ жилъ и сообщалъ-съ... Ну, тамъ о нищевареніи или просто о нравахъ. Для скопленія фактовъ-съ.

— То есть это по части статистики. Ну, въ этомъ я не силенъ, да и не философъ. Вы говорите: факты,—мы и безъ того завалены фактами и не знаемъ, что съ ними дѣлать. Притомъ-же эта статистика опасна...

— Чѣмъ-же-съ?

— Опасна-съ. И къ тому-жъ, согласитесь, онъ будетъ сообщать факты, такъ сказать, лежа на боку. А развѣ можно служить лежа на боку? Это ужъ опять нововведеніе, и притомъ опасное-съ; и опять таки примѣра такого не было. Вотъ если-бъ намъ хоть какой-нибудь примѣрчикъ, такъ, по моему мнѣнію, пожалуй, и можно-бы командировать.

— Но вѣдь и крокодиловъ живыхъ не привозили по сихъ поръ. Тимоѳей Семенычъ.

— Гм! Да... онъ опять задумался.—Если хотите, это возраженіе ваше справедливо и даже могло-бы служить основаніемъ къ дальнѣйшему производству дѣла. Но опять возьмите и то, что если съ появленіемъ живыхъ крокодиловъ начнутъ исчезать служащіе и потомъ, на основаніи того, что тамъ тепло и мягко, будутъ требовать туда командировокъ, а потомъ лежать на боку... согласитесь сами—дурной примѣръ-съ. Вѣдь этакъ, пожалуй, всякій туда полѣзетъ даромъ деньги-то брать.

— Порадѣйте, Тимоѳей Семенычъ! Кстати-съ: Иванъ Матвѣичъ просилъ передать вамъ карточный должокъ, семь рублей, въ ералашъ-съ.

— Ахъ, это онъ проигралъ намедни, у Никифоръ Никифорыча! Помню-съ. И какъ онъ тогда былъ веселъ, смѣшилъ, и вотъ!..

Старикъ былъ искренно тронутъ.

— Порадѣйте, Тимоѳей Семенычъ.

— Похлопочу-съ. Отъ своего лица поговорю, частнымъ образомъ въ видѣ справки. А, впрочемъ, разузнайте-ка такъ, неофиціально, со стороны, какую именно цѣну согласился-бы взять хозяинъ за своего крокодила?

Тимоѳей Семенычъ видимо подобрѣлъ.

— Непремѣнно-съ, отвѣчалъ я: -и тотчасъ-же явлюсь къ вамъ съ отчетомъ.

— Супруга-то... одна теперь? Скучаетъ?

— Вы-бы навѣстили, Тимоѳей Семенычъ.

— Навѣщу-съ, я еще давеча подумалъ, да и случай удобный... И зачѣмъ, зачѣмъ это его дергало смотрѣть крокодила! А, впрочемъ, я-бы и самъ желалъ посмотрѣть.

— Навѣстите-ка бѣднаго, Тимоѳей Семенычъ.

— Навѣщу-съ. Конечно, я этимъ шагомъ моимъ не хочу обнадеживать. Я прибуду какъ частное лицо... Ну-съ, до свиданія, я вѣдь опять къ Никифоръ Никифорычу: будете?

— Нѣтъ-съ, я къ узнику.

— Да-съ, вотъ теперь и къ узнику!.. Э-эхъ, легкомысліе!

Я распростился съ старикомъ. Разнообразныя мысли ходили въ моей головѣ. Добрый и честнѣйшій человѣкъ Тимоѳей Семенычъ, а, выходя отъ него, я однако порадовался, что ему былъ уже пятидесятилѣтній юбилей и что Тимоѳей Семенычи у насъ теперь рѣдкость. Разумѣется, я тотчасъ полетѣлъ въ Пассажъ обо всемъ сообщить бѣдняжкѣ Ивану Матвѣичу. Да и любопытство разбирало меня: какъ онъ тамъ устроился въ крокодилѣ и какъ это можно

жить въ крокодилѣ? Да и можно-ли дѣйствительно жить въ крокодилѣ? Порой мнѣ, право, казалось, что все это какой-то чудовищный сонъ. тѣмъ болѣе, что и дѣло-то шло о чудовищѣ...

III.

Однако-жь, это былъ не сонъ, а настоящая, несомнѣнная дѣйствительность. Иначе,—сталъ-ли-бы я и разсказывать! Но продолжаю...

Въ Пассажъ я попалъ уже поздно, около девяти часовъ, и въ крокодильную принужденъ былъ войдти съ задняго хода, потому что нѣмецъ заперъ магазинъ на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго. Онъ расхаживалъ по домашнему въ какомъ-то засаленномъ сюртучишкѣ, но самъ еще втрое довольнѣе, чѣмъ давеча утромъ. Видно было, что онъ уже ничего не боится и что «публикумъ много ходитъ». Муттеръ вышла уже потомъ, очевидно затѣмъ, чтобы слѣдить за мной. Нѣмецъ съ муттеръ часто перешептывались. Не смотря на то, что магазинъ былъ уже запертъ, онъ все-таки взялъ съ меня четвертакъ. И что за непужная аккуратность!

— Ви каждый разъ будетъ платиль: публикумъ будетъ рубль платиль, а ви одинъ червертакъ, ибо ви добры друкъ вашего добры друкъ, а я почитаю друкъ...

— Живъ-ли, живъ-ли образованный другъ мой! громко вскричалъ я, подходя къ крокодилу и надѣясь, что слова мои еще издали достигнутъ Ивана Матвѣича и польстятъ его самолюбію.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ онъ, какъ будто издали или какъ-бы изъ-подъ кровати, хотя я стоялъ подлѣ него: — живъ и здоровъ, но объ этомъ послѣ... Какъ дѣла?

Какъ-бы нарочно не разслышавъ вопроса, я было началъ съ участіемъ и поспѣшностію самъ его разспрашивать: какъ онъ, что онъ и каково въ крокодилѣ и что такое вообще внутри крокодила? Это требовалось и дружествомъ и обыкновенною вѣжливостію. Но онъ капризно и съ досадой перебилъ меня.

— Какъ дѣла? прокричалъ онъ, по обыкновенію мною командуя, своимъ визгливымъ голосомъ, чрезвычайно на этотъ разъ отвратительнымъ.

Я разсказалъ всю мою бесѣду съ Тимофеемъ Семенычемъ до послѣдней подробности. Разсказывая, я старался выказать нѣсколько обиженный тонъ.

— Старикъ правъ, рѣшилъ Иванъ Матвѣичъ такъ-же рѣзко,

какъ и по всегдашнему обыкновенію своему въ разговорахъ со мной.—Практическихъ людей люблю и не терплю сладкихъ мямлей. Готовъ однако сознаться, что и твоя идея на счетъ командировки не совершенно нелѣпа. Дѣйствительно многое могу сообщить и въ научномъ и въ нравственномъ отношеніи. Но теперь это все принимаетъ новый и неожиданный видъ и не стоитъ хлопотать изъ одного только жалованья. Слушай внимательно. Ты сидишь?

— Нѣтъ, стою.

— Садись на что-нибудь, ну хоть на полъ и слушай внимательно.

Со злобою взялъ я стулъ и въ сердцахъ, устанавливая, стукнулъ имъ объ полъ.

— Слушай, началъ онъ повелительно,—публики сегодня приходило цѣлая бездна. Къ вечеру не хватило мѣста и для порядка явилась полиція. Въ восемь часовъ, т. е. ранѣе обыкновеннаго, хозяинъ нашелъ даже нужнымъ запереть магазинъ и прекратить представленіе, чтобъ сосчитать привлеченныя деньги и удобнѣе приготовиться къ завтраму. Знаю, что завтра соберется цѣлая ярмарка. Такимъ образомъ, надо полагать, что всѣ образованнѣйшіе люди столицы, дамы высшаго общества, иноземные посланники, юристы и проч. здѣсь перебываютъ. Мало того: станутъ наѣзжать изъ многостороннихъ провинцій нашей обширной и любопытной имперіи. Въ результатѣ—я у всѣхъ на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Стану поучать праздную толпу. Наученный опытомъ, представлю изъ себя примѣръ величія и смиренія передъ судьбою! Буду, такъ сказать, каѳедрой, съ которой начну поучать человѣчество. Даже одни естественно-научныя свѣдѣнія, которыя могу сообщить объ обитаемомъ мною чудовищѣ,—драгоцѣнны. И потому не только не ропщу на давешній случай, но твердо надѣюсь на блистательнѣйшую изъ карьеръ.

— Не наскучило-бы? замѣтилъ я ядовито.

Всего болѣе обозлило меня то, что онъ почти уже совсѣмъ пересталъ употреблять личныя мѣстоимѣнія,—до того завазничалъ. Тѣмъ не менѣе все это меня сбило съ толку. Съ чего, съ чего эта легкомысленная башка куражится! скрежеталъ я шепотомъ про себя. Тутъ надо плакать, а не куражиться.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ рѣзко на мое замѣчаніе:—ибо весь пронизанъ великими идеями, только теперь могу на досугѣ мечтать объ улучшеніи судьбы всего человѣчества. Изъ крокодила выйдетъ теперь правда и свѣтъ. Несомнѣнно изобрѣту новую собственную теорію новыхъ экономическихъ отношеній и буду гордиться ею—чего досель не могъ за недосугомъ по службѣ и въ полныхъ раз-

влеченіяхъ свѣта. Опровергну все и буду новый Фурье. Кстати,— отдалъ семь рублей Тимоѳею Семенычу?

— Изъ своихъ, отвѣтилъ я, стараясь выразить голосомъ, что заплатилъ изъ своихъ.

— Сочтемся, отвѣтилъ онъ высокомѣрно. — Прибавки оклада жду всенепремѣнно, ибо кому-же и прибавлять какъ не мнѣ? Польза отъ меня теперь безконечная. Но къ дѣлу. Жена?

— Ты, вѣроятно, спрашиваешь о Еленѣ Ивановнѣ?

— Жена?! закричалъ онъ даже съ какимъ-то на этотъ разъ визгомъ.

Нечего было дѣлать! Смиренно, но опять таки скрежеща зубами, разсказалъ я, какъ оставилъ Елену Ивановну. Онъ даже и не дослушалъ.

— Имѣю на нее особые виды, началъ онъ нетерпѣливо.— Если буду знаменитъ *здѣсь*, то хочу, чтобъ она была знаменита *тамъ*. Ученые, поэты, философы, заѣзжіе минералоги, государственные мужи, послѣ утренней бесѣды со мной, будутъ посѣщать по вечерамъ ея салонъ. Съ будущей недѣли у нея должны начаться каждый вечеръ салоны. Удвоенный окладъ будетъ давать средства къ пріему, а такъ какъ пріемъ долженъ ограничиваться однимъ чаемъ и нанятыми лакеями, то и дѣлу конецъ. И здѣсь и тамъ будутъ говорить обо мнѣ. Давно жаждалъ случая, чтобъ всѣ говорили обо мнѣ, но не могъ достигнуть, скованный малымъ значеніемъ и недостаточнымъ чиномъ. Теперь-же все это достигнуто какимъ-нибудь самымъ обыкновеннымъ глоткомъ крокодила. Каждое слово мое будетъ выслушиваться, каждое изрѣченіе обдумываться, передаваться, печататься. И я задамъ себя знать! Поймутъ, наконецъ, какимъ способностямъ дали исчезнуть въ нѣдрахъ чудовища. «Этотъ человѣкъ могъ быть иностраннымъ министромъ и управлять королевствомъ», скажутъ одни. «И этотъ человѣкъ не управлялъ иностраннымъ королевствомъ», скажутъ другіе. Ну чѣмъ, ну чѣмъ я хуже какого-нибудь Гарнье-Пажесшки или какъ ихъ тамъ?.. Жена должна составлять мнѣ пандантъ — у меня умъ, у нея красота и любезность. «Она прекрасна, потому и жена его», скажутъ одни. «Она прекрасна, *потому что жена его*», поправятъ другіе. На всякій случай пусть Елена Ивановна завтра-же купитъ энциклопедическій словарь, издававшійся подъ редакціей Андрея Краевскаго, чтобъ умѣть говорить обо всѣхъ предметахъ. Чаще-же всего пусть читаетъ premier-политикъ «С.-Петербургскихъ Извѣстій», свѣряя каждодневно съ «Волосомъ». Полагаю, что хозяинъ согласится иногда приносить и меня, вмѣстѣ съ крокодиломъ, въ блестящій салонъ жены моей. Я буду стоять въ ящикѣ среди вели-

колѣнной гостиной и буду сыпать остротами, которыя подберу еще съ утра. Государственному мужу сообщу мои проекты; съ поэтомъ буду говорить въ рѳму: съ дамами буду забавенъ и нравственно милъ, — такъ какъ вполнѣ безопасенъ для ихъ супруговъ. Всѣмъ остальнымъ буду служить примѣромъ покорности судьбѣ и волѣ Провидѣнія. Жену сдѣлаю блестящею литературною дамою; я ее выдвину впередъ и объясню ее публикѣ; какъ жена моя, она должна быть полна величайшихъ достоинствъ, и если справедливо называютъ Андрея Александровича нашимъ русскимъ Альфредомъ де Мюссе, то еще справедливѣе будетъ, когда назовутъ ее нашей русской Евгеніей Туръ.

Признаюсь, хотя вся эта дичь и походила нѣсколько на всегдашняго Ивана Матвѣича, но мнѣ все-таки пришло въ голову, что онъ теперь въ горячкѣ и бредитъ. Это былъ все тотъ-же обыкновенный и ежедневный Иванъ Матвѣичъ, но наблюдаемый въ стекло въ двадцать разъ увеличивающее.

— Другъ мой, спросилъ я его, — надѣешься-ли ты на долговѣчность? И, вообще, скажи: здоровъ-ли ты? Какъ ты ѣшь, какъ ты спишь, какъ ты дышешь? Я другъ тебѣ и согласись, что случай слишкомъ сверхъестественный, а слѣдственно любопытство мое слишкомъ естественно.

— Праздное любопытство и больше ничего, отвѣчалъ онъ сентенціозно, — но ты будешь удовлетворенъ. Спрашиваешь, какъ устроился я въ нѣдрахъ чудовища? Во первыхъ, крокодилъ, къ удивленію моему, оказался совершенно пустой. Внутренность его состоитъ какъ-бы изъ огромнаго пустаго мѣшка, сдѣланнаго изъ резинки, въ родѣ тѣхъ резиновыхъ издѣлій, которыя распространены у насъ въ Гороховой, въ Морской и, если не ошибаюсь, на Вознесенскомъ проспектѣ. Иначе, сообрази, могъ-ли-бы я въ немъ помѣститься?

— Возможно-ли? вскричалъ я въ понятномъ изумленіи. — Неужели крокодилъ совершенно пустой?

— Совершенно, строго и внушительно подтвердилъ Иванъ Матвѣичъ. — И по всей вѣроятности онъ устроенъ такъ по законамъ самой природы. Крокодилъ обладаетъ только пастью, снабженною острыми зубами, и въ добавокъ къ пасти — значительно длиннымъ хвостомъ — вотъ и все, по настоящему. Въ серединѣ-же между сими двумя его оконечностями находится пустое пространство, обнесенное чѣмъ-то въ родѣ каучука, вѣроятнѣе-же всего дѣйствительно каучукомъ.

— А ребра, а желудокъ, а кишки, а печень, а сердце? прервалъ я даже со злобою.

— Ничего, совершенно ничего этого нѣтъ и, вѣроятно, никогда не бывало. Все это — праздная фантазія легкомысленныхъ путешественниковъ. Подобно тому какъ надуваютъ геморроидальную подушку, такъ и я надуваю теперь собой крокодила. Онъ растяжимъ до невѣроятности. Даже ты, въ качествѣ домашняго друга, могъ-бы помѣститься со мной рядомъ, если-бъ обладалъ великодушіемъ, — и даже съ тобой еще досталo-бы мѣста. Я даже думаю, въ крайнемъ случаѣ, выписать сюда Елену Ивановну. Впрочемъ, подобное пустопорожнее устройство крокодила совершенно согласно съ естественными науками. Ибо, положимъ, напримѣръ, тебѣ дано устроить новаго крокодила, — тебѣ естественно представляется вопросъ: какое основное свойство крокодилово? Отвѣтъ ясенъ: глотать людей. — Какъ-же достигнуть устройствомъ крокодила, чтобъ онъ глоталъ людей? Отвѣтъ еще яснѣе: устроивъ его пустымъ. Давно уже рѣшено физикой, что природа не терпитъ пустоты. Подобно сему и внутренность крокодила должна именно быть пустою, чтобъ не терпѣть пустоты, а слѣдственно глотать и наполняться всѣмъ, что только есть подъ рукою. И вотъ единственная разумная причина почему всѣ крокодилы глотаютъ нашего брата. Не такъ въ устройствѣ человѣческомъ: чѣмъ пустѣе, напримѣръ, голова человѣческая, тѣмъ менѣе она ощущаетъ жажды наполниться и это единственное исключеніе изъ общаго правила. Все это мнѣ теперь ясно какъ день, все это я постигъ собственнымъ умомъ и опытомъ находясь, такъ сказать, въ нѣдрахъ природы, въ ея ретортѣ, прислушиваясь къ біенію пульса ея. Даже этимологія согласна со мною, ибо самое названіе крокодилъ означаетъ прескорливость. Крокодилъ, Crocodillo, — есть слово, очевидно, итальянское, современное, можетъ быть, древнимъ фараонамъ египетскимъ и, очевидно, происходящее отъ французскаго корня croquer, что означаетъ съѣсть, скушать и вообще употребить въ пищу. Все это я намѣренъ процесть въ видѣ первой лекціи публикѣ, собравшейся въ салонъ Елены Ивановны, когда меня принесутъ туда въ ящикѣ.

— Другъ мой, не принять-ли тебѣ теперь хоть слабительнаго! вскричалъ я невольно.—У него жаръ, жаръ, онъ въ жару! повторялъ я про себя въ ужасѣ.

— Вздоръ! отвѣчалъ онъ презрительно, —и къ тому-же въ теперешнемъ положеніи моемъ это совсѣмъ неудобно. Впрочемъ, я отчасти зналъ, что ты заговоришь о слабительномъ.

— Но, другъ мой, а какъ... какъ-же ты теперь употребляешь пищу? Обѣдалъ ты сегодня или нѣтъ?

— Нѣтъ, но сытъ и, вѣроятнѣе всего, теперь уже никогда не буду употреблять пищи. И это тоже совершенно понятно: напол-

нія собою всю внутренность крокодилову, я дѣлаю его навсегда сытымъ. Теперь его можно не кормить нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны,—сытый мною, онъ естественно сообщитъ и мнѣ всѣ жизненные соки изъ своего тѣла; это въ родѣ того, какъ нѣкоторыя утонченныя кокетки обкладываютъ себя и всѣ свои формы на ночь сырыми котлетами и потомъ, принявъ утреннюю ванну, становятся свѣжими, упругими, сочными и обольстительными. Такимъ образомъ, питая собою крокодила, я, обратно, получаю и отъ него питаніе: слѣдовательно—мы взаимно кормимъ другъ друга. Но такъ какъ трудно, даже и крокодилу, переваривать такого человѣка какъ я, то ужь, разумѣется, онъ долженъ при этомъ ощущать нѣкоторую тяжесть въ желудкѣ,—котораго, впрочемъ, у него нѣтъ,—и вотъ почему, чтобъ не доставить излишней боли чудовищу, я рѣдко ворочаюсь съ боку на бокъ; и хотя-бы и могъ ворочаться, но не дѣлаю сего изъ гуманности. Это единственный недостатокъ теперешняго моего положенія, и въ аллегорическомъ смыслѣ Тимофей Семенычъ справедливъ, называя меня лежебокой. Но я докажу, что и лежа на боку,—мало того,—что только лежа на боку и можно перевернуть судьбу человѣчества. Всѣ великія идеи и направленія нашихъ газетъ и журналовъ, очевидно, произведены лежебоками: вотъ почему и называютъ ихъ идеями кабинетными, но наплевать, что такъ называютъ! Я изобрѣту теперь цѣлую спеціальную систему и—ты не повѣришь—какъ это легко! Стоитъ только уединиться куда-нибудь подальше въ уголъ или хоть попасть въ крокодила, закрыть глаза и тотчасъ-же изобрѣтешь цѣлый рай для всего человѣчества. Давеча, какъ вы ушли, я тотчасъ-же принялся изобрѣтать и изобрѣлъ уже три системы, теперь изготовляю четвертую. Правда, сначала надо все опровергнуть: но изъ крокодила такъ легко опровергать; мало того, изъ крокодила какъ будто все это видѣнье становится... Впрочемъ, въ моемъ положеніи существуютъ и еще недостатки, хотя и мелкіе: внутри крокодила нѣсколько сыро и какъ будто покрыто слизью, да сверхъ того еще нѣсколько пахнетъ резинкой, точь въ точь какъ отъ моихъ прошлогодшихъ калошъ. Вотъ и все, болѣе нѣтъ никакихъ недостатковъ.

— Иванъ Матвѣичъ, прервалъ я,—все это чудеса, которымъ я едва могу вѣрить. И неужели, неужели ты всю жизнь не намѣренъ обѣдать?

— О какомъ вздорѣ заботишься ты, безпечная, праздная голова! Я тебѣ о великихъ идеяхъ разсказываю, а ты... Знай-же, что я сытъ уже однѣми великими идеями, озарившими ночь, меня окружившую. Впрочемъ, добродушный хозяинъ чудовища, сговорившись съ добрѣйшею мутгерь, рѣшили давеча промежъ себя, что будутъ

каждое утро просовывать въ пасть крокодила изогнутую металлическую трубочку, въ родѣ дудочки, черезъ которую я-бы могъ втягивать въ себя кофе или бульонъ съ размоченнымъ въ немъ бѣлымъ хлѣбомъ. Дудочка уже заказана по сосѣдству, но полагаю, что это излишняя роскошь. Прожить-же надѣюсь, по крайней мѣрѣ, тысячу лѣтъ, если справедливо, что по столько лѣтъ живутъ крокодилы, о чемъ, благо напомнилъ, справься завтра-же въ какой-нибудь естественной исторіи и сообщи мнѣ, ибо я могъ ошибиться,—смѣшавъ крокодила съ какимъ-нибудь другимъ ископаемымъ. Одно только соображеніе нѣсколько смущаетъ меня: такъ какъ я одѣтъ въ сукно, и на ногахъ у меня сапоги, то крокодилъ, очевидно, меня не можетъ переварить. Сверхъ того—я живой и потому сопротивляюсь переваренію меня всею моею волею, ибо понятно, что не хочу обратиться въ то, во что обращается всякая пища, такъ какъ это было-бы слишкомъ для меня унизительно. Но боюсь одного: въ тысячелѣтній срокъ сукно сюртука моего, къ несчастью русскаго издѣлія, можетъ истлѣть и тогда я, оставшись безъ одежды, не смотря на все мое негодованіе, начну, пожалуй, и перевариваться, и хоть днемъ я этого ни за что не допущу и не позволю, но по ночамъ, во снѣ, когда воля отлетаетъ отъ человѣка, меня можетъ постичь самая унизительная участь какого-нибудь картофеля, блиновъ или телятины. Такая идея приводитъ меня въ бѣшенство. Уже по одной этой причинѣ надо-бы измѣнить тарифъ и поощрять привозъ суконъ англійскихъ, которыя крѣпче, а слѣдовательно и дольше будутъ сопротивляться природѣ, въ случаѣ, если попадешь въ крокодила. При первомъ случаѣ сообщу мысль мою кому либо изъ людей государственныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ обозрѣвателямъ нашихъ ежедневныхъ петербургскихъ газетъ. Пусть прокричатъ. Надѣюсь, что не одно это они теперь отъ меня позаимствуютъ. Предвижу, что каждое утро цѣлая толпа ихъ, вооруженная редакціонными четвертаками, будетъ тѣсниться кругомъ меня, чтобъ уловить мои мысли на счетъ вчерашнихъ телеграммъ. Короче—будущность представляется мнѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ.

«Горячка, горячка!»—шепталъ я про себя.

— Другъ мой, а свобода? проговорилъ я, желая вполнѣ узнать его мнѣніе.—Вѣдь ты, такъ сказать, въ темницѣ, тогда какъ человѣкъ долженъ наслаждаться свободою.

— Ты глупъ, отвѣчалъ онъ. — Люди дикіе любятъ независимость, люди мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка...

— Иванъ Матвѣичъ, пощади и помилуй!

— Молчи и слушай! взвизгнулъ онъ въ досадѣ, что я перебилъ его.—Никогда не воспарялъ я духомъ такъ, какъ теперь. Въ

моемъ тѣсномъ убѣжищѣ одного боюсь—литературной критики толстыхъ журналовъ и свиста сатирическихъ газетъ нашихъ. Боюсь, чтобъ легкомысленные посѣтители, глупцы и завистники и вообще нигилисты не подняли меня на смѣхъ. Но я приму мѣры. Съ нетерпѣніемъ жду завтрашнихъ отзывовъ публики, а главное—мнѣнія газетъ. О газетахъ сообщи завтра-же.

— Хорошо: завтра-же принесу сюда цѣлый ворохъ газетъ.

— Завтра еще рано ждать газетныхъ отзывовъ, ибо объявленія печатаются только на четвертый день. Но отнынѣ каждый вечеръ приходи черезъ внутренній ходъ со двора. Я намѣренъ употреблять тебя какъ моего секретаря. Ты будешь мнѣ читать газеты и журналы, а я буду диктовать тебѣ мои мысли и давать порученія. Въ особенности не забывай телеграммъ. Каждый день, чтобъ были здѣсь всѣ европейскія телеграммы. Но довольно: вѣроятно, ты теперь хочешь спать. Ступай домой и не думай о томъ, что я сейчасъ говорилъ о критикѣ: я не боюсь ея, ибо сама она находится въ критическомъ положеніи. Стоитъ только быть мудрымъ и добродѣтельнымъ и непремѣнно станешь на пьедесталъ. Если не Сократъ, то Діогенъ, или то и другое вмѣстѣ, и вотъ будущая роль моя въ человѣчествѣ.

Такъ легкомысленно и навязчиво (правда,—въ горячкѣ) торопился высказаться передо мною Иванъ Матвѣичъ, подобно тѣмъ слабохарактернымъ бабамъ, про которыхъ говоритъ пословица, что онѣ не могутъ удержать секрета. Да и все то, что сообщилъ онъ мнѣ о крокодилѣ, показалось мнѣ весьма подозрительнымъ. Ну, какъ можно, чтобъ крокодилъ былъ совершенно пустой? Бьюсь объ закладъ, что въ этомъ онъ прихвастнулъ изъ тщеславія и отчасти, чтобъ меня унизить. Правда, онъ былъ больной, а больному надо уважить: но признаюсь откровенно, я всегда терпѣть не могъ Ивана Матвѣича. Всю жизнь, начиная съ самаго дѣтства, я желалъ и не могъ избавиться отъ его опеки. Тысячу разъ хотѣлъ я было съ нимъ совсѣмъ расплеваться, и каждый разъ меня опять тянуло къ нему, какъ будто я все еще надѣялся ему что-то доказать и за что-то отмстить. Странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ былъ съ нимъ друженъ изъ злобы. На этотъ разъ мы простились, однако-же, съ чувствомъ.

— Вашъ другъ очень умна человѣкъ, сказалъ мнѣ въ полголоса нѣмецъ, собираясь меня провожать: онъ все время прилежно слушалъ нашъ разговоръ.

— A propos, сказалъ я,—чтобъ не забыть,—сколько-бы взяли вы за вашего крокодила, на случай, если-бъ вздумали у васъ его покупать?

Иванъ Матвѣичъ, слышавшій вопросъ, съ любопытствомъ выжидалъ отвѣта. Видимо было, что ему не хотѣлось, чтобъ нѣмецъ взялъ мало; по крайней мѣрѣ, онъ какъ-то особенно крякнулъ при моемъ вопросѣ.

Сначала нѣмецъ и слушать не хотѣлъ, даже разсердился.

— Никто не смѣйтъ покупать мой собственный крокодилъ! вскричалъ онъ яростно и покраснѣлъ какъ вареный ракъ. — Я не хатитъ продавайтъ крокодилъ. Я милліонъ талеръ не стану браль за крокодилъ. Я сто тридцать талеръ сегодня съ публикумъ браль, а завтра десять тысячъ талеръ собраль, а потомъ сто тысячъ талеръ каждый день собираль. Не хочу продаваль.

Иванъ Матвѣичъ даже захихикалъ отъ удовольствія.

Скрѣпя сердце, хладнокровно и разсудительно.—ибо исполнялъ обязанность истиннаго друга,—намекнулъ я сумасбродному нѣмцу, что разсчеты его не совсѣмъ вѣрны, что если онъ каждый день будетъ собирать по сту тысячъ, то въ четыре дня у него перебываетъ весь Петербургъ и потомъ уже не съ кого будетъ собирать, что въ животѣ и смерти воленъ Богъ, что крокодилъ можетъ какъ-нибудь лопнуть, а Иванъ Матвѣичъ заболѣть и помереть, и проч., и проч.

Нѣмецъ задумался.

— Я будетъ ему капли изъ аптеки даваль, сказалъ онъ, надумавшись,—и вашъ друкъ не будетъ умираль.

— Капли каплями, сказалъ я,—но возьмите и то, что можетъ затѣяться судебный процессъ. Супруга Ивана Матвѣича можетъ потребовать своего законнаго супруга. Вы вотъ намѣрены богатѣть, а намѣрены-ли вы назначить хоть какую-нибудь пенсію Еленѣ Ивановнѣ?

— Нѣтъ, не мѣреваль! рѣшительно и строго отвѣчалъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, не мѣреваль! подхватила, даже со злобою, муттеръ.

— Итакъ, не лучше-ли вамъ взять что нибудь теперь, разомъ, хоть и умѣренное, но вѣрное и солидное, чѣмъ предаваться неизвѣстности? Долгомъ считаю присовокупить, что спрашиваю васъ изъ одного только празднаго любопытства.

Нѣмецъ взялъ муттеръ и удалился съ нею для совѣщанія въ уголъ, гдѣ стоялъ шкафъ съ самой большой и безобразнѣйшей изъ всей коллекціи обезьяной.

— Вотъ увидишь! сказалъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ.

Что до меня касается, я въ эту минуту сгоралъ желаніемъ, во первыхъ, — избить больно нѣмца, во вторыхъ, еще болѣе избить муттеръ, а въ третьихъ,—всѣхъ больше и больнѣе избить Ивана Матвѣича за безграничность его самолюбія. Но все это ничего не значило въ сравненіи съ отвѣтомъ жаднаго нѣмца.

Посовѣтовавшись съ своей муттеръ онъ потребовалъ за своего крокодила пятьдесятъ тысячъ рублей билетами послѣдняго внутренняго займа съ лотереею, каменный домъ въ Гороховой и при немъ собственную антеку и, въ добавокъ,—чинъ русскаго полковника.

— Видишь,—торжествуя прокричалъ Иванъ Матвѣичъ,—я говорилъ тебѣ! Кромѣ послѣдняго безумнаго желанія производства въ полковники,—онъ совершенно правъ, ибо вполнѣ понимаетъ теперешнюю цѣнность показываемаго имъ чудовища. Экономическій принципъ прежде всего!

— Помилуйте!—закричалъ я нѣмцу,—да за что-же вамъ полковника-то? Какой вы подвигъ совершили, какую службу заслужили, какой военной славы добились? Ну, не безуменъ-ли вы послѣ этого?

— Безумны! вскричалъ нѣмецъ, обидѣвшись,—нѣтъ, очень умна человѣкъ, а ви очень глюпъ! Я заслужилъ польковникъ, потому што показалъ крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидилъ, а русскій не можетъ показалъ крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидилъ! Я чрезвычайно умны человѣкъ и опшпъ хочу былъ польковникъ!

— Такъ прощай-же, Иванъ Матвѣичъ! вскричалъ я, дрожа отъ бѣшенства, и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ крокодильной. Я чувствовалъ, что еще минута и я уже не могъ-бы отвѣчать за себя. Нестественныя надежды этихъ двухъ болвановъ были невыносимы. Холодный воздухъ, освѣживъ меня, нѣсколько умѣрилъ мое негодованіе. Наконецъ, энергически плюнувъ разъ до пятнадцати въ обѣ стороны, я взялъ извощика, пріѣхалъ домой, раздѣлся и бросился на постель. Всего досаднѣе было то, что я попалъ къ нему въ секретари. Теперь умирай тамъ отъ скуки каждый вечеръ, исполняя обязанность истиннаго друга! Я готовъ былъ прибить себя за это, и дѣйствительно, уже потушивъ свѣчку и закрывшись одѣяломъ, ударилъ себя нѣсколько разъ кулакомъ, по головѣ и другимъ частямъ тѣла. Это нѣсколько облегчило меня и я, наконецъ, заснулъ даже довольно крѣпко, потому что очень усталъ. Всю ночь снились мнѣ только одни обезьяны, но подъ самое утро приснилась Елена Ивановна...

IV.

безьяны, какъ догадываюсь, приснились потому, что заключались въ шкафу у крокодильщика; но Елена Ивановна составляла статью особенную.

Скажу заранѣе: я любилъ эту даму; но спѣшу— и спѣшу на курьерскихъ —оговориться: я любилъ ее какъ отецъ, ни болѣе, ни менѣе. Заключаю такъ по-

тому, что много разъ случалось со мною неудержимое желаніе поцаловать ее въ головку или въ румяненькую щечку. И хотя я никогда не приводилъ сего въ исполненіе, но каюсь — не отказался-бы поцѣловать ее даже и въ губки. И не то что въ губки, а въ зубки, которые такъ прелестно всегда выставлялись, точно рядъ хорошенькихъ, подобранныхъ жемчужинокъ, когда она смѣялась. Она-же удивительно часто смѣялась. Иванъ Матвѣичъ называлъ ее, въ ласкательныхъ случаяхъ, своей «милой нелѣпостью» — названіе въ высшей степени справедливое и характеристическое. Это была дама конфетка и болѣе ничего. Посему совершенно не понимаю, зачѣмъ вздумалось теперь тому-же самому Ивану Матвѣевичу воображать въ своей супругѣ нашу русскую Евгенію Туръ? Во всякомъ случаѣ, мой совѣтъ, если не брать въ разсчетъ обезьянъ, произвелъ на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе и, перебирая въ головѣ, за утренней чашкой чаю, всѣ происшествія вчерашняго дня, я рѣшилъ немедленно зайдти къ Еленѣ Ивановнѣ, по дорогѣ на службу, что, впрочемъ, обязанъ былъ сдѣлать въ качествѣ домашняго друга.

Въ крошечной комнаткѣ передъ спальней, въ такъ называемой у нихъ маленькой гостиной, хотя и большая гостиная была у нихъ тоже маленькая, на маленькомъ нарядномъ диванчикѣ, за маленькимъ чайнымъ столикомъ, въ какой-то полувоздушной утренней распашенкѣ, сидѣла Елена Ивановна и изъ маленькой чашечки, въ которую мокала крошечный сухарикъ, кушала кофе. Была она обольстительно хороша, но показалась мнѣ тоже и какъ будто задумчивою.

— Ахъ, это вы, шалунъ! встрѣтила она меня съ разсѣянной улыбкой:—садитесь, вѣтренникъ, пейте кофе. Ну, что вы вчера дѣлали? Были въ маскарадѣ?

— А развѣ вы были? Я вѣдь не ѣзжу... къ тому-же поѣщалъ вчера нашего узника...

Я вздохнулъ и, принимая кофе, сдѣлалъ благочестивую мину.

— Кого? Какого это узника? Ахъ, да! Бѣдняжка. Ну, что онъ—скучаетъ? А знаете... я хотѣла васъ спросить... Я вѣдь могу теперь просить развода?

— Развода! вскрикнулъ я въ негодованіи и чуть не пролилъ кофе. «Это черномазенькій!» подумалъ я про себя съ яростію.

Существовалъ нѣкто черномазенькій, съ усиками, служившій по строительной части, который слишкомъ ужъ часто похаживалъ къ нимъ и чрезвычайно умѣлъ смѣшить Елену Ивановну. Признаюсь, я его ненавидѣлъ, и сомнѣнія не было, что онъ успѣлъ вчера видѣться съ Еленой Ивановной или въ маскарадѣ, или, пожалуй, и здѣсь, и наговорилъ ей всякаго вздору!

— Да что-жь, заторопилась вдругъ Елена Ивановна, точно подученная:—что-жь онъ тамъ будетъ сидѣть въ крокодилѣ и, пожалуй, всю жизнь не придетъ, а я здѣсь его дожидайся! Мужъ долженъ дома жить, а не въ крокодилѣ...

— Но вѣдь это непредвидѣнный случай, началъ-было я въ весьма понятномъ волненіи.

— Ахъ нѣтъ, не говорите, не хочу, не хочу! закричала она, вдругъ совсѣмъ разсердившись.—Вы вѣчно мнѣ напротивъ, такой негодный! Съ вами ничего не сдѣлаешь, ничего не посовѣтуете! Мнѣ ужь чужіе говорятъ, что мнѣ разводъ дадутъ, потому что Иванъ Матвѣичъ теперь уже не будетъ получать жалованья.

— Елена Ивановна! Васъ-ли я слышу? закричалъ я патетически.—Какой злодѣй могъ вамъ это натолковать! Да и разводъ по такой неосновательной причинѣ, какъ жалованье, совершенно невозможенъ. А бѣдный, бѣдный Иванъ Матвѣичъ къ вамъ, такъ сказать, весь пылаетъ любовью, даже и въ нѣдрахъ чудовища. Мало того—таетъ отъ любви, какъ кусочекъ сахару. Еще вчера ввечеру, когда вы веселились въ маскарадѣ, онъ упоминалъ, что, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть, рѣшится выписать васъ, въ качествѣ законной супруги, къ себѣ, въ нѣдра, тѣмъ болѣе, что крокодилъ оказывается весьма помѣстительнымъ не только для двухъ, но даже и для трехъ особъ...

И тутъ я немедленно разсказалъ ей всю эту интересную часть моего вчерашняго разговора съ Иваномъ Матвѣичемъ.

— Какъ, какъ! вскричала она въ удивленіи.—Вы хотите, чтобъ и я также полѣзла туда, къ Ивану Матвѣевичу? Вотъ выдумки! Да и какъ я полѣзу, такъ въ шляпкѣ и въ кринолинѣ? Господи, какая глупость! Да и какую фигуру я буду дѣлать, когда буду туда лѣзть, а на меня еще кто-нибудь, пожалуй, будетъ смотрѣть... Это смѣшно! И что я тамъ буду кушать?.. И... и какъ я тамъ буду, когда... Ахъ, Боже мой, что они выдумали!.. И какія тамъ развлеченія?.. Вы говорите, что тамъ гимнастикомъ пахнетъ? И какъ-же я буду, если мы тамъ съ нимъ поссоримся,—все-таки рядомъ лежать? Фу, какъ это противно!

— Согласенъ, согласенъ со всѣми этими доводами, милѣйшая Елена Ивановна, прервалъ я, стремясь высказаться съ тѣмъ понятнымъ увлеченіемъ, которое всегда овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ чувствуетъ, что правда на его сторонѣ;—но вы не оцѣнили одного во всемъ этомъ, вы не оцѣнили того, что онъ, стало быть, безъ васъ жить не можетъ, коли зоветъ туда; значитъ, тутъ любовь, любовь страстная, вѣрная, стремящаяся... Вы любви не оцѣнили, милая Елена Ивановна, любви!

— Не хочу, не хочу, и слышать ничего не хочу! отмахивалась она своей маленькой, хорошенькой ручкой, на которой блистали только что вымытые и вычищенные щеточкой розовые ноготки.—Противный! Вы доведете меня до слезъ. Полѣзайте сами, если это вамъ пріятно. Вѣдь вы другъ, ну, и ложитесь тамъ съ нимъ рядомъ изъ дружбы, и спорьте всю жизнь о какихъ нибудь скучныхъ наукахъ...

— Напрасно вы такъ смѣетесь надъ симъ предположеніемъ, съ важностью остановилъ я легкомысленную женщину: — Иванъ Матвѣичъ и безъ того меня звалъ туда. Конечно, васъ привлекаетъ туда долгъ, меня-же только одно великодушіе; но, разсказывая мнѣ вчера о необыкновенной растяжимости крокодиловой, Иванъ Матвѣичъ сдѣлалъ весьма ясный намекъ, что не только вамъ обоимъ, но даже и мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, можно-бы помѣститься съ вами вмѣстѣ, втроемъ, особенно, если-бъ я захотѣлъ того, а потому...

— Какъ такъ, втроемъ? вскричала Елена Ивановна, съ удивленіемъ смотря на меня. — Такъ какъ-же мы... такъ всѣ трое и будемъ тамъ вмѣстѣ? Ха-ха-ха! Какіе вы оба глупые! Ха-ха-ха! Я васъ непремѣнно буду тамъ все время щипать, негодный вы этакой, ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

И она, откинувшись на спинку дивана, расхохоталась до слезинокъ. Все это, и слезы, и смѣхъ, было до того обольстительно, что я не вытерпѣлъ и съ увлеченіемъ бросился цѣловать у ней ручку, чему она не противилась, хотя и выдрала меня легонько, въ знакъ примиренія, за уши.

Затѣмъ мы оба развеселились и я подробно разсказалъ ей всѣ вчерашніе планы Ивана Матвѣича. Мысль о пріемныхъ вечерахъ и объ открытомъ салопѣ ей очень понравилась.

— Но только надо будетъ очень много новыхъ платьевъ, замѣтила она,—и поэтому надо, чтобъ Иванъ Матвѣичъ присылалъ какъ можно скорѣе и какъ можно больше жалованья... Только... только какъ-же это, прибавила она въ раздумьи, — какъ-же это его будутъ приносить ко мнѣ въ ящикѣ? Это очень смѣшно. Я не хочу, чтобъ моего мужа носили въ ящикѣ? Мнѣ будетъ очень стыдно предъ гостями... Я не хочу, нѣтъ, не хочу...

— Кстати чтобъ не забыть, былъ у васъ вчера вечеромъ Тимоѳей Семенычъ?

— Ахъ, былъ: пріѣхалъ утѣшать и, вообразите, мы съ нимъ все въ свои козыри играли. Онъ на конфекты, а коль я проиграю — онъ мнѣ ручки цалуетъ. Такой негодный, и, вообразите, чуть было въ маскарадъ со мной не поѣхалъ. Право!

— Увлеченіе! замѣтилъ я, — да и кто не увлечется вами, обольстительница!

— Ну, ужь вы, поѣхали съ вашими комплиментами! Постойте, я васъ ущипну на дорогу. Я ужасно хорошо выучилась теперь щипаться. Ну что̀, каково! Да, кстати, вы говорите, Иванъ Матвѣичъ часто обо мнѣ вчера говорилъ?

— Н-н-нѣтъ, не то чтобы очень... Признаюсь вамъ, онъ болѣе думаетъ теперь о судьбахъ всего человѣчества и хочетъ...

— Ну, и пусть его! Не договаривайте! Вѣрно скука ужасная. Я какъ-нибудь его навѣщу. Завтра непремѣнно поѣду. Только не сегодня: голова болитъ, а къ тому-же тамъ будетъ такъ много публики... Скажутъ: это жена его, пристыдятъ... Прощайте. Вечеромъ вы вѣдь... тамъ?

— У него, у него. Велѣлъ пріѣзжать и газетъ привезти.

— Ну, вотъ и славно. И ступайте къ нему, и читайте. А ко мнѣ сегодня не заѣзжайте. Я нездорова, а, можетъ, и въ гости поѣду. Ну, прощайте, шалунъ.

«Это черномазенькій у ней будетъ вечеромъ», — подумалъ я про себя.

Въ канцеляріи я, разумѣется, не подалъ и виду, что меня пожираютъ такія заботы и хлопоты. Но вскорѣ замѣтилъ я, что нѣкоторыя изъ прогрессивнѣйшихъ газетъ нашихъ какъ-то особенно скоро переходили въ это утро изъ рукъ въ руки моихъ сослуживцевъ и прочитывались съ чрезвычайно серьезными выраженіями лицъ. Первая попавшаяся мнѣ была—«Листокъ», газетка безъ всякаго особаго направленія, а такъ только вообще гуманная, — за что̀ ее преимущественно у насъ презирали, хотя и прочитывали. Не безъ удивленія прочелъ я въ ней слѣдующее:

«Вчера въ нашей обширной и украшенной великолѣпными зданіями столицѣ распространялись чрезвычайные слухи. Нѣкто N, извѣстный гастрономъ изъ высшаго общества, вѣроятно, наскучивъ кухнею Бореля и—ского клуба, вошелъ въ зданіе Пассажа, въ то мѣсто, гдѣ показывается огромный, только что привезенный въ столицу крокодилъ, и потребовалъ, чтобъ ему изготовили его на обѣдъ. Сторговавшись съ хозяиномъ, онъ тутъ-же принялся пожирать его (т. е. не хозяина, весьма смирнаго и склоннаго къ аккуратности нѣмца, а его крокодила) — еще живьемъ, отрѣзая сочные куски перочиннымъ ножичкомъ и глотая ихъ съ чрезвычайною поспѣшностью. Мало по малу весь крокодилъ исчезъ въ его тучныхъ нѣдрахъ, такъ что онъ собирался даже приняться за ихневмона, постояннаго спутника крокодилова, вѣроятно, полагая, что и тотъ будетъ такъ-же вкусенъ. Мы вовсе не противъ сего новаго про-

дукта, давно уже извѣстнаго иностраннымъ гастрономамъ. Мы даже предсказывали это напередъ. Англійскіе лорды и путешественники ловятъ въ Египтѣ крокодиловъ цѣлыми партіями и употребляютъ хребетъ чудовища, въ видѣ бифштекса, съ горчицей, лукомъ и картофелемъ. Французы, наѣхавшіе съ Лессепсомъ, предпочитаютъ лапы, испеченныя въ горячей золѣ, что̀ дѣлаютъ, впрочемъ, въ пику англичанамъ, которые надъ ними смѣются. Вѣроятно, у насъ оцѣнятъ то и другое. Съ своей стороны, мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу не достаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Велѣдъ за симъ первымъ крокодиломъ, исчезнувшимъ въ нѣдрахъ петербургскаго гастронома, вѣроятно, не пройдетъ и года, какъ навезутъ ихъ къ намъ сотнями. И почему-бы не акклиматизировать крокодила у насъ въ Россіи? Если невская вода слишкомъ холодна для сихъ интересныхъ чужестранцевъ, то въ столицѣ имѣются пруды, а за городомъ рѣчки и озера. Почему-бы, напримѣръ, не развести крокодиловъ въ Парголовѣ или въ Павловскѣ, въ Москвѣ-же въ Пресненскихъ прудахъ и въ Самотекѣ? Доставляя пріятную и здоровую пищу нашимъ утонченнымъ гастрономамъ, они въ тоже время могли-бы увеселять гуляющихъ на сихъ прудахъ дамъ и поучать собою дѣтей естественной исторіи. Изъ крокодиловой кожи можно-бы было приготовлять футляры, чемоданы, папиросницы и бумажники. И, можетъ быть, не одна русская купеческая тысяча въ засаленныхъ кредиткахъ, преимущественно предпочитаемыхъ купцами, улеглась-бы въ крокодиловой кожѣ. Надѣемся еще не разъ возвратиться къ этому интересному предмету».

Я хоть и предчувствовалъ что нибудь въ этомъ родѣ, тѣмъ не менѣе опрометчивость извѣстія смутила меня. Не находя съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, я обратился къ сидѣвшему напротивъ меня Прохору Савичу и замѣтилъ, что тотъ уже давно слѣдилъ за мною глазами, а въ рукахъ держалъ «Волосъ», какъ-бы готовясь мнѣ передать его. Молча принялъ онъ отъ меня «Листокъ» и, передавая мнѣ «Волосъ», крѣпко отчеркнулъ ногтемъ статью, на которую, вѣроятно, хотѣлъ обратить мое вниманіе. Этотъ Прохоръ Савичъ былъ у насъ престранный человѣкъ: молчаливый старый холостякъ, онъ ни съ кѣмъ изъ насъ не вступалъ ни въ какія сношенія, почти ни съ кѣмъ не говорилъ въ канцеляріи, всегда и обо всемъ имѣлъ свое собственное мнѣніе, но терпѣть не могъ кому нибудь сообщать его. Жилъ онъ одиноко. Въ квартирѣ его почти никто изъ насъ не былъ.

Вотъ что̀ я прочелъ въ показанномъ мѣстѣ «Волоса».

«Всѣмъ извѣстно, что мы прогрессивны и гуманны и хотимъ

угоняться въ этомъ за Европой. Но не смотря на всѣ наши старанія и на усилія нашей газеты, мы еще далеко не «созрѣли», какъ о томъ свидѣтельствуетъ возмутительный фактъ, случившійся вчера въ Пассажѣ и о которомъ мы заранѣе предсказывали. Пріѣзжаетъ въ столицу иностранецъ-собственникъ и привозитъ съ собой крокодила, котораго и начинаетъ показывать въ Пассажѣ публикѣ. Мы тотчасъ-же поспѣшили привѣтствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще недостаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Какъ вдругъ вчера, въ половинѣ пятаго пополудни, въ магазинъ иностранца-собственника является нѣкто необычайной толщины и въ нетрезвомъ видѣ, платитъ за входъ и тотчасъ-же, безъ всякаго предувѣдомленія, лѣзетъ въ пасть крокодила, который, разумѣется, принужденъ былъ проглотить его, хотя-бы изъ чувства самосохраненія, чтобъ не подавиться. Провалившись во внутренность крокодила, незнакомецъ тотчасъ-же засыпаетъ. Ни крики иностранца-собственника, ни вопли его испуганнаго семейства, ни угрозы обратиться къ полиціи, не оказываютъ никакого впечатлѣнія. Изъ внутри крокодила слышенъ лишь хохотъ и обѣщаніе расправиться розгами (sic), а бѣдное млекопитающее, принужденное проглотить такую массу, тщетно проливаетъ слезы. Незваный гость хуже татарина, но не смотря на пословицу, нахальный посѣтитель выходить не хочетъ. Не знаемъ, какъ и объяснить подобные варварскіе факты, свидѣтельствующіе о нашей незрѣлости и марающіе насъ въ глазахъ иностранцевъ. Размашистость русской натуры нашла себѣ достойное примѣненіе. Спрашивается, чего хотѣлось непрошенному посѣтителю? Теплаго и комфортнаго помѣщенія? Но въ столицѣ существуетъ много прекрасныхъ домовъ, съ дешевыми и весьма комфортными квартирами, съ проведенной невской водой и съ освѣщенной газомъ лѣстницей, при которой заводится нерѣдко отъ хозяевъ швейцаръ. Обращаемъ еще вниманіе нашихъ читателей и на самое варварство обращенія съ домашними животными: заѣзжему крокодилу, разумѣется, трудно переварить подобную массу разомъ и теперь онъ лежитъ, раздутый горой, и въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти. Въ Европѣ давно уже преслѣдуютъ судомъ обращающихся негуманно съ домашними животными. Но не смотря на европейское освѣщеніе, на европейскіе тротуары, на европейскую постройку домовъ, намъ еще долго не отстать отъ завѣтныхъ нашихъ предразсудковъ.

Дома новы, но предразсудки стары—

и даже и дома-то не новы, по крайней мѣрѣ, лѣстницы. Мы уже не разъ упоминали въ нашей газетѣ, что на Петербургской сто-

роиѣ, въ домѣ купца Лукьянова, забѣжныя ступеньки деревянной лѣстницы стили, провалились и давно уже представляютъ опасность для находящейся у него въ услуженіи солдатки Аѳимьи Скандаровой, принужденной часто восходить на лѣстницу съ водою или съ охапкою дровъ. Наконецъ, предсказанія наши оправдались: вчера вечеромъ, въ половинѣ девятаго пополудни, солдатка Аѳимья Скандарова провалилась съ суповой чашкой и сломала-таки себѣ ногу. Не знаемъ, починитъ-ли теперь Лукьяновъ свою лѣстницу; русскій человѣкъ задиимъ умомъ крѣпокъ, но жертва русскаго авось уже свезена въ больницу. Точно также не устанемъ мы утверждать, что дворники, счищающіе на Выборгской съ деревянныхъ тротуаровъ грязь, не должны пачкать ноги прохожихъ, а должны складывать грязь въ кучки, подобно тому, какъ въ Европѣ при очищеніи сапогъ и т. д., и т. д.».

— Что-же это, сказалъ я, смотря въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Прохора Савича,—что-же это такое?

— А что-съ?

— Да помилуйте, чѣмъ-бы объ Иванъ Матвѣичѣ пожалѣть, жалѣютъ о крокодилѣ.

— А что-же-съ? Звѣря даже, *млекопитающаго* и того пожалѣли. Чѣмъ-же не Европа-съ? Тамъ тоже крокодиловъ очень жалѣютъ. Хи-хи-хи!

Сказавъ это, чудакъ Прохоръ Савичъ уткнулся въ свои бумаги и уже не промолвилъ болѣе ни слова.

«Волосъ» и «Листокъ» я спряталъ въ карманъ, да кромѣ того набралъ для вечерняго развлеченія Ивану Матвѣичу старыхъ «Извѣстій» и «Волосовъ» сколько могъ найдти, и хотя до вечера было еще далеко, но на этотъ разъ я пораньше улизнулъ изъ канцеляріи, чтобъ побывать въ Пассажѣ и хоть издали посмотрѣть, что тамъ дѣлается, подслушать разныя мнѣнія и направленія. Предчувствовалъ я, что тамъ цѣлая давка и на всякій случай поплотнѣе завернулъ лицо въ воротникъ шинели, потому что мнѣ было чего-то немного стыдно—до того мы не привыкли къ публичности. Но чувствую, что я не вправѣ передавать собственныя, прозаическія мои ощущенія въ виду такого замѣчательнаго и оригинальнаго событія.

ИГРОКЪ

РОМАНЪ

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА).

Sorry, page not found

ГЛАВА I.

Наконецъ, я возвратился изъ моей двухнедѣльной отлучки. Наши уже три дня какъ были въ Рулетенбургѣ. Я думалъ, что они и Богъ знаетъ какъ ждутъ меня, однако-жъ ошибся. Генералъ смотрѣлъ чрезвычайно независимо, поговорилъ со мной свысока и отослалъ меня къ сестрѣ. Было ясно, что они гдѣ-нибудь перехватили денегъ. Мнѣ показалось даже, что генералу нѣсколько совѣстно глядѣть на меня. Марья Филипповна была въ чрезвычайныхъ хлопотахъ и поговорила со мною слегка; деньги однако-жъ приняла, сосчитала и выслушала весь мой рапортъ. Къ обѣду ждали Мезенцова, француза и еще какого-то англичанина: какъ водится, деньги есть, такъ тотчасъ и званый обѣдъ; по московски. Полина Александровна, увидѣвъ меня, спросила: что я такъ долго? И не дождавшись отвѣта, ушла куда-то. Разумѣется, она сдѣлала это нарочно. Намъ однако-жъ надо объясниться. Много накопилось.

Мнѣ отвели маленькую комнатку, въ четвертомъ этажѣ отеля. Здѣсь извѣстно, что я принадлежу *къ свитѣ генерала*. По всему видно, что они успѣли-таки дать себя знать. Генерала считаютъ здѣсь всѣ богатѣйшимъ русскимъ вельможей. Еще до обѣда, онъ успѣлъ, между другими порученіями, дать мнѣ два тысячефранковыхъ билета размѣнять. Я размѣнялъ ихъ въ конторѣ отеля. Теперь на насъ будутъ смотрѣть, какъ на милліонеровъ, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю. Я хотѣлъ было взять Мишу и Надю и пойдти съ ними гулять: но съ лѣстницы меня позвали къ генералу: ему заблагоразсудилось освѣдомиться, куда я ихъ поведу? Этотъ человѣкъ рѣшительно не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза: онъ-бы и очень хотѣлъ, но я каждый разъ отвѣчаю ему такимъ пристальнымъ, то есть непочтительнымъ взглядомъ, что онъ какъ будто конфузится. Въ весьма напыщенной рѣчи, пересыпая одну фразу на другую, и, наконецъ, совсѣмъ запутавшись, онъ далъ мнѣ понять, чтобъ я гулялъ съ дѣтьми гдѣ нибудь, подальше отъ вокзала, въ паркѣ. Наконецъ, онъ разсердился совсѣмъ и круто прибавилъ:

«А то вы, пожалуй, ихъ въ вокзалъ, на рулетку, поведете. Вы меня извините, прибавилъ онъ,—но я знаю, вы еще довольно легкомысленны, и способны, пожалуй, играть. Во всякомъ случаѣ, хоть я и не ментеръ вашъ, да и роли такой на себя брать не желаю, но, по крайней мѣрѣ, имѣю право пожелать, чтобы вы, такъ сказать, меня-то не скомпрометтировали...

— Да вѣдь у меня и денегъ нѣтъ, отвѣчалъ я спокойно:— чтобы проиграться, нужно ихъ имѣть.

— Вы ихъ немедленно получите, отвѣтилъ генералъ, покраснѣвъ немного, порылся у себя въ бюро, справился въ книжкѣ и оказалось, что за нимъ моихъ денегъ около 120 рублей.

— Какъ-же мы сосчитаемся, заговорилъ онъ,—надо переводить на талеры. Да вотъ возьмите 100 талеровъ, круглымъ счетомъ, — остальное, конечно, не пропадетъ.

Я молча взялъ деньги.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь моими словами, вы такъ обидчивы... Если я вамъ замѣтилъ, то я, такъ сказать, васъ предостерегъ, и, ужъ конечно, имѣю на то нѣкоторое право...

Возвращаясь предъ обѣдомъ съ дѣтьми домой, я встрѣтилъ цѣлую кавалькаду. Наши ѣздили осматривать какія-то развалины. Двѣ превосходныя коляски, великолѣпныя лошади! Mademoiselle Blanche въ одной колескѣ съ Марьей Филипповной и Полиной; французикъ, англичанинъ и нашъ генералъ верхами. Прохожіе останавливались и смотрѣли: эффектъ былъ произведенъ: только генералу не сдобровать. Я разсчиталъ, что съ четырьмя тысячами франковъ, которыя я привезъ, да прибавивъ сюда то, что они, очевидно, успѣли перехватить, у нихъ теперь есть семь или восемь тысячъ франковъ: этого слишкомъ мало для m-lle Blanche.

M-lle Blanche стоитъ тоже въ нашемъ отелѣ, вмѣстѣ съ матерью; гдѣ-то тутъ-же и нашъ французикъ. Лакеи называютъ его «M-r le comte», мать M-lle Blanche называется «m-me la comtesse»: что-жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ они comte et comtesse.

Я такъ и зналъ, что m-r le comte меня не узнаетъ, когда мы соединимся за обѣдомъ. Генералъ, конечно, и не подумалъ-бы насъ знакомить или хоть меня ему отрекомендовать; а m-r le comte самъ бывалъ въ Россіи и знаетъ, какъ невелика птица — то, что они называютъ *outchitel*. Онъ, впрочемъ, меня очень хорошо знаетъ. Но, признаться, я и къ обѣду-то явился непрошеннымъ: кажется, генералъ позабылъ распорядиться, а то-бы навѣрно послалъ меня обѣдать за table d'hotомъ. Я явился самъ, такъ что генералъ посмотрѣлъ на меня съ неудовольствіемъ. Добрая Марья Филипповна

тотчасъ-же указала мнѣ мѣсто; но встрѣча съ мистеромъ Астлеемъ меня выручила и я, по неволѣ, оказался принадлежащимъ къ ихъ обществу.

Этого страннаго англичанина я встрѣтилъ сначала въ Пруссіи, въ вагонѣ, гдѣ мы сидѣли другъ противъ друга, когда я догонялъ нашихъ; потомъ я столкнулся съ нимъ, въѣзжая во Францію, наконецъ, въ Швейцаріи; въ теченіи этихъ двухъ недѣль два раза,— и вотъ теперь я вдругъ встрѣтилъ его уже въ Рулетенбургѣ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе застѣнчиваго; онъ застѣнчивъ до глупости и самъ, конечно, знаетъ объ этомъ, потому что онъ вовсе не глупъ. Впрочемъ, онъ очень милый и тихій. Я заставилъ его разговориться при первой встрѣчѣ въ Пруссіи. Онъ объявилъ мнѣ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Нордъ-Капѣ и что весьма хотѣлось ему быть на Нижегородской ярмаркѣ. Не знаю, какъ онъ познакомился съ генераломъ; мнѣ кажется, что онъ безпредѣльно влюбленъ въ Полину. Когда она вошла, онъ вспыхнулъ, какъ зарево. Онъ былъ очень радъ, что за столомъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и, кажется, уже считаетъ меня своимъ закадычнымъ другомъ.

За столомъ французикъ тошновалъ необыкновенно: онъ со всѣми небреженъ и важенъ. А въ Москвѣ, я помню, пускалъ мыльные пузыри. Онъ ужасно много говорилъ о финансахъ и о русской политикѣ. Генералъ иногда осмѣливался противорѣчить, — но скромно, единственно настолько, чтобъ не уронить окончательно своей важности.

Я былъ въ страшномъ настроеніи духа: разумѣется, я еще до половины обѣда успѣлъ задать себѣ мой обыкновенный и всегдашній вопросъ: «зачѣмъ я валандаюсь съ этимъ генераломъ и давнымъ давно не отхожу отъ нихъ?» Изрѣдка я взглядывалъ на Полину Александровну: она совершенно не примѣчала меня. Кончилось тѣмъ, что я разозлился и рѣшился грубить.

Началось тѣмъ, что я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, громко и безъ спросу ввязался въ чужой разговоръ. Мнѣ, главное, хотѣлось поругаться съ французикомъ. Я оборотился къ генералу и вдругъ совершенно громко и отчетливо, и, кажется, перебивъ его, замѣтилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ русскимъ почти совсѣмъ нельзя обѣдать въ отеляхъ за табльдотами. Генералъ устремилъ на меня удивленный взглядъ.

— Если вы человѣкъ себя уважающій, пустился я далѣе, — то непремѣнно напроситесь на ругательства и должны выносить чрезвычайные щелчки. Въ Парижѣ и на Рейнѣ, даже въ Швейцаріи, за табльдотами такъ много поляченекъ и имъ сочувствую-

щихъ французиковъ, что нѣтъ возможности вымолвить слова, если вы только русскій.

Я проговорилъ это по французски. Генералъ смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, не зная, разсердиться-ли ему, или только удивиться, что я такъ забылся.

— Значитъ, васъ кто-нибудь и гдѣ-нибудь проучилъ, сказалъ французикъ небрежно и презрительно.

— Я въ Парижѣ сначала поругался съ однимъ поляком, отвѣтилъ я,—потомъ съ однимъ французскимъ офицеромъ, который поляка поддерживалъ. А затѣмъ ужь часть французовъ перешла на мою сторону, когда я имъ разсказалъ, какъ я хотѣлъ плюнуть въ кофе монсиньора.

— Плюнуть? спросилъ генералъ съ важнымъ недоумѣніемъ, и даже осматриваясь. Французикъ оглядывалъ меня недовѣрчиво.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ я.—Такъ какъ я цѣлыхъ два дня былъ убѣжденъ, что придется, можетъ быть, отправиться по нашему дѣлу на минутку въ Римъ, то и пошелъ въ канцелярію посольства святѣйшаго отца въ Парижѣ, чтобъ визировать паспортъ. Тамъ меня встрѣтилъ аббатикъ, лѣтъ пятидесяти, сухой и съ морозомъ въ физіономіи, и, выслушавъ меня вѣжливо, но чрезвычайно сухо, просилъ подождать. Я хоть и сѣлъ, но, конечно, съ ждать, вынулъ «Opinion nationale» и сталъ читать страшнѣйшее ругательство противъ Россіи. Между тѣмъ, я слышалъ, какъ чрезъ сосѣднюю комнату кто-то прошелъ къ монсиньору; я видѣлъ, какъ мой аббатъ раскланивался. Я обратился къ нему съ прежнею просьбою; онъ еще суше попросилъ меня опять подождать. Немного спустя вошелъ кто-то еще незнакомый, но за дѣломъ,—какой-то австріецъ; его выслушали и тотчасъ-же проводили наверхъ. Тогда мнѣ стало очень досадно; я всталъ, подошелъ къ аббату и сказалъ ему рѣшительно, что такъ какъ монсиньоръ принимаетъ, то можетъ кончить и со мною. Вдругъ аббатъ отшатнулся отъ меня съ необычайнымъ удивленіемъ. Ему просто не понятно стало, какимъ это образомъ смѣетъ ничтожный русскій равнять себя съ гостями монсиньора? Самымъ нахальнымъ тономъ, какъ-бы радуясь, что можетъ меня оскорбить, обмѣрилъ онъ меня съ ногъ до головы и вскричалъ:—«такъ неужели-жь вы думаете, что монсиньоръ броситъ для васъ свой кофе?» Тогда и я закричалъ, но еще сильнѣе его;—«такъ знайте-жь, что мнѣ наплевать на кофе вашего монсиньора! Если вы сію-же минуту не кончите съ моимъ паспортомъ, то я пойду къ нему самому».

— «Какъ! Въ то время, когда у него сидитъ кардиналъ!» закричалъ аббатикъ, съ ужасомъ отъ меня отстраняясь, бросился къ

дверямъ и разставилъ крестомъ руки, показывая видъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ меня пропуститъ.

Тогда я отвѣтилъ ему, что я еретикъ и варваръ, que je suis hérétique et barbare», и что мнѣ всѣ эти архіепископы, кардиналы, монсиньоры и проч. и проч.—все равно. Однимъ словомъ, я показалъ видъ, что не отстану. Аббатъ поглядѣлъ на меня съ безконечною злобою, потомъ вырвалъ мой паспортъ и унесъ его на верхъ. Чрезъ минуту онъ былъ уже визированъ. Вотъ-съ, не угодно-ли посмотрѣть?—Я вынулъ паспортъ и показалъ римскую визу.

— Вы это, однако-же, началъ было генералъ...

— Васъ спасло, что вы объявили себя варваромъ и еретикомъ, замѣтилъ, усмѣхаясь, французикъ.—«Cela n'était pas si bête».

— Такъ неужели смотрѣть на нашихъ русскихъ? Они сидятъ здѣсь—пикнуть не смѣютъ и готовы, пожалуй, отречься отъ того, что они русскіе. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ моемъ отелѣ со мною стали обращаться гораздо внимательнѣе, когда я всѣмъ разсказалъ о моей дракѣ съ аббатомъ. Толстый польскій панъ, самый враждебный ко мнѣ человѣкъ за табльдотомъ, стушевался на второй планъ. Французы даже перенесли, когда я разсказалъ, что года два тому назадъ видѣлъ человѣка, въ котораго французскій егерь въ двѣнадцатомъ году выстрѣлилъ—единственно только для того, чтобъ разрядить ружье. Этотъ человѣкъ былъ тогда еще десятилѣтнимъ ребенкомъ и семейство его не успѣло выѣхать изъ Москвы.

— Этого быть не можетъ, вскинѣлъ французикъ, — французскій солдатъ не станетъ стрѣлять въ ребенка!

— Между тѣмъ это было, отвѣчалъ я.—Это мнѣ разсказалъ почтенный отставной капитанъ, и я самъ видѣлъ шрамъ на его щекѣ отъ пули.

Французъ началъ говорить много и скоро. Генералъ сталъ-было его поддерживать, но я рекомендовалъ ему прочесть хоть, напримѣръ, отрывки изъ «Записокъ» генерала Перовскаго, бывшаго въ двѣнадцатомъ году въ плѣну у французовъ. Наконецъ, Марья Филипповна о чемъ-то заговорила, чтобъ перебить разговоръ. Генералъ былъ очень недоволенъ мною, потому что мы съ французомъ уже почти начали кричать. Но мистеру Астлею мой споръ съ французомъ, кажется, очень понравился; вставая изъ-за стола, онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ рюмку вина. Вечеромъ, какъ и слѣдовало, мнѣ удалось съ четверть часа поговорить съ Полиной Александровной. Разговоръ нашъ состоялся на прогулкѣ. Всѣ пошли въ паркъ къ вокзалу. Полина сѣла на скамейку противъ фонтана, а Наденьку пустила играть не далеко отъ себя съ дѣтьми. Я тоже отпустилъ къ фонтану Мишу, и мы остались, наконецъ, одни.

Сначала начали, разумѣется, о дѣлахъ. Полина просто разсердилась, когда я передалъ ей всего только семьсотъ гульденовъ. Она была увѣрена, что я ей привезу изъ Парижа, подъ залогъ ея брилліантовъ, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи гульденовъ, или даже болѣе.

— Мнѣ, во что-бы то ни стало, нужны деньги, сказала она— и ихъ надо добыть; иначе я просто погибла.

Я сталъ разспрашивать о томъ, что сдѣлалось въ мое отсутствіе.

— Больше ничего, что получены изъ Петербурга два извѣстія: сначала, что бабушкѣ очень плохо, а черезъ два дня, что, кажется, она уже умерла. Это извѣстіе отъ Гимодея Петровича, прибавила Полина, — а онъ человѣкъ точный. Ждемъ послѣдняго окончательнаго извѣстія.

— Итакъ, здѣсь всѣ въ ожиданіи? спросилъ я.

— Конечно, всѣ и все; цѣлые полгода на одно это только и надѣялись.

— И вы надѣетесь? спросилъ я.

— Вѣдь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица. Но я знаю навѣрно, что она обо мнѣ вспомнитъ въ завѣщаніи.

— Мнѣ кажется, вамъ очень много достанется, сказалъ я утвердительно.

— Да, она меня любила; но почему *вамъ* это кажется?

— Скажите, отвѣчалъ я вопросомъ, — нашъ маркизъ, кажется, тоже посвященъ во всѣ семейныя тайны?

— А вы сами къ чему объ этомъ интересуетесь? спросила Полина, поглядѣвъ на меня сурово и сухо.

— Еще-бы: если не ошибаюсь, генералъ успѣлъ уже занять у него денегъ.

— Вы очень вѣрно угадываете.

— Ну, такъ далъ-ли-бы онъ денегъ, если-бы не зналъ про бабуленьку? Замѣтили-ли вы за столомъ онъ раза три, что-то говоря о бабушкѣ, назвалъ ее бабулинькой (la baboulinka). Какія короткія и какія дружественныя отношенія!

— Да, вы правы. Какъ только онъ узнаетъ, что и мнѣ что-нибудь по завѣщанію досталось, то тотчасъ-же ко мнѣ и посватается. Это, что-ли, вамъ хотѣлось узнать?

— Еще только посватается? Я думалъ, что онъ давно сватается.

— Вы отлично хорошо знаете, что нѣтъ! съ сердцемъ сказала Полина. — Гдѣ вы встрѣтили этого англичанина? прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я такъ и зналъ, что вы о немъ сейчасъ спросите.

Я разсказалъ ей о прежнихъ моихъ встрѣчахъ съ мистеромъ Астлеемъ по дорогѣ. — Онъ застѣнчивъ и влюбчивъ и ужь, конечно, влюбленъ въ васъ?

— Да, онъ влюбленъ въ меня, отвѣчала Полина.

— И ужь, конечно, онъ въ десять разъ богаче француза. Что, у француза дѣйствительно есть что-нибудь? Не подвержено это сомнѣнію?

— Не подвержено. У него есть какой-то château. Мнѣ еще вчера генералъ говорилъ объ этомъ рѣшительно. Ну, что, довольно съ васъ?

— Я-бы, на вашемъ мѣстѣ, непремѣнно вышла замужъ за англичанина.

— Почему? спросила Полина.

— Французъ красивѣе, но онъ подлѣе; а англичанинъ, сверхъ того что честенъ, еще въ десять разъ богаче, — отрѣзалъ я.

— Да; но зато французъ — маркизъ и умнѣе, — отвѣтила она напспокойнѣйшимъ образомъ.

— Да вѣрно-ли? продолжалъ я по прежнему.

— Совершенно такъ.

Полинѣ ужасно не нравились мои вопросы и я видѣлъ, что ей хотѣлось разозлить меня тономъ и дикостію своего отвѣта; я объ этомъ ей тотчасъ-же сказалъ.

— Что-жь, меня дѣйствительно развлекаетъ, какъ вы бѣситесь. Ужь за одно то, что я позволяю вамъ дѣлать такіе вопросы и догадки, слѣдуетъ вамъ расплатиться.

— Я дѣйствительно считаю себя въ правѣ дѣлать вамъ всякіе вопросы, отвѣчалъ я спокойно, - именно потому, что готовъ какъ угодно за нихъ расплатиться, и свою жизнь считаю теперь ни во что.

Полина захохотала:

— Вы мнѣ въ послѣдній разъ, на Шлангенбергѣ, сказали, что готовы по первому моему слову броситься внизъ головою, а тамъ, кажется, до тысячи футовъ. Я когда-нибудь произнесу это слово, единственно затѣмъ, чтобъ посмотрѣть, какъ вы будете распланываться, и ужь будьте увѣрены, что выдержу характеръ. Вы мнѣ ненавистны, — именно тѣмъ, что я такъ много вамъ позволила, и еще ненавистнѣе тѣмъ, что такъ мнѣ нужны. Но покамѣсть вы мнѣ нужны — мнѣ надо васъ беречь.

Она стала вставать. Она говорила съ раздраженіемъ. Въ послѣднее время она всегда кончала со мною разговоръ со злобою и раздраженіемъ, съ настоящею злобою.

— Позвольте васъ спросить, что такое m-lle Blanche? спросилъ я, не желая отпустить ее безъ объясненія.

— Вы сами знаете, что̀ такое m-lle Blanche. Больше ничего съ тѣхъ поръ не прибавилось. M-lle Blanche навѣрно будетъ генеральшей, — разумѣется, если слухъ о кончинѣ бабушки подтвердится, потому что и m-lle Blanche, и ея матушка, и троюродный cousin-маркизъ — всѣ очень хорошо знаютъ, что мы разорились.

— А генералъ влюбленъ окончательно?

— Теперь не въ этомъ дѣло. Слушайте и запомните: возьмите эти семьсотъ флориновъ и ступайте играть, выиграйте мнѣ на рулеткѣ сколько можете больше: мнѣ деньги, во что̀-бы ни стало, теперь нужны.

Сказавъ это, она кликнула Наденьку и пошла къ вокзалу, гдѣ и присоединилась ко всей нашей компаніи. Я-же свернулъ на первую попавшуюся дорожку влѣво, обдумывая и удивляясь. Меня точно въ голову ударило послѣ приказанія идти на рулетку. Странное дѣло: мнѣ было о чемъ раздуматься, а между тѣмъ я весь погрузился въ анализъ ощущеній моихъ чувствъ къ Полинѣ. Право, мнѣ было легче въ эти двѣ недѣли отсутствія, чѣмъ теперь, въ день возвращенія, хотя я, въ дорогѣ, и тосковалъ какъ сумасшедшій, метался какъ угорѣлый, и даже во снѣ поминутно видѣлъ ее передъ собою. Разъ (это было въ Швейцаріи), заснувъ въ вагонѣ, я, кажется, заговорилъ вслухъ съ Полиной, чѣмъ разсмѣшилъ всѣхъ сидѣвшихъ со мной проѣзжихъ. И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю-ли я ее? И еще разъ не съумѣлъ на него отвѣтить, то есть, лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты (а именно, каждый разъ при концѣ нашихъ разговоровъ), что я отдалъ-бы полжизни, чтобъ задушить ее! Клянусь, если-бъ возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился-бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что̀ есть святаго, если-бы, на Шлангенбергѣ, на модномъ пунктѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я-бы тотчасъ-же бросился, и даже съ наслажденіемъ. Я зналъ это. Такъ или этакъ, но это должно было разрѣшиться. Все это она удивительно понимаетъ, и мысль о томъ, что я вполнѣ вѣрно и отчетливо сознаю всю ея недоступность для меня, всю невозможность исполненія моихъ фантазій, — эта мысль, я увѣренъ, доставляетъ ей чрезвычайное наслажденіе, иначе могла-ли-бы она, осторожная и умная, быть со мною въ такихъ короткостяхъ и откровенностяхъ? Мнѣ кажется, она до сихъ поръ смотрѣла на меня, какъ та древняя императрица, которая стала раздѣваться при своемъ невольникѣ, считая его не за человѣка. Да, она много разъ считала меня не за человѣка... .

Однако-жь, у меня было ея порученіе — выиграть на рулеткѣ, во что-бы то ни стало. Мнѣ некогда было раздумывать: для чего и какъ скоро надо выиграть и какія новыя соображенія родились въ этой вѣчно разсчитывающей головѣ? Къ тому-же въ эти двѣ недѣли, очевидно, прибавилась бездна новыхъ фактовъ, объ которыхъ я еще не имѣлъ понятія. Все это надо было угадать, во все проникнуть, и какъ можно скорѣе. Но, покамѣстъ, теперь было некогда: надо было отправляться на рулетку.

ГЛАВА II.

Признаюсь, мнѣ это было непріятно; я хоть и рѣшилъ, что буду играть, но вовсе не располагалъ начинать для другихъ. Это даже сбивало меня нѣсколько съ толку, и въ игорныя залы я вошелъ съ предосаднымъ чувствомъ. Мнѣ тамъ, съ перваго взгляда, все не понравилось. Терпѣть я не могу этой лакейщины въ фельетонахъ цѣлаго свѣта и преимущественно въ нашихъ русскихъ газетахъ, гдѣ почти каждую весну наши фельетонисты разсказываютъ о двухъ вещахъ: во первыхъ, о необыкновенномъ великолѣпіи и роскоши игорныхъ залъ въ рулеточныхъ городахъ на Рейнѣ, а во вторыхъ,—о грудахъ золота, которыя, будто-бы, лежатъ на столахъ. Вѣдь не платятъ-же имъ за это: это такъ, просто, разсказывается, изъ безкорыстной угодливости. Никакого великолѣпія нѣтъ въ этихъ дряныхъ залахъ, а золота не только нѣтъ грудами на столахъ, но и чуть-чуть-то едва-ли бываетъ. Конечно, кой-когда, впродолженіе сезона, появится вдругъ какой-нибудь чудакъ, или англичанинъ или азіатъ какой-нибудь, турокъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и вдругъ проиграетъ или выиграетъ очень много; остальные-же всѣ играютъ на мелкіе гульдены и, среднимъ числомъ, на столѣ всегда лежитъ очень мало денегъ. Какъ только я вошелъ въ игорную залу (въ первый разъ въ жизни), я нѣкоторое время еще не рѣшался играть. Къ тому-же тѣснила толпа. Но если-бъ я былъ и одинъ, то и тогда-бы, я думаю, скорѣе ушелъ, а не началъ играть. Признаюсь, у меня стукало сердце и я былъ не хладнокровенъ: я навѣрное зналъ и давно уже рѣшилъ, что изъ Рулетенбурга такъ не выѣду: что-нибудь непремѣнно произойдетъ въ моей судьбѣ радикальное и окончательное. Такъ надо и такъ будетъ. Какъ это ни смѣшно, что я такъ много жду для себя отъ рулетки, но мнѣ кажется, еще смѣшнѣе рутинное мнѣніе, всѣми признанное, что глупо и нелѣпо ожидать чего-нибудь отъ игры. И

почему игра хуже какого-бы то ни было способа добыванія денегъ, напримѣръ, хоть торговли? Оно правда, что выигрываетъ изъ сотни одинъ. Но—какое мнѣ до того дѣло?

Во всякомъ случаѣ, я опредѣлилъ сначала присмотрѣться и не начинать ничего серьезнаго въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ, если-бъ что и случилось, то случилось-бы нечаянно и слегка, —и я такъ и положилъ. Къ тому-же, надо было и самую игру изучить: потому что, не смотря на тысячи описаній рулетки, которыя я читалъ всегда съ такою жадностію, я рѣшительно ничего не понималъ въ ея устройствѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ.

Во первыхъ, мнѣ все показалось такъ грязно,—какъ-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадныя и безпокойныя лица, которыя десятками, даже сотнями, обступаютъ игорные столы. Я рѣшительно не вижу ничего грязнаго въ желаніи выиграть поскорѣе и побольше: мнѣ всегда казалась очень глупою мысль одного отъѣвшагося и обезпеченнаго моралиста, который на чье-то оправданіе: что —вѣдь играютъ по маленькой—, отвѣчалъ—тѣмъ хуже, потому что мелкая корысть. Точно мелкая корысть и крупная корысть—не все равно. Это дѣло пропорціональное. Что для Ротшильда мелко, то для меня очень богато, а на счетъ наживы и выигрыша, такъ люди и не на рулеткѣ, а и вездѣ только и дѣлаютъ, что другъ у друга что-нибудь отбиваютъ или выигрываютъ. Гадки-ли вообще нажива и барышъ,—это другой вопросъ. Но здѣсь я его не рѣшаю. Такъ какъ я и самъ былъ въ высшей степени одержанъ желаніемъ выигрыша, то вся эта корысть и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мнѣ, при входѣ въ залу, какъ-то сподручнѣе, родственнѣе. Самое милое дѣло, когда другъ друга не церемонятся, а дѣйствуютъ открыто и на распашку. Да и къ чему самого себя обманывать? Самое пустое и неразсчетливое занятіе! Особенно некрасиво, на первый взглядъ, во всей этой рулеточной сволочи было то уваженіе къ занятію, та серьезность и даже почтительность, съ которыми всѣ обступали столы. Вотъ почему здѣсь рѣзко различено, какая игра называется mauvais genr'омъ и какая позволительная порядочному человѣку. Есть двѣ игры, одна—джентльменская, а другая—плебейская, корыстная, игра всякой сволочи. Здѣсь это строго различено и —какъ это различіе въ сущности подло! Джентльменъ, напримѣръ, можетъ поставить пять или десять луидоровъ, рѣдко болѣе, впрочемъ можетъ поставить и тысячу франковъ, если очень богатъ, но собственно для одной игры, для одной только забавы, собственно для того, чтобы посмотрѣть на процессъ выигрыша или проигрыша: но отнюдь не долженъ интересоваться самымъ выигрышемъ. Выигравъ,

онъ можетъ, напримѣръ, вслухъ засмѣяться, сдѣлать кому-нибудь изъ окружающихъ свое замѣчаніе, даже можетъ поставить еще разъ, и еще разъ удвоить, но единственно только изъ любопытства, для наблюденія надъ шансами, для вычисленій, а не изъ плебейскаго желанія выиграть. Однимъ словомъ, на всѣ эти игорные столы, рулетки и trente et quarante онъ долженъ смотрѣть не иначе какъ на забаву, устроенную единственно для его удовольствія. Корысти и ловушки, на которыхъ основанъ, устроенъ банкъ, онъ долженъ даже и не подозрѣвать. Очень и очень не дурно было-бы даже, если-бъ ему, напримѣръ, показалось, что и всѣ эти остальные игроки, вся эта дрянь, дрожащая надъ гульденомъ, — совершенно такіе-же богачи и джентльмены, какъ и онъ самъ, и играютъ единственно для одного только развлеченія и забавы. Это совершенное незнаніе дѣйствительности и невинный взглядъ на людей были-бы, конечно, чрезвычайно аристократичными. Я видѣлъ, какъ многія маменьки выдвигали впередъ невинныхъ и изящныхъ, пятнадцати и шестнадцатилѣтнихъ мисъ, своихъ дочекъ, и, давши имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, учили ихъ, какъ играть. Барышня выигрывала или проигрывала, непремѣнно улыбалась и отходила очень довольная. Нашъ генералъ солидно и важно подошелъ къ столу: лакей бросился-было подать ему стулъ, но онъ не замѣтилъ лакея; очень долго вынималъ кошелекъ, очень долго вынималъ изъ кошелька триста франковъ золотомъ, поставилъ ихъ на черную и выигралъ. Онъ не взялъ выигрыша и оставилъ его на столѣ. Вышла опять черная: онъ и на этотъ разъ не взялъ, и когда въ третій разъ вышла красная, то потерялъ разомъ тысячу двѣсти франковъ. Онъ отошелъ съ улыбкою и выдержалъ характеръ. Я убѣжденъ, что коники у него скребли на сердцѣ, и будь ставка вдвое или втрое больше,—онъ не выдержалъ-бы характера и выказалъ-бы волненіе. Впрочемъ, при мнѣ одинъ французъ выигралъ, и потомъ проигралъ, тысячъ до тридцати франковъ, весело и безъ всякаго волненія. Настоящій джентльменъ, если-бы проигралъ и все свое состояніе, не долженъ волноваться. Деньги до того должны быть ниже джентльменства, что почти не стоитъ объ нихъ заботиться. Конечно, весьма аристократично совсѣмъ-бы не замѣчать всю эту грязь всей этой сволочи и всей обстановки. Однако-же иногда не менѣе аристократиченъ и обратный пріемъ, замѣчать, то есть присматриваться, даже разсматривать, напримѣръ, хоть въ лорнетъ, всю эту сволочь; но не иначе, какъ принимая всю эту толпу и всю эту грязь за своего рода развлеченіе, какъ-бы за представленіе, устроенное для джентльменской забавы. Можно самому тѣшиться въ этой толпѣ, но смотрѣть кругомъ съ совершеннымъ убѣ-

жденіемъ, что собственно вы сами наблюдатель, и ужь нисколько не принадлежите къ ея составу. Впрочемъ, и очень пристально наблюдать опять таки не слѣдуетъ: опять уже это будетъ не по джентльменски, потому что это во всякомъ случаѣ зрѣлище не стоитъ большаго и слишкомъ пристальнаго наблюденія. Да и вообще мало зрѣлищъ, достойныхъ слишкомъ пристальнаго наблюденія для джентльмена. А между тѣмъ мнѣ лично показалось, что все это и очень стоитъ весьма пристальнаго наблюденія, особенно для того, кто пришелъ не для одного наблюденія, а самъ искренно и добросовѣстно причисляетъ себя ко всей этой сволочи. Что-же касается до моихъ сокровеннѣйшихъ нравственныхъ убѣжденій, то въ настоящихъ разсужденіяхъ моихъ имъ, конечно, нѣтъ мѣста. Пусть ужь это будетъ такъ; говорю для очистки совѣсти. Но вотъ что я замѣчу: что во все послѣднее время мнѣ какъ-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои къ какой-бы то ни было нравственной мѣркѣ. Другое управляло мною...

Сволочь дѣйствительно играетъ очень грязно. Я даже не прочь отъ мысли, что тутъ у стола происходитъ много самаго обыкновеннаго воровства. Крупёрамъ, которые сидятъ по концамъ стола, смотрятъ за ставками и расчитываютея, ужасно много работы. Вотъ еще сволочь-то! Это большею частью французы. Впрочемъ, я здѣсь наблюдаю и замѣчаю вовсе не для того, чтобы описывать рулетку; я приправливаюсь для себя, чтобы знать, какъ себя вести на будущее время. Я замѣтилъ, напримѣръ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, когда изъ-за стола протягивается вдругъ чья-нибудь рука и беретъ себѣ то, что вы выиграли. Начинаетея споръ, не рѣдко крикъ, и —прошу покорно доказать, сыскать свидѣтелей, что ставка ваша!

Сначала, вся эта штука была для меня тарабарскою грамотою; я только догадывался и различалъ кое-какъ, что ставки бываютъ на числа, на четъ и нечетъ и на цвѣта. Изъ денегъ Полины Александровны я въ этотъ вечеръ рѣшился попытать сто гульденовъ. Мысль, что я приступаю къ игрѣ не для себя, какъ-то сбивала меня съ толку. Ощущеніе было чрезвычайно непріятное, и мнѣ захотѣлось поскорѣе развязаться съ нимъ. Мнѣ все казалось, что, начиная для Полины, я подрываю собственное счастье. Неужели нельзя прикоснуться къ игорному столу, чтобы тотчасъ-же не заразиться суевѣріемъ? Я началъ съ того, что вынулъ пять фридрихсдоровъ то есть пятьдесятъ гульденовъ и поставилъ ихъ на четку. Колесо обернулось и вышло тринадцать,—я проигралъ. Съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ, единственно, чтобы какъ-нибудь развязаться и уйдти, я поставилъ еще пять фридрихсдо-

ровъ на красную. Вышла красная. Я поставилъ всѣ десять фридрихсдоровъ—вышла опять красная. Я поставилъ опять все заразъ, вышла опять красная. Получивъ сорокъ фридрихсдоровъ, я поставилъ двадцать на двѣнадцать среднихъ цифръ, не зная, что изъ этого выйдетъ. Мнѣ заплатили втрое. Такимъ образомъ, изъ десяти фридрихсдоровъ у меня появилось вдругъ восемьдесятъ. Мнѣ стало до того невыносимо отъ какого-то необыкновеннаго и страннаго ощущенія, что я рѣшился уйдти. Мнѣ показалось, что я вовсе-бы не такъ игралъ, если-бъ игралъ для себя. Я однако-жъ поставилъ всѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ еще разъ на четку. На этотъ разъ вышло четыре; мнѣ отсыпали еще восемьдесятъ фридрихсдоровъ, и, захвативъ всю кучу въ сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, я отправился отыскивать Полину Александровну.

Они всѣ гдѣ-то гуляли въ паркѣ, и я успѣлъ увидѣться съ нею только за ужиномъ. На этотъ разъ француза не было, и генералъ развернулся: между прочимъ, онъ почелъ нужнымъ опять мнѣ замѣтить, что онъ-бы не желалъ меня видѣть за игорнымъ столомъ. По его мнѣнію, его очень скомпрометтируетъ, если я какъ-нибудь слишкомъ проиграюсь: — «но если-бъ даже вы и выиграли очень много, то и тогда я буду тоже скомпрометтированъ», прибавилъ онъ значительно. «Конечно, я не имѣю права располагать вашими поступками, но согласитесь сами»... Тутъ онъ по обыкновенію своему не докончилъ. Я сухо отвѣтилъ ему, что у меня очень мало денегъ и что слѣдовательно, я не могу слишкомъ примѣтно проиграться, если-бъ даже и сталъ играть. Придя къ себѣ наверхъ, я успѣлъ передать Полинѣ ея выигрышъ и объявилъ ей, что въ другой разъ уже не буду играть для нея.

— Почему-же? спросила она тревожно.

— Потому что хочу играть для себя, отвѣчалъ я, разсматривая ее съ удивленіемъ;—а это мѣшаетъ.

— Такъ вы рѣшительно продолжаете быть убѣждены, что рулетка вашъ единственный исходъ и спасеніе? спросила она насмѣшливо. Я отвѣчалъ опять очень серьезно, что да: что-же касается до моей увѣренности непремѣнно выиграть, то пускай это будетъ смѣшно, я согласенъ, «но чтобъ оставили меня въ покоѣ».

Полина Александровна настаивала, чтобъ я непремѣнно раздѣлилъ съ нею сегодняшній выигрышъ пополамъ и отдавала мнѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ, предлагая и впредь продолжать игру на этомъ условіи. Я отказался отъ половины рѣшительно и окончательно, и объявилъ, что для другихъ не могу играть не потому, чтобъ не желалъ, а потому, что навѣрное проиграю.

— И однако-жъ я сама, какъ ни глупо это, почти тоже на-

дѣюсь на одну рулетку, сказала она, задумываясь. А потому вы непремѣнно должны продолжать игру, со мною вмѣстѣ пополамъ, и — разумѣется — будете. Тутъ она ушла отъ меня, не слушая дальнѣйшихъ моихъ возраженій.

ГЛАВА III.

Однако-жъ вчера цѣлый день она не говорила со мной объ игрѣ ни слова. Да и вообще она избѣгала со мной говорить вчера. Прежняя манера ея со мною не измѣнилась. Та-же совершенная небрежность въ обращеніи, при встрѣчахъ, и даже что-то презрительное и ненавистное. Вообще, она не желаетъ скрывать своего ко мнѣ отвращенія: я это вижу. Не смотря на это, она не скрываетъ тоже отъ меня, что я ей для чего-то нуженъ и что она для чего-то меня бережетъ. Между нами установились какія-то странныя отношенія, во многомъ для меня непонятныя,— -взявъ въ соображеніе ея гордость и надменность со всѣми. Она знаетъ, напримѣръ, что я люблю ее до безумія, допускаетъ меня даже говорить о моей страсти—и ужь, конечно, ничѣмъ она не выразила-бы мнѣ болѣе своего презрѣнія, какъ этимъ позволеніемъ говорить ей безпрепятственно и безцензурно о моей любви. «Значитъ, дескать, до того считаю ни во что̀ твои чувства, что мнѣ рѣшительно все равно, объ чемъ-бы ты ни говорилъ со мною и что̀-бы ко мнѣ ни чувствовалъ». Про свои собственныя дѣла она разговаривала со мною много и прежде, но никогда не была вполнѣ откровенна. Мало того, въ пренебреженіи ея ко мнѣ были, напримѣръ, вотъ какія утонченности: она знаетъ, положимъ, что мнѣ извѣстно какое-нибудь обстоятельство ея жизни, или что-нибудь о томъ, что сильно ее тревожитъ: она даже сама разскажетъ мнѣ что-нибудь изъ ея обстоятельствъ, если надо употребить меня какъ-нибудь для своихъ цѣлей, въ родѣ раба, или на побѣгушки; но разскажетъ всегда ровно столько, сколько надо знать человѣку, употребляющемуся на побѣгушки, и—если мнѣ еще неизвѣстна цѣлая связь событій, если она и сама видитъ, какъ я мучусь и тревожусь ея-же мученіями и тревогами, то никогда не удостоитъ меня успокоить вполнѣ своей дружеской откровенностію, хотя, употребляя меня нерѣдко по порученіямъ не только хлопотливымъ, но даже опаснымъ, она, по моему мнѣнію, обязана быть со мною откровенною. Да и стоитъ-ли заботиться о моихъ чувствахъ, о томъ, что я тоже тревожусь и, можетъ быть, втрое больше забочусь и мучусь ея-же заботами и неудачами, чѣмъ она сама!

Я недѣли за три еще зналъ объ ея намѣреніи играть на рулеткѣ. Она меня даже предувѣдомила, что я долженъ буду играть вмѣсто нея, потому что ей самой играть неприлично. По тону ея словъ, я тогда-же замѣтилъ, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желаніе выиграть деньги. Что ей деньги сами по себѣ! Тутъ есть цѣль, тутъ какія-то обстоятельства, которыя я могу угадывать, но которыхъ я до сихъ поръ не знаю. Разумѣется, то униженіе и рабство, въ которыхъ она меня держитъ, могли-бы мнѣ дать (весьма часто даютъ) возможность грубо и прямо самому ее разспрашивать. Такъ какъ я для нея рабъ и слишкомъ ничтоженъ въ ея глазахъ, то нечего ей и обижаться грубымъ моимъ любопытствомъ. Но дѣло въ томъ, что она, позволяя мнѣ дѣлать вопросы, на нихъ не отвѣчаетъ. Иной разъ и вовсе ихъ не замѣчаетъ. Вотъ какъ у насъ!

Вчерашній день у насъ много говорилось о телеграммѣ, пущенной еще четыре дня назадъ въ Петербургъ и на которую не было отвѣта. Генералъ видимо волнуется и задумчивъ. Дѣло идетъ, конечно, о бабушкѣ. Волнуется и французъ. Вчера, напримѣръ, послѣ обѣда они долго и серьезно разговаривали. Тонъ француза со всѣми нами необыкновенно высокомѣрный и небрежный. Тутъ именно по пословицѣ: посади за столъ и ноги на столъ. Онъ даже съ Полиной небреженъ до грубости; впрочемъ, съ удовольствіемъ участвуетъ въ общихъ прогулкахъ въ вокзалъ или въ кавалькадахъ и поѣздкахъ за городъ. Мнѣ извѣстны давно кой-какія изъ обстоятельствъ, связавшихъ француза съ генераломъ: въ Россіи они затѣвали вмѣстѣ заводъ; я не знаю, лопнулъ-ли ихъ проэктъ, или все еще объ немъ у нихъ говорится. Кромѣ того, мнѣ случайно извѣстна часть семейной тайны: французъ дѣйствительно выручилъ прошлаго года генерала и далъ ему тридцать тысячъ для пополненія недостающаго въ казенной суммѣ, при сдачѣ должности. И ужь, разумѣется, генералъ у него въ тискахъ: но теперь, собственно теперь, главную роль во всемъ этомъ играетъ вестаки m-lle Blanche, и я увѣренъ, что и тутъ не ошибаюсь.

Кто такая m-lle Blanche? Здѣсь у насъ говорятъ, что она знатная француженка, имѣющая съ собой свою мать и колоссальное состояніе. Извѣстно тоже, что она какая-то родственница нашему маркизу, только очень дальняя, какая-то кузина или троюродная сестра. Говорятъ, что до моей поѣздки въ Парижъ, французъ и m-lle Blanche сносились между собою какъ-то гораздо церемоннѣе, были какъ будто на болѣе тонкой и деликатной ногѣ: теперь-же знакомство ихъ, дружба и родственность выглядываютъ какъ-то грубѣе, какъ-то короче. Можетъ быть, наши дѣла кажутся имъ до

того уже плохими, что они не считаютъ нужнымъ слишкомъ съ нами церемониться и скрываться. Я еще третьяго дня замѣтилъ, какъ мистеръ Астлей разглядывалъ m-lle Blanche и ея матушку. Мнѣ показалось, что онъ ихъ знаетъ. Мнѣ показалось даже, что и нашъ французъ встрѣчался прежде съ мистеромъ Астлеемъ. Впрочемъ, мистеръ Астлей до того застѣнчивъ, стыдливъ и молчаливъ, что на него почти можно понадѣяться,—изъ избы сора не вынесетъ. Но крайней мѣрѣ, французъ едва ему кланяется и почти не глядитъ на него, а, стало быть, не боится. Это еще понятно; но почему m-lle Blanche тоже почти не глядитъ на него? Тѣмъ болѣе, что маркизъ вчера проговорился: онъ вдругъ сказалъ въ общемъ разговорѣ, не помню по какому поводу, что мистеръ Астлей колоссально богатъ, и что онъ про это знаетъ: тутъ-то-бы и глядѣть m-lle Blanche на мистера Астлея! Вообще генералъ находится въ безпокойствѣ. Понятно, что̀ можетъ значить для него теперь телеграмма о смерти тетки!

Мнѣ хоть и показалось навѣрное, что Полина избѣгаетъ разговора со мною, какъ-бы съ цѣлью, но я и самъ принялъ на себя видъ холодный и равнодушный: все думалъ, что она, нѣтъ-нѣтъ, да и подойдетъ ко мнѣ. Зато вчера и сегодня я обратилъ все мое вниманіе преимущественно на m-lle Blanche. Бѣдный генералъ, онъ погибъ окончательно! Влюбиться въ пятьдесятъ пять лѣтъ, съ такою силою страсти,—конечно, несчастіе. Прибавьте къ тому его вдовство, его дѣтей, совершенно разоренное имѣніе, долги и, наконецъ, женщину, въ которую ему пришлось влюбиться. M-lle Blanche красива собою. Но, я не знаю, поймутъ-ли меня, если я выражусь, что у ней одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно испугаться. Но крайней мѣрѣ, я всегда боялся такихъ женщинъ. Ей навѣрно лѣтъ двадцать пять. Она рослая и широкоплечая, съ круглыми плечами; шея и грудь у нея роскошны; цвѣтъ кожи смуглo-желтый, цвѣтъ волосъ черный, какъ тушь, и волосъ ужасно много, достало-бы на двѣ куафюры. Глаза черные, бѣлки глазъ желтоватые, взглядъ нахальный, зубы бѣлѣйшіе, губы всегда напомажены; отъ нея пахнетъ мускусомъ. Одѣвается она эффектно, богато, съ шикомъ, но съ большимъ вкусомъ. Ноги и руки удивительныя. Голосъ ея — сильный контральто. Она иногда расхохочется и при этомъ покажетъ всѣ свои зубы, но обыкновенно смотритъ молчаливо и нахально,—по крайней мѣрѣ, при Полинѣ и при Марьѣ Филипповнѣ. (Страшный слухъ: Марья Филипповна уѣзжаетъ въ Россію). Мнѣ кажется, m-lle Blanche безо всякаго образованія, можетъ быть, даже и не умна, но зато подозрительна и хитра. Мнѣ кажется, ея жизнь была таки не безъ приключеній. Если ужъ говорить все, то,

можетъ быть, что маркизъ вовсе ей не родственникъ, а мать совсѣмъ не мать. Но есть свѣдѣнія, что въ Берлинѣ, гдѣ мы съ ними съѣхались, она и мать ея имѣли нѣсколько порядочныхъ знакомствъ. Что касается до самого маркиза, то хоть я и до сихъ поръ сомнѣваюсь, что онъ маркизъ, но принадлежность его къ порядочному обществу, какъ у насъ, напримѣръ, въ Москвѣ, и кое-гдѣ и въ Германіи, кажется, не подвержена сомнѣнію. Не знаю, что онъ такое во Франціи? Говорятъ, у него есть шато. Я думалъ, что въ эти двѣ недѣли много воды уйдетъ, и однако-жъ я все еще не знаю навѣрно, сказано-ли у m-lle Blanche съ генераломъ что-нибудь рѣшительное? Вообще, все завпситъ теперь отъ нашего состоянія, то есть отъ того, много-ли можетъ генералъ показать имъ денегъ. Если-бы, напримѣръ, пришло извѣстіе, что бабушка не умерла, то, я увѣренъ, m-lle Blanche тотчасъ-бы исчезла. Удивительно и смѣшно мнѣ самому какой я однако-жъ сталъ сплетникъ. О, какъ мнѣ все это противно! Съ какимъ наслажденіемъ я бросилъ-бы всѣхъ и все! Но развѣ я могу уѣзжать отъ Полины, развѣ я могу не шпіонить кругомъ нея? Шпіонство, конечно, подло, но какое мнѣ до этого дѣло?

Любопытенъ мнѣ тоже былъ вчера и сегодня мистеръ Астлей. Да, я убѣжденъ, что онъ влюбленъ въ Полину! Любопытно и смѣшно, сколько иногда можетъ выразить взглядъ стыдливаго и болѣзненно-цѣломудреннаго человѣка, тронутаго любовью, и именно въ то время, когда человѣкъ ужь, конечно, радъ-бы скорѣе сквозь землю провалиться, чѣмъ что-нибудь высказать или выразить, словомъ или взглядомъ. Мистеръ Астлей весьма часто встрѣчается съ нами на прогулкахъ. Онъ снимаетъ шляпу и проходитъ мимо, умирая, разумѣется, отъ желанія къ намъ присоединиться. Если-же его приглашаютъ, то онъ тотчасъ отказывается. На мѣстахъ отдыха, въ вокзалѣ, на музыкѣ, или предъ фонтаномъ, онъ уже непремѣнно останавливается гдѣ-нибудь недалеко отъ нашей скамейки, и гдѣ-бы мы ни были, въ паркѣ-ли, въ лѣсу-ли, или на Шлангенбергъ, — стоитъ только вскинуть глазами, посмотрѣть кругомъ и непремѣнно гдѣ-нибудь, или на ближайшей тропинкѣ, или изъ-за куста, покажется уголокъ мистера Астлея. Мнѣ кажется, онъ ищетъ случая со мною говорить особенно. Сегодня утромъ мы встрѣтились и перекинулп два слова. Онъ говоритъ иной разъ какъ-то чрезвычайно отрывисто. Еще не сказавъ «здравствуйте», онъ началъ съ того, что проговорилъ:

— А, m-lle Blanche!.. Я много видѣлъ такихъ женщинъ, какъ m-lle Blanche!

Онъ замолчалъ, знаменательно смотря на меня. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать, не знаю, потому что на вопросъ мой: что это зна-

чить? онъ съ хитрою улыбкою кивнулъ головою и прибавилъ «ужь это такъ».—M-lle Pauline очень любитъ цвѣты?

— Не знаю, совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ я.

— Какъ? Вы и этого не знаете! вскричалъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Не знаю, совсѣмъ не замѣтилъ, повторилъ я, смѣясь.

— Гм! это дастъ мнѣ одну особую мысль. Тутъ онъ кивнулъ головою и прошелъ далѣе. Онъ, впрочемъ, имѣлъ довольный видъ. Говоримъ мы съ нимъ на скверпѣйшемъ французскомъ языкѣ.

ГЛАВА IV.

Сегодня былъ день смѣшной, безобразный, нелѣпый. Теперь одиннадцать часовъ ночи. Я сижу въ своей каморкѣ и припоминаю. Началось съ того, что утромъ принужденъ-таки былъ идти на рулетку, чтобъ играть для Полины Александровны. Я взялъ всѣ ея сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, но подъ двумя условіями: первое—что я не хочу играть въ половинѣ, то есть если выиграю, то ничего не возьму себѣ, и второе, что вечеромъ Полина разъяснитъ мнѣ: для чего именно ей такъ нужно выиграть и сколько именно денегъ. Я все-таки никакъ не могу предположить, чтобы это было просто для денегъ. Тутъ видимо деньги необходимы, и какъ можно скорѣе, для какой-то особенной цѣли. Она обѣщалась разъяснить, и я отправился. Въ игорныхъ залахъ толпа была ужасная. Какъ нахальны они и какъ всѣ они жадны! Я протѣснился къ серединѣ и сталъ возлѣ самаго крупёра: затѣмъ сталъ робко пробовать игру, ставя по двѣ и по три монеты. Между тѣмъ я наблюдалъ и замѣчалъ: мнѣ показалось, что собственно разсчетъ довольно мало значитъ и вовсе не имѣетъ той важности, которую ему придаютъ многіе игроки. Они сидятъ съ разграфленными бумажками, замѣчаютъ удары, считаютъ, выводятъ шансы, разсчитываютъ, наконецъ, ставятъ и—проигрываютъ точно также, какъ и мы, простые смертные, играющіе безъ разсчету. Но зато я вывелъ одно заключеніе, которое, кажется, вѣрно: дѣйствительно въ теченіи случайныхъ шансовъ бываетъ, хоть и не система, но какъ будто какой-то порядокъ,—что, конечно, очень странно. Напримѣръ, бываетъ, что послѣ двѣнадцати среднихъ цифръ наступаютъ двѣнадцать послѣднихъ: два раза, положимъ, ударъ ложится на эти двѣнадцать послѣднихъ и переходитъ на двѣнадцать первыхъ. Упавъ на двѣнадцать первыхъ, переходитъ опять на двѣнадцать среднихъ, ударяетъ сряду три—четыре раза по среднимъ и опять переходитъ

на двѣнадцать послѣднихъ, гдѣ, снять послѣ двухъ разъ, переходитъ къ первымъ, на первыхъ снять бьетъ одинъ разъ и снять переходитъ на три удара среднихъ, и такимъ образомъ продолжается въ теченіе полутора или двухъ часовъ. Одинъ, три и два: одинъ три и два. Это очень забавно. Иной день или иное утро идетъ, напримѣръ, такъ, что красная смѣняется черною и обратно, почти безъ всякаго порядка поминутно, такъ что больше двухъ—трехъ ударовъ сряду на красную или на черную не ложится. На другой-же день, или на другой вечеръ бываетъ сряду одна красная, доходитъ, напримѣръ, больше, чѣмъ до двадцати двухъ разъ сряду и такъ идетъ непремѣнно въ продолженіе нѣкотораго времени, напримѣръ, въ продолженіе цѣлаго дня. Мнѣ много въ этомъ объяснилъ мистеръ Астлей, который цѣлое утро простоялъ у игорныхъ столовъ, но самъ не поставилъ ни разу. Что-же касается до меня, то я весь проигрался до тла и очень скоро. Я прямо, сразу поставилъ на чётку двадцать фридрихсдоровъ и выигралъ, поставилъ опять и опять выигралъ и такимъ образомъ еще раза два или три. Я думаю, у меня сошлось въ рукахъ около четырехсотъ фридрихсдоровъ въ какія-нибудь пять минутъ. Тутъ-бы мнѣ и отойдти, но во мнѣ родилось какое-то странное ощущеніе, какой то вызовъ судьбѣ, какое-то желаніе дать ей щелчокъ, выставить ей языкъ. Я поставилъ самую большую позволенную ставку, въ четыре тысячи гульденовъ, и проигралъ. Затѣмъ, разгорячившись, вынулъ все, что у меня оставалось, поставилъ на ту-же ставку и проигралъ опять, послѣ чего отошелъ отъ стола, какъ оглушенный. Я даже не понималъ, что это со мною было и объявилъ о моемъ проигрышѣ Полинѣ Александровнѣ только передъ самымъ обѣдомъ. До того времени я все шатался въ паркѣ.

За обѣдомъ, я былъ опять въ возбужденномъ состояніи, также какъ и три дня тому назадъ. Французъ и m-lle Blanche опять обѣдали съ нами. Оказалось, что m-lle Blanche была утромъ въ игорныхъ залахъ и видѣла мои подвиги. Въ этотъ разъ она заговорила со мною какъ-то внимательнѣе. Французъ понесъ прямъе и просто спросилъ меня:—неужели я проигралъ свои собственныя деньги. Мнѣ кажется, онъ подозрѣваетъ Полину. Однимъ словомъ, тутъ что-то есть. Я тотчасъ-же солгалъ и сказалъ, что свои.

Генералъ былъ чрезвычайно удивленъ: откуда я взялъ такія деньги? Я объяснилъ, что началъ съ десяти фридрихсдоровъ, что шесть или семь ударовъ сряду, на двое, довели меня до пяти или до шести тысячъ гульденовъ и что потомъ я все спустилъ съ двухъ ударовъ.

Все это, конечно, было вѣроятно. Объясняя это, я посмотрѣлъ на Полину, но ничего не могъ разобрать въ ея лицѣ. Однако-жъ,

она мнѣ дала солгать и не поправляла меня: изъ этого я заключилъ, что мнѣ и надо было солгать и скрыть, что я игралъ за нее. Во всякомъ случаѣ, думалъ я про себя, она обязана мнѣ объясненіемъ и давеча обѣщала мнѣ кое-что открыть.

Я думалъ, что генералъ сдѣлаетъ мнѣ какое-нибудь замѣчаніе, но онъ промолчалъ; зато я замѣтилъ въ лицѣ его волненіе и безпокойство. Можетъ быть, при крутыхъ его обстоятельствахъ, ему просто тяжело было выслушать, что такая значительная груда золота пришла и ушла въ четверть часа у такого неразсчетливаго дурака, какъ я.

Я подозрѣваю, что у него вчера вечеромъ вышла съ французомъ какая-то жаркая контра. Они долго и съ жаромъ говорили о чемъ-то, запершись. Французъ ушелъ какъ будто чѣмъ-то раздраженный, а сегодня рано утромъ опять приходилъ къ генералу—и вѣроятно, чтобъ продолжать вчерашній разговоръ.

Выслушавъ о моемъ проигрышѣ, французъ ѣдко и даже злобно замѣтилъ мнѣ, что надо было быть благоразумнѣе. Не знаю, для чего онъ прибавилъ, что — хоть русскихъ и много играетъ, но, по его мнѣнію, русскіе даже и играть неспособны.

— А по моему мнѣнію, рулетка только и создана для русскихъ, сказалъ я, и когда французъ на мой отзывъ презрительно усмѣхнулся, я замѣтилъ ему, что, ужь конечно, правда на моей сторонѣ, потому что, говоря о русскихъ, какъ объ игрокахъ, я гораздо болѣе ругаю ихъ, чѣмъ хвалю и что мнѣ, стало быть, можно вѣрить.

— На чемъ-же вы основываете ваше мнѣніе? спросилъ французъ.

— На томъ, что въ катехизисѣ добродѣтелей и достоинствъ цивилизованнаго западнаго человѣка вошла исторически, и чуть-ли не въ видѣ главнаго пункта, способность пріобрѣтенія капиталовъ. А русскій не только неспособенъ пріобрѣтать капиталы, но даже и расточаетъ ихъ какъ-то зря и безобразно. Тѣмъ не менѣе, намъ, русскимъ, деньги тоже нужны, прибавилъ я,—а слѣдственно мы очень рады и очень падки на такіе способы, какъ, напримѣръ, рулетки, гдѣ можно разбогатѣть вдругъ, въ два часа, не трудясь. Это насъ очень прельщаетъ: а такъ какъ мы и играемъ зря, безъ труда, то и проигрываемся!

— Это отчасти справедливо, замѣтилъ самодовольно французъ.

— Нѣтъ, это несправедливо, и вамъ стыдно такъ отзываться о своемъ отечествѣ, строго и внушительно замѣтилъ генералъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ я ему,—вѣдь право, неизвѣстно еще, что гаже: русское-ли безобразіе или нѣмецкій способъ накопленія честнымъ трудомъ?

— Какая безобразная мысль! воскликнулъ генералъ.

— Какая русская мысль! воскликнулъ французъ.

Я смѣялся, мнѣ ужасно хотѣлось ихъ раззадорить.

— А я лучше захочу всю жизнь прокочевать въ киргизской палаткѣ, вскричалъ я,—чѣмъ поклоняться нѣмецкому идолу.

— Какому идолу? вскричалъ генералъ, уже начиная серьезно сердиться.

— Нѣмецкому способу накопленія богатствъ. Я здѣсь недолго, но однако-жъ все-таки, что я здѣсь успѣлъ подмѣтить и провѣрить, возмущаетъ мою татарскую породу. Ей Богу, не хочу такихъ добродѣтелей! Я здѣсь успѣлъ уже вчера обойти верстъ на десять кругомъ. Ну, точь въ точь тоже самое, какъ въ нравоучительныхъ нѣмецкихъ книжечкахъ съ картинками: есть здѣсь вездѣ у нихъ въ каждомъ домѣ свой фатеръ, ужасно добродѣтельный и необыкновенно честный. Ужь такой честный, что подойдти къ нему страшно. Терпѣть не могу честныхъ людей, къ которымъ подходить страшно. У каждаго этакого фатера есть семья, и по вечерамъ всѣ они вслухъ поучительныя книги читаютъ. Надъ домикомъ шумятъ вязы и каштаны. Закатъ солнца, на крышѣ аистъ, и все необыкновенно поэтическое и трогательное...

Ужь вы не сердитесь, генералъ, позвольте мнѣ разсказать потрогательнѣе. Я самъ помню, какъ мой отецъ, покойникъ, тоже подъ липками, въ полисадникѣ, по вечерамъ, вслухъ читалъ мнѣ и матери подобныя книжки... Я вѣдь самъ могу судить объ этомъ какъ слѣдуетъ. Ну, такъ, всякая этакая здѣшняя семья въ полнѣйшемъ рабствѣ и повиновеніи у фатера. Всѣ работаютъ, какъ волы, и всѣ копятъ деньги, какъ жиды. Положимъ, фатеръ скопилъ уже столько-то гульденовъ и разсчитываетъ на старшаго сына. чтобы ему ремесло аль земличку передать; для этого дочери приданаго не даютъ и она остается въ дѣвкахъ. Для этого-же младшаго сына продаютъ въ кабалу, аль въ солдаты и деньги пріобщаютъ къ домашнему капиталу. Право, это здѣсь дѣлается; я разспрашивалъ. Все это дѣлается не иначе, какъ отъ честности, отъ усиленной честности, до того, что и младшій проданный сынъ вѣруетъ, что его не иначе, какъ отъ честности продали,—а ужь это идеалъ, когда сама жертва радуется, что ее на закланіе ведутъ. Что-же дальше? Дальше то, что и старшему тоже не легче: есть тамъ у него такая Амальхенъ, съ которою онъ сердцемъ соединился, — но жениться нельзя, потому что гульденовъ еще столько не накоплено. Тоже ждутъ благонравно и искренно, и съ улыбкой на закланіе идутъ. У Амальхенъ ужь щеки ввалились: сохнетъ. Наконецъ, лѣтъ черезъ двадцать благосостояніе умножилось; гуль-

день честно и добродѣтельно скопленъ. Фатеръ благословляетъ сорокалѣтняго старшаго и тридцати-пятилѣтнюю Амальхенъ, съ изсохшей грудью и краснымъ носомъ... При этомъ плачетъ, моралъ читаетъ и умираетъ. Старшій превращается самъ въ добродѣтельнаго фатера и начинается опять та-же исторія. Такъ этакъ чрезъ пятьдесятъ или черезъ семьдесятъ, внукъ перваго фатера дѣйствительно уже осуществляетъ значительный капиталъ и передаетъ своему сыну, тотъ своему, тотъ своему и поколѣній черезъ пять или шесть выходитъ самъ баронъ Ротшильдъ, или Гоше и Комп., или тамъ чортъ знаетъ кто. Ну-съ, какъ-же не величественное зрѣлище: столѣтній или двухстолѣтній, преемственный трудъ, терпѣніе, умъ, честность, характеръ, твердость, разсчетъ, анетъ на крышѣ! Чего-же вамъ еще, вѣдь ужъ выше этого нѣтъ ничего и съ этой точки они сами начинаютъ весь міръ судить и виновныхъ, то есть, чуть-чуть на нихъ не похожихъ, тотчасъ-же казнить. Ну-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: я ужъ лучше хочу дебошрить по русски или разживаться на рулеткѣ. Не хочу я быть Гоше и Комп. чрезъ пять поколѣній. Мнѣ деньги нужны для меня самаго, а я не считаю всего себя чѣмъ-то необходимымъ и придаточнымъ къ капиталу. Я знаю, что я ужасно навралъ, но пусть оно такъ и будетъ. Таковы мои убѣжденія.

— Не знаю, много-ли правды въ томъ, что вы говорили, задумчиво замѣтилъ генералъ,—но знаю навѣрное, что вы нестерпимо начинаете форсить, чуть лишь вамъ капельку позволятъ забыться...

По обыкновенію своему, онъ не договорилъ. Если нашъ генералъ начиналъ о чемъ-нибудь говорить хоть капельку по значительнѣе обыкновеннаго обыденнаго разговора, то никогда не договаривалъ. Французъ небрежно слушалъ, немного выпучивъ глаза. Онъ почти ничего не понялъ изъ того, что я говорилъ. Полина смотрѣла съ какимъ-то высокомѣрнымъ равнодушіемъ. Казалось, она не только меня, но и ничего не слыхала изъ сказаннаго въ этотъ разъ за столомъ.

ГЛАВА V.

На была въ необыкновенной задумчивости, но тотчасъ по выходѣ изъ-за стола велѣла мнѣ сопровождать себя на прогулку. Мы взяли дѣтей и отправились въ паркъ къ фонтану.

Такъ какъ я былъ въ особенно возбужденномъ состояніи, то и брякнулъ глупо и грубо вопросъ: почему нашъ маркизъ Де-Гріе, французикъ, не только не сопровождаетъ ее

теперь, когда она выходитъ куда-нибудь, но даже и не говоритъ съ нею по цѣлымъ днямъ?

— Потому что онъ подлецъ, странно отвѣтила она мнѣ. Я никогда еще не слышалъ отъ нея такого отзыва о Де-Гріе и замолчалъ, побоявшись понять эту раздражительность.

— А замѣтили-ли вы, что онъ сегодня не въ ладахъ съ генераломъ?

— Вамъ хочется знать въ чемъ дѣло, сухо и раздражительно отвѣчала она.—Вы знаете, что генералъ весь у него въ закладѣ, все имѣніе—его, и если бабушка не умретъ, то французъ немедленно войдетъ во владѣніе всѣмъ, что у него въ закладѣ.

— А, такъ это дѣйствительно правда, что все въ закладѣ? Я слышалъ, но не зналъ, что рѣшительно все.

— А то какъ-же?

— И при этомъ прощай m-lle Blanche, замѣтилъ я.—Не будетъ она тогда генеральшей! Знаете-ли что: мнѣ кажется, генералъ такъ влюбился, что, пожалуй, застрѣлится, если m-lle Blanche его броситъ. Въ его лѣта такъ влюбляться опасно.

— Мнѣ самой кажется, что съ нимъ что-нибудь будетъ,—задумчиво замѣтила Полина Александровна.

— И какъ это великолѣпно, вскричалъ я,—грубѣе нельзя показать, что она согласилась выйдти только за деньги. Тутъ даже приличій не соблюдалось, совсѣмъ безъ церемоніи происходило. Чудо! А на счетъ бабушки, что̀ комичнѣе и грязнѣе, какъ посылать телеграмму за телеграммою и спрашивать: умерла-ли, умерла-ли? А? Какъ вамъ это нравится, Полина Александровна?

— Это все вздоръ, сказала она съ отвращеніемъ, перебивая меня.—Я, напротивъ того, удивляюсь, что вы въ такомъ развеселомъ расположеніи духа. Чему вы рады? Неужели тому, что мои деньги проиграли?

— Зачѣмъ вы давали ихъ мнѣ проигрывать? Я вамъ сказалъ, что не могу играть для другихъ, тѣмъ болѣе для васъ? Я послушаюсь, что̀-бы вы мнѣ ни приказали: но результатъ не отъ меня зависитъ. Я вѣдь предупредилъ, что ничего не выйдетъ. Скажите, вы очень убиты, что потеряли столько денегъ? Для чего вамъ столько?

— Къ чему эти вопросы?

— Но вѣдь вы сами обѣщали мнѣ объяснить... Слушайте: я совершенно убѣжденъ, что когда начну играть для себя (а у меня есть двѣнадцать фридрихсдоровъ), то я выиграю. Тогда, сколько вамъ надо, берите у меня.

Она сдѣлала презрительную мину.

— Вы не сердитесь на меня, продолжалъ я, —за такое предложеніе. Я до того проникнутъ сознаніемъ того, что я нуль предъ вами, то есть въ вашихъ глазахъ, что вамъ можно даже принять отъ меня и деньги. Подаркомъ отъ меня вамъ нельзя обижаться. Притомъ-же я проигралъ ваши.

Она быстро поглядѣла на меня и, замѣтивъ, что я говорю раздражительно и саркастически, опять перебила разговоръ.

— Вамъ нѣтъ ничего интереснаго въ моихъ обстоятельствахъ. Если хотите знать, я просто должна. Деньги взяты мною взаймы и я хотѣла-бы ихъ отдать. У меня была безумная и страшная мысль, что я непремѣнно выиграю, здѣсь, на игорномъ столѣ. Почему была эта мысль у меня—не понимаю, но я въ нее вѣрила. Кто знаетъ, можетъ быть, потому и вѣрила, что у меня никакого другаго шанса при выборѣ не оставалось.

— Или потому, что ужь слишкомъ *надо* было выиграть. Это точь-въ-точь, какъ утопающій, который хватается за соломенку. Согласитесь сами, что еслибъ онъ не утопалъ, то онъ не считалъ-бы соломенку за древесный сукъ.

Полина удивилась:

— Какъ-же, спросила она,—вы сами-то на то-же самое надѣетесь? Двѣ недѣли назадъ вы сами мнѣ говорили однажды, много и долго, о томъ, что вы вполнѣ увѣрены въ выигрышѣ здѣсь на рулеткѣ, и убѣждали меня, чтобъ я не смотрѣла на васъ, какъ на безумнаго; или вы тогда шутили? Но я помню, вы говорили такъ серьезно, что никакъ нельзя было принять за шутку.

— Это правда, отвѣчалъ я задумчиво, —я до сихъ поръ увѣренъ вполнѣ, что выиграю. Я даже вамъ признаюсь, что вы меня теперь навели на вопросъ: почему именно мой сегодняшній, безтолковый и безобразный проигрышъ не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія? Я все-таки вполнѣ увѣренъ, что чуть только я начну играть для себя, то выиграю непремѣнно.

— Почему-же вы такъ навѣрно убѣждены?

— Если хотите, —не знаю. Я знаю только что мнѣ *надо* выиграть, что это тоже единственный мой исходъ. Ну, вотъ потому, можетъ быть, мнѣ и кажется, что я непремѣнно долженъ выиграть.

— Стало быть, вамъ тоже слишкомъ *надо*, если вы фанатически увѣрены?

— Бьюсь объ закладъ, что вы сомнѣваетесь, что я въ состояніи ощущать серьезную надобность?

— Это мнѣ все равно, тихо и равнодушно отвѣтила Полина.— Если хотите—*да*, я сомнѣваюсь, чтобъ васъ мучило что-нибудь серьезное. Вы можете мучиться, но не серьезно. Вы человѣкъ без-

порядочный и неустановившійся. Для чего вамъ деньги? Во всѣхъ резонахъ, которые вы мнѣ тогда представили, я ничего не нашла серьезнаго.

— Кстати, перебилъ я,—вы говорили, что вамъ долгъ нужно отдать. Хорошъ, значитъ, долгъ! Не французу-ли?

— Что за вопросы? Вы сегодня особенно рѣзки. Ужь не пьяны-ли?

— Вы знаете, что я все себѣ позволяю говорить и спрашиваю иногда очень откровенно. Повторяю, я вашъ рабъ, а рабовъ не стыдятся и рабъ оскорбить не можетъ.

— Все это вздоръ! И терпѣть я не могу этой вашей «рабской» теоріи.

— Замѣтьте себѣ, что я не потому говорю про мое рабство, чтобъ желалъ быть вашимъ рабомъ, а просто—говорю какъ о фактѣ, совсѣмъ не отъ меня зависящемъ.

— Говорите прямо: зачѣмъ вамъ деньги?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Какъ хотите, отвѣтила она, и гордо повела головой.

— Рабской теоріи не терпите, а рабства требуете: «отвѣчать и не разсуждать!» Хорошо, пусть такъ. Зачѣмъ деньги, вы спрашиваете? Какъ зачѣмъ? Деньги—все!

— Понимаю, но не впадать-же въ такое сумасшествіе, ихъ желая! Вы вѣдь тоже доходите до изступленія, до фатализма. Тутъ есть что-нибудь, какая-то особая цѣль. Говорите безъ извилинъ, я такъ хочу.

Она какъ будто начинала сердиться, и мнѣ ужасно понравилось, что она такъ съ сердцемъ допрашивала.

— Разумѣется, есть цѣль, сказалъ я,—но я не съумѣю объяснить—какая. Больше ничего, что съ деньгами я стану и для васъ другимъ человѣкомъ, а не рабомъ.

— Какъ? Какъ вы этого достигнете?

— Какъ достигну? Какъ, вы даже не понимаете, какъ могу я достигнуть, чтобъ вы взглянули на меня иначе, какъ на раба! Ну вотъ этого-то я и не хочу, такихъ удивленій и недоумѣній.

— Вы говорили, что вамъ это рабство наслажденіе. Я такъ и сама думала.

— Вы такъ думали, вскричалъ я съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ.—Ахъ, какъ этакая наивность отъ васъ хороша! Ну да, да, мнѣ отъ васъ рабство—наслажденіе. Есть, есть наслажденіе въ послѣдней степени приниженности и ничтожества! продолжалъ я бредить.—Чортъ знаетъ, можетъ быть, оно есть и въ кнутѣ, когда кнутъ ложится на спину и рветъ въ клочки мясо...

Но я хочу, можетъ быть, попытать и другихъ наслажденій. Мнѣ давеча генералъ при васъ за столомъ наставленіе читалъ за семьсотъ рублей въ годъ, которыхъ я, можетъ быть, еще и не получу отъ него. Меня маркизъ Де-Гріе, поднявши брови, разсматриваетъ и въ тоже время не замѣчаетъ. А я, съ своей стороны, можетъ быть, желаю страстно взять маркиза Де-Гріе при васъ за носъ?

— Рѣчи молокососа. При всякомъ положеніи можно поставить себя съ достоинствомъ. Если тутъ борьба, то она еще возвыситъ, а не унизитъ.

— Прямо изъ прописи! Вы только предположите, что я, можетъ быть, не умѣю поставить себя съ достоинствомъ. То есть я, пожалуй, и достойный человѣкъ, а поставить себя съ достоинствомъ не умѣю. Вы понимаете, что такъ можетъ быть? Да всѣ русскіе таковы, и знаете почему: потому что русскіе слишкомъ богато и многосторонне одарены, чтобъ скоро приискать себѣ приличную форму. Тутъ дѣло въ формѣ. Бо́льшею частью мы, русскіе, такъ богато одарены, что для приличной формы намъ нужна геніальность. Ну, а геніальности-то всего чаще и не бываетъ, потому что она и вообще рѣдко бываетъ. Это только у французовъ и, пожалуй, у нѣкоторыхъ другихъ европейцевъ такъ хорошо опредѣлилась форма, что можно глядѣть съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и быть самымъ недостойнымъ человѣкомъ. Оттого такъ много форма у нихъ и значитъ. Французъ перенесетъ оскорбленіе, настоящее, сердечное оскорбленіе и не поморщится, но щелчка въ носъ ни за что не перенесетъ, потому что это есть нарушеніе принятой и увѣковѣченной формы приличій. Оттого-то такъ и пали наши барышни до французовъ, что форма у нихъ хороша. По моему, впрочемъ, никакой формы и нѣтъ, а одинъ только нѣтухъ, le coq gaulois. Впрочемъ, этого я понимать не могу, я не женщина. Можетъ быть, нѣтухи и хороши. Да и вообще я завраался, а вы меня не останавливаете. Останавливайте меня чаще, когда я съ вами говорю, мнѣ хочется высказать все, все, все. Я теряю всякую форму. Я даже согласенъ, что я не только формы, но и достоинствъ никакихъ не имѣю. Объявляю вамъ объ этомъ. Даже не забочусь ни о какихъ достоинствахъ. Теперь все во мнѣ остановилось. Вы сами знаете отчего. У меня ни одной человѣческой мысли нѣтъ въ головѣ. Я давно ужъ не знаю, что́ на свѣтѣ дѣлается, ни въ Россіи, ни здѣсь. Я, вотъ, Дрезденъ проѣхалъ и не помню, какой такой Дрезденъ. Вы сами знаете, что́ меня поглотило. Такъ какъ я не имѣю никакой надежды и въ глазахъ вашихъ нуль, то и говорю прямо: я только васъ везъ вижу, а остальное мнѣ все равно. За что́, и какъ я васъ люблю — не знаю. Знаете-ли, что, можетъ

быть, вы вовсе не хороши? Представьте себѣ, я даже не знаю, хороши-ли вы, или нѣтъ, даже лицомъ? Сердце, навѣрное, у васъ нехорошее; умъ неблагородный, это очень можетъ быть.

— Можетъ быть, вы потому и разсчитываете закупить меня деньгами, сказала она,—что не вѣрите въ мое благородство?

— Когда я разсчитывалъ купить васъ деньгами? вскричалъ я.

— Вы заработались и потеряли вашу нитку. Если не меня купить, то мое уваженіе вы думаете купить деньгами.

— Ну нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Я вамъ сказалъ, что мнѣ трудно объясняться. Вы подавляете меня. Не сердитесь на мою болтовню. Вы понимаете, почему на меня нельзя сердиться: я просто сумасшедшій. А, впрочемъ, мнѣ все равно, хоть и сердитесь. Мнѣ у себя наверху, въ каморкѣ, стоитъ вспомнить и вообразить только шумъ вашего платья, и я руки себѣ искусать готовъ. И за что вы на меня сердитесь? За то, что я называю себя рабомъ? Пользуйтесь, пользуйтесь моимъ рабствомъ, пользуйтесь! Знаете-ли вы, что я когда-нибудь васъ убью? Не потому убью, что разлюблю или приревную, а — такъ, просто убью, потому что меня иногда тянетъ васъ съѣсть. Вы смѣетесь...

— Совсѣмъ не смѣюсь, сказала она съ гнѣвомъ. — Я приказываю вамъ молчать.

Она остановилась, едва переводя духъ отъ гнѣва. Ей-Богу, я не знаю, хороша-ли она была собой, но я всегда любилъ смотрѣть, когда она такъ предо мною останавливалась, а потому и любилъ часто вызывать ея гнѣвъ. Можетъ быть, она замѣтила это и нарочно сердилась. Я ей это высказалъ.

— Какая грязь! воскликнула она съ отвращеніемъ.

— Мнѣ все равно, продолжалъ я. — Знаете-ли еще, что намъ вдвоемъ ходить опасно: меня много разъ непреодолимо тянуло прибить васъ, изуродовать, задушить. И что вы думаете, до этого не дойдетъ? Вы доведете меня до горячки. Ужь не скандала-ли я побоюсь? Гнѣва вашего? Да что мнѣ вашъ гнѣвъ? Я люблю безъ надежды и знаю, что послѣ этого въ тысячу разъ больше буду любить васъ. Если я васъ когда-нибудь убью, то надо вѣдь и себя убить будетъ; ну такъ—я себя какъ можно дольше буду не убивать, чтобъ эту нестерпимую боль безъ васъ ощутить. Знаете-ли вы невѣроятную вещь: я васъ съ каждымъ днемъ люблю *больше*, а вѣдь это почти невозможно. И послѣ этого мнѣ не быть фаталистомъ? Помните, третьяго дня, на Шлангенбергѣ, я процентальвамъ, вызванный вами: скажите слово, и я соскочу въ эту бездну. Если-бъ вы сказали это слово, я-бы тогда соскочилъ. Неужели вы не вѣрите, что я-бы соскочилъ?

— Какая глупая болтовня! вскричала она.

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того, глупа-ли она или умна, вскричалъ я.—Я знаю, что при васъ мнѣ надо говорить, говорить, говорить — и я говорю. Я все самолюбіе при васъ теряю, и мнѣ все равно.

— Къ чему мнѣ заставлять васъ прыгать съ Шлангенберга? сказала она сухо и какъ-то особенно обидно.—Это совершенно для меня безполезно.

— Великолѣпно! вскричалъ я,—вы нарочно сказали это великолѣпное «безполезно», чтобъ меня придавить. Я васъ насквозь вижу. Безполезно, говорите вы? Но вѣдь удовольствіе всегда полезно, а дикая, безпредѣльная власть—хоть надъ мухой—вѣдь это тоже своего рода наслажденіе. Человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ. Вы ужасно любите.

Помню, она разсматривала меня съ какимъ-то особенно пристальнымъ вниманіемъ. Должно быть, лицо мое выражало тогда всѣ мои безтолковыя и нелѣпыя ощущенія. Я припоминаю теперь, что и дѣйствительно у насъ, почти слово въ слово, такъ шелъ тогда разговоръ, какъ я здѣсь описалъ. Глаза мои налились кровью. На окраинахъ губъ запекалась пѣна. А что касается Шлангенберга, то, клянусь честью, даже и теперь: если-бъ она тогда приказала мнѣ броситься внизъ, я-бы бросился! Если-бъ для шутки одной сказала, если-бъ съ презрѣніемъ, съ плевкомъ на меня сказала,—я-бы и тогда соскочилъ!

— Нѣтъ, почему-жь, я вамъ вѣрю,—произнесла она, но такъ, какъ она только умѣетъ иногда выговаривать, съ такимъ презрѣніемъ и ехидствомъ, съ такимъ высокомѣріемъ, что, ей Богу, я могъ убить ее въ эту минуту. Она рисковала. Про это я тоже не солгалъ, говоря ей.

— Вы не трусъ? спросила она меня вдругъ.

— Не знаю, можетъ быть, и трусъ. Не знаю... я объ этомъ давно не думалъ.

— Если-бъ я сказалъ вамъ: убейте этого человѣка, вы-бы убили его?

— Кого?

— Кого я захочу.

— Француза?

— Не спрашивайте, а отвѣчайте,—кого я укажу. Я хочу знать, серьезно-ли вы сейчасъ говорили? —Она такъ серьезно и нетерпѣливо ждала отвѣта, что мнѣ какъ-то странно стало.

— Да скажете-ли вы мнѣ, наконецъ, что такое здѣсь происходитъ! вскричалъ я.—Что вы, бонтесь что-ли меня? Я самъ

вижу всѣ здѣшніе безпорядки. Вы падчерица разорившагося и сумасшедшаго человѣка, зараженнаго страстью къ этому діаволу — Blanche; потомъ, тутъ—этотъ французъ, съ своимъ таинственнымъ вліяніемъ на васъ и,—вотъ теперь вы мнѣ такъ серьезно задаете... такой вопросъ. По крайней мѣрѣ, чтобъ я зналъ; иначе я здѣсь помѣшаюсь и что-нибудь сдѣлаю. Или вы стыдитесь удостоить меня откровенности? Да развѣ вамъ можно стыдиться меня?

— Я съ вами вовсе не о томъ говорю. Я васъ спросила, и жду отвѣта.

— Разумѣется, убью, вскричалъ я,—кого вы мнѣ только прикажете, но развѣ вы можете... развѣ вы это прикажете?

— А что вы думаете, васъ пожалѣю? Прикажу, а сама въ сторонѣ останусь. Перенесете вы это? Да нѣтъ, гдѣ вамъ! Вы, пожалуй, и убьете по приказу, а потомъ и меня придете убить, зато, что я смѣла васъ посылать.

Мнѣ какъ-бы что-то въ голову ударило при этихъ словахъ. Конечно, я и тогда считалъ ея вопросъ на половину за шутку, за вызовъ; но все-таки она слишкомъ серьезно проговорила. Я все-таки былъ пораженъ, что она такъ высказалась, что она удерживаетъ такое право надо мной, что она соглашается на такую власть надо мною и такъ прямо говоритъ: «иди на погибель, а я въ сторонѣ останусь». Въ этихъ словахъ было что-то такое цинническое и откровенное, что, по моему, было ужь слишкомъ много. Такъ, стало быть, какъ-же смотритъ она на меня послѣ этого? Это ужь перешло за черту рабства и ничтожества. Послѣ такого взгляда, человѣка возносятъ до себя. И какъ ни нелѣпъ, какъ ни невѣроятенъ былъ весь нашъ разговоръ, но сердце у меня дрогнуло.

Вдругъ она захохотала. Мы сидѣли тогда на скамьѣ, предъ игравшими дѣтьми, противъ самаго того мѣста, гдѣ останавливались экипажи и высаживали публику въ аллею передъ вокзаломъ.

— Видите вы эту толстую баронессу? вскричала она.— Это баронесса Вурмергельмъ. Она только три дня какъ пріѣхала. Видите ея мужа: длинный сухой пруссакъ, съ палкой въ рукѣ. Помните, какъ онъ третьяго дня насъ оглядывалъ? Ступайте сейчасъ, подойдите къ баронессѣ, снимите шляпу и скажите ей что-нибудь по французски.

— Зачѣмъ?

— Вы клялись, что соскочили-бы съ Шлангенберга, вы клянетесь, что готовы убить, если я прикажу. Вмѣсто всѣхъ этихъ убійствъ и трагедій я хочу только посмѣяться. Ступайте безъ отговорокъ. Я хочу посмотрѣть, какъ баронъ васъ прибьетъ палкой.

— Вы вызываете меня; вы думаете, что я не сдѣлаю?

— Да, вызываю, ступайте, я такъ хочу!

— Извольте, иду, хоть это и дикая фантазія. Только вотъ что: чтобы не было непріятности генералу, а отъ него вамъ? Ей-Богу, я не о себѣ хлопочу, а объ васъ, ну — и объ генералѣ. И что за фантазія идти оскорблять женщину?

— Нѣтъ, вы только болтунъ, какъ я вижу, сказала она презрительно. — У васъ только глаза кровью налились давеча, — впрочемъ, можетъ быть, оттого, что вы вина много выпили за обѣдомъ. Да развѣ я не понимаю сама, что это и глупо и пошло, и что генералъ разсердится? Я просто смѣяться хочу. Ну, хочу, да и только! И зачѣмъ вамъ оскорблять женщину? Скорѣе васъ прибьютъ палкой.

Я повернулся и молча пошелъ исполнять ея порученіе. Конечно, это было глупо и, конечно, я не съумѣлъ вывернуться. Но когда я сталъ подходить къ баронессѣ, помню, меня самого какъ будто что-то подзадорило, именно школьничество подзадорило. Да и раздраженъ я былъ ужасно, точно пьянъ.

ГЛАВА VI.

Вотъ уже два дня прошло послѣ того глупаго дня. И сколько крику, шуму, толку, стуку! И какая все это безпорядица, неурядица. Глупость и пошлость, и я всему причиною. А, впрочемъ, иногда бываетъ смѣшно,— мнѣ, по крайней мѣрѣ. Я не умѣю себѣ дать отчета, что̀ со мною сдѣлалось, въ изступленномъ-ли я состояніи нахожусь, въ самомъ дѣлѣ, или просто съ дороги соскочилъ и безобразничаю, пока не свяжутъ. Порой мнѣ кажется, что у меня умъ мѣшается. А порой кажется, что я еще недалеко отъ дѣтства, отъ школьной скамейки, и просто грубо школьничаю.

Это Полина, это все Полина! Можетъ быть, не было-бы и школьничества, если-бы не она. Кто знаетъ, можетъ быть, я это все съ отчаянія (какъ ни глупо, впрочемъ, такъ разсуждать). И не понимаю, не понимаю, что въ ней хорошаго! Хороша-то она, впрочемъ, хороша: кажется, хороша. Вѣдь она и другихъ съ ума сводитъ. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мнѣ кажется, ее можно всю въ узелъ завязать, или перегнуть на-двое. Слѣдокъ ноги у ней узенькій и длинный,—мучительный. Именно мучительный. Волосы съ рыжимъ оттѣнкомъ. Глаза — настоящіе кошачьи. Но какъ она гордо и высокомѣрно умѣетъ ими смотрѣть. Мѣсяца четыре тому назадъ, когда я только что поступилъ, она, разъ ве-

черомъ, въ залъ съ „Де-Гріе долго и горячо разговаривала. И такъ на него смотрѣла... что потомъ я, когда къ себѣ пришелъ должиться спать, вообразилъ, что она дала ему поцѣлуй, только что дала, стоитъ передъ нимъ и на него смотритъ .. Вотъ съ этого-то вечера я ее и полюбилъ.

Впрочемъ, къ дѣлу.

Я спустился по дорожкѣ въ аллею, сталъ по срединѣ аллеи и выжидалъ баронессу и барона. Въ пяти шагахъ разстоянія я снялъ шляпу и поклонился.

Помню, баронесса была въ шелковомъ необъятной окружности платьѣ, свѣтлосѣраго цвѣта, съ оборками, въ кринолинѣ и съ хвостомъ. Она мала собой и толстоты необычайной, съ ужасно толстымъ и отвислымъ подбородкомъ, такъ что совсѣмъ не видно шеи. Лицо багровое. Глаза маленькіе, злые и наглые. Идетъ—точно всѣхъ честью удостоиваетъ. Баронъ сухъ, высокъ. Лицо, по нѣмецкому обыкновенію, кривое и въ тысячѣ мелкихъ морщинокъ: въ очкахъ; сорока пяти лѣтъ. Ноги у него начинаются чуть-ли не съ самой груди: это, значитъ, порода. Горбъ, какъ наличникъ. Мѣшковатъ немного. Что-то баранье въ выраженіи лица, по своему замѣняющее глубокомысліе.

Все это мелькнуло мнѣ въ глаза въ три секунды.

Мой поклонъ и моя шляпа въ рукахъ сначала едва-едва остановили ихъ вниманіе. Только баронъ слегка насупилъ брови. Баронесса такъ и шла прямо на меня.

— Madame la baronne, проговорилъ я отчетливо вслухъ, отчеканивая каждое слово:—j'ai l'honneur d'être votre esclave.

Затѣмъ поклонился, надѣлъ шляпу и прошелъ мимо барона, вѣжливо обращая къ нему лицо и улыбаясь.

Шляпу снять велѣла мнѣ она, но поклонился и сошкольничалъ я уже самъ отъ себя. Чортъ знаетъ, что меня подтолкнуло? Я точно съ горы летѣлъ.

— Гейнъ! крикнулъ или, лучше сказать, крякнулъ баронъ, оборачиваясь ко мнѣ съ сердитымъ удивленіемъ.

Я обернулся и остановился въ почтительномъ ожиданіи, продолжая на него смотрѣть и улыбаться. Онъ видимо недоумѣвалъ и подтянулъ брови до nec plus ultra. Лицо его все болѣе и болѣе омрачалось. Баронесса тоже повернулась въ мою сторону и тоже посмотрѣла въ гнѣвномъ недоумѣніи. Изъ прохожихъ стали засматриваться. Иные даже пріостановились.

— Гейнъ! крякнулъ опять баронъ съ удвоеннымъ крякомъ и съ удвоеннымъ гнѣвомъ.

— Ja wohl! протянулъ я, продолжая смотрѣть ему прямо въ глаза.

— Sind sie rasend? крикнулъ онъ, махнувъ своей палкой и, кажется, немного начиная трусить. Его, можетъ быть, смущалъ мой костюмъ. Я былъ очень прилично, даже щегольски одѣтъ, какъ человѣкъ, вполнѣ принадлежащій къ самой порядочной публикѣ.

— Ja wo-o-oh! крикнулъ я вдругъ изо всей силы, протянувъ *о*, какъ протягиваютъ берлинцы, поминутно употребляющіе въ разговорѣ фразу: «ja wohl» и при этомъ протягивающіе букву *о* болѣе или менѣе, для выраженія различныхъ оттѣнковъ мыслей и ощущеній.

Баронъ и баронесса быстро повернулись и почти побѣжали отъ меня въ испугѣ. Изъ публики иные заговорили, другіе смотрѣли на меня въ недоумѣніи. Впрочемъ, не помню хорошо.

Я оборотился и пошелъ обыкновеннымъ шагомъ къ Полинѣ Александровнѣ. Но еще не доходя шаговъ сотни до ея скамейки, я увидѣлъ, что она встала и отправилась съ дѣтьми къ отелю.

Я настигъ ее у крыльца.

— Исполнилъ... дурачество,—сказалъ я, поровнявшись съ нею.

— Ну такъ что-жъ! Теперь и развѣлывайтесь, отвѣтила она, даже и не взглянувъ на меня, и пошла по лѣстницѣ.

Весь этотъ вечеръ я проходилъ въ паркѣ. Черезъ паркъ, и потомъ черезъ лѣсъ, я прошелъ даже въ другое княжество. Въ одной избушкѣ ѣлъ яичницу и пилъ вино: за эту идиллію съ меня содрали цѣлыхъ полтора талера.

Только въ одиннадцать часовъ я воротился домой. Тотчасъ-же за мною прислали отъ генерала.

Наши въ отелѣ занимаютъ два номера: у нихъ четыре комнаты. Первая—большая,—салонъ, съ роялемъ. Рядомъ съ нею тоже большая комната—кабинетъ генерала. Здѣсь ждалъ онъ меня, стоя среди кабинета въ чрезвычайно величественномъ положеніи. Де-Гріе сидѣлъ, развалясь, на диванѣ.

— Милостивый государь, позвольте спросить, что вы надѣлали?—началъ генералъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я-бы желалъ, генералъ, чтобы вы приступили прямо къ дѣлу, сказалъ я.—Вы, вѣроятно, хотите говорить о моей встрѣчѣ сегодня съ однимъ нѣмцемъ?

— Съ однимъ нѣмцемъ?! Этотъ нѣмецъ—баронъ Вурмергельмъ и важное лицо-съ! Вы надѣлали ему и баронессѣ грубостей.

— Никакихъ.

— Вы испугали ихъ, милостивый государь, крикнулъ генералъ.

— Да совсѣмъ-же нѣтъ. Мнѣ еще въ Берлинѣ запало въ ухо безпрерывно повторяемое ко всякому слову: Ja wohl, которое они такъ отвратительно протягиваютъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ

аллеѣ, мнѣ вдругъ это «ja wohl», не знаю почему, вскочило на память, ну и подѣйствовало на меня раздражительно... Да къ тому-же баронесса, вотъ ужъ три раза, встрѣчаясь со мною, имѣетъ обыкновеніе идти прямо на меня, какъ будто-бы я былъ червякъ, котораго можно ногою давить. Согласитесь, я тоже могу имѣть свое самолюбіе. Я снялъ шляпу и вѣжливо (увѣряю васъ, что вѣжливо) сказалъ: «Madame, j'ai l'honneur d'être votre esclave». Когда баронъ обернулся и сказалъ «гейнъ!»,—меня вдругъ такъ и подтолкнуло тоже закричать: «ja wohl!» Я и крикнулъ два раза: первый разъ обыкновенно, а второй—протянувъ изо всей силы. Вотъ и все.

Признаюсь, я ужасно былъ радъ этому въ высшей степени мальчишескому объясненію. Мнѣ удивительно хотѣлось размазывать всю эту исторію, какъ можно нелѣпѣе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ я болѣе во вкусъ входилъ.

— Вы смѣетесь, что-ли, надо мною, крикнулъ генералъ. Онъ обернулся къ французу и по французски изложилъ ему, что я рѣшительно напрашиваюсь на исторію. Де-Гріе презрительно усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— О, не имѣйте этой мысли, ничуть не бывало! вскричалъ я генералу,—мой поступокъ, конечно, не хорошъ, я въ высшей степени откровенно вамъ сознаюсь въ этомъ. Мой поступокъ можно назвать даже глупымъ и непристойнымъ школьничествомъ, но—не болѣе. И знаете, генералъ, я въ высшей степени раскаиваюсь. Но тутъ есть одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ почти избавляетъ меня даже и отъ раскаянія. Въ послѣднее время, этихъ недѣли двѣ, даже три, я чувствую себя нехорошо: больнымъ, нервнымъ, раздражительнымъ, фантастическимъ и, въ иныхъ случаяхъ, теряю совсѣмъ надъ собою волю. Право, мнѣ иногда ужасно хотѣлось нѣсколько разъ вдругъ обратиться къ маркизу Де-Гріе и... А, впрочемъ, нечего договаривать, можетъ, ему будетъ обидно. Однимъ словомъ, это признаки болѣзни. Не знаю, приметъ-ли баронесса Вурмерельмъ во вниманіе это обстоятельство, когда я буду просить у нея извиненія (потому что я намѣренъ просить у нея извиненія)? Я полагаю, не приметъ, тѣмъ болѣе, что, сколько извѣстно мнѣ, этимъ обстоятельствомъ начали въ послѣднее время злоупотреблять въ юридическомъ мірѣ: адвокаты при уголовныхъ процессахъ стали весьма часто оправдывать своихъ кліентовъ, преступниковъ, тѣмъ что они въ моментъ преступленія ничего не помнили и что это, будто-бы, такая болѣзнь. «Пробылъ, дескать, и ничего не помнитъ». И представьте себѣ, генералъ, медицина имъ подтакиваетъ,—дѣйствительно подтверждаетъ, что бы-

вается такая болѣзнь, такое временное помѣшательство, когда человѣкъ почти ничего не помнитъ, или полупомнитъ, или четвертъ помнитъ. Но баронъ и баронесса — люди поколѣнія стараго, притомъ прусскіе юнкеры и помѣщики. Имъ, должно быть, этотъ прогрессъ въ юридически-медицинскомъ мірѣ еще неизвѣстенъ, а потому они и не примутъ моихъ объясненій. Какъ вы думаете, генералъ?

— Довольно, сударь! рѣзко и съ сдержаннымъ негодованіемъ произнесъ генералъ,—довольно! Я постараюсь, разъ на всегда, избавить себя отъ вашего школьничества. Извиняться передъ баронессою и барономъ вы не будете. Всякія сношенія съ вами, даже хотя-бы они состояли единственно въ вашей просьбѣ о прощеніи, будутъ для нихъ слишкомъ унизительны. Баронъ, узнавъ, что вы принадлежите къ моему дому, объяснился уже со мною въ вокзалѣ и, признаюсь вамъ, еще немного и онъ потребовалъ-бы у меня удовлетворенія. Понимаете-ли вы, чему подвергали вы меня, —меня, милостивый государь? Я, я принужденъ былъ просить у барона извиненія и далъ ему слово, что немедленно, сегодня-же, вы не будете принадлежать къ моему дому.

— Позвольте, позвольте, генералъ, такъ это онъ самъ непремѣнно потребовалъ, чтобъ я не принадлежалъ къ вашему дому, какъ вы изволите выражаться?

— Нѣтъ; но я самъ почелъ себя обязаннымъ дать ему это удовлетвореніе и, разумѣется, баронъ остался доволенъ. Мы разстаемся, милостивый государь. Вамъ слѣдуетъ дополучить съ меня эти четыре фридрихсдора и три флорина на здѣшній разсчетъ. Вотъ деньги, а вотъ и бумажка съ разсчетомъ; можете это провѣрить. Прощайте. Съ этихъ поръ мы чужіе. Кромѣ хлопотъ и непріятностей я не видалъ отъ васъ ничего. Я позову сейчасъ кельнера и объявлю ему, что съ завтрашняго дня не отвѣчаю за ваши расходы въ отелѣ. Честь имѣю пребыть вашимъ слугою.

Я взялъ деньги, бумажку, на которой былъ карандашемъ написанъ разсчетъ, поклонился генералу и весьма серьезно сказалъ ему:

— Генералъ, дѣло такъ окончиться не можетъ. Мнѣ очень жаль, что вы подвергались непріятностямъ отъ барона, но—извините меня—виною этому вы сами. Какимъ образомъ взяли вы на себя отвѣчать за меня барону? Что значитъ выраженіе, что я принадлежу къ вашему дому? Я просто учитель въ вашемъ домѣ и только. Я не сынъ родной, не подъ опекой у васъ, а за поступки мои вы не можете отвѣчать. Я самъ лицо юридически-компетентное. Мнѣ двадцать пять лѣтъ, я кандидатъ университета, я дворянинъ, я вамъ совершенно чужой. Только одно мое безграничное уваженіе къ вашимъ достоинствамъ останавливаетъ меня потребовать отъ васъ те-

перь-же удовлетворенія и дальнѣйшаго отчета въ томъ, что вы взяли на себя право за меня отвѣчать.

Генералъ былъ до того пораженъ, что руки развелъ, потомъ вдругъ оборотился къ французу и торопливо передалъ ему, что я чуть не вызвалъ его сейчасъ на дуэль. Французъ громко захохоталъ.

— Но барону я спустить не намѣренъ, продолжалъ я съ полнымъ хладнокровіемъ, ни мало не смущаясь смѣхомъ m-r Де-Гріе,— и такъ какъ вы, генералъ, согласившись сегодня выслушать жалобы барона и войдя въ его интересъ, поставили сами себя какъ-бы участникомъ во всемъ этомъ дѣлѣ, то я честь имѣю вамъ доложить, что не позже какъ завтра по утру потребую у барона, отъ своего имени, формальнаго объясненія причинъ, по которымъ онъ, имѣя дѣло со мною, обратился мимо меня къ другому лицу, — точно я не могъ или былъ недостоинъ отвѣчать ему самъ за себя.

Что я предчувствовалъ, то и случилось. Генералъ, услышавъ эту новую глупость, струсилъ ужасно.

— Какъ, неужели вы намѣрены еще продолжать это проклятое дѣло! вскричалъ онъ, — но что-жъ со мной-то вы дѣлаете, о, Господи! Не смѣйте, не смѣйте, милостивый государь, или, клянусь вамъ!.. Здѣсь есть тоже начальство, и я... я... однимъ словомъ, по моему чину... и баронъ тоже... однимъ словомъ, васъ заарестуютъ и выпьютъ отсюда съ полиціей, чтобъ вы не буянили! Понимаете это-съ! И хоть ему захватило духъ отъ гнѣва, но все-таки онъ трусилъ ужасно.

— Генералъ, отвѣчалъ я, съ нестерпимымъ для него спокойствіемъ, —заарестовать нельзя за буйство прежде совершенія буйства. Я еще не начиналъ моихъ объясненій съ барономъ, а вамъ еще совершенно неизвѣстно, въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ я намѣренъ приступить къ этому дѣлу. Я желаю только разъяснить вопіющее для меня предположеніе, что я нахожусь подъ опекой у лица, будто-бы имѣющаго власть надъ моей свободной волею. Напрасно вы такъ себя тревожите и безпокоите.

— Ради Бога, ради Бога, Алексѣй Ивановичъ, оставьте это безсмысленное намѣреніе! бормоталъ генералъ, вдругъ измѣняя свой разгнѣванный тонъ на умоляющій, и даже схвативъ меня за руки. — Ну, представьте, что изъ этого выйдетъ? Опять непріятность! Согласитесь сами, я долженъ здѣсь держать себя особеннымъ образомъ, особенно теперь! Особенно теперь!.. О, вы не знаете, не знаете всѣхъ моихъ обстоятельствъ!.. Когда мы отсюда поѣдемъ, я готовъ опять принять васъ къ себѣ. Я теперь только такъ, ну, однимъ словомъ, — вѣдь вы понимаете-же причины! вскричалъ онъ отчаянно: —Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ!..

Ретируясь къ дверямъ, я еще разъ усиленно просилъ его не безпокоиться; обѣщалъ, что все обойдется хорошо и прилично, и поспѣшилъ выйдти.

Иногда русскіе за границей бываютъ слишкомъ трусливы и ужасно боятся того, что̀ скажутъ, и какъ на нихъ поглядятъ, и будетъ-ли прилично вотъ то̀-то и то̀-то? Однимъ словомъ, держать себя точно въ корсетѣ, особенно претендующіе на значеніе. Самое любое для нихъ — какая-нибудь предвзятая, разъ установленная форма, которой они рабски слѣдуютъ—въ отеляхъ, на гуляньяхъ, въ собраніяхъ, въ дорогѣ... Но генералъ проговорился, что у него сверхъ того были какія-то особыя обстоятельства, что ему надо какъ-то особенно держаться. Оттого-то онъ такъ вдругъ малодушно и струсилъ, и перемѣнилъ со мной тонъ. Я это принялъ къ свѣдѣнію и замѣтилъ. И, конечно, онъ могъ сдуру обратиться завтра къ какимъ-нибудь властямъ, такъ что мнѣ надо было въ самомъ дѣлѣ быть осторожнымъ.

Мнѣ, впрочемъ, вовсе не хотѣлось сердить собственно генерала; но мнѣ захотѣлось теперь посердить Полину. Полина обошлась со мною такъ жестоко и сама толкнула меня на такую глупую дорогу, что мнѣ очень хотѣлось довести ее до того, чтобы она сама попросила меня остановиться. Мое школьничество могло, наконецъ, и ее компрометтировать. Кромѣ того, во мнѣ сформировались кой-какія другія ощущенія и желанія: если я, напримѣръ, исчезаю передъ нею самовольно въ ничто, то это вовсе вѣдь не значитъ, что̀ предъ людьми я мокрая курица и ужъ, конечно, не барону бить меня палкой. Мнѣ захотѣлось надъ всѣми ними насмѣяться, а самому выйдти молодцомъ. Пусть посмотрятъ. Небось! она не-испугается скандала и кликнетъ меня опять. А и не кликнетъ, такъ всетаки увидитъ, что я не мокрая курица.

(Удивительное извѣстіе: сейчасъ только услышалъ отъ нашей няни, которую встрѣтилъ на лѣстницѣ, что Марья Филипповна отправилась сегодня, одна одинешенька, въ Карлсбадъ, съ вечернимъ поѣздомъ, къ двоюродной сестрѣ. Это что за извѣстіе? Няня говоритъ, что она давно собиралась; но какъ-же этого никто не зналъ? Впрочемъ, можетъ, я только не зналъ. Няня проговорилась мнѣ, что Марья Филипповна съ генераломъ еще третьяго дня крупно поговорила. Понимаю-съ. Это навѣрное—M-lle Blanche. Да, у насъ наступаетъ что-то рѣшительное).

ГЛАВА VII.

На утро я позвалъ кельнера и объявилъ, чтобы счетъ мнѣ писали особенно. Номеръ мой былъ не такъ еще дорогъ, чтобъ очень испугаться и совсѣмъ выѣхать изъ отеля. У меня было шестнадцать фридрихсдоровъ, а тамъ... тамъ, можетъ быть, богатство! Странное дѣло, я еще не выигралъ, но поступаю, чувствую и мыслю, какъ богачъ, и не могу представлять себя иначе.

Я располагалъ, не смотря на ранній часъ, тотчасъ-же отправиться къ мистеру Астлею въ отель d'Angleterre, очень недалеко отъ насъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ Де-Гріе. Этого никогда еще не случалось, да сверхъ того съ этимъ господиномъ, во все послѣднее время, мы были въ самыхъ чуждыхъ и въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ явно не скрывалъ своего ко мнѣ пренебреженія, даже старался не скрывать; а я—я имѣлъ свои особыя причины его не жаловать. Однимъ словомъ, я его ненавидѣлъ. Приходъ его меня очень удивилъ. Я тотчасъ-же смекнулъ, что тутъ что нибудь особенное заварилось.

Вошелъ онъ очень любезно и сказалъ мнѣ комплиментъ на счетъ моей комнаты. Видя, что я со шляпой въ рукахъ, онъ освѣдомился, неужели я такъ рано выхожу гулять. Когда-же услышалъ, что я иду къ мистеру Астлею по дѣлу, подумалъ, сообразилъ, и лицо его приняло чрезвычайно озабоченный видъ.

Де-Гріе былъ какъ всѣ французы, то есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселымъ и любезнымъ переставала необходимость. Французъ рѣдко натурально любезенъ: онъ любезенъ всегда, какъ-бы по приказу, изъ разсчета. Если, напримѣръ, видитъ необходимость быть фантастичнымъ, оригинальнымъ, по необыденнѣе, то фантазія его самая глупая и неестественная, слагается изъ заранѣе принятыхъ и давно уже опошлившихся формъ. Натуральный-же французъ состоитъ изъ самой мѣщанской, мелкой, обыденной положительности,—одинмъ словомъ, скучнѣйшее существо въ мірѣ. По моему, только новички и особенно русскія барышни прельщаются французами. Всякому-же порядочному существу тотчасъ-же замѣтна и нестерпима эта казенщина разъ установившихся формъ салонной любезности, развязности и веселости.

— Я къ вамъ по дѣлу, началъ онъ чрезвычайно независтно, хотя, впрочемъ, вѣжливо,—и не скрою, что къ вамъ послонъ или, лучше сказать, посредникомъ отъ генерала. Очень плохо зная рус-

скій языкъ, я ничего почти вчера не понялъ: но генералъ мнѣ подробно объяснилъ и, признаюсь...

— Но, послушайте, m-r Де-Гріе, перебилъ я его, — вы вотъ и въ этомъ дѣлѣ взялись быть посредникомъ. Я, конечно, un utchitel и никогда не претендовалъ на честь быть близкимъ другомъ этого дома или на какія нибудь особенно интимныя отношенія, а потому и не знаю всѣхъ обстоятельствъ: но разъясните мнѣ: неужели вы ужь теперь совсѣмъ принадлежите къ членамъ этого семейства? Потому что вы, наконецъ, во всемъ берете такое участіе, непремѣнно, сейчасъ-же во всемъ посредникомъ...

Вопросъ мой ему не понравился. Для него онъ былъ слишкомъ прозраченъ, а проговариваться онъ не хотѣлъ.

— Меня связываютъ съ генераломъ отчасти дѣла, отчасти *нѣкоторыя особенныя* обстоятельства, сказалъ онъ сухо.—Генералъ прислалъ меня просить васъ оставить ваши вчерашнія намѣренія. Все, что вы выдумали, конечно, очень остроумно: но онъ именно просилъ меня представить вамъ, что вамъ совершенно не удастся: мало того—васъ баронъ не приметъ и, наконецъ, во всякомъ случаѣ, онъ вѣдь имѣетъ всѣ средства избавиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей съ вашей стороны. Согласитесь сами. Къ чему-же, скажите, продолжать? Генералъ-же вамъ обѣщаетъ, навѣрное, принять васъ опять въ свой домъ, при первыхъ удобныхъ обстоятельствахъ, а до того времени зачесть ваше жалованье, vos appointements. Вѣдь это довольно выгодно, не правда-ли?

Я возразилъ ему весьма спокойно, что онъ нѣсколько ошибается: что, можетъ быть, меня отъ барона и не прогонятъ, а, напротивъ, выслушаютъ, и попросилъ его признаться, что, вѣроятно, онъ затѣмъ и пришелъ, чтобъ выпытать: какъ именно я примусь за все это дѣло?

— О, Боже, если генералъ такъ заинтересованъ, то, разумѣется, ему пріятно будетъ узнать, что̀ и какъ вы будете дѣлать? Это такъ естественно!

Я принялся объяснять, а онъ началъ слушать, развалясь, нѣсколько склонивъ ко мнѣ на бокъ голову, съ явнымъ, нескрываемымъ, ироническимъ оттѣнкомъ въ лицѣ. Вообще, онъ держалъ себя чрезвычайно свысока. Я старался всѣми силами притвориться, что смотрю на дѣло съ самой серьезной точки зрѣнія. Я объяснилъ, что такъ какъ баронъ обратился къ генералу съ жалобою на меня, точно на генеральскаго слугу, то, во первыхъ,—лишилъ меня этимъ мѣста, а, во вторыхъ, третировалъ меня, какъ лицо, которое не въ состояніи за себя отвѣтить и съ которымъ не стоитъ и говорить. Конечно, я чувствую себя справедливо обиженнымъ; однако, понимая

разницу лѣтъ, положенія въ обществѣ и прочее, и прочее (я едва удерживался отъ смѣха въ этомъ мѣстѣ), не хочу брать на себя еще новаго легкомыслія, то есть прямо потребовать отъ барона, или даже только предложить ему, объ удовлетвореніи. Тѣмъ не менѣе я считаю себя совершенно вправѣ предложить ему, и особенно баронессѣ, мои извиненія, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно въ послѣднее время я чувствую себя нездоровымъ, разстроеннымъ и, такъ сказать, фантастическимъ, и прочее, и прочее. Однако-жъ, самъ баронъ вчерашнимъ обиднымъ для меня обращеніемъ къ генералу и настояніемъ, чтобы генералъ лишилъ меня мѣста, поставилъ меня въ такое положеніе, что теперь я уже не могу представить ему и баронессѣ мои извиненія, потому что и онъ, и баронесса, и весь свѣтъ, навѣрно подумаютъ, что я принесъ съ извиненіями со страха, чтобъ получить назадъ свое мѣсто. Изъ всего этого слѣдуетъ, что я нахожусь теперь вынужденнымъ просить барона, чтобы онъ первоначально извинился предо мною самъ, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, —напримѣръ, сказалъ-бы, что онъ вовсе не желалъ меня обидѣть. И когда баронъ это выскажетъ, тогда я уже съ развязанными руками, чистосердечно и искренно принесу ему и мои извиненія. Однимъ словомъ, заключилъ я, —я прошу только, чтобы баронъ развязалъ мнѣ руки.

— Фи, какая щепетильность и какія утонченности! И чего вамъ извиняться? Ну, согласитесь m-r... m-r... что вы затѣваете все это нарочно, чтобы досадить генералу... а, можетъ быть, имѣете какія нибудь особыя цѣли... mon cher monsieur... pardon, j'ai oublié votre nom, m-r Alexis?.. N'est-ce pas?

— Но позвольте, mon cher marquis, да вамъ что за дѣло?

— Mais le général...

— А генералу что? Онъ вчера что-то говорилъ, что держать себя на какой-то ногѣ долженъ... и такъ тревожился... но я ничего не понялъ.

— Тутъ есть, — тутъ именно существуетъ особое обстоятельство, подхватилъ де-Грié просящимъ тономъ, въ которомъ все болѣе и болѣе слышалась досада. — Вы знаете m-lle de Cominges?..

— То есть m-lle Blanche?

— Ну да, m-lle Blanche de Cominges... et madame sa mère... согласитесь сами, генералъ... однимъ словомъ, генералъ влюбленъ и даже... даже, можетъ быть, здѣсь совершится бракъ. И представьте при этомъ разные скандалы, исторіи...

— Я не вижу тутъ ни скандаловъ, ни исторій, касающихся брака.

— Но le baron est si irascible, un caractère prussien, vous savez, enfin il fera une querelle d'Allemand.

— Такъ мнѣ-же, а не вамъ, потому что я уже не принадлежу къ дому... (Я нарочно старался быть какъ можно безтолковѣе). Но позвольте. Такъ это рѣшено, что m-lle Blanche выходитъ за генерала? Чего-же ждутъ? Я хочу сказать —что скрывать объ этомъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ, отъ домашнихъ?

— Я вамъ не могу... Впрочемъ, это еще не совсѣмъ... однако... вы знаете, ждутъ изъ Россіи извѣстія: генералу надо устроить дѣла...

— A, a! La baboulinka!

Де-Гріе съ ненавистью посмотрѣлъ на меня.

— Однимъ словомъ, — перебилъ онъ, — я вполнѣ надѣюсь на вашу врожденную любезность, на вашъ умъ, на тактъ... Вы, конечно, сдѣлаете это для того семейства, въ которомъ вы были приняты какъ родной, были любимы, уважаемы...

— Помилуйте, я былъ выгнанъ! Вы, вотъ, утверждаете теперь, что это для виду; но согласитесь, если вамъ скажутъ: «я, конечно, не хочу тебя выдрать за уши, но для виду позволь себя выдрать за уши»... Такъ вѣдь это почти все равно?

— Если такъ, если никакія просьбы не имѣютъ на васъ вліянія, началъ онъ строго и запальчиво, — то позвольте васъ увѣрить, что будутъ приняты мѣры. Тутъ есть начальство, васъ выпьютъ сегодня-же. — que diable! Un blanc-bec comme vous, хочетъ вызвать на дуэль такое лицо, какъ баронъ! И вы думаете, что васъ оставятъ въ покоѣ? И, повѣрьте, васъ никто здѣсь не боится! Если я прошлъ, то болѣе отъ себя. Потому что вы безпокоили генерала. И неужели, неужели вы думаете, что баронъ не велитъ васъ просто выгнать лакею?

— Да вѣдь я не самъ пойду, отвѣчалъ я съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ, — вы ошибаетесь, m-r Де-Гріе. Все это обойдется гораздо приличнѣе, чѣмъ вы думаете. Я вотъ сейчасъ-же отправлюсь къ мистеру Астлею и попрошу его быть моимъ посредникомъ, однимъ словомъ, быть моимъ second. Этотъ человѣкъ меня любитъ и, навѣрное, не откажетъ. Онъ пойдетъ къ барону и баронъ его приметъ. Если самъ я un enfant и кажусь чѣмъ-то subalterne, ну и, наконецъ, безъ защиты, то мистеръ Астлей — племянникъ лорда, настоящаго лорда, это извѣстно всѣмъ, лорда Ниброка и лордъ этотъ здѣсь. Повѣрьте, что баронъ будетъ вѣжливъ съ мистеромъ Астлеемъ и выслушаетъ его. А если не выслушаетъ, то мистеръ Астлей почтетъ это себѣ за личную обиду (вы знаете, какъ англичане настойчивы) и пойдетъ къ барону отъ себя пріятеля, а у него пріятели хорошіе. Разочтите теперь, что выйдетъ, можетъ быть, и не такъ, какъ вы полагаете.

Французъ рѣшительно струсилъ: дѣйствительно все это было

очень похоже на правду, а стало быть, выходило, что я и въ самомъ дѣлѣ былъ въ силахъ затѣять исторію.

— Но прошу-же васъ, началъ онъ совершенно умоляющимъ голосомъ,—оставьте все это! Вамъ точно пріятно что выйдетъ исторія! Вамъ не удовлетворенія надобно, а исторіи! Я сказалъ, что все это выйдетъ забавно и даже остроумно — чего, можетъ быть, вы и добиваетесь, но,—одинмъ словомъ, заключилъ онъ, видя, что я всталъ и беру шляпу,—я пришелъ вамъ передать эти два слова отъ одной особы, прочтите,—мнѣ поручено ждать отвѣта.

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ маленькую, сложенную и запечатанную облаткою записочку.

Рукою Полины было написано:

Мнѣ показалось, что вы намѣрены продолжать эту исторію. Вы разсердились и начинаете школьничать. Но тутъ есть особыя обстоятельства и я вамъ ихъ потомъ, можетъ быть, объясню; а вы, пожалуйста, перестаньте и уймитесь. Какія все это глупости! Вы мнѣ нужны и сами обѣщались слушаться. Вспомните Шлангенберга. Прошу васъ быть послушнымъ и, если надо, приказываю. Ваша П. P. S. Если на меня за вчерашнее сердитесь, то простите меня .

У меня какъ-бы все перевернулось въ глазахъ, когда я прочелъ эти строчки. Губы у меня побѣлѣли и я сталъ дрожать. Проклятый французъ смотрѣлъ съ усиленно скромнымъ видомъ и отводя отъ меня глаза, какъ-бы для того, чтобы не видѣть моего смущенія. Лучше-бы онъ захохоталъ надо мною.

— Хорошо, отвѣтилъ я,—скажите, чтобы m-lle была спокойна. Позвольте-же однако васъ спросить, прибавилъ я рѣзко, — почему вы такъ долго не передавали мнѣ эту записку? Вмѣсто того, чтобы болтать о пустякахъ, мнѣ кажется, вы должны были начать съ этого... если вы именно и приняли съ этимъ порученіемъ.

— О, я хотѣлъ... вообще все это такъ странно, что вы извините мое натуральное нетерпѣніе. Мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать самому лично, отъ васъ самихъ, ваши намѣренія Я, впрочемъ, не знаю, что въ этой запискѣ, и думалъ, что всегда успѣю передать.

— Понимаю, вамъ просто за просто велѣно передать это только въ крайнемъ случаѣ, а если увидите на словахъ, то и не передавать. Такъ-ли? Говорите прямо, m-r Де-Гріе!

— Peut-être, сказалъ онъ, принимая видъ какой-то особенной сдержанности и смотря на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ.

Я взялъ шляпу; онъ кивнулъ головой и вышелъ. Мнѣ показалось, что на губахъ его насмѣшливая улыбка. Да и какъ могло быть иначе?

— Мы съ тобой еще сочтемся, французишка, помѣримся! бор-

моталъ я, сходя съ лѣстницы. Я еще ничего не могъ сообразить, точно что̀ мнѣ въ голову ударило. Воздухъ нѣсколько освѣжилъ меня.

Минуты черезъ двѣ, чуть-чуть только я сталъ ясно соображать, мнѣ ярко представились двѣ мысли: *первая*, — что изъ такихъ пустяковъ, изъ нѣсколькихъ школьническихъ невѣроятныхъ угрозъ мальчишки, высказанныхъ вчера на лету, поднялась такая *всеобщая* тревога! и *вторая* мысль: —каково-же, однако, вліяніе этого француза на Полину? Одно его слово — и она дѣлаетъ все, что ему нужно, пишетъ записку и даже *проситъ* меня. Конечно, ихъ отношенія и всегда для меня были загадкою съ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знать началъ, однако-жъ въ эти послѣдніе дни — я замѣтилъ въ ней рѣшительное отвращеніе и даже презрѣніе къ нему, а онъ даже и не смотрѣлъ на нее, даже просто бывалъ съ ней невѣжливъ. Я это замѣтилъ. Полина сама мнѣ говорила объ отвращеніи; у ней уже прорывались чрезвычайно значительныя признанія... Значитъ, онъ просто владѣетъ ею, она у него въ какихъ-то цѣпяхъ...

ГЛАВА VIII.

На променадѣ, какъ здѣсь называютъ, то есть въ каштановой аллеѣ, я встрѣтилъ моего англичанина.

— О, о! началъ онъ, завидя меня,—я къ вамъ, а вы ко мнѣ. Такъ вы ужъ разстались съ вашими?

— Скажите, во первыхъ, почему все это вы знаете, спросилъ я въ удивленіи—неужели все это всѣмъ извѣстно?

— О, нѣтъ, всѣмъ не извѣстно; да и не стоитъ, чтобъ было извѣстно. Никто не говоритъ.

— Такъ почему вы это знаете?

— Я знаю, то есть имѣлъ случай узнать. Теперь куда вы отсюда уѣдете? Я люблю васъ и потому къ вамъ пришелъ.

— Славный вы человѣкъ, мистеръ Астлей, сказалъ я (меня, впрочемъ, ужасно поразило: откуда онъ знаетъ?), и такъ какъ я еще не пилъ кофе, да и вы, вѣроятно, его плохо пили, то пойдемте къ вокзалу въ кафѐ, тамъ сядемъ, закуримъ и я вамъ все разскажу, и... вы тоже мнѣ разскажете.

Кафѐ было во ста шагахъ. Намъ принесли кофе, мы усѣлись, я закурилъ папиросу, мистеръ Астлей ничего не закурилъ и, уставившись на меня, приготовился слушать.

— Я никуда не ѣду, я здѣсь остаюсь, началъ я.

— И я былъ увѣренъ, что вы останетесь, одобрительно произнесъ мистеръ Астлей.

Идя къ мистеру Астлею, я вовсе не имѣлъ намѣренія и даже нарочно не хотѣлъ разсказывать ему что нибудь о моей любви къ Полинѣ. Во всѣ эти дни я не сказалъ съ нимъ объ этомъ почти ни одного слова. Къ тому-же онъ былъ очень застѣнчивъ. Я съ перваго раза замѣтилъ, что Полина произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе, но онъ никогда не упоминалъ ея имени. Но странно, вдругъ теперь, только что онъ усѣлся и уставился на меня своимъ пристальнымъ оловяннымъ взглядомъ, во мнѣ, неизвѣстно почему, явилась охота разсказать ему все, то есть всю мою любовь и со всѣми ея оттѣнками. Я разсказывалъ цѣлые полчаса и мнѣ было это чрезвычайно пріятно, въ первый разъ я объ этомъ разсказывалъ! Замѣтивъ-же, что въ нѣкоторыхъ, особенно пылкихъ мѣстахъ, онъ смущается, я нарочно усиливалъ пылкость моего разсказа. Въ одномъ раскаиваюсь: я, можетъ быть, сказалъ кое-что лишнее про француза...

Мистеръ Астлей слушалъ, сидя противъ меня, неподвижно, не издавая ни слова, ни звука и глядя мнѣ въ глаза; но когда я заговорилъ про француза, онъ вдругъ осадилъ меня и строго спротилъ: имѣю-ли я право упоминать объ этомъ постороннемъ обстоятельствѣ? Мистеръ Астлей всегда очень странно задавалъ вопросы.

— Вы правы: боюсь, что нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Объ этомъ маркизѣ и о мисъ Полинѣ вы ничего не можете сказать точнаго, кромѣ однихъ предположеній?

Я опять удивился такому категорическому вопросу отъ такого застѣнчиваго человѣка, какъ мистеръ Астлей.

— Нѣтъ, точнаго ничего, отвѣтилъ я,—конечно, ничего.

— Если такъ, то вы сдѣлали дурное дѣло, не только тѣмъ, что заговорили объ этомъ со мною, но даже и тѣмъ, что про себя это подумали.

— Хорошо, хорошо! Сознаюсь; но теперь не въ томъ дѣло, перебилъ я, про себя удивляясь. Тутъ я ему разсказалъ всю вчерашнюю исторію, во всѣхъ подробностяхъ, выходку Полины, мое приключеніе съ барономъ, мою отставку, необыкновенную трусость генерала и, наконецъ, въ подробности изложилъ сегодняшнее посѣщеніе Де-Гріе, со всѣми оттѣнками: въ заключеніе показалъ ему записку.

— Что вы изъ этого выводите? спросилъ я. Я именно пришелъ узнать ваши мысли. Что-же до меня касается, то я, кажется, убилъ-бы этого французишку, и, можетъ быть, это сдѣлаю.

— И я, сказалъ мистеръ Астлей.—Что-же касается до мисъ Полины, то... вы знаете, мы вступаемъ въ сношенія даже съ людьми намъ ненавистными, если насъ вызываетъ къ тому необходимость. Тутъ могутъ быть сношенія вамъ неизвѣстныя, зависящія отъ обстоятельствъ посторонннихъ. Я думаю, что вы можете успокоиться — отчасти, разумѣется. Что-же касается до вчерашняго поступка ея, то онъ, конечно, страненъ,— не потому, что она поскупилась отъ васъ отвязаться и послала васъ подъ пулю барона (которую, я не понимаю почему, онъ не употребилъ, имѣя въ рукахъ), а потому, что такая выходка для такой... для такой превосходной мисъ — непристична. Разумѣется, она не могла предугадать, что вы буквально исполните ея насмѣшливое желаніе...

— Знаете-ли что? вскричалъ я вдругъ, пристально всматриваясь въ мистера Астлея: —мнѣ кажется, что вы уже о всемъ объ этомъ слышали, знаете отъ кого?—Отъ самой мисъ Полины!

Мистеръ Астлей посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— У васъ глаза сверкаютъ и я читаю въ нихъ подозрѣніе, проговорилъ онъ, тотчасъ-же возвративъ себѣ прежнее спокойствіе, — но вы не имѣете ни малѣйшихъ правъ обнаруживать ваши подозрѣнія. Я не могу признать этого права и вполнѣ отказываюсь отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Ну, довольно! И не надо! закричалъ я, странно волнуясь и не понимая, почему вскочило это мнѣ въ мысль! И когда, гдѣ, какимъ образомъ, мистеръ Астлей могъ-бы быть выбранъ Полиною въ повѣренные? Въ послѣднее время, впрочемъ, я отчасти упустилъ изъ виду мистера Астлея, а Полина и всегда была для меня загадкой, — до того загадкой, что, напримѣръ, теперь, пустившись разсказывать всю исторію моей любви мистеру Астлею, я вдругъ, во время самаго разсказа, былъ пораженъ тѣмъ, что почти ничего не могъ сказать объ моихъ отношеніяхъ съ нею точнаго и положительнаго. Напротивъ того, все было фантастическое, странное, неосновательное и даже ни на что непохожее.

— Ну, хорошо, хорошо; я сбитъ съ толку и теперь еще многаго не могу сообразить, отвѣчалъ я, точно запыхавшись. Впрочемъ, вы хорошій человѣкъ. Теперь другое дѣло, и я прошу вашего не совѣта, а мнѣнія.

Я помолчалъ и началъ:

— Какъ вы думаете, почему такъ струсилъ генералъ? Почему изъ моего глупѣйшаго шалопайничества они всѣ вывели такую исторію? Такую исторію, что даже самъ Де-Гріе нашелъ необходимымъ вмѣшаться (а онъ вмѣшивается только въ самыхъ важныхъ случаяхъ), просилъ, умолялъ, меня —

онъ, Де-Гріе, меня! Наконецъ, замѣтьте себѣ, онъ пришелъ въ девять часовъ, въ концѣ девятаго, и ужь записка миссъ Полины была въ его рукахъ. Когда-же, спрашивается, она была написана? Можетъ быть, миссъ Полину разбудили для этого! Кромѣ того, что изъ этого я вижу, что миссъ Полина его раба (потому что даже у меня проситъ прощенія!), — кромѣ этого, — ей-то что во всемъ этомъ, ей лично? Она для чего такъ интересуется? Чего они испугались какого-то барона? И что-жь такое, что генералъ женится на m-lle Blanche de Cominges? Они говорятъ, что имъ какъ-то *особенно* держать себя вслѣдствіе этого обстоятельства надо, — но вѣдь это ужь слишкомъ особенно, согласитесь сами! Какъ вы думаете? Я по глазамъ вашимъ убѣжденъ, что вы и тутъ болѣе меня знаете!

Мистеръ Астлей усмѣхнулся и кивнулъ головой.

— Дѣйствительно, я, кажется, и въ этомъ гораздо больше вашего знаю, сказалъ онъ. — Тутъ все дѣло касается одной m-lle Blanche, и я увѣренъ, что это совершенная истина.

— Ну, что-жь m-lle Blanche? вскричалъ я съ нетерпѣніемъ (у меня вдругъ явилась надежда, что теперь что-нибудь откроется о m-lle Полинѣ).

— Мнѣ кажется, что m-lle Blanche имѣетъ въ настоящую минуту особый интересъ всячески избѣгать встрѣчи съ барономъ и баронессой, — тѣмъ болѣе встрѣчи непріятной, еще хуже — скандальной.

— Ну! Ну!

— M-lle Blanche, третьяго года, во время сезона уже была здѣсь, въ Рулетенбургѣ. И я тоже здѣсь находился. M-lle Blanche тогда не называлась m-lle de Cominges, равномѣрно и мать ея, m-me veuve Cominges тогда не существовала. По крайней мѣрѣ, о ней не было и помину. Де-Гріе—Де-Гріе — тоже не было. Я питаю глубокое убѣжденіе, что они не только не родня между собою, но даже и знакомы весьма недавно. Маркизомъ Де-Гріе сталъ тоже весьма недавно, — я въ этомъ увѣренъ, по одному обстоятельству. Даже можно предположить, что онъ и Де-Гріе сталъ называться недавно. Я знаю здѣсь одного человѣка, встрѣчавшаго его и подъ другимъ именемъ.

— Но вѣдь онъ имѣетъ дѣйствительно солидный кругъ знакомства.

— О, это можетъ быть. Даже m-lle Blanche его можетъ имѣть. Но третьяго года m-lle Blanche, по жалобѣ этой самой баронессы, получила приглашеніе отъ здѣшней полиціи покинуть городъ и покинула его.

— Какъ такъ?

— Она появилась тогда здѣсь—сперва съ однимъ итальянцемъ, какимъ-то княземъ, съ историческимъ именемъ, что-то въ родѣ *Барберини* или что-то похожее. Человѣкъ, весь въ перстняхъ и брилліантахъ, и даже не фальшивыхъ. Они ѣздили въ удивительномъ экипажѣ. M-lle Blanche играла въ trente et quarante сначала хорошо, потомъ ей стало сильно измѣнять счастіе: такъ я припоминаю. Я помню, въ одинъ вечеръ она проиграла чрезвычайную сумму. Но всего хуже, что ни beau matin, ея князь исчезъ неизвѣстно куда: исчезли и лошади, и экипажъ, все исчезло. Долгъ въ отелѣ ужасный. M-lle Зельма (вмѣсто Барберини она вдругъ обратилась въ m-lle Зельму) была въ послѣдней степени отчаянія. Она выла и визжала на весь отель, и разорвала въ бѣшенствѣ свое платье. Тутъ-же въ отелѣ стоялъ одинъ польскій графъ (всѣ путешествующіе поляки—графы) и m-lle Зельма, разрывавшая свои платья и царапавшая, какъ кошка, свое лицо своими прекрасными, вымытыми въ духахъ, руками, произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе. Они переговорили, и къ обѣду она утѣшилась. Вечеромъ, онъ появился съ нею подъ руку въ вокзалѣ. M-lle Зельма смѣялась, по своему обыкновенію, весьма громко и въ манерахъ ея оказалось нѣсколько болѣе развязности. Она поступила прямо въ тотъ разрядъ играющихъ на рулеткѣ дамъ, которыя, подходя къ столу, изо всей силы отталкиваютъ плечомъ игрока, чтобы очистить себѣ мѣсто. Это особенный здѣсь нравъ у этихъ дамъ. Вы ихъ, конечно, замѣтили?

— О, да.

— Не стоитъ и замѣчать. Къ досадѣ порядочной публики онѣ здѣсь не переводятся. По крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя мѣняютъ каждый день у стола тысячефранковые билеты. Впрочемъ, какъ только онѣ перестаютъ мѣнять билеты, ихъ тотчасъ просятъ удалиться. M-lle Зельма еще продолжала мѣнять билеты; но играя она была еще несчастливѣе. Замѣтьте себѣ, что эти дамы весьма часто играютъ счастливо; у нихъ удивительное владѣніе собою. Впрочемъ, исторія моя кончена. Однакожъ, точно такъ же какъ и князь, исчезъ и графъ. M-lle Зельма явилась вечеромъ играть уже одна: на этотъ разъ никто не явился предложить ей руку. Въ два дня она проигралась окончательно. Поставивъ послѣдній луидоръ и проигравъ его, она осмотрѣлась кругомъ и увидѣла подлѣ себя барона Вурмергельма, который очень внимательно и съ глубокимъ негодованіемъ ее разсматривалъ. Но m-lle Зельма не разглядѣла негодованія и, обратившись къ барону съ извѣстной улыбкой, попросила поставить за нее на красную десять луидоровъ. Всталъ-

ствіе этого, по жалобѣ баронессы, она къ вечеру получила приглашеніе не показываться болѣе въ вокзалъ. Если вы удивляетесь, что мнѣ извѣстны всѣ эти мелкія и совершенно непристичныя подробности, то это потому, что слышалъ я ихъ окончательно отъ мистера Фидера, одного моего родственника, который въ тотъ-же вечеръ увезъ въ своей коляскѣ m-lle Зельму изъ Рулетенбурга въ Спа. Теперь поймите: m-lle Blanche хочетъ быть генеральшей, вѣроятно, для того, чтобы впредь не получать такихъ приглашеній, какъ третьяго года отъ полиціи вокзала. Теперь она уже не играетъ: но это потому, что теперь у ней, по всѣмъ признакамъ, есть капиталъ, который она ссужаетъ здѣшнимъ игрокамъ на проценты. Это гораздо разсчетливѣе. Я даже подозрѣваю, что ей должент и несчастный генералъ. Можетъ быть, должент и Де-Гріе. Можетъ быть, Де-Гріе съ ней въ компаніи. Согласитесь сами, что, по крайней мѣрѣ, до свадьбы она-бы не желала почему либо обратить на себя вниманіе баронессы и барона. Однимъ словомъ, въ ея положеніи, ей всего менѣе выгоденъ скандалъ. Вы-же связаны съ ихъ домомъ и ваши поступки могли возбудить скандалъ, тѣмъ болѣе, что она каждодневно является въ публикѣ подъ руку съ генераломъ или съ миссъ Полиною. Теперь понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю! вскричалъ я, изо всей силы стукнувъ по столу такъ, что garçon прибѣжалъ въ испугѣ.

— Скажите, мистеръ Астлей, повторилъ я въ изступленіи, — если вы уже знали всю эту исторію, а слѣдственно знаете наизусть что такое m-lle Blanche de Cominges, —то какимъ образомъ не предупредили вы хоть меня,—самого генерала, наконецъ, а главное, главное миссъ Полину, которая показывалась здѣсь въ вокзалъ, въ публикѣ, съ m-lle Blanche подъ руку? Развѣ это возможно?

— Васъ предупреждать мнѣ было нечего, потому что вы ничего не могли сдѣлать, спокойно отвѣчалъ мистеръ Астлей. — А, впрочемъ, и о чемъ предупреждать? Генералъ, можетъ быть, знаетъ о m-lle Blanche еще болѣе, чѣмъ я, и все-таки прогуливается съ нею и съ миссъ Полиной. Генералъ —несчастный человѣкъ. Я видѣлъ вчера, какъ m-lle Blanche скакала на прекрасной лошади съ m-r Де-Гріе и съ этимъ маленькимъ русскимъ княземъ, а генералъ скакалъ за ними на рыжей лошади. Онъ утромъ говорилъ, что у него болятъ ноги, но посадка его была хороша. И вотъ въ это-то мгновеніе мнѣ вдругъ пришло на мысль, что это совершенно погибшій человѣкъ. Къ тому-же все это не мое дѣло и я только недавно имѣлъ честь узнать миссъ Полину. А, впрочемъ (спохватился вдругъ мистеръ Астлей), я уже сказалъ вамъ, что не могу

признать ваши права на нѣкоторые вопросы, не смотря на то, что искренно васъ люблю...

— Довольно, сказалъ я, вставая:—теперь мнѣ ясно какъ день, что и мисъ Полинѣ все извѣстно о m-lle Blanche, но что она не можетъ разстаться съ своимъ французомъ, а потому и рѣшается гулять съ m-lle Blanche. Повѣрьте, что никакія другія вліянія не заставляли-бы ее гулять съ m-lle Blanche и умолять меня въ записк не трогать барона. Тутъ именно должно быть это вліяніе, предъ которымъ все склоняется! И однако вѣдь она-же меня и напустила на барона! Чортъ возьми, тутъ ничего не разберешь!

— Вы забываете, во первыхъ, что эта m-lle de Cominges — невѣста генерала, а, во вторыхъ, что у мисъ Полины, падчерицы генерала, есть маленькій братъ и маленькая сестра, родныя дѣти генерала, уже совершенно брошенныя этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, а, кажется, и ограбленныя.

— Да, да! Это такъ! Уйдти отъ дѣтей—значитъ, уже совершенно ихъ бросить, остаться — значитъ, защитить ихъ интересы, а, можетъ быть, и спасти клочки имѣнія. Да, да, все это правда! Но все-таки, все-таки! О, я понимаю, почему всѣ они такъ теперь интересуются бабуленькой!

— О комъ? спросилъ мистеръ Астлей.

— О той старой вѣдьмѣ въ Москвѣ, которая не умираетъ и о которой ждутъ телеграммы, что она умретъ.

— Ну да, конечно, весь интересъ въ ней соединился. — Все дѣло въ наслѣдствѣ! Объявится наслѣдство и генералъ женится: мисъ Полина будетъ тоже развязана, а Де-Гріе...

— Ну, а Де-Гріе?

— А Де-Гріе будутъ заплачены деньги: онъ того только здѣсь и ждетъ.

— Только! Вы думаете, только этого и ждетъ?

— Болѣе я ничего не знаю,—упорно замолчалъ мистеръ Астлей.

— А я знаю, я знаю!—повторялъ я въ ярости;—онъ тоже ждетъ наслѣдства, потому что Полина получитъ приданое, а, получивъ деньги—тотчасъ кинется ему на шею. Всѣ женщины таковы! И самыя гордыя изъ нихъ—самыми-то пошлыми рабами и выходятъ! Полина способна только страстно любить и больше ничего! Вотъ мое мнѣніе о ней! Поглядите на нее, особенно, когда она сидитъ одна, задумавшись: это—что-то предназначенное, приговоренное, проклятое! Она способна на всѣ ужасы жизни и страсти... она... она... но кто это зоветъ меня? воскликнулъ я вдругъ.—Кто кричитъ? Я слышалъ, закричали по русски: Алексѣй Ивановичъ! Женскій голосъ, слышите, слышите!

Въ это время мы подходили къ нашему отелю. Мы давно уже, почти не замѣчая того, оставили кафе.

— Я слышалъ женскіе крики, но не знаю, кого зовутъ: это по русски: теперь я вижу, откуда крики,—указывалъ мистеръ Астлей,—это кричитъ та женщина, которая сидитъ въ большомъ креслѣ и которую внесли сейчасъ на крыльцо столько лакеевъ. Сзади несутъ чемоданы, значитъ, только что пріѣхалъ поѣздъ.

— Но почему она зоветъ меня? Она опять кричитъ: смотрите, она намъ машетъ.

— Я вижу, что она машетъ, сказалъ мистеръ Астлей.

— Алексѣй Ивановичъ! Алексѣй Ивановичъ! Ахъ, Господи, что это за олухъ! раздавались отчаянные крики съ крыльца отеля.

Мы почти побѣжали къ подъѣзду. Я вступилъ на площадку и... руки мои опустились отъ изумленія, а ноги такъ и приросли къ камню.

ГЛАВА IX.

На верхней площадкѣ широкаго крыльца отеля, внесенная по ступенямъ въ креслахъ, и окруженная слугами, служанками и многочисленною подобострастною челядью отеля, въ присутствіи самого сборъ-кельнера, выѣзднаго встрѣтить высокую посѣтительницу, пріѣхавшую съ такимъ трескомъ и шумомъ, съ собственною прислугою и съ столькими баулами и чемоданами, возсѣдала—*бабушка*! Да, это была она сама, грозная и богатая, семидесятипятилѣтняя, Антонида Васильевна Тарасевичева, помѣщица и московская барыня, la baboulinka, о которой пускались и получались телеграммы, умиравшая и не умершая, и которая вдругъ сама, собственнолично, явилась къ намъ, какъ снѣгъ на голову. Она явилась, хотя и безъ ногъ, носимая какъ и всегда, во всѣ послѣднія пять лѣтъ, въ креслахъ. Но, по обыкновенію своему, бойкая, задорная, самодовольная, прямо сидящая, громко и повелительно кричащая, всѣхъ бранящая,—ну точь въ точь такая, какъ я имѣлъ честь видѣть ее раза два, съ того времени, какъ опредѣлился въ генеральскій домъ учителемъ. Естественно, что я стоялъ предъ нею истуканомъ отъ удивленія. Она-же разглядѣла меня своимъ рысьимъ взглядомъ еще за сто шаговъ, когда ее вносили въ креслахъ, узнала и кликнула меня по имени и отчеству,—что, по обыкновенію своему, разъ навсегда запомнила. Я этакую-то желали видѣть въ гробу, схороненную и оставившую наслѣдство, пролетѣло у меня

въ мыслихъ,— да она всѣхъ насъ и весь отель переживетъ! Но, Боже, что-жь это будетъ теперь съ нашими, что будетъ теперь съ генераломъ! Она весь отель теперь перевернетъ на сторону!

— Ну, что-жь ты, батюшка, сталъ предо мною, глаза выпучилъ! продолжала кричать на меня бабушка; —поклониться —поздороваться не умѣешь, что-ли? Аль загордился, не хочешь? Аль, можетъ, не узналъ? Слышишь, Потанычъ, обратилась она къ сѣдому старичку, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ розовой лысиной, своему дворецкому, сопровождавшему ее въ вояжѣ,—слышишь, не узнаетъ! Схоронили! Телеграмму за телеграммою посылали: умерла, аль не умерла! Вѣдь я все знаю! А я вотъ вижу, и живехонька.

— Помилуйте, Антонида Васильевна, съ чего мнѣ-то вамъ худаго желать? весело отвѣчалъ я, очнувшись, —я только былъ удивленъ... Да и какъ-же не подивиться, такъ неожиданно...

— А что тебѣ удивительнаго? Сѣла, да поѣхала. Въ вагонѣ покойно, толчковъ нѣтъ. Ты гулять ходилъ, что-ли?

— Да, прошелся къ вокзалу.

— Здѣсь хорошо, сказала бабушка, озираясь,—тепло и деревья богатыя. Это я люблю! Наши дома? Генералъ?

— О! дома, въ этотъ часъ навѣрно всѣ дома.

— А у нихъ и здѣсь часы заведены, и всѣ церемоніи? Тону задаютъ. Экипажъ, я слышала, держатъ, les seigneurs russes! Просвистались: такъ и за границу! И Прасковья съ ними?

— И Полина Александровна тоже.

— И француженка? Ну, да сама всѣхъ увижу. Алексѣй Ивановичъ, показывай дорогу, прямо къ нему. Тебѣ-то здѣсь хорошо-ли?

— Такъ себѣ, Антонида Васильевна.

— А ты, Потанычъ, скажи этому олуху, кельнеру, чтобъ мнѣ удобную квартиру отвелъ, хорошую, не высоко, туда и вещи сейчасъ перенеси. Да чего всѣмъ-то соваться меня нести? Чего они лѣзутъ? Экіе рабы! Это кто съ тобой? обратилась она опять ко мнѣ.

— Это мистеръ Астлей, отвѣчалъ я.

— Какой такой мистеръ Астлей?

— Путешественникъ, мой добрый знакомый: знакомъ и съ генераломъ.

— Англичанинъ. То-то онъ уставился на меня и зубовъ не разжимаетъ. Я, впрочемъ, люблю англичанъ. Ну, тащите на верхъ, прямо къ нимъ на квартиру; гдѣ они тамъ?

Бабушку понесли; я шелъ впереди по широкой лѣстницѣ отеля. Шествіе наше было очень эффектное. Всѣ, кто попадались,—останавливались и смотрѣли во всѣ глаза. Нашъ отель считается самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ и самимъ аристократическимъ на

водахъ. На лѣстницѣ и въ коридорахъ всегда встрѣчаются великолѣпныя дамы и важные англичане. Многіе освѣдомлялись внизу у оберъ-кельнера, который, съ своей стороны, былъ глубоко пораженъ. Онъ, конечно, отвѣчалъ всѣмъ спрашивавшимъ, что это важная иностранка, une russe, une comtesse, grande dame, и что она займетъ то самое помѣщеніе, которое за недѣлю тому назадъ занимала la grande duchesse de N. Повелительная и властительная наружность бабушки, возносимой въ креслахъ, была причиною главнаго эффекта. При встрѣчѣ со всякимъ новымъ лицомъ, она тотчасъ обмѣривала его любопытнымъ взглядомъ и о всѣхъ громко меня разспрашивала. Бабушка была изъ крупной породы, и хотя и не вставала съ кресель, но предчувствовалось, глядя на нее, что она весьма высокаго роста. Спина ея держалась прямо, какъ доска, и не опиралась на кресло. Сѣдая, большая ея голова, съ крупными и рѣзкими чертами лица, держалась вверхъ; глядѣла она какъ-то даже заносчиво и съ вызовомъ; и видно было, что взглядъ и жесты ея совершенно натуральны. Не смотря на семьдесятъ пять лѣтъ, лицо ея было довольно свѣжо и даже зубы не совсѣмъ пострадали. Одѣта она была въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ.

— Она чрезвычайно интересуетъ меня, шепнулъ мнѣ, подымаясь рядомъ со мною, мистеръ Астлей.

«О телеграммахъ она знаетъ», подумалъ я; «Де-Гріе ей тоже извѣстенъ, но m-lle Blanche еще, кажется, мало извѣстна». Я тотчасъ-же сообщилъ объ этомъ мистеру Астлею.

Грѣшный человѣкъ! Только что прошло мое первое удивленіе, я ужасно обрадовался громовому удару, который мы произведемъ сейчасъ у генерала. Меня точно что подзадоривало и я шелъ впереди чрезвычайно весело.

Наши квартировали въ третьемъ этажѣ; я не докладывалъ и даже не постучалъ въ дверь, а просто растворилъ ее настежь, и бабушку внесли съ тріумфомъ. Всѣ они были, какъ нарочно, въ сборѣ, въ кабинетѣ генерала. Было двѣнадцать часовъ и, кажется, проэктировалась какая-то поѣздка,—одни собрались въ коляскахъ, другіе верхами, всей компаніей; кромѣ того, были еще приглашенные изъ знакомыхъ. Кромѣ генерала, Полины съ дѣтьми, ихъ нянюшки, находились въ кабинетѣ: Де-Гріе, m-lle Blanche, опять въ амазонкѣ, ея мать, m-me veuve Cominges, маленькій князь и еще какой-то ученый путешественникъ, нѣмецъ, котораго я видѣлъ у нихъ еще въ первый разъ. Кресла съ бабушкой прямо опустили по срединѣ кабинета, въ трехъ шагахъ отъ генерала. Боже, никогда не забуду этого впечатлѣнія! Предъ нашимъ входомъ гене-

рал что-то разсказывалъ, а Де Гріе его поправлялъ. Надо замѣтить, что m-lle Blanche и Де-Гріе вотъ уже два — три дня почему-то очень ухаживали за маленькимъ княземъ—à la barbe du paiyre général, и компанія, хоть, можетъ быть, и искуственно, но была настроена на самый веселый и радушно-семейный тонъ. При видѣ бабушки, генералъ вдругъ остолбенѣлъ, разинулъ ротъ и остановился на полусловѣ. Онъ смотрѣлъ на нее, выпучивъ глаза, какъ будто околдованный взглядомъ василиска. Бабушка смотрѣла на него тоже молча, неподвижно,—но что̀ это былъ за торжествующій, вызывающій и насмѣшливый взглядъ! Они просмотрѣли такъ другъ на друга секунд̀ъ десять битыхъ, при глубокомъ молчаніи всѣхъ окружающихъ. Де-Гріе сначала оцѣненѣлъ, но скоро необыкновенное безпокойство замелькало въ его лицѣ. M-lle Blanche подняла брови, раскрыла ротъ и дико разглядывала бабушку. Князь и ученый въ глубокомъ недоумѣніи созерцали всю эту картину. Во взглядѣ Полины выразилось чрезвычайное удивленіе и недоумѣніе, но вдругъ она побѣлѣла, какъ платокъ: чрезъ минуту кровь быстро ударила ей въ лицо и залила ея щеки. Да, это была катастрофа для всѣхъ! Я только и дѣлалъ, что переводилъ мои взгляды отъ бабушки на всѣхъ окружающихъ и обратно. Мистеръ Астлей стоялъ въ сторонѣ, по своему обыкновенію, спокойно и чинно.

— Ну, вотъ и я! Вмѣсто телеграммы-то! разразилась, наконецъ, бабушка, прерывая молчаніе.—Что, не ожидали?

— Антонида Васильевна... тетушка... Но какимъ-же образомъ... пробормоталъ несчастный генералъ. Если-бы бабушка не заговорила еще нѣсколько секундъ, то, можетъ быть, съ нимъ былъ-бы ударъ.

— Какъ, какимъ образомъ? Съла, да поѣхала. А желѣзная-то дорога на что̀? А вы всѣ думали: я ужъ ноги протянула и вамъ наслѣдство оставила? Я вѣдь знаю, какъ ты отсюда телеграммы-то посылалъ. Денег̀ъ-то что̀ за нихъ перешлатить, я думаю. Отсюда не дешево. А я ноги на плечи, да и сюда. Это тотъ французъ? M-r Де-Гріе, кажется?

— Oui, madame, подхватилъ Де-Гріе,—et croyez, je suis si enchanté... votre santé... c'est un miracle... vous voir ici... une surprise charmante...

— То-то charmante: знаю я тебя, фигляръ ты этакой, да я-то тебѣ вотъ на столечко не вѣрю! и она указала ему свой мизинецъ.— Это кто такая, обратилась она, указывая на m-lle Blanche. Эффектная француженка, въ амазонкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, видимо ее поразила.—Здѣшняя, что-ли?

— Это m-lle Blanche de Cominges, а вотъ и маменька ея, m-me de Cominges: онѣ квартируютъ въ здѣшемъ отелѣ,—доложилъ я.

— Замужемъ дочь-то? не церемонясь разспрашивала бабушка.

— M-lle de Cominges дѣвица, отвѣчалъ я какъ можно почтительнѣе и нарочно въ полголоса.

— Веселая?

Я было не понялъ вопроса.

— Не скучно съ нею? По русски понимаетъ? Вотъ Де-Гріе у насъ въ Москвѣ намастачился по нашему-то, съ пятаго въ десятое.

Я объяснилъ ей, что m-lle de Cominges никогда не была въ Россіи.

— Bonjour! сказала бабушка, вдругъ рѣзко обращаясь къ m-lle Blanche.

— Bonjour, madame, церемонно и изящно присѣла m-lle Blanche, поспѣшивъ, подъ покровомъ необыкновенной скромности и вѣжливости, выказать всѣмъ выраженіемъ лица и фигуры чрезвычайное удивленіе къ такому странному вопросу и обращенію.

— О, глаза опустила, манерничаетъ и церемонничаетъ; сейчасъ видна птица: актриса какая-нибудь. Я здѣсь въ отелѣ внизу остановилась, обратилась она вдругъ къ генералу; — сосѣдка тебѣ буду; радъ или не радъ?

— О, тетушка! Повѣрьте искреннимъ чувствамъ... моего удовольствія, подхватилъ генералъ. Онъ уже отчасти оомнился, а такъ какъ, при случаѣ, онъ умѣлъ говорить удачно, важно и съ претензіею на нѣкоторый эффектъ, то принялся распространяться и теперь. —Мы были такъ встревожены и поражены извѣстіями о вашемъ нездоровьѣ... Мы получали такія безнадежныя телеграммы. и вдругъ...

— Ну, врешь, врешь! перебила тотчасъ бабушка.

— Но какимъ образомъ, тоже поскорѣй перебилъ и возвысилъ голосъ генералъ, постаравшись не замѣтить этого: «врешь», — какимъ образомъ вы, однако, рѣшились на такую поѣздку? Согласитесь сами, что въ вашихъ лѣтахъ и при вашемъ здоровьѣ... по крайней мѣрѣ, все это такъ неожиданно, что понятно наше удивленіе. Но я такъ радъ... и мы всѣ (онъ началъ умильно и восторженно улыбаться) постараемся изо всѣхъ силъ сдѣлать вамъ здѣшній сезонъ наиріятнѣйшимъ препровожденіемъ...

— Ну, довольно: болтовня пустая: нагородилъ по обыкновенію: я сама съумѣю прожить. Впрочемъ, и отъ васъ не прочь: зла не помню. Какимъ образомъ, ты спрашиваешь? Да что тутъ удивительнаго? Самымъ простѣйшимъ образомъ. И чего они всѣ удивляются? Здравствуй, Прасковья. Ты здѣсь что̀ дѣлаешь?

— Здравствуйте, бабушка, сказала Полина, приближаясь къ ней,—давно-ли въ дорогѣ?

— Ну, вотъ эта умѣе всѣхъ спросила, а то: ахъ, да ахъ! Вотъ видишь ты: лежала-лежала, лечили-лечили, я докторовъ прогнала и позвала пономаря отъ Николы. Онъ отъ такой-же болѣзни сѣной трухой одну бабу вылечилъ. Ну, и мнѣ помогъ; на третій день вся вспотѣла и поднялась. Потомъ опять собрались мои нѣмцы, надѣли очки и стали рядить: «Если-бы теперь, говорятъ, за границу на воды и курсъ взять, то совсѣмъ-бы завалы прошли». А почему-же нѣтъ, думаю? Дурь-Зажигины разъѣхались: «куда вамъ, говорятъ, доѣхать!» Ну, вотъ-те на! Въ одинъ день собралась и на прошлой недѣлѣ въ пятницу взяла дѣвушку, да Потапыча, да Ѳедора лакея, да этого Ѳедора изъ Берлина и прогнала, потому, вижу, совсѣмъ его не надо, и одна одношенька доѣхала-бы. Ваганъ беру особенный, а посильщики на всѣхъ станціяхъ есть, за двугривенный куда хочешь донесутъ. Нишь, вы квартиру нанимаете какую! заключила она, осматриваясь.—Изъ какихъ это ты денегъ, батюшка? Вѣдь все у тебя въ залогѣ. Одному этому французишкѣ что̀ долженъ деньжищъ-то! Я вѣдь все знаю, все знаю!

— Я, тетушка... началъ генералъ, весь сконфузившись, —я удивляюсь, тетушка... я, кажется, могу и безъ чьего либо контроля... притомъ-же мои расходы не превышаютъ моихъ средствъ, и мы здѣсь...

— У тебя-то не превышаютъ? Сказалъ! У дѣтей-то, должно быть, послѣднее ужь заграбилъ, опекунъ!

— Послѣ этого, послѣ такихъ словъ... началъ генералъ въ негодованіи,—я уже не знаю...

— То-то не знаешь! Небось, здѣсь отъ рулетки не отходишь? Весь просвистался?

Генералъ былъ такъ пораженъ, что чуть не захлебнулся отъ прилива взволнованныхъ чувствъ своихъ.

— На рулеткѣ! Я? При моемъ значеніи... Я? Опомнитесь, тетушка, вы еще, должно быть, нездоровы...

— Ну, врешь, врешь: небось, отпанцить не могутъ: все врешь! Я вотъ посмотрю, что̀ это за рулетка такая, сегодня-же. Ты, Прасковья, мнѣ разскажи, гдѣ что̀ здѣсь осматриваютъ, да вотъ и Алексѣй Ивановичъ покажетъ, а ты, Потапычъ, записывай всѣ мѣста, куда ѣхать? Что̀ здѣсь осматриваютъ? обратилась вдругъ она опять къ Полинѣ.

— Здѣсь есть близко развалины замка, потомъ Шлангенбергъ.

— Что̀ это: Шлангенбергъ? Роща, что-ли?

— Нѣтъ, не роща, это гора: тамъ пуантъ...

— Какой такой пуантъ?

— Самая высшая точка на горѣ, огороженное мѣсто. Оттуда видъ безподобный.

— Это на гору-то кресла тащить? Встащутъ аль нѣтъ?

— О, носильщиковъ сыскать можно,—отвѣчалъ я.

Въ это время подошла здороваться къ бабушкѣ Ѳедосья, нянюшка, и подвела генеральскихъ дѣтей.

— Ну, нечего лобызаться! Не люблю цаловаться съ дѣтьми: всѣ дѣти сопливыя. Ну, ты какъ здѣсь, Ѳедосья?

— Здѣсь очинно, очинно хорошо, матушка Антонида Васильевна,—отвѣтила Ѳедосья.—Какъ вамъ-то было, матушка? Ужь мы такъ про васъ изболѣзновались.

— Знаю, ты-то простая душа. Это что у васъ, все гости, что-ли? обратилась она опять къ Полинѣ.—Это кто плюгавенькій-то, въ очкахъ?

— Князь Ильскій, бабушка, прошептала ей Полина.

— А, русскій? А я думала не поймешь! Не слыхалъ, можетъ быть! Мистера Астлея я уже видѣла. Да вотъ онъ опять, увидала его бабушка,—здравствуйте! обратилась она вдругъ къ нему.

Мистеръ Астлей молча ей поклонился.

— Ну, что вы мнѣ скажете хорошаго? Скажите что нибудь! Переведи ему это, Полина.

Полина перевела.

— То, что я гляжу на васъ съ большимъ удовольствіемъ и радуюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ, серьезно, но съ чрезвычайною готовностью отвѣтилъ мистеръ Астлей. Бабушкѣ перевели и ей видимо это понравилось.

— Какъ англичане всегда хорошо отвѣчаютъ, замѣтила она.—Я почему-то всегда любила англичанъ, сравненія нѣтъ съ французишками! Заходите ко мнѣ, обратилась она опять къ мистеру Астлею. — Постараюсь васъ не очень обезпокоить. Переведи это ему, да скажи ему, что я здѣсь внизу,—здѣсь внизу—слышите, внизу, внизу, повторяла она мистеру Астлею, указывая пальцемъ внизъ.

Мистеръ Астлей былъ чрезвычайно доволенъ приглашеніемъ.

Бабушка внимательнымъ и довольнымъ взглядомъ оглядѣла съ ногъ до головы Полину.

— Я-бы тебя, Прасковья, любила, вдругъ сказала она. — дѣвка ты славная, лучше ихъ всѣхъ, да характерищко у тебя— ухъ! Ну, да и у меня характеръ: повернись-ка: это у тебя не накладка въ волосахъ-то?

— Нѣтъ, бабушка, свои.

— То-то, не люблю теперешней глупой моды. Хороша ты очень. Я-бы въ тебя влюбилась, если-бъ была кавалеромъ. Чего замужъ-то не выходишь? Но, однако, пора мнѣ. И погулять хочется, а то все

вагонъ, да вагонъ... Ну, что̀ ты все еще сердишься? обратилась она къ генералу.

— Помилуйте, тетушка, полноте! спохватился обрадованный генералъ,—я понимаю, въ ваши лѣта...

— Cette vieille est tombée en enfance, шепнулъ мнѣ Де-Гріе.

— Я вотъ все хочу здѣсь разсмотрѣть. Ты мнѣ Алексѣя Ивановича-то уступишь? продолжала бабушка генералу.

— О, сколько угодно, но я и самъ... и Полина, m-r Де-Гріе... мы всѣ, всѣ сочтемъ за удовольствіе вамъ сопутствовать...

— Mais, madame, cela sera un plaisir... подвернулся Де-Гріе съ обворожительной улыбкой.

— То-то plaisir. Смѣшонъ ты мнѣ, батюшка. Денегъ-то я тебѣ, впрочемъ, не дамъ, прибавила она вдругъ генералу. — Ну, теперь въ мой номеръ: осмотрѣть надо, а потомъ и отправимся по всѣмъ мѣстамъ. Ну, подымайте.

Бабушку опять подняли и всѣ отправились гурьбой вслѣдъ за креслами, внизъ по лѣстницѣ. Генералъ шелъ, какъ будто ошеломленный ударомъ дубины по головѣ. Де-Гріе что-то соображалъ. M-lle Blanche хотѣла было остаться, но почему-то разсудила тоже пойдти со всѣми. За нею тотчасъ-же отправился и князь, и на верху, въ квартирѣ генерала, остались только нѣмецъ и madame veuve Cominges.

ГЛАВА X.

На водахъ,—да, кажется, и во всей Европѣ,—управляющіе отелями и оберъ-кельнеры, при отведеніи квартиръ посѣтителямъ, руководствуются не столько требованіями и желаніями ихъ, сколько собственнымъ личнымъ на нихъ взглядомъ, и, надо замѣтить, рѣдко ошибаются. Но бабушкѣ, ужь неизвѣстно почему, отвели такое богатое помѣщеніе, что даже пересолили: четыре великолѣпно убранныя комнаты, съ ванной, помѣщеніями для прислуги, особой комнаткой для камеристки, и прочее и прочее. Дѣйствительно, въ этихъ комнатахъ, недѣлю тому назадъ, останавливалась какая-то grande duchesse, о чемъ, конечно, тотчасъ-же и объявлялось новымъ посѣтителямъ, для приданія еще бо̀льшей цѣны квартирѣ. Бабушку пронесли или, лучше сказать, прокатили по всѣмъ комнатамъ, и она внимательно и строго оглядывала ихъ. Оберъ-кельнеръ, уже пожилой человѣкъ, съ плѣшивой головой, почтительно сопровождалъ ее при этомъ первомъ осмотрѣ.

Не знаю, за кого они всѣ приняли бабушку, но, кажется, за чрезвычайно важную и, главное, богатѣйшую особу. Въ книгу внесли тотчасъ: Madame la générale princesse de Tarassevitcheva, хотя бабушка никогда не была княгиней. Своя прислуга, особое помѣщеніе въ вагонѣ, бездна ненужныхъ баульовъ, чемодановъ и даже сундуковъ, прибывшихъ съ бабушкой, вѣроятно, послужили началомъ престижа; а кресла, рѣзкій тонъ и голосъ бабушки, ея эксцентрическіе вопросы, дѣлаемые съ самымъ не стѣсняющимся и не терпящимъ никакихъ возраженій видомъ, однимъ словомъ, вся фигура бабушки—прямая, рѣзкая, повелительная,—довершали всеобщее къ ней благоговѣніе. При осмотрѣ, бабушка вдругъ иногда приказывала останавливать кресла, указывала на какую нибудь вещь въ меблировкѣ и обращалась съ неожиданными вопросами къ почтительно улыбавшемуся, но уже начинавшему трусить оберъ-кельнеру. Бабушка предлагала вопросы на французскомъ языкѣ, на которомъ говорила, впрочемъ, довольно плохо, такъ что я обыкновенно переводилъ. Отвѣты оберъ-кельнера большею частію ей не нравились и казались неудовлетворительными. Да и она-то спрашивала все какъ будто не объ дѣлѣ, а Богъ знаетъ о чемъ. Вдругъ, напримѣръ, остановилась передъ картиною. —довольно слабой копіей съ какого-то извѣстнаго оригинала. съ миѳологическимъ сюжетомъ.

— Чей портретъ?

Оберъ-кельнеръ объявилъ, что, вѣроятно, какой нибудь графини.

— Какъ-же ты не знаешь? Здѣсь живешь, а не знаешь. Почему онъ здѣсь? Зачѣмъ глаза косые?

На всѣ эти вопросы оберъ-кельнеръ удовлетворительно отвѣчать не могъ и даже потерялся.

— Вотъ болванъ-то! отозвалась бабушка по русски.

Ее понесли далѣе. Та-же исторія повторилась съ одной саксонской статуэткой, которую бабушка долго разсматривала и потомъ велѣла вынесть, неизвѣстно за что. Наконецъ, пристала къ оберъ-кельнеру: что стоили ковры въ спальнѣ, и гдѣ ихъ ткутъ? Оберъ-кельнеръ обѣщалъ справиться.

— Вотъ ослы-то! ворчала бабушка, и обратила все свое вниманіе на кровать.

— Этакой пышный балдахинъ! Разверните его.

Постель развернули.

— Еще, еще, все разверните. Снимите подушки, наволочки, подымите перину.

Все переверпули. Бабушка осмотрѣла внимательно.

— Хорошо, что у нихъ клоповъ нѣтъ. Все бѣлье долой! Постлать мое бѣлье и мои подушки. Однако, все это слишкомъ пышно, куда мнѣ, старухѣ, такую квартиру: одной скучно. Алексѣй Ивановичъ, ты бывай ко мнѣ чаще, когда дѣтей перестанешь учить.

— Я, со вчерашняго дня, не служу болѣе у генерала, отвѣтилъ я,—и живу въ отелѣ совершенно самъ по себѣ.

— Это почему такъ?

— На дняхъ пріѣхалъ сюда одинъ знатный нѣмецкій баронъ съ баронессой, супругой, изъ Берлина. Я вчера, на гуляньѣ, заговорилъ съ нимъ по нѣмецки, не придерживаясь берлинскаго произношенія.

— Ну, такъ что-же?

— Онъ счелъ это дерзостью и пожаловался генералу, а генералъ вчера-же уволилъ меня въ отставку.

— Да что-жь ты обругалъ, что-ли его, барона-то? (Хоть-бы и обругалъ, такъ ничего!)

— О, нѣтъ. Напротивъ, баронъ на меня палку поднялъ.

— И ты, слюняй, позволилъ такъ обращаться съ своимъ учителемъ, обратилась она вдругъ къ генералу,—да еще его съ мѣста прогналъ! Колпаки вы,—всѣ колпаки, какъ я вижу.

— Не безпокойтесь, тетушка, отвѣчалъ генералъ съ нѣкоторымъ высокомѣрно-фамильярнымъ оттѣнкомъ, —я самъ умѣю вести мои дѣла. Къ тому-же, Алексѣй Ивановичъ не совсѣмъ вамъ вѣрно передалъ.

— А ты такъ и снесъ? обратилась она ко мнѣ.

— Я хотѣлъ было на дуэль вызвать барона. — отвѣчалъ я какъ можно скромнѣе и спокойнѣе,— да генералъ воспротивился.

— Это зачѣмъ ты воспротивился? опять обратилась бабушка къ генералу. (А ты, батюшка, стунай, придешь, когда позовутъ, обратилась она тоже и къ обер-кельнеру:—нечего, разиня-то ротъ, стоять. Терпѣть не могу эту харю нюрнбергскую!) — Тотъ откланялся и вышелъ, конечно, не поняв комплимента бабушки.

— Помилуйте, тетушка, развѣ дуэли возможны? отвѣчалъ съ усмѣшкой генералъ.

— А почему невозможны? Мужчины всѣ нѣтухи; вотъ-бы и дрались. Колпаки вы всѣ, какъ я вижу, не умѣете отечества своего поддержать. Ну, подымите! Потапычъ, распорядись: чтобъ всегда были готовы два носильщика, найми и уговорись. Больше двухъ не надо. Носить приходится только по лѣстницамъ, а по гладкому, по улицѣ — катить, такъ и разскажи: да заплати еще имъ впередъ, почтительнѣе будутъ. Ты-же самъ будешь всегда при мнѣ, а ты, Алексѣй Ивановичъ, мнѣ этого барона покажи на гуляньѣ: какой

такой фонъ-баронъ, хоть-бы поглядѣть на него. Ну, гдѣ-же эта рулетка?

Я объяснилъ, что рулетки расположены въ вокзалѣ, въ залахъ. Затѣмъ послѣдовали вопросы: Много-ли ихъ? Много-ль играютъ? Цѣлый-ли день играютъ? Какъ устроены? Я отвѣчалъ, наконецъ, что всего лучше осмотрѣть это собственными глазами, а что такъ описывать довольно трудно.

— Ну, такъ и нести прямо туда! Иди впередъ, Алексѣй Ивановичъ!

— Какъ, неужели, тетушка, вы даже и не отдохнете съ дороги? заботливо спросилъ генералъ. Онъ немного какъ-бы засуетился, да и всѣ они какъ-то замѣшались и стали переглядываться. Вѣроятно, имъ было нѣсколько щекотливо, даже стыдно сопровождать бабушку прямо въ вокзалъ, гдѣ она, разумѣется, могла надѣлать какихъ нибудь эксцентричностей, но уже публично; между тѣмъ всѣ они сами вызвались сопровождать ее.

— А чего мнѣ отдыхать? Не устала: и безъ того пять дней сидѣла. А потомъ осмотримъ какіе тутъ ключи и воды цѣлебныя, и гдѣ они. А потомъ... какъ этотъ, — ты сказала, Прасковья, — пуантъ, что-ли?

— Пуантъ, бабушка.

— Ну пуантъ, такъ пуантъ. А еще что̀ здѣсь есть?

— Тутъ много предметовъ, бабушка, затруднилась было Полина.

— Ну, сама не знаешь! Марѳа, ты тоже со мной пойдешь, сказала она своей камеристкѣ.

— Но зачѣмъ-же ей-то, тетушка? захлопоталъ вдругъ генералъ, — и, наконецъ, это нельзя: и Потапыча врядъ-ли въ самый вокзалъ пустятъ.

— Ну, вздоръ! Что она слуга, такъ и бросить ее! Тоже вѣдь живой человѣкъ: вотъ ужь недѣлю по дорогамъ рыщемъ, тоже и ей посмотрѣть хочется. Съ кѣмъ-же ей, кромѣ меня? Одна-то и носъ на улицу показать не посмѣетъ.

— Но, бабушка...

— Да тебѣ стыдно, что-ли, со мной? Такъ оставайся дома, не спрашиваютъ. Вишь, какой генералъ: я и сама генеральша. Да и чего васъ такой хвостъ за мной, въ самомъ дѣлѣ, потащится? Я и съ Алексѣемъ Ивановичемъ все осмотрю...

Но Де-Грié рѣшительно настоялъ, чтобы всѣмъ сопутствовать, и пустился въ самыя любезныя фразы на счетъ удовольствія ее сопровождать, и прочее. Всѣ тронулись.

— Elle est tombée en enfance, повторялъ Де-Грié генералу, — seule, elle fera des bêtises... далѣе я не разслышалъ, но у него,

очевидно, были какія-то намѣренія, а, можетъ быть, даже возвратились и надежды.

До вокзала было съ полверсты. Путь нашъ шелъ по каштановой аллеѣ, до сквера, обойдя который вступили въ вокзалъ. Генералъ нѣсколько успокоился, потому что шествіе наше, хотя и было довольно эксцентрично, но гдѣ не менѣе было чинно и прилично. Да и ничего удивительнаго не было въ томъ фактѣ, что на водахъ явился больной и разслабленный человѣкъ, безъ ногъ. Но, очевидно, генералъ боялся вокзала: зачѣмъ больной человѣкъ безъ ногъ, да еще старушка, пойдетъ на рулетку? Полина и m-lle Blanche шли объ по сторонамъ, рядомъ съ катившимся кресломъ. M-lle Blanche смѣялась, была скромно весела и даже весьма любезно заигрывала иногда съ бабушкой, такъ что та ее, наконецъ, похвалила. Полина, съ другой стороны, обязана была отвѣчать на поминутные и безчисленные вопросы бабушки, въ родѣ того: «Кто это прошелъ? Какая это проѣхала? Великъ-ли городъ? Великъ-ли садъ? Это какія деревья? Это какія горы? Летаютъ-ли тутъ орлы? Какая это смѣшная крыша?» Мистеръ Астлей шелъ рядомъ со мной и шепнулъ мнѣ, что многаго скитаетъ въ это утро. Нстанычъ и Марѳа шли сзади, сейчасъ за креслами. Нстанычъ въ своемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, но въ картузѣ, а Марѳа,—сорокалѣтняя, румяная, но начинавшая уже сѣдѣть дѣвушка—въ чепчикѣ, въ ситцевомъ платьѣ и въ скрипучихъ козловыхъ башмакахъ. Бабушка весьма часто къ нимъ оборачивалась и съ ними заговаривала. Де-Гріе и генералъ немного отстали и говорили о чемъ-то съ величайшимъ жаромъ. Генералъ былъ очень унылъ, Де-Гріе говорилъ съ видомъ рѣшительнымъ. Можетъ быть, онъ генерала ободрялъ: очевидно, что-то совѣтовалъ. Но бабушка уже произнесла давеча роковую фразу: «денегъ я тебѣ не дамъ». Можетъ быть, для Де-Гріе это извѣстіе казалось невѣроятнымъ, но генералъ зналъ свою тетушку. Я замѣтилъ, что Де-Гріе и m-lle Blanche продолжали переминаться.—Князя и нѣмца-путешественника я разглядѣлъ въ самомъ концѣ аллеи; они отстали и куда-то ушли отъ насъ.

Въ вокзалъ мы прибыли съ тріумфомъ. Въ швейцарѣ и въ лакеяхъ обнаружилась та-же почтительность, какъ и въ прислугѣ отеля. Смотрѣли они, однако, съ любопытствомъ. Бабушка сначала велѣла обвести себя по всѣмъ заламъ, нное похвалила, къ другому осталась совершенно равнодушна: обо всемъ разспрашивала. Наконецъ, дошли и до игорныхъ залъ. Лакей, стоявшій у запертыхъ дверей часовымъ, какъ-бы пораженный, вдругъ отворилъ двери настежь.

Появленіе бабушки у рулетки произвело глубокое впечатлѣніе

на публику. За игорными рулеточными столами и на другомъ концѣ залы, гдѣ помѣщался столъ съ trente et quarante, толпилось, можетъ быть, полтораста или двѣсти игроковъ, въ нѣсколько рядовъ. Тѣ, которые успѣвали протѣсниться къ самому столу, по обыкновенію, стояли крѣпко и не упускали своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока не проигрывались: ибо такъ стоять простыми зрителями и даромъ занимать игорное мѣсто не позволено. Хотя кругомъ стола и уставлены стулья, но немногіе изъ игроковъ садятся, особенно при большомъ стеченіи публики,—потому что стоя можно установиться тѣснѣе, и, слѣдовательно, выгадать мѣсто, да и ловчѣе ставить. Второй и третій ряды тѣснились за первыми, ожидая и наблюдая свою очередь; но въ нетерпѣніи просовывали иногда чрезъ первый рядъ руку, чтобъ поставить свои куши. Даже изъ третьяго ряда изловчались такимъ образомъ просовывать ставки: отъ этого не проходило десяти, и даже пяти минутъ, чтобъ на какомъ-нибудь концѣ стола не начиналась исторія за спорныя ставки. Полиція вокзала, впрочемъ, довольно хороша. Тѣснота, конечно, избѣжать нельзя: напротивъ, напливу публики рады, потому что это выгодно: по восемь крупёровъ, сидящихъ кругомъ стола, смотрятъ во всѣ глаза за ставками: они-же и разсчитываются, а при возникающихъ спорахъ, они-же ихъ и разрѣшаютъ. Въ крайнихъ-же случаяхъ зовутъ полицію и дѣло кончается въ минуту. Полицейскіе помѣщаются тутъ-же въ залѣ, въ партикулярныхъ платьяхъ, между зрителями, такъ что ихъ и узнать нельзя. Они особенно смотрятъ за воришками и промышленниками, которыхъ на рулеткахъ особенно много, по необыкновенному удобству промысла. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ воровать приходится изъ кармановъ и изъ подъ замковъ,—а это, въ случаѣ неудачи, очень хлопотливо оканчивается. Тутъ-же, просто за просто, стоитъ только къ рулеткѣ подойти, начать играть и вдругъ, явно и гласно, взять чужой выигрышъ и положить въ свой карманъ. Если-же загнется споръ, то мошенникъ вслухъ и громко настаиваетъ, что ставка—его собственная. Если дѣло сдѣлано ловко и свидѣтели колеблются, то воръ очень часто успѣваетъ оттягать деньги себѣ, разумѣется, если сумма не очень значительна. Въ послѣднемъ случаѣ она навѣрное бываетъ замѣчена крупёрами, или кѣмъ-нибудь изъ другихъ игроковъ еще прежде. Но если сумма не такъ значительна, то настоящій хозяинъ даже иногда просто отказывается продолжать споръ, совѣстясь скандала, и отходитъ. Но, если успѣютъ вора изобличить, то тотчасъ-же выводятъ со скандаломъ.

На все это бабушка смотрѣла издали, съ дикимъ любопытствомъ. Ей очень понравилось, что воришекъ выводятъ. Trente et quarante

мало возбудило ея любопытство; ей больше понравилась рулетка и что катается шарикъ. Она пожелала, наконецъ, разглядѣть игру поближе. Не понимаю, какъ это случилось, но лакеи и нѣкоторые другіе суетящіеся агенты (преимущественно проигравшіеся полячки, навязывающіе свои услуги счастливымъ игрокамъ и всѣмъ иностранцамъ) тотчасъ нашли и очистили бабушкѣ мѣсто, не смотря на всю эту тѣсноту, у самой середины стола, подлѣ главнаго крупёра, и подкатили туда ея кресло. Множество посѣтителей, не играющихъ, но со стороны наблюдающихъ игру (преимущественно англичане съ ихъ семействами), тотчасъ-же затѣснились къ ихъ столу, что-бы изъ-за игроковъ поглядѣть на бабушку. Множество лорнетовъ обратилось въ ея сторону. У крупёровъ родились надежды: такой эксцентрическій игрокъ дѣйствительно какъ будто обѣщалъ что-нибудь необыкновенное. Семидесятилѣтняя-лѣтняя женщина, безъ ногъ, и желающая играть—конечно, былъ случай не обыденный. Я протѣснился тоже къ столу и устроился подлѣ бабушки. Потапычъ и Марѳа остались гдѣ-то далеко въ сторонѣ, между народомъ. Генералъ, Полина, Де-Гріе и m-lle Blanche тоже помѣстились, въ сторонѣ, между зрителями.

Бабушка сначала стала осматривать игроковъ. Она задавала мнѣ рѣзкіе, отрывистые вопросы полушепотомъ: кто это такой? Это кто такая? Ей особенно понравился въ концѣ стола одинъ очень молодой человѣкъ, игравшій въ очень большую игру, ставившій тысячами и награвшій, какъ шептали кругомъ, уже тысячъ до сорока франковъ, лежавшихъ передъ нимъ въ кучѣ, золотомъ и въ банковыхъ билетахъ. Онъ былъ блѣденъ; у него сверкали глаза и тряслись руки; онъ ставилъ уже безъ всякаго разсчета, сколько рука захватитъ, а между тѣмъ все выигрывалъ, да выигрывалъ, все загребалъ, да загребалъ. Лакеи суетились кругомъ него, подставляли ему сзади кресла, очищали вокругъ него мѣсто, чтобъ ему было просторнѣе, чтобъ его не тѣснили,—все это въ ожиданіи богатой благодарности. Иные игроки съ выигрыша даютъ имъ иногда не считая, а такъ, съ радости, тоже сколько рука изъ кармана захватитъ. Подлѣ молодаго человѣка уже устроился одинъ полячекъ, суетившійся изо всѣхъ силъ, и почтительно, но безпрерывно что-то шепталъ ему, вѣроятно, указывая, какъ ставить, совѣтуя и направляя игру,—разумѣется, тоже ожидая впослѣдствіи подачки! Но игрокъ почти и не смотрѣлъ на него, ставилъ зря и все загребалъ. Онъ видимо терялся.

Бабушка наблюдала его нѣсколько минутъ.

— Скажи ему, вдругъ засуетилась бабушка, толкая меня, — скажи ему, чтобъ бросилъ, чтобъ бралъ поскорѣе деньги и уходилъ.

Проиграетъ, сейчасъ все проиграетъ! захлопотала она, чуть не задыхаясь отъ волненія.—Гдѣ Потапычъ? Послать къ нему Потапыча. Да скажи-же, скажи-же, толкала она меня,—да гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, Потапычъ! Sortez! Sortez! начала было она сама кричать молодому человѣку. Я нагнулся къ ней и рѣшительно прошепталъ, что здѣсь такъ кричать нельзя; и даже разговаривать чуть-чуть громко не позволено, потому что это мѣшаетъ счету, и что насъ сейчасъ прогонятъ.

— Экая досада! Пропалъ человѣкъ! Значитъ самъ хочетъ... смотрѣть на него не могу, всю ворочаетъ. Экой олухъ! и бабушка поскорѣй оборотилась въ другую сторону.

Тамъ, налѣво, на другой половинѣ стола, между игроками, замѣтна была одна молодая дама и подлѣ нея какой-то карликъ. Кто былъ этотъ карликъ—не знаю: родственникъ-ли ея, или такъ она брала его для эффекта. Эту барыню я замѣчалъ и прежде; она являлась къ игорному столу каждый день, въ часъ пополудни, и уходила ровно въ два; каждый день играла по одному часу. Ее уже знали и тотчасъ-же подставляли ей кресла. Она вынимала изъ кармана нѣсколько золота, нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ и начинала ставить тихо, хладнокровно, съ разсчетомъ, отмѣчая на бумажкѣ карандашемъ цифры и стараясь отыскать систему, по которой въ данный моментъ группировались шансы. Ставила она значительными кушами. Выигрывала каждый день одну, двѣ, много три тысячи франковъ—не болѣе и, выигравъ, тотчасъ-же уходила. Бабушка долго ее разсматривала.

— Ну, эта не проиграетъ! Эта вотъ не проиграетъ! — Изъ какихъ! Не знаешь? Кто такая?

— Француженка, должно быть, изъ этакихъ, шепнулъ я.

— А, видна птица по полету. Видно, что ноготокъ востеръ. Растолкуй ты мнѣ теперь, что̀ каждый поворотъ значитъ и какъ надо ставить?

Я, по возможности, растолковалъ бабушкѣ, что̀ значатъ эти многочисленныя комбинаціи ставокъ, rouge et noir, pair et impair, manque et passe и, наконецъ, разные оттѣнки въ системѣ чиселъ. Бабушка слушала внимательно, запоминала, переспрашивала и заучивала. На каждую систему ставокъ можно было тотчасъ-же привести и примѣръ, такъ что многое заучивалось и запоминалось очень легко и скоро. Бабушка осталась весьма довольна.

— А что̀ такое zéro? Вотъ этотъ крупёръ, курчавый, главный-то, крикнулъ сейчасъ zéro? И почему онъ все загребъ, что ни было на столъ? Этакую кучу, все себѣ взялъ? Это что̀ такое?

— А zéro, бабушка, выгода банка. Если шарикъ упадетъ на

zéro, то все, что ни поставлено на столѣ, принадлежитъ банку безъ разсчета. Правда, дается еще ударъ на розыгрышъ, но зато банкъ ничего не платитъ.

— Вотъ-те на! А я ничего не получаю?

— Нѣтъ, бабушка, если вы предъ этимъ ставили на zéro, то когда выйдетъ zéro, вамъ платятъ въ тридцать пять разъ больше.

— Какъ, въ тридцать пять разъ, и часто выходитъ? Что-жъ, они, дураки, не ставятъ?

— Тридцать шесть шансовъ противъ, бабушка.

— Вотъ вздоръ! Потапычъ, Потапычъ! Постой, и со мной есть деньги,—вотъ! Она вынула изъ кармана тугo набитый кошелекъ, и взяла изъ него фридрихсдоръ.—На, поставь сейчасъ на zéro.

— Бабушка, zéro только что вышелъ, сказалъ я,—стало быть, теперь долго не выйдетъ. Вы много проставите: подождите хоть немного.

— Ну, врешь, ставь!

— Извольте, но онъ до вечера, можетъ быть, не выйдетъ. Вы до тысячи проставите, это случалось.

— Ну, вздоръ, вздоръ! Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Что? Проигралъ? Ставь еще!

Проиграли и второй фридрихсдоръ: поставили третій. Бабушка едва сидѣла на мѣстѣ, она такъ и впилась горящими глазами въ прыгающій по зазубринамъ вертящагося колеса шарикъ. Проиграли и третій. Бабушка изъ себя выходила, на мѣстѣ ей не сидѣлось, даже кулакомъ стукнула по столу, когда крупёръ провозгласилъ «trente six», вмѣсто ожидаемаго zéro.

— Экъ вѣдь его! сердилась бабушка,—да скоро-ли этотъ зеринка проклятый выйдетъ? Жива не хочу быть, а ужь доспѣю до zéro! Это тотъ проклятый курчавый крупёрнинка дѣлаетъ, у него никогда не выходитъ! Алексѣй Ивановичъ, ставь два золотыхъ за разъ! Это столько проставишь, что и выйдетъ zéro, такъ ничего не возьмешь.

— Бабушка!

— Ставь, ставь! Не твои.

Я поставилъ два фридрихсдора. Шарикъ долго леталъ по колесу, наконецъ, сталъ прыгать по зазубринамъ. Бабушка замерла и стиснула мою руку, и вдругъ хлопъ!

— Zéro, провозгласилъ крупёръ.

— Видишь, видишь! быстро обернулась ко мнѣ бабушка, вся сіяющая и довольная.—Я вѣдь сказала тебѣ! И надоумилъ меня самъ Господь поставить два золотыхъ! Ну, сколько-же я теперь получу? Что-жъ не выдаютъ. Потапычъ, Марфа, гдѣ-же они? Наши всѣ куда-же ушли? Потапычъ, Потапычъ!

— Бабушка, послѣ, шепталъ я.—Потанычъ у дверей, его сюда не пустятъ. Смотрите, бабушка, вамъ деньги выдаютъ, получайте! Бабушкѣ выкинули запечатанный въ синей бумажкѣ, тяжеловѣсный свертокъ съ пятидесятью фридрихсдорами и отсчитали, не запечатанныхъ еще двадцать фридрихсдоровъ. Все это я пригребъ къ бабушкѣ лопаткой.

— Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs! Rien ne va plus!—возгласилъ крупёръ, приглашая ставить и готовясь вертѣть рулетку.

— Господи! Опоздали! Сейчасъ завертятъ! Ставь, ставь! захлопотала бабушка,—да не мѣшкай, скорѣе,—выходила она изъ себя, толкая меня изъ всѣхъ силъ.

— Да куда ставить-то, бабушка?

— На zéro, на zéro! Опять на zéro! Ставь какъ можно больше! Сколько у насъ всего? Семьдесятъ фридрихсдоровъ? Нечего ихъ жалѣть, ставь по двадцати фридрихсдоровъ разомъ.

— Опомнитесь бабушка! Онъ иногда по двѣсти разъ не выходитъ! Увѣряю васъ, вы весь капиталъ проставите.

— Ну, врешь, врешь! Ставь! Вотъ языкъ-то звенитъ! Знаю, что дѣлаю,—даже затряслась въ изступленіи бабушка.

— По уставу, разомъ болѣе двѣнадцати фридрихсдоровъ на zéro ставить не позволено, бабушка.—ну, вотъ, я поставилъ.

— Какъ не позволено? Да ты не врешь-ли? Мусье! Мусье! затолкала она крупёра, сидѣвшаго тутъ-же подлѣ нея слѣва и приготовившагося вертѣть: combien zéro? Douze? Douze?

Я поскорѣе растолковалъ вопросъ по французски.

— Oui, madame, вѣжливо подтвердилъ крупёръ,—равно какъ всякая единичная ставка не должна превышать разомъ четырехъ тысячъ флориновъ, по уставу, прибавилъ онъ въ поясненіе.

— Ну, нечего дѣлать, ставь двѣнадцать.

— Le jeu est fait! крикнулъ крупёръ. Колесо завертѣлось и вышло тридцать. Проиграли!

— Еще! Еще! Еще! Ставь еще! кричала бабушка. Я уже не противорѣчилъ и, пожимая плечами, поставилъ еще двѣнадцать фридрихсдоровъ. Колесо вертѣлось долго. Бабушка просто дрожала, слѣдя за колесомъ. „Да неужто она и въ самомъ дѣлѣ думаетъ опять zéro выиграть?“ подумалъ я, смотря на нее съ удивленіемъ. Рѣшительное убѣжденіе въ выигрышѣ сіяло на лицѣ ея.—непремѣнное ожиданіе, что вотъ-вотъ сейчасъ крикнутъ: zéro. Шаринъ вскочилъ на клѣтку.

— Zéro!—крикнулъ крупёръ.

— Что!!! съ неистовымъ торжествомъ обратилась ко мнѣ бабушка.

Я самъ былъ игрокъ; я почувствовалъ это въ ту самую минуту. У меня руки — ноги дрожали, въ голову ударило. Конечно, это былъ рѣдкій случай, что на какихъ-нибудь десяти ударахъ три раза выскочилъ zéro; но особеннаго удивительнаго тутъ не было ничего. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ третьяго дня вышло три zéro *сряду* и при этомъ одинъ изъ игроковъ, ревностно отмѣчавшій на бумажкѣ удары, громко замѣтилъ, что не далѣе, какъ вчера, этотъ-же самый zéro упалъ въ цѣлыя сутки одинъ разъ.

Съ бабушкой, какъ съ выигравшей самый значительный выигрышъ, особенно внимательно и почтительно разсчитались. Ей приходилось получить ровно четыреста двадцать фридрихсдоровъ, то есть четыре тысячи флориновъ и двадцать фридрихсдоровъ. Двадцать фридрихсдоровъ ей выдали золотомъ; а четыре тысячи—банковыми билетами.

На этотъ разъ, бабушка уже не звала Потапыча; она была занята не тѣмъ. Она даже не толкалась и не дрожала снаружи. Она, если можно такъ выразиться, дрожала изнутри. Вся на чемъ-то сосредоточилась, такъ и прицѣлилась:

— Алексѣй Ивановичъ! Онъ сказалъ, за разъ можно только четыре тысячи флориновъ поставить? На, бери, ставь эти всѣ четыре на красную, рѣшила бабушка.

Было безполезно отговаривать. Колесо завертѣлось.

— Rouge! провозгласилъ крупёръ.

Опять выигрышъ въ четыре тысячи флориновъ, всего, стало быть, восемь.—Четыре сюда мнѣ давай, а четыре ставь опять на красную, командовала бабушка.

Я поставилъ опять четыре тысячи.

— Rouge! провозгласилъ снова крупёръ.

— И того двѣнадцать! Давай ихъ всѣ сюда. Золото сыпай сюда, въ кошелекъ, а билеты спрячь.

— Довольно! Домой! Откатите кресла!

ГЛАВА XI.

Кресла откатили къ дверямъ, на другой конецъ залы. Бабушка сіяла. Всѣ наши стѣснились тотчасъ-же кругомъ нея съ поздравленіями. Какъ ни эксцентрично было поведеніе бабушки, но ея тріумфъ покрывалъ многое и генералъ ужь не боялся скомпрометтировать себя въ публикѣ родственными отношеніями съ такой странной женщиной. Съ снисходительною и фамильярно-веселою

улыбкою, какъ-бы тѣша ребенка, поздравилъ онъ бабушку. Впрочемъ, онъ былъ видимо пораженъ, равно какъ и всѣ зрители. Кругомъ говорили и указывали на бабушку. Многіе проходили мимо нея, чтобы ближе ее разсмотрѣть. Мистеръ Астлей толковалъ о ней въ сторонѣ съ двумя своими знакомыми англичанами. Нѣсколько величавыхъ зрительницъ, дамъ, съ величавымъ недоумѣніемъ разсматривали ее, какъ какое-то чудо. Де-Гріе такъ и разсыпался въ поздравленіяхъ и улыбкахъ.

— Quelle victoire! говорилъ онъ.

— Mais, madame, c'était du feu! прибавила съ заигрывающей улыбкой m-lle Blanche.

— Да-съ, вотъ взяла, да и выиграла двѣнадцать тысячъ флориновъ? Какое двѣнадцать, а золото-то? Съ золотомъ почти что тринадцать выйдетъ. Это сколько по нашему? Тысячъ шесть, что-ли, будетъ?

Я доложилъ, что и за семь перевалило, а по теперешнему курсу, пожалуй, и до восьми дойдетъ.

— Шутка, восемь тысячъ! А вы-то сидите здѣсь, колпаки, ничего не дѣлаете! Потапычъ, Марѳа, видѣли?

— Матушка, да какъ это вы? Восемь тысячъ рублей, воскликала, извиваясь, Марѳа.

— На-те, вотъ вамъ отъ меня по пяти золотыхъ, вотъ!

Потапычъ и Марѳа бросились цѣловать ручки.

— И посильщикамъ дать по фридрихсдору. Дай имъ по золотому, Алексѣй Ивановичъ. Что это лакей кланяется, и другой тоже? Поздравляютъ? Дай имъ тоже по фридрихсдору.

— Madame la princesse... un pauvre expatrié... malheur continuel... les princes russes sont si généreux... увивалась около кресель одна личность, въ истасканномъ сортукѣ, пестромъ жилетѣ, въ усахъ, держа картузъ на отлетѣ и съ подобострастною улыбкой.

— Дай ему тоже фридрихсдоръ. Нѣтъ, дай два; ну, довольно, а то конца съ ними не будетъ. Подымите, везите. Прасковья, обратилась она къ Полинѣ Александровнѣ,—я тебѣ завтра на платье куплю, и той куплю m-lle... какъ ее, m-lle Blanche, что-ли, ей тоже на платье куплю. Переведи ей, Прасковья!

— Merci, madame, умильно присѣла m-lle Blanche, искрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, которою обмѣнялась съ Де-Гріе и генераломъ. Генералъ отчасти конфузился и ужасно былъ радъ когда мы добрались до аллеи.

— Ѳедосья, Ѳедосья-то, думаю, какъ удивится теперь, говорила бабушка, вспоминая о знакомой генеральской нянюшкѣ.—И ей нужно на платье подарить. Эй, Алексѣй Ивановичъ. Алексѣй Ивановичъ, подай этому нищему.

По дорогѣ проходилъ какой-то оборванецъ, съ скрюченною спиной, и глядѣлъ на насъ.

— Да это, можетъ быть, и не нищій, а какой-нибудь процалыга, бабушка.

— Дай! Дай! Дай ему гульденъ!

Я подошелъ и подалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ дикимъ недоумѣніемъ, однако, молча взялъ гульденъ. Отъ него нахло виномъ.

— А ты, Алексѣй Ивановичъ, не пробовалъ еще счастія?

— Нѣтъ, бабушка.

— А у самого глаза горѣли, я видѣла.

— Я еще попробую, бабушка, непремѣнно, потомъ.

— И прямо ставь на зе́го! Вотъ увидишь! Сколько у тебя капиталу?

— Всего только двадцать фридрихсдоровъ, бабушка.

— Немного. Пятьдесятъ фридрихсдоровъ я тебѣ дамъ взаймы, если хочешь. Вотъ этотъ самый свертокъ и бери, а ты, батюшка, вотъ-таки не жди, тебѣ не дамъ! вдругъ обратилась она къ генералу.

Того точно передернуло, но онъ промолчалъ. Де-Гріе нахмурился.

— Que diable, c'est une terrible vieille! прошепталъ онъ сквозь зубы генералу.

— Нищій, нищій, опять нищій! закричала бабушка.—Алексѣй Ивановичъ, дай и этому гульденъ.

На этотъ разъ, повстрѣчался съ нами старикъ, съ деревянной ногой, въ какомъ-то синемъ, длинноломъ сюртукѣ и съ длинною тростью въ рукахъ. Онъ похожъ былъ на стараго солдата. Но когда я протянулъ ему гульденъ, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и грозно осмотрѣлъ меня.

— Was ist's der Teufel! крикнулъ онъ, прибавивъ къ этому еще съ десятокъ ругательствъ.

— Ну, дуракъ, крикнула бабушка, махнувъ рукой.—Везите дальше! Проголодалась! Теперь сейчасъ обѣдать, потомъ немного поваляюсь и опять туда.

— Вы опять хотите играть, бабушка? крикнулъ я.

— Какъ-бы ты думалъ? Что вы-то здѣсь сидите, да кушаете, такъ и мнѣ на васъ смотрѣть?

— Mais madame, приблизился Де-Гріе, — les chances peuvent tourner, une seule mauvaise chance et vous perdrez tout... surtout avec votre jeu... c'etait terrible!

— Vous perdrez absolument, защебетала m-lle Blanche.

— Да вамъ-то вѣдь какое дѣло? Не ваши проиграю.—свои! А гдѣ этотъ мистеръ Астлей? спросила она меня.

— Въ вокзалѣ остался, бабушка.

— Жаль; вотъ этотъ такъ хорошій человѣкъ.

Прибывъ домой, бабушка еще на лѣстницѣ, встрѣтивъ оберъ-кельнера, подозвала его и похвасталась своимъ выигрышемъ: затѣмъ позвала Ѳедосью, подарила ей три фридрихсдора и велѣла подавать обѣдать. Ѳедосья и Марѳа такъ и разсыпались предъ нею за обѣдомъ.

— Смотрю я на васъ, матушка, трещала Марѳа,—и говорю Потапычу, что это наша матушка хочетъ дѣлать. А на столѣ денегъ-то, денегъ-то, батюшки! Всю-то жизнь столько денегъ не видывала, а все кругомъ господа, все одни господа сидятъ. И откуда, говорю, Потапычъ, это все такіе здѣсь господа? Думаю, помоги ей сама мати Божія. Молюсь я за васъ, матушка, а сердце вотъ такъ и замираетъ, такъ и замираетъ, дрожу, вся дрожу. Дай ей, Господи, думаю, а тутъ вотъ вамъ Господь и послалъ. До сихъ поръ, матушка, такъ и дрожу, такъ вотъ вся и дрожу.

— Алексѣй Ивановичъ, послѣ обѣда, часа въ четыре, готовься, пойдемъ. А теперь, покамѣстъ, прощай, да докторишку мнѣ какого-нибудь позвать не забудь, тоже и водицы пить надо. А то и позабудешь, пожалуй.

Я вышелъ отъ бабушки, какъ одурманенный. Я старался себѣ представить, что теперь будетъ со всѣми нашими и какой оборотъ примутъ дѣла? Я видѣлъ ясно, что они (генералъ преимущественно) еще не успѣли придти въ себя, даже и отъ перваго впечатлѣнія. Фактъ появленія бабушки, вмѣсто ожидаемой съ часу на часъ телеграммы объ ея смерти (а, стало быть, и о наслѣдствѣ) до того раздробилъ всю систему ихъ намѣреній и принятыхъ рѣшеній, что они съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ и съ какимъ-то нашедшимъ на всѣхъ столбнякомъ относились къ дальнѣйшимъ подвигамъ бабушки на рулеткѣ. А между тѣмъ, этотъ второй фактъ былъ чуть-ли не важнѣе перваго, потому что, хоть бабушка и повторила два раза, что денегъ генералу не дастъ, но вѣдь кто знаетъ.—Все-таки не должно было еще терять надежды. Не терялъ-же ее де-Гріе, замѣшанный во всѣ дѣла генерала. Я увѣренъ, что и m-lle Blanche, тоже весьма замѣшанная (еще-бы: генеральша и значительное наслѣдство!)—не потеряла-бы надежды и употребила-бы всѣ обольщенія кокетства надъ бабушкой, — въ контрастъ съ неопредѣленною и неумѣющею приласкаться, гордячкой Полиной. Но теперь, теперь когда бабушка совершила такіе подвиги на рулеткѣ, теперь, когда личность бабушки отпечаталась передъ ними такъ ясно и типически —(строптивая, властолюбивая старуха et tombée en enfance)— теперь, пожалуй, и все погибло: — вѣдь она какъ ребенокъ рада,

что дорвалась и, какъ водится, проиграется въ пухъ. Боже, подумалъ я, (и прости меня, Господи, съ самымъ злораднымъ смѣхомъ)— Боже, да вѣдь каждый фридрихсдоръ, поставленный бабушкою давеча, ложился болячкою на сердце генерала, бѣсилъ де-Гріе и доводилъ до изступленія m-lle de Cominges, у которой мимо рта проносили ложку. Вотъ и еще фактъ: даже съ выигрыша, съ радости, когда бабушка раздавала всѣмъ деньги и каждаго прохожаго принимала за нищаго, даже и тутъ у ней вырвалось къ генералу: «а тебѣ-то все-таки не дамъ!» Это значитъ: сѣла на этой мысли, уперлась, слово такое себѣ дала;—опасно! опасно!

Всѣ эти соображенія ходили въ моей головѣ, въ то время, какъ я поднимался отъ бабушки по парадной лѣстницѣ, въ самый верхній этажъ, въ свою каморку. Все это занимало меня сильно; хотя, конечно, я и прежде могъ предугадывать главныя толстѣйшія нити, связывавшія предо мною актеровъ, но все-таки окончательно не зналъ всѣхъ средствъ и тайнъ этой игры. Полина никогда не была со мною вполнѣ довѣрчива. Хоть и случалось, правда, что она открывала мнѣ подъ часъ, какъ-бы невольно, свое сердце, но я замѣтилъ, что часто, да почти и всегда, послѣ этихъ открытій, или въ смѣхъ обратитъ все сказанное, или запутаетъ и съ намѣреніемъ придастъ всему ложный видъ. О, она многое скрывала! Во всякомъ случаѣ, я предчувствовалъ, что подходитъ финалъ всего этого таинственнаго и напряженнаго состоянія. Еще одинъ ударъ —и все будетъ кончено и обнаружено. О своей участи, тоже во всемъ этомъ заинтересованный, — я почти не заботился. Странное у меня настроеніе: въ карманѣ всего двадцать фридрихсдоровъ; я далеко на чужой сторонѣ, безъ мѣста и безъ средствъ къ существованію, безъ надежды, безъ разсчетовъ и —не забочусь объ этомъ! Если-бы не дума о Полинѣ, то я просто весь отдался-бы одному комическому интересу предстоящей развязки и хохоталъ-бы во все горло. Но Полина смущаетъ меня: участь ея рѣшается, это я предчувствовалъ, но, каюсь, совсѣмъ не участь ея меня безпокоитъ. Мнѣ хочется проникнуть въ ея тайны: мнѣ хотѣлось-бы, чтобы она пришла ко мнѣ и сказала: «вѣдь я люблю тебя», а если нѣтъ, если это безумство немыслимо, то тогда... ну, да чего пожелать? Развѣ я знаю, чего желаю? Я самъ, какъ потерянный: мнѣ только-бы быть при ней, въ ея ореолѣ, въ ея сіяніи, на вѣчно, всегда, всю жизнь. Дальше я ничего не знаю! И развѣ я могу уйдти отъ нея?

Въ третьемъ этажѣ, въ ихъ коридорѣ, меня что-то какъ толкнуло. Я обернулся и, въ двадцати шагахъ или болѣе, увидѣлъ выходящую изъ двери Полину. Она точно выискивала и высматривала меня и тотчасъ-же къ себѣ поманила.

— Полина Александровна...

— Тише! заговорила она.

— Представьте себѣ, зашепталъ я: — меня сейчасъ точно что толкнуло въ бокъ; оглядываюсь—вы! Точно электричество исходитъ изъ васъ какое-то!

— Возьмите это письмо, заботливо и нахмуренно произнесла Полина, навѣрное не разслышавъ того, что я сказалъ, — и передайте лично мистеру Астлею, сейчасъ. Поскорѣе, прошу васъ. Отвѣта не надо. Онъ самъ...

Она не договорила.—Мистеру Астлею? переспросилъ я въ удивленіи.

Но Полина уже скрылась въ дверь.

— Ага, такъ у нихъ перешска! — Я, разумѣется, побѣжалъ тотчасъ-же отыскивать мистера Астлея, сперва въ его отель, гдѣ его не засталъ, потомъ въ вокзалъ, гдѣ обѣгалъ всѣ залы, и, наконецъ, въ досадѣ, чуть не въ отчаяніи, возвращаясь домой, встрѣтилъ его случайно, въ кавалькадѣ какихъ-то англичанъ и англичанокъ, верхомъ. Я поманилъ его, остановилъ и передалъ ему письмо. Мы не успѣли и переглянуться. Но я подозрѣваю, что мистеръ Астлей нарочно поскорѣе пустилъ лошадь.

Мучила-ли меня ревность? Но я былъ въ самомъ разбитомъ состояніи духа. Я и удостовѣриться не хотѣлъ, о чемъ они переписываются. Итакъ, отъ нея повѣренный! «Другъ-то другъ», думалъ я, и это ясно (и когда онъ успѣлъ сдѣлаться)—но есть-ли тутъ любовь? Конечно, нѣтъ, — шепталъ мнѣ разсудокъ. Но вѣдь одного разсудка въ этакихъ случаяхъ мало. Во всякомъ случаѣ предстояло и это разъяснить. Дѣло непріятно усложнялось.

Не успѣлъ я войдти въ отель, какъ швейцаръ и выпедшій изъ своей комнаты оберъ-кельнеръ сообщили мнѣ, что меня требуютъ, ищутъ, три раза посылали навѣдываться: гдѣ я? — просятъ какъ можно скорѣе въ номеръ къ генералу. Я былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. У генерала въ кабинетѣ я нашелъ, кромѣ самого генерала, Де-Гріе и m-lle Blanche, одну, безъ матери. Мать была рѣшительно подставная особа, употреблявшаяся только для парада: но когда доходило до настоящаго *дѣла*, то m-lle Blanche орудовала одна. Да и врядъ-ли та что нибудь знала про дѣла своей названной дочки.

Они, впрочемъ, о чемъ-то горячо совѣщались и даже дверь кабинета была заперта, — чего никогда не бывало. Подходя къ дверямъ, я разслышалъ громкіе голоса,—,дерзкій и язвительный разговоръ Де-Гріе, нахально-ругательный и бѣшеный крикъ Blanche и жалкій голосъ генерала, очевидно, въ чемъ-то оправдывавшагося.

При появленіи моемъ всѣ они какъ-бы поприутерялись и подравнялись. Де-Гріе поправилъ волосы и изъ сердитаго лица сдѣлалъ улыбающееся — тою скверною, офиціально-учтивою, французскою улыбкою, которую я такъ ненавижу. Убитый и потерявшійся генералъ пріосанился, но какъ-то машинально. Она только m-lle Blanche почти не измѣнила своей сверкающей гнѣвомъ физіономіи, и только замолкла, устремивъ на меня взоръ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Замѣчу, что она до невѣроятности небрежно досель со мною обходилась, даже не отвѣчала на мои поклоны, — просто не примѣчала меня.

— Алексѣй Ивановичъ, началъ нѣжно распѣвающимъ тономъ генералъ,—позвольте вамъ объявить, что странно, въ высочайшей степени странно... однимъ словомъ, ваши поступки относительно меня и моего семейства... однимъ словомъ, въ высочайшей степени странно...

— Eh! ce n'est pas ça, съ досадой и презрѣніемъ перебилъ Де-Гріе. (Рѣшительно, онъ всѣмъ заправляль!). Mon cher monsieur, notre cher général se trompe, — видая въ такой тонъ (продолжаю его рѣчь по русски), но онъ хотѣлъ вамъ сказать... то есть васъ предупредить, или, лучше сказать, просить васъ убѣдительнѣйше, чтобы вы не губили его, — ну да, не губили! Я употребляю именно это выраженіе...

— Но чѣмъ-же, чѣмъ-же! прервалъ я.

— Помилуйте, вы беретесь быть руководителемъ (или какъ это сказать?) — этой старухи, cette pauvre terrible vieille — сбивался самъ Де-Гріе, — но вѣдь она проиграется: она проиграется вся въ пухъ! Вы сами видѣли, вы были свидѣтелемъ, какъ она играетъ! Если она начнетъ проигрывать, то она ужь и не отойдетъ отъ стола, изъ упрямства, изъ злости, и все будетъ играть, все будетъ играть, а въ такихъ случаяхъ никогда не отыгрываются, и тогда... тогда...

— И тогда, подхватилъ генералъ, — тогда вы погубите все семейство! Я и мое семейство, мы — ея наслѣдники, у нея нѣтъ болѣе близкой родни. Я вамъ откровенно скажу: дѣла мои разстроены, крайне разстроены. Вы сами отчасти знаете... Если она проиграетъ значительную сумму или даже, пожалуй, все состояніе (о, Боже!), что тогда будетъ съ ними, съ моими дѣтьми! (Генералъ оглянулся на Де-Гріе). — Со мною! (Онъ поглядѣлъ на m-lle Blanche, съ презрѣніемъ отъ него отвернувшуюся). Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите насъ!..

— Да чѣмъ-же, генералъ, скажите, чѣмъ я могу... Что я-то тутъ значу?

— Откажитесь, откажитесь, бросьте ее!..

— Такъ другой найдется! вскричалъ я.

— Ce n'est pas ça, ce n'est pas ça, перебилъ опять Де-Гріе.— que diable! Нѣтъ, не покидайте, но, по крайней мѣрѣ, усовѣстите. уговорите, отвлеките... Ну, наконецъ, не дайте ей проиграть слишкомъ много, отвлеките ее какъ нибудь.

— Да какъ я это сдѣлаю? Если-бы вы сами взялись за это, m-r Де-Гріе, прибавилъ я, какъ можно напвнѣе.

Тутъ я замѣтилъ быстрый, огненный, вопросительный взглядъ m-lle Blanche на Де-Гріе. Въ лицѣ самого Де-Гріе мелькнуло что-то особенное, что-то откровенное, отъ чего онъ не могъ удержаться.

— То-то и есть, что она меня не возьметъ теперь! вскричалъ, махнувъ рукой, Де-Гріе.—Если-бъ... потомъ...

Де-Гріе быстро и значительно поглядѣлъ на m-lle Blanche.

— O, mon cher m-r Alexis, soyez si bon — шагнула ко мнѣ, съ обворожительною улыбкою *сама* m-lle Blanche, схватила меня за обѣ руки и крѣпко сжала. Чортъ возьми! Это дьявольское лицо умѣло въ одну секунду мѣняться. Въ это мгновеніе у ней явилось такое просящее лицо, такое милое, дѣтски улыбающееся и даже шаловливое; подъ конецъ фразы она плутовски мнѣ подмигнула, тихонько отъ всѣхъ: срѣзать разомъ, что-ли, меня хотѣла? И не дурно вышло,—только ужь грубо было это, однако, ужасно.

Подскочилъ за ней и генералъ,—именно подскочилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, простите, что я давеча такъ съ вами началъ, я не то совсѣмъ хотѣлъ сказать... Я васъ прошу, умоляю, въ поясъ вамъ кланяюсь, по русски,—вы одинъ, одинъ можете насъ спасти! Я и m-lle de Cominges васъ умоляемъ,—вы понимаете, вѣдь вы понимаете? умолялъ онъ, показывая мнѣ глазами на m-lle Blanche. Онъ былъ очень жалокъ.

Въ эту минуту раздались три тихіе и почтительные удара въ дверь отворили,—стучалъ коридорный слуга, а за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоялъ Потапычъ. Посланъ былъ отъ бабушки. Требовалось сыскать и доставить меня немедленно; — сердится — сообщилъ Потапычъ.

— Но вѣдь еще только половина четвертаго!

— Онѣ и заснуть не могли, все ворочались, потомъ вдругъ встали, кресла потребовали, и за вами. Ужь онѣ теперь на крыльцѣ-съ...

— Quelle mégère! крикнулъ Де-Гріе.

Дѣйствительно, я нашелъ бабушку уже на крыльцѣ, выходящую изъ терпѣнія, что меня нѣтъ. До четырехъ часовъ она не выдержала.

— Ну, подымайте! крикнула она, и мы отправились опять на рулетку.

ГЛАВА XII.

Бабушка была въ нетерпѣливомъ и раздражительномъ состояніи духа: видно было, что рулетка у ней крѣпко засѣла въ головѣ. Ко всему остальному она была невнимательна и вообще крайне разсѣянна. Ни про что, напримѣръ, по дорогѣ не разспрашивала, какъ давеча. Увидя одну богатѣйшую коляску, промчавшуюся мимо насъ вихремъ, она было подняла руку и спросила: Что такое? Чья?—но, кажется, и не разслышала моего отвѣта: задумчивость ея безпрерывно прерывалась рѣзкими и нетерпѣливыми тѣлодвиженіями и выходками. Когда я ей показалъ издали, уже подходя къ вокзалу, барона и баронессу Вурмергельмъ, она разсѣянно посмотрѣла и совершенно равнодушно сказала: «А!» и, быстро обернувшись къ Потанычу и Марѳѣ, шагавшимъ сзади, отрѣзала имъ:

— Ну, вы зачѣмъ увязались? Не каждый разъ брать васъ! Ступайте домой! Мнѣ и тебя довольно,—прибавила она мнѣ,—когда тѣ торопливо поклонились и воротились домой.

Въ вокзалѣ бабушку уже ждали. Тотчасъ-же отгородили ей тоже самое мѣсто, возлѣ крупёра. Мнѣ кажется, эти крупёры, всегда такіе чинные и представляющіе изъ себя обыкновенныхъ чиновниковъ, которымъ почти рѣшительно все равно: выиграетъ-ли банкъ или проиграетъ,—вовсе не равнодушны къ проигрышу банка и, ужь конечно, снабжены кой-какими инструкціями для привлеченія игроковъ и для вящшаго наблюденія казеннаго интереса,—за что непремѣнно и сами получаютъ призы и преміи. Но крайней мѣрѣ, на бабушку смотрѣли ужь какъ на жертвочку. Затѣмъ, что у насъ предполагали, то и случилось.

Вотъ какъ было дѣло:

Бабушка прямо накинулась на zéro и тотчасъ-же велѣла ставить по двѣнадцати фридрихсдоровъ. Поставили разъ, второй, третій—zéro не выходило.—Ставь, ставь! толкала меня бабушка въ нетерпѣніи. Я слушался.

— Сколько разъ проставили? спросила она наконецъ, скрежеща зубами отъ нетерпѣнія.

— Да уже двѣнадцатый разъ ставимъ, бабушка. Сто сорокъ четыре фридрихсдора проставили. Я вамъ говорю, бабушка, до вечера, пожалуй...

— Молчи! перебила бабушка.—Поставь на zéro и поставь сейчасъ на красную тысячу гульденовъ. На, вотъ билетъ.

Красная вышла, а zéro опять лопнулъ, воротили тысячу гульденовъ.

— Видишь, видишь! шептала бабушка,—почти все, что проставили, воротили. Ставь опять на zéro; еще разъ десять поставимъ и бросимъ.

Но на пятомъ разѣ бабушка совсѣмъ соскучилась.

— Брось этотъ накостный зернико къ чорту. На, ставь всѣ четыре тысячи гульденовъ на красную, приказала она.

— Бабушка! Много будетъ; ну какъ не выйдетъ красная, умолялъ я; но бабушка чуть меня не прибила. (А, впрочемъ, она такъ толкалась, что почти, можно сказать, и дралась). Нечего было дѣлать, я поставилъ на красную всѣ четыре тысячи гульденовъ, выигранные давеча. Колесо завертѣлось. Бабушка сидѣла спокойно и гордо выпрямившись, не сомнѣваясь въ непремѣнномъ выигрышѣ.

— Zéro, возгласилъ крупёръ.

Сначала бабушка не поняла, но когда увидѣла, что крупёръ загребъ ея четыре тысячи гульденовъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что стояло на столѣ, и узнала, что zéro, который такъ долго не выходилъ и на которомъ мы проставили почти двѣсти фридрихсдоровъ, выскочилъ, какъ нарочно, тогда, когда бабушка только что его обругала и бросила, то ахнула и на всю залу сплеснула руками. Кругомъ даже засмѣялись.

— Батюшки! Онъ тутъ-то проклятый и выскочилъ! вопила бабушка,—вѣдь этакой, этакой окаянный! Это ты! Это все ты! свирѣпо накинулась она на меня, толкаясь.—Это ты меня отговорилъ.

— Бабушка, я вамъ дѣло говорилъ, какъ могу отвѣчать я за всѣ шансы?

— Я-те дамъ шансы! шептала она грозно.—поцелуй вонъ отъ меня.

— Прощайте, бабушка, повернулся я уходить.

— Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, останься! Куда ты? Ну, чего, чего? Ишь разсердился! Дуракъ! Ну, побудь, побудь еще, ну, не сердись, я сама дура! Ну, скажи, ну, что теперь дѣлать!

— Я, бабушка, не возьмусь вамъ подсказывать, потому что вы меня-же будете обвинять. Играйте сами: приказывайте, я ставить буду.

— Ну, ну! Ну, ставь еще четыре тысячи гульденовъ на красную! Вотъ бумажникъ, бери. Она вынула изъ кармана и подала мнѣ бумажникъ.—Ну, бери скорѣй, тутъ двадцать тысячъ рублей чистыми деньгами.

— Бабушка, пролепеталъ я,—такіе куши...

— Ѣхать не хочу быть—отыграюсь. Ставь!—Поставили и проиграли.

— Ставь, ставь, всѣ восемь ставь!

— Нельзя, бабушка, самый большой кушъ четыре!..

— Ну, ставь четыре!

На этотъ разъ выиграли. Бабушка ободрилась.—Видишь—видишь! затолкала она меня,—ставь опять четыре!

Поставили—проиграли; потомъ еще и еще проиграли.

— Бабушка, всѣ двѣнадцать тысячъ ушли, доложилъ я.

— Вижу, что всѣ ушли, проговорила она въ какомъ-то спокойствіи бѣшенства, если такъ можно выразиться: — вижу, батюшка, вижу, — бормотала она, смотря предъ собою неподвижно, и какъ будто раздумывая: —эхъ! Ѣхать не хочу быть, ставь еще четыре тысячи гульденовъ.

— Да денегъ нѣтъ, бабушка: тутъ въ бумажникѣ наши пятипроцентные и еще какіе-то переводы есть, а денегъ нѣтъ.

— А въ кошелькѣ?

— Мелочь осталась, бабушка.

— Есть здѣсь мѣняльныя лавки? Мнѣ сказали, что всѣ наши бумаги размѣнять можно, рѣшительно спросила бабушка.

— О, сколько угодно! Но что вы потеряете за промѣнъ, такъ... самъ жидъ ужаснется!

— Вздоръ! Отыграюсь! Вези. Позвать этихъ болвановъ!

Я откатилъ кресла, явились посыльщики, и мы покатили изъ вокзала.—Скорѣй, скорѣй, скорѣй! командовала бабушка.— Показывай дорогу, Алексѣй Ивановичъ, да поближе возьми... а далеко?

— Два шага, бабушка.

Но на поворотѣ изъ сквера въ аллею встрѣтилась намъ вся наша компанія: генералъ, Де-Гріе и m-lle Blanche съ маменькой. Полины Александровны съ ними не было, мистера Астлея тоже.

— Ну, ну, ну! Не останавливаться!—кричала бабушка,—ну, чего вамъ такое? Некогда съ вами тутъ!

Я шелъ сзади; Де-Гріе подскочилъ ко мнѣ.

— Все давнишнее проиграла и двѣнадцать тысячъ гульденовъ своихъ просадила. Будемъ пятипроцентные мѣнять, —шепнулъ я ему на-скоро.

Де-Гріе тонулъ ногою и бросился сообщить генералу. Мы продолжали катить бабушку.

— Остановите, остановите! зашепталъ мнѣ генералъ въ изступленіи.

— А вотъ попробуйте-ка ее остановить,—шепнулъ я ему.

— Тетушка! приблизился генералъ,—тетушка... мы сейчасъ...

мы сейчасъ...— голосъ у него дрожалъ и падалъ,— наймаемъ лошадей и ѣдемъ за городъ... Восхитительнѣйшій видъ... пуантъ... мы шли васъ приглашать?

— И, ну тебя и съ пуантомъ! раздражительно отмахнулась отъ него бабушка.

— Тамъ деревня... тамъ будемъ чай пить... продолжалъ генералъ, уже съ полнымъ отчаяніемъ.

— Nous boirons du lait, sur l'herbe fraîche, прибавилъ Де-Гріе съ звѣрской злобой.

Du lait, de l'herbe fraîche,—это все, что есть идеально идиллическаго у парижскаго буржуа; въ этомъ, какъ извѣстно, весь взглядъ его на «nature et la vérité!»

— И, ну тебя съ молокомъ! Хлещи самъ, а у меня отъ него брюхо болитъ. Да и чего вы пристали?! закричала бабушка, — говорю некогда!

— Пріѣхали, бабушка! закричалъ я,—здѣсь!

Мы подкатили къ дому, гдѣ была контора банкира. Я пошелъ мѣнять; бабушка осталась ждать у подъѣзда; Де-Гріе, генералъ и Blanche стояли въ сторонѣ, не зная, что имъ дѣлать. Бабушка гнѣвно на нихъ посмотрѣла и они ушли по дорогѣ къ вокзалу.

Мнѣ предложили такой ужасный разсчетъ, что я не рѣшился, и воротился къ бабушкѣ просить инструкцій.

— Ахъ, разбойники! закричала она, всплеснувъ руками.— Ну! Ничего!—Мѣняй! крикнула она рѣшительно:—стой, позови ко мнѣ банкира!

— Развѣ кого-нибудь изъ конторщиковъ, бабушка?

— Ну конторщика, все равно. Ахъ, разбойники!

Конторщикъ согласился выйдти, узнавъ, что его проситъ къ себѣ старая, разслабленная графиня, которая не можетъ ходить. Бабушка долго, гнѣвно и громко упрекала его въ мошенничествѣ и торговалась съ нимъ, смѣсью русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, причемъ я помогалъ переводу. Серьезный конторщикъ посматривалъ на насъ обоихъ и, молча, мотала головой. Бабушку осматривалъ онъ даже съ слишкомъ пристальнымъ любопытствомъ, — что уже было невѣжливо: наконецъ, онъ сталъ улыбаться.

— Ну, убирайся! крикнула бабушка.— Подавись моими деньгами! Размѣняй у него, Алексѣй Ивановичъ, некогда, а то-бы къ другому поѣхать...

— Конторщикъ говоритъ, что у другихъ еще меньше дадутъ.

Навѣрное не помню тогдашняго разсчета, но онъ былъ ужасенъ. Я намѣнялъ до двѣнадцати тысячъ флориновъ золотомъ и билетами, взялъ разсчетъ и вынесъ бабушкѣ.

— Ну! Ну! Ну! Нечего считать! замахала она руками, — скорѣй, скорѣй, скорѣй!

— Никогда на этотъ проклятый zéro не буду ставить и на красную тоже, промолвила она, подъѣзжая къ вокзалу.

На этотъ разъ, я всѣми силами старался внушать ей ставить какъ можно меньше, убѣждая ее, что при оборотѣ шансовъ всегда будетъ время поставить и большой кушъ. Но она была такъ нетерпѣлива, что хоть и соглашалась сначала, но возможности не было сдержать ее во время игры. Чуть только она начинала выигрывать ставки въ десять, въ двадцать фридрихсдоровъ. — Ну, вотъ! Ну, вотъ! —начинала она толкать меня, — ну, вотъ выиграли-же:—стояло-бы четыре тысячи вмѣсто десяти, мы-бы четыре тысячи выиграли, а то что теперь? Это все ты, все ты!

И какъ ни брала меня досада, глядя на ея игру, а я, наконецъ, рѣшился молчать и не совѣтовать больше ничего.

Вдругъ подскочилъ Де-Гріе. Они всѣ трое были возлѣ; я замѣтилъ, что m-lle Blanche стояла съ маменькой въ сторонѣ и любезничала съ княземъ. Генералъ былъ въ явной немилости, почти въ загонѣ. Blanche даже и смотрѣть на него не хотѣла, хоть онъ и юлилъ подлѣ нея всѣми силами. Бѣдный генералъ! Онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, трепеталъ и даже ужь не слѣдилъ за игрою бабушки. Blanche и князекъ, наконецъ, вышли; генералъ побѣжалъ за ними.

– Madame, madame, медовымъ голосомъ шепталъ бабушкѣ Де-Гріе, протѣснившись къ самому ея уху.—Madame, этакъ ставка пойдетъ... нѣтъ, нѣтъ, не можно... коверкалъ онъ по русски, — нѣтъ!

— А какъ-же? Ну, научи! обратилась къ нему бабушка. Де-Гріе вдругъ быстро заболталъ по французски, началъ совѣтовать, суетился, говорилъ, что надо ждать шансу, сталъ разсчитывать какія-то цифры... бабушка ничего не понимала. Онъ безпрерывно обращался ко мнѣ, чтобъ я переводилъ: тыкалъ пальцемъ въ столъ, указывалъ: наконецъ, схватилъ карандашъ и началъ было выписывать на бумажкѣ. Бабушка потеряла, наконецъ, терпѣніе.

— Ну, пошелъ, пошелъ! Все вздоръ мелетъ! «Madame, madame»—а самъ и дѣла-то не понимаетъ; пошелъ!

— Mais madame, защебеталъ Де-Гріе, и снова началъ толковать и показывать. Очень ужь его разбирало.

— Ну, поставь разъ, какъ онъ говоритъ, приказала мнѣ бабушка,—посмотримъ: можетъ, и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ.

Де-Гріе хотѣлъ только отвлечь ее отъ большихъ кушей: онъ предлагалъ ставить на числа, по одиночкѣ и въ совокупности. Я поставилъ, по его указанію, по фридрихсдору на рядъ нечетныхъ

чисель въ первыхъ двѣнадцати и по пяти фридрихсдоровъ на группы чисель отъ двѣнадцати до восемнадцати и отъ восемнадцати до двадцати четырехъ: всего поставили шестнадцать фридрихсдоровъ.

Колесо завертѣлось. — Zéro, крикнулъ крупёръ. Мы все проиграли.

— Этакой болванъ! крикнула бабушка, обращаясь къ Де-Гріе. Этакой ты мерзкій французишка! Вѣдь посовѣтуетъ-же; извергъ! Поцелъ. поцелъ! Ничего не понимаетъ, а туда-же суется!

Странно обиженный Де-Гріе пожалъ плечами, презрительно посмотрѣлъ на бабушку и отошелъ. Ему ужь самому стало стыдно, что связался, слишкомъ ужь не утерпѣлъ.

Черезъ часъ, какъ мы ни бились,—все проиграли.

— Домой! крикнула бабушка.

Она не промолвила ни слова до самой аллеи. Въ аллеѣ, и ужь подъѣзжая къ отелю, у ней начали вырываться восклицанія:

— Экая дура! Экая дурында! Старая ты, старая дурында!

Только что въѣхали въ квартиру: — чаю мнѣ! закричала бабушка,—и сейчасъ собираться! Ѣдемъ!»

— Куда, матушка, ѣхать изволите? начала было Марѳа.

— А тебѣ какое дѣло? Знай свечокъ свой шестокъ! Потанычъ, собирай все, всю поклажу. Ѣдемъ назадъ, въ Москву! Я пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ профершпилила!

— Пятнадцать тысячъ, матушка! Боже ты мой! крикнулъ было Потанычъ, умилительно всплеснувъ руками, вѣроятно, предполагая услужиться.

— Ну, ну, дуракъ! Началъ еще хныкать! Молчи! Собираться! Счетъ скорѣе, скорѣй!

— Ближайшій поѣздъ отправится въ девять съ половиною часовъ, бабушка, доложилъ я, чтобы остановить ея фуроръ.

— А теперь сколько?

— Половина восьмаго.

— Экая досада! Ну все равно! Алексѣй Ивановичъ, денегъ у меня ни копѣйки. Вотъ тебѣ еще два билета, сбѣгай туда, размѣняй мнѣ и эти. А то не съ чѣмъ и ѣхать.

Я отправился. Чрезъ полчаса, возвратившись въ отель, я засталъ всѣхъ нашихъ у бабушки. Узнавъ, что бабушка уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву, они были поражены, кажется, еще больше, чѣмъ ея проигрышемъ. Положимъ, отъѣздомъ спасалось ея состояніе, но, зато, что-же теперь станется съ генераломъ? Кто запалатитъ Де-Гріе? M-lle Blanche, разумѣется, ждать не будетъ, пока помретъ бабушка, и навѣрное уѣдетъ теперь съ княземъ, или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Они стояли передъ нею, утѣшали ее и

уговаривали. Полины опять не было. Бабушка неистово кричала на нихъ.

— Отвяжитесь, черти! Вамъ что̀ за дѣло? Чего эта козлиная борода ко мнѣ лѣзетъ, кричала она на Де-Гріе: —а тебѣ, ниголица, чего надо? обратилась она къ m-lle Blanche.—Чего юлишь?

— Diantre! прошептала m-lle Blanche, бѣшено сверкнувъ глазами, но вдругъ захохотала и вышла.

— Elle vivra cent ans! крикнула она, выходя изъ дверей, генералу.

— А, такъ ты на мою смерть разсчитываешь? завопила бабушка генералу,—пошелъ! Выгони ихъ всѣхъ, Алексѣй Ивановичъ! Какое вамъ дѣло? Я свое просвистала, а не ваше!

Генералъ пожалъ плечами, согнулся и вышелъ. Де-Гріе за нимъ.

— Позвать Прасковью, велѣла бабушка Марѳѣ.

Чрезъ пять минутъ Марѳа воротилась съ Полиной. Все это время Полина сидѣла въ своей комнатѣ съ дѣтьми, и, кажется, нарочно рѣшилась весь день не выходить. Лицо ея было серьезно, грустно и озабочено.

— Прасковья, начала бабушка, —правда-ли, что̀ я давеча стороной узнала, что будто-бы этотъ дуракъ, отчимъ-то твой, хочетъ жениться на этой глупой вертушкѣ француженкѣ,—актриса, что-ли, она, или того еще хуже? Говори, правда это?

— Навѣрное про это я не знаю, бабушка, отвѣчала Полина,—но по словамъ самой m-lle Blanche, которая не находитъ нужнымъ скрывать, заключаю...

— Довольно! энергически прервала бабушка,—все понимаю! Я всегда считала, что отъ него это станется и всегда считала его самымъ пустѣйшимъ и легкомысленнымъ человѣкомъ. Натащилъ на себя форсу, что генералъ (изъ полковниковъ, по отставкѣ получилъ), да и важничаетъ. Я, мать моя, все знаю, какъ вы телеграмму за телеграммой въ Москву посылали,— скоро-ли дескать, старая бабка ноги протянетъ? Наслѣдства ждали: безъ денегъ-то его эта подлая дѣвка, какъ ее, —de Cominges, что-ли,—и въ лакеи къ себѣ не возьметъ, да еще со вставными-то зубами. У ней, говорятъ, у самой денегъ куча, на проценты даетъ, добромъ нажила. Я, Прасковья, тебя не виню: не ты телеграммы посылала: и объ старомъ тоже поминать не хочу. Знаю, что характеришко у тебя скверный — оса! Укусишь, такъ вспухнетъ, да жаль мнѣ тебя, потому: покойницу Катерину, твою мать, я любила. Ну, хочешь? Бросай все здѣсь и поѣзжай со мною. Вѣдь тебѣ дѣваться-то некуда: да и неприлично тебѣ съ нимъ теперь. Стой! прервала бабушка начинавшую было отвѣчать Полину,—я еще не докончила.

Отъ тебя я ничего не потребую. Домъ у меня въ Москвѣ, сама знаешь, — дворецъ: хоть цѣлый этажъ занимай и хоть по недѣлямъ ко мнѣ не сходи, коль мой характеръ тебѣ не покажется! Ну, хочешь или нѣтъ?

— Позвольте сперва васъ спросить: неужели вы сейчасъ ѣхать хотите?

— Шучу, что-ли я, матушка! Сказала и поѣду. Я сегодня пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ просадила на разтреклятой вашей рулеткѣ. Въ подмосковной я, пять лѣтъ назадъ, дала обѣщаніе церковь изъ деревянной въ каменную перестроить, да вмѣсто того здѣсь просвисталась. Теперь, матушка, церковь поѣду строить.

— А вòды-то, бабушка? Вѣдь вы пріѣхали вòды пить?

— И, ну тебя съ водами твоими? Не раздражай ты меня, Прасковья; нарочно, что-ли, ты? Говори, ѣдешь, аль нѣтъ?

— Я васъ очень, очень благодарю, бабушка, — съ чувствомъ начала Полина, — за убѣжище, которое вы мнѣ предлагаете. Отчасти вы мое положеніе угадали. Я вамъ такъ признательна, что, повѣрьте, къ вамъ приду, можетъ быть, даже и скоро: а теперь есть причины... важныя... и рѣшиться я сейчасъ, сію минуту, не могу. Если-бы вы остались хоть недѣли двѣ...

— Значитъ, не хочешь?

— Значитъ, не могу. Къ тому-же, во всякомъ случаѣ, я не могу брата и сестру оставить, такъ какъ... такъ какъ... такъ какъ дѣйствительно можетъ случиться, что они останутся, какъ брошенные, то... если возьмете меня съ малютками, бабушка, то, конечно, къ вамъ поѣду и, повѣрьте, заслужу вамъ это! прибавила она съ жаромъ: — а безъ дѣтей не могу, бабушка.

— Ну, не хнычь! (Полина и не думала хныкать, да она и никогда не плакала). — и для цыплятъ найдется мѣсто, великъ курятникъ. Къ тому-же, имъ въ школу пора. Ну, такъ не ѣдешь теперь! Ну, Прасковья, смотри! Желала-бы я тебѣ добра, а вѣдь я знаю, почему ты не ѣдешь? Все я знаю, Прасковья! Не доведетъ тебя этотъ французишка до добра.

Полина вспыхнула. Я такъ и вздрогнулъ. (Всѣ знаютъ! Одинъ я, стало быть, ничего не знаю!).

— Ну, ну, не хмурься. Не стану размазывать. Только смотри чтобъ не было худо, понимаешь? Ты дѣвка умная: жаль мнѣ тебя будетъ. Ну, довольно, не глядѣла-бы я на васъ на всѣхъ! Ступай, прощай!

— Я, бабушка, еще провожу васъ, сказала Полина.

— Не надо; не мѣшай; да и надоѣли вы мнѣ всѣ.

Полина поцаловала у бабушки руку, но та руку отдернула и сама поцаловала ее въ щеку.

Проходя мимо меня, Полина быстро на меня поглядѣла и тотчасъ отвела глаза.

— Ну, прощай и ты, Алексѣи Ивановичъ! Всего часъ до поѣзда. Да и усталъ ты со мною, я думаю. На, возьми себѣ эти пятьдесятъ золотыхъ.

— Покорно благодарю васъ, бабушка, мнѣ совѣстно...

— Ну, ну! крикнула бабушка, но до того энергично и грозно, что я не посмѣлъ отговариваться и принялъ.

— Въ Москвѣ, какъ будешь безъ мѣста бѣгать,—ко мнѣ приходи: отрекомендую куда нибудь. Ну, убирайся!

Я пришелъ къ себѣ въ номеръ и легъ на кровать. Я думаю, я лежалъ съ полчаса навзничь, закинувъ за голову руки. Катастрофа уже разразилась, было о чемъ подумать. Завтра я рѣшилъ настоятельно говорить съ Полиной. А! Француженка? Такъ, стало быть, правда! Но что-же тутъ могло быть, однако? Полина и Де-Гріе! Господи, какое сопоставленіе!

Все это было просто невѣроятно. Я вдругъ вскочилъ внѣ себя, чтобъ идти тотчасъ-же отыскать мистера Астлея и, во что-бы то ни стало, заставить его говорить. Онъ, конечно, и тутъ больше меня знаетъ. Мистеръ Астлей? Вотъ еще для меня загадка!

Но вдругъ въ дверяхъ моихъ раздался стукъ. Смотрю—Настасья.

— Батюшка, Алексѣи Ивановичъ, къ барынѣ требуютъ!

— Что такое? Уѣзжаетъ, что-ли? До поѣзда еще двадцать минутъ.

— Безпокоятся, батюшка, едва сидятъ. Скорѣй, скорѣй! — васъ, то есть, батюшка; ради Христа, не замедлите.

Тотчасъ-же я сбѣжалъ внизъ. Бабушку уже вывезли въ коридоръ. Въ рукахъ ея былъ бумажникъ.

— Алексѣй Ивановичъ, иди впередъ, пойдемъ!..

— Куда, бабушка?

— Жива не хочу быть, отыграюсь! Ну, маршъ, безъ разспросовъ! Тамъ до полночи вѣдь игра идетъ?

Я остолбенѣлъ, подумалъ, но тотчасъ-же рѣшился.

— Воля ваша, Антонида Васильевна, не пойду.

— Это почему? Это что еще? Бѣлены, что-ли, вы всѣ объѣлись!

— Воля ваша, я потомъ самъ упрекать себя стану: не хочу. Не хочу быть ни свидѣтелемъ, ни участникомъ; избавьте, Антонида Васильевна. Вотъ ваши пятьдесятъ фридрихсдоровъ назадъ: прощайте! И я, положивъ свертокъ съ фридрихсдорами тутъ-же на столикъ, подлѣ котораго пришлись кресла бабушки, поклонился и ушелъ.

— Экой вздоръ! крикнула мнѣ вслѣдъ бабушка,—да не ходи, пожалуй, я и одна дорогу найду! Потапычъ, иди со мною! Ну, подымайте, несите!

Мистера Астлея я не нашелъ и воротился домой. Поздно, уже въ первомъ часу ночи, я узналъ отъ Потапыча, чѣмъ кончился бабушкинъ день. Она все проиграла, что̀ ей давеча я намѣнялъ, то есть, по нашему, еще десять тысячъ рублей. Къ ней прикомандировался тамъ тотъ самый полячекъ, которому она дала давеча два фридрихсдора, и все время руководилъ ее въ игрѣ. Сначала, до полячка, она было заставляла ставить Потапыча, но скоро прогнала его: тутъ-то и подскочилъ полячекъ. Какъ нарочно, онъ понималъ по русски и даже болталъ кое-какъ, смѣсью трехъ языковъ, такъ что они кое-какъ уразумѣли другъ друга. Бабушка все время нещадно ругала его, и хоть тотъ безпрерывно стелился подъ стопки паньски, но ужь куда сравнить съ вами, Алексѣй Ивановичъ, разсказывалъ Потапычъ. Съ вами она, *точно съ ба-ричомъ* обращалась, а тотъ—такъ, я самъ видѣлъ своими глазами, убей Богъ на мѣстѣ, тутъ-же у ней со стола воровалъ. Она его сама раза два на столѣ поймала, и ужь костила она его, костила всячески-то, батюшка, словами, даже за волосенки разъ отдергала, право, не лгу, такъ что кругомъ смѣхъ пошелъ. Все, батюшка, проиграла: все какъ есть, все, что̀ вы ей намѣняли. Довезли мы ее, матушку, сюда,—только водицы спросила испить, перекрестилась, и въ постельку. Измучилась, что-ли, она, тотчасъ заснула. Пошли Богъ сны ангельскіе! Охъ, ужь эта мнѣ заграница!—заключилъ Потапычъ,—говорилъ, что не къ добру. И ужь поскорѣй-бы въ нашу Москву! И чего-чего у насъ дома нѣтъ, въ Москвѣ? Садъ, цвѣты, какихъ здѣсь и не бываетъ, духъ, яблоньки наливаются, просторъ,—нѣтъ: надо было за границу! О-хо-хо!..

ГЛАВА XIII.

Отъ ужь почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ, какъ я не притрогивался къ этимъ замѣткамъ моимъ, начатымъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, хотя и безпорядочныхъ, но сильныхъ. Катастрофа, приближеніе которой я тогда предчувствовалъ, наступила дѣйствительно, но во сто разъ круче и неожиданнѣе, чѣмъ я думалъ. Все это было нѣчто странное, безобразное и даже трагическое, по крайней мѣрѣ, со мной. Случились со мною нѣкоторыя происшествія — почти чудесныя: такъ, по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ гляжу на нихъ,—

хотя на другой взглядъ, и особенно судя по круговороту, въ которомъ я тогда кружился, они были только что развѣ не совсѣмъ обыкновенныя. Но чудеснѣе всего для меня то, какъ я самъ отнесся ко всѣмъ этимъ событіямъ. До сихъ поръ не понимаю себя! И все это пролетѣло какъ сонъ, — даже страсть моя, а она вѣдь была сильна и истинна, но... куда-же она теперь дѣлась? Право: нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ иной разъ теперь въ моей головѣ: «ужь не сошелъ-ли я тогда съ ума и не сидѣлъ-ли, все это время, гдѣ нибудь въ сумасшедшемъ домѣ, а, можетъ быть, и теперь сижу,— такъ что мнѣ все это *показалось* и до сихъ поръ только *кажется*...

Я собралъ и перечелъ мои листки. (Кто знаетъ, можетъ быть, для того, чтобы убѣдиться, не въ сумасшедшемъ-ли домѣ я ихъ писалъ?). Теперь я одинъ одинешенекъ. Наступаетъ осень, желтѣетъ листъ. Сижу въ этомъ уныломъ городишкѣ (о, какъ унылы германскіе городишки), и, вмѣсто того чтобы обдумать предстоящій шагъ, живу подъ вліяніемъ только что минувшихъ ощущеній, подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній, подъ вліяніемъ всего этого недавняго вихря, захватившаго меня тогда въ этотъ круговоротъ и опять куда-то выбросившаго. Мнѣ все кажется порой, что я все еще кружусь въ томъ-же вихрѣ, и, что вотъ-вотъ, опять промчится эта буря, захвативъ меня мимоходомъ своимъ крыломъ, и я выскочу опять изъ порядка и чувства мѣры, и закружусь, закружусь, закружусь...

Впрочемъ, я, можетъ быть, и установлюсь какъ нибудь и перестану кружиться, если дамъ себѣ, по возможности, точный отчетъ во всемъ приключившемся въ этотъ мѣсяцъ. Меня тянетъ опять къ перу, да иногда и совсѣмъ дѣлать нечего по вечерамъ. Странно, для того, чтобы хоть чѣмъ нибудь заняться, я беру въ здѣшней парниной библіотекѣ для чтенія романы Поль-де-Кока (въ нѣмецкомъ переводѣ!), которыхъ я почти терпѣть не могу, но читаю ихъ и—дивлюсь на себя: точно я боюсь серьезною книгою, или какимъ нибудь серьезнымъ занятіемъ разрушить обаяніе только что минувшаго. Точно ужь такъ дороги мнѣ этотъ безобразный сонъ и всѣ оставшіяся по немъ впечатлѣнія, что я даже боюсь дотронуться до него чѣмъ нибудь новымъ, чтобы онъ не разлетѣлся въ дымъ? Дорого мнѣ это все такъ, что-ли? Да, конечно, дорого: можетъ, и чрезъ сорокъ лѣтъ вспоминать буду...

Итакъ принимаюсь писать. Впрочемъ, все это можно разсказать теперь отчасти и покороче: впечатлѣнія совсѣмъ не тѣ...

Во первыхъ, чтобъ кончить съ бабушкой. На другой день, она проигралась вся окончательно. Такъ и должно было случиться: кто

разъ, изъ такихъ, попадается на эту дорогу, тотъ—точно съ снѣговой горы въ санкахъ катится, все быстрѣе и быстрѣе. Она играла весь день до восьми часовъ вечера: я при ея игрѣ не присутствовалъ, и знаю только по разсказамъ.

Потанычъ продежурилъ при ней въ вокзалѣ цѣлый день. Полячки, руководившіе бабушку, смѣнялись въ этотъ день нѣсколько разъ. Она начала съ того, что прогнала вчерашняго полячка, котораго она драла за волосы, и взяла другаго, но другой оказался почти что еще хуже. Прогнавъ этого и, взявъ опять перваго, который не уходилъ и толкался во все это время изгнанія тутъ-же, за ея креслами, поминутно просовывая къ ней свою голову, — она впала, наконецъ, въ рѣшительное отчаяніе. Прогнанный второй полячекъ тоже ни за что не хотѣлъ уйдти; одинъ помѣстился съ правой стороны, а другой съ лѣвой. Все время они спорили и ругались другъ съ другомъ за ставки и ходы, обзывали другъ друга «лайдаками» и прочими польскими любезностями, потомъ опять мирились, кидали деньги безъ всякаго порядка, распоряжались зря. Поссорившись, они ставили каждый съ своей стороны, одинъ, напримѣръ, на красную, а другой тутъ-же на черную. Кончилось тѣмъ, что они совсѣмъ закружили и сбили бабушку съ толку, такъ что она, наконецъ, чуть не со слезами, обратилась къ старичку крупёру, съ просьбою защитить ее, чтобъ онъ ихъ прогналъ. Ихъ дѣйствительно тотчасъ-же прогнали, не смотря на ихъ крики и протесты: они кричали оба разомъ и доказывали, что бабушка имъ же должна, что она ихъ въ чемъ-то обманула, поступила съ ними безчестно, подло. Несчастный Потанычъ разсказывалъ мнѣ все это со слезами, въ тотъ самый вечеръ, послѣ проигрыша, и жаловался, что они набивали свои карманы деньгами, что онъ самъ видѣлъ, какъ они безсовѣстно воровали и поминутно совали себѣ въ карманы. Выроетъ, напримѣръ, у бабушки за труды пять фридрихсдоровъ и начинаетъ ихъ тутъ-же ставить на рулеткѣ, рядомъ съ бабушкиными ставками. Бабушка выиграетъ, а онъ кричитъ, что это его ставка выиграла, а бабушкина проиграла. Когда ихъ прогоняли, то Потанычъ выступилъ и донесъ, что у нихъ полны карманы золота. Бабушка тотчасъ-же попросила крупёра распорядиться и, какъ оба полячка ни кричали (точно два помѣшанные въ руки попали), но явилась полиція и тотчасъ карманы ихъ были опустошены въ пользу бабушки. Бабушка, пока не проигралась, пользовалась во весь этотъ день у крупёровъ и у всего вокзальнаго начальства видимымъ авторитетомъ. Мало по малу извѣстность ея распространилась по всему городу. Всѣ посѣтители водъ, всѣхъ націй, обыкновенные и самые знатные, стекались посмотрѣть на эше

vieille comtesse russe, tombée en enfance», которая уже проиграла нѣсколько милліоновъ».

Но бабушка очень, очень мало выиграла отъ того, что избавили ее отъ двухъ полячишекъ. Взамѣнъ ихъ, тотчасъ-же къ услугамъ ея явился третій полякъ, уже совершенно чисто говорившій по русски, одѣтый джентльменомъ, хотя все-таки смахивавшій на лакея, съ огромными усами и съ гоноромъ. Онъ тоже цаловалъ «стопки панъски» и «стелился подъ стопки панъски», но относительно окружающихъ велъ себя заносчиво, распоряжался деспотически,—словомъ, сразу поставилъ себя не слугою, а хозяиномъ бабушки. Поминутно, съ каждымъ ходомъ, обращался онъ къ ней и клялся ужаснѣйшими клятвами, что онъ самъ «гоноровый панъ», и что онъ не возьметъ ни единой копѣйки изъ денегъ бабушки. Онъ такъ часто повторялъ эти клятвы, что та окончательно струсила. Но такъ какъ этотъ панъ дѣйствительно въ началѣ какъ будто поправилъ ея игру и сталъ было выигрывать, то бабушка и сама уже не могла отъ него отстать. Часъ спустя, оба прежніе полячка, выведенные изъ вокзала, появились снова за стуломъ бабушки, опять съ предложеніемъ услугъ, хоть на посылки. Нотанычъ боялся, что «гоноровый панъ» съ ними перемигивался, и даже что-то имъ передавалъ въ руки. Такъ какъ бабушка не обѣдала, и почти не сходила съ кресель, то и дѣйствительно одинъ изъ полячковъ пригодился: сбѣгалъ тутъ-же рядомъ, въ обѣденную залу вокзала и досталъ ей чашку бульона, а потомъ и чаю. Они сбѣгали, впрочемъ, оба. Но къ концу дня, когда уже всѣмъ видно стало, что она проигрываетъ свой послѣдній банковый билетъ, за стуломъ ея стояло уже до шести полячковъ, прежде невиданныхъ и неслыханныхъ. Когда-же бабушка проигрывала уже послѣднія монеты, то всѣ они не только ее уже не слушались, но даже и не замѣчали, лѣзли прямо чрезъ нее къ столу, сами хватали деньги, сами распоряжались и ставили, спорили и кричали, переговариваясь съ гоноровымъ панномъ за панібрата, а гоноровый панъ чуть-ли даже и не забылъ о существованіи бабушки. Даже тогда, когда бабушка, совсѣмъ все проигравшая, возвращалась вечеромъ въ восемь часовъ въ отель, то и тутъ три или четыре полячка все еще не рѣшались ее оставить и бѣжали около креселъ, по сторонамъ, крича изо всѣхъ силъ и увѣряя, скороговоркою, что бабушка ихъ въ чемъ-то надула и должна имъ что-то отдать. Такъ дошли до самаго отеля, откуда ихъ, наконецъ, прогнали въ толчки.

По разсчету Нотаныча, бабушка проиграла всего въ этотъ день до девяноста тысячъ рублей, кромѣ проиграныхъ со вчера денегъ. Всѣ свои билеты —пятипроцентные, внутреннихъ займовъ, всѣ акціи,

бывшіе съ нею, она размѣняла одинъ за другимъ и одну за другой. Я подивился было, какъ она выдержала всѣ эти семь или восемь часовъ, сидя въ креслахъ и почти не отходя отъ стола, но Нотанычъ разсказывалъ, что раза три она дѣйствительно начинала сильно выигрывать; а увлеченная вновь надеждою она уже и не могла отойдти. Впрочемъ, игроки знаютъ, какъ можно человѣку просидѣть чуть не сутки на одномъ мѣстѣ за картами, не спуская глазъ съ правой и съ лѣвой.

Между тѣмъ во весь этотъ день, у насъ въ отелѣ происходили тоже весьма рѣшительныя вещи. Еще утромъ, до одиннадцати часовъ, когда бабушка еще была дома, наши, то есть генералъ и Де-Гріе, рѣшились было на послѣдній шагъ. Узнавъ, что бабушка и не думаетъ уѣзжать, а, напротивъ, отправляется опять въ вокзалъ, они, во всемъ конклавѣ (кромѣ Полины), пришли къ ней переговорить съ нею окончательно и даже *откровенно*. Генералъ, трепетавшій и замиравшій душою, въ виду ужасныхъ для него послѣдствій, даже пересолилъ: послѣ получасовыхъ моленій и просьбъ, и даже откровенно признавшись во всемъ, то есть во всѣхъ долгахъ, и даже въ своей страсти къ m-lle Blanche (онъ совсѣмъ потерялся), генералъ вдругъ принялъ грозный тонъ и сталъ даже кричать и топать ногами на бабушку: кричалъ, что она срамитъ ихъ фамилію, стала скандаломъ всего города, и, наконецъ... наконецъ: «вы срамите русское имя, сударыня! — кричалъ генералъ,— и что на то есть полиція!» Бабушка прогнала его, наконецъ, палкой — (настоящей палкой). Генералъ и Де-Гріе совѣщались еще разъ или два въ это утро, и именно ихъ занимало: нельзя-ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ-нибудь употребить полицію? Что вотъ, дескать, несчастная, но почтенная старушка выжила изъ ума, проигрываетъ послѣднія деньги и т. д. Однимъ словомъ, нельзя-ли выхлопотать какой-нибудь надзоръ или запрещеніе?.. Но Де-Гріе только пожималъ плечами и въ глаза смѣялся надъ генераломъ, уже совершенно заболтавшимся и бѣгавшимъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ, Де-Гріе махнулъ рукою и куда-то скрылся. Вечеромъ узнали, что онъ совсѣмъ выѣхалъ изъ отеля, переговоривъ напередъ весьма рѣшительно и таинственно съ m-lle Blanche. Что-же касается до m-lle Blanche, то она съ самаго еще утра приняла окончательныя мѣры: она совсѣмъ отшвырнула отъ себя генерала и даже не пускала его къ себѣ на глаза. Когда генералъ побѣжалъ за нею въ вокзалъ и встрѣтилъ ее подъ руку съ княземъ, то ни она, ни m-me veuve Cominges его не узнали. Князекъ тоже ему не поклонился. Весь этотъ день m-lle Blanche пробовала и обрабатывала князя, чтобъ онъ высказался, наконецъ, рѣшительно. Но увы! Она

жестоко обманулась въ разсчетахъ на князя! Эта маленькая катастрофа произошла уже вечеромъ: вдругъ открылось, что князь голь, какъ соколъ, и еще на нее-же разсчитывалъ, чтобы занять у ней денегъ подъ вексель и поиграть на рулеткѣ. Blanche съ негодованіемъ его выгнала и заперлась въ своемъ номерѣ.

По утру, въ этотъ-же день, я ходилъ къ мистеру Астлею, или, лучше сказать, все утро отыскивалъ мистера Астлея, но никакъ не могъ отыскать его. Ни дома, ни въ вокзалѣ, или въ паркѣ его не было. Въ отелѣ своемъ онъ на этотъ разъ не обѣдалъ. Въ пятомъ часу, я вдругъ увидѣлъ его идущаго отъ дебаркадера желѣзной дороги прямо въ отель d'Angleterre. Онъ торопился и былъ очень озабоченъ. Хотя и трудно различить заботу или какое-бы то ни было замѣшательство въ его лицѣ. Онъ радушно протянулъ мнѣ руку, съ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: «А!», но не останавливаясь на дорогѣ и продолжая довольно спѣшнымъ шагомъ путь. Я увязался за нимъ: но какъ-то онъ такъ съумѣлъ отвѣчать мнѣ, что я ни о чемъ не успѣлъ и спросить его. Къ тому-же, мнѣ было почему-то ужасно совѣстно заговаривать о Полинѣ: онъ-же самъ ни слова о ней не спросилъ. Я разсказалъ ему про бабушку: онъ выслушалъ внимательно и серьезно и пожалъ плечами.

— Она все проиграетъ, замѣтилъ я.

— О, да, отвѣчалъ онъ, - вѣдь она начала играть еще давеча, когда я уѣзжалъ, а потому я навѣрно и знаю, что она проиграется. Если будетъ время, я зайду въ вокзалъ посмотрѣть. Потому что это любопытно.

— Куда вы уѣзжали? вскричалъ я, изумившись, что до сихъ поръ не спросилъ.

— Я былъ во Франкфуртѣ.

— По дѣламъ?

— Да, по дѣламъ.

Ну, что-же мнѣ было спрашивать дальше? Впрочемъ, я все еще шелъ подлѣ него, но онъ вдругъ повернулъ въ стоявшій на горѣ отель «Des quatre saisons», кивнулъ мнѣ головой и скрылся. Возвращаясь домой, я мало по малу догадался, что если-бы я и два часа съ нимъ проговорилъ, то рѣшительно-бы ничего не узналъ, потому... что мнѣ не о чемъ было его спрашивать! Да, конечно, такъ! Я никакимъ образомъ не могъ-бы теперь формулировать моего вопроса.

Весь этотъ день Полина то гуляла съ дѣтьми и нянюшкой въ паркѣ, то сидѣла дома. Генерала она давно уже избѣгала и почти ничего съ нимъ не говорила, по крайней мѣрѣ, о чемъ-нибудь

серьезномъ. Я это давно замѣтилъ. Но, зная въ какомъ генералъ положеніи сегодня, я подумалъ, что онъ не могъ миновать ее, то есть между ними не могло не быть какихъ-нибудь важныхъ семейныхъ объясненій. Однако-жъ, когда я, возвращаясь въ отель послѣ разговора съ мистеромъ Астлеемъ, встрѣтилъ Полину съ дѣтьми, то на ея лицѣ отражалось самое безмятежное спокойствіе, какъ будто всѣ семейныя бури миновали только одну ее. На мой поклонъ, она кивнула мнѣ головой. Я пришелъ къ себѣ совсѣмъ злой.

Конечно, я избѣгалъ говорить съ нею и ни разу съ нею не сходился послѣ происшествія съ Вурмергельмами. При этомъ я отчасти форсилъ и ломался: но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе накипало во мнѣ настоящее негодованіе. Если-бы даже она и не любила меня нисколько, все-таки нельзя-бы, кажется, такъ топтать мои чувства и съ такимъ пренебреженіемъ принимать мои признанія. Вѣдь она знаетъ-же, что я взаправду люблю ее; вѣдь она сама допускала, позволяла мнѣ такъ говорить съ нею! Правда, это какъ-то странно началось у насъ. Нѣкоторое время, давно ужъ, мѣсяца два назадъ, я сталъ замѣчать, что она хочетъ сдѣлать меня своимъ другомъ, повѣреннымъ, и даже отчасти ужъ и пробуетъ. Но это почему-то не пошло у насъ тогда въ ходъ: вотъ, взамѣнъ того, и остались странныя теперешнія отношенія: оттого-то и сталъ я такъ говорить съ нею. Но если ей противна моя любовь, зачѣмъ прямо не запретитъ мнѣ говорить о ней?

Мнѣ не запрещаютъ; даже сама она вызывала иной разъ меня на разговоръ и... конечно, дѣлала это на смѣхъ. Я знаю навѣрное, я это твердо замѣтилъ,—ей было пріятно, выслушавъ и раздраживъ меня до боли, вдругъ меня огорошить какою нибудь выходкою величайшаго презрѣнія и невниманія. И вѣдь знаетъ-же она, что я безъ нея жить не могу. Вотъ, теперь три дня прошло послѣ исторіи съ барономъ, а я уже не могу выносить нашей *разлуки*. Когда я ее встрѣтилъ сейчасъ у вокзала, у меня забилось сердце такъ, что я побѣлѣлъ. Но вѣдь и она-же безъ меня не проживетъ! Я ей нуженъ и—неужели, неужели только какъ шутъ Балакиревъ?

У ней тайна—это ясно! Разговоръ ея съ бабушкой больно укололъ мое сердце. Вѣдь я тысячу разъ вызывалъ ее быть со мною откровенной и вѣдь она знала, что я дѣйствительно готовъ за нее голову мою положить. Но она всегда отдѣлывалась чуть не презрѣніемъ, или, вмѣсто жертвы жизнью, которую я предлагалъ ей,—требовала отъ меня такихъ выходокъ, какъ тогда съ барономъ! Развѣ это не возмутительно? Неужели весь міръ для нея въ этомъ французѣ? А мистеръ Астлей? Но, тутъ уже дѣло становилось рѣшительно непонятнымъ, а между тѣмъ—Боже, какъ я мучился!

Придя домой въ порывѣ бѣшенства, я схватилъ перо и настрочилъ ей слѣдующее:

«Полина Александровна, я вижу ясно, что пришла развязка, которая задѣнетъ, конечно, и васъ. Послѣдній разъ повторяю: нужна или нѣтъ вамъ моя голова? Если буду нуженъ, хоть *на что-нибудь* — располагайте, а я покамѣсть сижу въ своей комнатѣ, по крайней мѣрѣ, большею частью, и никуда не уѣду. Надо будетъ,—то напишите или позовите».

Я запечаталъ и отправилъ эту записку съ коридорнымъ лакеемъ, съ приказаніемъ отдать прямо въ руки. Отвѣта я не ждалъ, но черезъ три минуты лакей воротился съ извѣстіемъ, что «приказали кланяться».

Часу въ седьмомъ меня позвали къ генералу.

Онъ былъ въ кабинетѣ, одѣтъ какъ-бы собираясь куда-то идти. Шляпа и палка лежали на диванѣ. Мнѣ показалось, входя, что онъ стоялъ среди комнаты, разставивъ ноги, опустя голову, и что-то говорилъ вслухъ самъ съ собой. Но только что онъ завидѣлъ меня, — какъ бросился ко мнѣ чуть не съ крикомъ, такъ что я невольно отпрянулся и хотѣлъ было убѣжать: но онъ схватилъ меня за обѣ руки и потащилъ къ дивану: самъ сѣлъ на диванъ, меня посадилъ прямо противъ себя въ кресла и, не выпуская моихъ рукъ, съ дрожащими губами, со слезами, заблиставшими вдругъ на его рѣсницахъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите, пощадите!

Я долго не могъ ничего понять: онъ все говорилъ, говорилъ, говорилъ, и все повторялъ: «пощадите, пощадите!» Наконецъ, я догадался, что онъ ожидаетъ отъ меня чего-то въ родѣ совѣта: или, лучше сказать, всѣми оставленный, въ тоскѣ и тревогѣ, онъ вспомнилъ обо мнѣ и позвалъ меня, чтобъ только говорить, говорить, говорить.

Онъ помѣшался, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени потерялся. Онъ складывалъ руки и готовъ былъ броситься предо мной на колѣни, чтобы—(какъ вы думаете?)—чтобъ я сейчасъ-же шелъ къ m-lle Blanche и упросилъ, усовѣстилъ ее воротиться къ нему и выйдти за него замужъ.

— Помилуйте, генералъ, вскричалъ я,—да m-lle Blanche, можетъ быть, еще и не замѣтила меня до сихъ поръ? Что могу я сдѣлать?

Но напрасно было и возражать; онъ не понималъ, что ему говорятъ. Пускался онъ говорить и о бабушкѣ, но только ужасно безсвязно: онъ все еще стоялъ на мысли послать за полиціею.

— У насъ, у насъ, начиналъ онъ, вдругъ вскипая негодова-

нѣмъ,—однимъ словомъ, у насъ, въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ есть начальство, надъ такими старухами тотчасъ-бы опеку устроили! Да-съ, милостивый государь, да-съ, продолжалъ онъ, вдругъ впадая въ распекательный тонъ, вскочивъ съ мѣста и расхаживая по комнатѣ: «вы еще не знали этого, милостивый государь, обратился онъ къ какому-то воображаемому милостивому государю въ уголъ,—такъ вотъ и узнаете... да-съ... у насъ этакихъ старухъ въ дугу гнутъ, въ дугу, въ дугу-съ, да-съ... О, чортъ возьми!

И онъ бросался опять на диванъ, а черезъ минуту, чуть не всхлипывая, задыхаясь, спѣшилъ разсказать мнѣ,—что m-lle Blanche оттого вѣдь за него не выходитъ, что вмѣсто телеграммы пріѣхала бабушка и что теперь уже ясно, что онъ не получитъ наслѣдства. Ему казалось, что ничего еще этого я не знаю. Я было заговорилъ о Де-Гріе: онъ махнулъ рукою: Уѣхалъ! У него все мое въ закладѣ: я голь какъ соколъ! Тѣ деньги, которыя вы привезли... тѣ деньги,—я не знаю, сколько тамъ, кажется, франковъ семьсотъ осталось, и довольно-съ, вотъ и всѣ, а дальше—не знаю-съ, не знаю-съ!..

— Какъ-же вы въ отель расплатитесь? вскричалъ я въ испугѣ,—и... потомъ что-же?

Онъ задумчиво посмотрѣлъ, но, кажется, ничего не понялъ и даже, можетъ быть, не разслышалъ меня. Я попробовалъ было заговорить о Полинѣ Александровнѣ, о дѣтяхъ: онъ на-скоро отвѣчалъ: да! да! но тотчасъ-же опять пускался говорить о князѣ, о томъ, что теперь уѣдетъ съ нимъ Blanche и тогда... и тогда—что-же мнѣ дѣлать, Алексѣй Ивановичъ? обращался онъ вдругъ ко мнѣ,—клянусь Богомъ! Что-же мнѣ дѣлать,—скажите, вѣдь это неблагодарность! Вѣдь это-же неблагодарность?

Наконецъ, онъ залился въ три ручья слезами.

Нечего было дѣлать съ такимъ человѣкомъ; оставить его одного тоже было опасно: пожалуй, могло съ нимъ что-нибудь приключиться. Я, впрочемъ, отъ него кое-какъ избавился, но далъ знать няню къ, чтобъ та навѣдывалась почаще, да кромѣ того поговорилъ съ коридорнымъ лакеемъ, очень толковымъ малымъ: тотъ обѣщался мнѣ тоже съ своей стороны присматривать.

Едва только оставилъ я генерала, какъ явился ко мнѣ Потанычъ, съ зовомъ къ бабушкѣ. Было восемь часовъ и она только что воротилась изъ вокзала послѣ окончательнаго проигрыша. Я отправился къ ней; старуха сидѣла въ креслахъ, совсѣмъ измученная и видимо больная. Марѳа подавала ей чашку чаю, которую почти насильно заставила ее выпить. И голосъ, и тонъ бабушки ярко измѣнились.

— Здравствуйте, батюшка, Алексѣй Ивановичъ, сказала она медленно и важно склоняя голову.—извините, что еще разъ побезпокоила, простите старому человѣку. Я, отецъ мой, все тамъ оставила, почти сто тысячъ рублей. Правъ ты былъ, что вчера не поѣхалъ со мною. Теперь я безъ денегъ, гроша нѣтъ. Медлить не хочу ни минуты, въ девять съ половиною и поѣду. Послала я къ этому твоему англичанину, Астлею, что-ли, и хочу у него спросить три тысячи франковъ на недѣлю. Такъ убѣди ты его, чтобъ онъ какъ-нибудь чего не подумалъ и не отказалъ. Я еще, отецъ мой, довольно богата. У меня три деревни и два дома есть. Да и денегъ еще найдется, не всѣ съ собой взяла. Для того я это говорю, чтобъ не усомнился онъ какъ-нибудь... А, да вотъ и онъ! Вишь хорошаго человѣка.

Мистеръ Астлей поспѣшилъ по первому зову бабушки. Ни мало не думая и много не говоря, онъ тотчасъ же отсчиталъ ей три тысячи франковъ подъ вексель, который бабушка и подписала. Кончивъ дѣло, онъ откланялся и поспѣшилъ выйти.

— А теперь ступай и ты, Алексѣй Ивановичъ. Осталось часъ съ небольшимъ — хочу прилечь, кости болятъ. Не взыщи на мнѣ, старой дурѣ. Теперь ужъ не буду молодыхъ обвинять въ легкомысліи, да и того несчастнаго, генерала-то вашего, тоже грѣшно мнѣ теперь обвинять. Денегъ я ему вотъ-такъ не дамъ, какъ онъ хочетъ, потому — ужъ совсѣмъ онъ на мой взглядъ глупехонекъ, только и я, старая дура, не умнѣе его. Подлинно, Богъ и на старости взыщетъ и накажетъ гордыню. Ну, прощай, Марѳуша, подымай меня!

Я, однако, желалъ проводить бабушку. Кромѣ того, я былъ въ какомъ-то ожиданіи, я все ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то случится. Мнѣ не сидѣлось у себя. Я выходилъ въ коридоръ, даже на минутку вышелъ побродить по аллеѣ. Письмо мое къ ней было ясно и рѣшительно, а теперешняя катастрофа — ужъ, конечно, окончательная. Въ отель я услышалъ объ отъѣздѣ Де-Гріе. Наконецъ, если она меня и отвергнетъ, какъ друга, то—можетъ быть, какъ слугу, не отвергнетъ. Вѣдь нуженъ-же я ей, хоть на посылки да пригожусь, какъ-же иначе!

Ко времени поѣзда, я собрался на дебаркадеръ и усадилъ бабушку. Они весь усѣлись въ особый семейный вагонъ.— Спасибо тебѣ, батюшка, за твое безкорыстное участіе. Прощаясь она со мною,—да передай Прасковьѣ то, о чемъ я вчера ей говорила.—я ее буду ждать».

Я пошелъ домой. Проходя мимо генеральскаго номера, я встрѣтилъ няню и освѣдомился о генералѣ: —Н, батюшка, ничего.

отвѣчала та уныло. Я, однако, зашелъ, но въ дверяхъ кабинета остановился въ рѣшительномъ изумленіи. M-lle Blanche и генералъ хохотали о чемъ-то взапуски. Veuve Cominges сидѣла тутъ-же на диванѣ. Генералъ былъ, видимо, безъ ума отъ радости, лепеталъ всякую безсмыслицу и заливался нервнымъ длиннымъ смѣхомъ, отъ котораго все лицо его складывалось въ безчисленное множество морщинокъ и куда-то прятались глаза. Послѣ я узналъ отъ самой-же Blanche, что она, прогнавъ князя и узнавъ о плачѣ генерала, вздумала его утѣшить и зашла къ нему на минутку. Но не зналъ бѣдный генералъ, что въ эту минуту участь его была рѣшена и что Blanche уже начала укладываться, чтобъ завтра-же, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, летѣть въ Парижъ.

Постоявъ на порогѣ генеральскаго кабинета, я раздумалъ входить и вышелъ незамѣченный. Подивившись къ себѣ и отворивъ дверь, я въ полутемнотѣ замѣтилъ вдругъ какую-то фигуру, сидѣвшую на стулѣ, въ углу, у окна. Она не поднялась при моемъ появленіи. Я быстро подошелъ, посмотрѣлъ и—духъ у меня захватило: это была Полина!

ГЛАВА XIV.

Такъ и вскрикнулъ.

— Что же? Что-же? странно спрашивала она. Она была блѣдна и смотрѣла мрачно.

— Какъ что-же? Вы? Здѣсь, у меня!

— Если я прихожу, то ужь *вся* прихожу. Это моя привычка. Вы сейчасъ это увидите: зажгите свѣчу.

Я зажегъ свѣчку. Она встала, подошла къ столу и положила предо мной распечатанное письмо.

— Прочтите, велѣла она.

— Это,—это рука Де-Грié! вскричалъ я, схвативъ письмо. Руки у меня тряслись и строчки прыгали передъ глазами. Я забылъ точныя выраженія письма, но вотъ оно,—хоть не слово въ слово, такъ, по крайней мѣрѣ, мысль въ мысль.

Mademoiselle, писалъ Де-Грié,—неблагопріятныя обстоятельства заставляютъ меня уѣхать немедленно. Вы, конечно, сами замѣтили, что я нарочно избѣгалъ окончательнаго объясненія съ вами до тѣхъ поръ, пока не разъяснились всѣ обстоятельства. Пріѣздъ старой (de la vieille dame) вашей родственницы и нелѣпый ея поступокъ покончили всѣ мои недоумѣнія. Мои собственныя разстроенныя дѣла запрещаютъ мнѣ окончательно питать дальнѣйшія сла-

достныя надежды, которыми я позволялъ себѣ упиваться нѣкоторое время. Сожалѣю о прошедшемъ, но надѣюсь, что въ поведеніи моемъ вы не отыщете ничего, что недостойно жантильома и честнаго человѣка (gentilhomme et honnete homme). Потерявъ почти всѣ мои деньги въ долгахъ на отчимъ вашемъ, я нахожусь въ крайней необходимости воспользоваться тѣмъ, что мнѣ остается: я уже далъ знать въ Петербургъ моимъ друзьямъ, чтобъ немедленно распорядились продажею заложеннаго мнѣ имущества; зная, однако-же, что легкомысленный отчимъ вашъ растратилъ ваши собственныя деньги, я рѣшился простить ему пятьдесятъ тысячъ франковъ и на эту сумму возвращаю ему часть закладныхъ на его имущество, такъ что вы поставлены теперь въ возможность воротить все, что потеряли, потребовавъ съ него имѣніе судебнымъ порядкомъ. Надѣюсь, mademoiselle, что, при теперешнемъ состояніи дѣлъ, мой поступокъ будетъ для васъ весьма выгоденъ. Надѣюсь тоже, что этимъ поступкомъ я вполнѣ исполняю обязанность человѣка честнаго и благороднаго. Будьте увѣрены, что память о васъ запечатлѣна на вѣки въ моемъ сердцѣ».

— Что-же, это все ясно, сказалъ я, обращаясь къ Полинѣ.— неужели вы могли ожидать чего-нибудь другаго, прибавилъ я съ негодованіемъ.

— Я ничего не ожидала, отвѣчала она, повидимому спокойно, но что-то какъ-бы вздрагивало въ ея голосѣ:—я давно все порѣшила: я читала его мысли и узнала, что онъ думаетъ. Онъ думалъ, что я ищу... что я буду настаивать... (Она остановилась и, не договоривъ, закусила губу и замолчала). Я нарочно удвоила мое къ нему презрѣніе, начала она опять,—я ждала, что отъ него будетъ? Если-бъ пришла телеграмма о наслѣдствѣ,—я-бы швырнула ему долгъ этого идіота (отчима) и прогнала его! Онъ мнѣ былъ давно, давно ненавистенъ. О, это былъ не тотъ человѣкъ прежде, тысячу разъ не тотъ, а теперь, а теперь!.. О, съ какимъ-бы счастіемъ я бросила ему теперь, въ его подлое лицо, эти пятьдесятъ тысячъ и плюнула-бы... и растерла-бы плевокъ!

— Но бумага,—эта возвращенная имъ закладная на пятьдесятъ тысячъ, вѣдь она у генерала? Возьмите и отдайте Де-Гріе.

— О, не то! Не то!..

— Да, правда, правда, не то! Да и къ чему генералъ теперь способенъ? А бабушка? вдругъ вскричалъ я.

Полина какъ-то разсѣянно и нетерпѣливо на меня посмотрѣла.

— Зачѣмъ бабушка? съ досадой проговорила Полина, — я не могу идти къ ней... Да и ни у кого не хочу прощенія просить, прибавила она раздражительно.

— Что-же дѣлать! вскричалъ я, — и какъ, ну, какъ это вы могли любить Де-Гріе! О, подлецъ, подлецъ! Ну, хотите, я его убью на дуэли! Гдѣ онъ теперь?

— Онъ во Франкфуртѣ, и проживетъ тамъ три дня.

— Одно ваше слово и я ѣду, завтра-же, съ первымъ поѣздомъ! проговорилъ я въ какомъ-то глупомъ энтузіазмѣ.

Она засмѣялась.

— Что-же, онъ скажетъ еще, пожалуй: сначала возвратите пятьдесятъ тысячъ франковъ. Да и за что ему драться?.. Какой это вздоръ!

— Ну такъ гдѣ-же, гдѣ-же взять эти пятьдесятъ тысячъ франковъ, повторялъ я, скрежеща зубами, — точно такъ и возможно было вдругъ ихъ поднять на полу.—Послушайте: мистеръ Астлей? спросилъ я, обращаясь къ ней съ началомъ какой-то странной идеи.

У ней глаза засверкали.

— Что-же, развѣ *ты сама* хочешь, чтобъ я отъ тебя ушла къ этому англичанину! проговорила она, пронизывающимъ взглядомъ смотря мнѣ въ лицо и горько улыбаясь. Первый разъ въ жизни сказала она мнѣ *ты*.

Кажется, у ней, въ эту минуту, закружилась голова отъ волненія, и вдругъ она сѣла на диванъ, какъ-бы въ изнеможеніи.

Точно молнія опалила меня; я стоялъ и не вѣрилъ глазамъ, не вѣрилъ ушамъ! Что-же, стало быть, она меня любитъ! Она пришла *ко мнѣ*, а не къ мистеру Астлею! Она, одна, дѣвушка, пришла ко мнѣ въ комнату, въ отель, — стало быть, компрометтировала себя всенародно, — и я, я стою передъ ней и еще не понимаю!

Одна дикая мысль блеснула въ моей головѣ.

— Полина! Дай мнѣ только одинъ часъ! Подожди здѣсь только часъ и... я вернусь! Это... это необходимо! Увидишь! Будь здѣсь, будь здѣсь!

И я выбѣжалъ изъ комнаты, не отвѣчая на ея удивленный вопросительный взглядъ; она крикнула мнѣ что-то вслѣдъ, но я не воротился.

Да, иногда самая дикая мысль, самая съ виду невозможная мысль до того сильно укрѣпляется въ головѣ, что ее принимаешь, наконецъ, за что-то осуществимое... Мало того: если идея соединяется съ сильнымъ, страстнымъ желаніемъ, то, пожалуй, иной разъ примешь ее, наконецъ, за нѣчто фатальное, необходимое, предназначенное, за нѣчто такое, что уже не можетъ не быть и не случиться! Можетъ быть, тутъ есть еще что-нибудь, какая-нибудь комбинація предчувствій, какое-нибудь необыкновенное усиліе воли,

самоотравленіе собственной фантазіей или еще что-нибудь, — не знаю; но со мною въ этотъ вечеръ (который я никогда въ жизни не позабуду), случилось происшествіе чудесное. Оно хоть и совершенно оправдывается ариѳметикою, но тѣмъ не менѣе—для меня еще до сихъ поръ чудесное. И почему, почему эта увѣренность такъ глубоко, крѣпко засѣла тогда во мнѣ и уже съ такихъ давнихъ поръ? Ужь вѣрно я помышлялъ объ этомъ,—повторяю вамъ,— не какъ о случаѣ, который можетъ быть въ числѣ прочихъ (а, стало быть, можетъ и не быть), но какъ о чемъ-то такомъ, что никакъ ужь не можетъ не случиться!

Было четверть одиннадцатаго; я вошелъ въ вокзалъ въ такой твердой надеждѣ и, въ тоже время, въ такомъ волненіи, какого я еще никогда не испытывалъ. Въ игорныхъ залахъ народу было еще довольно, хотя вдвое меньше утренняго.

Въ одиннадцатомъ часу у игорныхъ столовъ остаются настоящіе, отчаянные игроки, для которыхъ, на водахъ — существуетъ только одна рулетка, которые и пріѣхали для нея одной, которые плохо замѣчаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ, и ничѣмъ не интересуются во весь сезонъ, а только играютъ съ утра до ночи и готовы были-бы играть, пожалуй, и всю ночь до разсвѣта, еслибы можно было. И всегда они съ досадой расходятся, когда въ двѣнадцать часовъ закрываютъ рулетку. И когда старшій крупёръ, предъ закрытіемъ рулетки, около двѣнадцати часовъ, возглашаетъ: «Les trois derniers coups, messieurs!» то они готовы проставить иногда на этихъ трехъ послѣднихъ ударахъ все, что у нихъ есть въ карманѣ,—и дѣйствительно тутъ-то наиболѣе и проигрываются. Я прошелъ къ тому самому столу, гдѣ давеча сидѣла бабушка. Было не очень тѣсно, такъ что я очень скоро занялъ мѣсто у стола стоя. Прямо предо мной, на зеленомъ суконѣ, начерчено было слово: «Passe».

«*Passe*»—это рядъ цифръ отъ девятнадцати включительно до тридцати шести. Первый-же рядъ, отъ перваго до восемнадцати включительно, называется «*Manque*»: но какое мнѣ было до этого дѣло? Я не разсчитывалъ, я даже не слыхалъ, на какую цифру легъ послѣдній ударъ и объ этомъ не справился, начиная игру,— какъ-бы сдѣлалъ всякій чуть-чуть разсчитывающій игрокъ. Я вытащилъ всѣ мои двадцать фридрихсдоровъ и бросилъ на бывшій предо мною «passe».

— Vingt deux! закричалъ крупёръ.

Я выигралъ—и опять поставилъ все: и прежнее, и выигрышъ.

— Trente et un, прокричалъ крупёръ. Опять выигрышъ. Всего ужь, стало быть, у меня восемьдесятъ фридрихсдоровъ! Я двинулъ

всѣ восемьдесять на двѣнадцать среднихъ цифръ (тройной выигрышъ, но два шанса противъ себя)—колесо завертѣлось и вышло двадцать четыре. Мнѣ выложили три свертка по пятидесяти фридрихсдоровъ и десять золотыхъ монетъ: всего, съ прежнимъ, очутилось у меня двѣсти фридрихсдоровъ.

Я былъ какъ въ горячкѣ, и двинулъ всю эту кучку денегъ на красную,—и вдругъ опомнился! И только разъ во весь этотъ вечеръ, во всю игру, страхъ прошелъ по мнѣ холодомъ и отозвался дрожью въ рукахъ и ногахъ. Я съ ужасомъ ощутилъ и мгновенно созналъ: что для меня теперь значитъ проиграть! Стояла на ставкѣ вся моя жизнь!

— Rouge! крикнулъ крупьё,—и я перевелъ духъ: огненныя мурашки посыпались по моему тѣлу. Со мною распластались банковыми билетами; стало быть, всего, ужъ четыре тысячи флориновъ и восемьдесятъ фридрихсдоровъ! (Я еще могъ стѣдить тогда за счетомъ).

Затѣмъ, помнится, я поставилъ двѣ тысячи флориновъ опять на двѣнадцать среднихъ и проигралъ: поставилъ мое золото и восемьдесятъ фридрихсдоровъ и проигралъ. Бѣшенство овладѣло мною: я схватилъ послѣднія оставшіяся мнѣ двѣ тысячи флориновъ и поставилъ на двѣнадцать первыхъ—такъ, на авось, зря, безъ разсчета! Впрочемъ, было одно мгновеніе ожиданія, похожее, можетъ быть, впечатлѣніемъ на впечатлѣніе, испытанное m-me Blanchard, когда она, въ Парижѣ, летѣла съ воздушнаго шара на землю.

— Quatre! крикнулъ крупьё. Всего, съ прежнею ставкою, опять очутилось шесть тысячъ флориновъ. Я уже смотрѣлъ какъ побѣдитель, я уже ничего, ничего теперь не боялся и бросилъ четыре тысячи флориновъ на черную. Человѣкъ десять бросилось, вслѣдъ за мною, тоже ставить на черную. Крупьё переглядывались и переговаривались. Кругомъ говорили и ждали.

Вышла черная. Не помню я ужъ тутъ ни разсчета, ни порядка моихъ ставокъ. Помню только, какъ во снѣ, что я ужъ выигралъ, кажется, тысячъ шестнадцать флориновъ: вдругъ, тремя несчастными ударами, спустилъ изъ нихъ двѣнадцать; потомъ двинулъ послѣднія четыре тысячи на «passe» (но ужъ почти ничего не ощущалъ при этомъ: я только ждалъ, какъ-то механически, безъ мысли)—и опять выигралъ: затѣмъ выиграть еще четыре раза сряду. Помню только, что я забиралъ деньги тысячами: запоминаю я тоже, что чаще всѣхъ выходили двѣнадцать среднихъ, къ которымъ я и привязался. Они появлялись какъ-то регулярно,—непремѣнно раза три, четыре сряду, потомъ исчезали на два раза и потомъ возвращались опять раза на три или на четыре кряду. Эта удивительная регулярность

встрѣчается иногда полосами,—и вотъ это-то и сбиваетъ съ толку записныхъ игроковъ, разсчитывающихъ съ карандашемъ въ рукахъ. И какія здѣсь случаются иногда ужасныя насмѣшки судьбы!

Я думаю, съ моего прибытія, времени прошло не болѣе получаса. Вдругъ крупёръ увѣдомилъ меня, что я выигралъ тридцать тысячъ флориновъ, а такъ какъ банкъ за одинъ разъ больше не отвѣчаетъ, то, стало быть, рулетку закроютъ до завтрашняго утра. Я схватилъ все мое золото, сыпалъ его въ карманы, схватилъ всѣ билеты и тотчасъ перешелъ на другой столъ, въ другую залу, гдѣ была другая рулетка; за мною хлынула вся толпа; тамъ тотчасъ же очистили мнѣ мѣсто и я пустился ставить опять, зря и не считая. Не понимаю, что̀ меня спасло!

Иногда, впрочемъ, начиналъ мелькать въ головѣ моей разсчетъ. Я привязывался къ нимъ цифрамъ и шансамъ, но скоро оставлялъ ихъ и ставилъ опять, почти безъ сознанія. Должно быть, я былъ очень разсѣянъ; помню, что крупёры нѣсколько разъ поправляли мою игру. Я дѣлалъ грубыя ошибки. Виски мои были смочены по̀томъ, и руки дрожали. Подскакивали было и полячки съ услугами, но я никого не слушалъ. Счастье не прерывалось! Вдругъ кругомъ поднялся громкій говоръ и смѣхъ. Браво, браво! кричали всѣ, иные даже захлопали въ ладоши. Я сорвалъ и тутъ тридцать тысячъ флориновъ, и банкъ опять закрыли до завтра.

— Уходите, уходите, шепталъ мнѣ чей-то голосъ справа. Это былъ какой-то франкфуртскій жидъ: онъ все время стоялъ подлѣ меня и, кажется, помогалъ мнѣ иногда въ игрѣ.

— Ради Бога, уходите, прошепталъ другой голосъ надъ лѣвымъ моимъ ухомъ. Я мелькомъ взглянулъ. Это была весьма скромно и прилично одѣтая дама, лѣтъ подъ тридцать, съ какимъ-то болѣзненно-блѣднымъ, усталымъ лицомъ, но напоминавшимъ и теперь ея чудную прежнюю красоту. Въ эту минуту я набивалъ карманы билетами, которые такъ и комкалъ, и собиралъ оставшееся на столѣ золото. Захвативъ послѣдній свертокъ въ пятьдесятъ фридрихсдоровъ, я успѣлъ, совсѣмъ непримѣтно, сунуть его въ руку блѣдной дамѣ: мнѣ это ужасно захотѣлось тогда сдѣлать, и тоненькіе, худенькіе ея пальчики, помню, крѣпко сжали мою руку, въ знакъ живѣйшей благодарности. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Собравъ все, я быстро перешелъ на trente et quarante.

За trente et quarante сидитъ публика аристократическая. Это не рулетка, это карты. Тутъ банкъ отвѣчаетъ за сто тысячъ талеровъ разомъ. Наибольшая ставка тоже четыре тысячи флориновъ. Я совершенно не зналъ игры и не зналъ почти ни одной ставки, кромѣ красной и черной, которыя тутъ тоже были. Къ нимъ-то я

и привязался. Весь вокзалъ столпился кругомъ. Не помню, подумалъ-ли я въ то время хоть разъ о Полинѣ. Я тогда ощущалъ какое-то непреодолимое наслажденіе хватать и загребать банковые билеты, нароставшіе кучею предо мной.

Дѣйствительно, точно судьба толкала меня. На этотъ разъ, какъ нарочно, случилось одно обстоятельство, довольно, впрочемъ, часто повторяющееся въ игрѣ. Привяжется счастіе, напримѣръ, къ красной и не оставляетъ ее разъ десять, даже пятнадцать сряду. Я слышалъ еще третьяго дня, что красная на прошлой недѣлѣ вышла двадцать два раза сряду; этого даже и не запомнятъ на рулеткѣ, и разсказывали съ удивленіемъ. Разумѣется, всѣ тотчасъ-же оставляютъ красную и уже послѣ десяти разъ, напримѣръ, почти никто не рѣшается на нее ставить. Но и на черную, противоположную красной, не ставитъ тогда никто изъ опытныхъ игроковъ. Опытный игрокъ знаетъ, что значитъ это «своенравіе случая». Напримѣръ, казалось-бы, что послѣ шестнадцати разъ красной, семнадцатый ударъ непремѣнно ляжетъ на черную. На это бросаются новички толпами, удваиваютъ и утраиваютъ кушъ, и страшно проигрываются.

Но я, по какому-то странному своенравію, замѣтивъ, что красная вышла семь разъ сряду, нарочно къ ней привязался. Я убѣжденъ, что тутъ на половину было самолюбія; мнѣ хотѣлось удивить зрителей безумнымъ рискомъ, и — о, странное ощущеніе — я помню отчетливо, что мною вдругъ, дѣйствительно, безъ всякаго вызова самолюбія овладѣла ужасная жажда риску. Можетъ быть, перейдя чрезъ столько ощущеній, душа не насыщается, а только раздражается ими и требуетъ ощущеній еще, и все сильнѣй и сильнѣй, до окончательнаго утомленія. И, право не лгу, если-бъ уставъ игры позволялъ поставить пятьдесятъ тысячъ флориновъ разомъ, я-бы поставилъ ихъ навѣрно. Кругомъ кричали, что это безумно, что красная уже выходитъ четырнадцатый разъ!

— Monsieur a gagné déjà cent mille florins, раздался подлѣ меня чей-то голосъ.

Я вдругъ очнулся. Какъ? Я выигралъ въ этотъ вечеръ сто тысячъ флориновъ! Да къ чему-же мнѣ больше? Я бросился на билеты, скомкалъ ихъ въ карманъ, не считая, загребъ все мое золото, всѣ свертки и побѣжалъ изъ вокзала. Кругомъ всѣ смѣялись, когда я проходилъ по заламъ, глядя на мои оттопыренные карманы и на неровную походку отъ тяжести золота. Я думаю, его было гораздо болѣе полупуда. Нѣсколько рукъ протянулось ко мнѣ: я раздавалъ горстями, сколько захватывалось. Два жида остановили меня у выхода.

— Вы смѣлы! Вы очень смѣлы! сказали они мнѣ, — но уѣзжайте завтра утромъ непремѣнно, какъ можно раньше, не то вы все, все проиграете...

Я ихъ не слушалъ. Аллея была темна, такъ что руки своей нельзя было различить. До отеля было съ полверсты. Я никогда не боялся ни воровъ, ни разбойниковъ, даже маленькій: не думалъ о нихъ и теперь. Я, впрочемъ, не помню, о чемъ я думалъ дорогою; мысли не было. Ощущалъ я только какое-то ужасное наслажденіе—удачи, побѣды, могущества,—не знаю какъ выразиться. Мелькалъ предо мною и образъ Полины; я помнилъ и сознавалъ, что иду къ ней, сейчасъ съ нею сойдусь и буду ей разсказывать, покажу... Но я уже едва вспомнилъ о томъ, что она мнѣ давеча говорила, и зачѣмъ я поѣхалъ, и всѣ тѣ недавнія ощущенія, бывшія всего полтора часа назадъ, казались мнѣ уже теперь чѣмъ-то давно прошедшимъ, исправленнымъ, устарѣвшимъ,—о чемъ мы уже не будемъ болѣе помнить, потому что теперь начнется все съизнова. Почти уже въ концѣ аллеи, вдругъ страхъ напалъ на меня: «что, если меня сейчасъ убьютъ и ограбятъ!». Съ каждымъ шагомъ мой страхъ возрасталъ вдвое. Я почти бѣжалъ. Вдругъ, въ концѣ аллеи, разомъ блеснулъ весь нашъ отель, освѣщенный безчисленными огнями,—слава Богу: дома!

Я добѣжалъ въ свой этажъ и быстро растворилъ дверь.—Полина была тутъ и сидѣла на моемъ диванѣ, передъ зажженною свѣчою, скрестя руки. Съ изумленіемъ она на меня посмотрѣла, и, уже конечно, въ эту минуту я былъ довольно страненъ на видъ. Я остановился предъ нею и сталъ выбрасывать на столъ всю мою груду денегъ.

ГЛАВА XV.

Помню, она ужасно пристально смотрѣла въ мое лицо, но, не трогаясь съ мѣста, не измѣняя даже своего положенія.

— Я выигралъ двѣсти тысячъ франковъ, вскричалъ я, выбрасывая послѣдній свертокъ. Огромная груда билетовъ и свертковъ золота заняла весь столъ; я не могъ уже отвести отъ нея моихъ глазъ: минутами я совсѣмъ забывалъ о Полинѣ. То начиналъ я приводить въ порядокъ эти кучи банковыхъ билетовъ, складывалъ ихъ вмѣстѣ, то откладывалъ въ одну общую кучу золото; то бросалъ все и пускался быстрыми шагами ходить по комнатѣ, задумывался, потомъ вдругъ опять под-

ходилъ къ столу, опять начиналъ считать деньги. Вдругъ, точно опомнившись, я бросился къ дверямъ и поскорѣе заперъ ихъ, два раза обернувъ ключъ. Потомъ остановился, въ раздумьи, предъ маленькимъ моимъ чемоданомъ.

— Развѣ въ чемоданъ положить до завтра? спросилъ я, вдругъ обернувшись къ Полинѣ, и вдругъ вспомнилъ о ней. Она-же все сидѣла, не шевелясь, на томъ-же мѣстѣ, но пристально слѣдила за мной. Странно какъ-то было выраженіе ея лица; не понравилось мнѣ это выраженіе! Не ошибусь, если скажу, что въ немъ была ненависть.

Я быстро подошелъ къ ней.

— Полина, вотъ двадцать пять тысячъ флориновъ,—это пять-десять тысячъ франковъ, даже больше. Возьмите, бросьте ихъ ему завтра въ лицо.

Она не отвѣтила мнѣ.

— Если хотите, я отвезу самъ, рано утромъ. Такъ?

Она вдругъ засмѣялась. Она смѣялась долго.

Я съ удивленіемъ и съ скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на нее. Этотъ смѣхъ очень похожъ былъ на недавній, частый, насмѣшливый смѣхъ ея надо мною, всегда приходившійся во время самыхъ страстныхъ моихъ объясненій. Наконецъ, она перестала и нахмурилась: строго оглядывала она меня изъ-подлобья.

— Я не возьму вашихъ денегъ, проговорила она презрительно.

— Какъ? Что это? закричалъ я,—Полина, почему-же?

— Я даромъ денегъ не беру.

— Я предлагаю вамъ, какъ другъ; я вамъ жизнь предлагаю.

Она посмотрѣла на меня долгимъ, пытливымъ взглядомъ, какъ-бы произнть меня имъ хотѣла.

— Вы дорого даете, проговорила она, усмѣхаясь;—любовница Де-Гріе не стоитъ пятидесяти тысячъ франковъ.

— Полина, какъ можно такъ со мною говорить! вскричалъ я съ укоромъ,—развѣ я Де-Гріе?

— Я васъ ненавижу! Да... да!.. Я васъ не люблю больше, чѣмъ Де-Гріе, вскричала она, вдругъ засверкавъ глазами.

Тутъ она закрыла вдругъ руками лицо и съ нею сдѣлалась истерика. Я бросился къ ней.

Я понялъ, что съ нею что-то безъ меня случилось. Она была совсѣмъ какъ-бы не въ своемъ умѣ.

— Покупаи меня! Хочешь? Хочешь? За пятьдесятъ тысячъ франковъ, какъ Де-Гріе? вырывалось у ней съ судорожными рыданіями. Я обхватилъ ее, цѣловалъ ея руки, ноги, упалъ предъ нею на колѣни.

Истерика ея проходила. Она положила обѣ руки на мои плечи и пристально меня разсматривала: казалось, что-то хотѣла прочесть на моемъ лицѣ. Она слушала меня, но видимо не слыхала того, что я ей говорилъ. Какая-то забота и вдумчивость явились въ лицѣ ея. Я боялся за нее: мнѣ рѣшительно казалось, что у ней умъ мѣшается. То вдругъ начинала она тихо привлекать меня къ себѣ: довѣрчивая улыбка уже блуждала въ ея лицѣ: и вдругъ она меня отталкивала, и опять омраченнымъ взглядомъ принималась въ меня всматриваться.

Вдругъ она бросилась обнимать меня.

— Вѣдь ты меня любишь, любишь? говорила она, — вѣдь ты, вѣдь ты... за меня съ барономъ драться хотѣлъ! И вдругъ она разхохоталась, — точно что-то смѣшное и милое мелькнуло вдругъ въ ея памяти. Она и плакала, и смѣялась, все вмѣстѣ. Ну, что мнѣ было дѣлать? Я самъ былъ какъ въ лихорадкѣ. Помню, она начинала мнѣ что-то говорить, — но я почти ничего не могъ понять. Это былъ какой-то бредъ, какой-то лепетъ, — точно ей хотѣлось что-то поскорѣй мнѣ разсказать, — бредъ, прерываемый иногда самымъ веселымъ смѣхомъ, который начиналъ пугать меня. Нѣтъ, нѣтъ, ты милый, милый! повторяла она. Ты мой вѣрный! И опять клала мнѣ руки свои на плечи, опять въ меня всматривалась и продолжала повторять: Ты меня любишь... любишь... будешь любить? Я не сводилъ съ нея глазъ: я еще никогда не видалъ ее въ этихъ припадкахъ нѣжности и любви: правда, это, конечно, былъ бредъ, но... замѣтивъ мой страстный взглядъ, она вдругъ начинала лукаво улыбаться; ни съ того, ни съ сего, она вдругъ заговорила о мистерѣ Астлеѣ.

Впрочемъ, о мистерѣ Астлеѣ она безпрерывно заговаривала (особенно, когда сидѣлась мнѣ что-то давеча разсказать). но что именно, я вполнѣ не могъ схватить: кажется, она даже смѣялась надъ нимъ: повторяла безпрерывно, что онъ ждетъ, и что знаю-ли я, что онъ навѣрное стоитъ теперь подъ окномъ? Да, да, подъ окномъ.—Ну, отвори, посмотри. посмотри, онъ здѣсь, здѣсь! — Она толкала меня къ окну, но только я дѣлалъ движеніе идти, она заливалась смѣхомъ и я оставался при ней, а она бросалась меня обнимать.

— Мы уѣдемъ? Вѣдь мы завтра уѣдемъ? приходило ей вдругъ безпокойно въ голову,—ну... (и она задумалась)—ну, а догонимъ мы бабушку, какъ ты думаешь? Въ Берлинѣ, я думаю, догонимъ. Какъ ты думаешь, что она скажетъ, когда мы ее догонимъ и она насъ увидитъ? А мистеръ Астлей?.. Ну, этотъ не соскочитъ съ Шланненберга, какъ ты думаешь? (Она захохотала). Ну, послушай: знаешь, куда онъ будущее лѣто ѣдетъ? Онъ хочетъ на сѣверный

лось ѣхать для ученыхъ изслѣдованій и меня звалъ съ собою, ха-ха-ха! Онъ говоритъ, что мы, русскіе, безъ европейцевъ ничего не знаемъ и ни къ чему не способны... Но онъ тоже добрый! Знаешь, онъ «генерала» извиняетъ; онъ говоритъ, что Blanche... что страсть.— ну, не знаю, не знаю, вдругъ повторила она, какъ-бы заговорясь и потерявшись. — Бѣдные они, какъ мнѣ ихъ жаль, и бабушку... Ну, послушай, послушай, ну, гдѣ тебѣ убить Де-Гріе? И неужели, неужели ты думалъ, что убьешь? О, глупый! Неужели ты могъ подумать, что я пущу тебя драться съ Де-Гріе? Да ты и барона-то не убьешь, — прибавила она, вдругъ засмѣявшись. — О, какъ ты былъ тогда смѣшонъ съ барономъ; я глядѣла на васъ обоихъ со скамейки; и какъ тебѣ не хотѣлось тогда идти, когда я тебя посылала. Какъ я тогда смѣялась, какъ я тогда смѣялась, прибавила она, хохоча.

И вдругъ она опять цаловала и обнимала меня, опять страстно и нѣжно прижимала свое лицо къ моему. Я ужь болѣе ни о чемъ не думалъ и ничего не слышалъ. Голова моя закружилась...

Я думаю, что было около семи часовъ утра, когда я очнулся: солнце свѣтило въ комнату. Полина сидѣла подлѣ меня и странно осматривалась, какъ будто выходя изъ какого-то мрака и собирая воспоминанія. Она тоже только что проснулась и пристально смотрѣла на столъ и деньги. Голова моя была тяжела и болѣла. Я было хотѣлъ взять Полину за руку: она вдругъ оттолкнула меня и вскочила съ дивана. Начинавшійся день былъ насмурный: предъ разсвѣтомъ шелъ дождь. Она подошла къ окну, отворила его, выставила голову и грудь и, подпершись руками, а локти положивъ на косякъ окна, пробыла такъ минуты три, не оборачиваясь ко мнѣ и не слушая того, что я ей говорилъ. Со страхомъ приходило мнѣ въ голову: что-же теперь будетъ, и чѣмъ это кончится? Вдругъ она поднялась съ окна, подошла къ столу и, смотря на меня съ выраженіемъ безконечной ненависти, съ дрожавшими отъ злости губами, сказала мнѣ:

— Ну, отдай-же мнѣ теперь мои пятьдесятъ тысячъ франковъ?

— Полина, опять, опять? началъ было я.

— Или ты раздумалъ? Ха-ха-ха! Тебѣ, можетъ быть, уже и жалко?

Двадцать пять тысячъ флориновъ, отсчитанные еще вчера, лежали на столѣ; я взялъ и подалъ ей.

— Вѣдь они ужь теперь мои? Вѣдь такъ? Такъ? злобно спрашивала она меня, держа деньги въ рукахъ.

— Да они и всегда были твои, сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ-же твои пятьдесятъ тысячъ франковъ! Она

размахнулась и пустила ихъ въ меня. Пачка больно ударила мнѣ въ лицо и разлетѣлась по полу. Совершивъ это, Полина выбѣжала изъ комнаты.

Я знаю, она, конечно, въ ту минуту, была не въ своемъ умѣ, хоть я и не понимаю этого временнаго помѣшательства. Правда, она еще и до сихъ поръ, мѣсяцъ спустя, еще больна. Что было, однако, причиною этого состоянія, а, главное, этой выходки? Оскорбленная-ли гордость? Отчаяніе-ли о томъ, что она рѣшилась даже придти ко мнѣ? Не показалъ-ли я ей виду, что тщеславлюсь моимъ счастіемъ и въ самомъ дѣлѣ точно также, какъ и Де-Гріе, хочу отдѣлаться отъ нея, подаривъ ей пятьдесятъ тысячъ франковъ? Но вѣдь этого не было, я знаю по своей совѣсти. Думаю, что виновато было тутъ отчасти и ея тщеславіе: тщеславіе подсказало ей не повѣрить мнѣ и оскорбить меня, хотя все это представлялось ей, можетъ быть, и самой неясно. Въ такомъ случаѣ, я, конечно, отвѣтилъ за Де-Гріе и сталъ виноватъ, можетъ быть, безъ большой вины. Правда, все это былъ только бредъ: правда и то, что я зналъ, что она въ бреду и... не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Можетъ быть, она теперь не можетъ мнѣ простить этого? Да, но это теперь: но тогда, тогда? Вѣдь не такъ-же сильны были ея бредъ и болѣзнь, чтобы она ужъ совершенно забыла, что дѣлаетъ, идя ко мнѣ съ письмомъ Де-Гріе? Значитъ, она знала, что дѣлаетъ.

Я кое-какъ, на скоро, сунулъ всѣ мои бумаги и всю мою кучу золота въ постель, накрылъ ее и вышелъ, минутъ десять послѣ Полины. Я былъ увѣренъ, что она побѣжала домой, и хотѣлъ потихоньку пробраться къ нимъ, и въ передней спросить у няни о здоровьи барышни. Каково-же было мое изумленіе, когда отъ встрѣтившейся мнѣ на лѣстницѣ няньки я узналъ, что Полина домой еще не возвращалась и что няня шла ко мнѣ за ней.

— Сейчасъ,—говорилъ я ей,—сейчасъ только ушла отъ меня, минутъ десять тому назадъ, куда-же могла она дѣваться?

Няня съ укоризной на меня поглядѣла.

А между тѣмъ вышла цѣлая исторія, которая уже ходила по отелю. Въ швейцарской и у оберъ-кельнера перешептывались, что фрейлейнъ утромъ, въ шесть часовъ, выбѣжала изъ отеля, въ дождь, и побѣжала по направленію къ hôtel d'Angleterre. По ихъ словамъ и намекамъ, я замѣтилъ, что они уже знаютъ, что она провела всю ночь въ моей комнатѣ. Впрочемъ, уже разсказывалось о всемъ генеральскомъ семействѣ: стало извѣстно, что генералъ вчера сходилъ съ ума и плакалъ на весь отель. Разсказывали при этомъ, что пріѣзжавшая бабушка была его мать, которая затѣмъ нарочно и появилась изъ самой Россіи, чтобъ вос-

претить своему сыну бракъ съ m-lle de Cominges, а за ослушаніе лишить его наслѣдства, и такъ какъ онъ дѣйствительно не послушался, то графиня, въ его-же глазахъ, нарочно и проиграла всѣ свои деньги на рулеткѣ, чтобъ такъ уже ему и не доставалось ничего. «Diese Russen!» повторялъ оберъ-кельнеръ съ негодованіемъ, качая головой. Другіе смѣялись. Оберъ-кельнеръ готовилъ счетъ. Мой выигрышъ былъ уже извѣстенъ; Карлъ, мой коридорный лакей, первый поздравилъ меня. Но мнѣ было не до нихъ. Я бросился въ отель d'Angleterre.

Еще было рано; мистеръ Астлей не принималъ никого: узнавъ-же, что это я, вышелъ ко мнѣ въ корридоръ и остановился предо мной, молча устремивъ на меня свой оловянный взглядъ, и ожидалъ, что я скажу? Я спросилъ о Полинѣ.

— Она больна—отвѣчалъ мистеръ Астлей, по прежнему смотря на меня въ упоръ и не сводя съ меня глазъ.

— Такъ она въ самомъ дѣлѣ у васъ?

— О, да, у меня.

— Такъ, какъ-же вы... вы намѣрены ее держать у себя?

— О, да, я намѣренъ.

— Мистеръ Астлей, это произведетъ скандалъ: этого нельзя. Къ тому-же она совсѣмъ больна; вы, можетъ быть, не замѣтили?

— О, да, я замѣтилъ и уже вамъ сказалъ, что она больна. Если-бъ она была не больна, то у васъ не провела-бы ночь.

— Такъ вы и это знаете?

— Я это знаю. Она шла вчера сюда, и я-бы отвелъ ее къ моей родственницѣ, но такъ какъ она была больна, то ошиблась и пришла къ вамъ.

— Представьте себѣ! Ну, поздравляю васъ, мистеръ Астлей. Кстати, вы мнѣ дайте идею: не стояли-ли вы всю ночь у насъ подъ окномъ? Мисъ Полина всю ночь заставляла меня открывать окно и смотрѣть, — не стоите-ли вы подъ окномъ, и ужасно смѣялась.

— Неужели? Нѣтъ, я подъ окномъ не стоялъ: но я ждалъ въ корридорѣ и кругомъ ходилъ.

— Но вѣдь ее надо лечить, мистеръ Астлей.

— О, да, я уже позвалъ доктора, и если она умретъ, то вы дадите мнѣ отчетъ въ ея смерти.

Я изумился.—Помилуйте, мистеръ Астлей, что это вы хотите?

— А правда-ли, что вы вчера выиграли двѣсти тысячъ талеровъ?

— Всего только сто тысячъ флориновъ.

— Ну, вотъ видите! И такъ уѣзжайте сегодня утромъ въ Парижъ.

— Зачѣмъ?

— Всѣ русскіе, имѣя деньги, ѣдутъ въ Парижъ, пояснилъ мистеръ Астлей, голосомъ и тономъ, какъ будто прочелъ это по книжкѣ.

— Что я буду теперь, лѣтомъ, въ Парижѣ дѣлать? Я ее люблю, мистеръ Астлей! Вы знаете сами.

— Неужели? Я убѣжденъ, что нѣтъ. Притомъ-же, оставшись здѣсь, вы проиграете навѣрное все и вамъ не на что будетъ ѣхать въ Парижъ. Но прощайте, я совершенно убѣжденъ, что вы сегодня уѣдете въ Парижъ.

— Хорошо, прощайте, только я въ Парижъ не поѣду. Подумайте, мистеръ Астлей, о томъ, что теперь будетъ у насъ? Однимъ словомъ, генералъ... и теперь это приключеніе съ мисс Полиной,— вѣдь это на весь городъ пойдетъ.

— Да, на весь городъ: генералъ-же, я думаю, объ этомъ не думаетъ и ему не до этого. Къ тому-же мисс Полина имѣетъ полное право жить гдѣ ей угодно. На счетъ-же этого семейства, можно правильно сказать, что это семейство ужъ не существуетъ.

Я шелъ и посмѣивался странной увѣренности этого англичанина, что я уѣду въ Парижъ.—Однако, онъ хочетъ меня застрѣлить на дуэли, думалъ я,—если m-lle Полина умретъ,—вотъ еще коммиссія! Клянусь, мнѣ было жаль Полину, но странно,—съ самой той минуты, какъ я дотронулся вчера до игорнаго стола и сталъ загребать пачки денегъ, — моя любовь отступила какъ-бы на второй планъ. Это я теперь говорю: но тогда еще я не замѣчалъ всего этого ясно. Неужели я и въ самомъ дѣлѣ игрокъ, неужели я и въ самомъ дѣлѣ... такъ странно любилъ Полину? Нѣтъ, я до сихъ поръ люблю ее, видитъ Богъ! А тогда, когда я вышелъ отъ мистера Астлея и шелъ домой, я искренно страдалъ и винилъ себя. Но... но тутъ со мной случилась чрезвычайно странная и глупая исторія.

Я спѣшилъ къ генералу, какъ вдругъ, не вдалекѣ отъ ихъ квартиры, отворилась дверь и меня кто-то кликнулъ. Это была m-me veuve Comiges и кликнула меня по приказанію m-lle Blanche. Я вошелъ въ квартиру m-lle Blanche.

У нихъ былъ небольшой номеръ, въ двѣ комнаты. Слышенъ былъ смѣхъ и крикъ m-lle Blanche изъ спальни. Она вставала съ постели.

— A, c'est lui!! Viens donc, bêtà! Правда-ли, que tu as gagné une montagne d'or et d'argent? J'aimerais mieux l'or.

— Выигралъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Сколько?

— Сто тысячъ флориновъ.

— Bibi, comme tu es bête. Да войди-же сюда, я ничего не слышу. Nous ferons bombance, n'est-ce pas?

Я вошелъ къ ней. Она валялась подъ розовымъ атласнымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго выставлялись смуглыя, здоровыя, удивительныя плечи,—плечи, которыя развѣ только увидишь во снѣ,—кое-какъ прикрытыя батистовою, отороченною бѣлѣйшими кружевами сорочкою,—что̀ удивительно шло къ ея смуглой кожѣ.

— Mon fils, as-tu du cœur? вскричала она, завидѣвъ меня, и захохотала. Смѣялась она всегда очень весело и даже иногда искренно.

— Tout autre... началъ было я, парафразируя Корнеля.

— Вотъ видишь, vois-tu,—затараторила она вдругъ,—во первыхъ, сыщи чулки, помоги обуться, — а во вторыхъ, si tu n'est pas trop bête, je te prends à Paris. Ты знаешь, я сейчасъ ѣду.

— Сейчасъ?

— Черезъ полчаса.

Дѣйствительно, все было уложено. Всѣ чемоданы и ея вещи стояли готовые. Кофе былъ уже давно поданъ.

— Eh bien, хочешь, tu verras Paris. Dis donc qu'est ce que c'est qu'un outchitel? Tu étais bien bête, quand tu étais outchitel. Гдѣ-же мои чулки? Обувай-же меня, ну!

Она выставила дѣйствительно восхитительную ножку, смуглую, маленькую, неисковерканную, какъ всѣ почти эти ножки, которыя смотрятъ такими маленькими въ ботинкахъ. Я засмѣялся и началъ натягивать на нее шелковый чулочекъ. M-lle Blanche, между тѣмъ, сидѣла на постели и тараторила.

— Eh bien, que feras-tu, si je te prends avec? Во первыхъ, je veux cinquante mille francs. Ты мнѣ ихъ отдашь во Франкфуртѣ. Nous allons à Paris: тамъ мы живемъ вмѣстѣ et je te ferai voir des étoiles en plein jour. Ты увидишь такихъ женщинъ, какихъ ты никогда не видывалъ. Слушай...

— Постой, этакъ я тебѣ отдамъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, а что̀-же мнѣ-то останется?

— Et cent cinquante mille francs, ты забылъ и сверхъ того я согласна жить на твоей квартирѣ мѣсяцъ, два, que sais-je! Мы, конечно, проживемъ въ два мѣсяца эти сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Видишь, je suis bonne enfant и тебѣ впередъ говорю, mais tu verras des étoiles.

— Какъ, все въ два мѣсяца!

— Какъ! Это тебя ужасаетъ? Ah, vil esclave! Да знаешь-ли ты, что одинъ мѣсяцъ этой жизни лучше всего твоего существова-

ния. Одинъ мѣсяцъ—et après le déluge! Mais tu ne peux comprendre, va! Ношель, ношель, ты этого не стоишь! Ah, que fais-tu?

Въ эту минуту я обувалъ другую ножку, но не выдержалъ и поцаловалъ ее. Она вырвала и начала меня бить кончикомъ ноги по лицу. Наконецъ, она прогнала меня совсѣмъ. — Eh bien, mon outchitel, je t'attends, si tu veux: чрезъ четверть часа я ѣду! — крикнула она мнѣ въ догонку.

Воротясь домой, былъ я уже — какъ закруженный. Что-же, я не виноватъ, что m-lle Полина бросила мнѣ цѣлой пачкой въ лицо и еще вчера предпочла мнѣ мистера Астлея. Нѣкоторые изъ распавшихся банковыхъ билетовъ еще валялись на полу; я ихъ подобралъ. Въ эту минуту отворилась дверь и явился самъ оберъ-кельнеръ (который на меня прежде и глядѣть не хотѣлъ), съ приглашеніемъ: не угодно-ли мнѣ перебраться внизъ, въ превосходный номеръ, въ которомъ только-что стоялъ графъ В.

Я постоялъ, подумалъ:

— Счетъ! закричалъ я,—сейчасъ ѣду, чрезъ десять минутъ.— Въ Парижъ, такъ въ Парижъ! подумалъ я про себя, — знать на роду написано!

Чрезъ четверть часа мы дѣйствительно сидѣли втроемъ, въ одномъ общемъ семейномъ вагонѣ: я, m-lle Blanche et m-me veuve Cominges. M-lle Blanche хохотала, глядя на меня, до истерики. Veuve Cominges ей повторила: не скажу, чтобы мнѣ было весело. Жизнь переламывалась на двое, но со вчерашняго дня я ужь привыкъ все ставить на карту. Можетъ быть, и дѣйствительно правда, что я не вынесъ денегъ и закружился. Peut être, je ne demandais pas mieux. Мнѣ казалось, что на время, — но только на время, перемѣняются декораціи. — «Но чрезъ мѣсяцъ я буду здѣсь, и тогда... и тогда мы еще съ вами потягаемся, мистеръ Астлей!» Нѣтъ, какъ вспоминаю теперь, мнѣ и тогда было ужасно грустно, хоть я и хохоталъ въ запуски съ этой дурочкой Blanche.

— Да чего тебѣ! Какъ ты глупъ! О, какъ ты глупъ! вскрикивала Blanche, прерывая свой смѣхъ и начиная серьезно бранить меня.—Ну да, ну да, да, мы прожимемъ твои двѣсти тысячъ франковъ, но зато, mais tu seras heureux, comme un petit roi: я сама тебѣ буду повязывать галстукъ и познакомлю тебя съ Hortense. А когда мы прожимемъ всѣ наши деньги, ты пріѣдешь сюда и опять сорвешь банкъ. Что тебѣ сказали жиды? Главное — смѣлость, а у тебя она есть, и ты мнѣ еще не разъ будешь возить деньги въ Парижъ. Quant à moi je veux cinquante mille francs de rente et alors...

— А генералъ? спросилъ я ее.

— А генералъ, ты знаешь самъ, каждый день, въ это время, уходитъ мнѣ за букетомъ. На этотъ разъ я нарочно велѣла отыскать самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Бѣдняжка воротится, а птичка и улетѣла. Онъ полетитъ за нами, увидишь. Ха-ха-ха! Я очень буду рада. Въ Парижѣ онъ мнѣ пригодится: за него здѣсь заплатитъ мистеръ Астлей...

И вотъ такимъ-то образомъ я и уѣхалъ тогда въ Парижъ.

ГЛАВА XVI.

Что я скажу о Парижѣ? Все это было, конечно, и бредъ, и дурачество. Я прожилъ въ Парижѣ всего только три недѣли съ небольшимъ, и въ этотъ срокъ были совершенно покончены мои сто тысячъ франковъ. Я говорю только про сто тысячъ; остальныя сто тысячъ я отдалъ m-lle Blanche чистыми деньгами, пятьдесятъ тысячъ во Франкфуртѣ и чрезъ три дня, въ Парижѣ, выдалъ ей-же еще пятьдесятъ тысячъ франковъ векселемъ, за который, впрочемъ, чрезъ недѣлю она взяла съ меня и деньги. «et les cent mille francs, qui nous restent, tu les mangeras avec moi, mon outchitel». Она меня постоянно звала учителемъ. Трудно представить себѣ что-нибудь на свѣтѣ разсчетливѣе, скупѣе и скаредиѣе разряда существъ, подобныхъ m-lle Blanche. Но это относительно своихъ денегъ. Что-же касается до моихъ ста тысячъ франковъ, то она мнѣ прямо объявила потомъ, что они ей нужны были для первой постановки себя въ Парижѣ, «такъ что ужь я теперь стала на приличную ногу разъ навсегда, и теперь ужь меня долго никто не собьетъ, по крайней мѣрѣ, я такъ распорядилась», прибавила она. Впрочемъ, я почти и не видалъ этихъ ста тысячъ: деньги во все время держала она, а въ моемъ кошелькѣ, въ который она сама каждый день навѣдывалась, никогда не скоплялось болѣе ста франковъ, и всегда почти было менѣе.

— Ну, къ чему тебѣ деньги? говорила она иногда съ самымъ простѣйшимъ видомъ, и я съ нею не спорилъ. Зато она очень и очень недурно отдѣлала на эти деньги свою квартиру и когда потомъ перевела меня на новоселье, то, показывая мнѣ комнаты, сказала: «Вотъ что съ разсчетомъ и со вкусомъ можно сдѣлать съ самыми мизерными средствами». Этотъ мизеръ стоилъ, однако, ровно пятьдесятъ тысячъ франковъ. На остальныя пятьдесятъ тысячъ она завела экипажъ, лошадей, кромѣ того мы задали два бала, то есть двѣ вечеринки, на которыхъ были и Hortense, и Li-

sette, и Cléopatre, — женщины, замѣчательныя во многихъ и во многихъ отношеніяхъ, и даже далеко не дурныя. На этихъ двухъ вечеринкахъ я принужденъ былъ играть преглупѣйшую роль хозяина, встрѣчать и занимать разбогатѣвшихъ и тупѣвшихъ купчишекъ, невозможныхъ по ихъ невѣжеству и безстыдству, разныхъ военныхъ поручиковъ и жалкихъ авторишекъ, и журнальныхъ козявокъ, которые явились въ модныхъ фракахъ, въ палевыхъ перчаткахъ и съ самолюбіемъ и чванствомъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ даже у насъ въ Петербургѣ немыслимо,—а ужь это много значитъ сказать. Они даже вздумали надо мною смѣяться, но я напился шампанскаго и провалялся въ задней комнатѣ. Все это было для меня омерзительно въ высшей степени. «C'est un outchitel», говорила обо мнѣ Blanche,—il a gagné deux cent mille francs, и который безъ меня не зналъ-бы, какъ ихъ истратить. А послѣ онъ опять поступитъ въ учителя;—не знаетъ-ли кто-нибудь мѣста? Надобно что-нибудь для него сдѣлать».—Къ шампанскому я сталъ прибѣгать весьма часто, потому что мнѣ было постоянно очень грустно и до крайности скучно. Я жилъ въ самой буржуазной, въ самой меркантильной средѣ, гдѣ каждый су былъ разсчитанъ и вымѣренъ. Blanche очень не любила меня въ первыя двѣ недѣли, я это замѣтилъ: правда, она одѣла меня щегольски и сама ежедневно повязывала мнѣ галстукъ, но въ душѣ искренно презирала меня. Я на это не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Скучный и унылый, я сталъ уходить обыкновенно въ Chateau des Fleurs, гдѣ регулярно, каждый вечеръ, напивался и учился канкану (который тамъ прегадко танцуютъ), и впослѣдствіи пріобрѣлъ въ этомъ родѣ даже знаменитость. Наконецъ, Blanche раскусила меня: она какъ-то заранѣе составила себѣ идею, что я, во все время нашего сожительства, буду ходить за нею съ карандашемъ и бумажкой въ рукахъ и все буду считать, сколько она истратила, сколько она украла, сколько истратитъ и сколько еще украдетъ? И, ужь конечно, была увѣрена, что у насъ изъ-за каждыхъ десяти франковъ будетъ баталія. На всякое нападеніе мое, предполагаемое ею заранѣе, она уже заблаговременно заготовила возраженія: но, не видя отъ меня никакихъ нападеній, сперва было пускалась сама возражать. Иной разъ начнетъ горячо-горячо, но увидя, что я молчу,—чаще всего валяясь на кушеткѣ и неподвижно смотря въ потолокъ,—даже, наконецъ, удивится. Сперва она думала, что я просто глупъ, «un outchitel», и просто обрывала свои объясненія, вѣроятно, думая про себя: «вѣдь онъ глупъ: нечего его и наводить, коль самъ не понимаетъ». Уйдетъ, бывало, но минутъ черезъ десять опять воротится (это случалось во время самыхъ нечистовыхъ тратъ ея, тратъ совершенно намъ не

по средствамъ: напримѣръ, она перемѣнила лошадей и купила въ шестнадцать тысячъ франковъ пару).

— Ну, такъ ты, bibi, не сердишься? подходила она ко мнѣ.

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ! Надо-ѣ-ѣ-ла! говорилъ я, отстраняя ее отъ себя рукою, но это было для нея такъ любопытно, что она тотчасъ-же сѣла подлѣ.

— Видишь, если я рѣшилась столько заплатить, то это потому, что ихъ продавали по случаю. Ихъ можно опять продать за двадцать тысячъ франковъ.

— Вѣрю, вѣрю; лошади прекрасныя и у тебя теперь славный выѣздъ; пригодится; ну и довольно.

— Такъ ты не сердишься?

— За что-же? Ты умно дѣлаешь, что запасаешься нѣкоторыми необходимыми для тебя вещами. Все это потомъ тебѣ пригодится. Я вижу, что тебѣ дѣйствительно нужно поставить себя на такую ногу; иначе милліона не наживешь. Тутъ наши сто тысячъ франковъ только начало, капля въ морѣ.

Blanche, всего менѣе ожидавшая отъ меня такихъ разсужденій (вмѣсто криковъ-то, да попрековъ!), точно съ неба упала.

— Такъ ты... такъ ты вотъ какой! Mais tu as l'esprit pour comprendre. Sais-tu, mon garçon, хоть ты и учитель—но ты долженъ былъ родиться принцемъ! Такъ ты не жалѣешь, что у насъ деньги скоро идутъ?

— Ну ихъ, поскорѣй-бы ужь!

— Mais... sais-tu... mais dis donc, развѣ ты богатъ? Mais sais-tu, вѣдь ты ужь слишкомъ презираешь деньги. Qu'est ce que tu feras après, dis donc?

— Après, поѣду въ Гомбургъ, и еще выиграю сто тысячъ франковъ.

— Oui, oui, c'est ça, c'est magnifique! И я знаю что ты непремѣнно выиграешь и привезешь сюда. Dis donc, да ты сдѣлаешь, что я тебя и въ самомъ дѣлѣ полюблю. Eh bien, за то, что ты такой, я тебя буду все это время любить, и не сдѣлаю тебѣ ни одной невѣрности. Видишь, въ это время я хоть и не любила тебя, parce que je croyais, que tu n'est qu'un outchitel (quelque chose comme un laquais, n'est-ce pas?) но я все-таки была тебѣ вѣрна, parce que je suis bonne ille.

— Ну, врешь! А съ Альбертомъ-то, съ этимъ офицеришкой черномазымъ, развѣ я не видалъ прошлый разъ?

— Oh, oh, mais tu es...

— Ну, врешь, врешь; да ты что думаешь, что я серьезъ? Да наплевать: il faut que jeunesse se passe. Не прогнать-же тебѣ

его, коли онъ былъ прежде меня, и ты его любишь. Только ты ему денегъ не давай, слышишь?

— Такъ ты и за это не сердишься? Mais tu es un vrai philosophe, sais-tu? Un vrai philosophe! вскричала она въ восторгѣ.—Eh, bien, je t'aimerai, je t'aimerai —tu verras, tu seras content!

И дѣйствительно, съ этихъ поръ она ко мнѣ даже какъ будто въ самомъ дѣлѣ привязалась, даже дружески, и такъ прошли наши послѣдніе десять дней. Обѣщанныхъ звѣздъ я не видалъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она и въ самомъ дѣлѣ сдержала слово. Сверхъ того, она познакомила меня съ Hortense, которая была одинокомъ даже замѣчательная въ своемъ родѣ женщина и въ нашемъ кружкѣ называлась Thérèse philosophe...

Впрочемъ, нечего объ этомъ распространяться: все это могло-бы составить особый разсказъ, съ особымъ колоритомъ, который я не хочу вставлять въ эту повѣсть. Дѣло въ томъ, что я всѣми силами желалъ, чтобъ все это поскорѣе кончилось. Но нашихъ ста тысячъ франковъ хватило, какъ я уже сказалъ, почти на мѣсяцъ,— чему я искренно удивился: по крайней мѣрѣ, на восемьдесятъ тысячъ, изъ этихъ денегъ, Blanche накупила себѣ вещей и мы прожили никакъ не болѣе двадцати тысячъ франковъ, и—все-таки достало. Blanche, которая подъ конецъ была уже почти откровенна со мной (по крайней мѣрѣ, кое въ чемъ не врала мнѣ), призналась, что, по крайней мѣрѣ, на меня не падутъ долги, которые она принуждена была сдѣлать: — я тебѣ не давала подписывать счетовъ и векселей, говорила она мнѣ,—потому что жалѣла тебя: а другая-бы непремѣнно это сдѣлала и уходила-бы тебя въ тюрьму. Видишь, видишь, какъ я тебя любила, и какая я добрая! Одна эта чортова свадьба чего будетъ мнѣ стоить!»

У насъ дѣйствительно была свадьба. Случилась она уже въ самомъ концѣ нашего мѣсяца и надо предположить, что на нее ушли самыя послѣднія подонки моихъ ста тысячъ франковъ: тѣмъ дѣло и кончилось, т. е. тѣмъ нашъ мѣсяцъ и кончился и я послѣ этого формально вышелъ въ отставку.

Случилось это такъ: недѣлю спустя послѣ нашего возвращенія въ Парижъ, пріѣхалъ генералъ. Онъ прямо пріѣхалъ къ Blanche, и съ перваго-же визита почти у насъ и остался. Квартирка гдѣ-то, правда, у него была своя. Blanche встрѣтила его радостно, съ визгами и хохотомъ, и даже бросилась его обнимать: дѣло обошлось такъ, что ужь она сама его не отпускала и онъ всюду долженъ былъ слѣдовать за нею: и на бульваръ, и на каткахъ, и въ театръ, и по знакомымъ. На это употребленіе генералъ еще годился: онъ былъ довольно сановитъ и приличенъ,—росту почти высокаго,

съ крашеными бакенами и усищами (онъ прежде служилъ въ кирасирахъ), съ лицомъ виднымъ, хотя нѣсколько и обрюзглымъ. Манеры его были превосходныя, фракъ онъ носилъ очень ловко. Въ Парижѣ онъ началъ носить свои ордена. Съ этакимъ—пройтись по бульвару было не только возможно, но, если такъ можно выразиться, даже *рекомендательно*. Добрый и безтолковый генералъ былъ всѣмъ этимъ ужасно доволенъ; онъ совсѣмъ не на это разсчитывалъ, когда къ намъ явился по пріѣздѣ въ Парижъ. Онъ явился тогда, чуть не дрожа отъ страха; онъ думалъ, что Blanche закричитъ и велитъ его прогнать; а потому, при такомъ оборотѣ дѣла, онъ пришелъ въ восторгъ и весь этотъ мѣсяцъ пробылъ въ какомъ-то безсмысленно-восторженномъ состояніи; да такимъ я его и оставилъ. Уже здѣсь я узналъ въ подробности, что, послѣ тогдашняго внезапнаго отъѣзда нашего изъ Рулетенбурга, съ нимъ случилось, въ тоже утро, что-то въ родѣ припадка. Онъ упалъ безъ чувствъ, а потомъ всю недѣлю былъ почти какъ сумасшедшій и заговаривался. Его лечили, но вдругъ онъ все бросилъ, сѣлъ въ вагонъ и прикатилъ въ Парижъ. Разумѣется, пріемъ Blanche оказался самымъ лучшимъ для него лекарствомъ; но признаки болѣзни оставались долго спустя, не смотря на радостное и восторженное его состояніе. Разсуждать, или даже только вести кой-какъ немного серьезный разговоръ, онъ ужъ совершенно не могъ; въ такомъ случаѣ онъ только приговаривалъ ко всякому слову: «Гм!» и кивалъ головой,——тѣмъ и отдѣлывался. Часто онъ смѣялся, но какимъ-то нервнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ, точно закатывался: другой разъ, сидитъ по цѣлымъ часамъ насмурный, какъ ночь, нахмуривъ свои густыя брови. Многаго онъ совсѣмъ даже и не припоминалъ; сталъ до безобразія разсѣянъ и взялъ привычку говорить самъ съ собой. Только одна Blanche могла оживлять его; да и припадки насмурнаго, угрюмаго состоянія, когда онъ забивался въ уголъ, означали только то, что онъ давно не видѣлъ Blanche, или что Blanche куда-нибудь уѣхала, а его съ собой не взяла, или, уѣзжая, не приласкала его. При этомъ онъ самъ не сказалъ-бы, чего ему хочется, и самъ не зналъ, что онъ насмуренъ и грустенъ. Просидѣвъ часъ или два (я замѣчалъ это раза два, когда Blanche уѣзжала на цѣлый день, вѣроятно, къ Альберту), онъ вдругъ начиналъ озираться, суетиться, оглядываться, припоминать и какъ будто хочетъ кого-то сыскать; но не видя никого и такъ и не припомнивъ, о чемъ хотѣлъ спросить, онъ опять впадалъ въ забытье до тѣхъ поръ, пока вдругъ не являлась Blanche, веселая, рѣзвая, разодѣтая, съ своимъ звонкимъ хохотомъ; она подбѣгала къ нему, начи-

нала его бормошить и даже цаловала,—тѣмъ, впрочемъ, рѣдко его жаловала. Разъ генералъ до того ей обрадовался, что даже заплакалъ,—я даже подивился.

Blanche, съ самаго его появленія у насъ, начала тотчасъ-же за него предо мною адвокатствовать. Она пускалась даже въ краснорѣчіе; напоминала, что она измѣнила генералу изъ-за меня, что она была почти уже его невѣстою, слово дала ему; что изъ-за меня онъ бросилъ семейство и что, наконецъ, я служилъ у него и долженъ-бы это чувствовать, и что—какъ мнѣ не стыдно... Я все молчалъ, а она ужасно тараторила. Наконецъ, я разсмѣялся, и тѣмъ дѣло и кончилось, то есть сперва она подумала, что я дуракъ, а подъ конецъ остановилась на мысли, что я очень хорошій и складной человѣкъ. Однимъ словомъ, я имѣлъ счастіе рѣшительно заслужить подъ конецъ полное благорасположеніе этой достойной дѣвицы; (Blanche, впрочемъ, была и въ самомъ дѣлѣ предобрѣйшая дѣвушка,—въ своемъ только родѣ, разумѣется; я ее не такъ цѣнилъ сначала). — «Ты умный и добрый человѣкъ, говаривала она мнѣ подъ конецъ, — и... и... жаль только, что ты такой дуракъ! Ты ничего, ничего не наживешь!»

«Un vrai russe, un calmouk!» — она нѣсколько разъ посылала меня прогуливать по улицамъ генерала, точь въ точь съ лакеемъ свою левретку. Я, впрочемъ, водилъ его и въ театръ, и въ Bal-Mabile, и въ рестораны. На это Blanche выдавала и деньги, хотя у генерала были и свои. И онъ очень любилъ вынимать бумажникъ при людяхъ. Однажды я почти долженъ былъ употребить силу, чтобы не дать ему купить брошку въ семьсотъ франковъ, которою онъ прельстился въ Palerоyal и которую, во что-бы то ни стало, хотѣлъ подарить Blanche. Ну, что ей была брошка въ семьсотъ франковъ? У генерала и всѣхъ-то денегъ было не болѣе тысячи франковъ. Я никогда не могъ узнать, откуда онъ у него явились? Полагаю, что отъ мистера Астлея, тѣмъ болѣе, что тотъ въ отель за нихъ заплатилъ. Что-же касается до того, какъ генералъ все это время смотрѣлъ на меня, то мнѣ кажется, онъ даже и не догадывался о моихъ отношеніяхъ къ Blanche. Онъ хоть и слышалъ какъ-то смутно, что я выигралъ капиталъ, но навѣрное полагалъ, что я у Blanche въ родѣ какого нибудь домашняго секретаря или даже, можетъ быть, слуги. По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ со мной постоянно свысока по прежнему, по начальнически, и даже пускался меня иной разъ распекать. Однажды онъ ужасно насмѣшилъ и меня, и Blanche у насъ, утромъ, за утреннимъ кофе. Человѣкъ онъ былъ не совсѣмъ общительный; а тутъ вдругъ обнѣлся

на меня, за что?—до сихъ поръ не понимаю. Но, конечно, онъ и самъ не понималъ. Однимъ словомъ, онъ завелъ рѣчь безъ начала и конца, à bâtons-rompus, кричалъ, что я мальчишка, что онъ научитъ... что онъ дастъ понять... и такъ далѣе. Но никто ничего не могъ понять. Blanche заливалась-хохотала; наконецъ его кое-какъ успокоили и увели гулять. Много разъ я замѣчалъ, впрочемъ, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то недоставало ему, не смотря даже на присутствіе Blanche. Въ эти минуты онъ самъ пускался раза два со мною заговаривать, но никогда толкомъ не могъ объясниться, вспоминалъ про службу, про покойницу жену, про хозяйство, про имѣніе. Нападетъ на какое-нибудь слово — и обрадуется ему, и повторяетъ его сто разъ на дню, хотя оно вовсе и не выражаетъ ни его чувствъ, ни его мыслей. Я пробовалъ заговаривать съ нимъ о его дѣтяхъ; но онъ отдѣлывался прежнею скороговоркою и переходилъ поскорѣе на другой предметъ: «Да—да! дѣти—дѣти, вы правы, дѣти!» Однажды только онъ расчувствовался,—мы шли съ нимъ въ театръ: «Это несчастныя дѣти!» заговорилъ онъ вдругъ,—да, сударь, да, это не-с-счастныя дѣти!» И потомъ нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ повторялъ слова: «несчастныя дѣти!» Когда я разъ заговорилъ о Полинѣ, онъ пришелъ даже въ ярость: «это неблагодарная женщина, воскликнулъ онъ,—она зла и неблагодарна! Она осрамила семью! Если-бъ здѣсь были законы, я-бы ее въ бараній рогъ согнулъ! Да-съ, да-съ!» Что-же касается до Де-Гріе, то онъ даже и имени его слышать не могъ: «онъ погубилъ меня, говорилъ онъ, — онъ обокралъ меня, онъ меня зарѣзалъ! Это былъ мой кошмаръ въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ! Онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сряду мнѣ во снѣ снился! Это — это, это... О, не говорите мнѣ о немъ никогда!»

Я видѣлъ, что у нихъ что-то идетъ на ладъ, но молчалъ по обыкновенію. Blanche объявила мнѣ первая: это было ровно за недѣлю до того, какъ мы разстались: — Il a du chance, тараторила она мнѣ:—babouchka теперь дѣйствительно ужъ больна и непремѣнно умретъ. Мистеръ Астлей прислалъ телеграмму; согласись, что все-таки онъ наслѣдникъ ея. А если-бъ даже и нѣтъ, то онъ ничему не помѣшаетъ. Во первыхъ, у него есть свой пенсіонъ, а во вторыхъ, онъ будетъ жить въ боковой комнатѣ и будетъ совершенно счастливъ. Я буду «madame la générale». Я войду въ хорошій кругъ (Blanche мечтала объ этомъ постоянно). впослѣдствіи буду русской помѣщицей, j'aurai un château, des moujiks, et puis j'aurai toujours mon million».

— Ну, а если онъ начнетъ ревновать, будетъ требовать... Богъ знаетъ чего,—понимаешь?

— О нѣтъ, пон, пон, пон! Какъ онъ смѣетъ! Я взяла мѣры, не безпокойся. Я ужъ заставила его подписать нѣсколько векселей на имя Альберта. Чуть что—и онъ тотчасъ-же будетъ наказанъ; да и не посмѣетъ!

— Ну, выходи...

Свадьбу сдѣлали безъ особеннаго торжества, семейно и тихо. Приглашены были Альбертъ и еще кто-то изъ ближнихъ. Hortense, Cléopâtre и прочія были рѣшительно отстранены. Женихъ чрезвычайно интересовался своимъ положеніемъ. Blanche сама повязала ему галстукъ, сама его напомадила, и въ своемъ фракѣ и въ объломъ жилетѣ, онъ смотрѣлъ très comme il faut.

— Il est pourtant très comme il faut,—объявила мнѣ сама Blanche, выходя изъ комнаты генерала, какъ будто идея о томъ, что генералъ très comme il faut даже ее самое поразила. Я такъ мало вникалъ въ подробности, участвуя во всемъ въ качествѣ такого лѣниваго зрителя, что многое и забылъ, какъ это было. Помню только, что Blanche оказалась вовсе не de Cominges, равно, какъ и мать ея—вовсе не veuve Cominges—a du Placet. Почему онъ были обѣ de Cominges до сихъ поръ — не знаю. Но генералъ и этимъ остался очень доволенъ и du Placet ему даже больше понравилось, чѣмъ de Cominges. Въ утро свадьбы, онъ, уже совсѣмъ одѣтый, все ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и все повторялъ про себя, съ необыкновенно серьезнымъ и важнымъ видомъ: «M-lle Blanche du Placet! Blanche du Placet, du Placet! Дѣвица Бланка Дю-Плассетъ!..» и нѣкоторое самодовольствіе сіяло на его лицѣ. Въ церкви, у мэра и дома, за закуской, онъ былъ не только радостенъ и доволенъ, но даже горѣлъ. Съ ними съ обоими что-то случилось. Blanche стала смотрѣть тоже съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ.

— «Мнѣ теперь нужно совершенно иначе держать себя», — сказала она мнѣ чрезвычайно серьезно:—mais vois-tu, я и не подумала объ одной пренадкой вещи: вообрази, я до сихъ поръ не могу заучить мою теперешнюю фамилію: Загорьянскій, Загозіанскій, m-me la générale de Sago — Sago, ces diables des noms russes, enfin madame la générale à quatorze consonnes! Comme c'est agréable, n'est-ce pas?

Наконецъ, мы разстались и Blanche, эта глупая Blanche, даже прослезилась, прощаясь со мною.—«Tu étais bon enfant», говорила она, хныча. «Je te croyais bête et tu en avais l'air, но это къ тебѣ

идетъ». И, ужъ пожавъ мнѣ руку окончательно, она вдругъ воскликнула: «Attends!» бросилась въ свой будуаръ и черезъ минуту вынесла мнѣ два тысяче-франковыхъ билета. «Этому я ни за что-бы не повѣрилъ! «Это тебѣ пригодится, ты, можетъ быть, очень ученый outchitel, но ты ужасно глупый человѣкъ. Больше двухъ тысячъ я тебѣ ни за что не дамъ, потому что ты — все равно проиграешь. Ну, прощай! Nous serons toujours bons amis, а если опять выиграешь, непремѣнно пріѣзжай ко мнѣ, et tu seras heureux!»

У меня, у самого, оставалось еще франковъ пятьсотъ; кромѣ того, есть великолѣпные часы въ тысячу франковъ, брилліантовыя запонки и прочее, такъ что можно еще протянуть довольно долгое время, ни о чемъ не заботясь. Я нарочно засѣлъ въ этомъ городишкѣ, чтобъ собраться, а, главное, жду мистера Астлея. Я узналъ навѣрное, что онъ будетъ здѣсь проѣзжать и остановится на сутки, по дѣлу. Узнаю обо всемъ... а потомъ, — потомъ прямо въ Гомбургъ. Въ Рулетенбургъ не поѣду, развѣ на будущій годъ. Дѣйствительно, говорятъ, дурная примѣта пробовать счастья два раза сряду за однимъ и тѣмъ-же столомъ, а въ Гомбургѣ самая настоящая-то игра и есть.

ГЛАВА XVII.

Вотъ уже годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ я не заглядывалъ въ эти записки, и теперь только, отъ тоски и горя, вздумалъ развлечь себя и случайно перечелъ ихъ. Такъ на томъ и оставилъ тогда, что поѣду въ Гомбургъ. Боже! Съ какимъ, сравнительно говоря, легкимъ сердцемъ я написалъ тогда эти послѣднія строчки! То есть не то, чтобъ съ легкимъ сердцемъ, — а съ какою самоувѣренностью, съ какими непоколебимыми надеждами! Сомнѣвался-ли я хоть сколько-нибудь въ себѣ? И вотъ полтора года слишкомъ прошли, и я, по моему, гораздо хуже, чѣмъ ницшіи! Да что ницшіи! Наплевать на ницшество! Я просто стушевалъ себя! Впрочемъ, не съ чѣмъ почти и сравнивать, да и нечего себѣ мораль читать! Ничего не можетъ быть нелѣпѣе морали въ такое время! О, самодовольные люди: съ какимъ гордымъ самодовольствомъ готовы эти болтуны читать свои сентенціи! Если-бъ они знали, до какой степени я самъ понимаю всю омерзительность теперешняго моего состоянія, то, конечно, ужъ не повернулся-бы у нихъ языкъ учить

меня. Ну что, что могутъ они мнѣ сказать новаго, чего я не знаю? И развѣ въ этомъ дѣло? Тутъ дѣло въ томъ, что—одинъ оборотъ колеса и все измѣнится и эти-же самые моралисты первые (я въ этомъ увѣренъ) придутъ съ дружескими шутками поздравлять меня. И не будутъ отъ меня всѣ такъ отворачиваться, какъ теперь. Да наплевать на нихъ на всѣхъ! Что я теперь? Zéro. Чѣмъ могу быть завтра? Я завтра могу изъ мертвыхъ воскреснуть и вновь начать жить! Человѣка могу обрѣсти въ себѣ, пока еще онъ не пропалъ.

Я дѣйствительно тогда поѣхалъ въ Гомбургъ, но... я былъ потомъ и опять въ Рулетенбургъ, былъ и въ Спа, былъ даже и въ Баденъ, куда я ѣздилъ камердинеромъ совѣтника Гинце, мерзавца и бывшаго моего здѣшняго барина. Да, я былъ и въ лакеяхъ, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ! Это случилось сейчасъ послѣ тюрьмы. (Я вѣдь сидѣлъ и въ тюрьмѣ въ Рулетенбургъ, за одинъ здѣшній долгъ. Неизвѣстный человѣкъ меня выкупилъ,—кто такой? Мистеръ Астлей? Полина? Не знаю, но долгъ былъ заплаченъ, всего двѣсти талеровъ, и я вышелъ на волю). Куда мнѣ было дѣваться? Я и поступилъ къ этому Гинце. Онъ человѣкъ молодой и вѣтреный, любитъ полѣниться, а я умѣю говорить и писать на трехъ языкахъ. Я сначала поступилъ къ нему чѣмъ-то въ родѣ секретаря, за тридцать гульденовъ въ мѣсяцъ: но кончилъ у него настоящимъ лакействомъ: держать секретаря ему стало не по средствамъ и онъ мнѣ сбавилъ жалованье: мнѣ-же некуда было идти, я остался-- и такимъ образомъ самъ собою обратился въ лакея. Я не добылъ и не донималъ на его службѣ, но зато наконецъ въ пять мѣсяцевъ семьдесятъ гульденовъ. Однажды, вечеромъ, въ Баденъ, я объявилъ ему, что желаю съ нимъ разсчитаться; въ тотъ-же вечеръ я отправился на рулетку. О, какъ стучало мое сердце! Нѣтъ, не деньги мнѣ были дороги! Тогда мнѣ только хотѣлось, чтобъ завтра-же всѣ эти Гинце, всѣ эти оберъ-кельнеры, всѣ эти великолѣпныя баденскія дамы,—чтобы всѣ они говорили обо мнѣ, разсказывали мою исторію, удивлялись мнѣ, хвалили меня и преклонялись предъ моимъ новымъ выигрышемъ. Все это дѣтскія мечты и заботы, но... кто знаетъ: можетъ быть, я повстрѣчался-бы и съ Полиной, я-бы ей разсказалъ и она-бы увидѣла, что я выше всѣхъ этихъ пестрыхъ толчковъ судьбы... О, не деньги мнѣ дороги! Я увѣренъ, что разбросалъ-бы ихъ опять какой-нибудь Blanche и опять ѣздилъ-бы въ Парижъ три недѣли, на паръ собственныхъ лошадей въ шестнадцать тысячъ франковъ. Я вѣдь навѣрное знаю, что я не скупъ: я даже думаю, что я расточителенъ,—а между тѣмъ, однако-жъ, съ какимъ трепетомъ, съ какимъ замираніемъ сердца я выслушi-

ваю крикъ крупёра: trente et un, rouge, impair et passe, или: quatre, noir, pair et manque! Съ какою алчностью смотрю я на игорный столъ, по которому разбросаны луидоры, фридрихсдоры и талеры, на столбики золота, когда они отъ лопатки крупёра разсыпаются въ горяшія, какъ жаръ, кучи, или на длинные въ аршинъ столбы серебра, лежащіе вокругъ колеса. Еще подходя къ игорной залѣ, за двѣ комнаты, только что я заслышу дзенканье пересыпающихся денегъ,—со мною почти дѣлаются судороги.

О, тотъ вечеръ, когда я понесъ мои семьдесятъ гульденовъ на игорный столъ, тоже былъ замѣчателенъ. Я началъ съ десяти гульденовъ и опять съ passe. Къ passe я имѣю предразсудокъ. Я проигралъ. Оставалось у меня шестьдесятъ гульденовъ серебряною монетою: я подумалъ—и предпочелъ zéro. Я сталъ разомъ ставить на zéro по пяти гульденовъ; съ третьей ставки вдругъ выходитъ zéro: я чуть не умеръ отъ радости, получивъ сто семьдесятъ пять гульденовъ: когда я выигралъ сто тысячъ гульденовъ, я не былъ такъ радъ. Тотчасъ-же я поставилъ сто гульденовъ на rouge.—дала: всѣ двѣсти на rouge—дала; всѣ четыреста на noir—дала: всѣ восемьсотъ на manque,—дала; считая съ прежнимъ, было тысяча семьсотъ гульденовъ и это—менѣе, чѣмъ въ пять минутъ! Да, въ такія-то мгновенія забываешь и всѣ прежнія неудачи! Вѣдь я добылъ это болѣе, чѣмъ жизнію рискуя, осмѣлься рискнуть и—вотъ, я опять въ числѣ человѣковъ!

Я занялъ номеръ, занерея, и часовъ до трехъ сидѣлъ и считалъ свои деньги. На утро я проснулся уже не лакеемъ. Я рѣшилъ въ тотъ-же день выѣхать въ Гомбургъ: тамъ я не служилъ въ лакеяхъ и въ тюрьмѣ не сидѣлъ. За полчаса до поѣзда, я отпаривался поставить двѣ ставки, не болѣе, и проигралъ полторы тысячи флориновъ. Однако-же все-таки переѣхалъ въ Гомбургъ и вотъ уже мѣсяцъ какъ я здѣсь...

Я, конечно, живу въ постоянной тревогѣ, играю по самой маленькой и чего-то жду, разсчитываю, стою по цѣлымъ днямъ у игорнаго стола и *наблюдаю* игру, даже во сны вижу игру, но при всемъ этомъ мнѣ кажется, что я какъ будто одеревенѣлъ, точно загрязъ въ какой-то тинѣ. Заключаю это по впечатлѣнію при встрѣчѣ съ мистеромъ Астлеемъ. Мы не видались съ того самаго времени и встрѣтились нечаянно; вотъ какъ это было. Я шелъ въ саду и разсчитывалъ, что теперь я почти безъ денегъ, но что у меня есть пятьдесятъ гульденовъ.—Кромѣ того въ отелѣ, гдѣ я занимаю каморку, я третьяго дня совсѣмъ расплатился. Итакъ, мнѣ остается возможность только разъ попытать теперь на рулетку.

если выиграю хоть что-нибудь, можно будетъ продолжать игру: если проиграю—надо опять идти въ лакеи, въ случаѣ, если не найду сейчасъ русскихъ, которымъ-бы понадобился учитель. Занятый этою мыслью, я пошелъ, моею ежедневною прогулкою чрезъ паркъ и чрезъ лѣсъ, въ сосѣднее княжество. Иногда я выхаживалъ такимъ образомъ часа по четыре и возвращался въ Гомбургъ, усталый и голодный. Только что вышелъ я изъ сада въ паркъ, какъ вдругъ, на скамейкѣ, увидѣлъ мистера Астлея. Онъ первый меня замѣтилъ и окликнулъ меня. Я сѣлъ подлѣ него. Замѣтивъ-же въ немъ нѣкоторую важность, я тотчасъ-же умѣрилъ мою радость; а то я было ужасно обрадовался ему.

— Итакъ вы здѣсь! Я такъ и думалъ, что васъ повстрѣчаю, сказалъ онъ мнѣ.—Не безпокойтесь разсказывать: я знаю, я все знаю; вся ваша жизнь въ эти годъ и восемь мѣсяцевъ мнѣ извѣстна.

— Ба! Вотъ какъ вы слѣдите за старыми друзьями!—отвѣтилъ я. Это дѣлаетъ вамъ честь, что не забываете... Постойте, однако-жъ, вы даете мнѣ мысль: не вы-ли выкупили меня изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ я сидѣлъ за долгъ въ двѣсти гульденовъ? Меня выкупилъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, о, нѣтъ: я не выкупалъ васъ изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ вы сидѣли за долгъ въ двѣсти гульденовъ, но я зналъ, что вы сидѣли въ тюрьмѣ за долгъ въ двѣсти гульденовъ.

— Значитъ, всетаки знаете, кто меня выкупилъ?

— О, нѣтъ, не могу сказать, что знаю, кто васъ выкупилъ.

— Странно; нашимъ русскимъ я никому неизвѣстенъ, да русскіе здѣсь, пожалуй, и не выкупятъ; это у насъ тамъ, въ Россіи, православные выкупаютъ православныхъ. А я такъ и думалъ, что какой-нибудь чудакъ англичанинъ, изъ странности.

Мистеръ Астлей слушалъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Онъ, кажется, думалъ найти меня унылымъ и убитымъ.

— Однако-жъ, я очень радуюсь, видя васъ совершенно сохранившимъ всю независимость вашего духа и даже веселость, произнесъ онъ съ довольно непріятнымъ видомъ.

— То есть, внутри себя вы скрипите отъ досады, зачѣмъ я не убитъ и не униженъ, сказалъ я, смѣясь.

Онъ не скоро понялъ, но, понявъ, улыбнулся.

— Мнѣ нравятся ваши замѣчанія. Я узнаю въ этихъ словахъ моего прежняго, умнаго, стараго, восторженнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, циническаго друга; одни русскіе могутъ въ себѣ совмѣщать, въ одно и тоже время, столько противоположностей. Дѣйствительно, человѣкъ любитъ видѣть лучшаго своего друга въ униженіи не-

редъ собою; на униженіи и основывается большею частью дружба: и это старая, извѣстная всѣмъ умнымъ людямъ истина. Но, въ настоящемъ случаѣ, увѣряю васъ, я искренно радъ, что вы не унываете. Скажите, вы не намѣрены бросить игру?

— О, чортъ съ ней! Тотчасъ-же брошу, только-бы...

— Только-бы теперь отыграться? Такъ я и думалъ: не договаривайте—знаю,—вы это сказали нечаянно, слѣдственно сказали правду. Скажите, кромѣ игры вы ничѣмъ не занимаетесь?

— Да, ничѣмъ...

Онъ сталъ меня экзаменовать. Я ничего не зналъ, я почти не заглядывалъ въ газеты, и положительно во все это время не развертывалъ ни одной книги.

— Вы одеревенѣли, замѣтилъ онъ,— вы не только отказались отъ жизни, отъ интересовъ своихъ и общественныхъ, отъ долга гражданина и человѣка, отъ друзей своихъ (а они все-таки у васъ были),—вы не только отказались отъ какой-бы то ни было цѣли кромѣ выигрыша,—вы даже отказались отъ воспоминаній своихъ. Я помню васъ въ горячую и сильную минуту вашей жизни; но я увѣренъ, что вы забыли всѣ лучшія тогдашнія впечатлѣнія ваши; ваши мечты, ваши теперешнія, самыя насущныя желанія не идутъ дальше pair и impair, rouge, noir, двѣнадцать среднихъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, я увѣренъ!

— Довольно, мистеръ Астлей, пожалуйста не напоминайте,—вскричалъ я съ досадой, чуть не со злобой,—знайте, что я ровно ничего не забылъ; но я только на время выгналъ все это изъ головы, даже воспоминанія.—До тѣхъ поръ, покамѣстъ не поправлю радикально мои обстоятельства: тогда... тогда вы увидите, я воскресну изъ мертвыхъ!

— Вы будете здѣсь еще чрезъ десять лѣтъ, сказалъ онъ.— Предлагаю вамъ пари, что я напомню вамъ это, если буду живъ, вотъ на этой-же скамейкѣ.

— Ну, довольно, прервалъ я съ нетерпѣніемъ,—и чтобъ вамъ доказать, что я не такъ-то забывчивъ на прошлое, позвольте узнать: гдѣ теперь мисъ Полина? Если не вы меня выкупили, то ужъ навѣрно она. Съ самаго того времени я не имѣлъ о ней никакого извѣстія.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! Я не думаю, чтобы она васъ выкупила. Она теперь въ Швейцаріи и вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о мисъ Полинѣ, сказалъ онъ рѣшительно и даже сердито.

— Это значитъ, что и васъ она ужъ очень поранила! засмѣялся я невольно.

— Мисс Полина — лучшее существо изъ всѣхъ наиболѣе достойныхъ уваженія существъ, но повторяю вамъ, вы сдѣлаете мнѣ великое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о мисс Полинѣ. Вы ея никогда не знали, и ея имя въ устахъ вашихъ я считаю оскорбленіемъ нравственнаго моего чувства.

— Вотъ какъ! Впрочемъ, вы не правы: да о чемъ-же мнѣ и говорить съ вами, кромѣ этого, разсудите? Вѣдь въ этомъ и состоятъ всѣ наши воспоминанія. Не безпокойтесь, впрочемъ, мнѣ не нужно никакихъ внутреннихъ, секретныхъ вашихъ дѣлъ... Я интересуюсь только, такъ сказать, внѣшнимъ положеніемъ мисс Полины, одною только теперешнею наружною обстановкою ея. Это можно сообщить въ двухъ словахъ.

— Извольте, съ тѣмъ, чтобъ этими двумя словами было все покончено. Мисс Полина была долго больна; она и теперь больна; нѣкоторое время она жила съ моими матерью и сестрой, въ сѣверной Англіи. Полгода назадъ ея бабка,—помните, та самая сумасшедшая женщина, померла и оставила, лично ей, семь тысячъ фунтовъ состоянія. Теперь мисс Полина путешествуетъ вмѣстѣ съ семействомъ моей сестры, вышедшей замужъ. Маленькій братъ и сестра ея тоже обезпечены завѣщаніемъ бабки и учатся въ Лондонѣ. Генералъ, ея отчимъ, мѣсяцъ назадъ умеръ въ Парижѣ отъ удара. М-lle Blanche обходилась съ нимъ хорошо, но все, что онъ получилъ отъ бабки, успѣла перевести на себя... Вотъ, кажется, и все.

— А Де-Гріе? Не путешествуетъ-ли и онъ тоже въ Швейцаріи?

— Нѣтъ, Де-Гріе не путешествуетъ въ Швейцаріи и я не знаю, гдѣ Де-Гріе: кромѣ того, разъ навсегда, предупреждаю васъ избѣгать подобныхъ намековъ и неблагородныхъ сопоставленій, иначе вы будете непремѣнно имѣть дѣло со мною.

— Какъ! Не смотря на наши прежнія дружескія отношенія?

— Да, не смотря на наши прежнія дружескія отношенія.

— Тысячу разъ прошу извиненія, мистеръ Астлей! Но, позвольте однако-жъ: тутъ нѣтъ ничего общаго и неблагороднаго; я вѣдь ни въ чемъ не виню мисс Полину. Кромѣ того французъ и русская барышня, говоря вообще—это такое сопоставленіе, мистеръ Астлей, которое не намъ съ вами разрѣшить или понять окончательно.

Если вы не будете упоминать имя Де-Гріе вмѣстѣ съ другимъ именемъ, то я попросилъ-бы васъ объяснить мнѣ, что вы подразумѣваете подъ выраженіемъ: французъ и русская барышня?

Что это за сопоставленіе? Почему тутъ именно французъ и непремѣнно русская барышня?

— Видите, вы и заинтересовались. Но это длинная матерія, мистеръ Астлей. Тутъ много надо-бы знать предварительно. Впрочемъ, это вопросъ важный,—какъ ни смѣшно все это съ перваго взгляда. Французъ, мистеръ Астлей, это — законченная, красивая форма. Вы, какъ британецъ, можете съ этимъ быть несогласны: я, какъ русскій, тоже несогласенъ, ну, пожалуй, хоть изъ зависти; но наши барышни могутъ быть другаго мнѣнія. Вы можете находить Расина изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ: даже читать его, навѣрное, не станете. Я тоже нахожу его изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ, съ одной даже точки зрѣнія смѣшнымъ; но онъ прелестенъ, мистеръ Астлей, и, главное,—онъ великій поэтъ, хотимъ или не хотимъ мы этого съ вами. Національная форма француза, то есть парижанина, стала слагаться въ изящную форму, когда еще мы были медвѣдями. Революція наслѣдовала дворянству. Теперь самый пошлѣйшій французишка можетъ имѣть манеры, пріемы, выраженія и даже мысли вполнѣ изящной формы, не участвуя въ этой формѣ ни своею инициативою, ни душою, ни сердцемъ; все это досталось ему по наслѣдству. Сами собою, они могутъ быть пустѣе пустѣйшаго и подлѣе подлѣйшаго. Ну-съ, мистеръ Астлей, сообщу вамъ теперь, что нѣтъ существа въ мірѣ довѣрчивѣе и откровеннѣе доброй, умненькой и не слишкомъ изломанной русской барышни. Де-Гріе, явясь въ какой-нибудь роли, явясь замаскированнымъ, — можетъ завоевать ея сердце съ необыкновенною легкостью; у него есть изящная форма, мистеръ Астлей, и барышня принимаетъ эту форму за его собственную душу, за натуральную форму его души и сердца, а не за одежду, доставшуюся ему по наслѣдству. Къ величайшей вашей непріятности, я долженъ вамъ признаться, что англичане, большею частью,—угловаты и неизящны, а русскіе довольно чутко умѣютъ различать красоту и на нее падки. Но, чтобы различать красоту души и оригинальность личности, для этого нужно несравненно болѣе самостоятельности и свободы, чѣмъ у нашихъ женщинъ, тѣмъ болѣе барышень,—и ужъ во всякомъ случаѣ, больше опыта. Мисъ Полинъ-же,—простите, сказаннаго—не воротишь,—нужно очень, очень долгое время рѣшаться, чтобы предпочесть васъ мерзавцу Де-Гріе. Она васъ и оцѣнитъ, станетъ вашимъ другомъ, откроетъ вамъ все свое сердце; но въ этомъ сердцѣ все-таки будетъ царить ненавистный мерзавецъ, сквернный и мелкій пронентщикъ Де-Гріе. Это даже останется, такъ сказать, изъ одного уи-

рямства и самолюбія, потому что этотъ-же самый Де-Гріе явился ей когда-то въ ореолѣ изящнаго маркиза, разочарованнаго либерала и разорившагося (будто-бы?), помогая ея семейству и легкомысленному генералу. Всѣ эти продѣлки открылись послѣ. Но это ничего, что открылись: все-таки подавайте ей теперь прежняго Де-Гріе,—вотъ чего ей надо! И тѣмъ больше ненавидитъ она теперешняго Де-Гріе, тѣмъ больше тоскуетъ о прежнемъ, хоть прежній и существовалъ только въ ея воображеніи. Вы сахароваръ, мистеръ Астлей?

— Да, я участвую въ компаніи извѣстнаго сахарнаго завода Ловель и Комп.

— Ну, вотъ видите, мистеръ Астлей. Съ одной стороны сахароваръ, а съ другой—Аполлонъ Бельведерскій; все это какъ-то не связывается. А я даже и не сахароваръ: я просто мелкій игрокъ на рулеткѣ, и даже въ лакеяхъ былъ, что навѣрное уже извѣстно миссъ Полинѣ, потому что у ней, кажется, хорошая полиція.

— Вы озлоблены, а потому и говорите весь этотъ вздоръ,— хладнокровно и подумавъ сказалъ мистеръ Астлей. — Кромѣ того, въ вашихъ словахъ нѣтъ оригинальности.

— Согласенъ! Но въ томъ-то и ужасъ, благородный другъ мой, что всѣ эти мои обвиненія, какъ ни устарѣли, какъ ни пошлы, какъ ни водевильны,—а все-таки истинны! Все-таки мы съ вами ничего не добились!

— Это гнусный вздоръ... потому, потому... знайте-же! произнесъ мистеръ Астлей дрожащимъ голосомъ и сверкая глазами,— знайте-же, неблагодарный и недостойный, мелкій и несчастный человѣкъ, что я прибылъ въ Гомбургъ нарочно, по ея порученію, для того, чтобы увидѣть васъ, говорить съ вами долго и сердечно, и передать ей все, — ваши чувства, мысли, надежды и.. воспоминанія!

— Неужели! Неужели? вскричалъ я, и слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ. Я не могъ сдержать ихъ, и это, кажется, было въ первый разъ въ моей жизни.

— Да, несчастный человѣкъ, она любила васъ, и я могу вамъ это открыть, потому что вы — погибшій человѣкъ! Мало того, если я даже скажу вамъ, что она до сихъ поръ васъ любитъ, то — вѣдь вы все равно здѣсь останетесь! Да, вы погубили себя. Вы имѣли нѣкоторыя способности, живой характеръ и были человѣкъ не дурной: вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое такъ нуждается въ людяхъ, но — вы останетесь здѣсь, и ваша жизнь кончена. Я васъ не виню. На мой взглядъ всѣ русскіе таковы, или склонны быть таковыми. Если не рулетка, такъ

другое, подобное ей. Исключенія слишкомъ рѣдки. Не первый вы не понимаете, что̀ такое трудъ (я не о народѣ вашемъ говорю). Рулетка — это игра по преимуществу русская. До сихъ поръ вы были честны и скорѣе захотѣли пойти въ лакеи, чѣмъ воровать... Но мнѣ страшно подумать, что̀ можетъ быть въ будущемъ. Довольно, прощайте! Вы, конечно, нуждаетесь въ деньгахъ? Вотъ отъ меня вамъ десять луидоровъ, больше не дамъ, потому что вы ихъ, все равно, проиграете. Берите и прощайте! Берите-же!

— Нѣтъ, мистеръ Астлей, послѣ всего теперь сказаннаго...

— Бе-ри-те! вскричалъ онъ. — Я убѣжденъ, что вы еще благородны и даю вамъ, какъ можетъ дать другъ истинному другу. Если-бъ я могъ быть увѣренъ, что вы сейчасъ-же бросите игру, Гомбургъ и поѣдете въ ваше отечество,—я-бы готовъ былъ немедленно дать вамъ тысячу фунтовъ для начала новой карьеры. Но я потому именно не даю тысячи фунтовъ, а даю только десять луидоровъ, что тысяча-ли фунтовъ, или десять луидоровъ— въ настоящее время для васъ совершенно одно и тоже; все одно— проиграете. Берите и прощайте.

— Возьму, если вы позволите себя обнять на прощанье.

— О, это съ удовольствіемъ!

Мы обнялись искренно, и мистеръ Астлей ушелъ.

Нѣтъ, онъ не правъ! Если я былъ рѣзокъ и глупъ на счетъ Полины и Де-Гріе, то онъ рѣзокъ и скоръ на счетъ русскихъ. Про себя я ничего не говорю. Впрочемъ... впрочемъ, все это покамѣстъ не то: все это слова, слова и слова, а надо дѣла! Тутъ теперь главное Швейцарія! Завтра-же, — о, если-бъ можно было завтра-же и отправиться! Вновь возродиться, воскреснуть. Надо имъ доказать... Пусть знаетъ Полина, что я еще могу быть человѣкомъ. Стоитъ только... Теперь ужъ, впрочемъ, поздно, — но завтра... О, у меня предчувствіе, и это не можетъ быть иначе! У меня теперь пятнадцать луидоровъ, а я начиналъ и съ пятнадцатью гульденами! Если начать осторожно...—и неужели, неужели ужъ я такой малый ребенокъ! Неужели я не понимаю, что я самъ погибшій человѣкъ. Но — почему-жъ я не могу воскреснуть. Да! Стоитъ только хоть разъ въ жизни быть разсчетливымъ и терпѣливымъ и — вотъ и все! Стоитъ только хоть разъ выдержать характеръ, и я въ одинъ часъ могу всю судьбу измѣнить! Главное — характеръ. Вспомнить только, что̀ было со мною въ этомъ родѣ семь мѣсяцевъ назадъ въ Рулетенбургѣ, предъ окончательнымъ моимъ проигрышемъ. О, это былъ замѣчательный случай рѣшимости: я проигралъ тогда все, все... Выхожу изъ вокзала,

смотрю, — въ жилетномъ карманѣ шевелится у меня еще одинъ гульденъ: «А, стало быть, будетъ на что̀ пообѣдать!» подумалъ я, но, пройдя шаговъ сто, я передумалъ и воротился. Я поставилъ этотъ гульденъ на manque (тотъ разъ было на manque), и, право, есть что-то особенное въ ощущеніи, когда одинъ, на чужой сторонѣ, далеко отъ родины, отъ друзей и не зная, что̀ сегодня будешь ѣсть, ставишь послѣдній гульденъ, самый, самый послѣдній! Я выигралъ и чрезъ двадцать минутъ вышелъ изъ вокзала, имѣя сто семьдесятъ гульденовъ въ карманѣ. Это фактъ-съ! Вотъ что̀ можетъ иногда значить послѣдній гульденъ! А что̀, если-бъ я тогда упалъ духомъ, если-бъ я не посмѣлъ рѣшиться?..

Завтра, завтра все кончится!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Оглавленіе.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

СТРАН.

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ. Изъ записокъ неизвѣстнаго.

Часть первая.

Глава I. Вступленіе 5
„ II. Господинъ Бахчеевъ 22
„ III. Дядя. 35
„ IV. За чаемъ. 48
„ V. Ежевикинъ. 57
„ VI. Про бѣлаго быка и про комариискаго мужика. 69
„ VII. Ѳома Ѳомичъ 75
„ VIII. Объясненіе въ любви. 88
„ IX. Ваше превосходительство. 94
„ X. Мизинчиковъ 106
„ XI. Крайнее недоумѣніе 119
„ XII. Катастрофа 130

Часть вторая и послѣдняя:

Глава I. Погоня 136
„ II. Новости 149
„ III. Илюша имяшинникъ 152
„ IV. Изгнаніе. 160
„ V. Ѳома Ѳомичъ созидаетъ всеобщее счастье. 170
„ VI. Заключеніе. 185

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ. Разсказъ. 199

ЗИМНІЯ ЗАМѢТКИ О ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ 249

Глава I. Вмѣсто предисловія 251
„ II. Въ вагонѣ 255
„ III. и совершенно лишняя. 259
„ IV. и не лишняя для путешественниковъ 272
„ V. Ваалъ 276
„ VI. Опытъ о буржуа 284
„ VII. Продолженіе предъидущаго 293
„ VIII. Брибри и мабишь. 302

СТРАН.

ЗАПИСКИ ИЗЪ ПОДПОЛЬЯ. Повѣсть. 313
Глава I. Подполье. 315
„ II. По поводу мокраго снѣга. 345
КРОКОДИЛЪ. Необыкновенное событіе или пассажъ въ Пассажѣ. Повѣсть. 413
ИГРОКЪ. Романъ (изъ записокъ молодаго человѣка). 447

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Біографическій очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ, составленный *Д. С. Мережковскимъ.*—Повѣсти и разсказы.—Приложенія (12—15), заключающія въ себѣ портреты, автографы, виды мѣстностей, зданій и пр., съ которыми соединены воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ, и пр.,—приложенія, никогда не появлявшіяся въ продажѣ.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».

ПЯТЫИ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».—«Вѣчный Мужъ». Разсказъ.

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Идіотъ».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Бѣсы».—Матеріалы къ ром. «Бѣсы» (изъ «Записныхъ книжекъ» Ѳ. М. Достоевскаго), доселѣ нигдѣ не напечатанные.

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1873 г. — Критическія статьи.—Политическія статьи.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ I.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ II.

Цѣна за всѣ **четырнадцать** томовъ — **двадцать пять рублей**, съ пересылкою **30** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ **восемь** томовъ: третій, четвертый, пятый, шестой, седьмой, одинадцатый, тринадцатый и четырнадцатый.

По выходѣ всѣхъ томовъ цѣна будетъ **увеличена.** Все изданіе будетъ окончено въ теченіи года.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. 11, кв. 5.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ **пять** руб., и по **два** рубля ежемѣсячно до выплаты всей суммы.

Гг. иногородные, выписывающіе непосредственно отъ издательницы, пользуются **безплатною** пересылкою.

37. 8. 3. 1/3